

LITTERA SCRIPTA
MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

WEB OF SCIENCE™

EBSCO Discovery Service

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог
Том 13, выпуск 1, 2024

NAUCHNYI DIALOG
Volume 13, Issue 1, 2024

Научный диалог

Том 13, выпуск 1, 2024

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory UlrichsWeb • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	snior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки	
	Литературоведение	
	Языкознание	
География авторов выпуска	Анталия (Турция)	Петрозаводск
	Арзамас	Псков
	Екатеринбург	Пятигорск
	Киров	Санкт-Петербург
	Косовска-Митровица (Республика Сербия)	Сараево (Босния и Герцеговина)
	Краснодар	София (Болгария)
	Москва	Сургут
	Нижний Новгород	Тамбов
	Новосибирск	Тюмень
	Пенза	Хабаровск
		Ханчжоу (Китай)
Авторы, имеющие ученую степень	92 %	

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 13, Issue 1, 2024

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel’nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed
© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2024	

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**Языкознание. Медиакommunikации. Журналистика**

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)

Андреана Борисова Ефимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Казев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogy), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Викулова Л. Г., Короленко О. И., Ткаченко Ю. Г.</i> Жанр Discours de réception : речь Маргерит Юрсенар при избрании во Французскую академию и гендерный поворот	9
<i>Келер А. И.</i> Категория адресанта в новоапостольской молитве : категориально- текстовой и аксиологический аспекты	26
<i>Павлович-Шайтинац М., Тяпков И. С.</i> Лингвокультурологические элементы в тексте романа «Накануне» и анализ их эквивалентов при переводе на сербский язык	45
<i>Пряников А. В.</i> Бисубстантивные предложения с семантикой внешней характеристики и состояния предмета в русском языке	63
<i>Сигал К. Я.</i> Устойчивые сравнения, пунктуация и узус	82
<i>Шубина Э. Л., Аверина А. В.</i> Предлог à la в публицистическом дискурсе немецкого языка	100

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Бочкарев А. И.</i> Комическая объективация концепта UGLINESS : аксиологический подход	125
<i>Гукосьянц О. Ю.</i> Предупреждение конфликта в сети Интернет в ситуации распространения коронавирусной инфекции (результаты опроса респондентов)	141
<i>Никонова Е. А.</i> Типы аргументации в «editorial»	159
<i>Петкова Д.</i> Слухи и теории заговора в болгарских социальных медиа в период пандемии COVID-19	177

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Александрова-Осокина О. Н.</i> Фронтирное пространство Кяхты и Приамурья в очерках Д. И. Стахеева «За Байкалом и на Амуре» (1869)	205
<i>Богданова О. В., Баранова Т. Н.</i> Бог-домовой в стихотворении Иосифа Бродского «В деревне Бог живет не по углам...»	225
<i>Жэнь Шуби, Ван Юн.</i> 40 лет исследований Бориса Пастернака в Китае	238
<i>Сердечная В. В., Жаткин Д. Н.</i> Проблемы русской театральной рецепции Шекспира в критике Ю. И. Айхенвальда	256

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Головушкин Д. А.</i> Русский реформационный процесс начала XX века сквозь призму идейных исканий о. Михаила (Семенова)	275

Давыдов А. Ю. Сплошная коллективизации в СССР : практика и идеология, некоторые аспекты воздействия на сельский социум	297
Демичева Т. М. Британский колонизатор на страницах газеты «Le Petit Journal»	316
Емельянова Е. Н. Отражение политической борьбы в Италии в документах Коммунистического интернационала (1919—1923).....	332
Ермолович Д. Н. Влияние внешних факторов на ход революции 25 апреля 1974 года в Португалии	354
Иванов А. А. Общественная дискуссия в России по вопросам иностранных закупок автомобилей и импортозамещения в годы Первой мировой войны	374
Калинина Е. А., Умнов В. П. Гимнастика в контексте спортивной политики СССР в 1918—1941 годах	397
Канищев В. В., Плужников А. Н. Досуговые и праздничные мероприятия в русской армии на фронтах Первой мировой войны	415
Мостовенко М. С. Проект Омской ГЭС в экономической истории региона 1930—1980-х годов.....	431
Озтюрк М., Кокорина Ю. Г., Вагабов М. М. Сталинградская битва в зеркале региональной британской прессы (на материале газеты «Western Post», 1942—1943).....	448
Половникова М. Ю., Немчианова Е. Н. Паломничество к святым местам в истории Вятской губернии (вторая половина XIX — начало XX веков)	466
Посадсков А. Л. Политическая деятельность генерал-майора П. Ф. Рябикова в Японии и Китае в 1920—1922 годах	485
Сорокин А. А. Система городских выборов в России в конце XIX века : критика в провинциальной периодической печати	507
АВТОРАМ.....	526
CONTENTS.....	532

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Александр Викторович Пряников, канд. филол. наук (Арзамас)
Анна Викторовна Аверина, д-р филол. наук (Москва)
Анна Ивановна Келер, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Илья Сергеевич Тяпков, канд. филол. наук (Сараево, Босния и Герцеговина)
Кирилл Яковлевич Сигал, д-р филол. наук (Москва)
Лариса Георгиевна Викулова, д-р филол. наук (Москва)
Майя Павлович-Шайтинац, канд. филол. наук (Косовска-Митровица, Республика
Сербия)
Ольга Игоревна Короленко, канд. филол. наук (Москва)
Эльвира Леонидовна Шубина, д-р филол. наук (Москва)
Юлия Геннадьевна Ткаченко, канд. филол. наук (Москва)

Информация для цитирования:

Викулова Л. Г. Жанр Discours de réception : речь Маргерит Юрсенар при избрании во Французскую академию и гендерный поворот / Л. Г. Викулова, О. И. Короленко, Ю. Г. Ткаченко // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 9—25. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-9-25.

Vikulova, L. G., Korolenko, O. I., Tkachenko, Yu. G. (2024). Genre of Discours de réception: Marguerite Yourcenar's Speech upon her Election to French Academy and Gender Turn. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 9-25. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-9-25. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-9-25

Жанр Discours de réception: речь Маргерит Юрсенар при избрании во Французскую академию и гендерный поворот

Викулова Лариса Георгиевна
orcid.org/0000-0003-1176-1668

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры романских языков
и лингводидактики
VikulovaLG@mgpu.ru

Короленко Ольга Игоревна
orcid.org/0000-0001-7388-8133

кандидат филологических наук,
доцент кафедры романских языков
и лингводидактики,

* *корреспондирующий автор*
KorolenkoOI@mgpu.ru

Ткаченко Юлия Геннадьевна
orcid.org/0000-0002-5369-9594

кандидат филологических наук,
доцент кафедры романских языков
и лингводидактики
Tkachenko-816@mgpu.ru

Московский городской
педагогический университет
(Москва, Россия)

Genre of Discours de réception: Marguerite Yourcenar's Speech upon her Election to French Academy and Gender Turn

Larisa G. Vikulova

orcid.org/0000-0003-1176-1668

Doctor of Philology, Professor,
Department of Romance Languages
and Linguodidactics
VikulovaLG@mgpu.ru

Olga I. Korolenko

orcid.org/0000-0001-7388-8133

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Romance Languages
and Linguodidactics,
* *Corresponding author*
KorolenkoOI@mgpu.ru

Yulia G. Tkachenko

orcid.org/0000-0002-5369-9594

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Romance Languages
and Linguodidactics
Tkachenko-816@mgpu.ru

Moscow City University
(Moscow, Russia)

© Викулова Л. Г., Короленко О. И., Ткаченко Ю. Г., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализирована торжественная вступительная речь (*discours de réception*), произнесенная в 1981 году первой женщиной-писателем Маргерит Юрсенар, избранной членом Французской академии. Такое выступление с XVII века обязательно для вновь избираемых академиков. Данный жанр является своеобразным коммуникативным продуктом академической речевой практики. Отмечается, что памятная речь в честь ушедшего из жизни академика предполагает использование оценочной стратегии похвалы. Согласно требованиям жанра Маргерит Юрсенар обращается в своей речи к концептуальному пространству «ценность литературного наследия» Роже Кайуа, чье «академическое кресло» ей как новому академику предстояло занять. В его творчестве она выделила авторские концептуальные метафоры (в частности, «жизнь — игра»: *vie — jeu*), совместимые с ее ценностными представлениями, подтвердила это совпадение примерами из своих книг или жизненного опыта. Выделены авторские концептуальные доминанты-оппозиции: мужчины — женщины (*hommes / femmes*); дружба — ненависть (*amitié / haine*); жизнь — смерть (*vie / mort*). Вновь избранный академик видит Французскую академию как научное учреждение, имеющее равно как достоинства (*Académie* (Академия) — *science* (наука), *littérature* (литература), *connaissance* (знание)), так и недостатки (*Académie* (Академия) — *préjugés* (предвззудки), *archaïsme* (пережиток прошлого)), что отражает личностную позицию, а также гендерную и социальную идентичность Маргерит Юрсенар.

Ключевые слова:

торжественная вступительная речь; Французская академия; Маргерит Юрсенар.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the inaugural speech (*discours de réception*) delivered in 1981 by Marguerite Yourcenar, the first female writer elected as a member of the French Academy. Since the 17th century, such speeches have been mandatory for newly elected academicians, serving as a communicative product of academic speech practice. The study notes that commemorative speeches in honor of deceased members of the academy typically involve the use of praise as an evaluative strategy. Following the genre's requirements, Marguerite Yourcenar addresses the conceptual space of "the value of literary heritage" of Roger Caillois, whose "academic chair" she was about to occupy as a new academician. In his work, she identifies authorial conceptual metaphors (such as "life is a game": *vie — jeu*) that align with her own value system, confirming this alignment with examples from her own books or life experience. The article highlights authorial conceptual oppositions, including men — women (*hommes / femmes*), friendship — hatred (*amitié / haine*), and life — death (*vie / mort*). As a newly elected academician, Marguerite Yourcenar perceives the French Academy as a scientific institution with both merits (*Académie* — *science*, *littérature*, *connaissance*) and shortcomings (*Académie* — *préjugés*, *archaïsme*), reflecting her personal position as well as her gender and social identity.

Key words:

inaugural speech; French Academy; Marguerite Yourcenar.

Жанр Discours de réception: речь Маргерит Юрсенар при избрании во Французскую академию и гендерный поворот

© Викулова Л. Г., Короленко О. И., Ткаченко Ю. Г., 2024

1. Введение = Introduction

Анализ научной литературы, посвященной речевым жанрам, позволяет сделать вывод о том, что жанр представляет типичную модель коммуникации, обладающую такими параметрами, как ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, стратегия и тактика коммуникативного поведения [Дементьев, 2000, с. 153]. Речевое общение в научной среде осуществляется посредством определенных жанров, регулирующих конвенциональные способы общения в конкретных коммуникативных ситуациях.

Согласно субъектному подходу к изучению дискурса выделяется *статусно-обусловленное общение*, носящее функциональный характер и актуализируемое в рамках институционального дискурса [Карасик, 2016, с. 62]. Следовательно, *институциональный дискурс*, в том числе в академической практике, структурируется целями и задачами конкретного социального института, удовлетворяющего определенные социальные нужды.

Важным представляется мнение В. Е. Чернявской, что коммуникация в академической среде обусловлена не только сильной стратификацией научного сообщества, но и тем, что «общество оценивает статус ученого, меру его вклада и, следовательно, ценность и значимость» [Чернявская, 2011, с. 70]. Важной видится проблема идентичности ученого, писателя, а также социума и нации, которая рассматривается в лингвистике как одно из актуальных направлений исследований. При этом интерес ученых вызывает феномен идентичности в пространстве культуры и языка [Диалог культур..., 2017; Чупрына, 2020; Взаимодействие языков..., 2021].

Рассмотрение в общности связей концептуальной картины мира автора, его языковой практики и социокультурного контекста порождения авторского текста указывает на актуальность исследования, теоретической основой которого стали научные труды Е. С. Кубряковой, В. Е. Чернявской, О. Г. Дубровской и др. Как отмечает Л. Н. Синельникова, автор в таком

случае выступает как дискурсивная личность, суть которой — собственный жизненный опыт, испытывающий постоянное воздействие и изменяющийся в ходе социальных взаимодействий [Синельникова, 2011, с. 462]. Дискурсивная личность переосмысливает фокусный социокультурный контекст, внося свой вклад в его развитие как пространства текстов, реализуемых в ситуациях общения [Карасик, 2016].

В настоящей работе исследуется особый жанр речевой практики, принятый во Французской академии с XVII века, — торжественная вступительная речь (*discours de réception*) как публичная эпидейктическая речь, которую по традиции произносит вновь избранный академик. Именно в этот период развития национального языка оформляются и закрепляются в речевой практике различные литературные жанры [Викулова и др., 2021, с. 54].

Торжественная вступительная речь кандидата традиционно предполагает вступление, хвалебные слова в адрес основателя Академии кардинала Ришелье и ушедшего из жизни ученого, чье кресло освободилось для другого потенциального академика, и заключение. При этом оратор должен продемонстрировать аудитории доброжелательность, благочестие, а также солидарность с продвигаемыми Академией ценностями, что, по словам М. Кулеши, должно подтверждать связь славного культурного прошлого с настоящим в их развитии [Kulesza, 2019].

Новизна исследования заключается в том, что торжественная вступительная речь писателя Маргерит Юрсенар анализируется с учетом «гендерного поворота», произошедшего в XX веке в истории Французской академии, изначально проводившей мизогинную политику. При этом языковая личность автора рассматривается в её дискурсивной динамической практике, обуславливающей когнитивно-дискурсивное пространство текста.

Вступая в диалог с членами Французской академии как социальной группой и научным институтом, Маргерит Юрсенар становится участницей институционального дискурса, что требует от нее соблюдения установленных норм и ритуалов коммуникации, так же как и внимания к статусным ролям академиков. Институциональный дискурс подразумевает обращение к профессиональным маркерам, которыми в контексте ситуации являются литературное творчество, автор, женщина-писатель.

В 1980 году в академической истории Франции произошло нарушение канона академической практики, когда обладательница многочисленных почетных литературных премий Маргерит Юрсенар, в возрасте 78 лет, становится первой женщиной, принятой в ряды «бессмертных» членов Французской академии, несмотря на активное противодействие многих из

них во главе с авторитетным философом К. Леви-Строссом [Jean d'Ormesson..., 2010].

Пожизненный секретарь Академии Элен Каррер д'Анкокс (1999—2023) отмечала, что этому избранию предшествовала баталия по поводу избрания женщины в Академию, что напоминало яростный Спор Древних и Новых XVIII века о феномене классики и современности: «La bataille qui s'engagea autour, non de cette candidature, mais du principe même d'une élection féminine fût l'une des plus mémorables de l'histoire académique, ne le cédant guère à la querelle des Anciens et des Modernes qui avait divisé la Compagnie au XVIII siècle» [Carrère d'Encausse, 2012] (Битва, развернувшаяся даже не по причине этой кандидатуры, а из-за самого принципа избрания женщины, была одной из самых знаменательных в академической истории, едва ли уступая вражде Древних и Новых, которая разделила Академию в XVIII веке) (здесь и далее перевод наш. — Л. В., О. К., Ю. Т.).

Избрание женщины в ряды Французской академии приобретает социальную значимость, обусловленную всей политической ситуацией, сложившейся, в частности, в период президентства В. Жискара д'Эстена (1974—1981), известного своими либеральными реформами, учреждением Государственного секретариата по положению женщин с целью ликвидации дискриминации и содействия равноправию в обществе. Выдвижение женщины в фокус внимания послужило сигналом необходимости смены императива в академическом сообществе.

Внимание общественности конца 70-х — начала 80-х годов сосредоточилось на деятельности академического сообщества, рисковавшего быть открыто обвиненным в женоненавистничестве при отклонении кандидатуры М. Юрсенар или быть признанным прогрессивным научным учреждением при соответствующем одобрении. Французская академия принимает положительное решение, в отношении которого женщина-писатель намеренно проявляет равнодушие, а также выказывает пренебрежение официальным ритуалам Академии (самовыдвижение, ношение униформы и шпаги, проживание во Франции, присутствие на приемах и заседаниях), ставя их необходимость под сомнение.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования является текст торжественной вступительной речи (discours de réception), произнесенной Маргерит Юрсенар 22 января 1981 года при избрании во Французскую академию. Более 75 % текста речи посвящено, согласно принятому канону, литературному наследию академика-предшественника — французскому писателю, философу и социологу Роже Кайуа [Yourcenar, 1981]. Отметим, что исследуемый

жанр традиционно представляет собой памятную речь в честь ушедшего из жизни академика и предполагает использование оценочной стратегии похвалы.

Настоящая разновидность текста рассматривается как дискурсивное жанровое явление, содержащее в себе новое знание о действительности, создаваемое автором через призму личностных установок, оценку события и актуализируемое определенными языковыми средствами. Оратор как центральная фигура коммуникации выступает одним из неперменных создателей и участников институционального дискурса в условиях его социальной значимости для общества.

Социокультурным контекстом порождения текста торжественной вступительной речи Маргерит Юрсенар выступает проблема объективации феминной идентичности в рамках Французской академии с момента её основания в 1635 году и до 1980 года в условиях маргинальности женщины в интеллектуальной культуре Франции того времени. На протяжении трех веков женщин не принимали во Французскую академию по политическим и религиозным причинам [Стогова, 2008]. Об этом красноречиво говорят следующие цифры: с 1635 года по настоящее время в Академию было избрано 729 мужчин и только 11 женщин после 1981 года. Отметим, что кандидатура М. Склодовской-Кюри, удостоенной Нобелевской премии по физике, была отклонена Французской академией в 1910 году с целью «сохранения традиций». Однако в конце XX века вышеуказанный аргумент рассматривался французским обществом как пережиток прошлого, несовместимый с признанием равенства полов как социальной и политической нормы во Франции [Naudier, 2004, с. 47].

Целью работы является изучение торжественной вступительной речи Маргерит Юрсенар с позиций дискурсивного анализа и с опорой на концепцию О. Г. Дубровской, заключающуюся в том, что субъект самостоятельно определяет социокультурную специфику дискурса через проецирование на него своей концептуальной картины мира, сформированной в процессе взаимодействия с социокультурной средой и находящей выражение в языковых средствах [Дубровская, 2014].

В ходе исследования использовались описательный, контекстуальный метод, метод дискурсивного анализа, семантико-стилистический анализ.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Когнитивно-дискурсивное пространство вводной части торжественной вступительной речи

В первой части торжественной вступительной речи Маргерит Юрсенар представлено традиционное выражение благодарности академическо-

му сообществу за оказанную честь быть избранной в ряды Французской академии.

Речь начинается с одиночного, возможно, ироничного обращения *Messieurs* (Господа) (среди членов Академии не было дам), посредством которого М. Юрсенар проводит границу между собой (*je* — я) и аудиторией (*vous* (вы), *votre Compagnie* (ваше Сообщество), *attirer l'attention d'une Compagnie comme la vôtre* (обратить внимание такого Сообщества, как ваше)), имплицитно апеллируя к политическому контексту, сопровождавшему процедуру её избрания, и ведущей теме своих произведений — проблеме идентичности, поиска места в жизни и предназначения. Оппозиция «я — вы» эксплуатируется во французском культурном пространстве на протяжении всей истории, становится основой сюжетов литературных произведений.

Messieurs (Господа) — это авторитетная целевая аудитория, с которой оратору предстоит выстроить диалог, но которой М. Юрсенар отводит роль пассивных слушателей, впервые внимающих в стенах Академии голосу женщины, принявшей решение сохранить свою прежнюю независимую позицию. Отметим, что оратор определяет по отношению к себе две разнополюсные группы так, чтобы обособить большинство от тех, кто действительно является в этой среде её друзьями (*amis qui, dans votre Compagnie, ont tenu à m'élire* (друзья, находящиеся в вашем Сообществе, которые всеми силами помогали моему избранию)). Она им искренне благодарна за бескорыстную поддержку (*à quel point je suis sensible aux admirables dons de l'amitié* (насколько я тронута дивными дарами дружбы)), способствовавшую её избранию, выходящему за традиционные рамки ведения кампании по самовыдвижению (*sans que j'en eusse fait, comme l'usage m'y eût obligée, la demande* (что я даже не оформляла, как того требовала традиция, соответствующего обращения)). Однако слова благодарности, адресованные всему собранию, звучат формально, как дань традиции (*comme il convient* (как надлежит)), которую воплощает в себе Французская академия на протяжении веков.

Осознавая исключительность своего положения (*honneur sans précédent* (беспрецедентная честь)), М. Юрсенар, не колеблясь, напоминает присутствующим, что такая честь рассматривается ею как неожиданная и даже случайная (*mais quasi fortuit et de ma part quasi involontaire qui m'est fait* (честь, принимаемая мною почти вынужденно)). Таким образом, «институциональная благодарность» как признательность за избрание в Академию, «коммуникативный поступок, состоящий в выражении чувства удовлетворения по поводу полученного блага» [Карасик, 2011, с. 252], приобретает ироничный оттенок.

Французская академия метафорически переосмысливается М. Юрсенар как красивое и монументальное строение (*un bel édifice debout depuis quelques siècles* (прекрасное старинное здание), «порог» которого писательница готовится формально переступить (*franchir un seuil* (переступить порог)). Употребление слова *seuil* (порог) в прямом и переносном значении является частотным в её произведениях, символизируя границу между *moi et l'autre* (я и другой) через пространственную метафору [Prévot, 2010, с. 446]. Метафора одного камня (*l'inquiétude qu'on ressent toujours en ne changeant qu'une seule pierre à un bel édifice debout depuis quelques siècles* (замена всего одного камня в многовековой конструкции вызывает беспокойство), который может изменить образ старинного здания, переосмысливает появление женщины во Французской академии, чьи традиции могли бы в целом интерпретироваться как архаика, консерватизм, противостояние прогрессу. М. Юрсенар одновременно задается вопросом о том, кто она, отвечая, что её «я» обретает форму в пространстве и времени через написанные тексты (*Ce moi incertain et flottant, cette entité dont j'ai contesté moi-même l'existence, et que je ne sens vraiment délimité que par les quelques ouvrages qu'il m'est arrivé d'écrire* (Это неопределенное и колеблющееся я, эта сущность, существование которой я сама оспаривала и которую я действительно чувствую обретающей форму лишь через те немногие произведения, которые мне довелось написать))).

В речи не осталось без внимания то обстоятельство, что многие женщины-литераторы исключительного таланта могли бы быть раньше на её месте, но незаслуженно остались в тени. Охватывая с внешней точки зрения временное пространство она обращается в своем выступлении к творчеству своих предшественниц (Госпожи де Сталь, Жорж Санд, Колетт), для которых литература стала призванием и профессией, но творчество которых не было замечено Французской академией по гендерным причинам.

3.2. Когнитивно-дискурсивное пространство основной части торжественной вступительной речи

Во второй части вступительной речи согласно академическим канонам Маргерит Юрсенар обращается к литературному наследию французского писателя, эссеиста, философа и социолога Роже Кайуа, своего предшественника в рядах Академии, используя жанр элоги, предполагающей преодоление сиюминутного контекста и вневременное высвечивание высоких смыслов человеческих деяний на общее благо [Герасимова, 2022, с. 29—30]. Элога как мемориальная речь является устойчивым литературным жанром, акцентирующим мировоззренческий смысл жизни и смерти, задающим масштаб подлинных ценностей, которые исповедовал ушедший из жизни писатель [Викулова и др., 2020, с. 73—81]. Оратор следует ака-

демической практике, установленной еще Ж. Л. Д'Аламбером, когда элога зачитывалась на официальных заседаниях Академии в XVIII веке, став своеобразным моральным наставлением потомкам.

Элога априори является оценочно-эмоциональным текстом, эксплицитно воздействующим на получателя, позволяющим Маргерит Юрсенар создать положительный образ писателя, дать высокую оценку его личностным качествам и литературному таланту. Такая честь характеризуется ею в превосходной степени как *le plus haut parmi ses privilèges* (самая высокая из всех предоставленных привилегий), а Роже Кайуа через метонимический перенос — как *un grand esprit* (великий ум), *un esprit doué* (незаурядный ум), *d'une si parfaite rigueur* (строго принципиальный), что имплицитно объективирует ценности Академии: разум, твердость.

Учитывая коммуникативную ситуацию в целом, М. Юрсенар нацелена на положительный эмоциональный отклик аудитории [Шаповалова и др., 2015, с. 74]. Так, ею выстраивается уже иной диалог, основанный на взаимопонимании и единении перед фактом неоспоримости художественного таланта и высокой интеллектуальности предшественника. Идентифицируя себя посредством личного местоимения «мы» (*nous*) с теми, кто находится в зале Академии (многократный повтор вокатива *Messieurs* (Господа)), с теми, кто способен на равных оценить личность Р. Кайуа, оратор демонстрирует свое согласие принять участие в ритуале восхваления ушедшего из жизни академика. Риторические вопросы, не подразумевающие ответ, связывают слушателей в их единодушии (*Quoi de plus beau, <...> que d'axer la cérémonie d'une réception académique sur la mémoire du prédécesseur disparu?* (Что может быть прекраснее <...>, чем посвящение церемонии академического приема памяти ушедшего из жизни предшественника?)).

Торжественная вступительная речь является результатом глубоких размышлений и переживаний М. Юрсенар, нового прочтения произведений Р. Кайуа, с доминантными смыслами которых происходит синхронизация её ценностной парадигмы. Восхваление другого требует его принятия, солидарности с ним и личного участия со стороны восхваляющего. Соединяющей Юрсенар и Кайуа духовной и материальной скрепой стала поддержка со стороны последнего молодой Маргерит в возможности публикации её литературных работ (*il a accepté son œuvre* (он одобрил её труд), *l'a accueillie* (её принял), *une grace accordée* (выразил милость), *un service rendu* (оказал услугу)), в которых Р. Кайуа смог в свое время, вероятно, почувствовать отголоски волнующих его экзистенциальных вопросов. В период Второй мировой войны Роже Кайуа участвовал в издании в Буэнос-Айресе журнала *Les Lettres Françaises* как рупора свободной Франции, сотрудничая с писателями, которые покинули оккупированную страну. За

этот поступок Маргерит Юрсенар публично выражает ему свою благодарность (*Cher Caillois, je saisis cette occasion de vous en remercier en public, une très vieille dette de reconnaissance* (Дорогой Кайуа, я пользуюсь этой возможностью, чтобы Вас публично поблагодарить, возратить давний долг признательности)).

Давая хвалебную характеристику своему предшественнику (*L'érudit, l'homme de science* (эрудит, ученый)), оратор отмечает создание им журнала «Диоген», органа Международного совета по философии и гуманитарным наукам, что характеризует его в тот период как гуманиста (*position traditionnelle de l'humaniste* (традиционная позиция гуманиста)). Это издание позволило Р. Кайуа разработать теорию «диагональных» наук (исследования «пограничных» проблем, объединяющих смежные дисциплины) [Кайуа, 2006].

М. Юрсенар доносит до аудитории свое восприятие и понимание творчества Кайуа через представленные в его произведениях символы, интерпретируемые в корреляции с её собственной аксиологической картиной мира. Неоспоримой является очарованность темами мифа (*mythe*), ритуала (*rite*), игры (*jeu*) и камня (*pierre*), выделенными в качестве направляющих ориентиров-концептов, определивших, по мнению М. Юрсенар, его творчество.

Символизм камня в творчестве Кайуа — это вечность природы и человека как её составляющей. Оратор называет Роже Кайуа влюбленным в камни, тем, кто обладает даром их любить (*l'amant des pierres, le don d'aimer les pierres* (влюбленный в камни, дар любить камни)). Именно мир камней (*ce peuple des pierres* (каменный народ)), как считает М. Юрсенар, помог ему приблизиться к мистике материи как к божественному проявлению. При этом размышления о бытии заставляют его пересмотреть свое видение мира: забвение, смерть (*l'oubli*) концептуализируются через метонимию *couches quasi géologiques du temps* (почти геологические слои времени), где время — это *particules de sable qui coule* (утекающий песок), которые нас «покрывают» в переносном смысле как время (старение организма) и, буквально, как земля (смерть). Интересно, что лексема *quasi* (как будто, почти) повторяется в тексте речи десять раз: *quasi fortuit* (почти случайный), *quasi involontaire* (почти вынужденный), *une quasi-conscience* (как сознание). Данное наречие указывается в словаре Larousse [Quasi] как *littéraire*, синонимичное *presque, à peu près*. Такой лексический повтор можно объяснить желанием М. Юрсенар приблизиться к пониманию феномена, очертить его контуры, не будучи уверенной в точности его описания.

Слова Р. Кайуа о том, что человек не может противопоставить себя Природе, находящейся повсюду, откликаются в душе М. Юрсенар, которая посвятила себя защите растений и животных (*elle a commencé à fréquenter*

des bois, des eaux, des bêtes (она стала ближе к животным, лесу, воде). Оратор отмечает, что прочитанные Р. Кайуа книги помогли ему понять жизнь, воспитав в нем смелость (*audace*), мятежность мышления (*révolte d'esprit*), направляя против ветра к бескрайности «открытого моря» (*la capacité de penser à contre-courant, mais de trouver des courants qui mènent à la mer libre* (способность мыслить не так, как все, выбирать течения, ведущие к открытому морю)). Градация качественных характеристик таких книг от самых лучших до наихудших (*une liste de livres, sublimes, bons, médiocres, ou même mauvais, lus hâtivement* (великолепные, хорошие, посредственные, или даже плохие, прочитанные мимоходом)) подтверждает духовные и интеллектуальные поиски Р. Кайуа. Призвание писателя, по словам М. Юрсенар, состоит в постоянном стремлении к выходу за пределы существующих систем и догм навстречу свободе выбора знаний: *la liberté s'acquiert en choisissant la patrie du savoir; qui ne se situe en aucun lieu et se trouve partout* [Brémond, 2021, p. 49] (свобода обретается через знание, находящееся нигде и повсюду).

В выступлении представлен анализ некоторых ключевых произведений Р. Кайуа, в частности *Les Jeux et les Hommes*, сборника статей по социологии культуры, который оратор оценивает как лучшую книгу творческого периода гуманизма автора (*le plus beau livre de sa période de pur humanisme*). Предметом исследования философа являются не столько сами игры, сколько инстинкты, лежащие в их основе. Отмечается, что Р. Кайуа выделяет четыре человеческих инстинкта, создающих иррациональную основу его индивидуального и социального бытия, и соответствующие каждому из них четыре типа игры (*Agon*, или соревновательность; *Alea*, или азарт; *Mimicry*, или подражательство; *Plinx*, или риск): «Игра, по убеждению философа, призвана дать человеку возможность, с одной стороны, полнее реализовать соответствующий инстинкт, а с другой — оградить от его иррационального и непредсказуемого влияния социальный порядок» [Аликин, 2016, с. 21]. Жизнь — это и есть игра, правила которой человеку не дано понять, временное состояние нахождения человека в настоящем, где он решает свои насущные проблемы.

М. Юрсенар использует цитирование из произведений Роже Кайуа для того, чтобы подкрепить достоверность собственного мнения. Привлечение «голоса» автора дает оратору возможность опираться на литературное наследие Р. Кайуа для того, чтобы очертить собственные подходы к той или иной проблеме. Рассуждая о верлибре (*vers libre*) как излюбленной форме Р. Кайуа, не имеющей четко заданной рифмы и метрики, Маргерит Юрсенар цитирует его с пометой *précise-t-il en parlant de la rime* (уточняет он, рассуждая о рифме).

4. Заключение = Conclusions

Текст торжественной вступительной речи был создан Маргерит Юрсенар согласно требованиям жанра с учетом специфики коммуникативной ситуации и социокультурного контекста её избрания в ряды Французской академии. В данных условиях Маргерит Юрсенар выступает как дискурсивная личность, актуализирующая свою концептуальную картину мира, когнитивные и прагматические установки в отношении взаимодействия с аудиторией, что, в свою очередь, определяет смысловое наполнение текста и выбор соответствующих языковых средств. Автор создает новые дискурсивные смыслы, рожденные под влиянием собственной когнитивной интерпретации действительности и в контексте осмысления творчества предшествовавшего ей академика, писателя Роже Кайуа.

Концептуально значимое слово *Académie* (Академия) рассматривается во вступительной части речи Маргерит Юрсенар как ключевое, связанное в своей семантике с представлениями об интеллектуальном труде, научной и творческой деятельности и ученом сообществе. Метонимическое употребление *Académie* (Академия), *Assemblée* (Собрание), *Compagnie* (Сообщество) указывает на субъектов Французской академии, а именно на академиков-мужчин, предикатами которых автор указывает *ceux qui résistent aux innovations* (те, кто противятся новому), латинское крылатое выражение *Sint ut sunt* (его вторая часть осталась произнесенной: *aut non sint*).

Частотная в тексте лексема *femme* (женщина) сопровождается мелиоративами *un des meilleurs esprits du siècle* (один из лучших умов века), *la générosité même de ses émotions* (широта чувств), *admirablement femme* (по-настоящему женщина). Этот вербализованный образ женщин-литераторов принадлежит концептуальной картине оратора, тогда как для академиков-мужчин женщины находятся за порогом Академии как *une troupe invisible* (невидимые) по причине вековых социальных условностей и канонов, которые оказались нарушенными в связи с избранием женщины в академическое сообщество. Академики-женщины репрезентируются как непризнанные потенциальные субъекты Французской академии. Маргерит Юрсенар «выходит из тени», принимая по личным обстоятельствам исходящее от Академии приглашение: *Vous m'avez accueilli* (Вы меня приняли).

Образное представление об Академии как о внешне красивом здании противопоставлено негативному образу персонифицированной традиции как о страже, живущем внутри, *vivante* (живой), *puissante* (могущественный), *susceptible* (подозрительный), имплицитно проявляющем женоненавистничество (*misogyne*). Данный смысловой компонент становится доминантным при репрезентации концепта *Académie* (Академия).

М. Юрсенар выражает оценочную позицию в отношении своего избрания во Французскую академию посредством субъектно-модальных смыслов иронии.

Актуализированные в первой части вступительной речи смысловые компоненты-оппозиции образуют единое целое и обусловлены конкретными обстоятельствами её избрания в ряды Академии: *Académie (science* (наука), *littérature* (литература)) / *Académie (préjugés* (предрассудки), *archaïque* (архаичность)); *hommes* (мужчины) / *femmes* (женщины); *amitié* (дружба) / *haine* (ненависть); *liberté* (свобода) / *soumission* (подчинение). Во второй части торжественной вступительной речи оратор формирует новое знание о творчестве Роже Кайуа через интерпретацию ценностных компонентов его произведений, реализуемую авторскими языковыми средствами, отобранными исходя из знания социокультурного контекста.

Восхваление характеризуется восторженностью и гиперболизацией, что на языковом уровне Маргерит Юрсенар выражает через сравнительную и превосходную степень прилагательных и наречий, а также через лексические маркеры ситуативного неравенства как своей исключительной роли (*honneur sans précédent* (беспрецедентная честь), *les privilèges qui me sont échus* (данные мне привилегии), *je n'en connais pas de plus haut* (не знаю более высокой чести); *quoi de plus beau* (ничего прекраснее); *cet hommage rendu par celui qui vient* (выразить почтение со своей стороны); *le nouveau venu parmi vous* (вновь прибывший среди вас).

Необходимость выражения похвалы в адрес своего предшественника направляет М. Юрсенар в концептуальное поле ценности его литературного наследия, в котором она выделяет концептуальные метафоры *vie* (жизнь) — *jeu* (игра), *rite* (ритуал); *mythe* (миф) — *découverte* (открытие); *mort* (смерть), *oubli* (небытие) — *pierre* (камень); *pierre* (камень) — *matière* (материя), *chose* (субстанция), *corps* (тело); *temps* (время) — *sable* (песок), которые синхронизируются с ее ценностными представлениями, подтверждаемыми примерами из собственных книг или жизненного опыта (*dans un de mes livres* (в одной из моих книг); *quant à moi* (в том, что касается меня); *j'ai personnellement* (я сама); *j'ai connu vers la même époque quelque chose de la même scission* (в то время я пережила нечто похожее).

Текст вступительной торжественной речи Маргерит Юрсенар, осмысляющей через призму индивидуальной концептуальной картины мира и соответствующего социального контекста факт своего избрания в ряды Французской академии и литературное творчество Роже Кайуа, реализует на языковом уровне уникальные, значимые смыслы её когнитивного пространства.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Carrère d'Encausse H.* Des femmes à l'Académie française? Séance publique annuelle [Electronic resource] / H. d'Encausse Carrère. — 2012. — 6 décembre. — Access mode : <https://www.academie-francaise.fr/des-femmes-lacademie-francaise-seance-publique-annuelle> (accessed 08.11.2023).
2. *Jean d'Ormesson* se souvient de Marguerite Yourcenar [Electronic resource] // Canal Académies. — 2010. — 28 février. — Access mode : <https://www.canalacademies.com/emissions/en-habit-vert/jean-dormesson-se-souvient-de-marguerite-yourcenar> (accessed 08.11.2023).
3. *Quasi* // Larousse : dictionnaire français [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/quasi/65549> (accessed 08.11.2023).
4. *Yourcenar M.* Discours de réception de Marguerite Yourcenar [Electronic resource] / M. Yourcenar. — 1981. — 21 janvier. — Access mode : <https://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-marguerite-yourcenar> (accessed 08.11.2023).

Литература

1. Аликин В. А. Игра в философии Роже Кайуа : между инстинктами и культурой / В. А. Аликин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7 : Философия. Социология и социальные технологии. — 2016. — № 1 (31). — С. 21—27. — DOI: 10.15688/jvolsu7.2016.1.3.
2. *Взаимодействие языков и культур : от диалога к полилогу* / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, Н. В. Барышников [и др.]. — Москва : ВКН, 2021. — 328 с. — ISBN 978-5-907086-89-0.
3. *Викулова Л. Г.* Памятные торжественные речи как жанр академического дискурса / Л. Г. Викулова, О. И. Короленко // Романские тетради : сборник статей памяти профессора Аллы Викторовны Щепиловой. — Москва : Языки Народов Мира, 2020. — С. 73—81. — ISBN 978-5-89191-085-0.
4. *Викулова Л. Г.* Этикетность диалога в коммуникативной практике XVII века / Л. Г. Викулова, Э. М. Рянская // Вестник МГПУ. Серия : «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2021. — № 1 (41). — С. 53—67. — DOI: 10.25688/2076-913X.2021.41.1.06.
5. *Герасимова С. А.* Становление научной идентичности Ж. Л. Д'Аламбера и его вклад в развитие литературных жанров XVIII века / С. А. Герасимова // Филология: научные исследования. — 2022. — № 8. — С. 19—32. — DOI: 10.7256/2454-0749.2022.8.38171.
6. *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация и ее жанры / В. В. Дементьев. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. — 248 с. — ISBN 5-292-02534-8.
7. *Диалог культур. Культура диалога : Человек и новые социогуманитарные ценности : коллектив. моногр.* / Н. В. Барышников, А. Л. Бердичевский [и др.]. — Москва : НЕОЛИТ, 2017. — 424 с. — ISBN 978-5-9909479-7-9.
8. *Дубровская О. Г.* Социокультурный контекст знаний субъекта дискурсивной деятельности / О. Г. Дубровская // Когнитивные исследования языка. — 2014. — № 18. — С. 68—71.

9. Карасик В. И. Благодарность : концепт и жанр / В. И. Карасик // Жанры речи. — 2011. — № 7. — С. 235—253.

10. Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики / В. И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2016. — № 1 (21). — С. 17—34.

11. Синельникова Л. Н. о научной легитимности понятия «дискурсивная личность» / Л. Н. Синельникова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. — 2011. — Т. 24 (63). — № 2—1. — С. 454—463.

12. Стогова А. В. Женщины и салоны в интеллектуальной культуре Франции / А. В. Стогова // Imagines Mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. — Т. 5. — № 3. — С. 335—345.

13. Чернявская В. Е. Коммуникация в науке : нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. — Москва : URSS, 2011. — 240 с. — ISBN 978-5-397-02035-0.

14. Чупрына О. Г. Язык. Культура. Текст : учебное пособие для студентов магистратуры, обучающихся по направлению «Лингвистика». — Москва : ФЛИНТА, 2020. — 104 с. — ISBN 978-5-9765-4368-3.

15. Шаповалова Т. А. Манипулятивный потенциал эпидейктической речи / Т. А. Шаповалова, А. С. Витютнева // Вестник Томского государственного университета. История. — 2015. — № 6 (38). — С. 74—78. — DOI: 10.17223/19988613/38/12.

16. Кайуа Р. В глубь фантастического. Отражённые камни / Р. Кайуа ; пер. с фр. Наталии Кисловой. — Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. — 276, [3] с.

17. Brémont M. Marguerite Yourcenar, une femme à l'Académie. Malgré eux, malgré elle... / M. Brémont. — Paris : Classiques Garnier, 2021. — 180 p. — ISBN 978-2-406-11161-0.

18. Kulesza M. Le discours de réception à l'académie française : un lien entre le passé et le présent / M. Kulesza // Romanica Cracoviensia. — 2019. — № 1. — Т. 19. — Pp. 71—78.

19. Naudier D. L'irrésistible élection de Marguerite Yourcenar à l'Académie française / D. Naudier // Cahiers du Genre. — 2004. — Vol. 36. — Issue 1. — Pp. 45—67. — DOI: 10.3917/cdge.036.0045.

20. Prévot A.-M. Réception stylistique de l'œuvre de Marguerite Yourcenar : une écriture en lignes de faille / A.-M. Prévot // La réception critique de l'œuvre de Marguerite Yourcenar. — Clermont-Ferrand : SIEY, 2010. — Pp. 437—453.

Статья поступила в редакцию 14.11.2023,
одобрена после рецензирования 15.01.2024,
подготовлена к публикации 23.01.2024.

Material resources

Carrère d'Encausse, H. (2012). Des femmes à l'Académie française? *Séance publique annuelle. 6 décembre*. Available at: <https://www.academie-francaise.fr/des-femmes-lacademie-francaise-seance-publique-annuelle> (accessed 08.11.2023). (In Frenc.).

Jean d'Ormesson se souvient de Marguerite Yourcenar. (2010). *Canal Académies. 28 février*. Available at: <https://www.canalacademies.com/emissions/en-habit-vert/jean-dormesson-se-souvient-de-marguerite-yourcenar> (accessed 08.11.2023). (In Frenc.).

Quasi. Larousse: *dicrionnaire français*. Available at: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/quasi/65549> (accessed 08.11.2023). (In Frenc.).

Yourcenar, M. (1981). Discours de réception de Marguerite Yourcenar. *21 janvier*. Available at: <https://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-marguerite-yourcenar> (accessed 08.11.2023). (In Frenc.).

References

- Alikin, V. A. (2016). The game in the philosophy of Roger Kayua: between instincts and culture. *Bulletin of the Volgograd State University. Episode 7: Philosophy. Sociology and social technologies, 1 (31)*: 21—27. DOI: 10.15688/jvolsu7.2016.1.3. (In Russ.).
- Brémond, M. (2021). *Marguerite Yourcenar, une femme à l'Académie. Malgré eux, malgré elle...* Paris: Classiques Garnier. 180 p. ISBN 978-2-406-11161-0. (In Frenc.).
- Chernyavskaya, V. E. (2011). *Communication in science: normative and deviant. Linguistic and sociocultural analysis*. Moscow: URSS. 240 p. ISBN 978-5-397-02035-0. (In Russ.).
- Chupryna, O. G. (2020). *Language. Culture. Text: textbook for graduate students studying in the field of Linguistics*. Moscow: FLINT. 104 p. ISBN 978-5-9765-4368-3. (In Russ.).
- Dementyev, V. V. (2000). *Indirect communication and its genres*. Saratov: Sarat Publishing House. Unita. 248 p. ISBN 5-292-02534-8. (In Russ.).
- Dubrovskaya, O. G. (2014). Socio-cultural context of knowledge of the subject of discursive activity. *Cognitive studies of language, 18*: 68—71. (In Russ.).
- Gerasimova, S. A. (2022). The formation of the scientific identity of J. L. D'Alembert and his contribution to the development of literary genres of the XVIII century. *Philology: scientific research, 8*: 19—32. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.8.38171. (In Russ.).
- Interaction of languages and cultures: from dialogue to polylogue*. (2021). Moscow: VKN. 328 p. ISBN 978-5-907086-89-0. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2016). Discursology as a direction of communicative linguistics. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 1 (21)*: 17—34. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2011). Gratitude: concept and genre. *Genres of speech, 7*: 235—253. (In Russ.).
- Kayua, R. (2006). *Into the depths of the fantastic. Reflected stones*. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. 276, [3] p. (In Russ.).
- Kulesza, M. (2019). Le discours de réception à l'académie française: un lien entre le passé et le présent. *Romanica Cracoviensia, 1 (19)*: 71—78. (In Frenc.).
- Naudier, D. (2004). L'irrésistible élection de Marguerite Yourcenar à l'Académie française. *Cahiers du Genre, 36 (1)*: 45—67. DOI: 10.3917/cdge.036.0045. (In Frenc.).
- Prévot, A.-M. (2010). Réception stylistique de l'œuvre de Marguerite Yourcenar: une écriture en lignes de faille. In: *La réception critique de l'œuvre de Marguerite Yourcenar*. Clermont-Ferrand: SIEY. 437—453. (In Frenc.).
- Shapovalova, T. A., Vityutneva, A. S. (2015). Manipulative potential of epideictic speech. *Bulletin of Tomsk State University. History, 6 (38)*: 74—78. DOI: 10.17223/19988613/38/12. (In Russ.).
- Sinelnikova, L. N. (2011). On the scientific legitimacy of the concept of "discursive personality". *Scientific notes of V. I. Vernadsky Tauride National University. Series: Philology. Social communication, 24 (63) / 2—1*: 454—463. (In Russ.).
- Stogova, A. V. (2008). Women and salons in the intellectual culture of France. In: *Imagines Mundi: Almanac of studies of universal history of the XVI—XX centuries, 5 (3)*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Unita. 335—345. (In Russ.).

The dialogue of cultures. the culture of dialogue: Man and new socio-humanitarian values: the collective. Monograph. (2017). Moscow: NEOLITHIC. 424 p. ISBN 978-5-9909479-7-9. (In Russ.).

Vikulova, L. G. Etiquette of dialogue in the communicative practice of the XVII century. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: "Philology. Theory of language. Language education", 1 (41):* 53—67. DOI: 10.256888/2076-913X.2021.41.1.06. (In Russ.).

Vikulova, L. G., Korolen, O. I. (2020). Memorable solemn speeches as a genre of academic discourse. In: *Romance notebooks: a collection of articles in memory of Professor Alla Viktorovna Shchepilova*. Moscow: Languages of the Peoples of the World. 73—81. ISBN 978-5-89191-085-0. (In Russ.).

*The article was submitted 14.11.2023;
approved after reviewing 15.01.2024;
accepted for publication 23.01.2024.*

Информация для цитирования:

Келер А. И. Категория адресанта в новоапостольской молитве : категориально-текстовой и аксиологический аспекты / А. И. Келер // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 26—44. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-26-44.

Keler, A. I. (2024). Category of Addressee in New Apostolic Prayer: Categorical-Textual and Axiological Aspects. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 26-44. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-26-44. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-26-44

**Категория адресанта
в новоапостольской
молитве:
категориально-текстовой
и аксиологический аспекты**

Келер Анна Ивановна

orcid.org/0000-0001-7666-803X
кандидат филологических наук,
ассистент кафедры
русского языка и стилистики
panna94@mail.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Уральского гуманитарного института
УрФУ (программа
«Мой первый грант»)

**Category of Addressee
in New Apostolic Prayer:
Categorical-Textual and
Axiological Aspects**

Anna I. Keler

orcid.org/0000-0001-7666-803X
PhD in Philology, assistant lecturer,
Department of Russian Language
and Stylistics
panna94@mail.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The research was conducted
with the financial support
of the Ural Humanities Institute
of Ural Federal University
(My First Grant program).

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В исследовании рассматривается реализация категории адресанта на материале протестантских — новопостольских молитв. Объектом анализа выступает молитва как жанр религиозного функционального стиля, предметом — категория адресанта. Цель работы состоит в описании способов экспликации категории адресанта в корпусе из 220 общественных молитв новопостольских христиан. Текстовый материал собран методом включенного наблюдения и представляет собой расшифрованные аудиозаписи молитв — невоспроизводимых текстов, спонтанно созданных как прихожанами, так и священнослужителями церкви в богослужебной и небогослужебной ситуациях общения. На категориально-текстовом основании для описания категории адресанта применяется методика построения тематических номинационных цепочек. Выявлено, что адресант обозначает себя с помощью личного местоимения *мы*, притяжательного местоимения *наш*, существительных *община*, *братья и сёстры*, *дети*, *грешники*. Результаты анализа показывают, что перечисленные номинации включаются в положительно окрашенные контексты, в том числе номинация *грешники*, что обусловлено спецификой верования: молящиеся сосредоточены не на покаянии, а на благодарности за прощение. Перечисленные способы номинации адресанта и описание оценочных контекстов позволяют сделать вывод об отражении в текстах новопостольских христиан «мы аксиологического».

Ключевые слова:

религиозный функциональный стиль; протестантизм; молитва; категория темы; категория адресанта; мы аксиологическое.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study examines the realization of the addressee category in Protestant — New Apostolic prayers. The object of analysis is prayer as a genre of religious functional style, and the subject is the addressee category. The aim of the work is to describe the ways of explication of the addressee category in a corpus of 220 public prayers of New Apostolic Christians. The textual material was collected through participant observation and consists of transcribed audio recordings of prayers — non-reproducible texts spontaneously created by both churchgoers and clergy in various communicative situations, both religious and non-religious. The methodology of constructing thematic nomination chains is applied on a categorical-textual basis to describe the addressee category. It has been revealed that the addressee is denoted using personal pronouns ‘we’, possessive pronoun ‘our’, and nouns ‘community’, ‘brothers and sisters’, ‘children’, ‘sinners’. The results of the analysis show that these nominations are included in positively colored contexts, including the nomination ‘sinners’, which is conditioned by the specificity of the doctrine: the praying individuals are focused not on repentance but on gratitude for forgiveness. The listed ways of nominating the addressee and the description of evaluative contexts allow us to conclude about the reflection of ‘we axiological’ in the texts of New Apostolic Christians.

Key words:

religious functional style; Protestantism; prayer; topic category; addressee category; we axiological.

Категория адресанта в новоапостольской молитве: категориально-текстовый и аксиологический аспекты

© Келер А. И., 2024

1. Введение = Introduction

Сегодня изучение жанров религиозного функционального стиля является актуальной проблемой филологических исследований. Прежде всего решается задача систематизации жанров [Бугаева, 2005; Гадомский, 2009; Ицкович, 2021; Толстой, 2002; Wojtak, 2004; Makuchowska, 1995 и др.], а также существуют работы, посвященные отдельным жанрам: проповеди, молитве и житию, которые относятся к ядерным, или основным жанрам религиозного стиля [Бобырева, 2007; Ицкович, 2013; Прохвятилова, 1999; Рядовых, 2020; Соболева, 2022]. Кроме того, исследуются жанры, смещенные на периферию религиозного стиля: послание, исповедь, поучение и др. [Балашова, 2018; Бобырева, 2013; Соболева, 2021; Со Ын Ен, 2000].

Как правило, в перечисленных работах материалом исследования служат тексты, созданные в рамках православной или католической конфессий, тогда как тексты, функционирующие в протестантизме, остаются малоизученными, см. [Плисов, 2022]. Данная статья посвящена описанию способов экспликации категории адресанта в жанре протестантской — новоапостольской молитвы.

Категория адресанта в молитвах выделяется на основании коммуникативно-прагматического и категориально-текстового подходов. Объектом анализа выступает молитва как жанр религиозного функционального стиля, предметом — категория адресанта, определённым образом эксплицированная в корпусе текстов.

Гипотеза исследования заключается в том, что категория адресанта наделена личностным и ценностным содержанием, эксплицирована средствами, характерными как для религиозного, так и для разговорного стиля.

Данное исследование отличается новизной, поскольку в жанре молитвы категории темы и оценочности реализуются в комплексе, что позволяет выявить аксиологически маркированные номинации адресанта.

Актуальность исследования определяется неизученностью текстов, создаваемых в рамках протестантской конфессии, и необходимостью опи-

сания общих ценностных ориентиров в разных конфессиях в эпоху общественной турбулентности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования служат тексты молитв, созданные в такой разновидности протестантской конфессии, как Новоапостольская церковь, которая является международной христианской религиозной организацией, насчитывающей 9,24 млн последователей в 200 странах [НЦР]. В настоящее время в России действует 139 общин Новоапостольской церкви, имеющих статус местных религиозных организаций или религиозных групп.

Корпус текстов, используемый в качестве материала исследования, представляет собой расшифрованные аудиозаписи, собранные методом включённого наблюдения в общинах Новоапостольской церкви в России: преимущественно в Екатеринбурге, а также в Краснотурьинске, Уфе, Москве. Записанные молитвы разделены на две группы по параметру «место и время создания текста». Выделяются богослужебные молитвы, которые создаются и произносятся непосредственно во время богослужения носителями сана — священнослужителями, и небогослужебные молитвы, создаваемые и произносимые в небогослужебное время как священнослужителями, так и прихожанами церкви в различных коммуникативных ситуациях. Всего корпус собранного безаналогового материала составляет 220 текстов, 100 из которых — богослужебные молитвы, 120 — небогослужебные молитвы.

Специфика создания и произнесения молитв в данной христианской общности заключается в отсутствии специально разработанного корпуса канонически утвержденных текстов, что свойственно другим христианским конфессиям. В Новоапостольской церкви богослужебные и небогослужебные молитвы в каждом коммуникативном акте создаются заново в опоре на прототекст — молитву «Отче наш», зафиксированную в Евангелии от Матфея, и представляют собой оригинальные, неповторяющиеся тексты.

Цель работы — выявить способы экспликации категории адресанта в корпусе собранных текстов и описать их аксиологический потенциал.

Для достижения поставленной цели в качестве основного метода исследования используется категориально-текстовый анализ, разработанный Т. В. Матвеевой [Матвеева, 1990] и апробированный последователями учебного в текстах разных функциональных стилей [Баженова, 2020; Борисова, 1997; Бортников, 2023; Матвеева и др., 2019], в том числе — религиозного [Ицкович, 2021; Келер, 2023; Рядовых, 2020].

В данной работе анализируются способы экспликации категории адресанта, которая на родовидовых основаниях входит в категорию темы. Ме-

тод выявления категории темы — конструирование номинационных цепочек путем вычленения базовых, основных и дополнительных номинаций адресанта. Отметим, что под базовой понимается такая номинация, «которая может быть идентификатором по отношению ко всем номинациям цепочки, поскольку наиболее точно и непосредственно обозначает предмет речи текста» [Матвеева, 1990, с. 22]. Остальные номинации относительно базовой называются дополнительными, среди которых выделяются лексически новые единицы (синонимы, референтно тождественные и таксономические номинации); трансформы — «преобразования базовой номинации, включающие свернутые и развернутые номинации, а также грамматически преобразованные обозначения»; субституты — «неполнозначные вне контекста заместители базовой номинации», которые часто выражены местоимениями [Там же]. При этом в качестве основной номинации выступает наиболее частотная единица, «появляющаяся в ключевых местах текста» [Там же, с. 23].

Помимо категориально-текстового анализа, в работе предпринимается поиск аксиологически маркированных единиц, характеризующих адресанта, путем сплошного лексико-семантического, стилистического и лингвоаксиологического анализа текстов.

Лингвоаксиологический метод, как и категориально-текстовой метод анализа текста, разработан в рамках Уральской научной школы лингвокультурологии и стилистики, см. [Вепрева и др., 2023; Купина, 2020; Пазио-Влазловская и др., 2021; Ценностное содержание..., 2021; Шалина и др., 2016].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Категория адресанта в прототексте — молитве «Отче наш»

Конструктивным принципом религиозного функционального стиля является принцип прототекстуальности, который заключается в константной опоре на прототекст при создании новых религиозных текстов. В христианстве прототекстом является Библия, которая содержит «жанровые образцы, исчерпывающие потребности субъектов религиозной деятельности применительно к основным ситуациям религиозной коммуникации» [Ицкович, 2018, с. 12]. В качестве жанрового образца, или протожанра молитвы выступает текст молитвы «Отче наш».

Предварим анализ собранного текстового материала — новоапостольских молитв — описанием экспликации категории адресанта в прототексте молитвы «Отче наш» с целью выявления инварианта тематической цепочки адресанта.

Адресант в коммуникативной ситуации — это «отправитель, субъект речи» [Долинин, 1987, с. 19]. В жанре молитвы адресантом выступает мо-

лящийся — представитель «профанного мира» [Ицкович, 2021, с. 101], выражающий одну из основных интенций (*просьбу, благодарность, хвалу или покаяние*) адресату сообщения — Богу, см. [Мишланов и др., 2010, с. 25].

Традиционно в лингвистике адресант как субъект речи обозначается с помощью личных местоимений *я, мы* и их форм, притяжательных местоимений *мой, наш* и их форм, личных форм глаголов (1-го лица), модальных слов и словосочетаний, выражающих субъективно-модальную оценку [Солганик, 2010, с. 35—37].

В тексте молитвы «Отче наш» обнаруживается тематическая цепочка адресанта, состоящая из девяти именных компонентов: *наш — наш — нам — нам — наши — мы — нашим — нас — нас* (Мф. 6: 9—13):

9 *Отче **наш**, сущий на небесах! Да святится имя Твое;*

10 *да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе;*

11 *хлеб **наш** насущный дай **нам** на сей день;*

12 *прости **нам** долги **наши**, как и **мы** прощаем должникам **нашим**;*

13 *и не введи **нас** в искушение, но избавь **нас** от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь.*

В качестве первой номинации адресанта выступает притяжательное местоимение *наш* в форме именительного падежа: *Отче наш*. Его омонимичная форма в винительном падеже является вторым компонентом тематической цепочки и также служит указанием на принадлежность называемого объекта адресанту: *хлеб наш*. Оба местоимения расположены в постпозиции к определяемому слову. Третий и четвертый компоненты тематической цепочки представлены личным местоимением 1-го лица, множественного числа в форме дательного падежа с объектным значением — *дай нам, прости нам*. Пятый компонент тематической цепочки выражен притяжательным местоимением *наши* в форме винительного падежа, которое так же, как и описанные выше местоимения этого разряда, находится в постпозиции к определяемому существительному — *долги наши*. Шестой компонент — личное местоимение *мы* в именительном падеже с субъектным значением: *мы прощаем*. Седьмой компонент выражен притяжательным местоимением *нашим* в форме дательного падежа, которое находится в постпозиции к определяемому слову: *должникам нашим*. Восьмой и девятый компоненты тематической цепочки выражены личным местоимением *нас* в форме винительного падежа с объектным значением: *не введи нас, избавь нас*.

Базовой номинацией в тематической цепочке адресанта является местоимение *мы*, использованное в начальной форме в основном значении: «указывает на группу лиц, среди которых находится и говорящий» [РГ, 1980, т. I, с. 532].

Набор компонентов тематической цепочки адресанта включает грамматические трансформы местоимения *мы*, а также формы притяжательного местоимения *наш*. Взаиморасположение указанных единиц в выделенной цепочке характеризуется повторением номинаций *наш*, *нам*, *нас* и однократным использованием других форм личного и притяжательного местоимений — *мы*, *наши*. Компоненты тематической цепочки адресанта размещаются в обращении *Отче наш* и композиционном блоке с интенцией просьбы: *хлеб наш насущный дай нам на сей день; прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого*. В остальных композиционных блоках молитвы номинации адресанта не используются; более подробно об основных интенциях молитвы см.: [Бобырева, 2007; Катехизис ПЦ, 2006; Катехизис КЦ, 2007; Катехизис МЛ, 2012; Катехизис НЦ, 2012; Мишланов и др., 2010; Прохвятилова, 1999].

Анализ тематической цепочки показал, что основным способом выражения категории адресанта в канонической прототекстуальной молитве «Отче наш» служат местоимения *мы* и *наш*, называющие коллективного адресанта, хотя молитва создается и произносится одним говорящим. В число компонентов номинационной цепи, кроме базовой номинации, входят грамматические трансформы, при этом в тексте не используются слова, которые прямо характеризуют адресанта или обозначают его статус.

Ранее в исследованиях по функциональной стилистике отмечалось, что выбор местоимения *мы* в качестве базовой номинации из ряда компонентов цепочки адресанта характерен только для текстов разговорного стиля, а существительные, номинирующие адресанта, используются только в сильных позициях текста или отсутствуют вовсе [Борисова, 2007; Матвеева, 1990]. В текстах же книжных стилей местоимение *мы* служит только субституту — «заместителем базовой номинации» [Матвеева, 1990, с. 22].

Поскольку религиозный стиль включён в парадигму книжных стилей, возможно предположить, что местоимение *мы* должно использоваться в религиозных текстах только в качестве субститута. Однако анализируемый материал прототекста молитвы «Отче наш» показывает, что местоимение выступает в качестве базовой номинации, как это происходит в разговорном стиле. Ещё одной отличительной чертой молитвы является отсутствие лексического разнообразия номинаций, используемых в тематической цепочке, что также характерно для текстов разговорного стиля [Там же, с. 115].

В связи со сказанным полагаем, что особенностью жанра молитвы в Новоапостольской церкви является её функционирование в зоне пере-

сечения религиозного и разговорного стилей. Данный фактор обусловлен экстралингвистически: молитвы создаются спонтанно в различных коммуникативных ситуациях.

Далее обратимся к анализу собранного текстового материала, созданного в опоре на прототекст «Отче наш».

3.2. Категория адресанта в современной новоапостольской молитве

Существуют различные типы классификации текстов молитв по разным логическим основаниям: по адресату и адресанту молитвы; форме или способу воплощения текста; формально-содержательной жесткости текста; ведущей интенции; месту и времени создания текста [Бугаева, 2005; Бобырева, 2007; Войтак, 1999; Ицкович, 2021; Прохватилова, 1999].

В данной работе представим классификацию новоапостольских молитв по параметру адресанта. По статусу адресанта выделяются молитвы прихожан и священнические молитвы — созданные носителями сана в Новоапостольской церкви. По количеству адресантов молитвы подразделяются на личные, совершаемые в уединении, общественные, создаваемые вслух одним или несколькими адресантами в присутствии членов общины, и коллективные, произносимые всеми находящимися в церкви верующими. Собранный корпус текстов не содержит только тип личных молитв в силу невозможности их фиксации.

На примере общественных молитв продемонстрируем способы экспликации темы адресанта: *Дорогой любящий Господь // **Мы** благодарим Тебя за слово / которое Ты даровал / за **наше** единение / за то / как **мы** обсуждали темы / в спорах рождается истина // **о** Молим Тебя / пребывай с **нами** / направляй **нас** на правильные пути // Благослови **нашу** дорогу домой и пребывай на текущей неделе с **нами** // Аминь //*

Тематическая цепочка адресанта включает восемь компонентов: *мы — наше — мы — о — с нами — нас — нашу — с нами*. Взаиморасположение единиц в представленном ряду отличается чередованием различных типов номинаций: первая номинация выражена личным местоимением *мы*, дважды повторяющимся в тексте; среди последующих номинаций использованы грамматические трансформы *с нами*, *нас* и формы притяжательного местоимения *наше*, *нашу*, а также нулевая номинация при глаголе *молим*, имеющем личную форму 1-го лица, множественного числа.

Таким образом, сплошной категориально-текстовый анализ собранного материала показал, что в текстах новоапостольских молитв наиболее частотным средством номинации адресанта служит личное местоимение *мы*. Всего в корпусе богослужебных молитв форма именительного падежа личного местоимения *мы* встречается 1422 раза, в корпусе небогослужебных молитв — 733 раза, тогда как местоимение *я* используется только

восемь раз, его падежные формы *меня* — один раз, *мне* — четыре раза. Количественные данные демонстрируют, что использование местоимения *мы* в общественной молитве типично.

Также в корпусе текстов содержатся примеры молитв, в которых адресант номинирует себя с помощью имён существительных как часть религиозного сообщества, как члена общины:

*Добрый Господь / любящий **наш** Отец // **Мы** благодарим Тебя за этот воскресный день / за то / что Ты дал **нам** силы / здоровье быть в церкви / слушать слово Твое // **о** Благодарим Тебя за **наших** священнослужителей / пожалуйста / позаботься о них / пожалуйста / дай им здоровья / сохрани их ангельской защитой на всех их путях // **о** Просим Тебя / добрый Господь / позаботься о **нашей общине** / о **братьях и сестрах** / позволь **нам** расти и развиваться / пусть дети рождаются / приходят новые священнослужители // **Мы** просим Тебя также о каждом в отдельности позаботься / загляни в **наши** сердца / наведи там свой божественный порядок / и всё / что **нам** мешает двигаться вперёд / к цели / пожалуйста / это убери / а то / что **нам** необходимо для этого / пожалуйста / помоги **нам** развить это // **о** Просим Тебя за остаток этого дня / пожалуйста / благослови его / благослови **наши** пути домой // И / пожалуйста / Духом Святым объедини **нас** со всеми братьями / сестрами на этой земле / и если пришлётся Ты Сына Своего сегодня / то / пожалуйста / пусть Он не пройдёт мимо **нас** // **о** Просим во имя Сына Твоего / Спасителя душ **наших** / Иисуса Христа / аминь //*

Тематическая цепочка адресанта включает 20 компонентов: *наш* — *мы* — *нам* — *о* — *наших* — *о* — *нашей общине* — *о* *братьях и сестрах* — *нам* — *мы* — *наши* — *нам* — *нам* — *нам* — *о* — *наши* — *нас* — *мимо нас* — *о* — *наших*.

Среди перечисленных единиц использована базовая номинация — местоимение *община* (1 словоупотребление), субститут *мы* (2 словоупотребления) в разных грамматических формах *нам* (5 словоупотреблений), *нас* в винительном и родительном падежах, притяжательные местоимения *наш* (1), *наших* (2), *наши* (2) и референтно тождественные существительные в форме предложного падежа о *братьях и сестрах*, к которым причисляет себя адресант с помощью последующего местоимения *нам* (*позаботься о **нашей общине** / о **братьях и сестрах** / позволь **нам** расти и развиваться*).

Данный пример показывает, что в молитвенном тексте, кроме местоимений *мы*, *наш* и их форм, употребляются «слова-интегремы», называющие адресанта молитвы и членов общины как объединенное сообщество [Купина, 2020, с. 33]. В приведённой выше молитве в качестве слова-интегремы используется существительное *община* — «3. Общество (в 3 знач.),

организация. *Земляческая о. Религиозная о. Баптистская о.*» [ТСРЯ, 2011, с. 551], где *общество* — «3. Добровольное, постоянно действующее объединение людей для какой-н. цели. *О. любителей книги* <...>» [Там же, с. 550]». В корпусе небогослужебных молитвенных текстов существительное *община* используется 31 раз, тогда как в богослужебных молитвах — 58 раз.

Кроме того, в качестве слов-интеграл частотно употребление в молитвах лексических единиц, обозначающих кровное родство и получивших в текстах религиозного стиля переносное значение: *братья* и *сестры* (194 употребления), где *брат* — «4. (обычно с именем собственным). Член религиозного братства; монах. *Благословлял паству б. Василий.* / В обращении верующих друг к другу или к другим людям. *Братья и сёстры! Внемлите гласу Господню! Братья во Христе!*» [БТС, 1998]; *сестра* — «4. (обычно с именем собственным). Член женского религиозного братства; монашка. *С. Мария.* / В обращении верующих друг к другу или к другим людям. *Братья и сёстры!*» [Там же].

Также в корпусе богослужебных и небогослужебных текстов как интеграл используется существительное *дети* в значении «верующие, единоверцы» (29 употреблений), что зафиксировано в следующих фрагментах молитв: *Спасибо / что Ты открываешь нам слово сегодня / и открываешься Сам для нас / мы / Отец / очень рады этому / мы хотим познавать Тебя все больше и больше / как дети узнают отца и отец ухаживает за детьми / и старается для них // Отец Небесный / мы тоже / как дети / хотим стараться для Тебя; <...> пусть наполнится наша душа особенным чувством благодарности за то / что мы дети Твои // Что у нас есть опора / посох / эта вера наша / что у нас есть братья / сёстры / наша община.*

Лексемы *община, братья, сестры, дети*, обозначающие адресанта молитвы, — это слова с положительной или нейтральной коннотацией.

Например, в следующих фрагментах адресант оценивает сообщество верующих как *любимых детей*, где *любимый* — «1. Дорогой для сердца, такой, к которому обращена любовь» [ТСРЯ, 2011, с. 420], *достойный* — «3. Вполне соответствующий кому-, чему-либо, обладающий требуемыми достоинствами <...>» [МАС, т. I, 1985, с. 438]: *Мы желали быть рядом с Тобой / и Ты приблизил нас / сделал нас Своими любимыми детьми Божьими // Мы радуемся этому / Отче; Мы просим Тебя / даруй нам сил / чтобы мы могли быть достойными детьми Твоими.*

Кроме того, для этой цели используется оценочное слово *прекрасный* — «2. Очень хороший» [ТСРЯ, 2011, с. 722]. Приведём пример употребления этого слова во фрагменте молитвенного текста: *Мы также бла-*

годарны Тебе за нашу церковь / за наших апостолов / первоапостола / за всех братьев / сестер во всем мире / за нашу прекрасную общину.

Молящиеся, называя себя *общиной, братьями и сёстрами, детьми*, выражают связанное с этим чувство радости: *мы преклоняемся перед Тобой в радости и величии / Господь / мы Твои дети / и мы этому радуемся и веселимся / Господь // Мы рады / что у нас есть такой Отец.*

Слова-эмотивы, как и оценочная лексика, сообщают высказываниям аксиологический потенциал: *веселиться* — «Предаваться веселью, весело проводить время, развлекаться» [МАС, т. I, 1985, с. 155], *весёлый* — «1. Полный веселья, жизнерадостный» [Там же]; *радоваться* — «Испытывать радость, предаваться радости» [ТСРЯ, 2011, с. 787], *радость* — «1. Весёлое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения» [Там же].

Включение перечисленных номинаций в эмоционально-оценочные контексты позволяет говорить об аксиологической направленности этих номинаций, см. [Скляревская, 2019, с. 57].

Среди слов-интегралов отдельного внимания заслуживает лексема *грешник*, которая в Новоапостольской церкви имеет свои особенности употребления. Если в католичестве и православии слово *грешник* нагружено негативной коннотацией, то в Новоапостольской церкви появляются различные по оценочности контексты. Остановимся на сказанном подробнее.

Так, существуют молитвы, в которых слова *грешники, грешный* употребляются в традиционном для всех христианских конфессий контексте, связанном с интенцией покаяния: *Также мы просим за души ушедших в вечность прежде нас // Даруй им спасение / прости им вольные или невольные прегрешения и также помилуй нас / грешных // Дай нам мудрости осознать свою греховность в поступках / делах и особенно в мыслях.* В данном фрагменте молитвы употреблен ряд однокоренных слов *прегрешения, грешных, греховность*, выражающих интенцию покаяния, которая также поддерживается глаголами *прости* и *помилуй*, где *простить* — «1. Не поставить в вину чего-нибудь, забыть вину, обиду» [ТСРЯ, 2011, с. 765], *помиловать* — «Щадить, прощать кому-нибудь вину» [Там же, с. 448, 694].

Отличительной особенностью функционирования слова *грешники* в новоапостольских молитвах является его включение в композиционные фрагменты, в которых реализуется интенция благодарения: *Мы благодарим Тебя за великую милость / за то что нас / несовершеннолетних / грешников / Ты любишь и Своею рукою ведёшь по нашей жизни.* Адресант включает номинацию *мы-грешники* в положительно окрашенный контекст, созданный с помощью лексем *благодарим, великую, милость, любишь*.

Кроме того, в корпусе молитвенных текстов зафиксированы фрагменты, в которых, кроме прямой или косвенной номинации коллективного

адресанта как *грешников*, выделяются слова с мелиоративной оценкой: *Ты освятил нас / Ты очистил / Ты избавил нас от рабства этого мира / от рабства греха / и теперь мы Твои / Отец / навеки / мы хотим оставаться таковыми / чистыми / добрыми / мы хотим оставаться светлыми // Таковыми людьми / такими бриллиантами / через которых проходит свет и отражается другим*. Признание греховности и очищение от греха осознаётся адресантом молитвы как благо, что выражено через положительные характеристики адресанта (*чистый* — «2. перен. Нравственно безупречный, честный, правдивый» [ТСРЯ, 2011, с. 1094], *добрый* — «1. Делающий добро другим, добрый, отзывчивый» [там же, с. 203], *светлый* — «7. перен. Исполненный душевной чистоты, душевного равновесия, ясности, умиротворённости. 8. перен. Исполненный духовной высоты, обладающий высокими нравственными качествами, достойный уважения» [БТС, 1998]) и сравнение с *бриллиантами*.

Также в корпусе собранных молитв выделяются контексты, в которых лексема *грешники* связывается с идеей самосовершенствования, избавления от греха: *Отец Небесный / <...> мы грешные люди / но мы хотим спастись / мы хотим спасти свою душу / мы хотим исправиться / встать на истинный путь / мы хотим стать подобными Тебе; мы бы хотели посвятить жизнь служению Тебе / Отец Небесный / всеми своими желаниями / чувствами / делами / словами / но не всегда это у нас получается / мы грешные / неидеальные / но мы просим всегда Твоей помощи и Твоего благословения*.

Анализ новоапостольских молитв показывает, что осознание себя грешными включается в контексты со значением благодарности, пожеланием исправиться, избавиться от несовершенства, от греха, служить Богу и стать подобными ему.

Отметим, что контексты, в которых используется номинация *грешник*, как правило, положительно окрашены. Адресант сосредоточен не на состоянии греховности и самоуничтожении, а на результате признания своей греховной сущности: дальнейшем прощении, очищении, освобождении, что вызывает у коллективного адресанта активное выражение чувства радости, интенций благодарности, хвалы и гораздо реже — интенции покаяния.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что категория адресанта в новоапостольских молитвах чаще всего выражается с помощью личного местоимения *мы* и притяжательного местоимения *наши*, наряду с которыми реже используются номинации, выраженные существительными *община, братья и сестры, дети*, и существенно реже — существительным *грешники*. При этом слово-интегрема *грешники* имеет отличительные особенности использования.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, категория адресанта в протестантских молитвах выражена с помощью личного местоимения *мы*, которое выступает в качестве базовой номинации коллективного адресанта и обозначает собственно молящегося и членов общины. Употребление местоимения *мы* наиболее часто по сравнению с местоимением *я*, в редких случаях встречающимся в общественных молитвах. Также в корпусе молитвенных текстов используется притяжательное местоимение *наш*.

Кроме местоименных форм, тематическая цепочка адресанта в молитвенных текстах включает слова-интегремы *дети, община, братья и сёстры*, реже — *грешники*, обозначающие принадлежность молящегося к сообществу верующих.

Сказанное позволяет предположить, что молитвы новоапостольских христиан функционируют на стыке двух стилей: религиозного и разговорного, для которого характерно использование местоимений в качестве базовой номинации адресанта и скудость тематической цепочки в лексическом отношении.

Также в ходе исследования выявлено, что номинации адресанта нередко сопровождаются мелиоративной и пейоративной лексикой: *добрый, достойный, любимый, прекрасный, светлый, чистый и грешный, неидеальный, несовершенный*; а также эмотивной лексикой: *веселиться, веселье, весёлый, радоваться, радостный, радость*. При этом результаты анализа текстов показывают, что номинация *грешники* чаще включается в положительно окрашенные контексты, что обусловлено спецификой вероучения: молящиеся сосредоточены не на покаянии, признании в собственных грехах, а на благодарности за прощение, за обновлённое состояние и возможность быть освобождённым от греха.

Перечисленные способы номинации адресанта и описание оценочных контекстов позволяют сделать вывод об отражении в текстах новоапостольских христиан «*мы* аксиологического» [Купина, 2020, с. 33], поскольку молящиеся эксплицируют в молитвах «ценности как составляющие коллективного сознания» [Гайда, 2016, с. 19]. Выражение положительных эмоций относительно своей принадлежности к числу верующих и признания своей греховности сообщает номинациям адресанта ценностное содержание.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БТС — Большой толковый словарь : А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — 1534 с. — ISBN 5-7711-0015-3.

2. МАС — *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. — 3-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 1985—1988. — Т. 1—4.

3. НЦР — *Новоапостольская церковь в России* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.nak.org.ru/> (дата обращения 01.10.2023).

4. ПСЛТ — *Матвеева Т. В.* Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. — Ростов на Дону : Феникс, 2010. — 562 с. — ISBN 978-5-222-17060-1.

5. РГ 1980 — *Русская грамматика* : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1980. — Т. 1—2.

6. ТСРЯ — *Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2011. — 1175 с. — ISBN 978-5-91172-049-0.

Литература

1. *Баженова Е. А.* Структура нового знания в научном тексте / Е. А. Баженова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2020. — № 4 (210). — С. 144—151. — DOI: 10.23951/1609-624X-2020-4-144-151.

2. *Балашова Е. Ю.* Речешанровый анализ евангельской притчи на материале православных и протестантских источников / Е. Ю. Балашова // Жанры речи. — 2018. — № 1 (17). — С. 55—59. — DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-55-59.

3. *Бобырева Е. В.* Коммуникативный компонент жанров молитвы и исповеди в пространстве религиозного дискурса / Е. В. Бобырева // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. А. Г. Пастухов. — Орел : Орловский государственный институт культуры, 2013. — С. 100—106.

4. *Бобырева Е. В.* Религиозный дискурс : ценности, жанры, языковые характеристики / Е. В. Бобырева. — Волгоград : Перемена, 2007. — 385 с. — ISBN 978-5-88234-903-4.

5. *Борисова И. Н.* Цельность разговорного текста в свете категориальных сопоставлений / И. Н. Борисова // Stylistyka VI. — Opole : Uniwersytet Opolski, 1997. — С. 371—386.

6. *Бортников В. И.* Тематическая цепочка Святого Духа в поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай» и ее русских переводах 1777 г. и 1976 г. (композиционный блок II Песни первой) / В. И. Бортников // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2023. — Т. 38. — № 1. — С. 29—35. — DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-1-29-35.

7. *Бугаева И. В.* Стилистические особенности и жанры религиозной сферы / И. В. Бугаева // Стилистика текста. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Е. В. Плисов. — Нижний Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2005. — С. 3—11. — ISBN 978-5-85839-212-5.

8. *Вепрева И. Т.* Система ценностей современного студенчества : от семейного благополучия до самореализации / И. Т. Вепрева, Т. В. Ицкович, О. А. Михайлова // Quaestio Rossica. — 2023. — Т. 11. — № 1. — С. 277—288. — DOI: 10.15826/qr.2023.1.789.

9. *Войтак М.* Стереотипизация и креативность в вотивной молитве / М. Войтак // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь : Пермский государственный университет, 1999. — С. 268—280. — ISBN 5-7944-0119-2.

10. *Гайда С.* Стиль как вызов / С. Гайда // Актуальные проблемы стилистики. — 2016. — № 2. — С. 13—22.

11. Долинин К. А. Стилистика французского языка / К. А. Долинин. — Москва : Просвещение, 1987. — 303 с.
12. Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля / Т. В. Ицкович. — Москва : ООО «ФЛИНТА», 2021. — 400 с. — ISBN 978-5-9765-4549-6.
13. Ицкович Т. В. Категория темы в тексте жития / Т. В. Ицкович // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2013. — № 2 (18). — С. 52—59.
14. Ицкович Т. В. Прототекстуальность как конструктивный принцип религиозного стиля / Т. В. Ицкович // Вестник ВолГУ, Серия 2. Языкознание. — 2018. — Т. 17. — № 1. — С. 6—16.
15. Катехизис КЦ — *Катехизис* Католической церкви : Компендиум. — Москва : Культурный центр «Духовная библиотека», 2007. — 216 с.
16. Катехизис МЛ — *Большой Катехизис* д-ра Мартина Лютера / Пер. с нем. А. А. Никитина, гл. ред. М. Сяреля. — Лахти : Финлянд. церковь лютеранского исповедания (STLK), 2012. — 160 с.
17. Катехизис НЦ — *Катехизис* Новоапостольской церкви. Издание Международной Новоапостольской церкви — Москва : Религиозная организация «Управленческий центр Новоапостольской церкви в России», 2012. — 498 с.
18. Катехизис ПЦ — *Пространный* христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви / [Сост. : свт. Филарет (Дроздов) ; Предисл., подг. текста, примеч. и указ. : канд. ист. наук А. Г. Дунаев]. — Москва : Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. — 168 с.
19. Келер А. И. Категория темы в протестантской молитве / А. И. Келер // Русский лингвистический бюллетень. — 2023. — № 4 (40). — DOI: 10.18454/RULB.2023.40.45.
20. Купина Н. А. Любительская датская поэзия : групповой аксиологический лексикон и креативные речевые практики / Н. А. Купина // Вестник ВолГУ. Серия 2 : Языкознание. 2020. — Т. 19. — № 2. — С. 31—42. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.3>.
21. Матвеева Т. В. Принцип тематического соответствия в диалоге официальных писем (на материале обращений граждан и ответов на них) / Т. В. Матвеева, М. А. Ширинкина // Научный диалог. — 2019. — № 1. — С. 61—72. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-61-72.
22. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий : Синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. — 172 с. — ISBN 5-7525-0138-5.
23. Мишланов В. А. Диалогичность церковно-религиозных текстов / В. А. Мишланов, В. А. Салимовский // Вестник Пермского университета. — 2010. — Выпуск 6 (12). — С. 24—29.
24. Пазио-Влазловская Д. Супружеские ожидания в религиозном контексте : католические и православные брачные объявления / Д. Пазио-Влазловская, Т. В. Ицкович // Quaestio Rossica. — 2021. — Т. 9. — № 2. — С. 702—714. — DOI: 10.15826/qr.2021.2.604.
25. Плисов Е. В. Феноменология современного немецкоязычного религиозного дискурса : теоллингвистический анализ / Е. В. Плисов. — Нижний Новгород : Мининский университет, 2022. — 302 с. — ISBN 978-5-85219-790-0.
26. Прохватилова О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи / О. А. Прохватилова. — Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1999. — 364 с. — ISBN 5-85534-264-6.

27. *Рядовых Н. А.* Категория хронотопа в жанре акафиста / Н. А. Рядовых // *Филология : научные исследования*. — 2020. — № 10. — С. 54—64. — DOI: 10.7256/2454-0749.2020.10.34061.

28. *Скляревская Г. Н.* К вопросу о стилистических пометах как средстве экспликации языковой оценки / Г. Н. Скляревская // *Аксиологические аспекты современных филологических исследований* : тез. докл. Междунар. науч. конф. (г. Екатеринбург, 15—17 окт. 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. — Екатеринбург : Ажур, 2019. — С. 56—58.

29. *Со Ын Ен.* Речевой жанр современного церковно-религиозного послания : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Со Ын Ен. — Москва, 2000. — 15 с.

30. *Соболева Л. С.* «Ныне душа моя радостью наполнися и сердце мое веселием играет» : рукописное поучение XVII в. На праздник Акафиста Богородице / Л. С. Соболева // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. — 2021. — № 35. — С. 244—266. — DOI: 10.24412/2224-5391-2021-35-244-266.

31. *Соболева Л. С.* Сборник проповедей XVII века «Статир» : сакральные образы и автор / Л. С. Соболева ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. — Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2022. — 314 с. — ISBN 978-5-7996-3615-9.

32. *Солганик Г. Я.* Основы лингвистики речи / Г. Я. Солганик. — Москва : Издательство Московского университета, 2010. — 128 с. — ISBN 978-5-211-05824-8.

33. *Толстой Н. И.* Церковнославянский и русский : их соотношение и симбиоз / Н. И. Толстой // *Вопросы языкознания*. — 2002. — № 1. — С. 81—91.

34. *Ценностное содержание разговорного диалога* : монография / Т. В. Матвеева, И. В. Шалина, И. Т. Вепрева [и др.] ; отв. ред. Т. В. Матвеева, И. В. Шалина ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. — 228 с. — ISBN 978-5-7996-3186-4.

35. *Шалина И. В.* К проблеме описания методики лингвоаксиологического анализа (на материале диалогического общения носителей просторечной лингвокультуры) / И. В. Шалина, Ю. Б. Пикuleва // *Научный диалог*. — 2016. — № 11 (59). — С. 121—132.

36. *Makuchowska M.* Styl religijny / M. Makuchowska // *Przewodnik po stylistyce polskiej* / red. Gajda S. — Opole : UO, 1995. — S. 449—459.

37. *Wojtak M.* Styl religijny w perspektywie genologicznej / M. Wojtak // *Język religijny dawniej i dziś*. — Poznań : Wydawnictwo „Poznańskie Studia Polonistyczne”, 2004. — S. 104—113.

*Статья поступила в редакцию 07.11.2023,
одобрена после рецензирования 09.12.2023,
подготовлена к публикации 15.01.2024.*

Material resources

BTS — *A large explanatory dictionary: A-Z / RAS. In-t lingv. research.* (1998). St. Petersburg: Norint. 1534 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).

MAC — *Dictionary of the Russian: in 4 volumes, 1—4.* (1985—1988). Moscow: Russian language. (In Russ.).

NCR — *New Apostolic Church in Russia.* Available at: <http://www.nak.org.ru/> (accessed 01.10.2023). (In Russ.).

- PSLT — Matveeva, T. V. (2010). *Complete dictionary of linguistic terms*. Rostov on Don: Phoenix. 562 p. ISBN 978-5-222-17060-1. (In Russ.).
- RG 1980 — *Russian grammar: in 2 vols., 1—2*. (1980). Moscow: Nauka. (In Russ.).
- TSRYa — Shvedova, N. Yu. (2011). *Explanatory dictionary of the Russian with the inclusion of information on the origin of words*. Moscow: Azbukovnik. 1175 p. ISBN 978-5-91172-049-0. (In Russ.).

References

- Balashova, E. Y. (2018). Speech genre analysis of the Gospel parable based on the material of Orthodox and Protestant sources. *Genres of speech, 1 (17)*: 55—59. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-55-59. (In Russ.).
- Bazhenova, E. A. (2020). The structure of new knowledge in a scientific text. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University, 4 (210)*: 144—151. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-4-144-151. (In Russ.).
- Bobyreva, E. V. (2007). *Religious discourse: values, genres, linguistic characteristics*. Volgograd: Peremena. 385 p. ISBN 978-5-88234-903-4. (In Russ.).
- Bobyreva, E. V. (2013). The communicative component of the genres of prayer and confession in the space of religious discourse. In: *Genres and types of text in scientific and media discourse: An interuniversity collection of scientific papers*. Orel: Orel State Institute of Culture. 100—106. (In Russ.).
- Borisova, I. N. (1997). The integrity of the spoken text in the light of categorical comparisons. In: *Stylistyka VI*. Opole: Uniwersytet Opolski. 371—386. (In Russ.).
- Bortnikov, V. I. (2023). The thematic chain of the Holy Spirit in J. Milton's poem "Paradise Lost" and its Russian translations in 1777 and 1976 (compositional block II of the First Song). *Bulletin of Dagestan State University. Series 2: Humanities, 38 (1)*: 29—35. DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-1-29-35. (In Russ.).
- Bugaeva, I. V. (2005). *Stylistic features and genres of the religious sphere. The style of the text. Interuniversity collection of scientific papers*. Nizhny Novgorod: NGLU named after N. A. Dobrolyubov. 3—11. ISBN 978-5-85839-212-5. (In Russ.).
- Catechism ML — *The Great Catechism of Dr. Martin Luther*. (2012). Lahti: Finnish Lutheran Confession Church (STLK). 160 p. (In Russ.).
- Catechism of the CC — *Catechism of the Catholic Church: Compendium*. (2007). Moscow: Cultural Center "Spiritual Library". 216 p. (In Russ.).
- Dolinin, K. A. (1987). *Stylistics of the French language*. Moscow: Prosveshchenie. 303 p. (In Russ.).
- Gaida, S. (2016). Style as a challenge. *Actual problems of stylistics, 2*: 13—22. (In Russ.).
- Itskovich, T. V. (2018). Prototextuality as a constructive principle of religious style. *Bulletin of the Volga State University, Series 2. Linguistics, 17 (1)*: 6—16. (In Russ.).
- Itskovich, T. V. (2013). The category of the theme in the text of the life. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 2 (18)*: 52—59. (In Russ.).
- Itskovich, T. V. (2021). *The genre system of religious style*. Moscow: FLINTA LLC. 400 p. ISBN 978-5-9765-4549-6. (In Russ.).
- Koehler, A. I. (2023). Category of the theme in Protestant prayer. *Russian linguistic bulletin, 4 (40)*. DOI: 10.18454/RULB.2023.40.45. (In Russ.).
- Kupina, N. A. (2020). Amateur Danish poetry: group axiological lexicon and creative speech practices. *Bulletin of the Volga. Series 2: Linguistics, 19 (2)*: 31—42. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.3>. (In Russ.).

- Makuchowska, M. (1995). Styl religijny. In: *Przewodnik po stylistyce polskiej*. Opole: UO. 449—459. (In Polish.).
- Matveeva, T. V. (1990). *Functional styles in the aspect of text categories: A synchronous comparative essay*. Sverdlovsk: Ural Publishing House. Unita. 172 p. ISBN 5-7525-0138-5. (In Russ.).
- Matveeva, T. V., Shirinkina, M. A. (2019). Principle of Thematic Correspondence in Dialogue of Official Letters (on Material of Citizens' Appeals and Responses to Them). *Nauchnyi dialog*, 1: 61—72. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-61-72> (In Russ.).
- Mishlanov, V. A. (2010). Dialogicity of church-religious texts. *Bulletin of the Perm University*, 6 (12): 24—29. (In Russ.).
- Pazio-Vlazlovskaya, D., Itskovich, T. V. (2021). Marital expectations in a religious context: Catholic and Orthodox marriage announcements. *Quaestio Rossica*, 9 (2): 702—714. DOI: 10.15826/qr.2021.2.604. (In Russ.).
- Plisov, E. V. (2022). *Phenomenology of modern German-speaking religious discourse: a the olinguistic analysis*. Nizhny Novgorod: Mininsky University. 302 p. ISBN 978-5-85219-790-0. (In Russ.).
- Privatovykh, N. A. (2020). The category of chronotope in the genre of Akathist. *Philology: scientific research*, 10: 54—64. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.10.34061. (In Russ.).
- Prokhvatilova, O. A. (1999). *Orthodox preaching and prayer as a phenomenon of modern sounding speech*. Volgograd: Publishing House of the Volgograd State University. 364 p. ISBN 5-85534-264-6. (In Russ.).
- Shalina, I. V., Pikuleva, Y. B. (2016). On Problem of Description of Linguoaxiological Analysis Method (on Material of Dialogic Communication of Speakers of Vernacular Culture). *Nauchnyy dialog*, 11 (59): 121—132 (In Russ.).
- Sklyarevskaya, G. N. (2019). On the issue of stylistic marks as a means of explication of linguistic assessment. In: *Axiological aspects of modern philological research: thesis. dokl. International Scientific Conference (Yekaterinburg, October 15—17, 2019)*. Yekaterinburg: Azhur. 56—58. (In Russ.).
- So Eun Yong. (2000). *The speech genre of the modern church-religious message*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 15 p. (In Russ.).
- Soboleva, L. S. (2021). “Now my soul is filled with joy and my heart is playing with joy”: a handwritten teaching of the XVII century. On the feast of the Akathist to the Mother of God. *Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary*, 35: 244—266. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-35-244-266. (In Russ.).
- Soboleva, L. S. (2022). *Collection of sermons of the XVII century “Statir”: sacred images and author*. Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 314 p. ISBN 978-5-7996-3615-9. (In Russ.).
- Solganik, G. Ya. (2010). *Fundamentals of speech linguistics*. Moscow: Moscow University Press. 128 p. ISBN 978-5-211- 05824-8. (In Russ.).
- The Catechism of the NC is the catechism of the New Apostolic Church. Publication of the International New Apostolic Church*. (2012). Moscow: Religious organization “Management Center of the New Apostolic Church in Russia”. 498 p. (In Russ.).
- The Catechism of the PC — The extensive Christian catechism of the Orthodox Catholic Eastern Church*. (2006). Moscow: Publishing Council of the Russian Orthodox Church. 168 p. (In Russ.).
- The value content of conversational dialogue: monograph*. (2021). Yekaterinburg: Ural Publishing House. Unita. 228 p. ISBN 978-5-7996-3186-4. (In Russ.).

- Tolstoy, N. I. (2002). Church Slavonic and Russian: their correlation and symbiosis. *Questions of linguistics, 1*: 81—91. (In Russ.).
- Vepreva, I. T., Itskovich, T. V., Mikhailova, O. A. (2023). The value system of modern students: from family well-being to self-realization. *Quaestio Rossica, 11 (1)*: 277—288. DOI: 10.15826/qr.2023.1.789. (In Russ.).
- Voytak, M. (1999). Stereotyping and creativity in votive prayer. In: *Stereotyping and creativity in the text*. Perm: Perm State University. 268—280. ISBN 5-7944-0119-2. (In Russ.).
- Wojtak, M. (2004). Styl religijny w perspektywie genologicznej. In: *Język religijny dawniej i dziś*. Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne. 104—113. (In Polish.).

*The article was submitted 07.11.2023;
approved after reviewing 09.12.2023;
accepted for publication 15.01.2024.*

Информация для цитирования:

Павлович-Шайтинац М. Лингвокультурологические элементы в тексте романа «Накануне» и анализ их эквивалентов при переводе на сербский язык / М. Павлович-Шайтинац, И. С. Тяпков // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 45—62. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-45-62.

Pavlović-Šajtinac, M., Tyapkov, I. S. (2024). Linguocultural Elements in Text of Novel “On Eve” and Analysis of Their Translated Equivalents in Serbian. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 45-62. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-45-62. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-45-62

Лингвокультурологические элементы в тексте романа «Накануне» и анализ их эквивалентов при переводе на сербский язык

Павлович-Шайтинац Майя¹

orcid.org/0000-0003-0794-2802

кандидат филологических наук,
кафедра русского языка и литературы,
философский факультет
maja.pavlovic.sajtinac@pr.ac.rs

Тяпков Илья Сергеевич²

orcid.org/0009-0001-1592-3305

кандидат филологических наук,
кафедра русистики,
философский факультет,

* *корреспондирующий автор* tyap74@
mail.ru

¹Приштинский университет
(Косовска-Митровица,
Республика Сербия)

²Университет Восточного Сараева
(Сараево, Босния и Герцеговина)

Linguocultural Elements in Text of Novel “On the Eve” and Analysis of Their Translated Equivalents in Serbian

Maja B. Pavlović-Šajtinac¹

orcid.org/0000-0003-0794-2802

PhD of Philology,
Department of Russian
Language and Literature,
Faculty of Philosophy
maja.pavlovic.sajtinac@pr.ac.rs

Ilya S. Tyapkov²

orcid.org/0009-0001-1592-3305

PhD of Philology,
Department of Russian Studies,
Faculty of Philosophy,
* *Corresponding author*
tyap74@mail.ru

¹University of Pristina
(Kosovska Mitrovica, Republic of Serbia)

²University of East Sarajevo
(Sarajevo, Bosnia and Herzegovina)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросу кросскультурной коммуникации и трудных случаев перевода на сербский и хорватский языки лексических и фразеологических единиц из романа И. С. Тургенева «Накануне». Актуальность данного вопроса заключается в анализе перевода как акта коммуникации, в процессе которого репрезентируется языковая картина мира народа. Материалом для исследования послужили переводы разных лет романа «Накануне» на близкие русскому сербский и хорватский языки. В качестве *tertium comparationis* мы рассматривали перевод данного произведения на английский язык. Авторы проанализировали формы обращения и безэквивалентную лексику, а также фразеологизмы, которые переводчики представляли в своих вариантах перевода по-разному. В результате исследования обнаружено, что трудности вызывает перевод слов, обозначающих понятия, связанные с культурно-историческим русским контекстом. Показано, что переводчики на сербский чаще стараются учитывать исторические факты и при отсутствии эквивалентов в родном языке давать комментарии. Отмечается, что в настоящее время есть необходимость в лингвокультурологическом русско-сербском словаре, который поможет специалисту создать адекватный оригиналу вариант перевода.

Ключевые слова:

кросскультурная коммуникация; лингвокультурологические эквиваленты; перевод; Иван Тургенев; роман «Накануне».

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the issue of cross-cultural communication and difficult cases of translation into Serbian and Croatian languages of lexical and phraseological units from Ivan Turgenev's novel "On the Eve". The relevance of this issue lies in the analysis of translation as an act of communication, during which the linguistic worldview of the people is represented. The material for the study was translations of the novel "On the Eve" into Serbian and Croatian languages from different years, which are close to Russian. As a *tertium comparationis*, we considered the translation of this work into English. The authors analyzed forms of address and non-equivalent vocabulary, as well as idioms, which translators represented differently in their translation options. As a result of the study, it was found that difficulties arise in translating words that denote concepts related to the cultural-historical Russian context. It is shown that Serbian translators often try to take historical facts into account and give comments when there are no equivalents in their native language. It is noted that there is currently a need for a Russian-Serbian linguistic and cultural dictionary that will help a specialist create an adequate translation variant close to the original.

Key words:

Cross-cultural communication; linguocultural equivalents; translation; Ivan Turgenev; novel "On the Eve".

УДК 81'255.2+821.161.1ТургеневНакануне.03=163.41/42

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Лингвокультурологические элементы в тексте романа «Накануне» и анализ их эквивалентов при переводе на сербский язык

© Павлович-Шайтинац М., Тяпков И. С., 2024

1. Введение = Introduction

Исходя из актуальности вопроса кросскультурной коммуникации, исследованного в разных научных областях, таких как лингвистика, психология, этнология, социология, культурология, философия, очевидным становится факт, что в фокусе внимания исследователей находится коммуникация между представителями разных национально-культурных сред, имеющих различные языковые картины мира [Грушевицкая и др., 2003; Гудков, 2022; Фрик, 2013]. Первые шаги по исследованию языковой картины мира предприняты в работах В. фон Гумбольдта, воспринимавшего язык как «внешнее проявление духа народа» [Гумбольдт, 1985], и Э. Сепира-Уорфа, согласно гипотезе которого мышление определяется языком [Сепир-Уорф, 1993]. Современные исследователи рассматривают языковую картину мира как «совокупность представлений о мире, заключенных в значении слов и выражений данного языка» [Зализняк и др., 2005, с. 9]. Картина мира наиболее наглядно репрезентирована в языке и речи, а следовательно, и в художественной литературе. В том случае, когда речь идет о кросскультурной или межкультурной коммуникации, перевод является одним из важнейших способов представления уникальных культурно-языковых особенностей.

Сама теория кросскультурной коммуникации сформировалась на основе исследований американских ученых Э. Холла и Д. Трагера и была представлена в их опубликованной в 1954 году работе «Культура как коммуникация» [Hall et al., 1954]. Суть исследования заключалась в объяснении культурных различий и особенностей поведения представителей разных культур, что повлекло за собой и рассмотрение вопроса межкультурной коммуникации, то есть преодоления трудностей в общении, возникающих на почве именно таких различий.

С другой стороны, факт существования перевода письменного текста или устного перевода с одного языка на другой свидетельствует о своего

рода реализации кросскультурной коммуникации. Сама история переводческой деятельности, возникшей задолго до становления переводоведения (традуктологии) как научной области знания, демонстрирует, что человек всегда стремился к преодолению языковых барьеров с целью понять представителей других языков и культур. В связи с этим актуализировался вопрос, как реализовать перевод таким образом, чтобы приблизить к себе другую культуру. И здесь мы можем вспомнить слова Иеронима Стридонского из «Письма к Паммахию», написанные в IV веке, в них он объясняет свою переводческую концепцию, которая до сегодняшнего дня, по большому счету, остается востребованной: «Я перевел с аттического наречия самые известные речи двух красноречивейших риторов, обращенные друг против друга, Эсхина и Демосфена, — перевел не как толмач, но как Оратор, приспособив сами мысли и их выражение, как фигуры, так и слова, к нашей привычной речи. Я не считал необходимым передавать их слово в слово, но сохранил весь смысл и силу слов. Ибо полагал, что читателю слова нужны не по счету, а как бы по весу» [К Паммахию...].

С точки зрения нашей темы — реализации кросскультурной коммуникации путем перевода, — его слова «приспособив... к нашей привычной речи» и «не слово в слово, а передавая смысл и силу слова» показывают нам, где искать ответ на вопрос о сближении с другой культурой через перевод. Иными словами, последний по возможности должен содержать как можно более точную информацию, включающую, кроме денотативного, фоновое и коннотативное значения исходного языка, передаваемую лексическими единицами, характерными для языка перевода. В целом теория перевода развивается, пытаясь дать ответ на вопрос, как достичь лучшего перевода.

Предлагаемая статья посвящена анализу лингвокультурологических единиц, способствующих реализации кросскультурной коммуникации, в двух переводах романа «Накануне» И. С. Тургенева на сербский и сербо-хорватский языки. В целях сравнительного анализа данных переводов с переводом на неславянский язык мы рассматривали англоязычную версию романа «Накануне».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Если с культурологической точки зрения посмотреть на анализ отношений «между языком как интерпретатором культурной информации и человеком, который с помощью языка создает эту культуру» [Маслова 2001, с. 35], то мы увидим, что в каждой национальной среде лингвокультурологические сведения чаще всего «фиксируются в мифах, легендах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических текстах, фразеологии и метафорах, символах и поговорках» [Маслова 2001, с. 35]. Уни-

кальные для культуры значения чаще всего выражаются безэквивалентной лексикой и лексикой с фоновой и коннотативной семантикой. По мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, безэквивалентные и фоновые слова одного (в нашем случае русского) языка отличаются от соответствующих слов в других языках именно тем, что передают специфику, свойственную определенной национальной культуре [Верещагин и др., 1990].

Материалом для исследования послужил оригинальный текст романа «Накануне» И. С. Тургенева [Тургенев, 1977] и его переводы на сербский, сербскохорватский и английский языки. В Национальной библиотеке Сербии (НБС) зарегистрировано 11 изданий произведения, выпущенных в разных издательствах (Народна просвета, Просвета и др.). Однако в переводе нам удалось найти всего лишь два варианта. Дело в том, что, начиная с 1935 года, когда роман был напечатан в издательстве «Народна Просвета» в Белграде (самое старое издание, которое мы смогли найти), в переводе Зорки Велимирович [Тургенев, 1935], все последующие издания повторяли уже существующий перевод, кроме публикации 1963 года издательства «Матица Хрватска» в Загребе, где над переводом работала Майя Витрисал-Мулич [Тургенев, 1963]. Опубликованный в 2017 году издательством Делфи Класик перевод романа на английский язык, над которым работала Констанс Гарнетт (впервые издан в 1895 году), был доступен нам в онлайн-варианте [Turgenev, 2017]. Источниками информации о значениях лексических единиц в данном исследовании нам послужили русско-сербские, русские, английские толковые словари [Анђелковић, 1903; Кошутић, 1926; Ивановић et al., 1976; ТСРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Исторические связи русских и сербских культурных традиций

Говоря о русско-сербских культурных отношениях, уместно упомянуть первый зарегистрированный случай, свидетельствующий о данном факте, а именно сборник церковно-гражданских законов XIII века (1262 год) «Иловачка крмчия», который является «самой старой сохраненной переписью сербской редакции старославянского языка, написанной писцом Богданом и неким русским переписчиком родом из новгородской области» [Штавьанин-Ђорђевић, 1965, с. 65]. Именно русскому переписчику «приписывается употребление слова *съвоукупище*» [Ајдуковић, 2000, с. 45], которое является заимствованием из древнерусского языка.

Позднее, в течение XVI и XVII веков, сербские монахи получали образование в России и привозили оттуда книги и богослужебные пособия киевского или московского издания. До второй четверти XVIII века сербы использовали сербский вариант старославянского, а позднее и русский ва-

риант последнего. Это изменение было обусловлено внеязыковыми причинами: церковными, национальными, политическими и воспитательными. По просьбе митрополита Моисея Петровича Россия прислала церковные книги и учителей, поэтому в 1726 году, после открытия в Сремских Карловацах постоянной «славянской школы», русско-славянский язык стал основным литературным языком, на котором сербы приобретали грамотность и образование в XVIII веке. В школе преподавал русский учитель Максим Терентьев Суворов, привезший с собой «400 букварей с катехизисом (Первое учение отрокам) Теофана Прокоповича и 100 учебников по грамматике Мелетия Смотрицкого» [Ивић, 1988, с. 116].

Благодаря работе этой школы русско-славянский язык, фактически являющийся аналогом сербско-славянского языка, как русская редакция церковнославянского языка, возникшего очень рано, в период стабилизации церковнославянского языка в русской среде [Ивић, 1988, с. 117], врос в самый центр сербской школьной системы и таким образом стал языком образованных сербов того времени.

На распространение русского языка оказывают влияние как церковные и богослужебные книги, так и светская, научная, художественная литература. Кроме того, сербы, получившие образование в России, такие как Йован Раич, выпускник Киевской Духовной академии, или Захарий Орфелин, стремились русифицировать сербский литературный язык XVII—XVIII веков. Уже в 20-е годы XIX века потребность в церковнославянском языке отпадает, поскольку он больше не используется нигде, за исключением церкви. Появляется «Матица сербская» как литературно-научное и культурно-просветительское общество, которое сыграло значительную роль в создании и развитии сербского литературного языка. В то же время растет и интерес сербских литературных журналов к русской литературе. Так, например, «сразу после публикации поэмы “Руслан и Людмила”, принесшей поэту Пушкину признание в России, его имя попадает в поле зрения сербских литературных журналов, таких как старейший сербский журнал “Сербска летопис”. Уже в конце 30-х годов XIX века Пушкин воспринимается в Сербии как величайший русский поэт, по своему дарованию равный Шекспиру» [Шешкин, 2019, с. 7]. Что касается прозы и драматургии, то большое воздействие на сербскую литературу оказал художественный опыт Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского. Этот факт констатируется всеми исследователями русско-сербских литературных контактов XIX века [Шешкин, 2019]. Более того, интерес к русской литературе высок в сербской культуре и по настоящее время.

В каталоге НБС мы нашли 345 работ, посвященных творчеству А. С. Пушкина, большинство из которых составляют переводы; 367 —

посвящены Н. В. Гоголю; 905 работ — о Ф. М. Достоевском; 266 работ, посвященных И. С. Тургеневу, из которых только 11 изданий перевода романа «Накануне». Приведенные данные относятся к периоду с 1900 по 2023 годы. Данными за XIX век мы пока не располагаем.

Культурные, в частности литературные, отношения между двумя народами, описанные выше, имеют долгую историю, что подтверждает тесную связь сербской литературной культуры с русской и показывает, насколько важно кросскультурное взаимодействие, которое, кроме многого другого, подразумевает развитие и усовершенствование переводческой деятельности.

3.2. Перевод лексических единиц

В тексте романа «Накануне» мы обнаружили единицы разных уровней языка, которые могут быть интересны с точки зрения переводческого процесса. В данной статье мы рассмотрим ряд примеров лексического уровня, так как национально-культурная специфика произведения, как мы уже упоминали, чаще всего репрезентируется лексическими и фразеологическими фактами.

Слова и устойчивые выражения, с одной стороны, репрезентирующие уникальные факты русской культуры, а с другой — создающие трудности перевода, представлены формами обращения, безэквивалентной лексикой и словами и выражениями, называющими обычаи и традиции. В силу ограниченности объема статьи рассмотрим несколько из них: формы обращения, безэквивалентную лексику и идиоматические сочетания.

1. ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ.

Рассмотрим *словоерс* ('название звука *с*, прибавлявшегося встарину к концу слов в знак почтения к собеседнику' [ТСРЯ, т. 4, стб. 272]) и обращение *братец* (табл. 1, 2) в русском тексте и сербском, хорватском и английском переводных вариантах.

Таблица 1

Примеры перевода номинаций со словоерсом

Нет-с; это не по моей <i>части-с</i> , — возразил Шубин и надел шляпу на затылок [Тургенев, 1977, с. 4].
Не, то није из моје области — одговори Шубин, заваливши шешир на потиљак [Тургењев, 1935, с. 8].
Nije, <i>molim</i> , nije to iz moga područja, molim — odgovori Šubin i istaknu šešir na zatiljak [Тургењев, 1963, с. 193].
'No; it's not in my line,' rejoined Shubin, putting his hat on the back of his head [Turgenev, 2017] / Нет, это не мой козырь, сказал Шубин...

С учетом того, что словоерс (сокращенное обращение *сударь*) в XIX веке означал почтение к собеседнику и являлся адресным окончанием, то удив-

ляет решение первого переводчика не обратить внимание на словоерс в оригинале и упустить нюанс, который привносит оттенок легкой иронии в обращение Шубина к Берсеневу. Хотя в русско-сербских словарях мы не нашли указания на значение словоерса, однако переводчик второго варианта, почувствовав или зная значение словоерса, внес в перевод слово *молим* (*прошу*), добавив тем самым в высказывание Шубина ноту шутливости или иронии. Как видим, английский переводчик тоже не стал останавливать внимание на словоерсе и переводить эту форму, хотя в английском языке внимание к различным оборотам речевого этикета имеет давние традиции, в силу чего любое отклонение от существующих норм обращения воспринимается как невежливость или преднамеренная грубость.

Таблица 2

Примеры перевода обращения *brateц*

Мы будем, <i>brateц</i> , в резерве, как некие ветераны... [Тургенев, 1977, с. 82].
Ми ћемо <i>brataц</i> у резерву, као неки ветерани... [Тургењев, 1935, с. 58].
Mi ћемо, <i>brajko</i> , u rezervu kao neki veterani... [Тургењев, 1963, с. 246].
‘We will form the reserve, my dear boy, like veterans,’ whispered Shubin to Berse-nyev [Turgenev, 2017] / Мы сформируем резерв, мой дорогой мальчик, как ветераны, — шепнул Шубин Берсеневу.

В данном примере мы видим, что переводчики перевели обращение *brateц* словами *brataц* и *brajko*, что соответствует значению слова в русском. Подтверждение находим в Словаре Кошутича: ‘кад образован човек говори војнику или просту човеку’ [Кошутић, 1926, с. 12] (Когда образованный человек обращается к солдату или человеку низкого сословия). Переводчик на английский язык слово *brateц* перевел *my dear boy* (мой дорогой мальчик), желая, по-видимому, подчеркнуть дружеские отношения персонажей, но, с нашей точки зрения, не почувствовав, что здесь есть и доля легкой иронии.

Важно учитывать тот факт, что русский и сербский языки исходят из совместного источника. Особенностью славянского языкового мира является ментальное наслоение, связанное с лексико-семантической группой «Семья». Даже и наименования во многих славянских языках, включая прежде всего русский и сербский языки, совпадают (*брат, сестра, мать / мајка, отец / отац, сын / син, внук / унук, теща / таишта, свекорвь / свекрва*). По этой причине чертой как русского, так и сербского психотипа является восприятие представителей окружающего социума (земляков, односельчан, соседей и под.) как членов одной семьи. В связи с этим в разговорной речи возможно использование номинаций ближайших родствен-

ников для обращения к знакомым или даже к незнакомым людям [Кононенко, 2015, с. 930]. Однако проблемы при переводе могут возникнуть со словом *дядя*, обозначающим как брата матери или отца, так и любого далекого родственника или даже незнакомого человека. В сербском же языке существует словесная разница: брат матери — *ујак*, а брат отца — *стриц*. Таким образом, переводчик должен по возможности анализировать семейные связи образов художественного произведения.

2. БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА. В эту группу мы включили переводы следующих лексем: *русалки*, *митенка*, *оброчить*, *казачок*, *молчальник*, *орден Станислава*, *дом построенный на петербургский манер*, *александрийская рубаха* и *разночинец* (табл. 3—11)

Таблица 3

Примеры перевода лексемы *русалка*

У нас есть <i>русалки</i> , — заметил Берсенеv [Тургенев, 1977, с. 12].
Ми имамо наше русалке — примети Берсењев [Тургењев, 1935, с. 14]. Прим. прев: вила [Ibid., с. 313].
Mi imamo rusalka — opazi Bersenjev [Тургењев, 1963, с. 199].
We have our roussalkas... [Turgenev, 2017].

В данном случае мы замечаем, что переводчики оставили слово *русалка* в сербском тексте, добавив в примечаниях перевод: *вила* — существо, обладающее сверхъестественными способностями. В сербском психотипе *вила* чаще всего ассоциируется с Вилой Равиойлой (*Вила Равиојла*) — горной нимфой, упоминающейся в сербской эпической поэзии цикла Королевич Марко, где данный персонаж является сестрой по крови эпического героя и помогает ему в боях. Однако в русской мифологии русалка — это вредоносный дух, способный зашекотать человека насмерть или утопить в воде. Очевидно, что разница в восприятии данного слова в двух культурах существует и должна быть отражена в переводе. Английский переводчик также оставляет слово *русалка*, адаптировав его согласно английской орфографии, хотя его современная версия — *rusalka*. Возможно, переводчик под влиянием названия оперы А. Дворжака на французском языке решил так его перенести в английский текст.

Лексеме *митенка* ('фр. *mitaine*, женские полуперчатки без пальцев' [ТСРЯ, т. 2, стб. 229]) переводчики перевели как *плетена рукавица* или *рукавица* (вязаная перчатка или перчатка). Однако анализ образа данного персонажа, легкого и воздушного, немного кокетливого, позволяет предположить, что автор надел бы на ее руку скорее перчатки без пальцев, которые подчеркнут белизну ее руки, нежели закрытую вязаную перчатку,

Таблица 4

Примеры перевода лексемы *митенка*

...откидывая хорошенькою ручкой, одетой в черную <i>митенку</i> ... [Тургенев, 1977, с. 15].
...уклањајући својом лепом ручицом, у црној <i>плетеној рукавици</i> ... [Тургењев, 1935, с. 15].
...odbacujući dražesnom rukom u crnoj <i>rukavici</i> ... [Тургењев, 1963, с. 200].
...and with a pretty black — <i>mittened</i> little hand pushing her long soft curls [Turgenev, 2017].

еще и черного цвета. В английском переводе использовано слово *mittend*, обозначающее именно то, о чем писал Тургенев — перчатки без пальцев, которые были модным женским аксессуаром в период написания романа. Английский и русский языки заимствовали слово, обозначающее данный аксессуар, из французского. А в сербском языке его нет, хотя сам предмет существует и называется *рукавице без прстију* (перчатки без пальцев). Этот факт объясняется тем, что слово вошло в английский и русский языки в XVIII или XIX веке, в то время как сербский язык в силу исторических обстоятельств (период сопротивления сербов османскому владычеству) не имел возможности заимствовать слова, касающиеся гардероба, из французского языка. Однако, с нашей точки зрения, переводчики могли использовать вариант, существующий в сербском языке (со значением ‘перчатки без пальцев’).

Таблица 5

Примеры перевода лексемы *оброчить*

...имение же было <i>оброченное</i> ; он поселился в Москве... [Тургенев, 1977, с. 17].
...имање беше дато под закуп; он се пресели у Москву... [Тургењев, 1935, с. 16].
... a imanje mu je bilo obročeno; on se nastanio u Moskvi... nap.prev. fusnota 3 Prije agrarne reforme od 1861. većina vlastele iz srednje Rusije, gdje zemlja nije jako plodna, puštala je svoje kmetove na zaradu u gradove na rad u tvornice ili na sezonski rad s time da gospodarima dadu određenu svotu (veći dio svoje zarade) u naknadu što uživaju vlastelinove zemlje. Pustiti kmeta u pečalbu zvalo se „pustiti ga na obrok [Тургењев, 1963, с. 201].
He was soon tired of country life, and as the peasants' labour was all commuted for rent he could easily leave the estate; he settled in Moscow in his wife's house [Turgenev, 2017].

Лексема *оброченное* в первом случае переведена как выражение со значением ‘сдать в аренду’. Во втором случае читатель получил полную историческую информацию о значении: до аграрной реформы 1861 года

большинство дворян из средней полосы России, где земля не очень плодородна, посылали своих крепостных в города для работы на фабриках или на сезонных работах с условием, что они будут отдавать барину известную сумму (большая часть их заработка) в качестве компенсации за использование господских земель. Эта ремарка помогает читателю лучше понять психологию персонажа и расширяет его знание об историческом контексте, что улучшает кросскультурную коммуникацию. Тем временем в английском варианте переводчик пишет: *Вскоре ему надоела деревенская жизнь, а поскольку весь крестьянский труд оплачивался арендной платой, он мог легко покинуть поместье; он поселился в Москве в доме своей жены.* Здесь сообщение об арендной плате не дает представления о зависимости крестьян от помещика.

Таблица 6

Примеры перевода лексемы *казачок*

Вошел <i>казачок</i> [Тургенев, 1977, с. 45].
Уђе слуга у козачком оделу [Тургењев, 1935, с. 33].
Uđe dječak-sluga [Тургењев, 1963, с. 220].
A little page came in [Turgenev, 2017].

Слово *казачок* переведено в издании 1935 года согласно значению, которое дал автор (в старинном дворянском быту мальчик-слуга, одетый в казакин или черкеску), рисуя обстановку в доме и дворянский быт Стаховых. Во втором переводе указывается только возраст слуги — мальчик. В русско-сербских словарях находим такое объяснение — слуга в казачьей одежде (‘слуга у козачком оделу’ [Анђелковић, 1903, с. 275]). Английский переводчик использует словосочетание *a little page*, имеющее в английском языке основное значение ‘мальчик-слуга’. Однако как и в русском языке, в котором *паж* — это ‘в середине века — мальчик дворянской фамилии, прислуживавший знатной или коронованной особе (преимущ. женщине; истор.)’ [ТСРЯ, т. 3, стб. 16—17], в английском — значение слова *паж* несколько иное, нежели *казачок*. В целях приближения читателя к атмосфере России XIX века и тургеневским персонажам, с нашей точки зрения, переводчики, возможно, могли более подробно задержаться на объяснении значения данной лексемы, характеризующей быт русского дворянского сословия.

В случае перевода лексемы *молчальник* (‘церк., человек, давший обет молчания из религиозных побуждений’ [ТСРЯ, т. 2, стб. 252]) видим, что первый вариант ограничился только словом *ћуталица* (‘тот, кто предпочитает молчать, а не разговаривать’), что соответствует русскому *молчун*. Во втором переводе находим историческую информацию: средневековый

Таблица 7

Примеры перевода лексемы *молчальник*

Он тоже в своем роде <i>молчальник</i> [Тургенев, 1977, с. 58].
Он је такође ћуталица своје врсте [Тургењев, 1935, с. 42].
On je, također, svojevrstni mučalnik. nap.rev. Srednjovjekovni monah koji je dao zavjet mučenja ili šutnje nešto kao današnji trapisti. Riječ mučalnik je neobična u savremenom književnom jeziku, ali postoji u A. R. [Тургењев, 1963, с. 229].
He is reserved, too, in his own way [Turgenev, 2017].

монах, давший обет самоистязания или молчания, — с помощью которой автор добавляет штрих в рисунок характера своего персонажа Инсарова. В русско-сербских словарях нет данной лексемы. На английский язык переводчик слово *молчальник* перевел как *reserved*, никак его не объяснив, остановившись лишь на факте неразговорчивости персонажа. Однако, с другой стороны, значение слова *reserved* свидетельствует ещё и об эмоциональной сдержанности, замкнутости героя — посредством такой номинации переводчик попытался дополнить информацию о характере Инсарова.

Таблица 8

Примеры перевода лексемы *разночинец*

Дочь столбового дворянина Николая Стахова вышла за бродягу, за <i>разночинца</i> ! [Тургенев, 1977, с. 170].
Кћи Николаја Стахова, племића првог реда, пошла за скитницу, за човека који не припада никаквом staleжу! [Тургењев, 1935, с. 113].
Kći plemića koljenovića Nikolaja Stahova udala se za skitnicu, za raznočinca. nap.rev Raznočinac — intelektualac koji ne pripada plemstvu, a potječe iz nižih društvenih staleža [Тургењев, 1963, с. 306].
‘Married! To that vagrant, that Montenegrin! the daughter of Nikolai Stahov of the higher nobility married to a vagrant, a nobody, without her parents’ sanction! [Turgenev, 2017].

Лексема *разночинец* (‘истор., в 19 в. в России — интеллигент из либеральной и демократической буржуазии, не принадлежавший к дворянству, выходец из духовенства, чиновничества, мещанства или крестьянства’ [ТСРЯ, т. 3, стб. 1182]) достаточно часто встречается в русской классической литературе: достаточно вспомнить самого известного из них — Базарова у И. С. Тургенева, а также Круциферского и Крупова у А. И. Герцена, Аграрина у Н. А. Некрасова или же Марка Волохова у И. А. Гончарова. Понятие разночинца как человека, принадлежавшего к непривилегированным сословиям, присутствует в переводах русской литературы XIX века на сербский язык, о чём свидетельствуют и рассматриваемые нами переводы.

В первом случае переводчик опускает само слово *разночинец*, заменив его расширенным объяснением (*човек који не припада никаквом сталежу*). Во втором тексте переводчик оставляет слово *разночинец* и в качестве примечания дает объяснение самого понятия (*интелектуалац који не припада племству, а потиче из нижих друштвених слојева*). Переводчик на английский язык не упоминает слова *разночинец*, но выражением *a nobody* (*он никто*) рисует полное пренебрежение Николая Стахова к Инсарову, тем не менее сокращая объем содержания понятия «разночинец».

Таким образом, анализ переводов показывает, что, когда речь идет об историческом понятии, вполне распространенном в литературе, сербские переводчики стараются отразить максимально близко исторический контекст русского произведения.

3.2. Перевод фразеологических выражений

Фразеологическое выражение в процессе перевода является одним из важных и сложных объектов, поскольку в этом случае способ переноса значения есть выражение «свидетельства о культуре и менталитете данного народа» [Маслова, 2001, с. 43]. При этом, по мнению С. Влахова и С. Флорина, в решении данной проблемы в зависимости от соотношения двух языковых систем (исходного языка и языка перевода) можно обратиться к трем вариантам: фразеологическим эквивалентам, функционально подобным фразеологизмам и нефразеологическим средствам [Влахов и др., 1980, с. 183]. Если речь идет о русско-сербской языковой паре, то можно сказать, что в переводческой практике встречаются все три варианта. Благодаря близкородственным отношениям двух языков, существует большое количество как фразеологических эквивалентов (*ума не приложу / нисам паметан*; что посеешь, то и пожнешь / *како сејеш, тако ћеш и да жањеш*; заварить кашу / *закувати кашу*), так и функционально подобных фразеологизмов (*стоит как истукан / стоји као дрвена Марија*; не в своей тарелке / *нису му све козе на броју*; кровь и молоко / *пуца од здравља*). В то же время в силу существующих лингвокультурологических различий есть и такие фразеологизмы, которые нужно переводить на сербский язык нефразеологическими средствами (*сесть в лужу / ставити некога у глуп положај*; с корабля на бал / *неочекивани прелазак из једне ситуације у другу*; остаться с носом / *намагарчити некога*). В рассматриваемом нами тексте романа «Накануне» мы находим по крайней мере два подобных фразеологизма: *в кои-то веки* ('разг., наконец-то, после большого промежутка времени, очень редко' [ТСРЯ, т. 1, стб. 241—242]) и *кусать (себе) локти* ('досадовать, сожалеть о непоправимом, потерянном' [СЛРЯ, т. 2, стб. 155]) (табл. 9, 10).

Данное словосочетание обозначает, что действие, о котором идет речь, происходит после долгого промежутка времени, очень редко. Однако в пер-

Таблица 9

Примеры перевода фразеологизма *в кои-то веки*

В <i>кои-то веки</i> приедешь домой... [Тургенев, 1977, с. 47].
Дођем кући, хтео бих да се одморим... [Тургењев, 1935, с. 35].
Nakon tolikog vremena dođeš kući, želiš se odmoriti... [Тургењев, 1963, с. 221].
When one's been away an age, and comes home hoping for rest... [Turgenev, 2017].

вом переводе на сербский язык переводчик никоим образом не передал значение данного фразеологизма. Во втором случае переводчик упомянул, что действие происходит после долгого времени (*након толико времена*), и тем самым учел значение русского фразеологизма *в кои-то веки*. Переводчик на английский язык использовал выражение *been away an age* (отсутствовать целую вечность), правильно поняв значение русского фразеологизма. Что касается сербского языка, возможно, данное значение лучше было бы ввести нефразеологическим средством, а именно определенным наречием — *најзад, напoкон*.

Таблица 10

Примеры перевода фразеологизма *кусать (себе) локти*

Я пришел сюда, потому что я готов <i>локти себе кусать</i> ... [Тургенев, 1977, с. 70].
Али ја сам дошао овде зато што бих лактове изгризао од јада... [Тургењев, 1935, с. 50].
Došao sam ovamo što hoću da se živ pojedem... [Тургењев, 1963, с. 238].
... because I am devoured by despair, anger, jealousy [Turgenev, 2017].

В первом переводе на сербский язык перед нами буквальный перевод фразеологизма (*лактове бих гризао од јада*), во втором переводе видим функционально подобное выражение (*жив бих се појео*), а в английском тексте переводчик описал состояние героя (*despair, anger, jealousy*) — отчаяние, гнев, ревность. С задачей, с нашей точки зрения, лучше всех справился переводчик второго варианта, поскольку он подобрал фразеологизм в сербском языке, отвечающий по значению исходному тексту — *сам бы себя съел*.

4. Заключение = Conclusions

На основе проведенного нами исследования особенностей кросскультурной коммуникации в текстах перевода романа «Накануне» И. С. Тургенева на сербский и сербскохорватский языки (а также для сравнения на английский) мы пришли к следующим выводам.

В рассматриваемых переводах мы, не желая ни в коем случае умалить работу переводчиков, заметили, что при переводе языковых единиц с культурно-историческим контекстом переводчики демонстрировали как кросс-культурные удачи, так и неудачи, которые чаще всего заключались в так называемых «нулевых переводах», то есть опускании важных для русской культуры элементов или в их замене единицами, типичными для сербского (или англоязычного) мировосприятия. Также, мы заметили, что существующие русско-сербские словари, несмотря на все усилия, прикладываемые лексикографами, не всегда адекватно фиксируют значение русских слов и фразеологических оборотов, тем более что в них, как правило, отсутствуют данные о коннотативных и фоновых значениях лексем. Поэтому, с нашей точки зрения, существует необходимость более конкретной лексикографической поддержки переводчиков, которая может быть реализована в отдельном лингвокультурологическом русско-сербском словаре.

Что касается сравнений с переводом рассматриваемого текста на английский язык, то предполагаемый нами вывод о том, что при переводе на близкородственный язык читатель будет нуждаться в меньшем количестве лингвокультурологических объяснений, не подтвердился. То есть, несмотря на генетическую близость языков и культур, особого внимания при переводе требуют как раз сугубо национальные черты, отраженные в каждом отдельном языке. Об этом свидетельствуют и слова У. Эко: «...перевод представляет собою переход не только из одного языка в другой, но и из одной культуры в другую... переводчик должен осознавать не только сугубо лингвистические правила, но и элементы культуры в самом широком смысле этого слова» [Эко, 2015, с. 272]. Таким образом, эмпирические данные, полученные в результате сопоставительных исследований переводов, позволяют накопить данные о трудных случаях переноса лингвокультурологических фактов из одного языка в другой, что даст возможность создавать лексикографические ресурсы в помощь переводчику.

Заявленный вклад авторов: Павлович-Шайтинац М. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание текста; итоговые выводы. Тяпков И. С. — участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: Maja B. Pavlović-Sajtinac — scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions. Цяа S. Tyapkov — participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Анђелковић М.* Речник руско-српски (PPC MA) / М. Анђелковић. — Београд : Дворска књижара Мите Стајића, 1903. — 1001 с.
2. *Ивановић С.* Руско-српскохрватски речник (PPC СИ) / С. Ивановић, Ј. Петрановић. — Москва : Русский язык, 1976.
3. *К Паммахию* о наилучшем способе перевода — преподобный Иероним Блаженный, Стридонский. — Режим доступа : https://azbyka.ru/otechnik/Ieronim_Stridonskij/k_pammahiu/ (дата обращения 20.11.2023).
4. *Кошутић Р.* Примери књижевнога језика руског III Речник / Р. Кошутић. — Београд : Државна штампарија, 1926.
5. СлРЯ — *Словарь русского языка* : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 2. К—О. — 736 с.
6. ТССРЯ — *Толковый словарь русского языка* : в 4 т. — Москва : Советская энциклопедия : ОГИЗ, 1935—1940.
7. *Тургенев И. С.* Накануне / И. С. Тургенев. — Москва : Детская литература, 1977. — 216 с.
8. *Тургењев И. С.* Уочи нових дана / И. С. Тургењев. — Београд : Народна просвета, 1935. — 210 с.
9. *Тургењев И. С.* Уочи нових дана / И. С. Тургењев. — Загреб : Матица Хрватска, 1963. — 210 с.
10. *Turgenev I.* On the Eve / I. Turgenev. — London : Delphi Classics, 2017. — ISBN 9781788770316.

Литература

1. *Ајдуковић Ј.* Состояние и перспективы исследования русского и других языков / Ј. Ајдуковић // Зборник радова са V Међународног симпозијума Мапрјал. — Београд : Славистичко друштво Србије, 2000. — С. 104—110. — ISBN 978-86-83691-47-0.
2. *Бельская А. А.* «Накануне» И. С. Тургенева : типы связи имени и носителя в системе образов второстепенных персонажей романа / А. А. Бельская // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2019. — № 4 (85). — С. 99—106.
3. *Булыгина А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / А. Д. Булыгина. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — 575 с. — ISBN 5-88766-051-1.
4. *Верещагин Е. М.* Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — Москва : Русский язык, 1990. — 247 с. — ISBN 5-200-01076-4.
5. *Влахов С.* Непере译ваемое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — Москва : Международные отношения, 1980. — 341 с.
6. *Грушевицкая Т. Г.* Основы межкультурной коммуникации / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. — Москва : Юнити-Дана, 2003. — 352 с. — ISBN 5-238-00359-5.
7. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации Изд. 2, испр. / Д. Б. Гудков. — Москва : URSS, 2022. — 200 с. — ISBN 978-5-9710-7772-5.
8. *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры / В. Фон Гумбольдт. — Москва : Прогресс, 1985. — 452 с.
9. *Зализняк А. А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 544 с. — ISBN 5-94457-104-7.

10. *Ивић П.* Преглед историје српског језика VIII / П. Ивић. — Сремски Карловци, Нови Сад : Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1988. — 344 с. — ISBN 978-86-7543-288-3.

11. *Кононенко И.* Система семейных ценностей в языковой картине мира славян / И. Кононенко // *Konstrukcje i destrukcje tożsamości. Wartości w świetle słowiańskim* / pod red. E. Gołachowskiej, D. Pazio-Wlazłowskiej. — Warszawa : Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2015. — Т. IV. — С. 429—442.

12. *Маслова В. А.* Лингвокультурология / В. А. Маслова. — Москва : Академия, 2001. — 169 с. — ISBN 5-7695-0745-4.

13. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир ; пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. — Москва : Прогресс : Универс, 1993. — 654 с.

14. *Фрик Т. Б.* Основы теории межкультурной коммуникации : учебное пособие / Т. Б. Фрик // Томский политехнический университет. — Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2013. — 100 с.

15. *Шешкин А. Г.* «Русский след» в истории сербской литературы и критики 20-30-х гг. XX века (к вопросу о роли русской эмиграции в культурной жизни Сербии) / А. Г. Шешкин // *Филологические студии Университет «Св. Кирил и Методиј»*. — 2009. — С. 1—12.

16. *Штављанин-Ђорђевић Љ.* Челка — Русизам или србизам у законоправили Светога Саве / Љ. Штављанин-Ђорђевић. — Београд : Народна библиотека Србије, 1965.

17. *Эко У.* Сказать почти то же самое : опыты о переводе / У. Эко. — Москва : Аст, 2006. — 736 с. — ISBN 5-89091-316-6.

18. *Hall E. T.* Culture as Communication / E. T. Hall, H. Trager. — New York : Doubleday, 1954.

*Статья поступила в редакцию 12.10.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 22.01.2024.*

Material resources

Andelković, M. (1903). *Dictionary of Russian-Serbian (RRS MA)*. Belgrade: Court bookstore of mite Stajić. 1001 s. (In Serb.).

Ivanović, S., Petranovic, J. (1976). *Russian-Serbo-Croatian dictionary (RRS SI)*. Moscow: Русский язык. (In Serb.).

Kosutić, R. (1926). *Examples of the literary language of Russian III Dictionary*. Belgrade: state press. (In Serb.).

SLRYA — *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes*, 2. (1999). Moscow: Russian language; Polygraph Resources. 736 p. (In Russ.).

To the Pamphlet on the best way of translation — St. Jerome the Blessed, Strydomsky. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ieronim_Stridonskij/k_pammahiu (accessed 11.20.2023).

TSRYA — *Explanatory dictionary of the Russian: in 4 volumes*. Moscow: Soviet Encyclopedia: OGIZ, 1935—1940.

Turgenev, I. S. (1935). *Uochi novikh dana*. Beograd: Narodna prosbeta. 210 p. (In Serb.).

Turgenev, I. S. (1963). *Uochi novikh dana*. Zagreb: Matica Hrvatska. 210 p. (In Serb.).

Turgenev, I. S. (1977). *The day before*. Moscow: Children's Literature. 216 p. (In Russ.).

Turgenev, I. (2017). *On the Eve*. London: Delphi Classics. ISBN 9781788770316.

References

- Aidukovich, J. (2000). State and prospects for the study of Russian and other languages. In: *Materials of the 5th international symposium MAPRYAL*. Belgrade: Slavic Society of Serbia. 104—110. ISBN 978-86-83691-47-0. (In Russ.).
- Belskaya, A. A. (2019). “On the eve” by I. S. Turgenev: Types of connection between the name and the bearer in the system of images of secondary characters of the novel. *Scientific notes of the Orel State University*, 4 (85): 99—106. (In Russ.).
- Bulygina, A. D. (1997). *Linguistic conceptualization of the world (in Russian grammar)*. Moscow: Languages of Russian Culture. 575 p. ISBN 5-88766-051-1. (In Russ.).
- Eco, U. (2006). *Say Almost the Same Thing: Experiments on Translation*. Moscow: Ast. 736 p. ISBN 5-89091-316-6. (In Russ.).
- Frick, T. B. (2013). Fundamentals of the theory of intercultural communication: a textbook. In: *Tomsk Polytechnic University*. Tomsk: Publishing House of Tomsk Polytechnic University. 100 p. (In Russ.).
- Grushevitskaya, T. G., Popkov, V. D., Sadokhin, A. P. (2003). *Fundamentals of intercultural communication*. Moscow: Unity-Dana. 352 p. ISBN 5-238-00359-5. (In Russ.).
- Gudkov, D. B. (2022). *Theory and practice of intercultural communication*. Moscow: URSS. 200 p. ISBN 978-5-9710-7772-5. (In Russ.).
- Hall, E. T., Trager, H. (1954). *Culture as Communication*. New York: Doubleday.
- Humboldt, V. von. (1985). *Language and philosophy of culture*. Moscow: Progress. 452 p. (In Russ.).
- Ivić, P. (1988). *Review of the history of Serbian language VIII*. Sremski Karlovci, Novi Sad: Publishing House of Zoran Stojanović. 344 p. ISBN 978-86-7543-288-3. (In Serb.).
- Kononenko, I. (2015). The system of family values in the linguistic picture of the world of the Slavs. In: *Konstrukcje i destrukcje tożsamości. Wartości w świecie słowiańskim, IV*. Warszawa: Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk. 429—442. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2001). *Linguoculturology*. Moscow: Akademiya. 169 p. ISBN 5-7695-0745-4. (In Russ.).
- Sepir E. (1993). *Selected works on linguistics and cultural studies*. Moscow: Progress Publishing house of the Univers Group. 654 p. (In Russ.).
- Sheshkin, A. G. (2009). Russian trace in the history of Serbian literature and criticism of the 20—30s of the twentieth century (on the role of Russian emigration in the cultural life of Serbia). *Filoloshki studio University “St. Cyril and Methodij”*. 1—12. (In Russ.).
- The Holy Spirit-George. (1965). *Čelka-Russianism or serbism in the law of St. Sava. The Stav-Djordjevic*. Belgrade: National Library of Serbia. (In Serb.).
- Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1990). *Language and culture*. Moscow: Russian Language. 247 p. ISBN 5-200-01076-4. (In Russ.).
- Vlakhov, S., Florin, S. (1980). *Untranslatable in translation*. Moscow: International Relations. 341 p. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). *Key ideas of the Russian linguistic picture of the world*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 544 p. ISBN 5-94457-104-7. (In Russ.).

*The article was submitted 12.10.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 22.01.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(1), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Пряников А. В. Бисубстантивные предложения с семантикой внешней характеристики и состояния предмета в русском языке / А. В. Пряников // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 63—81. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-63-81.

Pryanikov, A. V. (2024). Bisubstantive Sentences with Semantics of External Characteristics and Object State in Russian. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 63-81. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-63-81. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-63-81

Бисубстантивные предложения с семантикой внешней характеристики и состояния предмета в русском языке

Пряников Александр Викторович

orcid.org/0000-0002-2063-8621

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и литературы
Pryanikoff14@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Арзамасский филиал)
(Арзамас, Россия)

Bisubstantive Sentences with Semantics of External Characteristics and Object State in Russian

Pryanikov Alexander Viktorovich

orcid.org/0000-0002-2063-8621

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Russian Language and Literature
Pryanikoff14@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Arzamas Branch)
(Arzamas, Russia)

© Пряников А. В., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются бисубстантивные предложения, грамматический субъект которых представлен конкретно-предметным именем, а функционирующие в составе связочно-субстантивного сказуемого предложно-падежные сочетания имени существительного репрезентируют значения внешней характеристики и состояния предмета. Выявлены, систематизированы и описаны средства выражения характеристики цвета и формы предмета; размера предмета (дименсивное значение); материала, из которого предмет изготовлен (фабрикативное значение); отличительных деталей предмета (их наличия или отсутствия); конструктивных особенностей предмета, рисунка на поверхности предмета; внешнего покрытия предмета. Проанализированы две разновидности значения состояния предмета: значение внешнего состояния и экзистенциально-функциональное состояние. Подчёркивается, что эти значения нередко оказываются синкретичными, что говорит об изменении семантики предложно-падежных форм при выполнении ими предикативной функции и подтверждает тенденцию к обособлению ряда из них от системы грамматических форм имени существительного.

Ключевые слова:

грамматический анализ, бисубстантивное предложение; связочно-субстантивное сказуемое; предложно-падежное сочетание; предикатив; внешняя характеристика объекта в языке; языковое представление состояния объекта.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines bisubstantive sentences, whose grammatical subject is represented by a concrete-nominal noun, while the prepositional-case combinations of the noun in the copulative-substantive predicate represent the meanings of external characteristics and object state. The means of expressing the characteristics of color and shape of an object, the size of an object (dimensional meaning), the material from which an object is made (fabricative meaning), distinctive details of an object (their presence or absence), structural features of an object, patterns on the surface of an object, and external coating of an object are identified, systematized, and described. Two varieties of object state meaning are analyzed: external state and existential-functional state. It is emphasized that these meanings often turn out to be syncretic, indicating a change in the semantics of prepositional-case forms when they perform a predicative function and confirming the tendency to separate some of them from the system of grammatical forms of a noun.

Key words:

Grammatical analysis, bisubstantive sentence; copulative-substantive predicate; prepositional-case combination; predicative; external characteristic of an object in language; linguistic representation of the state of an object.

Бисубстантивные предложения с семантикой внешней характеристики и состояния предмета в русском языке

© Пряников А. В., 2024

1. Введение = Introduction

Монополия глагола на выполнение предикативной функции, установленная вербоцентрическим подходом к русскому предложению (работы А. М. Пешковского), долгое время определявшим понимание сказуемого в неразрывной связи с глагольностью, в современном синтаксисе уступила место признанию равноправного сосуществования в русском предложении как глагольного, так и неглагольного сказуемого, в чём, безусловно, велика заслуга П. А. Леканта, опиравшегося в своей классификации сказуемого на разные (синтетический и аналитический) способы выражения грамматического и вещественного значений [Лекант, 2017], и Н. А. Герасименко, развившей его идеи и предложившей собственную классификацию неглагольного сказуемого. Труды Н. А. Герасименко «позволяют уточнить существующие классификации двусоставных предложений и определить место бисубстантивных предложений в системе типов русского предложения» [Шاپовалова, 2023, с. 6]. Н. А. Герасименко в своей работе «Теория сказуемого П. А. Леканта и её развитие в современном синтаксисе» [Герасименко, 2020б] прослеживает смену научной парадигмы в изучении русского сказуемого, призванную разбить стереотипы относительно его исключительно глагольной сущности.

Результатом многолетней работы по изучению неглагольного сказуемого явилось выделение Н. А. Герасименко особого типа русского двусоставного предложения — бисубстантивного предложения, обоснование статуса которого представлено в монографии «Бисубстантивное предложение в русском языке: структура, семантика, функционирование» [Герасименко, 2012]. В этой работе бисубстантивные предложения рассматриваются в структурно-грамматическом и логико-семантическом аспектах, отмечаются особенности функционирования их в художественном тексте и в текстах разных функциональных стилей русского языка, что позволило автору представить иерархически выстроенную систему разновидностей бисубстантивного предложения и наметить дальнейшие шаги по их изучению.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Дальнейшие исследования бисубстантивных предложений связаны как с анализом их структурных и семантических особенностей, включающим рассмотрение вопроса о различных типах связей и способов выражения присвязочной части связочно-субстантивного сказуемого [Герасименко, 2018; Герасименко, 2020а; Конченко, 2016; Соловьева, 2021; Степанчиков, 2019 и др.], так и с выявлением места бисубстантивных предложений в системе стилистических ресурсов русского языка и ресурсов идиолекта [Герасименко и др., 2019; Герасименко, 2021; Герасименко и др., 2021; Селеменева, 2020 и др.], роли их в развитии речевой культуры, связанном в том числе с методикой их изучения [Герасименко, 2019; Степанчиков, 2020 и др.].

Настоящая статья призвана дополнить представления о бисубстантивном предложении в части выражения в нём значений внешней характеристики и состояния предмета (не-лица). Языковым материалом исследования послужили примеры бисубстантивных предложений, извлечённые из текстов русской литературы и публицистики XIX—XXI веков, включая данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. При рассмотрении средств репрезентации значений внешней характеристики и состояния предмета использовались структурно-семантический метод, приёмы наблюдения и описания, элементы компонентного, трансформационного и оппозиционного анализа.

Анализ языкового материала позволил выделить оттенки значения *внешней характеристики предмета*: цвет и форма предмета; размер предмета (дименсивное значение); материал, из которого предмет изготовлен (фабрикативное значение); отличительные детали предмета (их наличие или отсутствие); конструктивные особенности предмета, рисунок на поверхности предмета; внешнее покрытие предмета, а также разновидности значения *состояния предмета*: собственно внешнее состояние и экзистенциально-функциональное состояние.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Связочно-субстантивное сказуемое со значением внешней характеристики предмета

Имя существительное со значением предмета, понимаемого как «всякое конкретное материальное явление, воспринимаемое органами чувств и мышлением как нечто существующее особо» [МАС, т. 3, с. 366], обладает набором признаков, отличающих его от других лексико-грамматических разрядов (имён существительных с отвлечённой или событийной семантикой). Одушевлённые и неодушевлённые предметы (существительные со значением лица — не-лица), функционирующие в позиции грамматиче-

ского субъекта, также характеризуются наличием как интегральных, так и дифференциальных признаков. Как отмечает Н. А. Герасименко, «восприятие признака предмета органами чувств или при помощи мыслительной деятельности может служить основанием для разграничения семантических типов предиката, характеризующего конкретный предмет в бисубстантивных предложениях» [Герасименко, 2012, с. 263]. Остановимся на предикативных признаках, свойственных предмету вообще и неодушевлённому предмету в частности.

В зависимости от объекта характеристики можно выделить следующие оттенки значения внешней характеристики предмета, репрезентируемые в связочно-субстантивном сказуемом: характеристика цвета и формы предмета; характеристика размера предмета (дименсивное значение); характеристика материала, из которого предмет изготовлен; характеристика отличительных деталей предмета (их наличие или отсутствие); характеристика конструктивных особенностей предмета, характеристика рисунка на поверхности предмета; характеристика внешнего покрытия предмета.

Внешние признаки предмета, воспринимаемые органами чувств, передаются именами прилагательными, «изначально приспособленными языком» для этого, однако круг их часто оказывается недостаточным для передачи всего многообразия названных признаков. Падежные и предложно-падежные формы имени существительного в составе связочно-субстантивного сказуемого восполняют эту недостачу, см. об этом: [Герасименко, 2012, с. 265]. Так, цветовая характеристика может осуществляться формой родительного падежа с облигаторным определением посредством указания на цвет предмета, служащего своеобразным эталоном данного цветового оттенка: *Для довершения сходства фрак на нём (Собакевиче) **был** совершенно **медвежьего цвета*** (Н. Гоголь); *Белокаменный собор **был цвета** домотканого **холста**, с нежным узорным пояском, круглыми, как белые печёные хлебы, абсидами, одинокой золотой головой, делавшей его похожим на человека в шлеме, в белых, вольно спадавших одеждах* (А. Проханов); *Пиджачок **был цвета** обжигающего овощного **рагу** с хорошо поджаренным лучком, прожилками помидоров и частыми крапинками молотого перца* (В. Дудинцев); *За идущим впереди джигом пыли не было, но сам джип **был цвета** многодневной **пыли*** (С. Сергеев).

Разнообразные формы выражения имеет сказуемое со значением размера. При точном указании на размер используются количественно-именные сочетания: *Местами **был** он* (дом Плюшкина) *в **один этаж**, местами в **два**...* (Н. Гоголь); *...а в рукоятке-то молотка чуть ли не сажень, и каждый гвоздь в **фут длиною*** (А. Чехов). Исчисляемой мерой величины могут служить различные предметы-ориентиры, относительно которых и

характеризуется размер. Так, форма родительного падежа с предлогом **до** включает в сказуемом характеристику предмета мерой его протяжённости, горизонтальной или вертикальной, до обозначенного другим предметом предела. В составе таких предложно-падежных сочетаний предлог **до** ослабляет своё первичное значение («указание на расстояние или время, отделяющее одно место, событие, лицо от другого. *От Москвы до Санкт-Петербурга. От Пушкина до Льва Толстого*» [СОШ 1994, с. 164]): *Оставшись один, он (Чичиков) не без удовольствия взглянул на свою постель, которая была почти до потолка* (Н. Гоголь); *Все казаки Атаманского полка носили тогда бороды, и у всех бороды были почти до пояса* (П. Краснов); *Лицо у него (Стёпушки) маленькое, глазки жёлтенькие, волосы вплоть до бровей* (И. Тургенев).

Близкое значение имеет в связочно-субстантивном сказуемом форма винительного падежа с предлогом **по**, однако функционирование её имеет некоторые ограничения: характеристика предмета идёт в этом случае исключительно его вертикальной мерой, а предметом-ориентиром служат, как правило, части человеческого тела или, реже, других одушевлённых и неодушевленных предметов, например: *Борода по самые пяты; пальцы с длинными когтями вонзились в землю* (Н. Гоголь); *в старину у нас, бывало, я помню, гречиха была по пояс, теперь Бог знает что* (Н. Гоголь); *Бой в лесу, в кустах, в болоте, Где война стелила путь, Где вода была пехоте По колено, грязь — по грудь* (А. Твардовский).

Размер предмета может определяться через его сравнение с другим предметом. Такое значение выражается в сказуемом формой винительного падежа с предлогом **с**: *Река и тут, до порога, была с Волгу* (А. Кожевников). Предлог **с** здесь имеет значение «подобно кому-чему-нибудь, как кто-что-н. *Что, буду ль я с него?* Крылов. Мальчик с пальчик» [СУ, т. 4, с. 16]. Отметим, что сравнительный оттенок значения предлога **с** не всегда отмечается в толковых словарях (ср.: «С... Указывает на приблизительность меры, количества. *Прожить с месяц. Величиной с дом. Ростом с меня*» [СОШ, 1994, с. 680]). На наш взгляд, в составе предикативно функционирующих сочетаний со значением размера предлог **с** не имеет оттенка приблизительности (ср.: *Он с меня. — Он ростом с меня. — У него рост такой, как у меня. — У нас одинаковый рост*). Близкое значение имеет в сказуемом форма дательного падежа с предлогом **по**: *Голова точь-в-точь такая, как была, только большая, глаза ровно по гусиному яйцу стали, а шея змеиная* (П. Бажов.). В этом случае размер предмета «характеризуется через уподобление другому предмету» [Золотова, 1988, с. 144].

Другой разновидностью значения внешней характеристики предмета является значение материала, из которого он изготовлен (фабрикативное

значение), выражаемое в сказуемом формой родительного падежа с предложением **из**: *Одежда у него **была из** оранжево-зеленоватой в кругляшках ткани* (М. Сергеев); *Вилка Марии существовала в единственном экземпляре, она **была из золота**, а ручку мастера украсили инкрустацией перламутром по слоновой кости* (О. Бурмина); *Самый же трон **из слоновой кости** с золотой инкрустацией и золотыми локотниками в виде лежащих львов* (А. Куприн); *Жилетка на нём (солдате) была действительно какая-то особенная — синяя, ... она вся как-то сияла, а пуговицы на ней **были из** каких-то красных камешков* (М. Горький); — *Скажите, а эта брошка действительно **из стекла**?* (И. Ильф, Е. Петров). Круг характеризуемых предметов здесь ограничен — это предметы, являющиеся результатом деятельности человека или какой-другой творящей силы. Имена существительные со значением материала могут употребляться в сказуемом в переносном, образном значении: *Утром был мороз, окна **были из леденца**, сине-жёлтый зайчик полз по белой стене* (Е. Замятин). Некоторые метафоры, возникшие на основе этого значения, стали традиционными: *сердце из камня, нервы из железа, лицо из воска* и др.

Значение внешней характеристики предмета по наличию у него отличительных деталей заключается в сказуемом формой творительного падежа имени существительного с предложением **с**: *Ложка у него **была не такая**, как у всех, а кипарисовая и с **крестиком*** (А. Чехов); *Дома **были** в один, два и полтора этажа, с вечным **мезонином**, очень красивым, по мнению губернских архитекторов* (Н. Гоголь); *Пыль на стенах, на окнах, которые всегда **были с двумя рамами** и не открывались даже летом, сохраняя военную тайну* (В. Астафьев). Отсутствие каких-либо деталей передаётся антонимичным сочетанием — формой родительного падежа с предложением **без**: *Окна в избёнках **были без стёкол*** (Н. Гоголь); *Глаза его **были без ресниц**, в больших очках* (Ю. Тынянов); *Судиславские грибы всегда считались лучшими, поскольку они **были без глаз**, как рязанские, и везти их не надо было за тридевять земель, как каргопольские* (М. Бару); *Уже когда выехали, Валя-кладовщица, встречавшая бочку, запричитала и ударилась в рёв: **бочка была без пробки*** (В. Распутин). Данные значения сказуемых определяются преимущественно значением предлогов: **с** указывает на наличие, а **без** — на отсутствие чего-либо.

Значение характеристики предмета его конструктивными особенностями реализуется в сказуемом формой предложного падежа с предложением **на** и формой творительного падежа с предложением **под**.

На составную часть предмета или устройства, служащую его опорой либо способом, условием его существования или функционирования, указывает в сказуемом форма предложного падежа с предложением **на**: *Дом номер*

тридцать три оказался продолговатым, двухэтажным, **на кирпичном фундаменте** (Г. Марков); *Заглянули в сараи, там телеги здоровенные, кибитки с кожаными верхами и юфтовыми запонами ... и всё это **на железных осях** с шипами в два пальца толщиной* (П. Мельников-Печерский).

При характеристике строений, в частности, при описании их верхней части в сказуемом используется форма творительного падежа с предлогом **под**: *Дом этот **был** длинный и **не под очеретяною**, как у многих окружающих помещиков, но **под деревянную крышею**. Два амбара во дворе тоже **под деревянную крышею**; ворота дубовые* (Н. Гоголь); — *А Петербург весь **под стеклянным потолком будет**...* Так что ни снег, ни дождь, ни что... (И. Бунин); *Дом **был под соломенной крышей**, толстой, тёмной и плотной* (И. Бунин). В «Синтаксическом словаре» указанная синтаксема не совсем корректно, на наш взгляд, отнесена к локативным [Золотова, 1988, с. 274—275] — её значение скорее можно определить как медиативное. Ср.: *Дрова **под навесом*** — предмет и место его нахождения (локативное значение) и *Дом **под железной крышей*** — предмет и его внешняя характеристика. В сочетаниях, заключающих в сказуемом характеристику конструктивных особенностей предмета, происходит ослабление первичного пространственного значения предлога **под**: он уже не указывает на расположение чего-либо «ниже чего-нибудь, со стороны нижней части чего-нибудь» [СОШ, 1994, с. 521].

Значение характеристики предмета рисунком на его поверхности выражается в сказуемом формой винительного падежа с предлогом **в**. Круг имён существительных в этом случае лексически ограничен: это немногочисленные имена существительные со значением разного рода графических изображений. В их морфемном составе часто наличествуют суффиксы с диминутивным значением (*в клетку — в клеточку, в линейку — в линейечку, в полоску — в полосочку, в ёлку — в ёлочку*, а также *в горошек, в крапинку* и т. п.): *11 января... Произнёс длинную весёлую фразу: «Дай папиросочку, — у тебя брюки **в полосочку**»* (М. Булгаков); *Все занавески на окнах тоже **были в клеточку*** (В. Курячий).

Значение характеристики внешнего покрытия предмета реализуется в сказуемом двумя разновидностями сочетания предложного падежа с предлогом **в**. Во-первых, в составе сочетания функционируют вещественные имена существительные (*пыль, грязь, кровь, пот, иней, снег* и т. п.): *Бедная «сельская полиция» — **в пыли** и **ссохлась от старости*** (Б. Зайцев); — *Лоб-то **в крове**, утрись* (М. Шолохов).

Интенсивность проявления названного признака часто подчеркивается употреблением определительного местоимения **весь**, отнесённого П. А. Лекантом к прямым интенсификаторам. Как семантико-прагматиче-

ская категория, интенсив, по его мнению, «предопределяет колоссальный потенциал субъективности и экспрессии высказывания в русской речи, который реализуется как в спонтанной речевой стихии, так и в обдуманной, отшлифованной художественной речи» [Лекант, 2015, с. 50], а в грамматическом аспекте «интенсификация предполагает такие функционально-семантические операции, как акцентирование (подчёркивание), усиление, выделение, полнота, градация (обычно, высокая степень), обобщение, оценка, экспрессия, эмоциональность» [Лекант, 2015, с. 46]. Употребляемый в составе связочно-субстантивного сказуемого интенсификатор *весь* зачастую выражает отношение и «отражает соответствующее эмоциональное состояние говорящего, наблюдающего вербализуемую картинку действительности» [Пряников, 2019, с. 100]: *Чичиков увидел в руках его графинчик, который **был весь в пыли**, как в фуфайке* (Н. Гоголь); *Это падение длилось уже много столетий: серый бетон **был весь в трещинах**, но время пока что ничего не могло с ним поделаться* (В. Пелевин); *Домашний халат **был весь в** маленьких влажных **потёках** — слёз было, видимо, немало* (А. Лукьянов); *Старый материнский дом, и без того ветхий, **был весь в играмах** от его мальчишеских упражнений* (Л. Улицкая); *Мундир **был весь в** белёсых **пятнах** и сидел нелепо на квадратном, как сейф, торсе* (А. Кабаков); *Серое, пересмешнее лицо его подраживало, костюм **был весь в** мелких **волосинках**, будто о Петьку чесались собаки* (В. Чивилихин). Отдельные предложно-падежные сочетания (*в снегу, в инее*) приобретают в составе связочно-субстантивного сказуемого переносное, метафорическое значение: — *Слава Богу, волосы у вас чуть не **в снегу**, а до сих пор ума не нажили: от простого огня ведьма не загорится* (Н. Гоголь).

Во-вторых, конкретные имена существительные функционируют в составе сказуемого со значением признака внешнего покрытия исключительно в форме множественного числа, также подчеркивающей интенсивность проявления признака: *Всё лицо его (Кости) **было** невелико, худо, в **веснушках*** (И. Тургенев); *Красив он (магнат) был, как чёрт в праздник, жупан шит золотом, на боку сабля, как молния, сверкает, чуть конь ногой топнет, вся эта сабля в **камнях** драгоценных...* (М. Горький). На значение характеристики внешнего покрытия в отдельных случаях также может накладываться значение физического состояния субъекта: *Прохлада вкладывает в Григория тугую дрожжащую пружину, тело в колючих **мурашках*** (М. Шолохов).

Нельзя не согласиться с Н. А. Герасименко, отмечающей, что переход от характеристики предмета к характеристике состояния в анализируемых конструкциях происходит плавно; можно заметить, что значение состояния усиливается в соответствии с ослаблением конкретности семантики

имени существительного, выступающего в функции предиката. При употреблении в позиции субъекта одушевленного существительного данные предложно-падежные сочетания также выражают значение состояния.

3.2. Связочно-субстантивное сказуемое со значением состояния предмета

В связочно-субстантивном сказуемом можно выделить две разновидности значения состояния предмета: во-первых, это близкое к значению внешней характеристики значение *внешнего состояния*; во-вторых, значение, которое мы определим как *экзистенциально-функциональное состояние* предмета (ср.: у Г. А. Золотовой — «модель, характеризующая лицо, предмет, явление его временным, изменяющимся состоянием с точки зрения ... (б) его сохранности, исправности, ухоженности...» [Золотова, 1988, с. 308]).

Значение внешнего состояния предмета, в принципе, можно считать оттенком значения его внешней характеристики; оно выражается стандартизированной формой предложного падежа существительного *вид* с предлогом *в* и обязательным определением: *Твоя одежда в рваном виде, Но будешь Новой наделён* (С. Есенин). Оттенок состояния проявляется здесь исключительно благодаря лексическому значению существительного *вид*, включающему сему 'состояние': «**вид**... 1. ... Внешность, видимый облик; *состояние* (курсив наш. — А. П.)» [СОШ, 1994, с. 78]. Абстрактный характер значения данного существительного предопределяет необходимость его конкретизации, достигаемой обязательным употреблением определения, которое несёт основную смысловую нагрузку; само же существительное при этом выполняет роль слова-релятора, называющего, как известно, существующие в объективной действительности отношения. Предлог *в* в данном сочетании формализуется, становясь лишь средством передачи отношений. Указанные факторы приводят к семантической целостности и неразложимости сочетания *в (каком) виде*, а возможность наполнения этой модели широким кругом качественных прилагательных обуславливает её высокую продуктивность в языковой практике.

На протяжении своего существования (бытия) в действительности любой предмет может претерпевать различные изменения, находиться в различных состояниях. Состояние функционирования, бытия предмета с точки зрения сохранности, целостности, исправности, а также в целом его состояние (положение) на определённом этапе, в определённый момент мы определяем как *экзистенциально-функциональное состояние*.

В отличие от *ситуативного* значения, при котором состояние предмета является следствием воздействия на него внешних факторов, объективных обстоятельств [Пряников, 2019, с. 98], экзистенциально-функцио-

нальное состояние вызывается преимущественно внутренними причинами или целенаправленным воздействием на предмет извне. Это значение репрезентируется в связочно-субстантивном сказуемом либо устойчивыми предложно-падежными сочетаниями фразеологического типа (*в (каком) состоянии, в целости, в исправности, в сохранности, в порядке* и т. п.), либо сочетаниями, включающими в свой состав отвлечённые девербативные имена существительные (*на ремонте, в ремонте, в работе, в печати* и т. п.), имеющие нередко соответствующие параллели с глагольными сказуемыми или с именными сказуемыми, выраженными специализированными средствами (*быть в печати — печататься, быть в ремонте — ремонтироваться, быть в готовности — быть готовым* и под.).

Типизированным средством выражения значения экзистенциально-функционального состояния предмета является сочетание формы предложного падежа имени существительного *состояние* с предлогом *в* и обязательным определением: *Когда кипит морская гладь, Корабль в плачевном состоянии* (С. Есенин); *28 декабря... Операционные раны в прежнем состоянии* (М. Булгаков). Существительное *состояние*, имеющее слишком абстрактное значение («**состояние** ... 2. Положение, внешние или внутренние обстоятельства, в которых находится кто-что-нибудь...» [СОШ, 1994, с. 740]), в этом сочетании также является словом-релятором; основная смысловая нагрузка ложится на согласованное с ним имя прилагательное. Круг имён прилагательных, согласующихся с существительным *состояние*, представлен качественными прилагательными преимущественно оценочного характера (*хороший, плохой, нормальный, плачевный* и др.), а также прилагательными, обозначающими изменяющиеся или временные признаки (*новый, прежний, другой* и др.). Таким образом, сочетание, состоящее из существительного *состояние* в форме предложного падежа, прилагательного и предлога *в* обладает семантической целостностью и неразложимостью.

Устойчивые предложно-падежные сочетания фразеологического типа при реализации в сказуемом значения экзистенциально-функционального состояния называют состояние (положение) предмета с точки зрения его сохранности, целости, исправности. Такие сочетания представлены ограниченным кругом деадъективных существительных в форме предложного падежа с предлогом *в* (*в целости, в сохранности, в готовности, в исправности*): *Приехал разнощик к вечеру — а книги лежат, почти все в целости и сохранности* (Н. Черных); *На деле руки у него в полной исправности были* (П. Бажов); — *Как же это ты рыболов, а лодка у тебя в такой неисправности?* (И. Тургенев); *Тромбоны стояли в полной боевой готовности* (И. Ильф, Е. Петров); *Ну, нашли её, — старшина указал*

на машину, — мальчишки... Я сел — она **в исправности**. Так и пригнал... (В. Богомолов). Как показывают примеры, указанные имена существительные также могут иметь при себе определения, однако их употребление не является обязательным: они лишь уточняют названное состояние.

Особое место среди синтаксиса, реализующих указанное значение, занимает предложно-падежное сочетание **в порядке**, фразеологизация которого привела к двум разным результатам: во-первых, оно приобрело значение «в нормальном, хорошем состоянии» [СОШ, 1994, с. 556]: *Сам хозяин являлся к столу в сюртуке, хотя несколько поношенном, но опрятном, локти были в порядке: нигде никакой заплаты* (Н. Гоголь); *Документы у парней были в порядке: москвичи, с высшим образованием, работают консультантами в крупной фирме* (Л. Дворецкий) или, в сочетании с отрицательной частицей *не*, — противоположное значение — «в плохом состоянии»: *у неё (машинистки) и верхушка лёгкого не в порядке, и женская болезнь на французской почве...* (М. Булгаков). Во-вторых, при употреблении в позиции грамматического подлежащего определительного местоимения *весь* в форме среднего рода (*всё*) предложно-падежное сочетание **в порядке** получает значение «всё так, как следует, благополучно» [СОШ, 1994, с. 556], сближающее его с предикативом: [Подхалюзин] *Известное дело-с, стараюсь, чтобы всё было в порядке и как следует-с* (А. Островский); — *Всё там в порядке, на точке-то? — Всё в порядке. А что?* (В. Шукшин); *«Танечка, Танечка, Танечка», — запели голоса, и Елена успокоилась: всё было в порядке* (Л. Улицкая). Данные значения свободно разграничиваются в контексте. Ср.: ... *И чтобы всё уж и было в порядке: и лошади чтоб были в порядке, и псарь как следует, в порядке, и всё* (И. Тургенев) — то есть «в хорошем, нормальном состоянии». И: (Собакевич) — ... *Ведь, я чай, нужно и купчую совершить, чтоб всё было в порядке* (Н. Гоголь) — то есть «как следует, благополучно».

Значение экзистенциально-функционального состояния (положения) предмета выражается также сочетаниями форм предложного падежа деепричастных существительных (или других существительных со значением отвлеченного действия) с предлогами **в** и **на**. Отметим, что реализация данного значения наблюдается при функционировании в позиции грамматического подлежащего исключительно имён существительных со значением не-лица (*Статья в печати; Машина в (на) ремонте* и под); при употреблении в подлежащем имени существительного со значением лица происходит изменение семантики сказуемого, ср.: *Он на работе* — в сказуемом называется местонахождение лица (локативное значение); *Он (весь) в работе* — то есть «он занят работой», «работает», «погружён в работу» — состояние занятости лица; в обоих предложениях грамматиче-

ский субъект является активным; с другой стороны: *Деталь в работе* — то есть «над деталью работают», *Статья в печати* — то есть «статья печатается», «статью печатают» — грамматический субъект в подлежащем является пассивным; состояние, в котором он находится, есть следствие влияния на него извне.

В ряде случаев лексикализация значения предположно-падежного сочетания приводит к его фразеологизации: *А лифт там, пишет дочь, и по сую пору на приколе, в его шахте через выломанную дверь уже кто-то разбился* (В. Распутин); — *Ну, как, Вася, железный конь твой хвалёный опять на приколе, а?* (В. Козлов); — *Райкомовская легковуха зимой на приколе — не сидеть же тебе сложа руки* (Ф. Абрамов). Устойчивое предположно-падежное сочетание фразеологического типа *на приколе* имеет значение «бездействует, не эксплуатируется, не работает» [СОШ, 1994, с. 582], которое развилось на основе первичного значения существительного *прикол* («**прикол** ... Свая, кол, укреплённые в земле (для причала, привязи). *Лодка на приколе. Судно поставлено на прикол*») и его переносного употребления: *Судно на приколе* — то есть «не выходит в плавание, поставлено у причала»: *Экспрессы, носившие громкие имена: «Строитель государства», «Великий вождь», «Звезда Запада», «Калифорнийский зефир», «Жаворонок», или уже на приколе, или дают прощальный гудок* (Б. Стрельников, В. Песков).

Обе разновидности значения состояния предмета (внешнее состояние и экзистенциально-функциональное состояние), выражаемые в связочно-субстантивном сказуемом предположно-падежными сочетаниями, называют состояние предмета, явившееся порождением каких-либо внутренних факторов или результатом целенаправленного воздействия на предмет извне.

4. Заключение = Conclusions

По наблюдениям Е. В. Генераловой, в современном русском языке «существует определённый, значительный по количеству (около 2 тыс. единиц), исторически сложившийся и продолжающий пополняться класс языковых единиц, которые можно условно обозначить как устойчивые двухкомпонентные предположно-падежные сочетания или фразеологизированные предположно-падежные формы. На настоящий момент лексико-грамматический статус этих лингвистических единиц не определен, и нет даже однозначного термина для их обозначения» [Генералова, 2021, с. 45]. Так, И. В. Тимошенко относит данные единицы к формам-идиомам — «бинарным образованиям, которые можно считать минимальными единицами фразеологии»; употребляясь в предложениях, они «выполняют различные функции: стилевые, стилистические, синтаксические (предикативную,

атрибутивную, релятивную, объектную)» [Тимошенко, 2010, с. 105]. Как отмечает Е. В. Генералова, «воспроизводимость таких сочетаний и в ряде случаев образность, наличие переносного значения роднит такие единицы с фразеологизмами, хотя не все исследователи готовы считать фразеологическими единицами предложно-падежные формы, настаивая на том, что фразеологизм — это воспроизводимый в речи оборот, построенный по образцу сочинительных и подчинительных словосочетаний, то есть состоящий минимум из двух полнозначных слов» [Генералова, 2021, с. 33].

По утверждению П. А. Леканта, «в процессе становления, формирования устойчивых сочетаний большое значение имеет закрепление их в определённой синтаксической функции, например, сказуемого, обстоятельства» [Лекант, 2002, с. 263]. На «системный и диахронный характер» предикативного обособления падежных форм обращает внимание П. Е. Топорков, что, по его мнению, отражает «активную тенденцию формирования предикатива как класса слов как в современном русском, так и в ряде других языков» [Топорков, 2021, с. 107]. Следует заметить, что при таком широком понимании предикатива как семантико-синтаксической группы слов к ним относят «слова (или, реже, формы слов) разных частей речи, но не во всех лексических значениях, а только в тех, которые закреплены за употреблением этих слов в функции сказуемого» [Топорков, 2013, с. 75].

Такое понимание предикатива кардинально отличается от представления о нём как об аналитической «гибридной» части речи русского языка, выделенной П. А. Лекантом, для которого обоснование особого частеречного статуса предикатива имело принципиальное значение и являлось «самой сложной проблемой». По его мнению, предикатив «сложился и обрёл статус части речи не в двадцатом и не в двадцать первом веке, а в те века, когда перерождались грамматические системы русского глагола и русского имени прилагательного», он «сложился и оформился окончательно в современной системе частей речи, оригинально выстроенной и описанной в грамматическом учении В. В. Виноградова», и новизна проблемы предикатива заключается «в комплексном описании формы, семантики и функций этой части речи — единственной аналитической части речи в современном русском языке» [Лекант, 2015, с. 8], чему посвящено монографическое исследование М. В. Дегтярёвой [Дегтярёва, 2007]. Как и любая другая часть речи, предикатив обладает собственным категориальным грамматическим значением — значением *состояния* — и системой грамматических форм, репрезентирующих данное значение, которая «совмещает грамматические категории и имени прилагательного: род, число (согласуемые формы), и глагола: наклонение, время, лицо (включая безличную форму), число» [Лекант, 2015, с. 12]. При этом глагольные категории выражаются

аналитически — посредством связки *быть*, в том числе её нулевой формой со значением настоящего времени изъявительного наклонения.

На наш взгляд, можно говорить о том, что фразеологизированные, устойчивые предложно-падежные формы, закрепившиеся в предикативной позиции, находятся на пути превращения в предикатив, поскольку процессы грамматизации внутри самого аналитического предложно-падежного сочетания приводят к утрате предлогами своих первообразных значений, более тесным связям их с именем существительным и, в конечном итоге, обособлению их от системы падежных форм этой части речи, что и сближает их с этой частью речи: они имеют то же значение *состояния*, что и предикатив, и также способны в сочетании со связкой выражать значения наклонения и времени; отличаются же они от предикатива только своим происхождением (предикатив «вырос» из кратких форм имён прилагательных и слов категории состояния) и неспособностью иметь безличную форму [Пряников, 2020, с. 124—125].

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 22.11.2023).
2. СОШ — *Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН ; Российский фонд культуры ; — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : АЗЪ, 1994. — 928 с.
3. МАС — *Словарь русского языка* : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус.яз. ; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Русский язык, 1981—1984. — Т. 1—4.
4. СУ — *Толковый словарь русского языка* / Под ред. Д. Н. Ушакова. — в 4-х томах. — Т. 1—4. — Москва : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935—1940.

Литература

1. *Генералова Е. В.* По барабану : лексико-грамматический статус и лексикографическое представление устойчивых двухкомпонентных предложно-падежных сочетаний / Е. В. Генералова // Вопросы лексикографии. — 2021. — № 19. — С. 32—51. — DOI: 10.17223/22274200/19/2.
2. *Герасименко Н. А.* Бисубстантивные предложения в русском языке : структура, семантика, функционирование. Монография / Н. А. Герасименко. — Москва : ИИЦ МГОУ, 2012. — 292 с. — ISBN 978-5-7017-2010-5.
3. *Герасименко Н. А.* Полнозначный глагол или связка? Грамматические и семантические особенности связки *составлять* / Н. А. Герасименко // Рациональное и эмоциональное в русском языке — 2018 : Сборник трудов Международной научной конференции / Отв. ред. : Н. Б. Самсонов. — Москва : МГОУ, 2018. — С. 89—92.
4. *Герасименко Н. А.* Связочно-субстантивное сказуемое со значением соответствия в русском языке / Н. А. Герасименко // Национальные коды в языке и литературе. Язык

и культура : Сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе» / Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. — Нижний Новгород : Деком, 2018. — С. 53—59. — ISBN 978-5-91326-495-4.

5. Герасименко Н. А. Грамматика на службе развития речи и речевой культуры / Н. А. Герасименко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2019. — № 2. — С. 28—34.

6. Герасименко Н. А. Оценка в газетном тексте : об одной форме выражения оценочных значений / Н. А. Герасименко, М. А. Степанчиков // Верхневолжский филологический вестник. — 2019. — № 3 (18). — С. 91—95. — DOI: 10.24411/2499-9679-2019-10487.

7. Герасименко Н. А. Языковые средства выражения социального состояния лица / Н. А. Герасименко // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей IV Международного симпозиума : в 2 томах, Симферополь, 09—11 июня 2020 года. — Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2020. — С. 374—379. — ISBN 978-5-9906277-5-8.

8. Герасименко Н. А. Теория сказуемого П. А. Леканта и её развитие в современном русском языке / Н. А. Герасименко // Лекантовские чтения : материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Н. А. Герасименко. — Москва : ИИУ МГОУ, 2020. — С. 30—35.

9. Герасименко Н. А. Природа как ценность в публицистике В. М. Пескова / Н. А. Герасименко // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации : Материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора К. А. Войловой, Москва, 25 февраля 2021 года / Отв. редактор О. В. Шаталова. — Москва : ООО «Принтика», 2021. — С. 46—51. — ISBN 978-5-7017-2711-1.

10. Герасименко Н. А. Объективное и субъективное в метафорике В. М. Пескова / Н. А. Герасименко, В. В. Леденева, Т. Е. Шаповалова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2021. — № 5. — С. 50—59. — DOI: 10.20339/PhS.5-21.050.

11. Дегтярёва М. В. Частеречный статус предикатива : Монография / М. В. Дегтярёва. — Москва : МГОУ, 2007. — 162 с. — ISBN 978-5-7017-0976-6.

12. Золотова Г. А. Синтаксический словарь : Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. — Москва : Наука, 1988. — 440 с.

13. Конченко Т. В. Лексикализованные предложно-падежные словоформы *во многом*, *в большинстве своем*, *в массе своей* в бисубстантивных предложениях / Т. В. Конченко // Успехи современной науки. — 2016. — Т. 6. — № 12. — С. 79—81.

14. Лекант П. А. К вопросу о минимальной единице фразеологии / П. А. Лекант // Очерки по грамматике русского языка. — Москва : Московский государственный областной университет, 2002. — С. 258—264. — ISBN 5-7017-0528-5.

15. Лекант П. А. Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке / П. А. Лекант. — Москва : Московский государственный областной университет, 2015. — 86 с. — ISBN 978-5-7017-2507-0.

16. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке / П. А. Лекант. — 2-е издание. — Москва : ИИУ МГОУ, 2017. — 132 с. — ISBN 978-5-7017-2799-9.

17. Пряников А. В. Об аналитизме в бисубстантивном предложении / А. В. Пряников // Рациональное и эмоциональное в русском языке — 2019 : Сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой памяти профессора П. А. Леканта, Москва, 19 ноября 2019 года / Редколлегия : Н. Б. Самсонов [и др.]. — Москва : Московский государственный областной университет, 2019. — С. 97—102.

18. Пряников А. В. Развитие предложно-падежных сочетаний имени существительного в современном русском языке: к вопросу об аналитизме в грамматическом строе русского языка / А. В. Пряников // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 113—129. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-113-129.

19. Селеменова О. А. Бисубстантивные предложения в коммерческих рекламных текстах / О. А. Селеменова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2020. — № 4 (39). — С. 115—122. — DOI: 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.016.

20. Соловьева О. Н. Оформление предикации в бисубстантивном предложении / О. Н. Соловьева // Актуальные научные исследования в современном мире. — 2021. — № 5—8 (73). — С. 226—229.

21. Степанчиков М. А. Способы выражения авторства в бисубстантивном предложении (на материале текстов газет) / М. А. Степанчиков // Рациональное и эмоциональное в русском языке — 2019 : Сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой памяти профессора П. А. Леканта / Редколлегия : Н. Б. Самсонов [и др.]. — Москва : МГОУ, 2019. — С. 116—119.

22. Степанчиков М. А. О некоторых трудностях на уроках русского языка : бисубстантивные предложения с семантикой динамического предикативного признака / М. А. Степанчиков // Язык и актуальные проблемы образования : Материалы V Международной научно-практической конференции, Москва, 21 января 2020 года. — Москва : ООО «Диона», 2020. — С. 167—171.

23. Тимошенко И. В. Функции форм-идиом в современном русском языке / И. В. Тимошенко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2010. — № 3. — С. 105—110.

24. Топорков П. Е. Предикативы как семантико-синтаксическая группа слов в русском языке / П. Е. Топорков // Русский язык в школе. — 2013. — № 1. — С. 74—76.

25. Топорков П. Е. Предикативное обособление предложно-падежных форм / П. Е. Топорков // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2021. — № 1—2. — С. 104—107. — DOI: 10.37882/2223-2982.2021.01-2.18.

26. Шаповалова Т. Е. Педагог и наставник / Т. Е. Шаповалова // Язык и актуальные проблемы образования : Материалы IX Международной научно-практической конференции, Москва, 19 января 2023 года. — Москва : ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», 2023. — С. 5—9.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 10.01.2024.

Material resources

MAS — *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes, 1—4. 2nd ed., ispr. and add.* (1981—1984). Moscow: Russian Language. (In Russ.).

NKRYA — *The National Corpus of the Russian language*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (date of reference 11/22/2023). (In Russ.).

SOSH — Ozhegov, S. I. and Shvedova, N. Y. (1994). *Explanatory Dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 2nd ed., ispr. and add.* Moscow: AZ. 928 p. (In Russ.).

SU — *Explanatory dictionary of the Russian language, 1—4. (1935—1940)*. Moscow: Soviet Encyclopedia: OGIZ. (In Russ.).

References

- Degtyareva, M. V. (2007). *Partial predicative status: Monograph*. Moscow: Moscow State University. 162 p. ISBN 978-5-7017-0976-6. (In Russ.).
- Generalova, E. V. (2021). On the drum: lexical and grammatical status and lexicographic representation of stable two-component prepositional case combinations. *Questions of lexicography*, 19: 32—51. DOI: 10.17223/22274200/19/2. (In Russ.).
- Gerasimenko, N. A. (2018). A connective-substantive predicate with the meaning of correspondence in the Russian language. In: *National codes in language and literature. Language and culture: A collection of articles based on the materials of the International Scientific Conference "National Codes in language and literature"*. Nizhny Novgorod: Decom. 53—59. ISBN 978-5-91326-495-4. (In Russ.).
- Gerasimenko, N. A. (2012). *Bisubstantial sentences in the Russian language: structure, semantics, functioning. Monograph*. Moscow: IIC Moscow State University. 292 p. ISBN 978-5-7017-2010-5. (In Russ.).
- Gerasimenko, N. A., Stepanchikov, M. A. (2019). Evaluation in a newspaper text: on one form of expression of evaluative values. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, 3 (18): 91—95. DOI: 10.24411/2499-9679-2019-10487. (In Russ.).
- Gerasimenko, N. A. (2019). Grammar in the service of speech development and speech culture. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 2: 28—34. (In Russ.).
- Gerasimenko, N. A. (2018). Is a full-valued verb or a copula? Grammatical and semantic features of the bundle of words. In: *Rational and emotional in the Russian language — 2018: Proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow: Moscow State University. 89—92. (In Russ.).
- Gerasimenko, N. A. (2020). Linguistic means of expressing the social state of a person. In: *Russian language in a multicultural world: collection of scientific articles of the IV International Symposium: in 2 volumes, Simferopol, June 09—11, 2020*. Simferopol: V. I. Vernadsky Crimean Federal University. 374—379. ISBN 978-5-9906277-5-8. (In Russ.).
- Gerasimenko, N. A. (2021). Nature as value in journalism V. M. Peskov. In: *Russian language in Slavic intercultural communication: Materials of the International scientific conference dedicated to the memory of Doctor of Philology, Professor K. A. Voilova, Moscow, February 25, 2021*. Moscow: Printika LLC. 46—51. ISBN 978-5-7017-2711-1. (In Russ.).
- Gerasimenko, N. A., Ledeneva, V. V., Shapovalova, T. E. (2021). Objective and subjective in the metaphor of V. M. Peskov. *Philological sciences. Scientific reports of the higher school*, 5: 50—59. DOI: 10.20339/PhS.5-21.050. (In Russ.).
- Gerasimenko, N. A. (2020). Predicate theory of P. A. Lekant and its development in modern Russian. In: *Lekant readings: proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow: IIU Moscow State University. 30—35. (In Russ.).
- Konchenko, T. V. (2016). Lexicalized prepositional-case word forms in many ways, for the most part, for the most part in bisubstantial sentences. *The successes of modern science*, 6 (12): 79—81. (In Russ.).
- Lekant, P. A. (2015). *Analytical forms and analytical constructions in the modern Russian language*. Moscow: Moscow State Regional University. 86 p. ISBN 978-5-7017-2507-0. (In Russ.).

- Lekant, P. A. (2002). On the question of the minimum unit of phraseology. In: *Essays on the grammar of the Russian language*. Moscow: Moscow State Regional University. 258—264. ISBN 5-7017-0528-5. (In Russ.).
- Lekant, P. A. (2017). *Types and forms of predicate in modern Russian*. 2nd edition. Moscow: IIU Moscow State University. 132 p. ISBN 978-5-7017-2799-9. (In Russ.).
- Pryanikov, A. V. (2019). On analyticism in a bisubstantial sentence. In: *Rational and emotional in the Russian language — 2019: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Professor P. A. Lekant, Moscow, November 19, 2019*. Moscow: Moskovsky State Regional University. 97—102. (In Russ.).
- Pryanikov, A. V. (2020). Development of Prepositional-Nominal Combination of a Noun in Modern Russian: Analytics in Grammatical System of Russian Language. *Nauchnyi dialog*, 4: 113—129. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-113-129. (In Russ.).
- Selemeneva, O. A. (2020). Bisubstantial proposals in commercial advertising texts. *Topical issues of modern philology and journalism*, 4 (39): 115—122. DOI: 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.016. (In Russ.).
- Shapovalova, T. E. (2023). Teacher and mentor. In: *Language and current problems of education: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 19, 2023*. Moscow: FGBOU VO “State University of Education”. 5—9. (In Russ.).
- Solovyova, O. N. (2021). The design of predication in a bisubstantial sentence. *Current scientific research in the modern world*, 5—8 (73): 226—229. (In Russ.).
- Stepanchikov, M. A. (2020). On some difficulties in Russian language lessons: bisubstantial sentences with the semantics of a dynamic predicative feature. In: *Language and actual problems of education: Materials of the V International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 21, 2020*. Moscow: Diona LLC. 167—171. (In Russ.).
- Stepanchikov, M. A. (2019). Ways of expressing authorship in a bisubstantial sentence (based on newspaper texts). In: *Rational and emotional in the Russian language — 2019: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Professor P. A. Lekant*. Moscow: Moscow State University. 116—119. (In Russ.).
- Timoshenko, I. V. (2010). Functions of form-idioms in modern Russian. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 3: 105—110. (In Russ.).
- Toporkov, P. E. (2021). Predicative separation of prepositional and case forms. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 1—2: 104—107. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.01-2.18. (In Russ.).
- Toporkov, P. E. (2013). Predicatives as a semantic and syntactic group of words in the Russian language. *Russian language at school*, 1: 74—76. (In Russ.).
- Zolotova, G. A. (1988). *Syntactic dictionary: Repertoire of elementary units of Russian syntax*. Moscow: Nauka. 440 p. (In Russ.).

*The article was submitted 27.09.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 10.01.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(1), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Сигал К. Я. Устойчивые сравнения, пунктуация и узус / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 82—99. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-82-99.

Seagal, K. Ya. (2024). Stable Comparisons, Punctuation, and Usage. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 82-99. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-82-99. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-82-99

Устойчивые сравнения, пунктуация и узус

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
отдел экспериментальных
исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Stable Comparisons, Punctuation, and Usage

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology,
Chief Researcher
Department of Experimental
Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Сигал К. Я., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы способы пунктуационного маркирования устойчивых сравнений в пунктуационном узусе XX—XXI веков. Материалом исследования является микрокорпус, где представлены более 200 контекстов употребления устойчивых сравнений и близких к ним по семантике свободных сравнительных оборотов, а также окказиональных трансформов устойчивых сравнений. Пунктуационные действия с устойчивыми сравнениями рассматриваются как особый пунктуационный эксперимент, где вырабатываются разные пунктуационные реакции в зависимости от характера самих устойчивых сравнений и условий их употребления. Показано, что в пунктуационном узусе XX—XXI веков отражена тенденция к пунктуационной дифференциации не только устойчивых сравнений и свободных сравнительных оборотов, но и самих устойчивых сравнений. Доказано, что пунктуационное выделение устойчивых сравнений определяется деривационными, прагматическими и контекстно-синтаксическими факторами, которые учитываются пишущими в их пунктуационных действиях. Продемонстрировано, что если деривационные и контекстно-синтаксические факторы вызывают пунктуационное маркирование устойчивых сравнений, то прагматические факторы делают постановку выделительных запятых лишь более предпочтительной. Подчеркивается, что адекватная пунктуационная кодификация в сфере устойчивых сравнений неосуществима без обращения к показаниям пунктуационного узуса.

Ключевые слова:

пунктуация; устойчивые сравнения; свободные сравнительные обороты; пунктуационный узус; пунктуационное действие; метаязыковая рефлексия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study offers an analysis of the methods of punctuation marking for stable comparisons in the punctuation practice of the 20th and 21st centuries. The research material comprises a micro-corpus, which includes more than 200 contexts of usage for stable comparisons, semantically similar free comparative constructions, as well as occasional transformations of stable comparisons. Punctuation actions involving stable comparisons are conceptualized as a distinct punctuation experiment, wherein diverse punctuation responses are formulated contingent upon the intrinsic nature of the stable comparisons themselves and the conditions governing their use. It is demonstrated that the punctuation practice of the 20th and 21st centuries reflects a trend towards punctuation differentiation not only between stable comparisons and free comparative constructions but also within stable comparisons themselves. The analysis of punctuation facts leads to the conclusion that the punctuation marking of stable comparisons is determined by derivational, pragmatic, and context-syntactic factors, which are taken into account by writers in their punctuation actions. It is shown that while derivational and context-syntactic factors prompt punctuation marking of stable comparisons, pragmatic factors merely render the use of delimiting commas more preferable. It is emphasized that adequate punctuation codification in the realm of stable comparisons cannot be achieved without reference to the evidence of punctuation practice.

Key words:

punctuation; stable comparisons; free comparative constructions; punctuation usage; punctuation action; metalanguage reflection.

Устойчивые сравнения, пунктуация и узус

© Сигал К. Я., 2024

К 85-летию со дня рождения моего учителя —
члена-корреспондента РАН
Виктора Алексеевича Виноградова

1. Введение = Introduction

Устойчивые сравнения, образующие значительный и непрестанно пополняющийся пласт фразеологии, насчитывают более 40 тысяч единиц [Мокиенко и др., 2008, с. 6]. Подобная эмпирическая мощность устойчивых сравнений объясняется двумя причинами. Во-первых, при общем идиоматическом «сдвиге» устойчивых сравнений каждый из их компонентов не изменяется в семантическом плане [Федоров, 1985, с. 55], что способствует осознанию образно-семантических моделей устойчивых сравнений и их воплощению в разных единицах. Во-вторых, вводя эмоционально-субъективный довод, устойчивые сравнения обеспечивают иллюкутивную завершенность высказывания, что делает их в высшей мере конкурентоспособными в прагматическом плане. При этом чаще всего «в устойчивых сравнениях заключена отрицательная оценка субъекта, проявляющаяся в неодобрении, фамильярности, иронии, пренебрежении, презрении» [Лебедева, 2017, с. 8]. Несмотря на то, что большинство устойчивых сравнений имеют устно-разговорное происхождение, они давно и успешно применяются в письменной речи, особенно в художественной литературе и публицистике, как стилистически значимый показатель пристрастного отношения автора / повествователя либо персонажа к какому-либо лицу (реже — предмету).

Отображение на письме привело к тому, что устойчивые сравнения с союзом *как*, по своему синтаксическому генотипу не отличающиеся от свободных сравнительных оборотов, стали получать различную пунктуационную «упаковку»: устойчивые сравнения то выделялись двойной запятой или ее элементом (как при обособлении), то вовсе не выделялись знаками препинания (как и другие фразеологизмы). Именно поэтому еще в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 года появилась жесткая пунктуационная прескрипция (§ 150): «Сравнительные обороты, ставшие устойчивыми

оборотах речи, запятыми не выделяются» [Правила ..., 1956, с. 85]. Правда, за полстолетия преодолеть пунктуационный разрыв на данном участке не удалось. Об этом свидетельствует тот факт, что в полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации», подготовленном в начале XXI века, прежнюю пунктуационную прескрипцию, касающуюся устойчивых сравнений, сопровождали характерным примечанием: «Если имеются некоторые отклонения в употреблении устойчивых оборотов (порядок слов, подмена слов в устойчивых словосочетаниях и др.), то выделение возможно» (§ 90) [Правила..., 2014, с. 230]. Такого рода смягчение означает, что устойчивые сравнения далеко не однородны в разных отношениях и что это неизбежно проявляется у носителей языка, тонко чувствующих нюансы речевой материи, в неодинаковости их пунктуационных реакций. Представляется, что максимально обобщенная негативная прескрипция довольно неточно отражает то, как осуществляется пунктуационная «упаковка» устойчивых сравнений в узусе XX—XXI веков.

«Узус, — писал В. А. Виноградов, — понимается обычно как реально существующий и достаточно распространенный способ употребления языковых форм, регулируемый речевой практикой данного коллектива» [Виноградов, 2018, с. 382]. По мысли ученого, «средняя школа должна была бы сосредоточить основное внимание на обучении узусу» [Там же, с. 245]. Применительно к пунктуационному узусу это звучит крайне привлекательно. Ведь в школьные годы усваиваются только наиболее важные нормы в сфере пунктуационного маркирования, тогда как узусально значимые (по сути дела, стилистические) особенности пунктуационной вариантности оказываются почти не вовлеченными в репертуар пунктуационных действий школьника. Между тем в пунктуационном узусе, который создается квалифицированными носителями языка (писателями, журналистами и т. д.), потребности выражения тончайших оттенков смысла и коннотаций приводят к стихийному (с точки зрения нормализатора), но, как правило, обоснованному в метаязыковой рефлексии пишущих преодолению школьных (и не только) пунктуационных прескрипций. По этой причине в рамках пунктуационного узуса «“правильность” не может быть единственным параметром для оценки использования знаков препинания», так как на этот процесс влияют «многие переменные (the many variables)» и «когнитивные мотивации, лежащие в их основе» [Bertuccelli, 2022, p. 26].

Можно полагать, что в значительной мере пунктуационный узус объективирован в корпусах — в частности, в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ). Посредством НКРЯ можно довольно оперативно реконструировать предпочтения и тенденции, выработанные в пунктуационном узусе в отношении устойчивых сравнений, поскольку «доступ к та-

ким большим данным значительно упрощает работу пользователей с языком» [Bybee, 2010, p. 10]. Именно это является целью настоящей статьи.

Актуальность исследования состоит в интерпретации пунктуационных действий, проявляющихся в наличии / отсутствии пунктуационного маркирования устойчивых сравнений, как перманентно осуществляемого в письменной речевой деятельности «пунктуационного эксперимента» [Кольцова, 2006, с. 11], где вырабатываются разные пунктуационные реакции в зависимости от характера самих устойчивых сравнений и условий, в которых они употребляются.

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней, во-первых, обоснована неодинаковость пунктуационного маркирования устойчивых сравнений на основе положения о принципиальной неустранимости сознательного начала в пунктуационном действии; во-вторых, в результате анализа данных НКРЯ определены и верифицированы факторы, влияющие на пунктуационное маркирование устойчивых сравнений в узусе XX—XXI веков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили устойчивые сравнения с компонентом *рыба* и другие устойчивые сравнения и свободные сравнительные обороты, близкие к ним по семантике, а также окказиональные трансформы устойчивых сравнений. Всего было проанализировано в пунктуационном аспекте более 200 контекстов, извлеченных из основного и отчасти газетного подкорпусов НКРЯ. При освещении пунктуационных фактов всякий раз указывается количественное соотношение выделенных / не выделенных знаками препинания прецедентов и устанавливаются факторы, обусловившие предпочтение того или иного способа пунктуационного маркирования (ср. [Bybee, 2010, p. 10]).

В процессе исследования устойчивых сравнений в аспекте пунктуации узуса применялись такие методы, как корпусный анализ, контекстно-семантическая параметризация пунктуационных вариантов, сопоставление пунктуационных прескрипций с пунктуационной практикой.

Важно отметить, что в фундаментальных трудах, посвященных комплексному описанию устойчивых сравнений [Лебедева, 1999; Огольцев, 1978; Устойчивые сравнения..., 2016], проблема их пунктуационной «упаковки» почти не затрагивается. При обращении же к ней, как правило, не занимаются тем, что имеет место в пунктуационной практике, а настаивают на одном из двух вариантов пунктуационной кодификации: либо отказывают обособлению устойчивых сравнений в правах гражданства на том основании, что выделительные запятыя недопустимы в границах фразеологизма [Кобелева, 2009, с. 37], либо требуют единообразного пунктуаци-

онного маркирования устойчивых сравнений и свободных сравнительных оборотов [Мокиенко и др., 2008, с. 8; Некрасова, 1979, с. 226—227]. Оба эти решения не находят, однако, поддержки в пунктуационном узусе.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Устойчивые сравнения с точки зрения пунктуации

При сопоставлении устойчивых сравнений и свободных сравнительных оборотов обнаруживаются как сходства, так и различия. С одной стороны, свободные сравнительные обороты и устойчивые сравнения строятся на основе категориальной ситуации сравнения (компаративности), в которой взаимодействуют субъект сравнения, признак сравнения и объект сравнения, и имеют единое средство выражения — сравнительный союз (чаще всего — *как*). С другой стороны, если устойчивые сравнения относятся к языку и, будучи номинативным ресурсом, только лишь воспроизводятся в речи, то свободные сравнительные обороты принадлежат речи и производятся в процессе лексического воплощения модели сравнительной конструкции. Специфика устойчивых сравнений заключается в том, что они воспроизводятся в закреплённом составе (отсюда — их устойчивость) и наряду с компаративной семантикой, поддерживаемой их внутренней формой, могут иметь целостное фразеологическое значение. Все это дало основания считать, что при свободных сравнительных оборотах и устойчивых сравнениях представлены разные пунктуационные позиции, которые должны отличаться и по своему пунктуационному оформлению: если свободные сравнительные обороты выделяются двойной запятой или ее элементом, то устойчивые сравнения вовсе не выделяются.

В чисто умозрительном плане подобную пунктуационную дифференциацию sobлюсти довольно легко: если носителю языка известно устойчивое сравнение, то он опознает это устойчивое сравнение в чужой (например, при диктовке) и тем более в своей письменной речи и оставляет без выделения; если он строит сравнительный оборот заново либо не отождествляет его с устойчивым сравнением в чужой речи, то выделяет его. В эмпирическом же плане эта пунктуационная дифференциация последовательно не проводится: нередко пишущие (не только школьники!) оформляют устойчивые сравнения по аналогии со свободными сравнительными оборотами, делая это вполне намеренно. Примечательно, что в школе «ошибочное выделение» устойчивых сравнений «не учитывается при оценке» [Блинов, 1990, с. 61]: по-видимому, статус пунктуационной ошибки здесь не во всех случаях очевиден. Для того чтобы перейти к ответу на вопрос о том, почему маркирование конкретных устойчивых сравнений в пунктуационном узусе неодинаково, необходимо сначала остановиться

на ведущей особенности пунктуационного действия как такового, а затем дать общую характеристику тех факторов (относительно нормы — помех), благодаря которым пунктуационные действия с устойчивыми сравнениями, вопреки пунктуационной прескрипции, приводят к выделению устойчивых сравнений запятыми.

Пунктуационное действие — двуединый целенаправленный акт, в котором обнаруживается пунктуационная позиция (то есть условия для того, чтобы поставить или не поставить знак препинания) и принимается решение о маркировании ее тем или иным знаком препинания либо об отказе от ее пунктуационного маркирования. В теории пунктуации наблюдается единство в понимании психологического механизма пунктуационных действий. Так, согласно В. Я. Булохову, пунктуационное действие в принципе не может быть доведено до автоматизма, потому что «это не навык, а умение» [Булохов, 2009, с. 34]. Именуя пунктуационное действие то навыком, то умением, А. В. Дудников обращает внимание на то, что «постоянное участие сознания, активная работа мысли в момент употребления знаков препинания составляет специфическую и главнейшую психологическую особенность умения правильно пользоваться средствами пунктуации» [Дудников, 1963, с. 120]. В процессе самонаблюдения обнаруживаются, с одной стороны, «до конца не автоматизируемые элементы» [Богоявленский, 1966, с. 104] пунктуационных действий, а с другой стороны, «сознательное вмешательство в <...> ход» [Рубинштейн, 2001, с. 455] пунктуационных действий даже при доведении их до автоматизма. Это означает, что в пунктуационном действии приоритет отдан не автоматизации, а сознательному началу и что пунктуационное действие — это всегда акт метаязыковой рефлексии. По этой причине стоит согласиться с утверждением Н. Л. Шубиной о том, что в пунктуационных действиях (и, несомненно, в их результатах) проявляется не только «знание языка», но и «знание о языке» [Шубина, 2006, с. 59].

Пунктуационные действия с устойчивыми сравнениями, ничем в этом не отличаясь от других пунктуационных действий, сопровождаются метаязыковым осознанием особенностей устойчивых сравнений и условий, в которых они употребляются, что исключает автоматический и — как следствие — единообразный характер пунктуационного маркирования устойчивых сравнений. Так, если пишущий отождествит устойчивое сравнение по составу и по семантике с той единицей, которая хранится в его памяти и стабильно встречается в создаваемых / читаемых им текстах, при этом не редуцируя устойчивое сравнение в «мысленном черновике» [Выготский, 2006, с. 997] до синтаксического показателя сравнительных отношений — союза *как*, то, скорее всего, он оставит устойчивое сравнение без пунктуационного выделения. Наоборот, если пишущий заметит

какой-либо фактор, приводящий к «расшатыванию» пунктуационной позиции устойчивого сравнения, то его пунктуационная реакция может быть только одна — маркирование устойчивого сравнения посредством двойной запятой или ее элемента. Эти факторы обнаруживаются в трех сферах: деривационной, прагматической и контекстно-синтаксической, причем если первая и вторая сферы касаются самого устойчивого сравнения как языкового знака, то третья — взаимодействия устойчивого сравнения с синтаксическими операциями, конструкциями и формантами, предполагающими обязательное пунктуационное маркирование.

Деривационные факторы влияют на пунктуационную позицию устойчивого сравнения потому, что в процессе продуцирования высказывания может происходить образование окказиональных трансформов устойчивых сравнений путем расширения компонентного состава, контаминации и т. д. Окказиональные трансформы устойчивых сравнений появляются в тех случаях, когда языковое устойчивое сравнение «“не прошло контроль” на выполнение авторских интенций, не удовлетворило автора речи по каким-либо конкретным характеристикам, но вместе с тем остается более предпочтительным средством, нежели другие знаки» [Третьякова, 2011, с. 43]. За счет выделительных запятых окказиональные трансформы устойчивых сравнений, являющиеся сугубо речевыми структурами, в собственно пунктуационном плане отграничиваются от языковых устойчивых сравнений.

Прагматические факторы, связанные с тем, как воспринимаются устойчивые сравнения носителями языка и насколько те или иные устойчивые сравнения востребованы ими, способствуют росту применения двойной запятой или ее элемента. Таковы, например, ощущение оригинальности устойчивого сравнения и высокая продуктивность образно-семантической модели устойчивого сравнения — факторы, которые придают устойчивым сравнениям, обычно и так экспрессивно выделенным структурам, метаязыковую коннотацию новизны.

Контекстно-синтаксические факторы возникают тогда, когда левая граница пунктуационной позиции устойчивого сравнения, проходящая по сравнительному союзу *как*, вследствие особенностей синтаксической организации высказывания соприкасается с позицией подвергнутого эллипсису признака сравнения — сказуемого, совпадает с правой границей обособленной конструкции или интерпозитивной придаточной части, наконец, входит в состав расчлененного союза типа *так же..., как <u>*. Тире (при эллипсисе) или запятая (в остальных случаях) перед союзом *как*, являющимся ингредиентом устойчивого сравнения, здесь неизбежно ставятся, хотя эти знаки препинания обусловлены исключительно синтаксическим контекстом устойчивых сравнений.

Несмотря на то, что деривационные, прагматические и контекстно-синтаксические факторы определяют постановку при устойчивых сравнениях двойной запятой или ее элемента (гораздо реже — других знаков препинания), учет этих факторов в пунктуационных действиях связан с пониманием устойчивого сравнения как целостной фразеологической единицы языка. Характерно, что такая же пунктуационная реакция возникает и тогда, когда пишущий реализует ориентировку только на синтаксическую форму устойчивого сравнения, в которой нет чего-либо специфического для устойчивого сравнения как такового. Однако в пунктуационном узусе, запечатленном в НКРЯ, подобные пунктуационные реакции (строго говоря, ошибки) не являются преобладающими.

3.2. Устойчивые сравнения в пунктуационном узусе

Как известно, устойчивое сравнение *молчать как рыба* ‘о чем-либо упорном молчании, намеренном нежелании говорить’ [Мокиенко и др., 2008, с. 585] включено в перечень наиболее распространенных устойчивых сочетаний с союзом *как*, не требующих обособления [Розенталь, 1996, с. 284]. В выборке из НКРЯ, ограниченной формой глагола 3-го лица, единственного числа, настоящего времени, представлены 18 реализаций этого устойчивого сравнения. Среди них 12 (67 %) не имеют пунктуационного маркирования и 6 (33 %) выделены элементом двойной запятой. Ср.: *Знаю наизусть все пять тригоринских фраз из первого акта, где он молчит как рыба <...>* (М. Козаков. Актерская книга) [НКРЯ]; *<...> приезжаешь на дачу, и телефон молчит как рыба* (Е. Арсюхин. «Мобильное рабство» продлится до весны // Комсомольская правда. 14.09.2013) [НКРЯ] и *<...> Орлов молчит, как рыба* (И. Бродский. Коллекционный экземпляр) [НКРЯ]; *Пусть она (Пэн. — К. С.) здесь молчит, как рыба!* (В. Конецкий. Начало конца комедии) [НКРЯ]. В обоих случаях пунктуационного выделения устойчивого сравнения представлен левый элемент двойной запятой, тогда как правый ее элемент поглощен конечным знаком препинания. Очевидно, что в данном случае невыделенных устойчивых сравнений в два раза больше, чем выделенных. Это означает, что в пунктуационных действиях с устойчивыми сравнениями пишущие сосредоточены в большей степени на устойчивом сравнении как на фразеологическом знаке, чем на синтаксической форме устойчивого сравнения (точнее — на ее союзном показателе).

Эту закономерность подтверждает пунктуационная дифференциация устойчивого сравнения *молчит как рыба* и его свободного омонима, употребленных в одном и том же тексте. Ср.: *Если рыба молчит, как рыба, то камень молчит, как камень* и *Рыба хладнокровна и потому молчит как рыба, даже когда разрываешь ей губы и жабры, извлекая проглоченный крючок <...>* (В. Авченко. Кристалл в прозрачной оправе. Рассказы

о воде и камнях) [НКРЯ]. В обоих случаях субъект сравнения (подлежащее) лексически тождествен объекту сравнения. Однако если в свободном сравнительном обороте объект сравнения кореферентен подлежащему, то в устойчивом сравнении — нет. На эту кореферентность в первом высказывании дополнительно указывает аналогичность построения обеих предикативных частей, образующих при союзе *если..., то* центры сопоставления. Подчеркнем, что в первом высказывании имеется так называемая «суммарная запятая» [Руденко, 2005], в которой совпадают правый элемент двойной (выделительной) запятой, закрывающий устойчивое сравнение, и запятая, разделяющая предикативные части. Понятно, что способы пунктуационного маркирования устойчивого сравнения и его свободного омонима не являются взаимозаменяемыми, то есть свободная вариантность этих способов исключена.

Под влиянием такого деривационного фактора, как расширение компонентного состава, пунктуационное выделение устойчивого сравнения *молчит как рыба* становится более ожидаемым. Ср., например: *Между тем с 8 апреля молчит, как рыба в пирожке* (Е. Астафурова. Игорь Пушкарев: Пока не пнешь, не полетит // Комсомольская правда. 13.05.2011) [НКРЯ]. В окказиональном трансформе, созданном благодаря распространению объекта сравнения атрибутивно-локативным компонентом, несколько изменяется образная «картинка», передаваемая исходным устойчивым сравнением, но не его значение. Согласно И. Ю. Третьяковой, «введение переменных компонентов <...> не приводит к качественному преобразованию фразеологизма» [Третьякова, 2011, с. 61]. Однако в конкретном пунктуационном действии окказиональный трансформ не отождествляется с устойчивым сравнением, на основе которого он образован.

По образно-семантической модели устойчивого сравнения *молчит как рыба* производятся авторские сравнительные обороты. Эти свободные структуры появляются в результате субституции объекта сравнения, причем семантические основания подобной замены могут быть далеко не очевидными. По сути дела, такие свободные сравнительные обороты являются авторскими вариантами устойчивого сравнения. Судя по данным НКРЯ, их разные прецеденты подлежат пунктуационному выделению. Ср.: — *Он (Борис. — К. С.) даже перестал дружить с Любой, и теперь все с Варей, потому что Варя молчит, как дыня* <...> (М. Горький. Жизнь Клима Самгина) [НКРЯ]; — *Вот и веселей мне будет, а то, верите ль, — ехал тут один <...> сидит, пыхтит та молчит, как... как... тульский пряник* (С. Сергеев-Ценский. Движения) [НКРЯ]. Подобные варианты устойчивого сравнения создаются авторами, но как бы передоверяются персонажам, в чьей речи они могли бы быть уместны. Так, в примере из С. Сергеева-

Ценского представлена реплика поляка Антона Антоновича. Особенности его речи показаны с помощью графона (изображено произнесение парного глухого согласного на месте звонкого в структуре соединительного союза), а также повтора сравнительного союза и многоточия, изображающего паузы хезитации. Интересно, что паузы хезитации появляются в речи этого персонажа именно в момент выбора объекта сравнения.

На основе данной образно-семантической модели созданы относительно новые устойчивые сравнения, получившие словарную фиксацию и отличающиеся широтой употребления. Таково, в частности, устойчивое сравнение *молчать как партизан (партизанка)* ‘упорно молчать, несмотря на усилия со стороны кого-либо’ (ср. [Лебедева, 2017, с. 212]). Это устойчивое сравнение, ставшее особенно востребованным в послевоенный период, до сих пор воспринимается пишущими как оригинальное, аллюзивно-событийное по своему генезису средство перевода высказывания в регистр шутки. Как представляется, именно ощущением оригинальности данного устойчивого сравнения, вступающего в синонимические отношения с устойчивым сравнением *молчать как рыба*, обусловлена тенденция к его пунктуационному выделению. По данным НКРЯ, среди 29 его употреблений во всех финитных формах глагола 20 (69 %) выделены элементом двойной запятой и 9 (31 %) не имеют пунктуационного выделения. Ср.: — *И мама **молчит, как партизан** <...>* (Г. Щербакова. Моление о Еве) [НКРЯ]; *Вот уже полгода моя машинка упорно **молчит, как партизанка*** (Ф. Искандер. Сюжет существования) [НКРЯ] и *На дальнейшие расспросы, куда подевались пуговицы, Гаянэ **молчала как партизан*** (Н. Абгарян. Все о Манюне) [НКРЯ]; *Она (Танюша. — К. С.) старалась скрыть свои чувства и поэтому **молчала как партизан*** (М. Трауб. Замочная скважина) [НКРЯ]. В отличие от употреблений устойчивого сравнения *молчит как рыба*, где невыделенных устойчивых сравнений в два раза больше, чем выделенных, в данном случае, наоборот, невыделенных устойчивых сравнений в два раза меньше, чем выделенных.

Действие такого прагматического фактора, как ощущение оригинальности устойчивого сравнения, косвенно подтверждается тем, что имя существительное *партизан*, выступающее в функции объекта сравнения, регулярно включается во взаимодействие с разными признаками сравнения в свободных оборотах, обнаруживая свой компаративный потенциал. Ср.: *Хотя к тому времени уже был холостяк непоколебимый, **стойкий, как партизан** <...>* (А. Кабаков. Масло, запятая, холст) [НКРЯ]; *<...> Артист <...> явится **голодный, как партизан после рейда по тылам противника*** (В. Левашов. Заговор патриота) [НКРЯ]; *Ему (Гурке. — К. С.) не поверили, но он **стоял на своем, как партизан*** (А. Чудаков. Ложится мгла

на старые ступени) [НКРЯ]. В таких свободных сравнительных оборотах объект сравнения может получать атрибутивную конкретизацию (в частности, посредством атрибутивно-темпорального распространителя, как в примере из В. Левашова). Любопытно, что при наличии нераспространенного объекта сравнения в подобных свободных структурах не всегда имеется пунктуационное выделение. Ср.: *Ходил* (Федорцов. — К. С.) *он не в милицмейской форме, а был одет как партизан* (Л. Хейфец. Вспохои) [НКРЯ]; — *Вино крымское привез и сидит как партизан* (А. Берсенева. Полет над разлукой) [НКРЯ].

В высказывании компоненты устойчивых сравнений обычно размещаются в определенном порядке. В частности, объект сравнения в большинстве случаев стоит после признака сравнения. При инверсии сравнительный союз вместе с объектом сравнения синтагматически выделяются, что может получать отражение в пунктуационном маркере — двойной запятой. Подобная пунктуационная реакция допускается современными нормализаторами [Правила. . ., 2014, с. 230]. Стоит, однако, отметить, что в пунктуационном узусе встречаются как выделенные, так и не выделенные запятыми инверсированные части устойчивых сравнений. Ср.: *И представляете, как партизан, молчит, не говорит, из какого он* (Женя. — К. С.) *класса* (С. Рябцева. Дети восьмидесятых) [НКРЯ] и — *Я все ждал, спросите вы или как партизанка будете молчать до конца?* (Е. и В. Гордеевы. Не все мы умрем) [НКРЯ].

Пунктуационную позицию устойчивого сравнения преобразует такой деривационный фактор, как контаминация, при которой посредством неполного наложения из двух устойчивых сравнений образуется единый окказиональный трансформ. Например, в результате контаминации устойчивых сравнений *молчать как рыба* и *биться как рыба об лед* ‘о жизни в крайней нужде, постоянных лишениях, невзгодах’ [Мокиенко и др., 2008, с. 584] появился окказиональный трансформ *молчать как рыба об лед*. В этом окказиональном трансформе «происходит затемнение фразеологической образности» [Третьякова, 2011, с. 88], что вообще свойственно контаминированным устойчивым структурам. На первый план в его семантике выходит интенсификация значения устойчивого сравнения *молчать как рыба*, чему способствует сохранение в составе окказионального трансформы признака сравнения именно этой единицы. Примечательно, что словарную фиксацию рассматриваемый контаминант получил в форме императивного высказывания *Молчи как рыба об лед!* с семантикой ‘Замолчи! Заткнись!’ [Мокиенко и др., 2008, с. 585]. В выборке из НКРЯ оказалось 3 употребления этого окказионального трансформы, причем во всех них имеется пунктуационное маркирование — элемент двойной запятой

в выделительной функции. Ср.: — *Дней пять мы сидели с ним* (с Дрелингом. — К. С.) *в камере вдвоем. Молчит, как рыба об лед* (В. Гроссман. Жизнь и судьба) [НКРЯ]; *И уж понятно кто, если молчит, как рыба об лед* (Д. Симонова. Шанкр) [НКРЯ].

Устойчивое сравнение <нужен> *как рыбе зонтик* ‘совершенно, абсолютно не нужен’ [Бирих и др., 2005, с. 617] обеспечивает «втягивание» иронической предикации, основанной на оксюморонном образе, в сферу выражения алетической модальности. Образно-семантическая модель, по которой образовано это устойчивое сравнение, является «особенно продуктивной среди устойчивых сравнений, утверждающих отсутствие необходимости» [Там же]. Если в цитируемом словаре отмечены 5 таких устойчивых сравнений [Там же], то в специальной статье И. В. Кузнецовой их приведено более 50 [Кузнецова, 2016, с. 91—97]. Высокая продуктивность образно-семантической модели, по которой образовано устойчивое сравнение <нужен> *как рыбе зонтик*, дает основания пищу видеть в самом устойчивом сравнении свежую, необычную, как будто бы только что обретенную и пригодную именно *hic et nunc* единицу. Этот прагматический фактор препятствует однотипной пунктуационной обработке устойчивого сравнения. Действительно, в НКРЯ обнаружено 9 употреблений устойчивого сравнения <нужен> *как рыбе зонтик*, из них в 6 (67 %) имеются выделительные запятые, а в 3 (33 %) пунктуационное выделение отсутствует. Получается, что выделенных устойчивых сравнений в два раза больше, чем невыделенных. Ср.: *Нужна мне ваша похвала, как рыбе зонтик* (М. Полетика. Однажды была осень) [НКРЯ]; — *Нужна тебе эта аспирантура, как рыбе зонтик* (В. Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный) [НКРЯ] и *Понячу кажется, что дитя нужно Бруно как рыбе зонтик* <...> (В. Прокофьев. Сюрпризы Канн-2005 // Труд-7, 24.05.2005) [НКРЯ]; <...> *а наши* (двух филологов. — К. С.) *советы нужны были ему как рыбе зонтик* (В. Белоусова. По субботам не стреляю) [НКРЯ].

Пунктуационное маркирование в высказываниях с устойчивым сравнением <нужен> *как рыбе зонтик* может быть связано не с прагматическим выдвижением самого устойчивого сравнения, а с контекстно-синтаксическими факторами, идущими от специфики синтаксической организации конкретного высказывания. Обратимся к нескольким примерам.

Ср.: *Мне, например, фонарь в темноте — как рыбе зонтик* (В. Кунин. Кыся) [НКРЯ]. В этом высказывании происходит эллипсис признака сравнения, который маркируется тире как знаком неполноты. Согласно М. Л. Ковшовой, «такое невыражение признака сравнения, по сути, невыражением не является, поскольку словесное выражение замещается невербальными средствами: в письменном тексте — тире, в устной речи — паузой» [Ковшо-

ва, 2016, с. 51]. Однако такого рода эллипсис далеко не всегда обозначается посредством тире. Ср.: — <...> *Но ей-то* (Тане. — К. С.) *эта дача точно как рыбе зонтик* (А. Волос. Недвижимость) [НКРЯ]. По-видимому, необходимость тире при эллипсисе признака сравнения в этой устойчивой структуре связана с тем, что собственно компаративный сегмент устойчивого сравнения способен полноценно выразить признак сравнения, он как бы вбирает в себя его семантику. Именно поэтому при словарной подаче данной устойчивой единицы признак сравнения берется в угловые скобки.

Ср. также: <...> *и нужны они* (эти милые дамы. — К. С.) *друг другу, если разобратся, как рыбе зонтик* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений») [НКРЯ]. В данном случае признак сравнения значительно дистанцирован от союзной части устойчивого сравнения, которая выделена запятой. Этот знак препинания может получить двойное истолкование: либо мы имеем дело с правым элементом двойной запятой, маркирующим границу условно-вводной придаточной части, либо с суммарной запятой, в которой только что названный элемент соединен с левым элементом двойной запятой, выделяющей устойчивое сравнение. В рамках высказывания эту своеобразную пунктуационную неопределенность (ambiguity) преодолеть невозможно.

При включении союзного показателя устойчивого сравнения *как* в состав расчлененного соединительно-сопоставительного союза *так же..., как* <и> разделительная запятая оказывается перед союзной частью устойчивого сравнения. Ср.: *Ясно было: возникает скандал, а он так же нужен шахматам, как рыбе зонтик* (Я. Дамский. «Кому он нужен, этот Васька?»). Крик души нашего шахматного обозревателя по поводу дисквалификации Василия Иванчука // Советский спорт. 06.12.2008) [НКРЯ]. В данном случае то обстоятельство, что постановка запятой не обусловлена пунктуационным действием с устойчивым сравнением, подтверждается тем, что запятая является одиночной и выполняет разделительную функцию.

4. Заключение = Conclusions

Итак, становится понятно, что в пунктуационном узусе XX—XXI веков представлены разные способы пунктуационного маркирования устойчивых сравнений. Более того, одно и то же устойчивое сравнение у разных пишущих то выделяется двойной запятой или ее элементом, то не выделяется. Однако это не значит, что на данном участке пунктуационного узуса царит хаос. Анализ пунктуационных фактов показывает, что постановка знака препинания при устойчивых сравнениях определяется рядом факторов, которые учитывают пишущие в пунктуационных действиях

с устойчивыми сравнениями. При этом стоит отметить, что если деривационные и контекстно-синтаксические факторы вызывают пунктуационное маркирование устойчивых сравнений, то прагматические — лишь делают постановку выделительных запятых в устойчивых сравнениях более предпочтительной. Кроме того, пунктуационному выделению устойчивых сравнений способствует ориентировка на их синтаксическую форму (конкретнее — на сравнительный союз), приводящая, впрочем, не только к недооценке фразеологической сущности устойчивых сравнений, но и к пунктуационной ошибке.

Анализ материала НКРЯ свидетельствует о том, что пунктуационное маркирование устойчивых сравнений — это сложная задача, для решения которой требуется учет как особенностей устойчивых сравнений, так и тех условий, в которых они употребляются. Эта задача становится для пишущих чем-то похожей на пунктуационный эксперимент, в котором необходимо установить фактор, определяющий приемлемую пунктуационную реакцию. При этом в такого рода экспериментах пунктуационные реакции «вырабатываются явочным порядком» [Кольцова, 2006, с. 11]: многие из них не обусловлены нормой. Вопреки тезису о том, что «стихия узуса обуздается престижем нормы» [Виноградов, 2018, с. 226], применительно к устойчивым сравнениям можно утверждать, что пунктуационная норма складывается или, по меньшей мере, уточняется в пунктуационном узусе. Вовсе не случайно в пунктуационной прескрипции начала XXI века сделана попытка несколько ограничить сферу действия нормы, согласно которой устойчивые сравнения не подлежат выделению запятыми [Правила ..., 2014, с. 229—230]. Несомненно, это был поворот в сторону пунктуационного узуса.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Бирях А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирях, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — Москва : АСТ, 2005. — 926 с. — ISBN 5-17-029253-8.
2. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка : краткий тематический словарь. 3-е изд. / Л. А. Лебедева. — Москва : ФЛИНТА, 2017. — 283 с. — ISBN 978-5-9765-1239-9.
3. Мокиенко В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 800 с. — ISBN 978-5-373-01351-2.
4. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 19.07.2023).

Литература

1. *Блинов Г. И.* Методика изучения пунктуации в школе. 2-е изд. / Г. И. Блинов. — Москва : Просвещение, 1990. — 208 с. — ISBN 5-09-001105-2.
2. *Богоявленский Д. Н.* Психология усвоения орфографии. 2-е изд. / Д. Н. Богоявленский. — Москва : Просвещение, 1966. — 307 с.
3. *Булохов В. Я.* Пунктуационные действия: умения или навыки? / В. Я. Булохов // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. — 2009. — № 6. — С. 31—35.
4. *Виноградов В. А.* Статьи по общему языкознанию, компаративистике, типологии / В. А. Виноградов. — Москва : Языки славянских культур, 2018. — 544 с. — ISBN 978-5-907117-46-4.
5. *Выготский Л. С.* Психология развития человека / Л. С. Выготский. — Москва : Смысл ; Эксмо, 2006. — 1136 с. — ISBN 5-699-13728-9.
6. *Дудников А. В.* Методика синтаксиса и пунктуации в восьмилетней школе / А. В. Дудников. — Москва : Учпедгиз, 1963. — 439 с.
7. *Кобелева И. А.* Фразеологическая единица с точки зрения пунктуации / И. А. Кобелева // Русский язык в школе. — 2009. — № 5. — С. 36—39.
8. *Ковшова М. Л.* Фразеологические сравнительные конструкции с невыраженным признаком сравнения : возможности и ограничения на употребление / М. Л. Ковшова // Устойчивые сравнения в системе фразеологии / Отв. ред. В. М. Мокиенко. — Санкт-Петербург ; Грайфсвальд : СПбГУ ; Университет Грайфсвальда, 2016. — С. 50—58. — ISBN 978-5-8465-1529-1.
9. *Кольцова Л. М.* Пунктуационный эксперимент в художественном тексте / Л. М. Кольцова. — Воронеж : ВГУ, 2006. — 194 с. — ISBN 5-9273-10-94-X.
10. *Кузнецова И. В.* Русские устойчивые сравнения с семантикой ‘совсем не нужен’ и ‘очень нужен’ / И. В. Кузнецова // Устойчивые сравнения в системе фразеологии / Отв. ред. В. М. Мокиенко. — Санкт-Петербург ; Грайфсвальд : СПбГУ ; Университет Грайфсвальда, 2016. — С. 90—100. — ISBN 978-5-8465-1529-1.
11. *Лебедева Л. А.* Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии / Л. А. Лебедева. — Краснодар : КубГУ, 1999. — 192 с. — ISBN 5-8209-0022-7.
12. *Некрасова Е. А.* Пунктуация при сравнениях с союзом *как* в современных поэтических текстах / Е. А. Некрасова // Современная русская пунктуация / Отв. ред. Л. И. Скворцов. — Москва : Наука, 1979. — С. 222—235.
13. *Огольцев В. М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В. М. Огольцев. — Ленинград : ЛГУ, 1978. — 160 с.
14. *Правила русской орфографии и пунктуации.* — Москва : Учпедгиз, 1956. — 176 с.
15. *Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник* / Под ред. В. В. Лопатина. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. — 432 с. — ISBN 978-5-462-00930-3.
16. *Розенталь Д. Э.* Справочник по орфографии и пунктуации / Д. Э. Розенталь. — Москва : СТОЛЕТИЕ, 1996. — 368 с. — ISBN 5-7459-0077-6.
17. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 720 с. — ISBN 314-00016-4.
18. *Руденко А. К.* Взаимодействие знаков препинания : суммарная усложненная запятая / А. К. Руденко // Русский язык в школе. — 2005. — № 1. — С. 18—24.
19. *Третьякова И. Ю.* Окказиональная фразеология / И. Ю. Третьякова. — Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. — 290 с. — ISBN 978-5-7591-1219-8.

20. *Устойчивые сравнения в системе фразеологии* / отв. ред. В. М. Мокиенко. — Санкт-Петербург ; Грайфсвальд : СПбГУ ; Университет Грайфсвальда, 2016. — 278 с. — ISBN 978-5-8465-1529-1.

21. Федоров А. И. *Образная речь* / А. И. Федоров. — Новосибирск : Наука, 1985. — 119 с.

22. Шубина Н. Л. *Пунктуация современного русского языка* / Н. Л. Шубина. — Москва : Академия, 2006. — 256 с. — ISBN 5-7695-2881-8.

23. Bertuccelli M. The cognitive complexity of punctuation / M. Bertuccelli // *Lingue e linguaggi*. — 2022. — Vol. 54. — Pp. 15—29. — DOI: 10.1285/i22390359v54p15.

24. Bybee J. *Language, usage and cognition* / J. Bybee. — New York : Cambridge University Press, 2010. — 262 p. — ISBN 978-0-521-61683-6.

*Статья поступила в редакцию 29.10.2023,
одобрена после рецензирования 27.12.2023,
подготовлена к публикации 10.01.2024.*

Material resources

- Birikh, A. K., Mokienko, V. K., Stepanova, L. I. (2005). *Russian phraseology. Historical and etymological dictionary*. Moscow: AST. 926 p. ISBN 5-17-029253-8. (In Russ.).
- Lebedeva, L. A. (2017). *Stable comparisons of the Russian language: a short thematic dictionary. 3rd ed.* Moscow: FLINT. 283 p. ISBN 978-5-9765-1239-9. (In Russ.).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2008). *The Great Dictionary of Russian Folk Comparisons*. Moscow: OLMA Media Group CJSC. 800 p. ISBN 978-5-373-01351-2. (In Russ.).
- NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 19.07.2023). (In Russ.).

References

- Bertuccelli, M. (2022). The cognitive complexity of punctuation. *Lingue e linguaggi*, 54: 15—29. — DOI: 10.1285/i22390359v54p15.
- Blinov, G. I. (1990). *Methods of studying punctuation at school. 2nd ed.* Moscow: Prosveshchenie. 208 p. ISBN 5-09-001105-2. (In Russ.).
- Bogoyavlensky, D. N. (1966). *Psychology of learning spelling. 2nd ed.* Moscow: Prosveshchenie. 307 p. (In Russ.).
- Bulokhov, V. Ya. (2009). Punctuation actions: skills or abilities? *Scientific notes of the N. G. Chernyshevsky Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University*, 6: 31—35. (In Russ.).
- Bybee, J. (2010). *Language, usage and cognition*. New York: Cambridge University Press. 262 p. ISBN 978-0-521-61683-6.
- Dudnikov, A. V. (1963). *Methods of studying syntax and punctuation in an eight-year school*. Moscow: Uchpedgiz. 439 p. (In Russ.).
- Fedorov, A. I. (1985). *Figurative speech*. Novosibirsk: Nauka. 119 p. (In Russ.).
- Kobeleva, I. A. (2009). Phraseological unit from the point of view of punctuation. *Russian language at school*, 5: 36—39. (In Russ.).
- Koltsova, L. M. (2006). *Punctuation experiment in a literary text*. Voronezh: VSU. 194 p. ISBN 5-9273-10-94-X. (In Russ.).
- Kovshova, M. L. (2016). Phraseological comparative constructions with an unexpressed sign of comparison: possibilities and restrictions on use. In: *Stable comparisons in*

- the system of phraseology*. St. Petersburg; Greifswald: St. Petersburg State University; University of Greifswald. 50—58. ISBN 978-5-8465-1529-1. (In Russ.).
- Kuznetsova, I. V. (2016). Russian stable comparisons with the semantics of ‘not needed at all’ and ‘very necessary’. In: *Stable comparisons in the system of phraseology*. St. Petersburg; Greifswald: St. Petersburg State University; University of Greifswald. 90—100. ISBN 978-5-8465-1529-1. (In Russ.).
- Lebedeva, L. A. (1999). *Stable comparisons of the Russian language in phraseology and phraseography*. Krasnodar: KubGU. 192 p. ISBN 5-8209-0022-7. (In Russ.).
- Nekrasova, E. A. (1979). Punctuation in comparisons with the conjunction *kak* (‘as’) in modern poetic texts. In: *Modern Russian punctuation*. Moscow: Nauka. 222—235. (In Russ.).
- Ogoltsev, V. M. (1978). *Stable comparisons in the system of Russian phraseology*. Leningrad: LSU. 160 p. (In Russ.).
- Rosenthal, D. E. (1966). *Handbook of spelling and punctuation*. Moscow: CENTURY. 368 p. ISBN 5-7459-0077-6. (In Russ.).
- Rubinstein, S. L. (2001). *Fundamentals of general psychology*. St. Petersburg: Peter. 720 p. ISBN 314-00016-4. (In Russ.).
- Rudenko, A. K. (2005). Interaction of punctuation marks: a total complicated comma. *Russian language at school*, 1: 18—24. (In Russ.).
- Rules of Russian spelling and punctuation*. (1956). Moscow: Uchpedgiz. 176 p. (In Russ.).
- Rules of Russian spelling and punctuation. The Complete Academic Handbook*. (2014). Moscow: AST-PRESS BOOK. 432 p. ISBN 978-5-462-00930-3. (In Russ.).
- Shubina, N. L. (2006). *Punctuation of the modern Russian language*. Moscow: Akademiya. 256 p. ISBN 5-7695-2881-8. (In Russ.).
- Stable comparisons in the system of phraseology*. (2016). St. Petersburg; Greifswald: St. Petersburg State University; University of Greifswald. 278 p. ISBN 978-5-8465-1529-1. (In Russ.).
- Tretyakova, I. Y. (2011). *Occasional phraseology*. Kostroma: KSU named after N. A. Nekrasov. 290 p. ISBN 978-5-7591-1219-8. (In Russ.).
- Vinogradov, V. A. (2018). *Articles on general linguistics, comparative studies, typology*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 544 p. ISBN 978-5-907117-46-4. (In Russ.).
- Vygotsky, L. S. (2006). *Psychology of human development*. Moscow: Smysl; Eksmo. 1136 p. — ISBN 5-699-13728-9. (In Russ.).

*The article was submitted 29.10.2023;
approved after reviewing 27.12.2023;
accepted for publication 10.01.2024.*

Информация для цитирования:

Шубина Э. Л. Предлог *à la* в публицистическом дискурсе немецкого языка / Э. Л. Шубина, А. В. Аверина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 100—123. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-100-123.

Shubina, E. L., Averina, A. V. (2024). Preposition *à la* in Public Discourse of German Language. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 100-123. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-100-123. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-100-123

Предлог *à la* в публицистическом дискурсе немецкого языка

Шубина Эльвира Леонидовна¹
orcid.org/0000-0001-9649-1024
доктор филологических наук,
профессор кафедры немецкого языка,
* *корреспондирующий автор*
elvira.shubina@mail.ru

Аверина Анна Викторовна²
orcid.org/0000-0002-3117-6362
доктор филологических наук,
профессор кафедры грамматики
и истории немецкого языка
Anna.averina@list.ru

¹Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

²Московский государственный
лингвистический университет
(Москва, Россия)

Preposition *à la* in Public Discourse of German Language

Elvira L. Shubina^{1*}
orcid.org/0000-0001-9649-1024
Doctor of Philology, Professor,
Department of German Language,
* *Corresponding author*
elvira.shubina@mail.ru

Anna V. Averina²
orcid.org/0000-0002-3117-6362
Doctor of Philology, Professor,
Department of Grammar and
the History of the German Language
Anna.averina@list.ru

¹Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

²Moscow State
Linguistic University
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализировано функционирование предлога французского происхождения (ксенизм) *à la* в современном публицистическом корпусе немецкого языка. Актуальность исследования обусловлена тем, что в отечественной и зарубежной германистике отсутствует лингвистическое описание этого предлога, достаточно продуктивного в немецком языке. Методом сплошной выборки в корпусе DWDS выделены сочетания, в состав которых входил предлог *à la*. Авторы рассматривают предлог в качестве синонима немецким производным предлогам, обозначающим «уподобление, подобие»: nach Art von, im Stile von, in der Art von, nach dem Prinzip von. Отмечается, что в качестве распространителей предлога выступают преимущественного имени собственные (*à la Agatha Christie*) и предикативные единицы (*à la "Klinsmann liebt Leipzig"*). Меньшим количеством примеров представлены конкретные, абстрактные и одушевленные существительные. Предлагается парадигма вариативного управления данного предлога. Авторы приходят к выводу, что на выбор падежного управления предлога оказывают влияние структурные характеристики предложных конструкций, а именно наличие / отсутствие артикля или сопроводительного слова после предлога, род, число управляемого имени существительного.

Ключевые слова:

предлог; падеж; амбивалентная форма; заимствования; публицистический дискурс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The functioning of the French-origin preposition *à la* in the modern journalistic corpus of the German language is analyzed. The relevance of the study is due to the lack of linguistic description of this preposition in domestic and foreign German studies, despite its productivity in the German language. Combinations including the preposition *à la* were identified through a comprehensive sampling method in the DWDS corpus. The authors consider the preposition as synonymous with German derived prepositions that denote "similarity, likeness": nach Art von, im Stile von, in der Art von, nach dem Prinzip von. It is noted that proper names (*à la Agatha Christie*) and predicative units (*à la "Klinsmann liebt Leipzig"*) serve as the main carriers of the preposition, with fewer examples involving concrete, abstract, and animate nouns. A paradigm of variable government for this preposition is proposed. The authors conclude that the choice of case government for the preposition is influenced by the structural characteristics of prepositional constructions, namely the presence / absence of an article or accompanying word after the preposition, as well as the gender and number of the governed noun.

Key words:

preposition; case; ambivalent form; borrowings; journalistic discourse.

Предлог *à la* в публицистическом дискурсе немецкого языка

© Шубина Э. Л., Аверина А. В., 2024

1. Введение = Introduction

Словарный состав современного немецкого языка обнаруживает значительное количество заимствованной лексики. В разные периоды становления немецкого языка на него оказывали влияние такие языки, как кельтский, латинский и греческий (во времена христианизации Германии), итальянский и французский (в эпоху Возрождения), а также английский (в настоящее время). Общеизвестным является тот факт, что сильное влияние на другие языки оказывает тот язык, чья страна в рассматриваемый период является экономически и культурно доминирующей. Так, в эпоху абсолютизма XVII—XVIII веков передовой страной была Франция, а французский язык стал языком высшего общества многих европейских стран. Кульминационным моментом в истории заимствований из французского языка считается XVII век, получивший название «*A la mode Zeit*» (эпоха модников, период моды на все иностранное), когда немецкий язык наводнил поток французских слов, связанных с архитектурой, строительством, нарядами, танцами, развлечениями, бытовыми предметами: *Fassade, Kompott, Friseur, amüsieren, studieren* и др. Среди множества знаменательных слов в язык-реципиент «встраивались» и служебные слова, в частности предлоги *à, à la, vis-à-vis*. В современном немецком языке в публицистическом и деловом дискурсе активно используются предлоги латинского (*contra, pro, exclusive, inklusive, minus, plus, per, via, qua, versus*) и французского (*à, vis-à-vis*) происхождения, заимствованные в разные исторические периоды.

В нашей статье речь пойдет о функционировании предлога французского происхождения *à la* в газетном корпусе немецкого языка XX—XXI веков. Выбор предмета исследования объясняется высокой продуктивностью ксенизма *à la* в материалах современной прессы. Являясь лишь одной из форм на письменном пути проникновения заимствованной лексики, пресса обладает некоторыми специфическими чертами по сравнению с литературными произведениями, отличается богатством и разнообразием тематического со-

держания, а следовательно, и средств его выражения в рамках текстов, имеющих сравнительно небольшой объём [Добросклонская, 2008].

Цель работы — определить синтагматические свойства названной единицы и специфику ее семантики. Для осуществления поставленной цели необходимо определить этапы освоения ксенизма *à la* в немецком языке, выявить распространители предлога, его синонимический ряд, а также определить грамматический статус предлога.

Новизна исследования состоит в том, что до сих пор в отечественной и зарубежной германистике не было предпринято попыток лингвистического описания достаточно продуктивного предлога французского происхождения *à la* в немецком языке. Далее в статье впервые в лингвистической литературе составлена парадигма вариативного управления данного предлога.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужил корпус Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (далее — DWDS) Берлинско-Бранденбургской академии наук (нем. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften) [DWDS]. Нас интересовали разделы с публицистическим текстовым материалом (Berliner Zeitung (1994—2005); Der Tagesspiegel (с 1996 года); Die Zeit (1946—2018)), что позволило изучить проблему на актуальном временном срезе. Исторический корпус текстов (Historische Korpora (1465—1998)) привлекался для анализа предложных сочетаний французского происхождения *à la mode*, *à la baisse*, *à la hausse*, *à la carte*. Для иллюстративного материала использовались онлайн-издания немецких газет и журналов («Focus», «Spiegel», «Die Zeit», «Die Welt», «Handelsblatt», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Berliner Zeitung», «Tageszeitung») за 2023 год.

В работе применялись методы контекстуального, компонентного и количественного анализа.

В немецких публицистических текстах можно встретить предлог французского происхождения *à la*, который незаслуженно обходит вниманием языковеды, занимающиеся служебными словами немецкого языка. Этимологически *à la* относится к французским предложным сочетаниям *à la manière de*, *à la façon de*. От своих исходных сочетаний ксенизм сохранил предлог *à* и определенный артикль женского рода единственного числа *la*, так как *façon* и *manière* являются существительными женского рода. Однако лексические значения этимологически исходных компонентов *manière* (форма, манера, способ) и *façon* (способ, манера, образ) подразумеваются в *à la*, что подтверждается его определениями в различных словарях.

Для разъяснения семантики предлога обратимся к толковым словарям немецкого языка. Тот факт, что предлог упомянут в некоторых толковых

словарях, говорит об активизации *à la* в современном немецком языке. Важно отметить, что в словарях регламентировано написание предлога с диакритическим знаком французского языка *à* (accent grave (аксан грав)), однако в нашем корпусе представлено также написание без упомянутого знака. Графическое оформление без знака аксан грав *a la* встречается в нашем корпусе примерно в семь раз реже.

Этимологический словарь Фридриха Клуге рассматривает *à la* как **группу частиц** (*Partikelgruppe*, std. stil.) и толкует значение этой группы как ‘nach Art von’ (по образу, по обычаю, во вкусе, на манер). Данное заимствование используется для именования кулинарных блюд и индивидуального художественного стиля. Авторы словаря возводят *à la* к заимствованному из французского в XVII веке предложному сочетанию *à la mode de* (во вкусе, на манер), которое, по их мнению, приобрело популярность в XVIII веке. В современном языке *à la*, как правило, употребляется с ироничным оттенком. В словаре приводится пример употребления ксенизма с существительными немецкого языка в произведениях Гёте (*welche die Farben à la Gildemeister sahen*, букв. «которые видели цвета а-ля глава гильдии» со значением ‘не различали цветов’, «*farbenblind waren*») [Kluge].

Онлайн-издание словаря Дудена определяет значение ксенизма как: *im Stile von* (в стиле (на манер) кого-либо, чего-либо); *so wie* (наподобие, вроде); *nach Art von* (подражая, подобно, по образцу). Авторы не причисляют сочетание *à la* к определенной части речи и наделяют его функцией установления сходства, подобия одного лица другому в обиходно-разговорном языке: *eine Kurzgeschichte à la Poe* (короткий рассказ в стиле Эдгара По), а также отводят ему определённую роль в описании приготовления кулинарных блюд: *Schnitzel à la Holstein* (шницель по-гольштейнски) [Duden].

Словарь корпуса DWDS именует *à la* **предлогом** и рассматривает его как синонимичный вариант предложной конструкции (производного предлога) *nach Art von*. Авторы словаря считают, что употребление предлога типично для:

— возвышенного стиля: *ein Schnitzel à la Holstein; à la carte essen* (=nach der Karte essen) (заказ отдельных блюд по меню в ресторане);

— обиходно-разговорного стиля: *ein Gedicht à la...* (=ein Gedicht im Stile von...) (стихотворение в духе ...).

Кроме того, некоторые предложные сочетания являются, по мнению авторов словаря, устаревшими. К ним они причисляют *à la bonne heure!* (отлично!), *à la mode* (модный) [DWDS].

Вслед за авторами словаря корпуса DWDS и отечественными лингвистами В. А. Лавриненко и А. В. Петровым мы именуем ксенизм *à la* предлогом. Так, В. А. Лавриненко в своей работе проанализировала грамматиче-

ский статус ксенизма *a-ля* в составе сочетания «*a-ля* + имя существительное в именительном падеже» и пришла к выводу, что элемент *a-ля* выполняет традиционную функцию предлога — оформляет подчинение имени знаменательному слову, формируя при этом свободное словосочетание [Лавриненко, 2010]. Разделяет ее точку зрения и А. В. Петров, который исследовал конструкции с заимствованным предлогом *a-ля* в русском языке сквозь призму логической структуры сравнения [Петров, 2017, с 219—229].

Приведенные словарные дефиниции свидетельствуют о том, что заимствованный предлог описывается через исконные синонимические единицы (авторами всех словарей указан производный предлог *nach Art von*) в различных или сходных комбинациях и характеризует определяемое слово по признаку уподобления.

Таким образом, сфера употребления ксенизма *à la*, по мнению немецких лексикографов, ограничивается обиходно-разговорным стилем или же возвышенным. Рассматриваемое предложное сочетание французского происхождения используется, по их мнению, для названия кулинарных блюд и индивидуального художественного стиля.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Ксенизм *à la* и его синонимы

В словаре DWDS перечислены синонимичные предложные словосочетания (*frei*) *nach dem Motto*, *im Stil(e) von*, *in der Art (von)*, *nach Art von*, *nach dem Prinzip von*, *nach dem Motto von*, имеющие сравнительно-уподобительное значение, поэтому правомерно возникает вопрос о том, почему ксенизм *à la* стал популярен в современном публицистическом дискурсе. В качестве доказательства его возросшей употребительности мы приводим в таблице 1 количественное распределение упомянутых выше предложных конструкций и ксенизма *à la*.

Таблица 1

Ксенизм *à la* (*a la*) и его синонимы в публицистическом корпусе DWDS

Предложные сочетания	Количество примеров	Доля в корпусе
<i>à la</i>	(<i>à la</i>) 7600 (<i>a la</i>) 1089 8689	33 %
<i>im Stil(e) (von)</i>	7000	27%
(<i>frei</i>) <i>nach dem Motto</i>	6400	24%
<i>nach dem Prinzip</i>	1900	8%
<i>nach dem Muster</i>	1652	6%
<i>in der Art von</i>	186	1%
<i>nach Art von</i>	168	1%
всего	25995	100%

Таблица наглядно демонстрирует, что доля ксенизма *à la* велика, она составила около 33 % среди предложных сочетаний исконно немецких, обозначающих уподобление кому-либо, чему-либо.

Наиболее частотными среди синонимов оказались в нашей выборке производные предлоги (*frei nach dem Motto (...)* (по принципу, под девизом, в смысле) и *im Stil(e) (von)* (в стиле, духе, характере), распространяемые предикативными единицами, конкретными (высокая доля имен собственных) и абстрактными существительными: *Solidarität ist keine Rosinenpickerei nach dem Motto: Sanktionen gegen Russland: ja bitte, Kohäsionsmittel aus dem EUHaushalt: ja bitte, Flüchtlinge: nein danke* [Zeit Magazin, 2017]; *im Stil von Oliver Kahn* [Der Tagesspiegel, 2004].

Мы разделяем точку зрения Н. Ю. Коневой и считаем, что необходимыми признаками синонимии являются смысловая общность слов и их частичная взаимозаменяемость, то есть совместимость в одних условиях контекста и несовместимость в других [Конева, 2004]. Для того чтобы определить место данного ксенизма среди немецких предлогов и предложных сочетаний, мы выбрали предложения из нашего корпуса, в которых авторы статей сравнивают места отдыха с парками развлечений в стиле «Диснейленд»:

Eine Vergnügungsstätte nach Art von „Disneyland“ schließt Böger aber aus (увеселительные места отдыха в стиле «Диснейленда» Бёгер избегаем) [Der Tagesspiegel, 2001]; *Das antike Theater wurde im Stil Disneylands neu gebaut (античный театр в стиле Диснейленда был отстроен заново)* [Der Tagesspiegel, 2004]; *Der „King of Pop“ plant in Polen einen gigantischen Vergnügungspark à la Disneyland (Майкл Джексон планирует построить в Польше гигантский парк развлечений а-ля Диснейленд)* [Berliner Zeitung, 1997].

Наши контексты продемонстрировали взаимозаменяемость ксенизма *à la* с производными исконно немецкими предлогами. Таким образом, предлог может занять вполне правомерно место среди немецких производных предлогов, обозначающих «уподобление, подобие».

3.2. Заимствованные предложные сочетания типа *à la carte*

Помимо предлога *à la* в словарях Дуден, DWDS перечислены устойчивые предложные сочетания с компонентом *à la*, которые наиболее распространены в современном немецком языке. Мы остановимся подробнее на конструкциях, которые были обнаружены в нашем корпусе:

à la baisse (спекулировать на бирже на понижение)

à la hausse (спекулировать на бирже на повышение)

В историческом корпусе DWDS перечисленные выше сочетания встретились в текстах XIX и начала XX веков, они употреблялись в сочета-

нии с глаголами *spielen, spekulieren*: ...*er spielt a la baisse*... (List, Friedrich, 1838); "*Und da spekulierst du sozusagen a la Baisse?*" (Bahr, Hermann, 1919) [DWDS].

В современном публицистическом корпусе данные сочетания характеризуются более разнообразным предикативным окружением: *spekulieren* (23 примера), *tendieren* (1), *sich legen* (1), *unterminieren* (1), *verkaufen* (1), *kaufen* (1), *investieren* (1), *sich auswirken* (1), *gehen* (1): „*à la Hausse investieren* [Der Tagesspiegel, 2003]; *die ihr Heil in der kurzfristigen Spekulation sehen und sich jetzt „à la baisse legen“* ... [Die Zeit, 1959].

Исторический корпус демонстрирует нам примеры сочетаний *à la mode* (*модно, современно*) (=modern) в текстах XVII—XIX веков: *Es ist a la mode* (Schupp, Johann, 1663); ...*er hat in seinem Hause alles a la mode eingerichtet* (Gladov, Friedrich 1727); ... *und zeigte sie so recht vollständig a la mode* (Bechstein, Ludwig 1854) [DWDS].

В современном корпусе *à la mode* встретилось в текстах о модной одежде, современном строительстве, новых «модных» туристических маршрутах: *weil sie a la mode bauten* [Der Tagesspiegel, 1996].

Словари DWDS и Дуден указывают на использование сочетания *à la carte* (*обслуживание по меню*) в сфере общественного питания и предположительно с глаголами семантической группы, обозначающей потребление пищи («ингестивные» глаголы). Исторический корпус содержит несколько примеров из текстов XIX века на гастрономическую тематику: *zu jeder Stunde vorzügliche der Saison angemessene billige Speisen a la carte, und einen billigen Wein* (Neue Rheinische Zeitung, 1948) [DWDS].

Сочетание употребляется в переносном значении, если подразумеваются изменения согласно собственным желаниям, представлениям (*eine Änderung à la carte nach eigenen Wünschen, Vorstellungen*) [DWDS]. Наш публицистический корпус насчитывает 300 сочетаний (в прямом и переносном значении): „*Im September, Oktober sollen die Leute bei uns wieder à la carte essen können*“, *sagt Laggne* [Berliner Zeitung, 2003].

В переносном значении (по желанию, по выбору) сочетание активно употребляется в высказываниях о политике или экономике. Так, журналисты часто прибегают к использованию упомянутого ксенизма, когда речь заходит о членстве стран в Евросоюзе, НАТО, ВТО и других организациях. Авторы статей иронизируют по поводу стремления некоторых стран извлечь максимальную выгоду из членства в той или иной организации и не обременять себя обязанностями, которые возлагает Евросоюз, НАТО: *Einen Brexit „à la carte“ mit Verbleib im Europäischen Binnenmarkt* ... [Die Zeit, 2016].

Иронично журналисты высказываются и о системе профессионального образования, когда обучающиеся сами выбирают предметы, которые

будут изучать. Эта возможность выбора образно переосмысливается как фастфуд-меню из специальностей: ...den europäischen Bestrebungen **einer Berufsbildung à la carte** zu widerstehen, bei der sich jeder Beschäftigte auf dem Bildungsmarkt sein Fast-Food-Qualifizierungsmenü zusammenstellt [Die Zeit, 2004].

Наш материал показал, что принцип *à la carte* применим с точки зрения носителей языка не только к еде и напиткам, а также к Европе (*Europa à la carte*), НАТО (*Nato à la carte*), путешествиям, каникулам (*Reisen, Ferien à la carte*), выходу на пенсию (*Pensionierung à la carte*), рабочему времени (*Arbeitszeit à la carte*), международным внешнеэкономическим отношениям (*Multilateralismus à la carte*), людям (*Menschen, Tiere, Mann à la carte*), союзнической политике (*Bündnispolitik à la carte*).

Данные корпуса подтвердили достаточно частотное использование сочетания **à la minute** (минута в минуту, в установленное время) в публицистических и исторических текстах, где речь идёт о сервировке или приготовлении блюд: *Die Bio-Eier werden à la minute gebraten* [Der Tagesspiegel, 2004].

Сочетания *à la suite* (один за другим, в сопровождении), *à la duchesse* (а-ля герцогиня), *à la grecque* (греческий), *à la maison* (дома, по-домашнему), *à la française* (по-французски), *à la saison* (сезонный), *à la mesure* (слаженно, в такт), *à la bonne heure* (браво, отлично) представлены единичными примерами в публицистике или же были зафиксированы лишь в историческом корпусе DWDS.

Итоги корпусного исследования предложных сочетаний с заимствованными из французского языка прилагательными отражены в таблице 2.

Анализ диахронического среза и сопоставление с корпусом современных газетных текстов показал, что почти все заимствованные предложные сочетания (кроме *à la hausse*) были распространены в доступных для анализа текстах XVIII и XIX столетий. Примерно в равной степени популярным в исторических текстах и современной публицистике оказалось сочетание *à la mode* (соответственно 100 и 128 примеров). По сравнению с материалами XVIII и XIX веков стремительно возросло употребление сочетания *à la carte* (соответственно 13 и 489 примеров). Можно предположить, что именно развитием туризма и системы общественного питания объясняется более частотное употребление сочетаний *à la carte*, *à la minute* в синхроническом срезе. Кроме того, сочетание *à la carte* вышло за рамки предписываемого ему словарями гастрономического дискурса и используется носителями языка в значении 'на выбор, по желанию'.

Предложная конструкция с *à la* широко представлена в текстах прессы, в которых речь идёт не только о разновидности блюд *das Rezept für*

Таблица 2

Количественное соотношение заимствованных предложных сочетаний
в историческом и публицистическом корпусе DWDS

Предложные сочетания и их орфографические варианты	Исторический корпус	Публицистический корпус
à la baisse legen, a la baisse kaufen, à la Baisse verkaufen	A la baisse (11) à la Baisse (1)	à la baisse (19) à la Baisse (10) a la baisse (0)
à la hausse kaufen, à la Hausse investieren	— —	à la hausse (4) à la Hausse (8)
Die Fassaden à la Mode umgestalten; à la mode sein; a la mode bauen	à la mode (88) à la Mode (12)	à la mode (98) à la Mode (10) a la mode (10)
à la carte essen, Arbeitszeit a la carte; Unten soll es eine Gaststätte à la Carte geben	à la carte (10) à la Carte (3)	à la carte (375) à la Carte (18) a la carte (90) a la Carte (6)
à la minute braten, a la mi- nute zuschicken; à la Minute erfinden	à la minute (3)	à la minute (20) à la Minute (1)

Zitronenhühnchen à la marocaine (рецепт приготовления курицы с лимоном по-мароккански), *à la lyonnaise* (nach Lyoner Art) (как в Лионе), *Essen à la bavaoise* (еда по-баварски), но и о других видах деятельности с указанием на объект имитации на французском языке *amerikanisches Kino à la française* (американское кино по-французски), *à la creôle kochen* (готовить по-креольски), *Entwürfe à la grecque zeichnen* (рисовать по-гречески) *die Sozialdemokratie à la française* (социал-демократия по-французски) *der technologische Fortschritt à la japonaise* (технологический прогресс по-японски), *Städte à la brasilienne* (города по-бразильски). Таким образом, сочетаемость предлога вышла за рамки рекомендованной словарями кулинарной тематики и описывает иные сферы деятельности человека, подчеркивая имитацию, подражание, с использованием как заимствованного предлога, так и заимствованного прилагательного.

Рассмотрение особенностей использования иноязычных предложных сочетаний типа *à la carte* в диахронии и синхронии себя оправдало, поскольку позволило нам увидеть их возросшую популярность в текстах газетно-публицистического стиля и способность функционировать не только в рамках гастрономического дискурса. В следующем разделе речь пойдет о распространителях аналитического предлога *à la* в современной публицистике.

3.3. Сочетаемость предлога *à la*

Для любого предлога одним из основных свойств выступает его сочетаемость, которая тесно связана с семантикой. Под сочетаемостью предлога мы понимаем в первую очередь лексическое наполнение позиций, которые соответствуют правому (вводимое предлогом существительное, местоимение, предикативные и полупредикативные единицы) и левому (главное слово в синтаксической структуре) компонентам синтаксической конструкции. В нашей работе мы анализируем сочетаемостные возможности только с правым компонентом, так как предлог может употребляться в приглагольной и присубстантивной позиции. В зависимости от расположения предлога в предложении в роли так называемого левого компонента может выступать либо глагол: *A la David Copperfield zaubern* (колдовать а-ля Дэвид Коннерфильд), — либо существительное, которое предложное сочетание дополняет и конкретизирует, то есть субъект сравнения: *Zauberer à la David Copperfield* (иллюзионист а-ля Дэвид Коннерфильд):

Ein hundsgemeiner Betrüger oder ein eleganter Zauberer à la David Copperfield? [Berliner Zeitung, 2001].

A la David Copperfield das Kaninchen aus dem Zylinder zaubern, das funktioniert nicht [Der Tagesspiegel, 2002].

В наших материалах приглагольная позиция предлога представлена в 13 контекстах. В соответствии с фундаментальной классификацией предикатов Ю. Д. Апресяна место левого компонента занимали предикаты действия (*à la Mittelmeer speisen; à la Wyssotkij leben; à la Picasso zeichnen, malen; sich à la tapfere Musketiere behaupten; à la Pawlow protestieren, a la David Copperfield zaubern, à la einsamer Wolf fungieren, das Haar à la junger Römer legen, Skythen à la Prinzessin anziehen, à la Dolly klonen*) и состояния (*nicht à la Thatcher sein, à la Schulmädchen stehen*) [Апресян, 2006].

Ставший популярным в публицистике аналитический предлог *à la* сочетается в нашем корпусе в присубстантивной позиции со следующими лексико-семантическими группами существительных, среди которых представлены:

1. **Неодушевлённые предметные** существительные, с помощью которых обозначены:

— предметы одежды: *à la Trenchcoat zugebunden* (подпоясанные как тренчком);

— предметы быта: *mit irren Geschichten à la manipulierte Zahnpasta* (запутанная история наподобие зубной пасты, которая оказалась «виновата» в обнаружении запрещённых препаратов у спортсменов);

— деньги, денежные взносы, платёжные системы: *à la kanadischer Dollar* (как канадский доллар);

— предприятия и учреждения: *100 Bierschwemmen à la Hofbräuhaus* (100 пивных заведений по типу пивного ресторана);

— электроприборы: *die Touchscreen-Technik à la iPhone* (сенсорный экран как у айфона);

— игрушки: *Basteleien à la Stabilbaukasten* (поделки типа конструктора);

— страны, государства: *gutbürgerlich Gestreiftes à la deutsche Provinz* (одежда в полоску как в немецкой провинции);

— здания, сооружения, помещения: *wie Großraumläden à la Supermärkte* (крупные магазины как супермаркеты).

2. **Неодушевлённые непредметные** существительные, обозначающие:

— продукты творческой и речевой деятельности: *Maschinentheater à la Frankfurter Sprechoper* (театр по типу Франкфуртской оперы);

— временные отрезки, а именно:

▶ неделю: *neue Wohltaten à la 35-Stunden-Woche* (новые блага как например 35-часовая рабочая неделя);

▶ год: *eine Rezession à la 1974* (рецессия как в 1974 году);

▶ десятилетие: *Eckenkragen à la zwanziger Jahre* (форма воротника как в двадцатые годы);

▶ столетие: *diese Großmachtpolitik à la 19. Jahrhundert* (политика как в 19 веке); эпоху: *ein Schmaus à la Mittelalter* (пир как в средние века).

3. **Одушевлённые предметные** существительные, обозначающие:

— людей: *niedrige Stiefel à la Fallschirmspringer* (низкие сапоги как у парашютистов);

— живые существа: *mit flackerndem Blick à la Raubtier* (взгляд как у хищника).

4. **Абстрактные** существительные: *à la Müllschluckerprinzip können die Briefe in jeder Etage eingeworfen werden* (бросать письма как мусор в мусоропровод).

6. **Имена собственные**, обозначающие:

1) **собственно имена**, среди которых имена:

— политиков: *einem Populismus à la Trump* (популизм по Трампу); *den aggressiven Konservatismus à la Thatcher* (агрессивный консерватизм по Тэтчер);

— людей творческих профессий: *wie eine Utopie à la Jules Verne* (вроде утопии как у Жюль Верна); *Outfits à la Britney Spears* (сценические образы как у Бритни Спирс);

— литературных персонажей: *zu einem Leben à la Robinson Crusoe* (жизнь как у Робинзона Крузо);

— стран, городов, континентов: *eine neue Krise à la Korea* (новый кризис как в Корее); *Wachstumsraten à la Amerika* (темпы экономического роста как в Америке).

2) названия (наименования):

— художественных произведений, песен, кинофильмов: *Kindermärchen à la Bremer Stadtmusikanten* (детские сказки наподобие Бременских музыкантов);

— организаций, предприятий: *Versandmodell à la Amazon* (торговая площадка типа Amazon), *Imbisslokale à la McDonalds* (закусочные типа McDonalds); *Elite-Unis à la Harvard* (элитные вузы типа Гарвардского университета);

— политических партий: *Konfrontationsgeist à la CSU* (конфронтация как в ХСС) *Kindergeld à la CDU/CSU* (детское пособие по предложению ХДС/ХСС);

— марок автомобилей: *einem preiswerten Massenmodell à la Volkswagen* (доступная массовая модель как Фольксваген); *eine Lösung à la Daimler-Benz* (решение как у Daimler-Benz);

— международных организаций: *Ein Uran-Kartell à la OPEC* (урановый картель по типу ОПЕК);

— радиостанций и программ: *Musik à la Voice of America* (музыка как на радиостанции «Голос Америки»);

— газет и журналов: *Crime à la „Bild“* (криминальная хроника а-ля Bild);

— базового пособия по безработице: *Reformen à la Hartz IV* (реформы типа Hartz IV);

— названия музыкальных групп: *Pop-Zeug à la Duran Duran* (песня а-ля Duran Duran); *Rock à la Pink Floyd* (рок как у Pink Floyd).

Распространяется ксенизм *à la* предложениями и словосочетаниями, которые представляют собой фразеологизмы, пословицы, поговорки, афоризмы, рекламные слоганы, цитаты, шаблонные фразы: *bei platten Konversationen à la "Hattest du einen schönen Tag, Honey?"* (банальные разговоры типа «У тебя был хороший день?»); *unsinnige Programme à la Unser-Dorf-soll-schöner-werden* (бесполезные предвыборные программы типа «Наша деревня должна стать лучше»); *der autoritäre Gutsherrenstil, à la "Ich bin Chef, du nix"* (авторитарный стиль руководства по типу «Я начальник — ты никто»); *viele pseudowissenschaftliche Studien à la "Wer schön ist, hat mehr Erfolg im Leben"* (псевдонаучные исследования типа «Кто красив, тот более успешен»); *billige Parolen fabrizieren à la „Alle für einen, einer für alle“* (провозглашать дешёвые лозунги типа «Один за всех и все за одного»).

Корпусные данные помогли установить сочетаемостные возможности предлога *à la*, которые перечислены в таблице 3, а также их количественное соотношение:

Таблица 3

Распространители предлога *à la*

<i>à la+</i> (Attribut)+Nomen	81 %
неодушевлённые предметные существительные <i>die Touchscreen-Technik à la iPhone</i>	4 %
неодушевлённые непредметные существительные <i>Maschinentheater à la Frankfurter Sprechoper</i>	6 %
абстрактные существительные <i>à la Müllschluckerprinzip</i>	3 %
одушевлённые существительные <i>Stiefel à la Fallschirmspringer</i>	3 %
имена собственные <i>Rock à la Pink Floyd</i>	75 %
<i>à la+ Satz</i> <i>Programme à la Unser-Dorf-soll-schöner-werden</i>	9 %

Таким образом, у подавляющего большинства предложных сочетаний распространители были представлены именами собственными. Доля этих существительных составила в нашем корпусе примерно 75 %. Остальные лексико-семантические группы представлены примерно в равном соотношении. Необходимо отметить, что предлог иностранного происхождения употребляется в публицистике почти со всеми лексико-семантическими разрядами существительных, за исключением вещественных и собирательных.

В модели *à la (a la) + (Attribut)+Nomen (Datum)* достаточно часто встречались субстантивированные числительные во множественном числе: *Eckenkragen à la zwanziger Jahre*, *in roten Schuhen à la Zwanzigerjahre*, *der Bauer a la 50er Jahre*. При этом зафиксировано как рекомендованное словарем Дуден написание *à la Zwanzigerjahre*, так и альтернативное *à la zwanziger Jahre*, а также с использованием чисел: *a la 50er Jahre* [Duden-online <https://www.duden.de/rechtschreibung/Zwanzigerjahre>].

Получает широкое распространение предлог *à la* также благодаря предложениям и словосочетаниям, доля которых составила в нашем корпусе примерно 9 %.

3.4. Падежное оформление предлога *à la*

Говоря о грамматическом статусе рассматриваемого предлога, необходимо отметить, что, как правило, имена существительные в современном немецком языке с заимствованными предлогами употребляются без артикля (или заменяющего его слова): *per Internet*, *via Fernsehen*, *pro Tag*, *à hundred Euro*, *qua Familie*, *plus Finanzierung*, *minus Einschmelzkosten* [Duden,

2005; Орлова, 2018, с. 46—51; Averina et al., 2022, с. 161—162]. Отсутствие у существительных флексии позволяет языковедам высказывать разные суждения о предложном управлении как иноязычных предлогов, так и исконно немецких. Так, большинство авторов немецких нормативных грамматик отрицают способность предлогов сочетаться с номинативом. По их мнению, управлять предлоги могут только косвенными падежами, а именно генитивом, дативом или аккузативом [Balcik et al., 2004; Boettcher, 2009; Duden, 2005; Wellmann, 2008]. Некоторые грамматисты не исключают возможности управления номинативом. Так, У. Энгель, приводит различные комбинации падежей предложного управления для некоторых предлогов, среди которых мы обнаруживаем и номинатив (Kasusrektion: G, D, A; N+A; N+G; G+D; G+A; D+A; A+G+D; N+G+D+A [Engel, 2004; Engel, 2002, S. 164—167]. На основании этого мы приходим к выводу, что автор допускает предложное управление номинативом. Некоторые лингвисты полагают, что в четырёх ситуациях предлоги не управляют каким-либо падежом. К. Зоммерфельдт и Г. Штарке считают, что в данном случае речь идёт об управлении номинативом [Sommerfeldt et al., 1988], а «беспризнаковым» номинативом именуют его Г. Хельбиг и Й. Буша [Helbig et al., 2001]. Так называемое отсутствие падежного управления упомянутые языковеды усматривают в случаях, когда:

- предлоги с генитивом употребляются с существительными без артикля и без сопроводительного слова *trotz Regen* vs. *trotz des starken Regens*;
- два предлога разделены союзом, при этом только один предлог управляет падежом *mit und ohne Nüsse* (*nicht: Nüssen!*);
- прилагательные и наречия не склоняются, если стоят после предлогов *Ich halte ihn für begabt. Er geht nach vorn*.

Все чаще грамматисты указывают на отсутствие падежного управления у некоторых предлогов. О возможности отсутствия управления предлогов (*kasusfreie Präpositionen*) говорят Хентшель и Вайдт [Hentschel, Weydt, 2002]. Г. Вайнрих, группируя предлоги в зависимости от их управления, выделяет и так называемые «без падежные предлоги», к которым причисляет *ab, bis, je, laut, nebst, per, pro, voll, zwecks* [Weinrich, 1993]. С ним солидаризируются языковеды Г. Цифонун и К. ди Меоло [Zifonun, 1997; Di Meolo, 2000], упоминая о предлогах, которые не требуют падежного управления, как, например, *als, wie, ab, bis, je, laut*.

Необходимо отметить, что употребление существительного без сопроводительного слова с упомянутыми выше предлогами *ab Sonntag* (Nom.?, Dat.?, Akk.?), *je Tonne* (Nom.?, Gen.?, Dat.?, Akk.?), *per Flugzeug* (Nom.?, Dat.?, Akk.?) не позволяет однозначно определить его падежную форму, так как флексии у большинства падежных форм отсутствуют. Однозначно

устанавливается датив у существительных множественного числа, получающих окончание *(-e)n per Briefen* и генитив у существительных мужского и среднего рода сильного типа склонения *zwecks Schlafentzugs*, которые получают окончание *(-e)s*.

Для определения падежа нам следует обратиться к сочетаниям, где перед существительным употребляется артикль, местоимение или прилагательное, которые способны указать на падежную форму. Отсюда следует, что гипотеза о существовании так называемых без падежных предлогов, нашими данными не подтверждается [Averina et al., 2022, с. 161—162]. Авторы грамматики Дуден замечают, что в устойчивых сочетаниях, дошедших до нас из далёких времён, когда артикль не употреблялся, падеж можно не узнать: *zu Fuß, mit Genuss, bei Tisch, bei Verstand, gegen Morgen, auf See, von Mensch zu Mensch*. Однако в случае распространения определением падеж определяется: *gegen frühen Morgen, bei vollem Verstand, mit sichtlichem Genuss* [Duden 2005, с. 607].

В нашей работе мы стремимся не только выявить все падежные формы существительных после ксенизма *à la*, но также понять причины, побуждающие носителей языка к выбору того или иного падежа.

Нормативные грамматики немецкого языка не указывают на падеж, которым управляет предлог *à la* [Duden; DWDS]. Существительное с упомянутым ксенизмом употребляется в подавляющем большинстве случаев без артикля и местоимений (указательного, притяжательного): *à la Bundeskanzler*. Таким образом, сочетания структурной модели *à la +Substantiv (Singular)* организованы так, что их падежная принадлежность не выявляется, так как существительные всех трех родов в подавляющем большинстве случаев лишены флексии в современном немецком языке *Hansjacken à la Großvater (m)* (Nom.?: Dat.?: Akk.?) [Der Tagesspiegel, 2004]; *à la Schulmädchen (n)* (Nom.?: Dat.?: Akk.?) [Berliner Zeitung, 2005]; *Auf den Plakaten à la Todesanzeige (f)* (Nom.?: Gen.?: Dat.?: Akk.?) [Berliner Zeitung, 2005].

К данной структурной модели можно причислить и сочетания с существительными слабого типа склонения, которые не получили флексии *(-e)n*, что указывает однозначно на номинатив:

Die Kombination aus erstaunlicher kognitiver Intelligenz und der sozialen und psychologischen Anpassung à la Krallenaaffe [Die Zeit, 2017];

Seit Jahren gehört das Paradies zu den Lieblingsorten des internationalen Jetset von Brooke Shields und Michael Jackson bis zu den Rothschilds und Politikern a la US-Präsidentschaftskandidat Ross Perot [Berliner Zeitung, 1996].

Существительные мужского рода слабого типа склонения с окончаниями *-(e)n*, характерными для косвенных падежей, в нашем корпусе не обнаружены.

Структурная модель **à la +Substantiv (Plural)** оформлена так, что определить однозначно падежную форму из-за отсутствия окончания не представляется возможным. Речь может идти в нижеприведенных примерах о номинативе, генитиве и аккузативе:

*wie Großbraumläden à la **Supermärkte*** [Die Zeit, 1961];

*die Version à la **Gladiatorenkämpfe***? [Die Zeit, 2012].

Таким образом, предлог способен предположительно управлять номинативом, генитивом и аккузативом с нераспространёнными существительными во множественном числе.

Сочетания структурной модели **à la+Attribut+Substantiv (Singular)** оформляются так, что в большинстве случаев определение падежа правого компонента не вызывает затруднений. В качестве правых компонентов в нашей выборке выступают существительные мужского и женского рода в единственном числе. Так, определение перед существительными **мужского рода** способно однозначно обозначить падеж, с которым функционирует предлог. В подавляющем большинстве речь идёт о номинативе:

*Während **flotte Kinderreime, Hollywoodschlager und Volkslieder a la deutscher Heimatfilm** die „Alles ist gut“-Haltung propagieren, werden auf der Bühne die Hintergründe eines Glitterlebens sichtbar* [Berliner Zeitung, 1997];

*Die Staatsanwältin fungiert in diesem Krimi à la **einsamer und verwundeter Wolf** als eine Art Nina-Rubin-Ersatz* [TAZ, 2022].

В материалах нашего корпуса в трех примерах существительное мужского рода стоит в дативе, о чём однозначно сигнализирует окончание прилагательного *-(e)m*:

*Soll ich vielleicht eine Schulterriementasche kaufen à la „**flottem Twen**“?* [Die Zeit, 1969];

*Während Dresden à la **späterem Wiener Kongreß** taktisch sauberlich vorgeht ...* [Die Zeit, 1990].

В сочетаниях с именами женского рода определение имеет амбивалентную падежную форму, так как флексия *-er* может указывать на датив и генитив (4 примера):

*Gryslow, scheint es, hängt mehr dem Harmoniebild à la **sowjetischer Propaganda** mit lachenden Menschen, Luftballons und wehenden Kinderzöpfen nach.* [Die Zeit, 2007];

*... nach den Ursprungsideen à la **kassenindividueller Kopfpauschale*** [Die Zeit, 2010].

В пяти контекстах флексия *-e* у определения может сигнализировать о номинативе и аккузативе:

*Er versucht nicht, sich herauszureden mit irren Geschichten à la **manipulierte Zahnpasta*** [Berliner Zeitung, 2002];

Dazu ein bißchen Opulenz à la chinesische Oper [Berliner Zeitung, 1997]).

Сочетания с количественным числительным в названии литературного произведения *Tausendundeine Nacht* оформляются как при помощи согласования, так и при помощи управления. Форма числительного *Tausendundeine* указывает на номинатив или аккузатив, а форма *Tausendundeiner* на датив или генитив:

Er erzählt ein tragisches Liebesmärchen à la Tausendundeine Nacht [Die Zeit, 2015];

Daß er dabei reale und psychische Landschaften durchschreitet, versteht sich bei einem als DonQuichotterie getarnten Geschichtenreigen à la „Tausendundeiner Nacht“ fast von selbst [Der Tagesspiegel, 1999].

Единственное сочетание структурной модели *à la*+Attribut+Substantiv (Plural) оформлено таким образом, что определить однозначно падежную форму не представляется возможным, так как окончание *-e* у определения, отсутствие флексии датива у существительного указывает на аккузатив и номинатив:

Gegen die Übermacht des amerikanischen Kinos will man sich — à la tapfere Musketiere — besser behaupten [Berliner Zeitung, 2000].

Таким образом, анализируемый предлог французского происхождения представлен в нашем корпусе в следующих структурных моделях:

à la+Substantiv (Singular) (*à la Großvater*);

à la+Substantiv (Plural) (*à la Supermärkte*);

à la+Attribut+Substantiv (Singular) (*à la kanadischer Dollar*);

à la+Attribut+Substantiv (Plural) (*à la tapfere Musketiere*).

Gegen die Übermacht des amerikanischen Kinos will man sich — à la tapfere Musketiere — besser behaupten [Berliner Zeitung, 2000]

В большинстве случаев определение падежной формы вызывает затруднения. В таблице продемонстрировано соотношение амбивалентных форм распространителей и форм, однозначно указывающих на падеж (табл. 4).

Из таблицы видно, что:

1) подавляющее большинство существительных при предлоге не указывают на падеж;

2) однозначно устанавливается только номинатив и датив;

3) под грамматическими требованиями предлога могут подразумевать гипотетически все падежи немецкого языка.

Наше исследование показало, что на выбор падежа, которым управляет предлог, оказывают влияние род, тип склонения и число существительного, а также его распространители (в нашем случае прилагательные и количественное числительное). Выбор падежной формы для распростра-

Таблица 4

Амбивалентные формы существительного и формы,
указывающие на падеж

	N	G	D	A	Амбивалентная форма
à la +Substantiv (Singular)					
m (сильный тип склонения) <i>à la Großvater</i>	?	—	?	?	7
m (слабый тип склонения) <i>à la Krallenaffe</i>	2	—	—	—	—
n <i>à la Schulmädchen</i>	?	—	?	?	6
f <i>à la Todesanzeige</i>	?	?	?	?	4
à la+Substantiv (Plural) <i>à la Supermärkte</i>	?	?	—	?	4
à la+Attribut+Substantiv (Singular)					
m <i>à la späterem Wiener Kongreß (Dativ)</i> <i>à la kanadischer Dollar (Nominativ)</i>	5	—	3	—	—
f <i>à la zentrale Planwirtschaft</i> <i>à la Dominikanischer Republik</i>	?	—	—	?	10
à la+Attribut+Substantiv (Plural) <i>à la tapfere Musketiere</i>	?	—	—	?	3
Всего	7	—	3		34

нителей ксенизма **à la** можно, на наш взгляд, отчасти объяснить действием закона аналогии, при котором одна форма языкового выражения уподобляется другой. В нашем случае падежная форма **à la** уподобляется в некоторых случаях падежной форме соответствующих предлогов немецкого языка. Так, выбор предположительно датива (для существительных женского рода флексия указывает и на генитив) объясняется аналогией датива в случае замены ксенизма **à la** немецкими синонимичными производными предлогами *nach Art von (+Dativ)*: *Profischiedsrichter à la nordamerikanischer NHL* (*Profischiedsrichter nach Art von nordamerikanischer NHL*).

В нескольких контекстах корпуса был однозначно установлен номинатив у существительных, которыми управлял предлог *à la*. Принимая во внимание тот факт, что большинство авторов немецких нормативных грамматик не допускают возможности предлогов управлять номинативом, можно предположить, что данный предлог, имеющий сравнительно-уподо-

бительное значение, может быть синонимом союзу *wie, als*. Выбор номинатива после лексем *wie, als* объясняется правилами нормативной грамматики Дуден, согласно которым так называемая встроенная фраза (*eingebettete Phrase*) употребляется в той падежной форме, в которой стоит слово, к которому она относится:

... *sein Haar legte er (Nominativ) à la (wie, als) junger Römer (Nominativ)* [Berliner Zeitung, 1999];

Die Staatsanwältin (Nominativ) fungiert in diesem Krimi à la (wie, als) einsamer und verwundeter Wolf (Nominativ) als eine Art Nina-Rubin-Ersatz ... [TAZ, 2022].

Получается, что данный ксенизм имеет тенденцию к сохранению грамматического поведения своих прототипов на почве языка рецептора. Однако не во всех случаях выбор падежной формы представляется возможным объяснить действием закона аналогии. Не соответствует закону аналогии также грамматическое поведение распространителей ксенизма, выраженных существительными с числительными типа *Eckenkragen à la zwanziger Jahre*. Заменить предлог можно только союзом *wie* и предлогом *in*+Датив (*Eckenkragen wie in den zwanziger Jahren*). Флексия датива у существительного во множественном числе отсутствует в сочетании *Eckenkragen à la zwanziger Jahre*, и по этой причине можно предположить, что распространитель *à la* стоит в номинативе, генитиве или аккумулятиве.

4. Заключение = Conclusions

В нашей работе был представлен семантико-синтаксический анализ заимствованного из французского языка предлога (ксенизма) *à la* в публицистическом корпусе немецкого языка. Несмотря на то, что мы пока не располагаем достаточным количеством примеров, чтобы делать серьезные выводы, но и имеющийся в наличии материал позволил нам сделать некоторые умозаключения. Ксенизм *à la* можно отнести к предлогам немецкого языка, так как это устойчивое сочетание предлога *à* и артикля *la* обладает признаками предлога. Так, дифференциальными признаками предлога как части речи являются служебность (предлог не употреблялся отдельно от знаменательных частей речи), неизменяемость, релятивность (указание на модальные отношения), номинативность (наличие ослабленного лексического значения), способность управлять падежами, способность вместе с падежными окончаниями входить в состав синтаксемы.

Наши контексты продемонстрировали взаимозаменяемость ксенизма *à la* с производными исконно немецкими предлогами *nach Art von, im Stile von, in der Art von, nach dem Prinzip von*. Таким образом, предлог может

рассматриваться в качестве синонима немецким производным предлогам, обозначающим «уподобление, подобие».

Результаты проведенного анализа показывают, что предлог *à la* в публицистическом дискурсе реализуется в составе таких устойчивых предложных сочетаний, как *à la carte*, *à la minute*, *à la mode*, *à la baisse*, *à la hausse*. Сочетаемость ксенизма *à la* вышла за рамки рекомендованной словарями кулинарной тематики и описывает многие сферы деятельности человека, подчеркивая имитацию, подражание, с использованием как заимствованного предлога, так и заимствованного прилагательного *à la marocaine*, *à la lyonnaise*, *à la bavaroise*, *à la française*, *à la créole*, *à la grecque*, *à la japonaise*, *à la brésilienne*.

В качестве распространителей предлога выступали преимущественно имена собственные (*Die Inkarnation eines Hoteltraums à la Agatha Christie*) и предикативные единицы (*Leipzig-Lobhudeleien à la „Klinsmann liebt Leipzig“*). Меньшим количеством примеров представлены конкретные, абстрактные и одушевленные существительные.

Структурные характеристики предложных конструкций: наличие / отсутствие артикля или сопроводительного слова после предлога, род, число управляемого имени существительного — являются важным фактором при выборе падежного управления предлога *à la*.

В качестве перспективы дальнейшего исследования может быть предложен анализ функционирования данного предлога в разных дискурсах и на разных временных срезах, а также в дискурсах швейцарского и австрийского вариантов немецкого языка.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Berliner Zeitung* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.berliner-zeitung.de/> (accessed 10.09.2023).
2. *Der Spiegel* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.spiegel.de/> (accessed 12.010.2023).
3. *Der Tagesspiegel* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.tagesspiegel.de/> (accessed 30.10.2023).
4. *Die Tageszeitung* [Electronic resource]. — Access mode : <https://taz.de/> (accessed 30.10.2023).
5. *Die Zeit* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.zeit.de/> (accessed 15.09.2023).

6. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, bearbeitet von Elmar Seebold, 24., durchgesehene und erweiterte Auflage / F. Kluge. — Berlin/New York : Walter de Gruyter, 2002. — 1023 S.

7. Duden [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.duden.de/> (accessed 20.01.2023).

8. DWDS — *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 25.10.2023).

9. *Zeit Magazin* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.zeit.de/zeit—magazin/> (accessed 10.09.2023).

Литература

1. Апресян Ю. Д. Фундаментальная классификация предикатов / Ю. Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — С. 75—110. — ISBN 5-9551-0135-7.

2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь) : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. — Москва : Наука, 2008. — 264 с. — ISBN 978-5-9765-0273-4.

3. Конева Н. Ю. Синонимия пространственных предлогов IN, ON, AT : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Н. Ю. Конева. — Тамбов, 2004. — 179 с.

4. Лавриненко В. А. О грамматическом статусе устойчивого сочетания *а-ля* в современном русском языке / В. А. Лавриненко // Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции «Наука о языке и Человек в науке». — 2010. — Т. 1. — С. 324—328.

5. Орлова А. И. Парадигма вариативного управления предлогов “inclusive” и “exclusive” в современной немецкой прессе / А. И. Орлова // Филологические науки в МГИМО. — 2018. — № 13. — С. 46—51.

6. Петров А. В. Конструкции с заимствованным предлогом «а-ля» в русском языке : варьирование логической структуры сравнения / А. В. Петров // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2017. — Т. 8. — № 1. — С. 219—229. — DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-219-229.

7. Balcik I. PONS Deutsche Grammatik und Rechtschreibung. Alle wichtigen Regeln einfach erklärt für jedermann / I. Balcik, K. Röhe. — Stuttgart : Klett (Ernst) Verlag, 2004, 320 S. — ISBN 9783125614239.

8. Boettcher W. Grammatik verstehen. 3 Bände / W. Boettcher. — Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2009. — 312 S.

9. Di Meola C. Die Rektion der Lehnpräpositionen im Deutschen / C. Di Meola // Vivere l'interculturalità — gelebte Interkulturalität : Studi in onore di Hans Drumbl. — Tübingen : Stauffenburg, 2008. — S. 25—45. — ISBN 978-3-86057-636-6.

10. Duden K. Die Grammatik / K. Duden. — Mannheim : Dudenverlag, 2005. — Bd. 4. — 1343 S.

11. Engel U. Deutsche Grammatik / U. Engel // Iudicium. — 2004. — 485 S.

12. Engel U. Kurze Grammatik der deutschen Sprache / U. Engel. — München : Iudicium, 2002. — 564 S.

13. Helbig G. Deutsche Grammatik. 6. Aufl. / G. Helbig, J. Buscha. — Berlin : Langenscheidt, 2001. — 654 S.

14. Hentschel E. Handbuch der deutschen Grammatik / E. Hentschel, H. Weydt. — Berlin/New York : Walter de Gruyter, 2002. — 536 S.

15. Shubina E. Die Lehnpräpositionen ‚qua‘, ‚via‘ und ‚per‘ im Deutschen : Semantik, Kombinationen mit Substantiven und Rektion / E. Shubina, A. Averina // Sprachwissenschaft. — 2022. — Vol. 47. — S. 161—188.

16. Sommerfeldt K.-E. Einführung in die Grammatik und Orthographie der deutschen Gegenwartssprache / K.-E. Sommerfeldt, G. Starke, D. Nerius // 3. Aufl. — Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1988. — 304 S.

17. Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache / H. Weinrich. — Mannheim etc. : Dudenverlag, Cop., 1993. — 1111 S.

18. Wellmann H. Deutsche Grammatik. Laut. Wort. Satz. Text / H. Wellmann. — Baden-Württemberg : Winter, 2008. — 359 S.

19. Zifonun G. Grammatik der deutschen Sprache / G. Zifonun // Schriften des Instituts für Deutsche Sprache. 3 Bde. — Berlin/New York : Walter de Gruyter, 1997. — 2569 S.

Статья поступила в редакцию 02.12.2023,
одобрена после рецензирования 17.01.2024,
подготовлена к публикации 23.01.2024.

Material resources

Berliner Zeitung. Available at: <https://www.berliner-zeitung.de/> (accessed 10.09.2023). (In Germ.).

Der Spiegel. Available at: <https://www.spiegel.de/> (accessed 12.10.2023). (In Germ.).

Der Tagesspiegel. Available at: <https://www.tagesspiegel.de/> (accessed 30.10.2023). (In Germ.).

Die Tageszeitung. Available at: <https://taz.de/> (accessed 30.10.2023). (In Germ.).

Die Zeit. Available at: <https://www.zeit.de/> (accessed 15.09.2023). (In Germ.).

Duden. Available at: <https://www.duden.de/> (accessed 20.11.2023). (In Germ.).

DWDS — *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 25.10.2023). (In Germ.).

Kluge, F. (2002). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, bearbeitet von Elmar Seebold, 24., durchgesehene und erweiterte Auflage*. Berlin/New York: Walter de Gruyter. 1023 S. (In Germ.).

Zeit Magazin. Available at: <https://www.zeit.de/zeit—magazin/> (accessed 10.09.2023). (In Germ.).

References

Apresyan, Yu. D. (2006). Fundamental classification of predicates. In: *The linguistic picture of the world and systemic lexicography*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 75—110. ISBN 5-9551-0135-7. (In Russ.).

Balcik, I. (2004). *PONS Deutsche Grammatik und Rechtschreibung. Alle wichtigen Regeln einfach erklärt für jedermann*. Stuttgart: Klett (Ernst) Verlag. 320 S. ISBN 9783125614239. (In Germ.).

Boettcher, W. (2009). *Grammatik verstehen. 3 Bände*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. 312 S. (In Germ.).

Di Meola, C. (2008). Die Rektion der Lehnpräpositionen im Deutschen. In: *Vivere l'interculturalità — gelebte Interkulturalität: Studi in onore di Hans Drumbl*. Tübingen: Stauffenburg. 25—45. ISBN 978-3-86057-636-6. (In Germ.).

Dobrosklonskaya, T. G. (2008). *Media Linguistics: a systematic approach to learning the language of the media (Modern English media language): textbook. The manual*. Moscow: Nauka. 264 p. ISBN 978-5-9765-0273-4. (In Russ.).

- Duden, K. (2005). *Die Grammatik*, 4. Mannheim: Dudenverlag. 1343 S. (In Germ.).
- Engel, U. (2002). *Kurze Grammatik der deutschen Sprache*. München: Iudicium. 564 S. (In Germ.).
- Engel, U. (2004). *Deutsche Grammatik. Iudicium*. 485 S. (In Germ.).
- Helbig, G. (2001). *Deutsche Grammatik. 6. Aufl.* Berlin: Langenscheidt. 654 S. (In Germ.).
- Hentschel, E. (2002). *Handbuch der deutschen Grammatik*. Berlin/New York: Walter de Gruyter. 536 S. (In Germ.).
- Koneva, N. Y. (2004). *Synonymy of spatial prepositions IN, ON, AT*. PhD Diss. Tambov. 179 p. (In Russ.).
- Lavrinenko, V. A. (2010). On the grammatical status of a stable combination of a la in modern Russian. In: *Collection of scientific papers of the All-Russian scientific conference "Science of language and Man in science", 1*: 324—328. (In Russ.).
- Orlova, A. I. (2018). The paradigm of variable management of prepositions “inclusive” and “exclusive” in the modern German press. *Philological sciences at MGIMO*, 13: 46—51. (In Russ.).
- Petrov, A. V. (2017). Constructions with a borrowed preposition “a la” in Russian: variation of the logical structure of comparison. *Bulletin of the RUDN. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 8 (1): 219—229. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-219-229. (In Russ.).
- Shubina, E., Averina, A. (2022). Die Lehnpräpositionen ‚qua‘, ‚via‘ und ‚per‘ im Deutschen: Semantik, Kombinationen mit Substantiven und Rektion. *Sprachwissenschaft*, 47: 161—188. (In Germ.).
- Sommerfeldt, K.-E., Starke, G., Starke, D. (1988). *Einführung in die Grammatik und Orthographie der deutschen Gegenwartssprache*, 3. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut. 304 S. (In Germ.).
- Weinrich, H. (1993). *Textgrammatik der deutschen Sprache*. Mannheim etc.: Dudenverlag, Cop. 1111 S. (In Germ.).
- Wellmann, H. (2008). *Deutsche Grammatik. Laut. Wort. Satz. Text*. Baden-Württemberg: Winter. 359 S. (In Germ.).
- Zifonun, G. (1997). *Grammatik der deutschen Sprache*. In: *Schriften des Instituts für Deutsche Sprache*, 3. Berlin/New York: Walter de Gruyter. 2569 S. (In Germ.).

*The article was submitted 02.12.2023;
approved after reviewing 17.01.2024;
accepted for publication 23.01.2024.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Арсентий Игоревич Бочкарев, канд. филол. наук (Новосибирск)

Дияна Петкова, канд. социол. наук (София, Болгария)

Екатерина Андреевна Никонова, канд. филол. наук (Москва)

Ольга Юрьевна Гукосьянц, канд. филол. наук (Пятигорск)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(1), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бочкарев А. И. Комическая объективация концепта UGLINESS : аксиологический подход / А. И. Бочкарев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 125—140. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-125-140.

Bochkarev, A. I. (2024). Comic Objectification of Concept of UGLINESS: Axiological Approach. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 125-140. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-125-140. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-125-140

**Комическая объективация
концепта UGLINESS:
аксиологический подход**

Бочкарев Арсентий Игоревич

orcid.org/0000-0003-3869-2797

Scopus AuthorID: 57205475245

кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой
иностранных языков
технических факультетов
arsentiy_87@mail.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Comic Objectification
of Concept of UGLINESS:
Axiological Approach

Arsentiy I. Bochkarev

orcid.org/0000-0003-3869-2797

Scopus AuthorID: 57205475245

PhD in Philology,
Head of the Department
of Foreign Languages
of Technical Faculties
arsentiy_87@mail.ru

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

© Бочкарев А. И., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье анализируются особенности комической объективации эстетического антиценностного концепта UGLINESS с точки зрения аксиологической лингвистики. Автор применяет алгоритм аксиологического анализа, который включает в себя следующие этапы: оценку реакции аудитории на соответствующие комические высказывания; выявление высмеиваемых характеристик анализируемого концепта; анализ реплик, направленных на оценку характеристик этого концепта; изучение языковых особенностей актуализации концепта. В качестве практического материала нами были использованы более 70 выпусков стендап-комедий и 700 эпизодов различных ситуационных комедий. Предлагается разделить физические недостатки можно на две группы: приобретенные и врожденные. Основными высмеиваемыми приобретенными физическими недостатками человека являются лишний вес, плохая память и отсутствие / деформация частей тела / органов. К распространенным высмеиваемым врожденным физическим недостаткам можно отнести нестандартные формы и размеры человеческих органов; маленький или большой рост; дефекты речи. К основным языковым средствам актуализации концепта UGLINESS относят прямое обозначение, эвфемизмы, сравнение, гиперболы. Установлено, что в англоязычных стендап-комедиях и ситкомах при актуализации концепта UGLINESS осмеянию подвергаются прежде всего гендерные характеристики комического объекта.

Ключевые слова:

аксиологическая лингвистика; концептосфера комического; утилитаризм; антиценности; концепт UGLINESS, врожденная непривлекательность, приобретенная непривлекательность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the features of the comic objectification of the aesthetic concept of UGLINESS from the perspective of axiological linguistics. The author applies an algorithm of axiological analysis, which includes the following stages: evaluating the audience's reaction to relevant comic statements; identifying the ridiculed characteristics of the analyzed concept; analyzing remarks aimed at evaluating these characteristics; studying the linguistic features of concept actualization. As practical material, over 70 stand-up comedy shows and 700 episodes of various sitcoms were used. It is proposed to divide physical flaws into two groups: acquired and congenital. The main ridiculed acquired physical flaws of a person include excess weight, poor memory, and missing / deforming body parts / organs. Common ridiculed congenital physical flaws include non-standard shapes and sizes of human organs, short or tall stature, and speech defects. The main linguistic means of actualizing the concept of UGLINESS include direct designation, euphemisms, comparison, and hyperbole. It has been established that in English-language stand-up comedies and sitcoms, the gender characteristics of the comic object are primarily subjected to ridicule when actualizing the concept of UGLINESS.

Key words:

axiological linguistics; the conceptual sphere of comedy; utilitarianism; antivalues; concept UGLINESS; innate unattractiveness; acquired unattractiveness.

Комическая объективация концепта UGLINESS: аксиологический подход

© Бочкарев А. И., 2024

1. Введение = Introduction

В таких гуманитарных науках, как философия, лингвистика, психология, культурология, пристальное внимание уделяется исследованию эстетических категорий. Особенно это касается таких явлений, как красота и уродство, это во многом обусловлено тем, что концепты BEAUTY и UGLINESS относятся к фундаментальным ценностям культуры [Баженова, 2006]. Несмотря на то, что непривлекательность человека является одним из самых популярных предметов комического, по нашим данным, не проводилось подробного исследования особенностей комической объективации концепта UGLINESS с точки зрения аксиологической лингвистики.

В английском языке для обозначения непривлекательности человека в основном используются слова *unattractive* и *ugly*. В большинстве англоязычных словарей даются определения данных прилагательных, при этом определения соответствующих существительных отсутствуют. Таким образом, в словарях представлены преимущественно следующие определения слова *unattractive*: «with an ugly appearance» [MD]; «not attractive or pleasant to look at» [OALD]; «unpleasant in appearance» [CD]. В свою очередь, слово *ugly* определяется следующим образом: «someone who is ugly has a face that is unpleasant [if something is unpleasant, you do not like or enjoy it] to look at. Ugly is an unkind word, so people often use the word plain instead, to avoid causing offence» [MD]; «unpleasant [not pleasant or comfortable] to look at» [OALD]; «very unattractive and unpleasant to look at» [CD]. Следует отметить, что слова *ugly* и *unattractive* являются синонимами, при этом можно выделить следующие дополнительные признаки, характеризующие слово *ugly*: «оскорбление; более непривлекательное состояние по сравнению с состоянием *unattractive*».

Также нами было отмечено, что при негативной характеристике внешности человека в комическом дискурсе слово *ugly* и его производные используются примерно в 10 раз чаще (88 упоминаний), чем слово

unattractive и его производные (9 упоминаний). Это обусловлено тем, что ярко выраженная непривлекательность более комична. Кроме того, при описании данной категории в работах, посвященных комическому, авторы используют слово *ugly* и его производные [Attardo, 1994]. Соответственно, в комическом дискурсе концепт UGLINESS является центральной категорией, так как имя концепта выступает наиболее частотным обозначением непривлекательности человека в данном дискурсе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данной работе применяется алгоритм аксиологического анализа комического, состоящий из четырех основных шагов. Первый шаг заключается в оценке реакции аудитории на текстовые фрагменты, в которых актуализируется эстетический антиценностный концепт UGLINESS. Второй шаг предполагает выявление высмеиваемых характеристик в рамках актуализации концепта UGLINESS. Третий шаг представляет собой анализ реплик, выражающих оценку автором текста или героями произведения проявления объектом осмеяния характеристик эстетического антиценностного концепта UGLINESS. Четвертый шаг заключается в анализе языковых особенностей актуализации концепта UGLINESS.

В качестве практического материала мы использовали записи и скрипты стендап-комедий и ситкомов. В общей сложности было проанализировано более 70 выпусков стендап-комедий и 700 эпизодов различных ситкомов. Выбор данных комических жанров обусловлен тем, что в них присутствует либо реальный смех зрителей, либо закадровый смех. Соответственно, возможно оценить комичность тех или иных текстовых фрагментов, основываясь на реакции зрителей или установлении замысла автора произведения. Полужирным курсивом выделены фрагменты, которые сопровождалась смехом зрителей. Для данной статьи были отобраны те примеры, которые либо повторялись у разных авторов в различной вариации, либо вызывали интенсивный смех зрителей.

Предметом аксиологической лингвистики является «изучение языкового воплощения ценностей», которые «определяют выбор и закрепление смыслов в содержании языковых единиц и коммуникативных моделей поведения» [Карасик, 2019, с. 4]. Выделяют пять основных областей бытования и выведения ценностей (истины, прекрасного, этики, удовольствия, практической пользы) [Серебренникова, 2011, с. 29]. Концептуальная оппозиция ‘beauty’ — ‘ugliness’ относится к области прекрасного [Арская, 2001]. Соответственно, красота является центральной ценностью области прекрасного. В свою очередь, непривлекательность представляет собой основную антиценность области прекрасного. Выделяют следующие когнитивные призна-

ки концепта UGLINESS: 1) плохое здоровье, 2) избыточные и недостаточные рост и масса тела, 3) отсутствие вкуса в одежде, 4) сравнение с грязными животными, 5) сравнение со смертным грехом, 6) возрастная конкретизация отрицательной оценки внешности [Мещерякова, 2005, с. 126].

В формировании представлений о непривлекательности важную роль играет концепт OTHERNESS. Так, непривлекательность тех или иных явлений определяется на основе сравнения либо с общепризнанной в конкретном обществе нормой, либо со стандартами конкретного человека, при этом восприятие красоты и уродства отличается от культуры к культуре и от одной временной эпохи к другой [Есо, 2007]. Так, Г. Гегель отмечает, что европейская красавица не понравилась бы китайцу, а китайская красавица не понравилась бы африканцу [Hegel, 1975, p. 44].

В качестве основных антиценностей англоязычного комического дискурса исследователи выделяют концепты, которые характеризуют внутренний мир человека, обычно проявляющийся в поведении или образе жизни, а именно: глупость [Бочкарев, 2022a; Raskin, 1985], похоть [Bochkarev, 2023; Raskin, 1985], пьянство [Кулинич, 2004], цинизм [Бочкарев, 2022b] и т. д.

В свою очередь, комичность непривлекательности отмечалась исследователями с давних времен. Согласно Аристотелю, основой комического является воспроизведение безобразного [Aristotle, 1954, p. 229]. Цицерон также считал, что комичным может быть только что-либо непристойное или уродливое [Cicero, 2004]. Безусловно, уродство касается не только физической непривлекательности, но и духовного безобразия [Rossi, 1970, p. 74—75]. Тем не менее в англоязычной лингвокультуре концепт UGLINESS относится к концептам, которые характеризуют прежде всего внешние характеристики человека, что подтверждается определениями слова *ugliness*, приведенными выше.

При актуализации эстетического антиценностного концепта UGLINESS в комическом дискурсе предметами осмеяния могут выступать такие физические недостатки и слабости людей, как возраст, отклонения от норм внешности, смешное проявление болезней, нарушения речи и т. д. [Карасик, 2002, с. 79, 162]. Наиболее значимую роль в гротескном теле играют половые органы и живот [Бахтин, 1990, с. 351—352], при этом непривлекательным является преимущественно толстый живот [Там же, с. 322]. Также важную роль для создания гротескного образа играют рот и зад [там же, с. 352].

Можно выделить два типа физических недостатков: приобретенные и врожденные. Первый тип физических недостатков обнаруживает внутренний изъян (например, лишний вес зачастую является следствием чревоугодия). Второй тип физических недостатков представляет собой некий природный изъян, который нарушает представления человека о гармонии и

пропорциональности [Пропп, 1976, с. 47—48]. Следует отметить, что при помощи антиценностного концепта UGLINESS могут высмеиваться определенные социокультурные характеристики объекта комического.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

К самым распространенным высмеиваемым приобретенным физическим недостаткам в стендап-комедиях и ситкомх англоязычной лингвокультуры относятся лишний вес, плохая память и отсутствие / деформация частей тела / органов. В большинстве контекстов приобретенные недостатки высмеиваются при помощи актуализации антиценностей, которые являются причиной приобретения данных недостатков, а именно: глупости (отсутствие / деформация частей тела / органов), чревоугодия (лишний вес) и т. д.

3.1. Приобретенные физические недостатки как популярный предмет осмеяния в стендап-комедиях и ситкомх англоязычной лингвокультуры

На основе анализа практического материала нами было установлено, что наиболее популярным высмеиваемым приобретенным недостатком является лишний вес человека. Это наблюдение согласуется с точкой зрения М. М. Бахтина, который выделял толстый живот как один из двух наиболее значимых органов человека для создания гротеска. Так, именно большой живот является символом лишнего веса. Высмеивание лишнего веса осуществляется преимущественно при помощи актуализации антиценностного концепта GLUTTONY:

(1) *People know that's what's making them fat. No one got fat behind their own back* (R. Gervais. Out of England 2) // Люди знают, что конкретно делает их толстыми. Никто не становится толстым неожиданно (здесь и далее перевод наш. — А. Б.).

Данный текстовый фрагмент сопровождается смехом зрителей. Стендап-комик отмечает, что лишний вес является следствием определенного поведения людей (например, постоянного переедания). Кроме того, субъект комического на протяжении всего текста указывает на справедливость приобретения человеком лишнего веса (*you get fat if you take in more calories than you burn off; it is their own fault; You have loads of time to back out from this project* // вы толстеете, если потребляете больше калорий, чем сжигаете; это их вина; У вас есть масса времени, чтобы отказаться от этого проекта). Концепт UGLINESS выражается через слово fat.

В комическом дискурсе проблемы с памятью обычно обусловлены либо перенесенной болезнью, либо возрастными изменениями:

(2) *I did a gig for Alzheimer's Sufferers. It was brilliant, two hours, one joke* (J. Carr. Being Funny) // Я выступал для больных Альцгеймером. Это было круто, два часа, один анекдот.

Приведенный текстовый фрагмент сопровождается смехом зрителей. Отличительной чертой болезни Альцгеймера является плохая память больных, что и обыгрывается в рассматриваемом примере. Плохая память выражается через невозможность запомнить шутку (*two hours, one joke*). Также плохая память актуализируется через соответствующее обозначение больных (*Alzheimer's Sufferers*). Комический эффект основан на положительной оценке (*brilliant*) отрицательного явления (плохая память) и гиперболизации ситуации.

В комическом дискурсе отсутствие / деформация некоторых частей тела/органов обычно является следствием проявления глупости данными людьми. Следует также отметить, что отсутствие частей тела или органов преимущественно высмеивается в таких комических жанрах, как шутки и черные комедии. В свою очередь, высмеивание деформации частей тела или органов не имеет жанровых ограничений:

(3) *Black: What are you doing, what are you doing? Manny: I'm chewing the cork to get it back in the bottle. (CRACK!) Ow! Oh! Black: What? Manny: My tooth! It's come loose! It hurts! Black: "A trace of vanilla." Do we have any vanilla? Manny: Ice cream? Black: Yes, yes! Manny: I'll check the freezer* (Black Books. Grapes of Wrath). // Блэк: Что ты делаешь, что ты делаешь? Мэнни: Пробку жую, чтобы бутылку заткнуть. (треск) Ай! Ой! Блэк: Что? Мэнни: Мой зуб! Расшатался! Болит! Блэк: «Нотки ванили». У нас есть ваниль? Мэнни: Мороженое? Блэк: Да, да! Мэнни: Посмотрю в холодильнике.

Приведенный текстовый фрагмент сопровождается исключительно закадровым смехом. Сломанный зуб становится причиной перекошенного от боли лица и дефекта речи (сигматизм), при этом зуб сломался в результате неразумного поведения объекта комического (жевание пробки). Кроме того, в предыдущем эпизоде объект комического повредил ногу, что привело его к хромоте. Как следствие, каждое дальнейшее появление объекта комического в кадре сопровождается закадровым смехом. Таким образом, глупость объекта осмеяния снимает чувство сострадания и создает комический эффект.

3.2. Врожденные физические недостатки как популярный предмет осмеяния в стендап-комедиях и ситкомах англоязычной лингвокультуры

К самым распространенным высмеиваемым врожденным физическим недостаткам относятся: нестандартные формы и размеры человеческих органов; маленький или большой рост; дефекты речи.

Анализ практического материала показал, что основным предметом комического при высмеивании нестандартных форм и размеров человеческих органов являются гениталии. Как отмечал З. Фрейд, человеческие гениталии в принципе никогда не считались красивыми [Freud, 1989, p. 30]. Данное наблюдение также согласуется с выводом М. М. Бахтина, который

наряду с животом выделял половые органы в качестве основных частей тела, представления о которых используются для создания гротеска:

(4) *Lily: Max has a small penis. Barney: How can you speak of such things? Robin: Girls talk about everything. Lily: Size, shape, left or right leaning orientation... Robin: Length, resemblance to a historical figure, such as Winston Churchill... Yes, that's one of you* (How I Met Your Mother. Architect of Destruction) // Лили: У Макса маленький пенис. Барни: Как ты можешь говорить о таких вещах? Робин: Девушки говорят обо всем. Лили: Размер, форма, ориентация влево или вправо... Робин: Длина, сходство с исторической фигурой, например, с Уинстоном Черчиллем... Да, это один из вас.

Рассматриваемый текстовый фрагмент сопровождается закадровым смехом. Комический эффект вызывает описание размеров и форм мужских гениталий, в том числе через сравнение (*as Winston Churchill*). Отрицательная оценка маленького размера гениталий косвенно присутствует в предыдущем контексте, когда один из главных героев делает общее утверждение о том, что большие размеры чего-либо лучше маленьких (*That's a rule. Just like bigger is always better!*).

Также предметом комического может быть рост человека. Традиционно маленький рост используется для «оценки малозначительной, ничтожной личности» [Демуцкая, 2004, с. 164]:

(5) *Howard: Yeah, I think I'm going to take her to miniature golf. Leonard: Oh, well, I guess for you guys, that's like regular golf. Howard: Short jokes, really? You're like a quarter of an inch taller than me! Leonard: Yeah, and don't you forget it!* (The Big Bang Theory. The Hot Troll Deviation) // Говард: Да, я вот думаю сводить ее поиграть в мини-гольф. Леонард: Ну, знаешь, для вас, ребята, это все равно, что обычный гольф. Говард: Шутки про рост, серьезно? Ты же всего на сантиметр выше меня! Леонард: Вот и не забывай об этом!

Данный текстовый фрагмент сопровождается закадровым смехом. Главный герой сначала высмеивает маленький рост своего собеседника при помощи гиперболы (*miniature golf... for you guys, that's like regular golf*), затем он отмечает важность своего небольшого превосходства в росте (*a quarter of an inch taller... don't you forget it*).

Большой рост также может являться предметом комического, при этом он обычно воспринимается как нечто пугающее:

(6) *A lot of people, "Oh, Kobe ain't gonna go to jail cos Kobe's cute and cuddly". "No, he's cute and cuddly, he's positive." Yeah, Kobe looks cute and cuddly on TV cos when you see him he's standing next to Shaq* (Ch. Rock. Never Scared) // Многие люди говорят: «О, Коби не попадет в тюрьму, по-

тому что Коби милый и приятный». «Нет, он милый и приятный, он позитивный». Да, Коби выглядит милым и приятным по телевизору, потому что, когда вы видите его, он стоит рядом с Шаком.

Анализируемый текстовый фрагмент сопровождается смехом зрителей. Высмеивается слишком большой рост, который считается отрицательной характеристикой. Это отражается через позитивное восприятие меньшего роста, а именно через слова: *cute and cuddly*. В последующем контексте большой рост характеризуется как нечто пугающее (*he gonna scare the shit out of them*). Отрицательная оценка большого роста также реализуется через сравнение (*he's a big old black praying mantis*) и гиперболу (*Put his hand on the Bible, it covers up the whole Bible*).

Различные дефекты речи, такие как логоневроз, сигматизм, ротацизм и т. д., также становятся предметами осмеяния:

(7) *Barry: You got Siwi, huh? Voice wecognition on that thing is tewible. Wook. Siwi, can you wecommend a westauwant? Barry's Siri: I'm sorry, Bawwy. I don't understand wecommend a westauwant* (The Big Bang Theory. The Beta Test Initiation) // Барри: У тебя тоже Сиви, да? Вежим васпознавания голоса у нее отватительный. Смотви. Сиви, ты можешь повекомендовать вестован? Сири: Прошу прощения Бави. Я не знаю, что значит повекомендовать вестован.

Приведенный текстовый фрагмент сопровождается закадровым смехом с небольшим количеством аплодисментов. Высмеивается ротацизм объекта осмеяния, который не может произнести правильно слова со звуком [r] (*Siwi, wecognition, tewible, wecommend, westauwant*), при этом объект осмеяния проявляет глупость, так как он не понимает, почему программное обеспечение для распознавания голоса не может правильно идентифицировать его речь. Ротацизм объекта осмеяния можно считать отрицательной характеристикой, так как он мешает адекватному восприятию его речи окружающими (*I don't understand*).

3.3. Гендерные характеристики как популярный предмет осмеяния в стендап-комедиях и ситкомах англоязычной лингвокультуры

В современных англоязычных стендап-комедиях и ситуационных комедиях в рамках актуализации концепта UGLINESS осмеянию в основном подвергаются гендерные характеристики комического объекта.

Основными женскими физическими характеристиками эстетического антиценностного концепта UGLINESS являются лишний вес вследствие беременности и наличие мужских атрибутов внешности.

В случае женщин лишний вес обыгрывается в основном в рамках беременности, то есть либо лишний вес воспринимается как беременность, либо беременность не замечают из-за лишнего веса:

(8) *I was well into my second trimester. Not one f...king rumor about me. Nothing. I was photographed. Belly out. They're like, "There's Amy!"* (A. Schumer. Growing) // У меня уже был второй триместр. Ни одного чертового слуха обо мне. Ничего. Я фотографировалась. Живот наружу. Они такие: «Это Эми!».

Рассматриваемый текстовый фрагмент сопровождается смехом зрителей. Никто из окружающих стендап-комика не замечает ее беременности вследствие ее изначальной полноты. Так, объект комического делает фотосессию во время второго триместра, при этом окружающие считают, что ее большой живот является следствием лишнего веса, а не беременности. Лишний вес оценивается отрицательно, так как он препятствует адекватному восприятию человека (*Not one f...king rumor about me*). Наличие лишнего веса выражается через следующие словосочетания: *second trimester; belly out*. Комический эффект основан на гиперболизации лишнего веса объекта осмеяния (визуально очевидно, что лишний вес адресанта недостаточно большой для того, чтобы скрыть ее беременность).

Обычно предметом осмеяния становится наличие у женщин мужских особенностей внешности:

(9) *Barney: They seem hot, but take each one of them individually? Sled dogs. Ted: That's insane. Barney: Take a good, hard look at each one of those girls. Individually (pretty girls turning ugly)* (How I Met Your Mother. Not a Father's Day) // Барни: Они кажутся сексуальными, но возьмите каждую по отдельности? Собаки в упряжках. Тед: Это чушь. Барни: Взгляните на каждую из этих девушек по отдельности (симпатичные девушки становятся непривлекательными) (пояснение в скобках наше. — А. Б.).

Данный текстовый фрагмент сопровождается закадровым смехом. В приведенном примере девушки, которые на первый взгляд выглядели привлекательными, в итоге оказались непривлекательными. Концепт UGLINESS выражается через сравнение девушек с ездовыми собаками (*sled dogs*). Наибольший смех вызвали двое: девушка с усами и бородавкой; девушка, которая являлась двойником одного из главных героев. Следует отметить, что в комическом дискурсе именно усы и борода приписываются девушкам чаще, чем другие мужские атрибуты внешности.

Основными мужскими физическими характеристиками эстетического антиценностного концепта UGLINESS являются маленькие гениталии и наличие женских атрибутов внешности.

Главным высмеиваемым недостатком мужчин является маленький размер гениталий:

(10) *Robin: Yeah, I-I think it is so cool that you started your own law firm. Max: Well, right now it's a pretty small practice. Marshall: Hey, hey. I bet it's not that small... Robin: He said it's small, Marshall, and everybody's fine with*

that. Let's just move on. Marshall: I'm just saying that I bet it's bigger than he thinks. And thick. Max: Nah. Everything about it is tiny (How I Met Your Mother. Architect of Destruction) // Робин: Да, я-я думаю, это так здорово, что ты открыл свою собственную юридическую фирму. Макс: Ну, знаешь, сейчас фирма еще довольно маленькая. Маршалл: Эй, эй. Могу поспорить, она не такая уж и маленькая... Робин: Он сказал, что она маленькая, Маршалл, и это всех устраивает. Давайте просто двигаться дальше. Маршалл: Я просто сказал, что готов поспорить, что она больше, чем он думает. И толще. Макс: Нет. Там у меня все крошечное.

Анализируемый текстовый фрагмент сопровождается закадровым смехом. Один из героев ситкома говорит о размере своей компании, при этом второй герой, поддерживая данный разговор, пытается убедить девушек в нормальности размеров полового органа первого героя. Комизм ситуации построен на возможности двойной интерпретации высказываний героев. Маленький размер гениталий выражается через следующие слова и словосочетания: *that small, tiny*. Следует также отметить, что попытка одного из героев доказать, что гениталии другого героя не являются маленькими, свидетельствует о том, что данная характеристика является отрицательной для мужчины.

Также осмеянию может подвергаться наличие женских атрибутов внешности у мужчины.

(11) *Marshall: (Robin has entered the room) Why are you in our bedroom? (Ted has followed Robin) Why is Ellen DeGeneres in our room?* (How I Met Your Mother. Doppelgangers) // Маршалл: (Робин входит в комнату) Почему ты в нашей спальне? (Тед последовал за Робин) Почему Эллен Дедженерес в нашей комнате? (пояснения в скобках наши. — А. Б.).

Приведенный фрагмент сопровождается закадровым смехом. Главный герой покрасил волосы, и на протяжении всей серии его сравнивают с различными блондинами (Билли Айдол, Слим Шейди) и блондинками (Бриджит Нильсен, Эллен Дедженерес), прическа которых напоминает прическу героя. Кроме того, все героини начинают смеяться, когда впервые видят Теда с покрашенными волосами. Также отрицательная оценка покраски волос реализуется через несогласие одной из главных героинь (*He's not getting tons of compliments*) с положительной оценкой данного действия главным героем (*I'm getting tons of compliments*). В рассматриваемом примере героя идентифицируют с Эллен Дедженерес.

4. Заключение = Conclusions

Комическая объективация эстетического антиценностного концепта UGLINESS обычно вызывает исключительно смех зрителей. В определен-

ных контекстах смех может сопровождаться аплодисментами зрителей. Прежде всего, это касается тех случаев, когда актуализация эстетического антиценностного концепта UGLINESS связана с выражением антиценностного концепта STUPIDITY. Более того, интенсивность аплодисментов напрямую зависит от того, насколько справедливым является приобретение непривлекательности объектом осмеяния.

К основным высмеиваемым приобретенным характеристикам эстетического антиценностного концепта UGLINESS относятся лишний вес, плохая память и отсутствие / деформация некоторых частей тела / органов, при этом лишний вес является самым популярным предметом осмеяния. К основным высмеиваемым врожденным характеристикам эстетического антиценностного концепта UGLINESS относятся нестандартные формы и размеры человеческих органов, маленький и большой рост, дефекты речи, при этом наиболее высмеиваемым предметом являются гениталии человека. Следует также отметить, что комическая объективация эстетического антиценностного концепта UGLINESS основана не только на зрительном ощущении (лишний вес, отсутствие / деформация некоторых частей тела / органов, нестандартные формы и размеры органов, рост), но также и на умозрительном восприятии (проблемы с памятью), слуховом ощущении (дефекты речи) и т. д.

Приобретенные характеристики эстетического антиценностного концепта UGLINESS зачастую оцениваются через негативную характеристику причин (чревоугодие, глупость и т. д.), которые привели к данным недостаткам. Врожденные характеристики эстетического антиценностного концепта UGLINESS обычно оцениваются негативно сами по себе. Отрицательная оценка может выражаться через справедливость приобретения данной черты; прямую негативную характеристику концепта UGLINESS; превосходство одного состояния над другим; важность наличия противоположного состояния; отрицательный результат, к которому приводит наличие соответствующей характеристики концепта UGLINESS; препятствие адекватному восприятию человека. В некоторых случаях используется положительная оценка характеристик эстетического антиценностного концепта UGLINESS для создания комического эффекта.

Эстетический антиценностный концепт UGLINESS может актуализироваться в языковом отношении через прямое обозначение; эвфемизмы; сравнение; гиперболы; выполнение речевых действий, например, неправильное произнесение слов и т. д.

В рамках гендерного дискурса самыми распространенными высмеиваемыми женскими характеристиками концепта UGLINESS являются лишний вес вследствие беременности и наличие мужских особенностей

внешности. К основным высмеиваемым мужским характеристикам эстетического антиценностного концепта UGLINESS относятся маленький размер гениталий и наличие женских атрибутов внешности.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Black Books*. Grapes of Wrath [Electronic resource]. — Access mode : https://sublikescript.com/series/Black_Books-262150/season-1/episode-3-Grapes_of_Wrath (accessed 10.01.2024).
2. *Carr J.* Being Funny [Electronic resource] / J. Carr. — Access mode : <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/jimmy-carr-being-funny-transcript/> (accessed 4.12.2023).
3. CD — *Collins Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.collinsdictionary.com> (accessed 4.12.2023).
4. *Gervais R.* Out of England 2 [Electronic resource] / R. Gervais. — Access mode : <https://scrapsfromtheloft.com/2017/06/23/ricky-gervais-england-2-2010-full-transcript/> (accessed 4.12.2023).
5. *How I Met Your Mother*. Architect of Destruction [Electronic resource]. — Access mode : <https://transcripts.foreverdreaming.org/viewtopic.php?t=11682> (accessed 4.12.2023).
6. *How I Met Your Mother*. Doppelgangers [Electronic resource]. — Access mode : https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-5/episode-24-Doppelgangers (accessed 4.12.2023).
7. *How I Met Your Mother*. Not a Father's Day [Electronic resource]. — Access mode : <https://transcripts.foreverdreaming.org/viewtopic.php?t=11556> (accessed 4.12.2023).
8. MD — *Macmillan Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.macmillandictionary.com> (accessed 4.12.2023).
9. OALD — *Oxford Advanced Learner's Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed 4.12.2023).
10. *Rock Ch.* Never Scared [Electronic resource] / Ch. Rock. — Access mode : <https://scrapsfromtheloft.com/2018/01/19/chris-rock-never-scared-2004-full-transcript/> (accessed 4.12.2023).
11. *Schumer A.* Growing [Electronic resource] / A. Schumer. — Access mode : <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/amy-schumer-growing-transcript/> (accessed 4.12.2023).
12. *The Big Bang Theory*. The Beta Test Initiation [Electronic resource]. — Access mode : <https://bigbangtrans.wordpress.com/series-5-episode-14-the-beta-test-initiation/> (accessed 4.12.2023).
13. *The Big Bang Theory*. The Hot Troll Deviation [Electronic resource]. — Access mode : <https://bigbangtrans.wordpress.com/series-4-episode-04-the-hot-troll-deviation/> (accessed 4.12.2023).

Литература

1. *Арская М. А.* Семантическая категория эстетической оценки (прекрасное / безобразное) и ее онтология в современном немецком языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / М. А. Арская. — Иркутск, 2001. — 185 с.

2. Баженова Л. С. Эстетические концепты «прекрасное» / «безобразное» в англоязычном сознании : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Л. С. Баженова. — Иркутск, 2006. — 18 с.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1990. — 543 с.
4. Бочкарев А. И. Комические характеристики ценностного концепта «глупость» в англосаксонской лингвокультуре на материале стендап-комедий / А. И. Бочкарев // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022а. — № 80. — С. 30—44. — DOI: 10.17223/19986645/80/2.
5. Бочкарев А. И. Цинизм как базовая ценность современного англоязычного комического дискурса / А. И. Бочкарев // Вестник Томского государственного университета. — 2022б. — № 482. — С. 59—66. — DOI: 10.17223/15617793/482/6.
6. Демуцкая А. В. Сопоставление языковых картин мира в русском и английском языках на примере моделирования внутренних свойств человека через внешность / А. В. Демуцкая // Логический анализ языка. Языки эстетики : Концептуальные поля прекрасного и безобразного. — Москва : Индрик, 2004. — С. 162—168.
7. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-7333-0143-0.
8. Карасик В. И. Языковая спираль : ценности, знаки, мотивы / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2019. — 424 с. — ISBN 978-5-94244-062-6.
9. Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка) / М. А. Кулинич. — Самара : Изд-во СГПУ, 2004. — 263 с. — ISBN 5-8428-0451-4.
10. Мещерякова Ю. В. Красота / Ю. В. Мещерякова // Антология концептов. — Волгоград : Парадигма, 2005. — Т. 1. — С. 118—138. — ISBN 5-89395-236-9.
11. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха / В. Я. Пропп. — Москва : Искусство, 1976. — 183 с.
12. Серебренникова Е. Ф. Ключевые понятия аксиологического анализа / Е. Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология : этносемиотрия ценностных смыслов. — Москва : ТЕЗАУРУС, 2011. — С. 27—40. — ISBN 978-5-98421-117-8.
13. Aristotle. Poetics / Aristotle // Rhetoric. Poetics. — New York : Modern Library, 1954. — Pp. 219—266.
14. Attardo S. Linguistic Theories of Humor / S. Attardo. — New York : Mouton de Gruyter, 1994. — 426 p.
15. Bochkarev A. I. The Role of the Anti-Value Concept 'Lust' in Modern English-Language Humor / A. I. Bochkarev // LUNN Bulletin. — 2023. — № 1 (61). — Pp. 9—23. — DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-61-1-9-23.
16. Cicero M. T. The Three Dialogues of M. T. Cicero on the Orator / M. T. Cicero. — New York : Kessinger Publishing, 2004. — 352 p.
17. Eco U. On Ugliness / U. Eco. — London : The Random House Group Limited, 2007. — 455 p.
18. Freud S. Civilization and Its Discontents / S. Freud. — New York : W. W. Norton, 1989. — 127 p.
19. Hegel G. W. F. Hegel's Aesthetics : Lectures on Fine Art / G. W. F. Hegel. — New York : Oxford University Press, 1975. — Vol. 1. — 611 p.
20. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor / V. Raskin. — Boston : D. Reidel Publishing Company, 1985. — 284 p.

21. Rossi N. Discorsi intorno alla comedia / N. Rossi // Trattati di poetica e di retorica del cinquecento. — 1970. — Vol. 4. — Pp. 59—120.

Статья поступила в редакцию 04.12.2023,
одобрена после рецензирования 08.01.2024,
подготовлена к публикации 15.01.2024.

Material resources

- Black Books. Grapes of Wrath* [Electronic resource]. — Available at: https://sublikescript.com/series/Black_Books-262150/season-1/episode-3-Grapes_of_Wrath (accessed 10.01.2024)
- Carr, J. *Being Funny*. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/jimmy-carr-being-funny-transcript/> (accessed 4.12.2023).
- CD — *Collins Dictionary*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com> (accessed 4.12.2023).
- Gervais, R. *Out of England 2*. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/2017/06/23/ricky-gervais-england-2-2010-full-transcript/> (accessed 4.12.2023).
- How I Met Your Mother: Architect of Destruction*. Available at: <https://transcripts.foreverdreaming.org/viewtopic.php?t=11682> (accessed 4.12.2023).
- How I Met Your Mother: Doppelganglers*. Available at: https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-5/episode-24-Doppelganglers (accessed 4.12.2023).
- How I Met Your Mother: Not a Father's Day*. Available at: <https://transcripts.foreverdreaming.org/viewtopic.php?t=11556> (accessed 4.12.2023).
- MD — *Macmillan Dictionary*. Available at: <https://www.macmillandictionary.com> (accessed 4.12.2023).
- OALD — *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Available at: <https://www.oxfordlearners-dictionaries.com> (accessed 4.12.2023).
- Rock, Ch. *Never Scared*. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/2018/01/19/chris-rock-never-scared-2004-full-transcript/> (accessed 4.12.2023).
- Schumer, A. *Growing*. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/amy-schumer-growing-transcript/> (accessed 4.12.2023).
- The Big Bang Theory. The Beta Test Initiation*. Available at: <https://bigbangtrans.wordpress.com/series-5-episode-14-the-beta-test-initiation/> (accessed 4.12.2023).
- The Big Bang Theory. The Hot Troll Deviation*. Available at: <https://bigbangtrans.wordpress.com/series-4-episode-04-the-hot-troll-deviation/> (accessed 4.12.2023).

References

- Aristotle. (1954). *Poetics*. In: *Rhetoric. Poetics*. New York: Modern Library. 219—266.
- Arskaya, M. A. (2001). *Semantic category of aesthetic evaluation (beautiful / ugly) and its ontology in modern German*. PhD Diss. Irkutsk. 185 p. (In Russ.).
- Attardo, S. (1994). *Linguistic Theories of Humor*. New York: Mouton de Gruyter. 426 p.
- Bakhtin, M. M. (1990). *Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow: Fiction. 543 p. (In Russ.).
- Bazhenova, L. S. (2006). *Aesthetic concepts of "beautiful" / "ugly" in the English-speaking consciousness*. Author's abstract of PhD Diss. Irkutsk. 18 p. (In Russ.).
- Bochkarev, A. I. (2022a). Comic characteristics of the value concept "stupidity" in Anglo-Saxon linguoculture based on the material of stand-up comedies. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 80: 30—44. DOI: 10.17223/19986645/80/2. (In Russ.).

- Bochkarev, A. I. (2022b). Cynicism as the basic value of modern English-language comic discourse. *Bulletin of Tomsk State University*, 482: 59—66. DOI: 10.17223/15617793/482/6. (In Russ.).
- Bochkarev, A. I. (2023). The Role of the Anti-Value Concept 'Lust' in Modern English-Language Humor. *LUNN Bulletin*, 1 (61): 9—23. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-61-1-9-23.
- Cicero, M. T. (2004). *The Three Dialogues of M. T. Cicero on the Orator*. New York: Kesinger Publishing. 352 p.
- Demutskaya, A. V. (2004). Comparison of linguistic worldviews in Russian and English on the example of modeling the internal properties of a person through appearance. In: *Logical analysis of the language. The languages of aesthetics: The conceptual fields of the beautiful and the ugly*. Moscow: Indrik. 162—168. (In Russ.).
- Eco, U. (2007). *On Ugliness*. London: The Random House Group Limited. 455 p.
- Freud, S. (1989). *Civilization and Its Discontents*. New York: W. W. Norton. 127 p.
- Hegel, G. W. F. (1975). *Hegel's Aesthetics: Lectures on Fine Art, I*. New York: Oxford University Press. 611 p.
- Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremenna. 477 p. ISBN 5-7333-0143-0. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2019). *The language spiral: values, signs, motives*. Moscow: Gnosis. 424 p. ISBN 978-5-94244-062-6. (In Russ.).
- Kulinich, M. A. (2004). *Linguoculturology of humor (based on the material of the English language)*. Samara: Publishing House of the State Pedagogical University. 263 p. ISBN 5-8428-0451-4. (In Russ.).
- Meshcheryakova, Yu. V. (2005). Beauty. In: *An anthology of concepts, 1*. Volgograd: Paradigm. 118—138. ISBN 5-89395-236-9. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (1976). *Problems of comedy and laughter*. Moscow: Iskustvo. 183 p. (In Russ.).
- Raskin, V. (1985). *Semantic Mechanisms of Humor*. Boston: D. Reidel Publishing Company. 284 p.
- Rossi, N. (1970). Discorsi intorno alla comedia. *Trattati di poetica e di retorica del cinquecento*, 4: 59—120. (In Ital.).
- Serebrennikova, E. F. (2011). Key concepts of axiological analysis. In: *Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings*. Moscow: THESAURUS. 27—40. ISBN 978-5-98421-117-8. (In Russ.).

*The article was submitted 04.12.2023;
approved after reviewing 08.01.2024;
accepted for publication 15.01.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(1), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Гукосьянц О. Ю. Предупреждение конфликта в сети Интернет в ситуации распространения коронавирусной инфекции (результаты опроса респондентов) / О. Ю. Гукосьянц // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 141—158. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-141-158.

Gukosyants, O. Yu. (2024). Conflict Prevention in Internet during Spread of Coronavirus Infection (Survey Results). *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 141-158. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-141-158. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-141-158

Предупреждение конфликта в сети Интернет в ситуации распространения коронавирусной инфекции (результаты опроса респондентов)

Гукосьянц Ольга Юрьевна

orcid.org/0000-0001-7879-8436

кандидат филологических наук, доцент
кафедры западноевропейских
языков и культур
gukosjants@mail.ru

Пятигорский
государственный университет
(Пятигорск, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена в рамках проекта МК-1675.2022.2 (Комплексное прагматингвистическое исследование механизмов провоцирования и предотвращения возникновения и развития конфликтных ситуаций в виртуальной среде в условиях пандемии) по гранту Президента Российской Федерации

Conflict Prevention in Internet during Spread of Coronavirus Infection (Survey Results)

Olga Yu. Gukosyants

orcid.org/0000-0001-7879-8436

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Western European
Languages and Cultures
gukosjants@mail.ru

Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Russia)

Acknowledgments:

The publication was prepared as part of the project МК-1675.2022.2 (Comprehensive Pragmalinguistic Study of Mechanisms for Provoking and Preventing the Emergence and Development of Conflict Situations in the Virtual Environment during the Pandemic) under the grant of the President of the Russian Federation

© Гукосьянц О. Ю., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В работе изложены результаты анкетирования респондентов, одним из заданий которого было предложить вариант ответа на полученное конфликтопровоцирующее сообщение таким образом, чтобы избежать эскалации конфликта и продолжить общение с коммуникантом-агрессором. Участники опроса — 115 респондентов (22 % мужчин и 78 % женщин) в возрасте от 20 лет до 35 лет, имеющие неоконченное высшее либо высшее образование. Опрашиваемым предлагалось 15 текстов, представляющих собой реальные комментарии к постам в Живом Журнале, содержащие маркеры конфликтопровоцирующей интенции адресанта и опубликованные в период пандемии COVID-19. Исследование полученных ответов респондентов проводилось с помощью методов лингвостилистического, контекстуального и статистического анализа. Подсчет данных определил четыре речевые стратегии, используемые респондентами с целью предупреждения конфликтного взаимодействия, а также позволил исчислить тактики, с помощью которых реализовывались данные стратегии: стратегия самозащиты (тактика дистанцирования, тактика акцентирования плюрализма, тактика смены темы), стратегия вежливости (тактика благодарности, тактика совета, тактика извинения, тактика предложения помощи), стратегия подчинения (тактика уступки, тактика укрепления авторитета агрессора), стратегия убеждения (тактика рассуждения, тактика аргументации).

Ключевые слова:

интернет-опосредованная коммуникация; коммуникативный конфликт; предупреждение конфликта; коммуникативные стратегии; речевые тактики.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article presents the results of a survey of respondents, one of the tasks of which was to propose a response to a conflict-provoking message in such a way as to avoid escalation of the conflict and continue communication with the aggressor. The survey participants were 115 respondents (22% male and 78% female) aged 20 to 35, with incomplete higher or higher education. The respondents were presented with 15 texts, which were real comments on posts in LiveJournal, containing markers of conflict-provoking intention by the sender and published during the COVID-19 pandemic. The study of the respondents' responses was conducted using methods of linguostylistic, contextual, and statistical analysis. Data analysis identified four speech strategies used by the respondents to prevent conflictual interaction, as well as tactics through which these strategies were implemented: self-defense strategy (distancing tactic, pluralism accentuation tactic, topic change tactic), politeness strategy (gratitude tactic, advice tactic, apology tactic, offer of help tactic), submission strategy (concession tactic, reinforcement of aggressor's authority tactic), persuasion strategy (reasoning tactic, argumentation tactic).

Key words:

internet-mediated communication; communicative conflict; conflict prevention; communicative strategies; speech tactics.

Предупреждение конфликта в сети Интернет в ситуации распространения коронавирусной инфекции (результаты опроса респондентов)

© Гукосьянец О. Ю., 2024

1. Введение = Introduction

Интернет-среда, обладающая мощным конфликтогенным потенциалом и благоприятствующая осуществлению конфликтной коммуникации, отражает высокий уровень агрессии, свойственный в целом современному обществу, регулярно переживающему и справляющемуся с вызовами.

Одной из значительных проблем, с которой столкнулось мировое сообщество в последнее десятилетие, стала новая вирусная инфекция, распространившаяся по всей вселенной и спровоцировавшая пандемию COVID-19. Данные события запустили волну негодования, страха, ярости, агрессии, которая коснулась каждого. Она влияла на настроение и поведение людей и проявлялась через физиологические изменения, эмоциональную неуравновешенность, формирование множественных домыслов и предсказаний, активно распространяемых в первую очередь в сети Интернет. Ввиду того, что интернет-среда в обозначенный период стала уникальной, на какое-то время даже единственно возможной площадкой осуществления массовой коммуникации, она отразила и запечатлела эмоциональную нестабильность граждан, проявившуюся в указанный период посредством провокативного речевого поведения, наблюдаемого, в частности, в процессе обмена комментариями между собеседниками.

Настоящая статья, направленная на описание приемов, обеспечивающих выстраивание кооперативного речевого поведения, выработку коммуникативных средств снятия социальной напряженности в зарождающейся конфликтной ситуации (после получения реплики-стимула), является продолжением серии работ, посвященных конфликтной коммуникации в интернет-пространстве в период пандемии COVID-19 (рассматривается период с января 2020 года по декабрь 2022 года).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Анализ материала и изучение конфликтного поведения интернет-пользователей в указанный период позволили определить три тактики разворачивания конфликта, характерные для исследуемого временного промежутка.

ка: эскалацию конфликта, сглаживание конфликта и нейтрализацию конфликта (подробнее об этом см. [Гукосянц и др., 2023]).

Как отмечает М. Ю. Сейранян, «поведение коммуникантов в ситуациях конфликтного риска требует от них владения богатым репертуаром конструктивных тактик и умения творчески их использовать; это высший уровень коммуникативной компетенции человека говорящего» [Сейранян, 2012, с. 78]. Ученый добавляет, что «основная задача в урегулировании любого конфликта состоит в том, чтобы по возможности придать ему функционально-положительный характер, свести к минимуму неизбежный ущерб от негативных последствий противостояния или острого противоборства» [Сейранян, 2012, с. 78]. Отметим, что описанию конфликтных ситуаций, как и наблюдению за тактиками, используемыми коммуникантами с целью не допустить вовлечение в конфликтную ситуацию, посвящен ряд работ отечественных и зарубежных ученых (см., в частности: [Кронгауз, 2019; Дзараева и др., 2017; Тармаева и др., 2020; Gjerazi, 2023; Paakki et al., 2021]).

Управление конфликтной ситуацией — непростая задача, заключающаяся в своевременном фиксировании конфликтогенных единиц и грамотном разрешении деструктивных явлений путем подбора подходящего речевого действия. Изучение сценариев развертывания конфликта в интернет-коммуникации периода пандемии COVID-19 позволило выявить следующие закономерности. Получив от собеседника реплику (реплики), служащие провокацией к развитию конфликтного взаимодействия (под «провокацией» вслед за О. С. Иссерс понимаем «конфликтогенную технологию речевого воздействия, поскольку она побуждает партнёра к таким речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия» [Иссерс, 2008, с. 95]), пользователи в обозначенный временной промежуток применяли следующие сценарии развертывания конфликта: **эскалацию конфликта** — проявляется, когда все конфликтующие стороны находятся в состоянии интенсивного противоборства, заключающегося в обмене оскорбительными репликами, дискредитации личностей друг друга, в отстаивании собственной позиции за счёт унижения оппонента, дискредитации его позиции и аргументов; **сглаживание конфликта** — проявляется в случае, когда реакцией на реплику-стимул становится реплика-примирение; **нейтрализация конфликта** — заключается в резком уходе от конфликта, в смене темы дискуссии, отказе от дальнейшего обсуждения конфликтогенной темы, но в продолжении коммуникации с агрессором [Гукосянц и др., 2023].

Далее было осуществлено наблюдение за поведением коммуникантов, желающих уйти от прямой эскалации конфликта и продолжить общение с собеседником по заданной теме дискуссии, в указанный период.

Важно отметить некоторые выводы, сделанные исследователями, изучавшими способы преодоления конфликтов.

Определяя способы преодоления конфликтов на примере киносценариев и текстов фильмов на русском и английском языках, Д. В. Иванова выделяет следующие: объяснение своей позиции, извинение, признание своей вины, умение вовремя промолчать, игнорирование речевой агрессии собеседника, умение идти на компромисс, вежливый тон, соблюдение правил этикета, доброжелательное отношение к партнеру. Наиболее эффективными и, значит, наиболее универсальными и для русских, и для американских сценариев и текстов фильмов, по мнению исследователя, признаются объяснение и извинение [Иванова, 2010]. Анализируя развитие конфликта в образовательной среде, Р. А. Рогожникова, А. А. Васильев отмечают, что основу предупреждения конфликтов составляет наличие у человека конфликтологической культуры, проявляющейся в умении «управлять эмоциональным состоянием, а также гармонизировать личностные отношения» [Рогожникова и др., 2018, с. 139].

Проводимое исследование позволило определить частотные стратегии и тактики, применяемые пользователями в интернет-коммуникации в период пандемии COVID-19: стратегия убеждения — тактика ссылки на авторитет, тактика рассуждения / уговора; стратегия разоблачения — тактика выражения недоверия; стратегия самопрезентации — тактика дистанцирования. Также к характерным для пользователей, желающих сгладить провоцируемый конфликт, особенностям коммуникативного поведения следует отнести такие приемы, как применение этикетных формул, выражение согласия с мнением собеседника.

Полученные выводы легли в основу реализации следующего этапа исследования — вычисления алгоритма предупреждения конфликта в конкретной речедеятельностной ситуации, которой явилась ситуация пандемии. Понимая под «предупреждением конфликта» ситуацию, «которая имеет место до возникновения столкновения» [Зайцева, 2003, с. 20], «наиболее эффективный способ разрешения противоречий на ранней стадии» [Рогожникова и др., 2018, с. 140], а под «алгоритмом» — «набор определенных правил решения задач; определенная последовательность действий (шагов), направленных на решение однотипных задач» [Азимов, 2009, с. 13—14] целесообразным представляется обозначить те самые «последовательности действий (шагов)», следуя которым можно не допустить эскалации конфликта. Настоящая работа посвящена исчислению каждой подобной последовательности, которой выступает «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникационной цели» [Иссерс, 2008, с. 54], «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение

коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера» [Иссерс, 2008, с. 100], то есть коммуникативная стратегия, обеспечивающая выстраивание кооперативного речевого поведения, выработку коммуникативных средств снятия социальной напряженности в зарождающейся конфликтной ситуации (после получения реплики-стимула) в интернет-опосредованной коммуникации. **Целью** работы является исчисление тактик определяемых коммуникативных стратегий, поскольку, как отмечает О. С. Иссерс, «творческая реализация плана общения (речевой стратегии) допускает различные способы его осуществления» [Иссерс, 2008, с. 109], то есть речевые тактики, являются, «по-видимому, практическим инструментом говорящего» [Иссерс, 2008, с. 111].

Описываемый в настоящей работе этап исследования осуществлялся преимущественно с помощью **метода независимого анкетирования**. В нем приняли участие 115 респондентов (22 % мужчин и 78 % женщин) в возрасте от 20 лет до 35 лет, имеющие неоконченное высшее образование либо высшее образование по гуманитарным и техническим направлениям. Опрашиваемым было предложено 15 текстов, представляющих собой реальные комментарии к постам в Живом Журнале, опубликованные в период пандемии COVID-19, отнесенные к категории конфликтных ввиду наличия в них вербальных и невербальных маркеров конфликтопровоцирующей интенции авторов интернет-комментариев (о маркерах конфликтопровоцирующей интенции авторов интернет-комментариев периода пандемии COVID-19 подробнее см. [Гукосьянц, 2023]) и выполняющие в разворачивающемся после публикации поста онлайн-общении функцию реплики-стимула, провоцирующей эскалацию конфликта.

Перед респондентами ставилась следующая задача: на каждую предложенную конфликтогенную реплику необходимо было написать такое ответное сообщение, которое не спровоцирует развитие конфликта, но позволит продолжить общение с собеседником. В результате обработки результатов анкетирования с помощью **методов лингвостилистического и контекстуального анализа** и подсчета количественных показателей с помощью **метода статистического анализа** были выявлены представленные ниже закономерности. Поясним, что упомянутые в качестве примеров ответы респондентов-мужчин маркированы буквой *М*, а упомянутые ответы респондентов-женщин маркированы буквой *Ж*. Цифровое обозначение, указанное вместе с заглавной буквой, означает личный номер, присваиваемый каждой анкете.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В полученных ответах анketируемых выявляется применение четырех коммуникативных стратегий, используемых респондентами с целью пре-

дотворачивания развития конфликтного взаимодействия: стратегия самозащиты (наблюдалась в 50,5 % ответов респондентов), стратегия вежливости (наблюдалась в 21,5 % ответов респондентов), стратегия подчинения (наблюдалась в 17 % ответов респондентов), стратегия убеждения (наблюдалась в 11 % ответов респондентов). Каждая из представленных стратегий реализовывалась посредством нескольких тактик, которые в ходе статистических подсчетов были ранжированы по степени популярности.

3.1. Стратегия самозащиты (наблюдалась в 50,5 % ответов респондентов)

Наиболее характерно в ответах опрашиваемых проявилась оборонительная стратегия, воплощаемая в трех тактиках: тактике дистанцирования, тактике смены темы и тактике акцентирования плюрализма.

Тактика дистанцирования, наблюдаемая в 33,5 % ответов от общего количества всех ответов респондентов, заключалась в установлении некоторых границ в общении с собеседником-агрессором, в определении условий, при которых возможно данное общение.

Полученные в ходе анкетирования данные показали, что тактика дистанцирования осуществлялась с помощью разных коммуникативных ходов — приемов, выступающих «в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики» [Иссерс, 2008, с. 153], которые служили достижению поставленной цели. Самым частотным наблюдаемым приемом стало обращение к собеседнику-агрессору, дискредитирующему коммуниканта, с просьбой предоставить доказательства и обосновать выдвигаемую позицию. Прием использовался в 50 % случаев реализации тактики дистанцирования.

(1) Провоцирующая реплика:

— *То, что ты накалял, как раньше не имело, так и до сих пор не имеет ни малейших подтверждений. Это же касается и высосанного тобой из пальца «расследования». На остальную же твою белиберду мне даже 5 минут жаль тратить* (комментарий от 01.11.2022 г., https://scinquisitor.livejournal.com/204679.html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block, дата обращения 21.01.2023) [AA] (здесь и далее сохраняются орфография и пунктуация источников. — О. Г.).

Ответ респондента М23:

— *Всё же буду рад, если ты уделишь мне 5 минут и объяснишь, почему моя «белиберда» нерелевантна. Хочется конструктивного диалога.*

Попытка дискредитировать оппонента, представленная в исходном сообщении, нивелируется позитивной настойчивостью автора (*всё же, я буду рад*), выражением настроения на продолжение дружелюбного, выгодного обоим сторонам взаимодействия (*Хочется конструктивного диалога*).

(2) Провоцирующая реплика:

— *Фактом своего существования непривитые мешают. Такое терпеть невыносимо. Почему ты идиот?* (комментарий от 10.01.2022, https://scinquisitor.livejournal.com/198406.html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block, дата обращения: 21.01.2023) [Там же].

Ответ респондента М19:

— *Прошу Вас дать аргументированное пояснение в защиту подобного утверждения. Чем непривитые мешают именно Вам?*

Игнорирование личного оскорбления, высказанного в собственный адрес, и просьба разъяснить выражаемое мнение позволяют избежать развития активного конфликтного взаимодействия.

На втором месте по частоте использования респондентами при ответе на конфликтопровоцирующие сообщения в случае применения тактики дистанцирования следуют использование шутки (наблюдалось в 24 % случаев реализации тактики дистанцирования) и отказ от объяснения своей позиции (наблюдалось в 22 % случаев реализации тактики дистанцирования).

(3) Провоцирующая реплика:

— *Я вообще-то не воспитатель ясельной группы, чтоб с вами тут в ясли играть. Если у вас развитие на ясельном уровне, извольте просто не делать людям мозги* (комментарий от 28.12.2020 г., <https://botalex.livejournal.com/173142.html>, дата обращения: 21.01.2022) [Там же]

Ответ респондента М5:

— *Могу попробовать вести диалог на уровне ученика начальной школы) Тогда продолжим?*

Отсутствие намерения респондента высмеять или обидеть собеседника данным шуточным ответом подтверждается заданным вопросом и желанием продолжить коммуникацию.

(4) Провоцирующая реплика:

— *«Бла-бла-бла, мистер Андерсон». Я в который раз отмечу тщетность Ваших потуг. Вы бы хоть пруфы какие-то имитировали, а то одни лозунги. ...Заканчивайте Вы эту клоунadu, лучше идите книжков почитайте* (комментарий от 29.12.2020 г., <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html>, дата обращения: 17.01.2022) [Там же].

Ответ респондента М11:

— *Милейший, я бы не кричал лозунги, если б за ними ничего не было. Погулите немножечко и возвращайтесь. Побеседуем.*

Предложение респондента дать время коммуниканту-агрессору на разъяснение спорных вопросов самостоятельно, отказ от объяснений,

которые могут быть восприняты агрессором как повод для развития конфликта, иллюстрируют реализацию тактики дистанцирования.

В 4 % случаев реализации тактики дистанцирования респонденты, получившие сообщения коммуниканта-агрессора, прибегали к апеллированию к общим, известным всем данным, отстраняясь, таким образом, от авторства высказываемых идей и транслируемых данных, а значит, снимали с себя ответственность, отказываясь объяснять что-либо агрессору.

(5) Провоцирующая реплика:

— *То, что ты накалякал...* (см. начальную реплику из примера (1)).

Ответ респондента Ж63:

— *У меня нет власти, чтобы кого-то переубеждать. Есть известные всем факты, а когда не хочется их видеть, то все «высосано из пальца».*

Апеллирование к «известным всем фактам», пусть и иллюзорным в рамках данного сообщения, позволяют респонденту не развивать зарождающийся конфликт.

Тактика акцентирования плюрализма, наблюдаемая в 13 % ответов от общего количества всех ответов респондентов, сводилась к попытке опрашиваемых при формировании ответного сообщения собеседнику-агрессору подчеркнуть право каждого на оригинальное мышление и своеобразный поход, что не должно ставиться окружающим в упрек и не является основанием умалять их достоинство. Ярким примером реализации данной тактики является предложенный ниже ответ респондента, напоминающий агрессору о праве каждого на собственное мышление.

(6) Провоцирующая реплика:

— *Я так понимаю, Вы себя причисляете к пиплам, которые сайенс? Seriously? Это верующие-то масочники, ковид-паникеры, рекламирующие фуфлупидемию — сайенс? Слово, штоле, понравилось?* (комментарий от 29.12.2020 г., <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html>, дата обращения: 17.01.2022) [Там же]

Ответ респондента Ж52:

— *У каждого свое мнение на этот счет.*

Минимальной частотой использования анкетировемыми характеризуется тактика смены темы (4 % ответов от общего количества всех ответов респондентов). Предполагаем, объясняется это тем фактом, что несоответствие публикуемого сообщения заданной агрессором теме — попытка увести разговор от зарождающегося конфликта — легко разгадывается провокатором и может спровоцировать ответную волну агрессии.

(7) Провоцирующая реплика:

— *Этот человек бесцеремонно врёт. Сначала распространял враньё про Канаду, теперь про Данию. Перестаньте врать. Ведь эта информа-*

ция легко проверяется (комментарий от 27.03.2020 г., <https://chervonec-001.livejournal.com/3210557.html>, дата обращения: 26.01.2022) [Там же]

Ответ респондента Ж4:

— Почему же врать? Значит мы смотрим разные источники информации. Давайте сменим тему.

3.2. Стратегия вежливости (наблюдалась в 21,5 % ответов респондентов)

Второй по частотности применения респондентами стала стратегия вежливости, реализуемая через тактику благодарности, тактику совета, тактику извинения и тактику предложения помощи.

Благодарность в анализируемых ответах, предлагаемых анкетированными, реализовывалась в виде определенных клишированных средств и представляла собой некоторую «официальную положительную оценку труда, деятельности кого-либо», демонстрацию «чувства признательности за сделанное добро, оказанное внимание, услугу» [Кузнецов, 1998, с. 81].

(8) Провоцирующая реплика:

— Спасибо, что поделились своим ценным мнением. Но я предпочитаю результаты лабораторных исследований доктора Ризоли и университетов Стэнфорда, Корнелла и Калифорнии (комментарий от 13.03.2021 г., <https://subjecthistory.livejournal.com/10498.html>, дата обращения: 26.01.2022) [AA]

Ответ респондента Ж17:

— Благодарю Вас за комментарий и совет. Я обязательно ознакомлюсь с данными исследованиями.

Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров называют благодарность наряду с приветствием, просьбой, призывом к откровенности, ритуалом обсуждения цены при частной покупке, соболезнованием, недовольством, «сообщением о» плохом самочувствии, говорением комплиментов, демонстрацией дружелюбия (или враждебности), ухаживанием, энтузиазмом (или сдержанностью) по поводу определенного предложения, приглашением, советованием, запрещением (или разрешением) и т. д., то есть с любым «регулярно повторяющимся (итеративным) “фрагментом социальной жизни”» — «типичной рече-поведенческой ситуацией» [Верещагин и др., 2005, с. 523].

Продолжая рассуждение о рече-поведенческих тактиках, ученые утверждают, что «понятие рече-поведенческой тактики, противопоставляемое понятию рече-поведенческой стратегии, определяется через смежные понятия типичной рече-поведенческой ситуации и перлокутивной цели» [Верещагин и др., 2005, с. 523], и предлагают следующее определение рече-поведенческой тактики: «Рече-поведенческая тактика — это (в границах определенной рече-поведенческой ситуации) однородная по интенции

и реализации линия поведения коммуниканта-1, входящая в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта» [Верещагин и др., 2005, с. 525].

Тактика благодарности, применяемая анкетлируемыми в 9 % ответов от общего количества всех ответов респондентов, заключалась в установлении некоторых границ в общении с собеседником-агрессором, в определении условий, при которых возможно данное общение.

6 % ответов от общего количества ответов, предлагаемых респондентами, являются примерами реализации тактики совета, которую Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров также относят к числу «типичных рече-поведенческих ситуаций» [Верещагин и др., 2005, с. 523].

Воспринимая критику своей позиции со стороны собеседника-агрессора как проблемную ситуацию, которую необходимо преодолеть, некоторое недопонимание, которое необходимо разъяснить, коммуникант предлагает определенные рекомендации, чтобы сгладить неприятность.

(9) Провоцирующая реплика:

— *Фактом своего существования...* (см. начальную реплику из примера (2)).

Ответ респондента Ж29:

— *Если Вам каким-то образом мешают непривитые, то лучше перестать контактировать с незнакомыми людьми. Мне кажется, стоит терпимее относиться к страху людей перед перспективой введения в организм чужеродного белка. Тем более, что вакцина еще недостаточно испытана:)*

В 4 % ответов от общего количества анкет предлагалось применение тактики извинения. Агрессия в собственный адрес, вину за которую коммуникант возлагает на самого себя, вынуждает его для сохранения гармонии в общении с собеседником-агрессором приносить извинения агрессору. Как отмечает Е. В. Артамонова, «системообразующим концептом светской просьбы о прощении и принесения извинения является концепт ВИНА, связанный с нарушением норм общественного поведения» [Артамонова, 2008, с. 14]. Стоит отметить, что причина появления конфликтных сообщений, на которые по заданию опроса необходимо было ответить респондентам, не связана с нарушением ими (респондентами) норм общественного поведения. Потому, согласимся с Е. В. Артамоновой, утверждающей, что применение тактики извинения «может быть обусловлено типом языковой личности» [Там же, с. 16], может представлять собой «побуждение, направленное на удовлетворение социальных ожиданий окружающих» [Там же, с. 14], служить «вежливым знаком внимания к окружающим, в которых не выражаются чувства адресанта» [Артамонова, 2008, с. 16].

(10) Провоцирующая реплика:

— *Этот человек бесцеремонно врёт...* (см. начальную реплику из примера (7)).

Ответ респондента Ж65:

— *Приношу свои извинения, если Вы не удостоверились в этих данных. Скорее всего произошла ошибка.*

Признание вины за сложившееся непонимание и ненамеренность случившегося направлены на снижение степени агрессивности собеседника.

2,5 % респондентов склонялись к применению тактики предложения помощи.

(11) Провоцирующая реплика:

— *Я. Понятия. Не. Имею. Что. ВАС. По вашему. Мнению. Спасает. От чего.*

И я понятия не имею, что у вас получается.

ТАК ПОНЯТНО? (комментарий от 28.10.2021 г., <https://scinquisitor.livejournal.com/195637.html?page=2>, дата обращения: 21.01.2022) [Там же]

Ответ респондента Ж31:

— *Давайте попробуем повторно разобраться в ситуации, возможно тогда Вы сможете меня понять. Сейчас я прикреплю пруфы, и мы продолжим общение.*

Восприятие деструктивного речевого поведения собеседника как реакции на какую-либо трудность провоцирует адресата оказать содействие, что, в отличие от высказывания совета, проявляется в готовности совершать необходимые шаги на пути к решению проблемы.

3.3. Стратегия подчинения (наблюдалась в 17 % ответов респондентов)

Следующей по частотности выбора респондентами стала стратегия подчинения, реализуемая через тактику уступки и тактику укрепления авторитета агрессора.

Тактика уступки, реализуемая в 14 % ответов от общего количества ответов, предлагаемых респондентами, реализовывалась двумя способами. В первом случае уступка означала полное согласие с агрессором и принятие его мнения.

(12) Провоцирующая реплика:

— *«Бла-бла-бла, мистер Андерсон»...* (см. начальную реплику из примера (4)).

Ответ респондента Ж12:

— *Хорошо, я изучу больше публикаций по данному вопросу. В следующий раз мне действительно стоит быть осмотрительнее. Насчет книг — отличная идея, давайте организуем книжный клуб онлайн!*

Отказ от защиты собственных интересов и аргументации своей позиции позволяет уйти от открытой конфронтации, нивелировать провоцируемый конфликт. Как отмечает Г. П. Берзина, «коммуникант, принимающий речевую тактику односторонней уступки, жертвует личными интересами в пользу интересов собеседника, другими словами, направленность на личные интересы при такой речевой тактике низкая, а оценка интересов соперника высокая, отдается приоритет межличностным отношениям» [Берзина, 2014, с. 35].

Вторым приемом реализации уступки была уступка-компромисс, вынужденная уступчивость собеседника, «уступка-смягчение несогласия» [Берзина, 2014, с. 35].

(13) Провоцирующая реплика:

— «Бла-бла-бла, мистер Андерсон»... (см. начальную реплику из примера (4)).

Ответ респондента М3:

— *Я не кричу какие-то, как Вы говорите, лозунги, я выражаю свое мнение. Но не исключаю, что Вы окажетесь правы. Давайте попробуем разобраться вместе.*

В предлагаемом примере (13) наблюдаем, что, применяя прием «уступка — смягчение несогласия», коммуникант, получивший дискредитирующее сообщение, не демонстрирует абсолютного согласия с позицией, навязываемой агрессором, но приспосабливается к продвигаемому агрессором мнению, не отказываясь категорично.

Тактика укрепления авторитета агрессора, присутствующая в 3 % ответов от общего количества ответов, предлагаемых респондентами, заключалась в таком речевом поведении собеседника, при котором в случае получения сообщения, содержащего открытую провокацию конфликта, адресат вместо выстраивания защитной реакции, обращался к агрессору с просьбой помочь и порекомендовать верное, на его взгляд, поведение, мнение, идею.

(14) Провоцирующая реплика:

— *Этот человек бесцеремонно врёт...* (см. начальную реплику из примера (7)).

Ответ респондента Ж39:

— *Не имею цели дезинформировать кого-либо. Я могу посоветоваться с Вами в дальнейшем?*

3.4. Стратегия убеждения (наблюдалась в 11 % ответов респондентов)

В наименьшей степени по частотности представления в ответах респондентов на конфликтопровоцирующие сообщения проявилась стратегия убеждения.

О. С. Иссерс, описывая специфику убеждения и сравнивая его с уговариванием, отмечает, что «убеждение направлено на разум человека» [Иссерс, 2008, с. 142], «социальный и психологический уровень общения при убеждении совпадают» [Иссерс, 2008, с. 145], то есть отсутствует «фактор 'насилия над волей адресата'» [Иссерс, 2008, с. 145]. Отметим, что при изучении ответов, предлагаемых респондентами на сообщения конфронтационного характера, обозначились две ярко проявляющиеся в рассматриваемом материале тактики: тактика рассуждения (выбранная в 6 % ответов респондентов), отличающаяся минимальным количеством приводимых доводов и построенная на предположениях (пример (15)), и тактика аргументации (к ней отсылают 5 % ответов респондентов) (пример (16)). Отметим, что, кроме прочего, участники опроса предложили также прием комплимента, который вслед за О. С. Иссерс отнесем к приемам реализации тактик уговаривания [Иссерс, 2008, с. 180].

(15) Провоцирующая реплика:

— *Фактом своего существования...* (см. начальную реплику из примера (2)).

Ответ респондента Ж44:

— *Мне кажется неподходящей формулировка «мешают». Возможно, Вы имели ввиду то, что опасаетесь их. Но я, к сожалению, не обладаю достоверными подтвержденными данными и опираюсь исключительно на собственное суждение. В такие времена тяжело доверять какому-либо определенному средству информации.*

(16) Провоцирующая реплика:

— *То, что ты накалял...* (см. начальную реплику из примера (1)).

Ответ респондента М7:

— *Окей, вот другое подтверждение ([ссылка]). А вот и еще одно ([ссылка]). Ознакомься, и продолжим)*

Продemonстрируем в виде таблицы некоторые выводы, полученные нами в процессе изучения ответов респондентов, полученных в ходе независимого анкетирования, в котором одним из заданий было формулирование собственного ответа на предложенное агрессивное сообщение таким образом, чтобы исключить развитие конфликта и вместе с тем продолжить общение с адресантом (табл. 1).

4. Заключение = Conclusions

Проведенный независимый опрос респондентов, изучение полученных ответов и подсчет данных определили четыре коммуникативные стратегии, используемые респондентами с целью предупреждения конфликтного взаимодействия в ответах на полученные агрессивные сообще-

Таблица 1

Коммуникативные стратегии и тактики, используемые респондентами
для предупреждения развития конфликтного взаимодействия

Коммуникативные стратегии и тактики, используемые респондентами для гармонизации общения	Распространенность в ответах респондентов
<i>Стратегия самозащиты</i>	50,5 %
Тактика дистанцирования	33,5 %
Тактика акцентирования плюрализма	13 %
Тактика смены темы	4 %
<i>Стратегия вежливости</i>	21,5 %
Тактика благодарности	9 %
Тактика совета	6 %
Тактика извинения	4 %
Тактика предложения помощи	2,5 %
<i>Стратегия подчинения</i>	17 %
Тактика уступки	14 %
Тактика укрепления авторитета агрессора	3 %
<i>Стратегия убеждения</i>	11 %
Тактика рассуждения	6 %
Тактика аргументации	5 %

ния. Наиболее популярной стратегией выступила стратегия самозащиты, реализуемая тактикой дистанцирования, тактикой акцентирования плюрализма, тактикой смены темы. Проведенное исследование подтвердило положение, высказанное О. С. Иссерс, согласно которому «решение коммуникативной задачи допускает несколько способов (ходов)» [Иссерс, 2008, с. 52]. В частности, тактика дистанцирования в полученных ответах проявлялась в виде обращения к собеседнику-агрессору, дискредитирующему коммуниканта, с просьбой предоставить доказательства и обосновать выдвигаемую позицию, в виде шутки, отказа от объяснения своей позиции, апеллирования к общим, известным всем данным.

Следующей по частотности проявления можно обозначить стратегию вежливости, воплощаемую в тактике благодарности, тактике совета, тактике извинения, тактике предложения помощи. Третьей по популярности в ответах респондентов проявилась стратегия подчинения, осуществляемая через тактику уступки (полное согласие с агрессором и принятие его мнения; уступка-компромисс — вынужденная уступчивость собеседника, приспособление к продвигаемому агрессором мнению), тактику укрепления авторитета агрессора. В меньшей степени респондентами была

использована стратегия убеждения, реализуемая с помощью тактики рассуждения и тактики аргументации. Полагаем, что неиспользование стратегии убеждения для предупреждения развития конфликтной ситуации объясняется осознанием респондентами высокой манипулятивной функции названной стратегии и их обеспокоенностью возможным установлением факта манипулирования и коммуникантами-агрессорами, что может спровоцировать развитие конфликта.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.
2. Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. — Москва : Издательство ИКАР, 2009. — 448 с. — ISBN 978-5-7974-0207-7.
3. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — 1586 с. — ISBN 5-7711-0015-3.

Литература

1. Артамонова Е. В. Жанры русской речи : исповедь, просьба о прощении, принесение извинения : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Артамонова. — Казань, 2008. — 18 с.
2. Берзина Г. П. Систематизация речевых тактик уступительного дискурса / Г. П. Берзина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 5 (35) : в 2-х ч. — Ч. I. — С. 34—39.
3. Верещагин Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции : лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — Москва : «Индрик», 2005. — 1040 с. — ISBN 5-85759-289-5.
4. Гукосьянц О. Ю. Некоторые маркеры конфликтопровоцирующей интенции авторов интернет-комментариев в период пандемии COVID-19 / О. Ю. Гукосьянц // Медиалингвистика. — 2023. — № 10 (3). — С. 301—318. — DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.302>.
5. Гукосьянц О. Ю. Тактики развёртывания конфликта в интернет-коммуникации периода пандемии COVID-19 / О. Ю. Гукосьянц, О. А. Алимурадов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2023. — № 1. — С. 58—66. — DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-58-66.
6. Дзараева Н. А. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения виртуального дискурса (на примере анализа текстов социальных сайтов) / Н. А. Дзараева, Е. А. Смирнова // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. — 2017. — № 13. — С. 35—42.
7. Зайцева Т. А. Управление конфликтами в сфере средств массовой информации (региональный аспект) : автореферат диссертации ... кандидата социологических наук : 22.00.08 / Т. А. Зайцева. — Белгород, 2003. — 22 с.

8. Иванова Д. В. Речевые способы преодоления конфликта (на материале русского и английского языков) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Д. В. Иванова. — Саратов, 2010. — 21 с.

9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с. — ISBN 978-5-382-00698-7.

10. Кронгауз М. А. Оценка как конституирующий компонент конфликтной коммуникации / М. А. Кронгауз // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. — Тезисы докладов международной научной конференции. Екатеринбург, 15—17 октября 2019 года. — Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2019. — С. 33—34.

11. Рогожникова Р. А. Практика разрешения и предупреждения конфликтов / Р. А. Рогожникова, А. А. Васильев // Народное образование. — 2018. — № 10. — С. 139—143.

12. Сейранян М. Ю. Конфликтный дискурс : социолингвистический и прагматический аспекты / М. Ю. Сейранян. — Москва : Издательство «Прометей», 2012. — 96 с. — ISBN 978-5-7042-2286-6.

13. Тармаева В. И. Тактики, используемые для разрешения конфликтных ситуаций в социальных сетях / В. И. Тармаева, В. С. Нарчук // Russian Linguistic Bulletin. — 2020. — № 1 (21). — С. 81—85. — DOI: 10.18454/RULB.2020.21.1.25.

14. Gjerazi B. Media and communication strategies for Conflict Prevention and Resolution / B. Gjerazi // Interdisciplinary Journal of Research and Development. — 2023. — No. 10 (2). — Pp. 52—59. — DOI: 10.56345/ijrdv10n207.

15. Paakki H. Disruptive online communication : how asymmetric trolling-like response strategies steer conversation of the track / H. Paakki, H. Vepsäläinen, A. Salovaara // Computer Supported Cooperative Work (CSCW). — 2021. — № 30 — Pp. 425—461. — DOI: <https://doi.org/10.1007/s10606-021-09397-1>.

Статья поступила в редакцию 26.11.2023,
одобрена после рецензирования 12.12.2023,
подготовлена к публикации 22.01.2024.

Material resources

AA — *Archive of authors*. (In Russ.).

Azimov, E. G., Shchukin, A. N. (2009). *A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)*. Moscow: IKAR Publishing House. 448 p. ISBN 978-5-7974-0207-7. (In Russ.).

Kuznetsov, S. A. (1998). *A large explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint. 1586 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).

References

Artamonova, E. V. (2008). *Genres of Russian speech: confession, request for forgiveness, apology*. Author's abstract of PhD Diss. Kazan. 18 p. (In Russ.).

Berzina, G. P. (2014). Systematization of speech tactics of concessional discourse. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 5 (35): in 2 hours / I: 34—39. (In Russ.).

Dzaraeva, N. A., Smirnova, E. A. (2017). Communicative strategies and tactics in conflict situations of virtual discourse communication (on the example of text analysis of social

- sites). *Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages*, 13: 35—42. (In Russ.).
- Gjerazi, B. (2023). Media and communication strategies for Conflict Prevention and Resolution. *Interdisciplinary Journal of Research and Development*, 10 (2): 52—59. DOI: 10.56345/ijrdv10n207.
- Gukosiants, O. Yu. (2023). Some markers of the conflict-provoking intention of the authors of Internet comments during the COVID-19 pandemic. *Media linguistics*, 10 (3): 301—318. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.302>. (In Russ.).
- Gukosiants, O. Yu., Alimuradov, O. A. (2023). Tactics of conflict deployment in Internet communication during the COVID-19 pandemic. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 1: 58—66. DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-58-66. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2008). *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Moscow: LKI Publishing House. 288 p. ISBN 978-5-382-00698-7. (In Russ.).
- Ivanova, D. V. (2010). *Speech methods of overcoming conflict (based on the material of the Russian and English languages)*. Author's abstract of PhD Diss. Saratov. 21 p. (In Russ.).
- Krongauz, M. A. (2019). Assessment as a constitutive component of conflict communication. In: *Axiological aspects of modern philological research. Abstracts of the reports of the international scientific conference. Yekaterinburg, October 15—17, 2019*. Yekaterinburg: Azhur Publishing House. 33—34. (In Russ.).
- Paakki, H., Vepsäläinen, H., Salovaara, A. (2021). Disruptive online communication: how asymmetric trolling-like response strategies steer conversation of the track. *Computer Supported Cooperative Work (CSCW)*, 30: 425—461. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10606-021-09397-1>.
- Rogozhnikova, R. A., Vasiliev, A. A. (2018). Practice of conflict resolution and prevention. *National education*, 10: 139—143. (In Russ.).
- Seyranyan, M. Yu. (2012). *Conflict discourse: sociolinguistic and pragmalinguistic aspects*. Moscow: Prometheus Publishing House. 96 p. ISBN 978-5-7042-2286-6. (In Russ.).
- Tarmaeva, V. I., Narchuk, V. S. (2020). Tactics used to resolve conflict situations in social networks. *Russian Linguistic Bulletin*, 1 (21): 81—85. DOI: 10.18454/RULB.2020.21.1.25. (In Russ.).
- Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (2005). *Language and culture. Three linguistic and cultural concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientems*. Moscow: Indrik. 1040 p. ISBN 5-85759-289-5. (In Russ.).
- Zaitseva, T. A. (2003). *Conflict management in the field of mass media (regional aspect)*. Author's abstract of PhD Diss. Belgorod. 22 p. (In Russ.).

*The article was submitted 26.11.2023;
approved after reviewing 12.12.2023;
accepted for publication 22.01.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(1), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Никонова Е. А. Типы аргументации в «editorial» / Е. А. Никонова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 159—176. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-159-176.

Nikonova, E. A. (2024). Types of Argumentation in Editorials. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 159-176. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-159-176. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-159-176

Типы аргументации в «editorial»

Никонова Екатерина Андреевна

orcid.org/0000-0001-9260-4554

кандидат филологических наук,

доцент кафедры английского языка № 3

ekatnikon2014@yandex.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)

Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Types of Argumentation in Editorials

Ekaterina A. Nikonova

orcid.org/0000-0001-9260-4554

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of English No. 3

ekatnikon2014@yandex.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Никонова Е. А., 2024

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется аргументация в жанре «editorial». Была поставлена задача определить частотность использования различных типов аргументации в жанре, что может пролить свет на соотношение объективного и субъективного в жанре. Выявлено, что в «editorial» присутствует баланс сильной и слабой аргументации — 41 % и 55,6 % соответственно (на неполноценную аргументацию приходится 3,4 %). Доминирование слабой аргументации объясняется спецификой жанра «editorial»: он нацелен на презентацию мнения редакции и воздействие на читателей. Исследуемый жанр является мощным инструментом ведения медиа-войн и влияния на убеждения и ценности в обществе. Минимальный процент неполноценной аргументации свидетельствует о стремлении воздержаться от неприкрытой манипуляции. Значительный процент сильной аргументации для жанра типа «мнение» также объясняется функциональным аспектом «editorial»: жанр транслирует институциональное мнение, подразумевающее влияние на общественные взгляды, поэтому важно поддерживать авторитет и высокий уровень достоверности предоставляемой информации. В качестве сильных аргументов выделены ссылки на факты; данные из авторитетного источника, в том числе статистика; результаты экспериментов; ссылки на общественное мнение; здравый смысл. Среди слабых аргументов выделены доводы личного характера; догадки, прогнозы и интуиция; ссылки на источники, не являющиеся непреложным авторитетом в данной области; выводы на основе неполных статистических данных и фактов, связь между которыми не очевидна.

Ключевые слова:

редакционная статья; жанры СМИ; мнение; аргументация.

REVIEW ARTICLES

Abstract:

This article explores argumentation in the genre of editorials. The objective was to determine the frequency of different types of argumentation used in this genre, which can shed light on the balance between objective and subjective elements. It was found that editorials exhibit a balance between strong and weak argumentation, with 41% and 55.6% respectively (3.4% accounted for insufficient argumentation). The dominance of weak argumentation can be attributed to the specific nature of editorials, which aim to present the editorial board's opinion and influence readers. The genre under study is a powerful tool in media warfare and shaping societal beliefs and values. The minimal percentage of insufficient argumentation indicates a desire to refrain from overt manipulation. The relatively high percentage of strong argumentation in a genre categorized as 'opinion' is also explained by the functional aspect of editorials: since the genre transmits institutional opinions with the intention of influencing public views, it is necessary to maintain authority and a high level of credibility in the information provided. Strong arguments in this genre include references to facts, data from authoritative sources including statistics, experimental results, references to public opinion, and common sense. Weak arguments include personal opinions, speculations, predictions, intuition, references to sources that are not definitive authorities in the field, conclusions based on incomplete statistical data and facts with no obvious connection.

Key words:

editorial; media genres; opinion; argumentation.

Типы аргументации в «editorial»

© Никонова Е. А., 2024

1. Введение = Introduction

В основе современной жанровой системы СМИ лежит дихотомия «объективный — субъективный», что порождает противопоставление информационных и публицистических жанров, новостной журналистики и журналистики мнения, аналитики и нарративного анализа и т. д. Таким образом, все журналистские жанры, так или иначе, рассматриваются через призму проявления в них объективных и субъективных факторов. В этой связи особый интерес представляет анализ аргументации в жанрах СМИ, поскольку здесь она характеризуется «двунаправленностью», то есть может как выступать в качестве средства обоснования информации на основе аналитической деятельности автора, так и быть инструментом воздействия и пропаганды. В фокусе нашего исследования находится жанр «editorial». Обращение к данному жанру в рамках нашего исследования объясняется спецификой его функциональной направленности. С одной стороны, «editorial» ориентирован на изложение коллективного мнения редакции по обсуждаемому вопросу и характеризуется «явной и характерной нацеленностью на убеждение» [Firmstone, 2019]. С другой стороны, «editorial» призван транслировать авторитетное мнение, которое не может базироваться исключительно на субъективных данных, в связи с чем представляется, что в данном жанре должен обнаружиться некий баланс объективной и субъективной аргументации. Цель данного исследования — установить типы аргументации в жанре «editorial», для чего будет проведен последовательный анализ типов аргументов в текстах такого типа путем сплошной выборки. Новизна исследования заключается в детальном исследовании использования различных типов аргументов в «editorial».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Эмпирическим материалом исследования послужили 55 публикаций «editorial» качественной англоязычной прессы, представленных в таких изданиях, как «The Economist», «The Washington Post», «The Guardian», «The New York Times» за 2020—2023 гг.

Для определения типа аргументации использовались такие методы, как прагмалингвистический, когнитивно-семантический анализ и методы дискурсивного анализа. При определении соответствия высказывания истинному положению дел применялся логико-семантический анализ.

На сегодняшний день отсутствует исчерпывающее описание текстотипа «editorial». Существующие исследования, затрагивающие специфику данного жанра, либо носят описательный характер и оставляют в стороне вопрос его статуса и выработку универсальных жанрообразующих черт (см. Н. Katajamäki [Katajamäki, 2009], S. M. Hallock [Hallock, 2007], J. Firmstone [Firmstone, 2019]), либо имеют междисциплинарный характер (например, выполнены на пересечении лингвистики и политологии [Kahn et al., 2002; Firmstone, 2008]) и дают избирательную характеристику текстотипа, необходимую для проведения анализа, базирующегося на нелингвистической методологии. В рамках данного исследования будем придерживаться мнения, что «editorial» является разновидностью жанра «мнение», для которого характерны такие черты, как разговорная речь, аргументативность, использование индивидуально-авторских номинации, интертекстуальность, эмоциональный язык. Также в основе мнения лежат дискурсивные практики рекомендации и прогноза. Отличительной чертой жанра «editorial» является специфический характер представленного мнения, которое нацелено не на выражение точки зрения и оценок журналиста / автора, а на трансляцию мнения редакции газеты / журнала. Иначе говоря, мнения в «editorial» носят институциональный характер, что во многом определяет стилевые характеристики субжанра: повествование ведется от коллективного автора, наблюдается отсутствие личных историй и ссылок на индивидуальный опыт. Кроме того, «editorial» нацелен на трансляцию не мнения как такового, а мнения, которое может оказать влияние на общественные ценности и позиции, в связи с чем автор призван быть избирательным при отборе средств аргументации и избегать «откровенного» (эксплицитного) воздействия на читателя.

При анализе аргументации применялись положения, выработанные в рамках неформальной логики [Blair et al., 1987]. Согласно данному подходу аргументация трактуется как рациональная процедура обоснования каких-либо суждений, то есть рациональная основа аргументации должна быть понятной как аргументатору, оппоненту, так и любому другому заинтересованному лицу. В случае если в основе построения аргументации лежит не критерий логичности, достоверности и рациональности, а «дескриптивное понимание элементов, которые вносят вклад в убеждающий эффект дискурса» [Гудкова, 2009, с. 22], то данная аргументация рассматривается нами как неполноценная или неадекватная. В соответствии

с данными теоретическими положениями при проведении анализа *аргументов* будем исходить из их классификации на **сильные, слабые и несостоятельные**. Под сильными аргументами понимаются универсальные / рациональные аргументы [Ивин, 2022, с. 29], которые исключают какую-либо двусмысленность или интерпретативность; их невозможно опровергнуть или опровергнуть. В свою очередь слабые аргументы эффективны только в отношении определенной аудитории, они могут вызвать сомнения в состоятельности. Несостоятельные аргументы представляют собой пример недобросовестной аргументации, рассчитанной на недостаточную осведомленность аудитории [Ефремов, 2020, с. 39].

3. Результаты исследования = Results and Discussion

Результаты исследования показали наличие определённого баланса между сильной и слабой аргументацией в жанре «editorial» (табл. 1): на каждый тип приходится 41 % и 55,6 % всех средств аргументации соот-

Таблица 1

Типы и частотность употребления сильной и слабой аргументации
в жанре «editorial»

Сильная (рациональная) аргументация		Слабые аргументы	
Типы аргументов	Частота употребления, %	Типы аргументов	Частота употребления, %
Ссылки на факты	13%	Ссылки на источник, не выступающий в роли непреложного авторитета в данной области	4,7 %
Данные, предоставленные авторитетным источником, в том числе статистические данные	17 %	Доводы личного характера	21 %
Результаты экспериментов и экспертные заключения	1,5 %	Догадки, прогнозы, интуиция	16,5 %
Ссылки на общественное мнение	4 %	Выводы, основанные на неполных статистических данных и на фактах, связь между которыми неочевидна	13,4 %
Здравый смысл	5,5 %		
Всего:	41 %		55,6 %

ответственно. Неполноценная аргументация занимает 3,4 % (нами не будет подробно рассматриваться типология неполноценной аргументации, так как представляется невозможным ее структурировать, поскольку ее типы разнообразны и во многом зависят от целевой аудитории статьи и авторского стиля).

3.1. Разновидности сильных аргументов в жанре «editorial»

Данные, представленные авторитетным источником, являются наиболее распространенным видом сильной аргументации в жанре «editorial» (представлены практически в половине случаев). При анализе данного типа аргумента важно убедиться в высоком уровне доверия как отправителя, так и получателя сообщения к источнику информации. В противном случае аргумент рассматривается как относительно достоверный и причисляется к способам слабой аргументации. Так, в статье «The Guardian view on ultra-processed food: blame business, not consumers» автор утверждает, что в большей части пищевой продукции в Англии и США используются ультра-обработанные продукты. В подтверждение этой мысли автор приводит ссылку на мнение «доктора Криса», известного британского врача и телеведущего, освещающего вопросы питания и здоровья для широкой аудитории.

Sometimes UPF looks like junk food — obviously artificial and high in salt, fat and sugar. But it often comes in reassuring forms such as soup, muesli or yoghurt. “Almost every food that comes with a health claim on the packet is a UPF,” notes Dr. Chris van Tulleken drily in Ultra-Processed People, one of several recent books on the subject [The Guardian view on ultra-processed food: blame business not consumers, 13th August 2023] // В некоторых случаях ультра-обработанные продукты похожи на нездоровые продукты питания, то есть очевидно содержат искусственные добавки и много соли, жира и сахара. При этом они часто продаются в форме, внушающей доверие, такой как суп, мюсли или йогурт. «Почти каждый продукт, на упаковке которого заявлено о здоровом питании, является ультра-обработанным продуктом», — отмечает доктор Крис ван Таллекен, написавший книгу «Сверхобработанные люди», которая является не первой его работой на эту тему (здесь и далее перевод наш. — Е. Н.).

По мнению доктора Криса, большая часть продуктов, на упаковке которых имеется маркировка о «здоровом питании», в действительности являются ультра-обработанными продуктами. Данное мнение объективируется в книге доктора Криса — высококвалифицированного ученого и практикующего врача — «Сверхобработанные люди», в которой автор приводит подробный анализ и статистические данные в отношении продуктов, представленных в супермаркетах Великобритании. Доктор Крис

широко известен, хорошо знаком англоязычным читателям, и его труды являются примером надежного источника информации.

Достаточно частотны случаи, когда в качестве аргумента данного типа приводится статистика. Цифры действительно обладают существенным убеждающим эффектом, поскольку могут оказывать «неотразимое воздействие и на сознание, и на воображение», обладают «авторитетом точности и беспристрастности» [Кара-Мурза, 2005, с. 268]. При этом сегодня в масс-медиа цифры все чаще используются не как объективный показатель, а как способ манипулировать аудиторией [Чиверс и др., 2022, с. 56], поэтому в случае рассмотрения статистических данных как сильного аргумента важно учитывать не только источник статистических данных, но и способ сбора данных / ведения подсчетов. В качестве примера рассмотрим статью «The Guardian view on the rise in school absences», в которой для подтверждения факта роста пропуска занятий школьниками автор приводит статистические данные:

The proportion of pupils classified as persistently absent (missing more than one in 10 lessons) has more than doubled in England since the pandemic. From 10.9 % in 2018—19, it rose to 22.3 % in 2022—23. Data in Northern Ireland, Scotland and Wales is collected separately because education is devolved, but indicates a similar trend [The Guardian view on the rise in school absences: a crisis made in government, 24th September 2023] // Доля учеников, которые стабильно отсутствуют (пропускают более одного из десяти занятий), увеличилась более чем в два раза с начала пандемии. В 2018—19 годах этот показатель составлял 10,9 %, к 2022—23 годам он увеличился до 22,3 %. Данные по Северной Ирландии, Шотландии и Уэльсу собирались отдельно, поскольку системы образования в Соединенном Королевстве децентрализованы, но при этом везде обнаруживается одинаковый тренд.

В данном примере автор утверждает, что в Великобритании наблюдается увеличение роста пропуска школы учениками в два раза, при этом приводится точная статистика, на источник которой дается гиперссылка: Outwood Grange Academies Trust — мультиакадемический фонд, работающий в тесной взаимосвязи с Министерством образования Великобритании и представляющий собой надежный источник информации. Кроме того, автор вносит уточнение относительно специфики сбора данных: статистика по Северной Ирландии, Шотландии и Уэльсу собиралась отдельно, поскольку система образования находится в этих королевствах в компетенции собственных департаментов. Таким образом, автор снимает возможные вопросы относительно точности и надежности представляемых данных.

Ссылки на факты также являются достаточно распространенным типом сильной аргументации в «editorial»: они встречаются в 13 % случаев:

Yet as we explain this week (see Business section) it is in China, not the West, where the future of e-commerce is being staked out. Its market is far bigger and more creative, with tech firms blending e-commerce, social media and razzmatazz to become online-shopping emporia for 850m digital consumers [Why retailers everywhere should look to China, 2nd January 2022, p. 7] // Однако, как мы поясняли на этой неделе (см. раздел «Бизнес»), Китай, а не Запад «застолбил» за собой ведущее место в электронной коммерции. Его рынок гораздо больше и креативнее, а технологические компании сочетают электронную коммерцию, использование социальных медиа и инструменты воздействия для того, чтобы стать империей онлайн-шопинга с 850 млн потребителей в сети.

В анализируемой статье автор придерживается позиции, что наибольшее развитие онлайн-коммерция получит именно в Китае. В качестве аргумента автор ссылается на общеизвестный факт: Китай обладает самым большим и открытым к инновациям рынком. Данное утверждение не нуждается в дополнительном обосновании и объективации, поскольку закреплено как истинное в массовом сознании. В этой связи вывод о том, что онлайн-продажи товаров будут наиболее популярны и распространены в Китае, является обоснованным.

Аргумент к здравому смыслу — это «обращение с целью поддержки выдвигаемого положения к чувству здравого смысла, несомненно, имеющемуся у аудитории» [Ивин, 2022, с. 148]. И хотя здравый смысл по своей сути не является истинным знанием, а представляет собой присущее любому человеку чувство истинности и справедливости, которое приобретаетс с жизненным опытом [Там же], тем не менее, обращаясь к здравому смыслу, мы предполагаем определенный уровень рационального сознания [Золотухина-Аболина, 2016]. Отметим, что здравый смысл может выпадать в заблуждения, однако подобные случаи связаны с переходами к новым историческим периодам, порождающим новые представления о здоровом смысле. Соответственно, подобные «заблуждения» интуитивно опознаются большинством людей и не могут использоваться с целью манипуляции общественным сознанием. В связи с этим мы рассматриваем аргумент к здравому смыслу в качестве сильной аргументации; данный тип аргументации встречается в 5,5 % случаях:

The politics of deficit reduction will be toxic. The pandemic will increase calls for lavish spending, not belt-tightening, especially on medical services. Ageing populations mean that there will be surging demand for pension and health spending in the 2030s and 2040s. It will get more expensive to maintain public services, let alone improve them. Politicians who trim benefits for pensioners will be punished by legions of elderly voters. There will be less spare cash to fight fu-

ture crises, such as climate change or even another pandemic [After the decease, the debt, 25th April 2020, p. 7] // Политика сокращения дефицита бюджета будет опасной. Пандемия увеличит необходимость в больших тратах, а не их сокращении, особенно в медицинской сфере. Старение населения означает, что будет наблюдаться рост спроса на пенсии и медицину в 2030-х и 2040-х. Поддержание сектора социальных услуг станет дороже, не говоря уже о том, чтобы его улучшить. Политики, которые делают попытку сократить социальные выплаты пенсионерам, рискуют недополучить их голоса. Будет меньше денег для борьбы с будущими кризисами, такими как изменение климата или еще одна пандемия.

Автор статьи утверждает, что попытки правительства в условиях пандемии сократить дефицит госбюджета могут иметь негативные последствия. В качестве аргументов автор приводит свои рассуждения, базирующиеся на здравом смысле: в пандемию требуются большие расходы на медицину, рост населения пенсионного возраста создает дополнительную нагрузку на бюджет, кроме того, необходимы средства для борьбы с различными кризисами, — все это делает сокращение госбюджета невозможным и опасным для общества. Для объективации данных положений автор не нуждается в приведении статистики, теоретического обоснования или других способах поддержания аргумента, поскольку высказываемая им мысль перекликается с усвоенными обществом представлениями о том, как расходуется бюджет страны в условиях кризисов.

Ссылки на общественное мнение встречаются в 4 % случаев и, как правило, используются в дискуссиях, связанных с вопросами социальной справедливости. В данных случаях любая истина на практике может оказаться «половинчатой» [Шавенко, 2022], в связи с чем апелляция к общественному мнению позволяет сохранить принципы равенства и справедливости, лежащие в основе демократического общества. При этом важно учитывать источник данных, поскольку существуют различные инструменты манипуляции результатами сбора общественного мнения, что ведет к искажению истинного положения дел.

В статье «Vaccine hesitancy is growing. Doctors will have to fight back» автор утверждает, что, несмотря на текущий достаточно высокий показатель вакцинации дошкольников в США, существуют основания опасаться, что увеличится число родителей, отказывающихся от профилактических прививок своим детям. В качестве аргумента автор ссылается на результаты исследования общественного мнения, проведенного Pew Research Center:

The survey by the Pew Research Center of 10,701 U.S. adults conducted between March 13 to 19, published Tuesday, found <...> A surprising 28 per-

*cent of those responding said parents should be able to decide not to vaccinate their children, up 12 points from four years ago [Vaccine hesitancy is growing. Doctors will have to fight back, 17th May 2023] // Исследование **the Pew Research Center**, в котором участвовали 10701 взрослый американец, проведенное с 13 по 19 мая, опубликованное во вторник, выявило <...> Удивительно, но 28 % респондентов считают, что родители должны иметь возможность отказаться от вакцинации детей, что на 12 процентных пунктов больше, чем четыре года назад.*

В данном примере приводится детальная отсылка к исследованию общественного мнения по вопросам вакцинации детей с информацией об исследовательском центре, датах и количестве респондентов, что позволяет читателю найти ресурс, где размещены эти данные, и подробно ознакомиться с результатами научной работы. Что касается исследовательского центра Pew Research Center, непосредственно проводившего исследование, то он является одним из наиболее известных в мире американских исследовательских центров, специализирующихся на социальных вопросах и не аффилированных с политическими партиями, таким образом, уровень доверия к нему в обществе весьма высок. В результате аргумент, содержащий отсылку к данным, представленным Pew Research Center, может быть рассмотрен в качестве инструмента реализации сильной аргументации.

Результаты экспериментов и экспертное заключение представляют собой наименее частотный тип аргументации в «editorial» и встречаются в 1,5 % случаях. Представляется, что редкое привлечение данного типа аргументов связано с тематикой «editorial»: данный текстотип освещает преимущественно социальные и политические вопросы, для которых в меньшей степени актуально проведение экспериментов. Тем не менее для вопросов, находящихся на пересечении социально-политической тематики и экономики, космонавтики, медицины и т. д., в качестве аргумента могут приводиться результаты экспериментов:

Instead of seeing unproven vaccines as an extravagance, the world needs to think of them as an insurance policy. Research suggests that if ten or more vaccines are in development, there is a 90 % chance of finding one which works. Once one of these candidates proves to be effective, billions of doses will need to be distributed quickly. But it is impossible to know in advance which candidate will succeed [The world is spending nowhere near enough on a coronavirus vaccine, August 8th 2020, p. 11—12] // Вместо того чтобы считать несертифицированные вакцины пустой тратой денег, миру необходимо рассматривать их как элемент политики безопасности. Исследование демонстрирует, что если десять и более вакцин находятся в разработке, то вероятность получить ту вакцину, которая работает, составляет 90 %. Как только такие кан-

дидаты будут найдены, необходимо будет произвести миллиарды доз. Но невозможно знать заранее, какая вакцина работает.

В статье «A bigger dose», размещенной в газете «The Economist», автор утверждает, что международному сообществу необходимо вводить в разработку как можно больше вакцин против COVID-19 для обеспечения положительного результата. В качестве аргумента автор ссылается на результаты эксперимента, доказывающего, что для 90 %-ной вероятности создания эффективной вакцины необходимо иметь как минимум 10 вакцин в разработке. Непосредственно в «editorial» отсутствует ссылка на результаты данного исследования, однако в журнале содержится статья «More hard questions», подробно раскрывающая источник полученных данных. Учитывая тот факт, что одной из функций «editorial» является освещение вопросов, поднимаемых в номере, то допустимо подробное разъяснение информации, содержащейся в «editorial», в последующих статьях номера.

3.2. Разновидности слабых аргументов в жанре «editorial»

Доводы личного характера являются самым распространенным типом слабой аргументации и встречаются в 21 % случаях. Данный высокий показатель связан со спецификой «editorial»: жанр нацелен на выражение мнения редакции. Таким образом, доводы личного характера являются неотъемлемой частью данного жанра. Рассмотрим пример реализации данного типа аргумента на примере статьи «No, it's not weak for U.S. officials to visit China»⁷, в которой название является тезисом, доказываемым автором на протяжении всей статьи. Одним из аргументов в поддержку тезиса выступает довод личного характера:

We've argued before about the necessity of enhancing dialogue and keeping channels of communication open, as a way to help de-escalate tensions and avoid the potential danger of a misunderstanding turning into an unintended military mishap. The United States learned that lesson over and over again during the Cold War, in which American officials wisely chose to negotiate with the Soviet Union, a country with which economic and other ties were far less substantial. These planned congressional visits are a good step at resuming the type of dialogues that used to be commonplace [No, it's not weak for US officials to visit China, 13th September 2023] // Ранее мы утверждали, что существует необходимость усиления диалога и поддержания возможностей для коммуникации, что будет способствовать деэскалации, позволит избежать потенциальной опасности превращения недопонимания в непреднамеренные военные действия. Этот урок был усвоен США в период Холодной войны, когда правительство США мудро принимало решение вести переговоры с СССР, страной, с которой экономические и другие связи были

менее важными. Эти запланированные визиты являются хорошим шагом в сторону возобновления диалога, который всегда был обычным делом.

Автор ссылается на свои более ранние статьи, где он уже обосновывал необходимость поддержания отношений между Китаем и США, однако данная мысль в этой статье остается на уровне частного мнения, несмотря на попытки автора объективировать ее путем сравнения текущих отношений США и Китая, а также США и СССР в период холодной войны, и не получает должного обоснования.

Догадки, прогнозы, интуиция встречаются в 16,5 % случаев и, как и доводы личного характера, вытекают из специфики жанра, отличительной чертой которого является выражение прогнозов относительно важных социально-политических вопросов:

*Xinomics has performed well in the short term. The build-up of debt had slowed before covid-19 struck and the twin shocks of the trade war and the pandemic have not led to a financial crisis. State-run firms' productivity is creeping up and foreign investors are pouring cash into a new generation of Chinese tech firms. **The real test, however, will come over time. China hopes that its new techno-centric form of central planning can sustain innovation, but history suggests that diffuse decision-making, open borders and free speech are the magic ingredients*** [Xi Jinping is reinventing state capitalism, August 15th 2020, p. 11] // *Экономическая политика, проводимая Си Цзиньпином, была продуктивной в краткосрочной перспективе. Перед пандемией замедлились темпы увеличения долга, и двойной шок от торговой войны и пандемии не привел к экономическому кризису. Производительность госкомпаний возрастает, и иностранные инвесторы вливают деньги в новое поколение технологических компаний Китая. Однако настоящее испытание еще впереди. Китай надеется, что его новая техноцентристская форма центрального планирования может выдержать инновации, однако история демонстрирует, что волшебными ингредиентами экономического роста являются децентрализованное принятие решений, открытые границы и свобода слова.*

Автор обосновывает стагнацию экономики Китая, основываясь на собственных прогнозах относительно приближающихся сложностей, с которыми придется столкнуться Китаю, и собственном мнении, что демократическая модель принятия решений, открытые границы и свобода слова служат залогом экономического успеха. Автор не приводит анализ экономических показателей экономики Китая, отсутствуют данные о международных экономических трендах и других факторах, способных изменить положение страны, что делает данные аргументы субъективными. Кроме того, на сегодняшний день большинство исследователей сходятся во мне-

нии, что в последние годы, несмотря на экономическую и финансовую войну США против Китая, в стране наблюдается ускорение научно-технологической и военной модернизации [Чез, 2023], а также что Китай в скором времени может стать крупнейшей экономикой мира [Желябовская, 2021]. Таким образом, мнение автора не находится в мейнстриме и представляет собой частную позицию, базирующуюся на догадках и интуиции и не получающую достаточного обоснования.

Выводы, основанные на неполных статистических данных и фактах, связь между которыми не очевидна, встречаются в 13,4 %. Данный тип аргументации представляет собой мощный инструмент манипуляции, поскольку воспринимается читателями как вариант сильной аргументации. Так, например, автор статьи «The Guardian view on the Chinese economy. It looks bad. What we can't see may be worse» утверждает, что сегодня экономика Китая находится в состоянии стагнации. Для подтверждения этой мысли он ссылается на тот факт, что ключевые экономические показатели экономики Китая не достигли поставленных целей:

The country was supposed to rebound after ditching its draconian “zero Covid” policies, but, after an initial revival, things have gone awry. Earlier this month it slipped into deflation. Key indicators, including industrial production, investment and retail sales, came in well below expectations [The Guardian view on the Chinese economy: it looks bad, 21st August 2023] // *Предполагалось, что в стране начнется восстановление после окончания жесткой политики «нулевой COVID», но после небольшого периода восстановления все стало только хуже. Ранее в этом месяце экономика Китая скатилась в дефляцию. Ключевые показатели, включая уровень производства, инвестиции и розничные продажи, оказались на уровне намного ниже ожидаемого.*

В данном примере отсутствует обоснование заявления автора о снижении экономических показателей Китая, что может свидетельствовать о голословности заявления. Кроме того, данная мысль не отражает реального положения дел: в 2022 году рост экономики Китая составил 3 % [Таиров, 2023]. Данный показатель является одним из минимальных за последние несколько лет, однако говорить о стагнации преждевременно, о чем свидетельствует макроэкономическая отчетность за январь — апрель 2023 г., подготовленная Государственным статистическим управлением КНР [China Statistics Yearbook] Тем не менее читателем информация об ухудшении экономических показателей Китая может восприниматься как истинная.

Ссылки на источник, не являющийся непреложным авторитетом в данной области, в качестве аргументов встречаются в 4,7 % случаев и достаточно сложно определимы для обычного читателя, поскольку требуют критического восприятия и определенного исследования со стороны

адресата. Так, в статье «A backsliding democracy gets to play host» газеты «The Guardian» автор утверждает, что Индия становится автократией, что может быть опасно для международного сообщества. В качестве подтверждения данной мысли автор ссылается на результаты исследования Гетеборгского университета:

Last year, Gothenburg University's annual report on the state of global democracy warned of a wave of "autocratization" spreading around the world. Since 2020, the report said, India has not been a working democracy but an "electoral autocracy" similar to that in Russia [The Guardian view on India's G20 summit, 6th September 2023] // В прошлом году в ежегодном отчете о состоянии демократии Гетеборгский университет предупреждал о волне автократизации, распространяющейся по всему миру. Начиная с 2020 года, говорится в отчете, Индия не является активной демократией, а скорее выборной автократией, формой правления, похожей на Россию.

Отметим, что существует достаточное количество различных критериев для оценивания демократии в странах, при этом не все из них являются объективными. Для того чтобы положение той или иной страны по шкале демократии могло использоваться в качестве веского политического аргумента, методология такой шкалы должна признаваться экспертным сообществом [Как измерять ..., 2008, с. 37]. Гетеборгский университет не является ведущей организацией, специализирующейся на оценке демократии в странах, соответственно, результаты его исследований не могут рассматриваться в качестве примера сильной аргументации.

4. Заключение = Conclusions

Анализ аргументации субжанра «editorial» показал наличие определенного баланса между сильной и слабой аргументациями — 41 % и 55,6 % (3,4 % аргументов — неполноценные) с доминированием последней, что объясняется принадлежностью «editorial» к системе жанров «мнения», для которых характерен высокий процент субъективности и нацеленность на воздействие. Наиболее частотный тип аргумента — доводы личного характера (составляют 21 % от общего числа), что также соответствует специфике жанра, нацеленной на трансляцию мнения. 16 % всех аргументов занимают догадки, прогнозы и интуиция, что тоже связано со спецификой жанра. В целом анализ слабой аргументации показал малый процент использования аргументов, направленных на откровенную манипуляцию (сюда можно отнести ссылки на источники, не являющиеся непреложным авторитетом в данной области, — 4,7 % — и выводы, основанные на неполных статистических данных и фактах, связь между которыми не очевидна, — 13,4 %). Среди других выделенных типов аргументов: ссылки на

факты (13 %), данные, предоставленные авторитетным источником, в том числе статистические данные (17 %), результаты экспериментов (1,5 %), ссылки на общественное мнение (4 %), здравый смысл (5,5 %).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что специфика аргументации в жанре «editorial» отражает такую его черту, как стремление к трансляции мнения, на основе которого будут приниматься социально-политические решения частного и государственного характера, что подразумевает, с одной стороны, стремление к воздействию, а с другой — необходимость поддержания авторитета и высокого уровня достоверности предоставляемой информации (что находит выражение в высоком проценте использования сильной аргументации).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники

1. *Таиров Р.* Рост экономики Китая оказался одним из самых маленьких за несколько десятилетий [Электронный ресурс] / Р. Таиров // Forbes. — 17.01.2023. — Режим доступа : <https://www.forbes.ru/finansy/483827-rost-ekonomiki-kitaa-okazalsa-odnim-iz-samyh-malen-kih-za-neskol-ko-desatiletij> (дата обращения 11.11.2023).
2. *Чез Ф.* Мировые порядки : глобальный калейдоскоп в режиме повтора / Ф. Чез // Россия в глобальной политике. — Сентябрь-октябрь. — 2023. — С. 36—55.
3. *After the disease, the debt* / The Economist. — 25th April. — 2020. — P. 7.
4. *China Statistics Yearbook* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexeh.htm> (accessed 21.09.2023).
5. *No, it's not weak for US officials to visit China* [Electronic resource] // The Washington Post. — 13th September. — 2023. — Access mode : <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/09/13/schumer-khanna-lead-congressional-trips-china/> (accessed 19.09.2023).
6. *The Guardian view on India's G20 summit* [Electronic resource] // The Guardian. — 6th September. — 2023. — Access mode : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/sep/06/the-guardian-view-on-indias-g20-summit-a-backsliding-democracy-gets-to-play-host> (accessed 19.09.2023).
7. *The Guardian view on the Chinese economy: it looks bad* [Electronic resource] // The Guardian. — 21st August. — 2023. — Access mode : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/aug/21/the-guardian-view-on-the-chinese-economy-it-looks-bad-what-we-cant-see-may-be-worse> (accessed 11.08.2023).
8. *The Guardian view on the rise in school absences: a crisis made in government* [Electronic resource] // The Guardian. — 24th September. — 2023. — Access mode : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/sep/24/the-guardian-view-on-the-rise-in-school-absences-a-crisis-made-in-government> (accessed 31.08.2023).
9. *The Guardian view on ultra-processed food: blame business not consumers* [Electronic resource] // The Guardian. — 13th August. — 2023. — Access mode : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/aug/13/the-guardian-view-on-ultra-processed-food-blame-business-not-consumers> (accessed 11.08.2023).

10. *The world is spending nowhere near enough on a coronavirus vaccine* // The Economist. — 8 August. — 2020. — P. 11—12.
11. *Vaccine hesitancy is growing. Doctors will have to fight back* [Electronic resource] // The Washington Post. — 17th May. — 2023. — Access mode : <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/05/17/poll-vaccine-hesitancy-doctors/> (accessed 11.08.2023).
12. *Why retailers everywhere should look to China* // The Economist. — 02/01/21. — P. 7.
13. *Xi Jinping is reinventing state capitalism* // The Economist. — 15th August. — 2020. — P. 11.

Литература

1. Гудкова К. В. Когнитивно-прагматический анализ аргументации в аналитической газетной статье (на материале британской прессы) : дис. ... канд. филол. наук / К. В. Гудкова. — Санкт-Петербург, 2009. — 184 с.
2. Ефремов В. А. Деловая риторика. Культура речи и деловое общение / В. А. Ефремов. — Москва : КноРус, 2020. — 217 с.
3. Желябовская М. В. Развитие национальной экономики Китая : взгляд в будущее / М. В. Желябовская // Научные записки молодых исследователей. — 2021. — № 3. — С. 14—21.
4. Золотухина-Аболина Е. В. Здравый смысл и иррациональное / Е. В. Золотухина-Аболина // Epistemology & Philosophy of Science. — 2016. — № 2 (48). — С. 176—192.
5. Ивин А. А. Теория и практика аргументации / А. А. Ивин. — Москва : Юрайт, 2022. — 300 с.
6. Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах? (По материалам исследовательского проекта «Политический атлас современности») / А. Ю. Мельвиль, М. В. Ильин, Е. Ю. Мелешкина и др.; Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. — Москва : МГИМО-Университет, 2008 — 135 с.
7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — Москва : Эксмо, 2005. — 832 с.
10. Чиверс Т. Цифры врут. Как не дать статистике обмануть себя / Т. Чиверс, Д. Чиверс. — Москва : Individuum, 2022. — 224 с.
11. Шавеко Н. А. Общественное мнение и справедливость / Н. А. Шавеко // Право : история и современность. — 2022. — Т. 6. — № 1. — С. 35—45. — DOI: 10.17277/pravo.2022.01.pp.035-045.
13. Blair J. A. Argumentation as Dialectical / J. A. Blair, R. H. Johnson // Argumentation. — 1987. — № 1 (1). — P. 41—56.
15. Firmstone J. Editorial Journalism and Newspapers' Editorial Opinions [Electronic resource] / J. Firmstone // Oxford research encyclopedia, communication. — 2019. — Access mode : https://www.researchgate.net/publication/339886788_Editorial_journalism_and_newspapers%27_editorial_opinions (accessed 21.10.2023). — DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.803.
16. Firmstone J. The editorial Production Process and editorial Values as Influences on the Opinions of the British Press Towards Europe / J. Firmstone // Journalism Practice. — 2008. — № 2. — P. 212—229.
17. Hallock S. M. Editorial and opinion : The dwindling marketplace of ideas in today's news / S. M. Hallock. — Westport, CT : Praeger, 2007. — 256 p. — ISBN: 0275993302, 9780275993306.

18. Kahn K. F. The slant of the news : How editorial endorsements influence campaign coverage and citizens' views of candidates / K. F. Kahn, P. J. Kenney // *American Political Science Review*. — 2002. — № 96 (2). — P. 381—394.

19. Katajamäki H. An Editorial and its Intertextual Links: Case Study of a Finnish Business Newspaper / H. Katajamäki // *Käännösteoria, ammattikielet ja monikielisyys*. — 2009. — № 36. — C. 204—215.

Статья поступила в редакцию 09.03.2023,
одобрена после рецензирования 18.12.2023,
подготовлена к публикации 23.01.2024.

Material resources

After the disease, the debt. (2020). *The Economist*, 25th April: 7.

Chez, F. (2023). World orders: global kaleidoscope in repeat mode. In: *Russia in global politics, September-October*: 36—55. (In Russ.).

China Statistics Yearbook. (2022). Available at: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexeh.htm> (accessed 21.09.2023).

No, it's not weak for US officials to visit China. (2023). *The Washington Post*, 13th September. Available at: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/09/13/schumer-khanna-lead-congressional-trips-china/> (accessed 19.09.2023).

Tairov, R. (2023). China's economic growth is one of the slowest in decades. *Forbes*. 17.01.2023. Available at: <https://www.forbes.ru/finansy/483827-rost-ekonomiki-kitaa-okazalsa-odnim-iz-samyh-malen-kih-za-neskol-ko-desatiletij> (accessed 11.11.2023). (In Russ.).

The Guardian view on India's G20 summit. (2023). *The Guardian*, 6 September. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/sep/06/the-guardian-view-on-indias-g20-summit-a-backsliding-democracy-gets-to-play-host> (accessed 19.09.2023).

The Guardian view on the Chinese economy: it looks bad. (2023). *The Guardian*, 21st August. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/aug/21/the-guardian-view-on-the-chinese-economy-it-looks-bad-what-we-cant-see-may-be-worse> (accessed 11.08.2023).

The Guardian view on the rise in school absences: a crisis made in government. *The Guardian*, 24th September. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/sep/24/the-guardian-view-on-the-rise-in-school-absences-a-crisis-made-in-government> (accessed 31.08.2023).

The Guardian view on ultra-processed food: blame business not consumers. (2023). *The Guardian*, 13th August. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/aug/13/the-guardian-view-on-ultra-processed-food-blame-business-not-consumers> (accessed 11.08.2023).

The world is spending nowhere near enough on a coronavirus vaccine. (2020). *The Economist*, 8 August: 11—12.

Vaccine hesitancy is growing. Doctors will have to fight back. (2023). *The Washington Post*, 17th May. Available at: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/05/17/poll-vaccine-hesitancy-doctors/> (accessed 11.08.2023).

Why retailers everywhere should look to China. (2021). *The Economist*, 02/01/21. P. 7.

Xi Jinping is reinventing state capitalism. (2020). *The Economist*, 15th August. P. 11.

References

- Blair, J. A., Johnson, R. H. (1987). Argumentation as Dialectical. *Argumentation*, 1 (1): 41—56.
- Chivers, T., Chivers, D. (2022). *The numbers don't lie. How to not let statistics fool you*. Moscow: Individuum. 224 p. (In Russ.).
- Efremov, V. A. (2020). *Business rhetoric. Speech culture and business communication*. Moscow: KnoRus. 217 p. (In Russ.).
- Firmstone, J. (2019). Editorial Journalism and Newspapers' Editorial Opinions. In: *Oxford research encyclopedia, communication*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/339886788_Editorial_journalism_and_newspapers%27_editorial_opinions (accessed 21.10.2023). DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.803.
- Firmstone, J. (2008). The editorial Production Process and editorial Values as Influences on the Opinions of the British Press Towards Europe. *Journalism Practice*, 2: 212—229.
- Gudkova, K. V. (2009). *Cognitive-pragmatic analysis of argumentation in an analytical newspaper article (based on the material of the British press)*: PhD Diss. St. Petersburg. 184 p. (In Russ.).
- Hallock, S. M. (2007). *Editorial and opinion: The dwindling marketplace of ideas in today's news*. Westport, CT: Praeger. 256 p. ISBN: 0275993302, 9780275993306.
- Ivin, A. A. (2022). *Theory and practice of argumentation*. Moscow: Yurayt. 300 p. (In Russ.).
- Kahn, K. F., Kenney, P. J. (2002). The slant of the news: How editorial endorsements influence campaign coverage and citizens' views of candidates. *American Political Science Review*, 96 (2): 381—394.
- Kara-Murza, S. G. (2005). *Mind manipulation*. Moscow: Eksmo. 832 p. ISBN: 978-5-699-10826-8. (In Russ.).
- Katajamäki, H. (2009). An Editorial and its Intertextual Links: Case Study of a Finnish Business Newspaper. *Käännösteoria, ammattikielet ja monikielisyys*, 36: 204—215.
- Melville, A. Yu., Illin, M. V., Meleshkina, E. Yu. et al. (2008). *How to measure and compare levels of democratic development in different countries? (Based on materials from the research project "Political Atlas of Modernity")*. Moscow: MGIMO-University. 135 p. (In Russ.).
- Shaveko, N. A. (2022). Public opinion and justice. *Law: history and modernity*, 6(1): 35—45. (In Russ.).
- Zhelyabovskaya, M. V. (2021). Development of China's national economy: a look into the future. In: *Scientific notes of young researchers*, 3: 14—21. (In Russ.).
- Zolotukhina-Abolina, E. V. (2016). Common sense and the irrational. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2 (48). 176—192. (In Russ.).

*The article was submitted 09.03.2023;
approved after reviewing 18.12.2023;
accepted for publication 23.01.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(1), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Петкова Д. Слухи и теории заговора в болгарских социальных медиа в период пандемии COVID-19 / Д. Петкова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 177—203. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-177-203.

Petkova, D. (2024). Rumors and Conspiracy Theories in Bulgarian Social Media During COVID-19 Pandemic. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 177-203. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-177-203. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-177-203

Слухи и теории заговора в болгарских социальных медиа в период пандемии COVID-19

Петкова Дияна

orcid.org/0000-0002-0842-6466

кандидат социологических наук,
доцент, факультет журналистики
и массовых коммуникаций
dijanapp@uni-sofia.bg

Софийский университет
имени Святого Климента Охридского
(София, Болгария)

Rumors and Conspiracy Theories in Bulgarian Social Media During COVID-19 Pandemic

Diana Petkova

orcid.org/0000-0002-0842-6466

PhD in Sociology, Associate Professor,
Faculty of Journalism and
Mass Communication
dijanapp@uni-sofia.bg

Sofia University
“St. Kliment Ohridski”
(Sofia, Bulgaria)

© Петкова Д., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается социально-психологический феномен слухов в условиях глобальной пандемии 2020—2022 годов на примере Болгарии. Проанализированы сообщения в закрытой онлайн-группе (254 участника), тематический профиль которой связан с лечением народными средствами. Контент-анализ выявил наиболее распространенные убеждения о пандемии COVID-19, например: «10 % привитых людей умрут в течение 5 лет», «пандемия нацелена на уничтожение малого бизнеса» и др. Утверждается, что слухи и теории заговора получают развитие во время социальных кризисов и периодов неопределенности. Подчеркивается, что нередко люди склонны придерживаться ложных представлений, даже когда приводятся доказательства, опровергающие их. Сделан вывод о том, что 4 фактора играют важную роль в сохранении заблуждений: (1) потребность в снижении стресса; (2) низкий уровень образованности, (3) культурная память и травмирующий опыт прошлого, которые выступают основой для суждений в настоящем; (4) феномен ментальных схем: когда у людей сложились устойчивые убеждения, мнение по тому или иному вопросу, их сложнее переубедить. Эти четыре фактора обуславливают низкую готовность людей воспринимать новую информацию, вступающую в противоречие с привычными им ментальными схемами. Предоставляя достоверную информацию и организуя открытые обсуждения существующих заблуждений, специалисты по коммуникации смогут помочь противостоять теориям заговора, которые подрывают работу правительств и общественных институтов.

Ключевые слова:

интернет-коммуникация; слухи; теория заговора; заблуждения; пандемия; социальные медиа; фейки.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the socio-psychological phenomenon of rumors during the global pandemic of 2020-2022, focusing on the case of Bulgaria. Messages from a closed online group (254 participants) with a thematic profile related to traditional remedies were analyzed. Content analysis revealed the most prevalent beliefs about the COVID-19 pandemic, such as “10% of vaccinated individuals will die within 5 years” and “the pandemic is aimed at destroying small businesses,” among others. It is argued that rumors and conspiracy theories thrive during times of social crisis and uncertainty. Moreover, it is highlighted that individuals often tend to hold onto false beliefs even when presented with evidence that contradicts them. The study concludes that four factors play a significant role in maintaining misconceptions: (1) the need to reduce stress, (2) low levels of education, (3) cultural memory and traumatic past experiences that shape present judgments, and (4) the phenomenon of mental schemas, making it harder for individuals to change their established beliefs and opinions. These four factors contribute to people's resistance to accepting new information that contradicts their familiar mental schemas. By providing accurate information and facilitating open discussions about existing misconceptions, communication specialists can help counter conspiracy theories that undermine the efforts of governments and public institutions.

Key words:

internet communication; rumors; conspiracy theories; misconceptions; pandemic; social media; fakes.

Слухи и теории заговора в болгарских социальных медиа в период пандемии COVID-19

© Петкова Д., 2024

1. Введение

Слухи и теории заговора изучаются в социальных науках уже более столетия. Классическим случаем распространения слухов является ситуация широкого обсуждения и организации многочисленных дискуссий вокруг ситуации «6 февраля» во Франции (политического кризиса 6 февраля 1934 года, когда прошли антипарламентские уличные протесты и мятеж в Париже). Сложившиеся социальные условия, характеризующиеся высокой тревожностью и неопределенностью, вызвали распространение слухов и теорий заговора. Множество слухов распространялось среди союзников во время Второй мировой войны, и события 6 февраля были интерпретированы как фашистский заговор. Несмотря на официальные заявления о том, что реальных заговоров, попыток переворотов или значительных угроз для Республики не было, слухи распространялись и поддерживались. Поэтому начиная с периода Второй мировой войны социальное явление распространения слухов привлекло внимание многих социальных исследователей. В связи со случаем 6 февраля Б. Дженкинс утверждает, что

1. Introduction

Rumors and conspiracy theories have been studied in the social sciences for more than a century. A classic case of rumor dissemination is the situation of widespread discussion and organization of numerous debates surrounding the ‘6 February’ situation in France (the political crisis of 6 February 1934, when anti-parliamentary street protests and an uprising took place in Paris). The prevailing social conditions characterized by high anxiety and uncertainty led to the spread of rumors and conspiracy theories. Numerous rumors have spread among the Allies during the Second World War, and the events of the 6th of February have been interpreted as a fascist conspiracy. Despite the official claims that there were no real plots, attempted coups or significant threats for the Republic, rumors were spread and maintained. Therefore, since the Second World War, the social phenomenon of spreading rumors has attracted the interest of many social researchers. In rela-

значение теорий заговора не основано на доказательной силе. Однако их сила заключается в том, что они могут влиять на поведение людей [Jenkins, 2011].

Г. Олпорт и Л. Постман определяют слухи как своеобразные предположения, утверждения, которые предлагается принять на веру, передаваемые от человека к человеку без подкрепления доказательствами [Allport et al., 1946, с. 501]. Аналогично Р. Росноу утверждает, что слухи — это неподтвержденные гипотезы для объяснения неопределенных ситуаций [Rosnow, 1991]. Хотя слухи могут существовать во времена мира и процветания, они становятся доминирующими в условиях войн, экономических, политических и социальных кризисов. Р. Росноу также утверждает, что слухи передаются потому, что людям нужно объяснить двусмысленные или неопределенные события. В своем исследовании он подчеркивает четыре основных фактора, определяющие передачу слухов. Прежде всего, слух должен быть актуален для слушателя. Во-вторых, он обычно увеличивает личную тревожность. В-третьих, он имеет обобщенную неопределенность или двусмысленность. В-четвертых, он обладает некоторой достоверностью [Ibid.]. Согласно Ж.-Н. Капфереру, источник слуха почти не имеет значения. Генезис слухов объясняется групповой вовлеченностью. Исследователь также утверждает, что слухи возникают, когда информация ограничена [Kapferer, 1992]. Таким образом, и Ж.-Н. Капферер, и Р. Росноу указы-

tion to the case of the 6th of February, B. Jenkins claims that the importance of the conspiracy theories is not grounded on the evidential power. On the contrary, their power consists in the fact that they can influence the behavior of individuals [Jenkins, 2011].

G. Allport and L. Postman define rumors as specific propositions for belief, passed from person to person without clear standards of evidence being present [Allport & Postman, 1946, p. 501]. Similarly, R. Rosnow argues that rumors are unconfirmed hypothesis to explain uncertain situations [Rosnow, 1991]. While rumors may exist in times of peace and prosperity, they become dominant in conditions of wars, economic, political, and social crises. Rosnow also argues that rumors are transmitted because people need to explain ambiguous or uncertain events. In his study, the researcher underlines four main factors determining rumor transmission. First of all, the rumor should be relevant to the listener. Second, it usually increases personal anxiety. Third, it has generalized uncertainty or ambiguity. Fourth, it has some credibility [Ibid.]. According to J.-N. Kapferer, the source of rumor has little importance. In the genesis, one should explain the adherence and the mobilization of groups. The researcher claims, too, that rumors arise when information is scarce [Kapferer, 1992].

вают на важность двусмысленности и отсутствия достаточной или адекватной информации в качестве основных условий возникновения слухов.

М. Пеццо и Дж. Бекстед провели исследование слухов, связанных с конкретным событием: внезапной смертью студента колледжа от менингита в Вашингтоне. Они выяснили, что в данном конкретном случае слухи больше влияли на формирование убеждений, чем на тревожность людей. Таким образом, исследователи утверждают, что слухи могут как влиять на уровень тревожности, так и не оказывать влияния на него, однако они воздействуют на убеждения людей [Pezzo et al., 2006, с. 100].

Неопределенность оказывается одной из основных причин для того, чтобы слухи сохранялись в обществе долгое время. Слух может быть частично правдивым или полностью ложным. В слухах могут присутствовать в некоторой степени достоверность и правдоподобие. Исследователи подчеркивают, что правда в них часто искажена или преувеличена. Крайне редко слухи оказываются на 100 % правдивыми. Таким образом, в социальных науках слухи часто соотносятся с **заблуждением**. Последнее можно определить как веру в очевидно неверные факты. Теории заговора, так же как и слухи, возникают в моменты, когда есть безотлагательная потребность в понимании ситуации. Наличие четких, хотя и неверных объяснений событий и явлений становится более важным для индивидов и человеческих сообществ, чем сохранение неопределенности в поисках истины.

Thus, both J.-N. Kapferer and R. Rosnow point out to the importance of ambiguity and lack of enough or adequate information as the main conditions for rumors to arise.

M. Pezzo and J. Beckstead investigate rumors related to a particular event: the sudden death of a college student from meningitis in Washington. They find out that rumors affect beliefs more than anxiety in the concrete case. Thus, the researchers claim that rumors may or may not impact the anxiety level, but they affect the individuals' beliefs [Pezzo & Beckstead, 2006, p. 100].

The uncertainty turns out to be one of the main reasons for rumors to be sustained in society for a long time. A rumor may be partly true or completely false. There may be some reliability and plausibility in rumors. Researchers accentuate that the truth in them is often distorted or exaggerated. Very rare are rumors that turn out to be 100% true. Thus, in the social sciences rumors are often linked to misconception too. The latter can be defined as a belief in evidently wrong facts. Conspiracy theories, as well as rumors, arise in moments when there is an emergent need for understanding. Having clear, even though wrong, explanations for events and phenomena is more important for individuals and societies than sustaining uncertainty in looking for the truth.

В период двух мировых войн слухи и теории заговора распространялись устно, от человека к человеку, иногда даже с помощью официальных СМИ. В начале XXI века слухи стали неотъемлемой частью онлайн-сообществ. Поэтому Жан-Ноэль Капферер подчеркивает мобилизацию сообществ посредством слухов [Kapferer, 1992]. Другие ученые, например, утверждают, что имеет место эволюционирование слухов: сначала они передаются от одного человека к другому, далее они развиваются до появления «цепочек слухов», и, наконец, итогом становятся «сообщества слухов» [Edu et al., 2016]. Интернет и социальные сети позволяют каждому равноправно участвовать в процессе коммуникации, активно выражать свое мнение или узнавать мнения других. Так, появились различные социальные группы, в том числе такие, которые поддерживают слухи и распространяют теории заговора. Иными словами, в наше время феномен распространения слухов тесно связан с развитием технологий и появлением виртуальных сообществ.

В социальных науках существует три основных подхода к исследованию слухов и теорий заговора. Первый — это *конверсационный* подход, разработанный Б. Гереном и Й. Миязаки для объяснения присутствия слухов и городских легенд в современной культуре. Они предполагают, что основной эффект рассказывания слухов основывается на их собственно разговорных свойствах и заключается не в передаче информации слушателю и даже не

After the two World Wars, rumors and conspiracy theories were spread by word of mouth, from person to person, and sometimes even with the help of the official media. At the beginning of the 21st century, rumors became an inseparable part of the online social communities. Hence, J.-N. Kapferer accentuates the mobilization of communities using rumors [Kapferer, 1992]. Other scholars, too, claim that the evolution of rumors is from person to person, to rumor chains, and finally, to rumor communities [Edu & Risley-Baird, 2016]. The Internet and the social networks allow everyone to participate in the process of communication equally, to express their opinions actively, or to share the opinions of others. Thus, varieties of social groups have been created, including such that maintain rumors and spread conspiracy theories. In other words, in contemporary times the phenomenon of spreading rumors is closely linked to the development of technologies and to the appearance of virtual communities.

In the social sciences, there are three main approaches in the research of rumors and conspiracy theories. The first one is the conversational approach. B. Guerin and Y. Miyazaki use the conversational approach to explain the presence of rumors and urban legends in contemporary culture. They suggest that the primary effect of tell-

в снятии его тревожности, обеспокоенности каким-либо фактом действительности, а только в развлечении или удержании внимания слушателя [Guerin et al., 2006, с. 23]. Таким образом, согласно исследованию, при пересказывании слухов и городских легенд говорящий привлекает доступный разговорный сценарий для поддержания беседы и укрепления социальных связей.

Помимо разговорной практики, которая способствует сохранению феномена рассказывания слухов, они могут поддерживаться по культурным причинам. **Культурный подход** к слухам подчеркивает приоритет культурных мотивов, которые лежат в основе того, что люди или целые сообщества верят мифам и теориям заговора и распространяют их. Так, социумы с авторитарными режимами более склонны верить в теории заговора и нередко испытывают недоверие к официальным институтам и власти. Таков случай посткоммунистических стран, особенно Болгарии и Румынии, в которых во время пандемии COVID-19 был зафиксирован самый низкий уровень вакцинации в Европейском Союзе. В этих странах высок уровень недоверия к правительству и его институтам. Это обусловлено коллективной памятью времен социализма, когда широко использовались приемы пропаганды и дезинформации. Поэтому население бывших социалистических стран склонно верить в слухи и теории заговора.

Культурные аргументы часто апеллируют к традициям и запретам, составляющим культурное своеобразие разных стран. В ходе изучения слухов,

ing rumors is not to impart information to the listener or even to alleviate the listener's anxiety but to entertain or to keep the listener's attention [Guerin & Miyazaki, 2006, p. 23]. Thus, according to the study, in telling rumors and urban legends, the speakers may use scenarios to maintain a conversation and enhance social relationships.

Besides the conversational practice of telling rumors, the latter may be sustained because of cultural reasons. The cultural approach to rumors underlines the cultural reasons because of which individuals or societies believe and spread myths and conspiracy theories. Thus, societies under authoritative regimes are more susceptible to believing in conspiracy theories and may lack trust in the official institutions and authorities. Such is the case of the post-communist countries, particularly Bulgaria and Romania, that have had the lowest number of vaccinations in the European Union. These countries have a high level of distrust in the government and its institutions. This fact is due to the collective memories from the times of socialism when the socialist states had widely used propaganda and misinformation. Therefore, individuals from ex-socialist countries may be prone to believe in rumors and conspiracy theories.

Cultural arguments often underline the spreading of rumors

циркулировавших во время пандемии среди европейских мусульман и в мусульманских странах, С. Ислам и его команда выявили, в частности, убежденность людей в том, что вакцины содержат ингредиенты (протеины), выделенные из генетического материала свиней [COVID-19 vaccine rumors ..., 2021]. Поскольку употребление свинины запрещено исламом, подобная дезинформация приводила к увеличению колебаний среди мусульманского населения по поводу вакцинации. Этот тип слуха акцентирует культурные «факты», даже если они неверны или выдуманы. Однако само утверждение, что вакцины, произведенные на Западе, содержат белки свинины, основывается на предубеждении, что собственная культура подвергается угрозе со стороны культур западных обществ. Поэтому слухи часто обосновываются и поддерживаются культурными аргументами.

И третий подход к интерпретации феномена слухов — **социально-психологический**. Большинство ученых согласны с тем, что поиск источника слуха не так важен, если вообще возможен. Даже когда слух распространяется из уст в уста (от человека к человеку), это явление скорее социальное, чем индивидуальное. Онлайн-группы, основанные исключительно на приверженности слухам и теориям заговора, доказывают, что распространение слухов — это коллективное явление, связанное с коллективным сознанием. Более того, на сегодняшний день все официальные СМИ привлечены к решению таких задач, как предоставле-

in other countries too. In studying the rumors among European Muslims and in the Muslim countries, S. Islam and his team put the accent on the belief that vaccines contain pig proteins [Islam et al., 2021]. Since eating pork is prohibited by Islam, similar misinformation leads to increased vaccine hesitancy among the Muslim population. This type of rumor accentuates cultural “facts,” even when these “facts” are wrong or fabricated. However, in the statement that vaccines produced in the West contain pig proteins, there is the preconception of one’s own culture being threatened by the cultures of the Western societies. Therefore, rumors may often be grounded on or supported by cultural arguments.

And the third approach to rumors is the social psychological approach. Most researchers agree that finding the rumor source is not so important, if it is possible at all. Even when a rumor is spread by word of mouth and from person to person, this phenomenon is social rather than individual. Online groups based solely on adherence to rumors and conspiracy theories prove that spreading rumors is a collective phenomenon and relates to the collective consciousness. Moreover, today the official media are equally engaged in the efforts to provide reliable information and to debunk widely spread misconceptions and wrong beliefs.

ние надежной информации и опровержение широко распространенных заблуждений и ошибочных убеждений.

События, вызывающие высокий уровень тревожности и неопределенности, такие как появление смертельных вирусов и болезней, с большей вероятностью будут интерпретироваться широкой аудиторией посредством слухов и теорий заговора. Изучая слухи о ВИЧ/СПИДе, циркулирующие среди африканцев, Дж. Хеллер утверждает, что, хотя слухи не являются коллективной памятью, они часто тесно с ней связаны. Автор утверждает, что слухи о геноциде имеют долгую историю среди африканской и даже афроамериканской общности. Так, слухи представляли ВИЧ/СПИД как часть кампаний геноцида против африканского народа [Heller, 2015, с. 43—50]. Эти слухи получают подкрепление в культурных воспоминаниях, обусловленных историческим прошлым. Недоверие к наследникам колонизаторов лежит в основе теории заговора о ВИЧ/СПИДе, популярной среди африканцев. Подобные слухи нередко создаются для того, чтобы справиться с ощущением угрозы извне. Так слухи становятся инструментом для управления высоким уровнем тревожности и чувством неопределенности. Одновременно акцент на культурных аргументах делает теории заговора более правдоподобными и актуальными для воспринимающих их людей. Этот факт также подтверждается выводами М. Бакебиллаха и его научного коллектива, изучавшего верования жителей Бангладеш во время эпидемии COVID-19. Уче-

Events causing a high level of anxiety and uncertainty, such as the appearance of deadly viruses and diseases, are more likely to be interpreted by the general audience with rumors and conspiracy theories. In studying the rumors about HIV/AIDS circulating among the African people, J. Heller argues that although rumors are not collective memories, they are often closely related to them. The author claims that the genocide rumors have a long history within the African and even the African-American public. Thus, rumors have treated HIV/AIDS as part of the genocide campaigns against the African people [Heller, 2015, p. 43-50]. These rumors enhance the cultural memories from the historical past. The distrust towards the colonizers' inheritants underlines all the conspiracy theories about HIV/AIDS among the Africans. Similar rumors are often designed to cope with feelings of being threatened by others. Thus, rumors become a means or a tool to manage a high level of anxiety and uncertainty. Simultaneously, the accent on cultural arguments makes the conspiracy theories more plausible and relevant to the perceivers too. This fact is also proved by M. Bakebilla, who studied the beliefs during the epidemic of COVID-19 in Bangladesh. The results of their study clearly show that 50% of the respondents consider the dis-

ные установили, что 50 % респондентов сочли болезнь «наказанием свыше (от Бога)» [Community's misconception ..., 2021]. Таким образом, слухи и теории заговора часто имеют культурные или религиозные корни.

В ходе контент-анализа социальных сетей С. Ислам с соавторами выявили 637 тематик слухов, связанных с вакциной от COVID-19: 91 % атрибутированы как слухи, 9 % — как теории заговора. Из 637 элементов классификации слухов только 5 % являются правдивыми, 83 % — ложными, 10 % — вводящими в заблуждение и 2 % — преувеличениями. Авторы исследования определили слухи как любые непроверенные утверждения, а теории заговора — как любые заявления человека или группы людей о достижении злонамеренных целей [COVID-19 vaccine rumors ..., 2021].

Слухи не только циркулируют от человека к человеку; верящие в эти теории поддерживают их, и, таким образом, создается целая культура, основанная на слухах. Далее в статье изучаются публикации, размещенные в закрытой социальной группе на Facebook¹ в период пандемии COVID-19, и обсуждаются социально-психологические эффекты поддержания слухов и теорий заговора.

2. Материал, методы, обзор

Цель данной статьи — изучить социально-психологический феномен слухов и очертить его механизмы и

ease as “a punishment of God” [Bakebillah et al., 2021]. In such a way, rumors and conspiracy theories often have cultural or religious foundations.

In the research on social networks, S. Islam identified 637 COVID-19 vaccine-related items: 91% are classified as rumors, and 9% are connected to conspiracy theories. Out of the 637 items, only 5% are true, 83% are false, 10% are misleading, and 2% are exaggerated. Thus, they identify conspiracy theories as claims and discussions of various theories related to the COVID-19 vaccine and its malicious goals [Islam et al., 2021].

Rumors not only circulate from person to person, but believers in these theories uphold them, and thus, a whole culture based on rumors has been created. The following text studies the publications in a closed social group on Facebook¹ and discusses the social-psychological effects of sustaining rumors and conspiracy theories.

2. Material, Methods, Review

The goal of this paper is to study the social psychological phenomenon of rumors and to outline its mechanisms and transformations in conditions of a global pandemic. The tasks of the present re-

¹ Запрещена на территории Российской Федерации // Meta Platforms is prohibited in the territory of the Russian Federation.

трансформации в условиях глобальной пандемии. Задачи настоящего исследования: (1) выявить основные тематические категории слухов, связанных с пандемией COVID-19; (2) описать социально-психологические механизмы, лежащие в основе слухов о COVID-19; (3) исследовать тесную связь между коллективными воспоминаниями из прошлого и современными теориями заговора. Метод контент-анализа был предпочтен другим качественным или количественным методам, таким как глубинные интервью или эмпирические исследования с использованием анкет. С помощью контент-анализа можно обнаружить истинные убеждения и отношения людей. Люди могли бы скрыть те же убеждения и оценки, если бы их открыто опрашивали через анкеты или в ходе глубинных интервью.

Предшествующие исследования уже показали, что Интернет и онлайн-сообщества стали благоприятной средой для распространения слухов и теорий заговора. Чтобы очертить феномен распространения слухов, в данной статье анализируются сообщения в закрытой онлайн-группе, тематический профиль которой связан с лечением народными средствами и лекарствами из натуральных ингредиентов и с ориентированностью на обеспечение благополучия. На момент исследования она насчитывала 254 участника. Выбранный контент распространялся в основном на болгарском языке. Есть отдельные сообщения также на английском языке. Темы обсуждений разнообразны и не ограничиваются только эпи-

search are (1) to find out the basic categories of rumors and the main topics related to the pandemic of COVID-19; (2) to describe the social-psychological mechanisms that underline the rumors of COVID-19; and (3) to investigate the close relation between collective memories from the past and the present-day conspiracy theories. The content analysis method has been preferred to other qualitative or quantitative methods, such as in-depth interviews or empirical studies with questionnaires. Through the content analysis, the true beliefs and attitudes of people can be discovered. Individuals might not openly express the same beliefs and attitudes if they are explicitly asked by interviewers through questionnaires or in-depth interviews.

Previous research has already suggested that the Internet and online communities have become the favorable setting for rumors and conspiracy theories. To outline the phenomenon of rumor spreading, this article analyzes messages in a closed online group. The group is dedicated to natural healing and well-being. At the time of the study, it consisted of 254 members. The content that is shared is mostly in Bulgarian. Some of the posts are also in the English language. The topics of discussions are various and are not limited to the epidemic

демией COVID-19. Участники группы делятся информацией о натуральных диетах, рецептах, натуральных средствах от различных заболеваний, лечении травами или эфирными маслами, хиропрактике и т. д.

Из многочисленных сообщений, распространяемых в выбранный нами период, 17 тесно связаны с пандемией COVID-19 и вакцинами.

Контент-анализ выявляет наиболее распространенные убеждения о пандемии COVID-19. Для этой цели сообщения на эту тему анализировались вместе с комментариями под ними, чтобы проследить, насколько участники группы разделяют выраженные утверждения. Также отмечается наличие или отсутствие культурной аргументации при распространении слухов. На основе поведенческого анализа темы сообщений, связанных с пандемией COVID-19, были разделены на три основные категории: (1) посты о пище и натуральном лечении; (2) посты, посвященные властям и правилам; (3) посты о вакцинах. Эта классификация очерчивает основные социально-психологические механизмы поддержания слухов или теорий заговора (табл. 1).

Ограничения исследования очевидны. Оно не охватывает большие группы и множество респондентов, так как проведено на материале текстов, созданных в пределах одной закрытой онлайн-группы, объединяющей относительно небольшое количество участников. Более того, большинство лиц принадлежат к одной национальности, поэтому исследование не может быть

of COVID-19 only. The members of the group share information about natural diets, recipes, natural remedies for different diseases, herbal healing or healing with essential oils, chiropractic, etc.

Out of the numerous posts that have been shared, 17 are closely related to the pandemic of COVID-19 and the vaccines.

The content analysis outlines the most prevalent beliefs about the pandemic of COVID-19. For this aim, the posts related to the topic are read together with the commentaries below them to trace to what extent the members of the group share the expressed statements. Also, cultural argumentation in spreading rumors is marked as existing or lacking. Based on the study, the topics of the posts related to the pandemic of COVID-19 are classified into three main categories: (1) posts about foods and natural healing, (2) posts dedicated to authorities and rules, and (3) posts about vaccines. This classification outlines the main social-psychological mechanisms for sustaining rumors or conspiracy theories (Table 1).

The limitations of the research are evident. The study does not encompass large groups and informants but includes only a relatively small number of people in a closed online-group. Moreover, most individuals belong to one nationality, and thus, the research cannot be indicative of the processes in dif-

показательным для процессов в разных странах и культурах. В этом смысле не представляется возможным делать широкие обобщения на основе исследования одной онлайн-группы. В то же время контент-анализ сообщений в группе, а также комментариев под ними может дать некоторые сведения о том, как люди воспринимали ситуацию, сложившуюся в период пандемии. Отметим также, что Болгария может быть примером посткоммунистической страны, где из-за коллективных воспоминаний о социалистическом прошлом особенно активно циркулировали слухи, мифы и теории заговора.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Слухи и теории заговора в закрытой группе на Facebook¹ в Болгарии

Из многочисленных сообщений, размещенных в группе, 17 тесно связаны с пандемией COVID-19. Хотя большая часть распространенной информации может быть классифицирована как «ложная», некоторые из опубликованных материалов могут быть в целом правдивыми, но в контексте пандемии COVID-19 становятся вводными в заблуждение и ложными. Сообщения разделены на три основные группы: (1) пища и натуральное лечение; (2) власти и правила; (3) вакцины (табл. 1).

Первая группа публикаций связана с пищей, травами, эфирными маслами

ferent countries and cultures. In this sense, one cannot make generalizations based on a study of only one online group. At the same time, the content analysis of the posts in the group as well as of the commentaries below them may provide some hints about people's attitudes and perceptions during the pandemic. Also, Bulgaria may be an example of a post-communist country where rumors, myths, and conspiracy theories have circulated due to the collective memories of the socialist past.

3. Results and Discussion

3.1. Rumors and Conspiracy Theories in a Bulgarian closed group on Facebook¹

Out of the numerous posts shared in the group, 17 have a close reference to the pandemic of COVID-19 and the related to it issues. While a big part of the shared information can be classified as "false," some of the posted items might be generally true, but in the context of the pandemic of COVID-19 become misleading and false. The study categorizes the information into three basic groups: (1) foods and natural healing; (2) authorities and rules; and (3) vaccines (Table 1)

The first group of posts is related to foods, herbs, essential oils, and natural healing. While certain foods may indeed have a good impact on the body and mind and may

¹ Запрещена на территории Российской Федерации // Meta Platforms is prohibited in the territory of the Russian Federation.

Таблица 1
[Table 1]

Распространяемые в социальной сети
ложные утверждения относительно COVID-19
[False claims about COVID-19 being spread on social media]

Пост №	Темы	Культурная аргументация	Основная группа информации
1.	Сертификаты «Зеленая карта» ЕС нарушают права человека [EU Green Certificates violate human rights]	×	Власти и правила [Authorities and rules]
2	Природный иммунитет следует предпочитать вакцинам [Natural Immunity should be preferred to vaccines]		Вакцины [Vaccines]
3.	Вакцины содержат вредные ингредиенты и имеют высокую токсичность [Vaccines contain harmful ingredients and have high toxicity]		Вакцины [Vaccines]
4.	Эфирные масла могут служить эффективной терапией против COVID-19 [Essential oils can serve as an effective therapy against COVID-19]		Продукты питания и лечение натуральными средствами [Foods and Natural healing]
5.	Власти внушают страх, который более опасен, чем сам вирус [Authorities instill fear that is more dangerous than the virus]	×	Власти и правила [Authorities and rules]
6.	Вакцины изменяют электромагнитное поле организма [Vaccines change the electromagnetic field of the body]		Вакцины [Vaccines]
7.	Определенные продукты питания и щелочность организма могут защитить от вируса [Certain foods and alkalization of the body can keep the virus away]		Продукты питания и лечение натуральными средствами [Foods and Natural healing]
8.	Более 80 % привитых людей имеют тяжелые нежелательные реакции [Over 80% of the vaccinated people have severe adverse reactions]		Вакцины [Vaccines]
9.	По крайней мере 10 % привитых людей умрут в течение 5 лет [At least 10% of the vaccinated people will die within 5 years]	×	Вакцины [Vaccines]

Окончание табл. 1

Пост №	Темы	Культурная аргументация	Основная группа информации
10.	Алюминий, содержащийся в определенных продуктах питания и вакцинах COVID-19, вызывает повреждение мозга [Aluminum that is contained in certain foods and COVID-19 vaccines cause brain damage]		Вакцины [Vaccines]
11.	Карантинные меры направлены на ослабление иммунной системы [Lockdowns are designed to lower the immune system]	×	Власти и правила [Authorities and rules]
12.	Путем употребления помидоров можно укрепить иммунную систему против вирусов [By eating tomatoes, one can strengthen the immune system against viruses]		Продукты питания и лечение натуральными средствами [Foods and Natural healing]
13.	В то время как в Европе людей подавляют, в других странах у них есть свобода выбора [While in Europe people are suppressed, in other countries, they have freedom of choice]	×	Власти и правила [Authorities and rules]
14.	В Индии люди почти не прививаются, и вакцины там имеют особый состав, отличный от всех других, западных [In India, people are rarely vaccinated, and their vaccines have different ingredients]	×	Вакцины [Vaccines]
15.	Антитела от болезни будут сохраняться дольше, чем антитела от вакцин [The antibodies from the disease will last longer than the antibodies from vaccines]		Вакцины [Vaccines]
16.	COVID-19 нацелен на уничтожение малого бизнеса [COVID-19 is aimed to destroy small businesses]	×	Власти и правила [Authorities and rules]
17.	Детям не следует проходить тестирование в школе [Children should not be allowed to be tested at school]	×	Власти и правила [Authorities and rules]

Источник: Составлено автором.

[Source: Compiled by the author].

и естественным лечением. Хотя некоторые продукты питания действительно могут оказывать благотворное влияние на организм и ум и могут укреплять иммунную систему, заявления о том, что они могут защитить от болезни, преувеличены и неверны.

Вторая группа постов посвящена властям, официальным институтам и правилам. Анализ контента подтверждает, что эта информация часто подкрепляется культурными аргументами. Публикация, посвященная зеленым сертификатам ЕС, вызывает много комментариев и высокую степень согласия с ее автором, который утверждает, что сертификаты ограничивают права личности. Большинство комментариев под публикацией касаются авторитарного режима периода социализма, в них подчеркивается сходство зеленых сертификатов ЕС с зелеными болгарскими паспортами в социалистическом прошлом (рис. 1, рис. 2). Другие публикации посвящены ограничениям, карантину и новым правилам во время пандемии. Очевидно, что они также поддерживают и распространяют теории заговора. Такие публикации предполагают, что власти намеренно вводят карантин для подавления иммунной системы личности или что локдауны разработаны специально для уничтожения малого бизнеса. В основе всех этих заявлений лежит чувство авторитарной угрозы и восприятие действий властей как злонамеренных; участники онлайн-группы высказывают подозрения, что правительства и международные институты ориентированы на подавление

boost the immune system, statements that they can keep the disease away are exaggerated and untrue.

The second information group is dedicated to authorities, official institutions, and rules. The content analysis confirms that this information is often underlined by cultural argumentation. A post that deals with the EU green certificates provokes many commentaries and a high level of agreement with its author, who claims that certificates restrict the rights of individuals. Most commentaries below the post refer to the authoritative rules during socialism and compare the green EU certificates with the green Bulgarian passports in the socialist past (see Fig. 1 and 2). Other posts are dedicated to the restrictions, lockdowns, and new rules during the pandemic. It is evident that they also sustain and circulate conspiracy theories. Such are the posts suggesting that authorities impose lockdowns to intentionally suppress the immune systems of individuals or that lockdowns are designed to destroy small businesses. In all these statements, there is a feeling of authoritative threat and perceived malicious intentions of governments and international institutions to suppress the freedom and rights of individuals or to cause them harm.

And the third category of information that includes the most

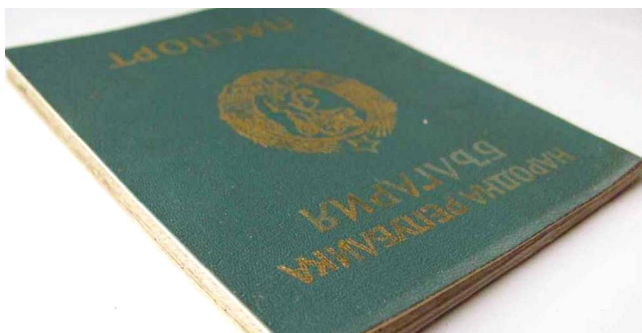

Рис. 1. Болгарский зеленый паспорт социалистического периода
[Fig. 1. Bulgarian green passport of the socialist period]

Рис. 2. Зеленый COVID-сертификат ЕС,
ассоциируемый с социалистическим зеленым болгарским паспортом
[Fig. 2. Green EU COVID certificate associated with the socialist green Bulgarian passport]

свобод и прав личности или причинение вреда населению.

Третья категория информации, которая включает наиболее многочисленные публикации, затрагивает негативные эффекты, высокую токсичность и вредные составляющие вакцин. Вакцины могут вызывать в некоторых случаях серьезные побочные эффекты и даже зарегистрированные случаи смерти, но такие случаи очень

numerous posts deals with the adverse effects, high toxicity, and harmful ingredients of the vaccines. Vaccines may have in some cases severe side effects and even registered deaths as a result but these cases are very rare. It cannot be claimed that 80% of the people experience severe adverse reactions after vaccination. It is more than exaggerating or distorting

редки. Нельзя утверждать, что 80 % населения испытывают серьезные побочные реакции после вакцинации. Это сильное преувеличение или искажение правды. Более того, хотя некоторые вакцины могут содержать алюминий, большинство вакцин от COVID-19 не содержат этого ингредиента. Что касается вакцин, некоторые заявления могут быть частично верными, но факты либо преувеличены, либо вырваны из контекста. В ряде постов также поднимаются этические вопросы. Утверждения о том, что естественный иммунитет справляется с вирусом лучше, чем вакцины, не только вводят в заблуждение. Вера в такие заявления может подвергать опасности здоровье и даже жизнь людей, особенно тех, кто страдает от заболеваний или относится к старшей возрастной группе.

Также есть сообщения, содержащие в корне ложную информацию; например, такова публикация, содержащая «факты» о ситуации в Индии. Согласно ей, индийский народ редко прививается, а их вакцины имеют иной состав, чем вакцины западных стран. Такая информация противоречит данным, предоставленным индийскими официальными лицами. По их словам, во второй половине октября 2021 года уже было проведено 1 миллиард вакцинаций населения Индии. Более того, самая распространенная вакцина в стране — Covishield, торговое название вакцины в Индии — Astra Zeneka, и она имеет те же компоненты, что и используемая в Великобритании и Европе. Этот случай является явным примером

the truth. Moreover, while some vaccines may contain aluminum, most of the COVID-19 vaccines do not have the ingredient. Regarding vaccines, some of the statements may be partly true, but the facts are either exaggerated or taken from a completely different context. Other posts raise ethical concerns too. Claims that natural immunity can better fight the virus than vaccines are not only misleading. Belief in such statements may endanger the health, and even life, of people, especially of the ones with diseases or falling into the age group of the elders.

There is some totally untrue information too. Such is the post that provides “facts” about India. According to it, the Indian people are rarely vaccinated, and their vaccines have different ingredients than those of the Western countries. Such information contradicts the data provided by the Indian officials. According to them, in the second part of October 2021, 1 billion vaccines have already been administered to the Indian population. Moreover, the most used vaccine in the country is Covishield, the trade name of the Astra Zeneka vaccine in India, and it has the same ingredients as the one used in the UK and Europe. This case is a clear example that misinformation in the form of “facts” can easily be presented, shared, circulated, and accepted in the social media.

того, что дезинформация в форме якобы «фактов» может легко быть представлена, распространена, обсуждена и принята в социальных сетях.

Еще один подобный пример — пост, утверждающий, что «магнитное поле» человека стало чрезвычайно сильным после вакцинации. Автор поста подкрепляет свое заявление фотографией и видеозаписью, на которой можно увидеть, как ложки и вилки «прилипают» к его коже. В посте делается вывод, что вакцины могут изменить «электромагнитное поле» организма. Подобные видео с «намагнетизированными» людьми, удерживающими на коже металлические ложки и вилки, существуют на YouTube и других платформах. Интрнет-пользователи верят, что такие видео связаны с темой вакцинации. Такие выдуманные, дезинформирующие «факты» вызывают беспокойство не потому, что информация публикуется и распространяется, а из-за ее контекста. Обсуждение под постом доказывает, что видео и комментарии не воспринимаются как шутки или развлечение. Напротив, они признаются «реальными фактами». Таким образом, подобная информация может вызывать страх, иметь следствием неправильные выводы и заблуждения.

3.2. Влияние слухов на поведение людей

Очень популярным убеждением, широко распространившимся во время пандемии COVID-19 в Болгарии, является то, что как минимум 10 % населения умрет в течение 5 лет в результате вакцинации. Это заявление появлялось

Another example in this direction is a shared post claiming that the body of a person has become highly magnetized after vaccination. The author of the post supports their claim with a picture and a video clip with the person-in-question where they can be seen with spoons and forks “glued” to their skin. The post concludes that vaccines can change “the electromagnetic field” of the body and that one can become highly magnetized after vaccination. Similar videos with magnetized people that can glue metal spoons and forks to their skin exist on YouTube and other channels. The proposition is that the video is taken from some channel and is intentionally related to the topic of vaccination. Such fabrications of “facts” raise concerns not because the information is published and shared but because of its context. The discussion under the post proves that the video and the commentaries are not perceived as jokes or entertainment. On the opposite, they are considered to be “real facts”. In such a way, similar information may instill fear, wrong beliefs, and misconceptions.

3.2. Influence of rumors on individuals' behavior

A very popular belief widely spread during the pandemic of COVID-19 in Bulgaria is that at least 10% of the population will die within 5 years as a result of the vaccination. This statement was widely

даже в профилях Facebook¹ некоторых представителей политической партии «Вазраждане» («Возрождение») и других партий. Факт, что некоторые политики и даже врачи активно способствовали распространению слухов, привел к повышенному кризису доверия к правительству. В результате через группы данной социальной сети были организованы массовые протесты против вакцин и вакцинационных сертификатов.

Так, в декабре 2021 года после публичного протеста против зеленых сертификатов в центре Софии протестующие оставили огромный плакат перед парламентом. На плакате среди прочих требований содержались даже агрессивные призывы к уничтожению («повешению») «всех политиков-преступников».

Для такой страны, как Болгария, из-за культурных воспоминаний о прошлом, не является сюрпризом, что многие люди верят в теории заговора и проявляют высокую подозрительность к государству, официальным властям и институтам, а также к традиционным СМИ. Однако удивительно то, что плакат, подтверждающий склонность людей доверять слухам и верить в теории заговора и распространяющий ненависть и угрозы, более месяца оставался в центре столицы, перед парламентом. Известный тележурналист позвонил в муниципалитет, чтобы выяснить, почему плакат столь длительное время продолжает оставаться установленным на площади. Полученный им ответ со-

circulated in the social media and appeared even on the Facebook¹ profiles of some politicians from the political party “Vazrazhdane” as well as from other small parties. The fact that some politicians and even medical doctors have actively contributed in the spread of rumors has led to a higher crisis of trust in the government. As a result, mass protests against vaccines and vaccination certificates were organized through the groups of this social network.

Thus, in December 2021, after a public protest against green certificates in the center of Sofia, protesters left a huge banner in front of the parliament. Among other demands, the banner even contained aggressive calls for the destruction (‘hanging’) ‘for all the politicians-criminals’.

For a country like Bulgaria, because of the cultural memories from the past, it is not a surprise that many people believe in conspiracy theories and show high suspicion to the state, the official authorities and institutions, as well as to the traditional media. However, it is a surprise that a poster that affirms conspiracy theories and spreads hatred and threats has stayed more than a month in the center of the capital, in front of the Parliament. A well-known TV journalist has called the municipality to ask why the poster had not been removed from the scene. The answer received

1 Запрещена на территории Российской Федерации // Meta Platforms is prohibited in the territory of the Russian Federation.

держал разъяснения о том, что каждый имеет право выражать свое мнение и что муниципалитет не может удалить плакат, потому что он есть воплощение свободы слова.

Анализ контента постов в закрытой онлайн-группе достоверно показывает, что размещаемый в соцсети контент часто содержал такую информацию о пандемии, которая не соответствовала действительности и являлась вводящей в заблуждение. В постах приводились некоторые факты, но они во многих случаях были преувеличены, искажены или неправильно интерпретированы, поэтому способны возбуждать страхи. Таким образом, исследование ставит вопрос о том, почему люди поддерживают заблуждения. Даже когда в XXI веке уже накоплены исчерпывающие доказательства относительно того, что Земля имеет сферическую форму, все еще есть люди, которые верят, что Земля плоская и что существует заговор правительств и ученых с целью внедрить «неверные знания» о том, что Земля круглая. Подобным образом, несмотря на все исследования и собранные доказательства, некоторые люди продолжают настаивать, что COVID-19 не существует или что это обычный грипп.

Могут ли государственные власти игнорировать существование слухов и теорий заговора, если нередко они подвергают опасности здоровье людей? Этот вопрос свидетельствует о том, что по сей день на уровне госуправления, особенно в посттоталитарных странах, таких как Болгария, отсутствует регулирование цифровых медиа, поэтому

is that everybody has the freedom to express their opinion and that the municipality cannot remove the poster because this is a freedom of speech.

Content analysis of posts in a closed online group reliably shows that information about the pandemic is often misleading. There might be some facts, but they are often exaggerated, distorted, and misinterpreted, and thus, they may instill misconceptions and fears. In such a way, the study questions why people sustain misconceptions. Even when there are enough proofs in the 21st century that the Earth is round, there are still people who believe that the Earth is flat and that there is a conspiracy of governments and scientists to implant the wrong knowledge about the Earth being round. Similarly, despite all the evidence, some individuals maintain that COVID-19 does not exist or that it is an ordinary flue.

Also, should the state authorities tolerate rumors and conspiracy theories, especially when they endanger the health of individuals? This question proves that in the post-totalitarian countries, such as Bulgaria, there is a lack of any regulation of the digital media where fake news and conspiracy theories have proliferated and have thus formed the public opinion. Thus, the widely spread beliefs in rumors and conspiracy theories have led to

фейковые новости и теории заговора беспрепятственно распространяются и участвуют в формировании общественного мнения. Так, вера в слухи и теории заговора привела к катастрофическим последствиям в Юго-Восточной Европе. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, во время пандемии в Болгарии зафиксированы самое низкое число вакцинаций (только около 30 % населения привито) и самая высокая смертность на душу населения в Европейском союзе за период 2020—2022 годов.

3.3. Культурные основы теорий заговора в Болгарии

Существует несколько причин длительного существования заблуждений. Во-первых, люди могут сознательно или неосознанно придерживаться ложных версий объяснения действительности, чтобы снизить тревожность. Например, убежденность в том, что настоящей болезни вовсе не существует или что она опасна не более, чем сезонный грипп, может служить психологическим инструментом, помогающим справиться с высоким уровнем стресса и неуверенности. Для таких людей облегчение стрессового состояния важнее, чем поиск истины. Таким образом, наши наблюдения подтверждают гипотезы Р. Росноу и Ж.-Н. Капферера о том, что слухи дают человеку уверенность и в некоторой степени избавляют от тревоги [Rosnow, 1991; Kapferer, 1992]. Во-вторых, склонность доверять непроверенным, ненадежным фактам может быть также связана с низким уровнем образования и отсутствием

disastrous results in the South Eastern European country. According to the World Health Organization during the pandemic Bulgaria has the lowest number of vaccinations (only about 30% of the population has been vaccinated) and the highest rate of mortality per population in the European Union for the period 2020-2022.

3.3. The cultural grounds of conspiracy theories in Bulgaria

There might be different reasons for people to sustain misconceptions. First of all, some individuals may consciously or unconsciously adhere to wrong beliefs to reduce anxiety. Thus, the conviction that there is no real disease or that it is not more dangerous than the seasonal flu may serve as a psychological tool to cope with high levels of stress and uncertainty. For these people, alleviating stress is more important than looking for truths. Thus, the study confirms the hypotheses of Ralph Rosnow and Jean-Noël Kapferer that rumors provide certainty and lower the level of anxiety [Rosnow, 1991; Kapferer, 1992]. Second, believing in false facts may also be due to low levels of education and to the lack of access to reliable information. Thus, reducing anxiety and low education may contribute

доступа к информации, имеющей доказательную базу. Таким образом, высокая тревожность и недостаток образованности обуславливают неумение отделить факт от вымысла и предрасположенность людей к неверному осмыслению той или иной ситуации.

Р. Х. Нэпп и Г. Дюранден, изучающие психологию лжи, приходят к выводу, что свидетели часто дают ложные показания ровно с той же уверенностью, что и правдивую информацию. Исследователи также утверждают, что то, что иногда воспринимается как «правда», может в большей степени отражать ментальные стереотипы человека, чем реально наблюдаемый факт [Кнапп, 1944, с. 22—27; Durandin, 1992].

Кроме того, восприятие часто зависит от предшествующего культурного опыта или воспоминаний. Последние выступают основой для суждений. Так, граждане посткоммунистических стран проявляют намного большую чувствительность к введению ограничений, карантинным мерам, зеленым сертификатам, чем население Запада. Опыт авторитарных режимов в прошлом сформировал их менталитет и те когнитивные и психологические структуры, через посредство которых обрабатывается вся новая информация. Они демонстрируют существенно более высокий уровень подозрительности и недоверия к правительству и его институтам, чем жители более западных территорий. Таким образом, социальный опыт прошлого и коллективная культурная память образуют благодатную почву для циркулирования слухов и теорий заговора.

to people being predisposed to misperceptions.

Both Robert H. Knapp and Guy Durandin study the psychology of lying. Based on their research, they conclude that it is not unusual for witnesses to provide wrong testimony with the same self-assurance as they provide correct and true information. The researchers also claim that what sometimes is perceived as “truth” may reflect more on the individual’s mental stereotypes than what they have seen [Knapp, 1944, p. 22-27; Durandin, 1992].

In addition, perceptions often depend on previous cultural experiences or memories. The latter become the foundation on which mental judgments are made. In such a way, the citizens of the post-communist countries may show much more sensitivity towards restrictions, lockdowns, or green certificates than their Western counterparts. Their experiences of the authoritative regimes in the past have formed their mental concepts through which all the new information is processed. People from the post-communist countries share a much higher level of suspicion and distrust in the government and its institutions than individuals in the Western world. In such a way, the social experiences in the past and the individual and collective cultural memories may become a fertile ground for circulating rumors and conspiracy theories.

Устойчивость заблуждений и склонность принимать на веру слухи также могут быть объяснены на основе теории ментальных схем, которые представляют собой различные фрагменты информации, собранные опытным путем, которые далее организуются в своего рода матрицу, предопределяющую понимание событий и явлений. Согласно концепциям социальной психологии, существующие ментальные схемы индивида предопределяют его представления о мире [Axelrod, 1973]. Люди собирают информацию в соответствии с их убеждениями. Таким образом, ментальные схемы становятся призмой, через которую фильтруется вся полученная информация. Это приводит к феномену селективного восприятия (индивидуальный фильтр входит в число тех групп процессов, которые влияют на селекцию информации интернет-пользователем; модель фильтрации информации в социальных медиа см. в работе: [Грушевская, 2022, с. 401]). Люди легче принимают информацию, соответствующую сложившимся у них ментальным концепциям. Они часто склонны отвергать все доказательства, которые не вписываются в модель. Люди с устойчивыми схемами характеризуются неготовностью понять и принять никакие контраргументы, оказывая тем самым противодействие любым разъяснительным мерам властей. Сопротивление составляет одну из основных трудностей для правительств и официальных институтов, предпринимающих попытки опровергнуть существующие мифы и теории заговора.

Sustaining misconceptions or beliefs that can be easily refuted may also be explained with the theory of mental schemata. The latter represent various pieces of information gathered from particular experiences that further organize themselves to provide an understanding of events and phenomena. According to social psychologists, the existing mental schemata of an individual predetermine their perceptions of the world [Axelrod, 1973]. Individuals gather information in accordance to their existing convictions. Thus, mental schemata become the prism through which all the received information is filtered. This fact results in the phenomenon of selective perception (Individual filter is among those groups of processes that influence the selection of information by internet users; the model of information filtering in social media is described in [Grushevskaya, 2022, p. 401]). People accept more easily the information that corresponds to their existing mental concepts. They often tend to reject all the evidence which does not fit into an existing schema. Individuals with strong schemata would tend to resist any contrargumentation. Similarly, resistance has become one of the main challenges for governments and official institutions in the efforts to debunk existing myths and conspiracy theories.

4. Заключение

Исследования показывают, что слухи и теории заговора преобладают во время социальных кризисов и периодов неопределенности. Слухи являются социально-психологическим явлением, получающим развитие в условиях недостатка знаний и достоверной информации. Однако нередко люди склонны придерживаться ложных представлений, даже когда приводятся доказательства, опровергающие их. Четыре фактора играют важную роль в сохранении ложных убеждений и заблуждений. Первый из них — потребность в снижении стресса. Второе — низкий уровень образованности, недостаточно развитые когнитивные способности, слабо сформированные аналитические и критические навыки. Третий фактор — это культурная память и травмирующий опыт прошлого, которые выступают основой для суждений в настоящем. Четвертый фактор — это феномен ментальных схем: когда у людей сложились устойчивые убеждения, мнение по тому или иному вопросу, их сложнее переубедить. Эти четыре фактора обуславливают низкую готовность людей воспринимать новую информацию, вступающую в противоречие с привычными им ментальными схемами, и, соответственно, сопротивление осмыслению контраргументации.

Из сказанного следует, что правительствам и институтам требуется больше усилий для опровержения теорий заговора и популярных мифов. Этот факт относится к сферам общественной и здравоохранительной коммуникации, государственного управ-

4. Conclusions

The research indicates that rumors and conspiracy theories dominate during social crises and times of uncertainty. Rumors are a social psychological phenomenon related to the lack of knowledge and adequate information. However, some individuals tend to stick to misconceptions even when proofs against the latter are provided. Based on the research, four main factors can be outlined as important in sustaining false beliefs and misconceptions. The first one is the need to reduce stress. The second factor may relate to low levels of education contributing to low cognitive abilities. The third one is the cultural memories and traumas from the past that may lay the foundations for present-day perceptions. The fourth factor is the phenomenon of mental schemata. When people have formed strong beliefs or opinions regarding particular objects or topics, it is more challenging to convince them in the opposite. These four factors become the reason for some individuals to hold themselves to existing concepts and to resist strongly to contra-information or contra-argumentation.

Thus, the study concludes that governments and institutions need much more effort to debunk conspiracy theories and popular myths. This fact is also valid for the spheres of public and health communication, public administra-

ления и образования. Предоставляя полную и достоверную информацию и организуя открытые обсуждения существующих заблуждений, специалисты по коммуникации смогут помочь противостоять теориям заговора, которые подрывают работу правительств и общественных институтов.

tion, and education. By providing adequate and correct information and by openly discussing some misconceptions, communication specialists can better oppose conspiracy theories that undermine the work of governments and public institutions.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Грушевская В. Ю. Модель фильтрации информации в социальных медиа / В. Ю. Грушевская // Журнал исследований социальной политики. — 2022. — Т. 20, № 3. — С. 393—406. — DOI 10.17323/727-0634-2022-20-3-393-406.
2. Allport G. V. An analysis of rumor / G. V. Allport, L. Postman // Public Opinion Quarterly. — 1946. — Vol. 10 (4). — Pp. 501—517. — DOI: 10.1093/poq/10.4.501.
3. Axelrod R. Schema Theory: An Information Processing Model of Perception and Cognition / R. Axelrod // The American Political Science Review. — 1973. — Vol. 67 (4). — Pp. 1248—1266.
4. Community's misconception about COVID-19 and its associated factors in Satkhira, Bangladesh: A cross-sectional study / M. Bakebillah, M. A. Billah, B. L. Wubishet, M. N. Khan // PLoS One. — September 10, 2021. — 16(9): e0257410. — DOI: 10.1371/journal.pone.0257410.
5. COVID-19 vaccine rumors and conspiracy theories: The need for cognitive inoculation against misinformation to improve vaccine adherence / S. Islam et al. // PLoS One. — May 12, 2021. — DOI: 10.1371/journal.pone.0251605.
6. Durandin G. Les Fondements du Mensonge / G. Durandin. — Paris: Flammarion, 1992. — 456 p. — ISBN 9782082101844.
7. Edy J. A. Rumor Communities: The Social Dimensions of Internet Political Misperceptions / J. A. Edy, E. E. Risley-Baird // Social Science Quarterly. — 2016. — Vol. 97 (3). — Pp. 588—602. — DOI: 10.1111/ssqu.12309.
8. Guerin B. Analyzing Rumors, Gossip, and Urban Legends Through Their Conversational Properties / B. Guerin, Y. Miyazaki // The Psychological Record. — 2006. — Vol. 56. — Pp. 23—33.
9. Heller J. Rumors and Realities: Making Sense of HIV/AIDS Conspiracy Narratives and Contemporary Legends / J. Heller // American Journal of Public Health. — 2015. — Vol. 105 (1). — Pp. 43—50. — DOI: 10.2105/AJPH.2014.302284.
10. Jenkins B. Plots and Rumors: Conspiracy Theories and the Six Février 1934 / B. Jenkins // French Historical Studies. — 2011. — Vol. 34 (4). — Pp. 649—678. — DOI: 10.1215/00161071-1422874.
11. Kapferer J.-N. How rumors are born / J.-N. Kapferer // Society. — 1992. — Vol. 29. — Pp. 53—60.
12. Knapp R. H. A psychology of rumor / R. H. Knapp // Public Opinion Quarterly. — 1944. — Vol. 8. — Pp. 22—37. — DOI: 10.1086/265665.
13. Pezzo M. V. A multilevel analysis of rumor transmission: Effects of anxiety and belief in two field experiments / M. V. Pezzo, J. W. Beckstead // Basic and Applied Social Psychology. — 2006. — Vol. 28 (1). — Pp. 91—100.

14. Rosnow R. L. Inside rumour : A personal journal / R. L. Rosnow // *American Psychologist*. — 1991. — Vol. 46. — Pp. 484—496.

*Статья поступила в редакцию 12.10.2023,
одобрена после рецензирования 03.01.2024,
подготовлена к публикации 22.01.2024.*

References

- Allport, G. V., Postman, L. (1946). An analysis of rumor. *Public Opinion Quarterly*, 10 (4): 501—517. DOI: 10.1093/poq/10.4.501.
- Axelrod, R. (1973). Schema Theory: An Information Processing Model of Perception and Cognition. *The American Political Science Review*, 67 (4): 1248—1266.
- Bakebillah, M., Billah, M. A., Wubishet, B. L., Khan, M. N. (2021). Community's misconception about COVID-19 and its associated factors in Satkhira, Bangladesh: A cross-sectional study. *PLoS One. September 10. 16*(9): e0257410. DOI: 10.1371/journal.pone.0257410.
- Durandin, G. (1992). *Les Fondements du Mensonge*. Paris: Flammarion. 456 p. ISBN 9782082101844. (In French).
- Edy, J. A., Risley-Baird, E. E. (2016). Rumor Communities: The Social Dimensions of Internet Political Misperceptions. *Social Science Quarterly*, 97 (3): 588—602. DOI: 10/1111/ssqu.12309.
- Grushevskaya, V. (2022). The Information Filtering Model in Social Media. *The Journal of Social Policy Studies*, 20(3), 393-406. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-3-393-406. (In Russ.).
- Guerin, B., Miyazaki, Y. (2006). Analyzing Rumors, Gossip, and Urban Legends Through Their Conversational Properties. *The Psychological Record*, 56: 23—33.
- Heller, J. (2015). Rumors and Realities: Making Sense of HIV/AIDS Conspiracy Narratives and Contemporary Legends. *American Journal of Public Health*, 105 (1): 43—50. DOI: 10.2105/AJPH.2014.302284.
- Islam, S. et al. (2021). COVID-19 vaccine rumors and conspiracy theories: The need for cognitive inoculation against misinformation to improve vaccine adherence. *PLoS One. May 12. 16*(5):e0251605. — DOI: 10.1371/journal.pone.0251605.
- Jenkins, B. (2011). Plots and Rumors: Conspiracy Theories and the *Six Février* 1934. *French Historical Studies*, 34 (4): 649—678. doi.org/10.1215/00161071-1422874.
- Kapferer, J.-N. (1992). How rumors are born. *Society*, 29: 53—60.
- Knapp, R. H. (1944). A psychology of rumor. *Public Opinion Quarterly*, 8: 22—37. DOI: 10.1086/265665.
- Pezzo, M. V., Beckstead, J. W. (2006). A multilevel analysis of rumor transmission: Effects of anxiety and belief in two field experiments. *Basic and Applied Social Psychology*, 28 (1): 91—100.
- Rosnow, R. L. (1991). Inside rumour: A personal journal. *American Psychologist*, 46: 484—496.

*The article was submitted 12.10.2023;
approved after reviewing 03.01.2024;
accepted for publication 22.01.2024.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

.....

Ван Юн, д-р филол. наук (Ханчжоу, Китай)

Вера Владимировна Сердечная, д-р филол. наук (Краснодар)

Дмитрий Николаевич Жаткин, д-р филол. наук (Пенза)

Жэнь Шуби, аспирант (Ханчжоу, Китай)

Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)

Ольга Николаевна Александрова-Осокина, д-р филол. наук (Хабаровск)

Татьяна Николаевна Баранова, соискатель (Санкт-Петербург)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(1), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Александрова-Осокина О. Н. Фронтирное пространство Кяхты и Приамурья в очерках Д. И. Стахеева «За Байкалом и на Амуре» (1869) / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 205—224. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-205-224.

Aleksandrova-Osokina, O. N. (2024). Frontier Space of Kyakhta and Amur Region in D. I. Stakheev's Essays 'Beyond Baikal and on Amur' (1869). *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 205-224. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-205-224. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-205-224

Фронтирное пространство Кяхты и Приамурья в очерках Д. И. Стахеева «За Байкалом и на Амуре» (1869)

**Александрова-Осокина Ольга
Николаевна**

orcid.org/0000-0003-2960-9920
доктор филологических наук, доцент
кафедры литературы и журналистики
osokina-11@mail.ru

Тихоокеанский
государственный университет
(Хабаровск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 23-28-01494,
<https://rscf.ru/project/23-28-01494/>

Frontier Space of Kyakhta and Amur Region in D. I. Stakheev's Essays 'Beyond Baikal and on Amur' (1869)

Olga N. Aleksandrova-Osokina
orcid.org/0000-0003-2960-9920

Doctor of Philology, associate professor,
Department of Literature and Journalism
osokina-11@mail.ru

Pacific National University
(Khabarovsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-01494,
<https://rscf.ru/project/23-28-01494/>

© Александрова-Осокина О. Н., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье представлены результаты анализа очерков Д. И. Стахеева из книги «За Байкалом и на Амуре» (1869). Автор останавливается на исследовании очерков «Кяхта», «Маймачен», «От Кяхты до Благовещенска» и «От Благовещенска до реки Сунгари». Уделяется внимание особенностям художественного воссоздания «фронтирного» пространства. В статье рассматриваются вопросы проблемно-тематического содержания очерков: образ русской и китайской культуры, проблемы народного переселения на Амур, картины природы и т. д. Автор исходит из того, что характер авторского мироотражения обусловлен фронтирным видением, чувством границы, порубежья. Новизна исследования видится в обращении к малоизученной очерковой прозе Стахеева, а также в применении фронтирной парадигмы в качестве инструмента исследования. В статье предложена структура фронтирного образа у Стахеева, которая включает географические пространственные образы, этнопоэтику русской и китайской культуры, образ «человека фронта». Показано, что писатель привлекает систему народно-поэтических оценок, опирается на сказовые элементы, обращается к образно-мотивному ряду народного творчества. В результате проведенного исследования были выявлены черты дальневосточного фронта, воссозданные Стахеевым, и доказано, что очерки являются уникальным литературным материалом о народной культуре Забайкалья и Приамурья в середине XIX века.

Ключевые слова:

Д. И. Стахеев; путевой очерк; фронтирная поэтика; пейзаж; этнопоэтика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article presents the results of an analysis of D. I. Stakheev's essays from the book "Beyond Baikal and on the Amur" (1869). The author focuses on the study of the essays "Kyakhta", "Maimachen", "From Kyakhta to Blagoveshchensk", and "From Blagoveshchensk to the Sungari River". Attention is given to the peculiarities of artistic recreation of the "frontier" space. The article discusses the problematic and thematic content of the essays, including the portrayal of Russian and Chinese cultures, issues of population migration to the Amur region, and depictions of nature, among others. The author argues that the character of Stakheev's reflection is shaped by a frontier vision and a sense of borderland. The novelty of the research lies in the exploration of Stakheev's lesser-known essays and the application of the frontier paradigm as a research tool. The article proposes a structure for the frontier image in Stakheev's works, which includes geographical spatial images, ethno-poetics of Russian and Chinese cultures, and the image of the "frontier man". It is shown that the writer employs a system of folk-poetic evaluations, draws on elements of folklore, and utilizes imagery and motifs from folk creativity. The study reveals the characteristics of the Far Eastern frontier as depicted by Stakheev and demonstrates that the essays serve as a unique literary material about the folk culture of Transbaikalia and the Amur region in the mid-19th century.

Key words:

D. I. Stakheev; travel essay; frontier poetics; landscape; ethno-poetics.

Фронтирное пространство Кяхты и Приамурья в очерках Д. И. Стахеева «За Байкалом и на Амуре» (1869)

© Александрова-Осокина О. Н., 2024

1. Введение = Introduction

Настоящая статья освещает забайкальские и дальневосточные страницы творчества Дмитрия Ивановича Стахеева (1840—1918), известного во второй половине XIX века беллетриста, журналиста, редактора ведущих российских журналов («Нива», «Русский Мир», «Русский вестник»).

Писатель принадлежал к знаменитой в России купеческой династии (интересно отметить, что с этой же родовой линией был связан и русский живописец И. И. Шишкин); его первые литературные опыты были посвящены Забайкалью и Приамурью, где в 1855—1860-х годах он вел торговые дела отца и занимался личным предпринимательством. Эти события нашли отражение в сборниках очерков «На память многим: рассказы из жизни в России, Сибири и на Амуре» (1867); «Глухие места» (1868). Материалом для изучения в настоящей статье послужили очерки из созданного в эти же годы сборника «За Байкалом и на Амуре» (1869): «Кяхта», «Маймачен», «От Кяхты до Благовещенска», «От Благовещенска до реки Сунгари».

Предмет исследования — особенности воссоздания фронтирного культурно-географического пространства в художественном тексте. Цель исследования — выявить и охарактеризовать способы создания фронтирного пространства Кяхты и Приамурья в очерках. Выбор предмета и постановка цели исследования мотивированы интересом к фронтирной зоне контакта.

Кяхта, основанная в первой половине XVIII века как город русско-китайской торговли и связанная единым экономическим пространством с китайским городом Маймаченом (называемым также «китайская Кяхта») [Тертицкий, 2018], была «островком» русского мира на границе [Носков, 1861; Жаргалова, 2018; Мостовщикова, 2019; Крадин, 2020; Го Юй-Чунь, 2020]. «Как Венеция на берегу Средиземного моря, так Кяхта на границе обширной степной Монголии играла роль торговой гавани», — писал ученый-этнограф Н. М. Ядринцев [Цит. по: Чагдурова, 2013, с. 111]. Приамурье в конце 50-х - начале 60-х годов XIX века также представляло собой пространство, где только начинала складываться русская жизнь в окружении суровой природы и чужой культуры.

Концепция фронта, сформулированная в конце XIX века Фр. Дж. Тернером, оказалась продуктивной и в отношении литературоведческих исследований, см., в частности: [Забияко, 2015; Забияко, 2020]. Фронтирный подход позволяет проанализировать особенности создания географического и этнопоэтического пограничного пространства в литературном произведении; проследить формы создания рубежности, выявить способы отражения межнациональных и межкультурных отношений; определить характер «человека фронта», отличающегося особой витальностью и креативностью [Воробьева, 2012; Синельникова, 2020].

Кяхта и Приамурье, оказавшиеся предметом исследования в настоящей работе, имели все признаки фронта: вхождение в зону «дикий» природы, межкультурное взаимодействие с пограничным народом (китайцами) и аборигенами, строительство «с нуля» русской культуры на новом месте; формирование особого типа человека.

Новизна исследования определяется выбранным ракурсом анализа текста — изучение фронтирной поэтики, а также самим материалом — очерками Стахеева, практически не изученными.

Актуальность представленной работы обусловлена интересом к проблемам литературной регионалистики, необходимостью формирования целостной картины развития русской литературы XIX века, в которой свое достойное место должна занять и очерковая литература, воссоздававшая облик русских окраин.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В задачи настоящей работы входят выявление особенностей фронтирной поэтики в изображении образа Кяхты, создание этнопоэтического образа русско-китайских отношений и раскрытие темы русского освоения Амура.

Исследовательские методы, применяемые в работе: сравнительно-типологический, историко-культурный; образно-мотивный анализ, — обеспечили решение поставленных исследовательских задач.

Историко-литературной базой настоящей статьи для изучения биографии и творчества Д. Стахеева стали исследования Н. М. Валеева, «возродившего» имя писателя в XX веке [Валеев, 1996]; работы по проблемам романистики писателя [Патенко, 2007; Хабибуллина, 2007; Макушева, 2013], по вопросам типологии очерковой прозы [Грахова, 2001; Данилова, 2005], материалы, освещающие дальневосточный период творчества писателя [Хайрулина, 2001; Урманов, 2014; Мостовщикова, 2019; Маслова, 2022].

В названных работах были сделаны принципиальные наблюдения над особенностями художественного метода писателя, соединяющего доку-

ментализм и художественное обобщение, обогатившего жизненный факт системой личных оценок и комментариев, лиризмом, психологизмом, см.: [Данилова, 2005, с. 10; Грахова, 2001]. Очерковая проза Стахеева строилась в русле значимого с середины 1840-х годов этнографического направления, в котором этнографические и бытовые зарисовки, народная речь, фольклор выступали средствами художественного народознания [Фокеев, 2004].

В статье привлекались также литературно-региоведческие работы [Мостовщикова, 2019; Полякова, 2015; Пономарева, 2019]. По проблемам фронта в литературе были учтены концептуальные исследования, освещающие теорию и историю вопроса [Шебзухова, 2023; Иванова, 2016; Карабущенко, 2016]; особенное внимание уделялось исследованиям, посвященным дальневосточному фронтиру [Забияко, 2015; Забияко, 2020; Урманов, 2014]; а также имеющимся публикациям, в которых изложены результаты изучения художественных произведений, где получили литературно-художественное воплощение российско-китайские отношения [Го Юй-Чунь, 2020; Сенина, 2018; Ши Сяолун, 2016].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Кяхта — как фронтирное пространство

Для Стахеева Кяхта открылась, как «пространство фронта», город, не похожий на другие российские города: *«Вот они как, — подумал я, — не по-нашему живут»* [Стахеев, 1869, с. 101].

Автор обращает внимание на детали, подчеркивающие отдаленность и труднодоступность Кяхты, словно бы самой природой «скрытую» от магистральных маршрутов русской культуры: *«Восемьдесят верст пути до Кяхты от Селенгинска утомительны до крайности <...> ехать в зимнем экипаже чистая каторга»* [Там же, с. 89].

Пейзаж на подступах к Кяхте формирует контраст ландшафта: горы и степи: *«<...> яснее становились горы, за которыми лежит Кяхта»* [Там же, с. 87]; *«дорога идет по горам, только и знаешь, что поднимаешься в гору да спускаешься под гору»* [Там же, с. 89], *«с правой стороны, при выезде из города, видны горы»* [Там же, с. 97], *«видны голые остроконечные сопки, длинной цепью вытянувшиеся по границе Монголии»* [Там же, с. 98]; *«на открытой степной местности снег сдувает»* [Там же, с. 89].

В русском фольклоре топоры поля, степи, горы, реки являются значимыми символами пространственной картины, обозначают границу между «своим и чужим», место встречи с «врагом»; символизируют битву, «жизнь и смерть», «бесконечность»; ассоциируется в фольклоре с местом «потусторонним», см.: [Абрамова и др., 2021].

Картину дополняет образ выюги, в котором ощутимы мотивы «поту-стороннего» присутствия: *«Мороз и выюга. Холодный, порывистый ветер стонет и воет, метаясь из стороны в сторону по большой дороге»* [Стахеев, 1869, с. 85]. Значимы в создании общего колорита «нехорошего места» виды «неоформленной» природы (*«чахлый кустарник», «едва заметная речонка»*) [Там же, с. 97—98]) и приметы «остановившегося» времени и неизменного пространства: *«кругобайкальская дорога остается такой, как Господь создал ее в первый день сотворения мира»* [Там же, с. 126].

Картину «нерусского мира», «фронтирного» пространства дополняет образ инорелигиозного культового сооружения — *«огромная бурятская кумирня, возвышающаяся посреди степи своими остроконечными башнями»* [Там же, с. 86].

Детали природного мира, окружающего Кяхту, прочитываются автором как приметы «кромешного мира». Русский путешественник на подступах к Кяхте ощущает пейзаж как «чужой», это кромешный мир, чертами которого являются неупорядоченность, «спутанные отношения», «неустойчивость», скитальчество, см.: [Лихачев и др., 1975, с. 59]. Поэтому естественной характеристикой этого мира являются качества «небытия»: здесь наблюдается *«полнейшее отсутствие какой-либо жизни»* [Стахеев, 1869, с. 86]; *«Селенгинск <...> это один из таких ничтожных городков, про которые <...> не считают нужным упоминать, <...> как будто бы они и на свете не существуют»* [Там же, с. 87].

Сама же Кяхта в этом пространстве предстает как «оплот» русского, «своего» мира, чертами которого являются привычные русскому глазу дома и православный храм: *«Первое, что поразило меня — это необыкновенная чистота и как будто новизна постройки. Дома, крыши и, заборы казались только что выкрашенными. Высокая, каменная церковь красовалась на возвышенном месте; вызолоченные кресты на ее пяти главах <...> останавливали взгляд каждого»* [Там же, с. 98]. Чувство единства с Россией подчеркивают и здравницы на купеческом обеде *«Ну-ко, братцы, закричал старшина: за Царя и Русь святую! Эй; музыканты! играйте за Царя и Русь святую»* [Там же, с. 101—102].

«Фронтирную окраску» обнаруживает и народная топонимическая память. Стахеев вводит в повествование народную легенду об основании Кяхты и Троицкосавска Саввой Рагузинским, дипломатом петровской эпохи, см.: [Крадин, 2020; Мостовщикова 2019; Пономарева 2019].

О ценностном содержании легенды свидетельствует тот факт, что простой поселенец, сам еще не укоренившийся на этой земле, хранит память о событиях столетней давности. *«Живем мы на этих песках по милости Саввы Владиславича. <...> Савва Владиславич Рагузинский <...> хотел непре-*

менно найти такую реку, которая бежала бы не из китайских пределов, а от нас. Побавался он, видите ли, чтоб китайцы не напустили в воду какого-нибудь зелья и не отравили бы народ» [Стахеев, 1869, с. 94—95].

Савва Рагузинский в народной легенде предстает в роли «культурного героя», принимающего «мудрое» решение и предостерегающего «свой» народ, живущий в пограничной зоне, от возможной опасности, исходящей от иноземца. Народная память не только хранит информацию, но и формирует логическую, мотивированную картину событий, выступает как «народная история». Обращение к народной исторической легенде давало возможность передать живые интонации рассказчика, ритм его речи, раскрыть мировоззрение. Ценность записи в ее уникальности: исторические официальные источники не содержат таких топонимических подробностей о выборе места.

Еще одной гранью пространственно-фронтирного образа Кяхты становится в очерке тема контрабанды. «Образ контрабандиста» представлен в ряде произведений русской литературы (Лермонтов «Тамань», Короленко «Соколинец», Арсеньев «Дерсу Узала» и ряд других) и в живописи [Кривonos, 2019; Литвинов, 2022; Пшеничная, 2014]. Очерки Стахеева, посвященные контрабанде, также должны быть учтены в этом типологическом ряду.

Российско-китайская система чайной меновой торговли создавала условия для нелегальных и обманных схем обмена товара, недаром Кяхту называли «забалуи-городок» (о чем упоминает декабрист М. А. Бестужев в газете «Кяхтинский листок» № 6 1862 года), см.: [Чагдурова, 2013, с. 111].

Фактические бытовые подробности «контрабандного дела» (особенностей проезда, организации таможи, способы контрабанды и т. д.), записанные Стахеевым, в контексте очерка обнаруживают мифопоэтический комплекс значений, черты, связанные с «фронтирным» миром тайной жизни Кяхты.

Прежде всего, хронотоп «контрабандного дела» у Стахеева характеризуется чертами рубежности, «порога»: дело происходит на границах защищенного мира, подконтрольного надзору государственных служб, и пространства, где уже невозможен контроль (степь, лес дорога): *«Много видов видал на своем веку этот угрюмый старец — таможня! Сколько, бывало, наводил он страху на контрабандистов, пробирающихся темной ночью по глубокой «Воровской Пади»»* [Стахеев, 1869, с. 92]; *«только бы с версту от Кяхты отойти транспорту; а уж там если и таможня нагрянет <...>, то ничего ровно не поделает»* [Там же, с. 139].

Важен мотив границы, отделяющей «цивилизованное» от «маргинального»: *«досмотрщики подняли шлагбаум, и я въехал в торговую слободу»* [Там

же, с. 98], *«кругом всей торговой слободы идет высокий двухсаженный заплот, везде стоит стража и по всей границе тоже стража»* [Там же, с. 137].

Переход границы, отделяющей «законный» мир Кяхты от «кромешного» мира контрабандистов, отмечен чертами необычного, тайного: оставленное на таможене имущество *«по происшествии нескольких дней, вдруг оказывалось в самой Кяхте, точно его переносили из Усть-Кяхты неведомые силы»* [Там же, с. 89]. Эта же пограничность относится и ко времени суток (сумерки, ночь — периоды, также являющиеся неподконтрольными): *«Иван Васильевич ночью перевез серебро в лес и ранним утром выехал из лесу»* [Там же, с. 111]; *«сам пробирается вместе. С казаками, темной ночью <...> контрабандисты, пользуясь темной ночью <...> скрылись»* [Там же, с. 138].

Следует обратить внимание на вопросно-ответную форму диалога, которая может быть рассмотрена как форма посвящения («инициации») в «тайны ремесла»: *«Всему этому добру научили меня мои хорошие знакомые, так же; как я вас учу»* [Там же, с. 105]. Героя-«неофита» сопровождают такие характеристики, как мотив «слепоты» (*«А то я точно слепой или с завязанными глазами»*) [Там же, с. 97] и неведения, «простоты» (*«что, брат-простота, ничего-то ты, видно, не смыслишь»*) [Там же, с. 105].

Отдельной значимой темой в очерках Стахеева является тема русско-китайских отношений. В исследовательской литературе отмечалось, что в литературе XVIII—XIX веков достоверный образ Китая был показан не в беллетристических произведениях, а в документально-художественной путевой прозе, см.: [Сенина, 2018; Ши Сяолун, 2016]. Очерки Стахеева также внесли вклад в создание литературного образа Китая.

В очерке «Маймачен» Стахеев создал картину материальной и духовной культуры Китая: показал портрет, костюм, жилище, особенности культа; в жанровых сценках и диалогах отразил особенности русско-китайского диалекта (пиджин) и черты психологии.

Во многих отношениях наблюдения носили характер внешних впечатлений. Так, например, говоря об убранстве китайского дома, он описывает картины *«с изображением драконов, змей, несуществующих зверей, <...> страшилищ, с невероятно большими глазами и зубами; <...> картины, изображающие военные эпизоды из китайской истории»* [Стахеев, 1869, с. 185]. Мифология изображенного на картинах, жанрово-стилевые особенности китайской живописи автору неизвестны; на уровне внешних впечатлений остаются наблюдения над особенностями устройства домашнего алтаря, китайского театра. Однако незнание китайской культуры вполне компенсируется полнотой и детальностью наблюдений.

В контексте оценки характера российско-китайских отношений видится особенно значимым уважительное отношение к китайцам, стремление

понять их взгляд на мир, оценить особенности традиций. Писатель отмечает, что китайцы *«всегда радушные со всяким знакомым и незнакомым человеком»* [Там же, с. 184]. *«Уважение к старости между китайцами чрезвычайно развито и мне часто случалось видеть, как молодые, богатые люди, при виде идущего мимо них старика, вставали с своих мест и приветствовали его; а старик этот между тем, был не более, как мелочной торговец»* [Там же, с. 220].

Автор приводит примеры, свидетельствующие о гибкости и взаимном приспособлении русских и китайцев, связанных общим делом на пограничной территории. Как идиллическая может быть охарактеризована картина празднования Китайского Нового года: *«Посещая русских, каждая китайская фуза дарит каждому русскому комиссионеру подарки <...>. Русские купцы встречают гостей с радушием и вместе с ними празднуют наступление китайского нового года, — так сливаются две национальности, и горячий чай, разведенный наполовину ромом, приводит зачастую празднующих к взаимным поцелуям. В обмен за полученные от китайцев подарки, русские дарят их в свою очередь сукном, плисом, платьями и проч.»* [Там же, с. 207].

Записи Стахеева наглядно подтверждают роль подарка как семантически значимого атрибута межкультурной коммуникации: подарок упрочивает деловые и дружеские контакты, служит средством выражения эмоций, выступает формой невербальной и культурологической коммуникации, см., в частности: [Ван Пань и др., 2017, с. 17].

Уникальным художественным открытием Стахеева можно считать записи живой китайской речи на «кяхтинском языке», или, точнее, русско-китайском пиджине. Кяхтинский пиджин создавался в условиях языкового, делового и культурного взаимодействия на фронтире [Гун Лэй и др., 2022]. Всего в очерке «Майматчин» записано около двадцати эпизодов речевых контактов: автор говорил с китайцами о Пекине, о книгах, о религиозной вере, о бане, о русских лошадях, о телеграфе, о китайских чиновниках.

Записи, сделанные с сохранением фонетических, лексических и грамматических особенностей могут представлять интерес как материал для изучения кяхтинского пиджина, так как на сегодняшний день он не представлен в живой речи и изучается только по сохранившимся письменным источникам. В контексте настоящей статьи важно обратить внимание на эмотивную составляющую записанных Стахеевым речевых форм: это всегда дружелюбие и открытость к общению.

«Я приехал к одному из старшин торгового в Кяхте купчества и, входя в комнату, увидел <...> китайцев <...> — Здравствуй, плятер! — Нова люди! — Кода плишоло? <...> — Вчера приехал, отвечал я, едва

понимая их вопрос. — Какой люди? Какова города? Кака имя? Батюшка еси? — спрашивали опять китайцы. — Матушка еси? Жениха была? Ребязи еси, братциза еси, какой товар повози? (Есть-ли мать? Женат ли? Есть ли дети, братья? Какой товар привез продавать?). <...> — Плятер буду за нама. — Фамильярно говорил один, похлопывая меня по плечу. — Поторгова буду? Тибби сама серебро хозяин, или пыркащики? приставали другие (т. е. ты хозяин, или приказчик?). — Не понимаю, — повторял я с досадой. — Плятер, сердиза не надо. Чево напрасно! — Нама только спрашива. Сердиза не надо! — Тибби умна люди халышанка. После торгова буду, — ласково говорили некоторые» [Стахеев, 1869, с. 99—100].

Так, интуитивное ощущение глубины жизни и духовные личностные ориентиры дали возможность писателю от «факта действительности» перейти к изображению сущности народной жизни.

3.2. Формирование русского мира на Амуре в 1860-х годах

В аспекте отражения фронтирного восприятия интересно рассмотреть и тему освоения Амура. Она раскрывается в главах-очерках «От Кяхты до Благовещенска», «От Благовещенска до реки Сунгари», композиция которых, отражает и маршрут сплава автора по Амуре, и путь русских переселенцев.

В аспекте фронтирной поэтики интерес представляют грани, раскрывающие мир переселенцев в парадигмах «традиционное — новое», «освоенное — неизвестное», «мир переселенцев — мир природы», «своя земля — «чужая» земля» и т. д. Отмеченная в исследованиях по фронтиру социальная пестрота — смешение людей всех званий и сословий — находит подтверждение в очерках, где показаны крестьяне, казаки, солдаты, сельское духовенство, провинциальная интеллигенция, амурские аборигены.

Доминирующим структурным элементом в этой части очерковой книги видится образ дороги, который формирует хронотоп очерков, образно-мотивный ряд и выступает стержневым в формировании фронтирного образа региона. По хрестоматийно известному определению М. М. Бахтина, дорога является объединяющим началом в пространственной структуре художественного текста, организует пространственно-временную целостность, погружает человека в мир пребывания «на границе», ставит в систему разнообразных встреч с бытовой, географической, психологической, историко-культурной, этнографической новизной, см.: [Бахтин, 1975, с. 392].

Именно дорога на Амур становится в очерках Стахеева пространством встречи людей различных сословий и всех сословий и вероисповеданий.

Географическим своеобразием маршрутов амурского фронта являлось практически полное отсутствие сухопутных путей сообщения, «дорога» имела сезонный характер: летом это была река (Амур), а зимой — та

же река, но застывшая. Смена сезонов и организация навигации летом и зимой и создают оживление жизни или, наоборот, ее замирание в межсезонье: *«Наступила осень. <...> Пароходные рейсы прекратились <...>, стали терпеливо ждать того времени, когда Амур покроется льдом и образуется путь по реке»* [Стахеев, 1869, с. 272]; *«как открылся путь на Амур, город этот начинает несколько оживляться: то обозы тянутся чрез него, то проезжающие едут»* [Там же, с. 237].

Фронтирный образ создается картинami природы, нетипичной для центра России, стихийной, контрастной, экзотичной. Экзотические топонимы (Зея, Аргунь, Чичикар, Ингода, Шилка, Хинган) несут в себе указание на историческую память о том, что это «чужое» пространство.

Созданию фронтирного образа способствуют описания резких различий в ландшафте, подчеркивающие «пороговость» рельефа местности: *«Из Читы в Нерчинск дорога гористая и сколько верст, столько подъемов и спусков по горам»* [Там же, с. 238]; *«Выглянула высокая сопка, одна из хинганских возвышенностей. — Вон она, сопка-то. Видишь, как ее выперло, под самые, что есть, облака закатилась, — говорили рабочие»* [Там же, с. 306].

Создавая картины амурских пейзажей, писатель акцентирует их стихийный характер, связанный с миром первозданной витальной силы: *«Лед по Зее запер ход Амуру. Треск пошел по реке от напора льдин, громоздившихся одна на другую; высокие горы догоняли одна другую и, с шумом разрушаясь, заменялись еще большими горами льдин»* [Там же, с. 280]; *«Быстрая и широкая Буряя, впадая в Амур с левой (северной) стороны, как будто раздвигала горы, стоящие с обеих сторон при ее впадении»* [Там же, с. 300].

С темой неизбежного пространства связан образно-мотивный ряд со значениями «пустоты», «безлюдности», чувства оторванности от центральной России, тоски: *«Путешествие до Благовещенска не представляло ничего замечательного кроме пустынности и малого заселения берегов»* [Там же, с. 240]; *«Жители стали чаще рассказывать по берегу и тоскливо смотрели вверх по реке, ожидая парохода. <...> город находился в каком-то изолированном положении, точно он на всем белом свете один одинокое существует и кругом его на необозримое пространство — пустота»* [Там же, с. 280]; *«Скучное место, батюшко, скучное, тоскливое; горы, эдакие вокруг тебя страшные, все горы да горы, да лес дремучий»* [Там же, с. 310].

Главной темой в «амурских очерках» является тема освоения новой территории и обустройство русской жизни на Амуре: здесь картины неустройства противопоставлены здоровым началам народной жизни, помогающим не только выжить на новом месте, но и не утратить своей национальной идентичности. В оценках простых переселенцев присутствует

противопоставление новой, «чужой» земли и оставленной, «своей»: *«Не веселит все; места новые, дико как-то кругом <...> а дома за Байкалом все свое было»* [Там же, с. 305].

Внешними проявлениями жизненных, здоровых начал на Амуре Стахеев отмечает быстрое и масштабное по территории строительство, которое велось *«трусами и лишениями»* батальонных солдат-строителей [Там же, с. 325].

Маркерами «обжитости» и «оседлости» оказываются для писателя не только размер станицы и определенная планомерность застройки, но, прежде всего, построенная церковь: *Албазинская станица <...> смотрит настоящим русским селом: раскинулась она на высоком берегу, на месте прежнего города Албазина; деревянная, весьма порядочного размера церковь, построена. на первом плане, на самом возвышенном месте <...>, станица Черняева имеет нечто напоминающее об оседлости; в ней тоже во время нашего проезда строилась церковь»* [Там же, с. 240]. Очевидно, что сам факт «наличия церкви» в картине мира автора свидетельствует об упрочении русской жизни.

О характере освоения новой земли, превращения «чужого» в «свое» свидетельствует реплика поселенца, характеризующая народный взгляд на освоение Амура: *«Завоевали наши русские этот Амур (—) и шабаи!»* [Там же, с. 312—313].

Жизненную силу переселенцев автор показывал и в охотничьих сюжетах. Изображение изобильной природы как характерная черта фронтальной поэтики [Якушенков, 2013] было обусловлено, в первую очередь, реальной ситуацией, но также вписывалось и в мифопоэтический образ утопической земли Беловодье, которая мыслилась где-то на восточных окраинах Российской империи [Чистов, 1967, с. 240—290]. В рассказах об охоте и рыбной ловле повторялись народные легенды об Амуре как сказочном Беловодье: *«Здесь всякого зверя много, и большого, и малого. Кабан есть, изюбря, коза, этой козы одной не перебеешь, чай во всю жисть, — так ее много»* [Стахеев, 1869, с. 316]. А сам охотничий рассказ демонстрировал русский народный характер, показывая бесстрашие, готовность к неожиданным ситуациям, умение организовать пушной промысел в новых условиях: *«Бьем мы здесь понемногу белку, тоже, мало дело, соболишка колотим. <...> По счастью да по уменью глядя и несем, кто сколько добыл, кто десяток, а кто и два; которые у нас вон заправские-то стрелки, так и по три десятка добывают»* [Там же, с. 313].

Картинной, иллюстрирующей колорит и размах народной жизни на фронтире, является описание торговли и ярмарок, которые объединяют оба берега Амура. Туда съезжаются и русские, и китайцы: *«Около берега*

стоят пять-шесть барж и идет в них торговля. Чиновники с супругами, казаки, казачки, маньчжуры и маньчжурки, — все спешат к баржам» [Там же, с. 244]. Фронтирный колорит имеют картины зимней ярмарки на Амуре: *«На Благовещенской маньчжурской ярмарке появляются с наступлением морозов заледеневшие яблоки, виноград, груши и фазаны, привозимые из Чичикара, за восемьсот верст от Благовещенска, на юг. — Айя ябло! Айя! — нахваливают маньчжуры обледеневшие, твердые как камень плоды»* [Там же, с. 276].

Фронтирную окраску приобретает праздничная культура на фронтире, объединяющая русских переселенцев и китайцев, а также коренных жителей Приамурья. Праздники местной территории становятся актуальными и «родными» для русских: *«Наступил новый манчжурский год в начале февраля <...> Многие из жителей Благовещенска отправились в Айгунь на праздник. Маньчжуры, также, как и китайцы, чрезвычайно радушны и хлебосольно проводят дни своего нового года, <...> щедро угощают проходящих знакомых и незнакомых»* [Там же, с. 278].

Так, категория «фронтир», обозначая зону географического расширения и межэтнических контактов, выявляет и свою мировоззренческую семантику, раскрывая, как постепенно выстраивается русская культура на новой земле. Следует подчеркнуть, что очерки Д. Стахеева являются художественным документом, свидетельствующим о миролюбивом и жизнестойком характере культурного строительства в Забайкалье и на Амуре. Говоря словами первого исследователя творчества и судьбы писателя, Д. Стахеев в своих произведениях сумел показать «сердце, и душу, и жизнь, идеалы и стремления многих слоев русского общества» [Быков, 1902, с. 15].

4. Заключение = Conclusions

Цикл путевых очерков, объединенных единством маршрута и авторского взгляда, стал формой, в которой Стахеев представил особое развитие русской жизни на фронтирном пространстве Кяхты и Амура. Он показал, что встреча с незнакомой природой, межэтнические контакты, новые формы экономической, земледельческой, торговой деятельности выковывали особый тип характера, формировали человека фронта. Присущее писателю «мастерство детали» [Хабибуллина, 2007, с. 18] и «умение подмечать в жизни многое любопытное, что ускользает от внимания других наблюдателей» [Быков, 1902, с. 15] позволили ему передать колорит народной материальной и духовной жизни.

Пространственная фронтирная образность в очерках Стахеева создается преимущественно средствами документально-очеркового типа мироот-

ражения, однако писатель обращается и к другим средствам изобразительности: он привлекает систему народно-поэтических оценок, опирается на сказовые элементы, обращается к образно-мотивному ряду народного творчества. Реальные географические и этнографические характеристики описываемой местности в контексте повествования приобретают характер художественных деталей, становятся частью авторской картины мира.

Анализ художественного произведения в аспекте фронтирного подхода позволяет оценить его проблемно-тематический и образно-мотивный ряд в обусловленности историко-культурными (внелитературными) факторами, увидеть содержательные истоки образа и зафиксировать механизмы движения от «факта действительности» к художественному образу. Выбранная Стахеевым форма диалога, сказа лично, эмотивно окрашивала ситуации, выступала как отражение человеческого опыта, становилась формой рассказа о человеке.

Среди характеристик предмета изображения в рамках фронтирной поэтики, нашедших отражение в очерках Стахеева, следует назвать следующие черты: 1) иная, по сравнению с центральной Россией природа; 2) становление гибких и добрососедских межкультурных русско-китайских отношений между «простыми» жителями фронта; 3) возрастание активной роли человека.

Важно подчеркнуть, что эти наблюдения были сделаны автором молодым, для которого «забайкальские» и «дальневосточные очерки» были первым литературным опытом. Здесь проявилась глубина мироощущения начинающего писателя. В рамках единой книги автор показал разные грани русской жизни от Байкала до Амура. Помимо рассмотренных в статье «Кяхты», «Майматчена», «приамурских» очерков, в книге представлены также «Очерки бурятской жизни», очерки о жизни русских людей на Байкале. Собранные воедино, они становятся ценным свидетельством продвижения русского мира на восток. Автор в документально-художественной и публицистической форме очеркового жанра сумел показать механизмы геокультурного освоения пространства: сохранение национальных традиций; уважение к чужой культуре без умаления своей; выработка компромиссных форм коммуникации; адаптация к природным условиям, поэтическое переосмысление истории расселения, создание «новой мифологии» забайкальской и амурской жизни. Не претендуя на философичность и называя свои очерки то «записками», то «зарисовками», автор тем не менее сумел отразить глубинные процессы народной жизни на новой территории.

Дальнейшие перспективы проведенного исследования видятся как в продолжении исследования восточно-сибирской и дальневосточной темы в творчестве Д. И. Стахеева, так и в расширении круга историко-

литературных и теоретико-литературных вопросов по изучению проблем фронта в литературе, связанной с этим регионом. Желаемой установкой в дальнейшем исследовании проблем фронта видится возможность собрать и обобщить эмпирический материал и разработать системный взгляд на проблему дальневосточного фронта в литературе.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Быков П. В.* Дмитрий Иванович Стахеев: критический этюд / П. В. Быков // Стахеев Д. И. Собрание сочинений Д. И. Стахеева : в 12 т. — Москва : Товарищество М. О. Вольф. — 1902. — Т. 1. — С. 15—30.
2. *Носков И. А.* Кяхта : о кяхтинской торговле чаем / И. А. Носков. — Иркутск : Иркутская публичная библиотека, 1861. — 30 с.
3. *Стахеев Д. И.* За Байкалом и на Амуре / Д. И. Стахеев. — Санкт-Петербург : Типография К. Вульф. — 1869. — 347 с.

Литература

1. *Абрамова В. И.* Поле и гора как символы в русской языковой картине мира: репрезентация пространственного лингвокультурного кода / В. И. Абрамова, Ю. В. Архангельская // *Philologos*. — 2021. — № 1 (48). — С. 5—12. — DOI: 10.24888/2079-2638-2021-48-1-5-12.
2. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с.
3. *Валеев Н. М.* Дмитрий Иванович Стахеев: судьба и творчество, 1840—1918: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Н. М. Валеев — Москва, 1996. — 47 с.
4. *Ван Пань.* Национально-культурный и языковой анализ дарения подарков в Китае и России на примерах Дня рождения и свадьбы / Ван Пань, Чжэн Вэньдун // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. — 2017. — № 4. — С. 17—21.
5. *Воробьева Т. В.* Восточный фронт России / Т. В. Воробьева // *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*. — 2012. — № 1 (19). — С. 5—14.
6. *Го Юй-Чунь* Чайная торговля между Китаем и Россией в XVIII—XIX вв. в Кяхте и создание российской культуры чая / Го Юй-Чунь // *Современная научная мысль*. — 2020. — № 5. — С. 38—44.
7. *Грахова С. И.* Типология раннего творчества Д. И. Стахеева и С. В. Максимова : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / С. И. Грахова. — Казань, 2001. — 18 с.
8. *Гун Лэй.* Лингвистическая характеристика и значимость кяхтинского языка / Гун Лэй, М. В. Долгополова, О. П. Касимова // *Российский гуманитарный журнал*. — 2022. — Том 11, № 6. — С. 435—443. — DOI: 10.15643/libartus-2022.6.4.
9. *Данилова О. Л.* Типология раннего творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина и Д. И. Стахеева : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / О. Л. Данилова. — Казань, 2005. — 18 с.

10. Жаргалова Р. Д. Сюжеты кяхтинской торговли в редких книгах XIX — начала XX века из фонда национальной библиотеки республики Бурятия / Р. Д. Жаргалова // Кяхта — национальное достояние России : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию Кяхтинского района и 290-летию г. Кяхта. — Улан-Удэ, 2018. — С. 95—100.

11. Забияко А. А. М. В. Щербakov: человек Дальневосточного фронта в поиске корня жизни / А. А. Забияко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2015. — № 1 (45). — С. 111—117.

12. Забияко А. А. Язык, культура, литература дальневосточного фронта : учебное пособие для магистрантов по направлению подготовки 45.04.01 [Электронный ресурс] / А. А. Забияко. — Благовещенск : Амурский государственный университет, 2020. — 272 с. — URL: https://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/AmurSU_Edition/11480.pdf (дата обращения: 10.09.2023).

13. Иванова Л. М. Концепция дальневосточного фронта в современной российской историографии / Л. М. Иванова // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных : сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции. — Новосибирск : Апельсин, 2016. — С. 256—263.

14. Карабущенко П. Л. Элита и фронт / П. Л. Карабущенко // Журнал фронтирных исследований. — 2016. — № 2. — С. 92—104.

15. Крадин Н. П. Малые исторические города Забайкалья: архитектурное наследие Троицкосавска — Кяхты / Н. П. Крадин // Проект Байкал. — 2020. — Т. 17, № 63. — 123—129. — DOI: 10.7480/projectbaikal.63.1607.

16. Кривонос В. Ш. «Тамань» Лермонтова: пространство, персонажи, сюжет / В. Ш. Кривонос // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Филология. Журналистика. — 2019. — Т. 19, вып. 1. — С. 40—44. — DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-1-40-44.

17. Литвинов В. В. Изучение литературного образа контрабандистов как часть гуманитарной подготовки кадров для таможенных органов / В. В. Литвинов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2022. — № 4 (101). — С. 122—133. — DOI: 10.24412/1815-0683-2022-4-122-133.

18. Лихачев Д. С. «Смеховой мир» Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1976. — 204 с.

19. Макушева О. В. Жанровое и художественное своеобразие романов Д. И. Стахеева : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. В. Макушева. — Киров, 2013. — 23 с.

20. Маслова И. В. Отражение предпринимательской деятельности купечества в Байкало-Амурском регионе в путевых заметках Д. И. Стахеева (конец 1850-х—1860-е годы) / И. В. Маслова // Исторический курьер. — 2022. — № 3 (23). — С. 24—34. — DOI: 10.31518/2618-9100-2022-3-2.

21. Мостовицкова Г. Н. Путешественники о Кяхте-Троицкосавске в редком книжном фонде Кяхтинского музея / Г. Н. Мостовицкова // Труды Бурятского республиканского отделения Русского географического общества. — Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2019. — С. 73—83. — ISBN 978-5-7925-0574-2.

22. Патенко Г. Р. Русская антропонимия романтического пространства Д. И. Стахеева : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Г. Р. Патенко. — Елабуга, 2007. — 22 с.

23. Полякова Л. В. Филологическая регионалистика как наука: к постановке проблемы / Л. В. Полякова // Филологическая регионалистика. — 2015. — № 3—4 (15—16). — С. 7—16.

24. Пономарева А. И. Об исторической роли великого посла Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского / А. И. Пономарева // Труды Бурятского республиканского отделения РГО. — Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2019. — С. 91—102.

25. Пшеничная Р. В. Образ контрабандистов в изобразительном искусстве / Р. В. Пшеничная // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2014. — № 2 (50). — С. 244—263.

26. Сенина Е. В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Е. В. Сенина. — Москва, 2018. — 23 с.

27. Синельникова Л. Н. Концептуальная среда фронтирного дискурса в гуманитарных науках / Л. Н. Синельникова // Russian Journal of Linguistics. — 2020. — Т. 24, № 2. — С. 467—492. — DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492.

28. Тертицкий К. М. Китайская Кяхта / К. М. Тертицкий // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. — 2018. — № 4. — С. 56—69.

29. Урманов А. В. Тема российско-китайских отношений в поэме Дмитрия Стахеева «Посольство» / А. В. Урманов // Россия и Китай : история и перспективы сотрудничества : материалы IV международной научно-практической конференции. — Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. — С. 418—421.

30. Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: истоки, тип творчества, история развития : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / А. Л. Фокеев. — Москва, 2004. — 48 с.

31. Хабибулина Г. Н. Духовная жизнь России в романах Д. И. Стахеева 1870—1890 гг. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Г. Н. Хабибулина. — Казань, 2007. — 21 с.

32. Хайруллина О. Н. Очерк второй половины XIX века: жанрово-стилевая характеристика: на материале очерков о российском Дальнем Востоке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / О. Н. Хайруллина. — Владивосток, 2001. — 21 с.

33. Чагдурова М. М. Кяхта в книгах Редкого книжного фонда Кяхтинского краеведческого музея / М. М. Чагдурова // Гуманитарный вектор. — 2013. — № 3 (35). — С. 110—114.

34. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. / К. В. Чистов. — Москва : Наука, 1967. — 343 с.

35. Шебзухова Т. А. Фронтир — как историческое и социокультурное явление : монография / Т. А. Шебзухова — Пятигорск : Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2023. — 224 с. — ISBN 978-5-6049669-8-3.

36. Ши Сяолун. Образ Китая и китайцев в произведениях русских путешественников XIX—начала XX века / Ши Сяолун // Филология и культура. — 2016. — № 4 (46). — С. 280—287.

37. Якушенков С. Н. Изобилие ресурсов как одна из черт фронтирных территорий / С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // Человек. Сообщество. Управление. — 2013 — № 2. — С. 4—15.

Статья поступила в редакцию 21.11.2023,
одобрена после рецензирования 13.12.2023,
подготовлена к публикации 23.01.2024.

Material resources

- Bykov, P. V. (1902). Dmitry Ivanovich Stakheev: critical sketch. In: Stakheev, D. I. *Collected works of D. I. Stakheev, 12 (1)*. Moscow: Partnership M. O. Wolf. 15—30. (In Russ.).
- Noskov, I. A. (1861). *Kyakhta: about the Kyakhta tea trade*. Irkutsk. 30 p. (In Russ.).
- Stakheev, D. I. (1869). *Beyond Baikal and on the Amur*. St. Petersburg: Printing house K. Wulf. 347 p. (In Russ.).

References

- Abramova, V. I., Arkhangelskaya, Yu. V. (2021). Field and mountain as symbols in the Russian linguistic picture of the world: representation of the spatial linguocultural code. *Philologos*, 1 (48): 5—12. DOI: 10.24888/2079-2638-2021-48-1-5-12. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics: studies of different years*. Moscow: Fiction. 504 p. (In Russ.).
- Chagdurova, M. M. (2013). Kyakhta in the books of the Rare Book Fund of the Kyakhta Local History Museum. *Humanitarian vector*, 3 (35): 110—114. (In Russ.).
- Chistov, K. V. (1967). *Russian folk social-utopian legends of the 17th—19th centuries*. Moscow: Nauka. 343 p. (In Russ.).
- Danilova, O. L. *Typology of the early creativity of M. E. Saltykov-Shchedrin and D. I. Stakheev: author's abstract of PhD Diss.* Kazan, 2005. 18 p. (In Russ.).
- Fokeev, A. L. *Ethnographic direction in the Russian literary process of the 19th century: origins, type of creativity, history of development: author's abstract of PhD Diss.* Moscow, 2004. 48 p. (In Russ.).
- Gong Lei, Dolgoplova, M. V., Kasyanova, O. P. (2022). Linguistic characteristics and significance of the Kyakhta language. *Russian Humanitarian Journal*, 11 (6): 435—443. DOI: 10.15643/libartus-2022.6.4. (In Russ.).
- Grakhova, S. I. *Typology of the early creativity of D. I. Stakheev and S. V. Maksimova: author's abstract of PhD Diss.* Kazan, 2001. 18 p. (In Russ.).
- Guo Yu-Chun. (2020). Tea trade between China and Russia in the 18th—19th centuries in Kyakhta and the creation of Russian tea culture. *Modern scientific thought*, 5: 38—44. (In Russ.).
- Ivanova, L. M. (2016). The concept of the Far Eastern frontier in modern Russian historiography. In: *Current problems of historical research: the view of young scientists: collection of materials from the All-Russian youth scientific school-conference*. Novosibirsk: Orange. 256—263. (In Russ.).
- Karabuschenko, P. L. (2016). Elite and the frontier. *Journal of Frontier Research*, 2: 92—104. (In Russ.).
- Khabibulina, G. N. *The spiritual life of Russia in the novels of D. I. Stakheev 1870—1890: author's abstract of PhD Diss.* Kazan, 2007. 21 p. (In Russ.).
- Khayrullina, O. N. *Essay on the second half of the 19th century: genre and style characteristics: based on essays about the Russian Far East: author's abstract of PhD Diss.* Vladivostok, 2001. 21 p. (In Russ.).
- Kradin, N. P. (2020). Small historical cities of Transbaikalia: the architectural heritage of Troitskosavsk — Kyakhta. *Project Baikal*, 17 (63): 123—129. DOI: 10.7480/projectbaikal.63.1607. (In Russ.).
- Krivosos, V. Sh. (2019). “Taman” by Lermontov: space, characters, plot. *News of Saratov University. New episode. Series. Philology. Journalism*, 19 (1): 40—44. DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-1-40-44. (In Russ.).

- Likhachev, D. S., Panchenko, A. M. (1976). *"The Laughing World" of Ancient Rus'*. Leningrad: Science. Leningrad branch. 204 p. (In Russ.).
- Litvinov, V. V. (2022). Study of the literary image of smugglers as part of humanitarian training for customs authorities. *Customs policy of Russia in the Far East*, 4 (101): 122—133. DOI: 10.24412/1815-0683-2022-4-122-133. (In Russ.).
- Makusheva, O. V. (2013). *Genre and artistic originality of D. I. Stakheev's novels*: author's abstract of PhD Diss. Kirov. 23 p. (In Russ.).
- Maslova, I. V. (2022). Reflection of the entrepreneurial activity of the merchants in the Baikal-Amur region in the travel notes of D. I. Stakheev (late 1850s—1860s). *Historical Courier*, 3 (23): 24—34. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-3-2. (In Russ.).
- Mostovshchikova, G. N. (2019). Travelers about Kyakhta-Troitskosavsk in the rare book fund of the Kyakhta Museum. In: *Proceedings of the Buryat Republican Branch of the Russian Geographical Society*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 73—83. ISBN 978-5-7925-0574-2. (In Russ.).
- Patenko, G. R. (2007). Russian anthroponymy of the romantic space of D. I. Stakheeva: author's abstract of PhD Diss. Yelabuga. 22 p. (In Russ.).
- Polyakova, L. V. (2015). Philological regional studies as a science: towards the formulation of the problem. *Philological regional studies*, 3—4 (15—16): 7—16. (In Russ.).
- Ponomareva, A. I. (2019). On the historical role of the great ambassador Savva Lukich Vladislavich-Raguzinsky. In: *Proceedings of the Buryat Republican Branch of the Russian Geographical Society*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 91—102. (In Russ.).
- Pshenichnaya, R. V. (2014). The image of smugglers in fine art. *Scientific notes of St. Petersburg named after V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy*, 2 (50): 244—263. (In Russ.).
- Senina, E. V. (2018). *Images of mutual perception of Russian and Chinese literature and journalism of the first half of the twentieth century*: author's abstract of PhD Diss. Moscow. 23 p. (In Russ.).
- Shebzukhova, T. A. (2023). *Frontier — as a historical and sociocultural phenomenon*. Pyatigorsk: Advertising and information agency on KMS. 224 p. ISBN 978-5-6049669-8-3. (In Russ.).
- Shi Xiaolong. (2016). The image of China and the Chinese in the works of Russian travelers of the 19th and early 20th centuries. *Philology and culture*, 4 (46): 280—287. (In Russ.).
- Sinelnikova, L. N. (2020). Conceptual environment of frontier discourse in the humanities. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (2): 467—492. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492. (In Russ.).
- Tertitsky, K. M. (2018). Chinese Kyakhta. *Bulletin of Moscow University. Episode 13. Oriental studies*, 4: 56—69. (In Russ.).
- Urmanov, A. V. (2014). The theme of Russian-Chinese relations in Dmitry Stakheev's poem "Embassy". In: *Russia and China: history and prospects for cooperation: materials of the IV international scientific and practical conference*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. 418—421. (In Russ.).
- Valeev, N. M. *Dmitry Ivanovich Stakheev: fate and creativity, 1840—1918*: author's abstract of PhD Diss. Moscow, 1996. 47 p. (In Russ.).
- Vorobyova, T. V. (2012). Eastern frontier of Russia. *Bulletin of KRAUNC. Humanitarian sciences*, 1 (19): 5—14. (In Russ.).

- Wang Pan, Zheng Wendong. (2017). National-cultural and linguistic analysis of gift-giving in China and Russia using the examples of birthdays and weddings. *Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts*, 4: 17—21. (In Russ.).
- Yakushenkov, S. N., Yakushenkova, O. S. (2013). Abundance of resources as one of the features of frontier territories. *Man. Community. Control*, 2: 4—15. (In Russ.).
- Zabiyako, A. A. (2015). M. V. Shcherbakov: a man of the Far Eastern frontier in search of the root of life. *Social and humanitarian sciences in the Far East*, 1 (45). 111—117. (In Russ.).
- Zabiyako, A. A. (2020). *Language, culture, literature of the Far Eastern frontier: a textbook for undergraduates in the field of study 45.04.01*. Blagoveshchensk: AmSU Publishing House. 272 p. Available at: https://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/AmurSU_Edition/11480.pdf (accessed: 09.10.2023). (In Russ.).
- Zhargalova, R. D. (2018). Plots of the Kyakhta trade in rare books of the 19th—early 20th centuries from the collections of the national library of the Republic of Buryatia. In: *Kyakhta — the national treasure of Russia*. Ulan-Ude, 95—100. (In Russ.).

*The article was submitted 21.11.2023;
approved after reviewing 13.12.2023;
accepted for publication 23.01.2024.*

Информация для цитирования:

Богданова О. В. Бог-домовой в стихотворении Иосифа Бродского «В деревне Бог живет не по углам...» / О. В. Богданова, Т. Н. Баранова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 225—237. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-225-237.

Bogdanova, O. V., Baranova, T. N. (2024). God as a House Spirit in Joseph Brodsky's Poem "God Does Not Live in Village Corners...". *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 225-237. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-225-237. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-225-237

Бог-домовой в стихотворении Иосифа Бродского «В деревне Бог живет не по углам...»

Богданова Ольга Владимировна^{1,2}

orcid.org/0000-0001-6007-7657

доктор филологических наук, профессор,
Научно-исследовательская лаборатория
перспективных проектов в образовании
olgabogdanova03@mail.ru

Баранова Татьяна Николаевна^{1,2}

orcid.org/0000-0003-0516-2773

соискатель,
кафедра русской литературы
bysinka27@mail.ru

¹Русская христианская
гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

²Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке
гранта Российского научного фонда
№ 23-18-01007 (Русская
христианская гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского)

God as a House Spirit in Joseph Brodsky's Poem "God Does Not Live in Village Corners..."

Olga V. Bogdanova^{1,2}

orcid.org/0000-0001-6007-7657

Doctor of Philology, Professor,
Research Laboratory
for Advanced Projects in Education
olgabogdanova03@mail.ru

Tatyana N. Baranova^{1,2}

orcid.org/0000-0003-0506-2773

degree seeker,
Department of Russian Literature
bysinka27@mail.ru

¹The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

²Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-18-01007
(Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье предложена интерпретация известной, но редко привлекаемой для целостного анализа элегии И. Бродского «В деревне Бог живет не по углам...» (1964). Если традиционно в тексте Бродского исследователи выделяют «темные места», вычлениают «трудности» и «несостыковки», констатируют «эклетицизм миросозерцания», то авторами предложен иной ракурс — необходимость взглянуть на текст как на реализацию словесно-речевой метафоры, позволяющей отказаться от представлений о «тайнописи» и «зашифрованности» текста. В результате такого подхода оказываются снятыми претензии критиков относительно «хаотичности» и «перегруженности» стиха, в противовес демонстрируются стройность и ясность размышлений лирического субъекта. По Бродскому, в деревнях Бог живет в сердцах простых людей, участвуя во всех, самых рядовых событиях жизни (строительство, пахота, приготовление еды, свадьбы и др.), разделяя с ними радость, помогая в беде и утешая в горе. Бродский создает самобытный образ не канонизированного библейского Бога, а «простонародного» Богатого, Бога-хозяина, Бога-приятеля и друга, сопутствующего русскому человеку во всех его начинаниях. Утверждается, что стихотворение «В деревне Бог живет не по углам...» явилось не попыткой «богоискательства», но осознанием «чувства общности» с простым народом и познания важных для молодого поэта «основ жизни».

Ключевые слова:

Иосиф Бродский; *В деревне Бог живет не по углам...*; образная целостность; символическо-метафорический ряд.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article proposes an interpretation of the well-known, but rarely analyzed elegy by I. Brodsky, "In the village, God does not live in corners..." (1964). While traditional analyses of Brodsky's text focus on its "dark places," "difficulties," and "inconsistencies," and note its "eclecticism of worldview," the authors suggest a different perspective — the need to view the text as the realization of a verbal metaphor, which allows us to abandon notions of "secret writing" and "encryption" in the text. This approach removes critics' claims regarding the "chaotic" and "overloaded" nature of the verse, and instead demonstrates the coherence and clarity of the lyrical subject's reflections. According to Brodsky, in villages, God lives in the hearts of ordinary people, participating in all the most mundane events of life (construction, plowing, cooking, weddings, etc.), sharing their joy, helping them in times of trouble, and comforting them in grief. Brodsky creates a unique image not of the canonized biblical God, but of a "folk" house spirit, a host God, a friendly and companionable God who accompanies the Russian person in all their endeavors. It is argued that the poem "In the village, God does not live in corners..." was not an attempt at "seeking God," but rather an awareness of a "sense of community" with the common people and an understanding of important "foundations of life" for the young poet.

Key words:

Joseph Brodsky; *In the village, God does not live in corners...*; figurative coherence; symbolic-metaphorical series."

Бог-домовой в стихотворении Иосифа Бродского «В деревне Бог живет не по углам...»

© Богданова О. В., Баранова Т. Н., 2024

1. Введение = Introduction

Стихотворение Иосифа Бродского «В деревне Бог живет не по углам...» хорошо известно. Однако «простота» и «сложность» этого раннего короткого стихотворения приводит к тому, что текст его практически не подвергался научной рефлексии. Более того, исследователи, которые предпринимают попытки анализа, неизменно констатируют наличие в стихотворении «темных мест», утверждая, что «в тексте содержатся целые конструкции и обороты, не поддающиеся пониманию из-за смысловой герметичности», что Бродский «не дает ответы на поставленные вопросы, а скорее, порождает новые», что «стихотворение не поддается анализу содержания <...> ввиду сложности и многогранности поэтического видения Бродского» [Савченко, 2012, с. 129]. В целом, несомненно, приложимые к творчеству Бродского подобные сентенции, ориентированные на текст «В деревне Бог живет не по углам...», между тем вызывают сомнение и несогласие и ставят перед необходимостью провести более детальный анализ стихотворения и в его процессе раскрыть «тайнопись» поэта, преодолеть «смысловую герметичность» и «сложность», усмотренные критикой. «Дешифровка» текста стихотворения позволит включить малоизученное произведение в широкий контекст научного бродсковедения, сделать выводы об общности поэтики ранних и поздних произведений поэта. Экспликация в тексте Бродского емкой образно-речевой метафоры и осмысление путей ее реализации в поэтическом пространстве стихотворения «В деревне Бог живет не по углам...» позволит продемонстрировать оригинальность авторской трактовки затронутой темы и отказаться от суждений критики о «сложности» нарративных стратегий поэта.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Прежде всего следует задуматься о проблематике стихотворения, ибо восприятие ее применительно к рассматриваемому тексту Бродского весьма неоднозначно. Одни исследователи называют стихотворение «шуточным» («В раннем *шутливом* стихотворении “В деревне Бог живет не по

углам...» <...>» [Винокурова, 1998, с. 126]), другие — чрезмерно серьезным и философским, напрямую связанным с «религиозным мирозерцанием раннего Бродского», где его «этико-культурный опыт <...> имплицитно репрезентирован в структуре стихотворения» [Савченко, 2012, с. 127]. Самым общим для различных исследователей в отношении стихов «В деревне Бог живет не по углам...» чаще всего оказываются понятия *богопознание* и *богоискание* (и даже *Богопознание* и *Богоискание*). С подобным ракурсом в целом можно было бы согласиться, если только не приписывать молодому поэту «желание рассудочно постичь суть Божественного начала, мысля критически, осознать тайную природу Божественной сущности» [Савченко, 2012, с. 127].

Так, исследователи Т. Савченко и К. Безкоровайная считают, что в качестве центрального аспекта стихотворения «В деревне Бог живет не по углам...» необходимо выделить *религиозное мирозерцание*, которое демонстрирует поэт и его лирический герой. С точки зрения ученых, хотя «Иосиф Бродский с детства воспитывался в атмосфере суровой антирелигиозной пропаганды, исключающей всякое понятие загробной жизни», тем не менее «в своих религиозных поисках [он] все-таки отдает предпочтение *иудео-христианству* и считает, что в этом выражении одно немыслимо без другого. Значительную роль в окончательном разрешении проблемы веры сыграло и еврейское происхождение поэта» [Савченко, 2012, с. 127, 128].

Исходя из этих предварительных суждений, Т. Савченко и К. Безкоровайная в стихотворении «В деревне Бог живет не по углам...» видят «вершину Богоискательства» поэта, когда у Бродского «единый антропоморфный образ Бога вбирает в себя *три ипостаси*: Православный Бог, Ветхозаветный иудейский Яхве и древнеязыческий бог Чур» [Савченко, 2012, с. 128] (выделено нами. — О. Б., Т. Б.), в стихотворении будто бы «предстает своеобразная манера восприятия этой действительности через реминисценции из библейской мифологии и аллюзии на древнеязыческие и христианские обряды» [Савченко, 2012, с. 129].

По мнению исследовательниц, «Православный Бог», проявляет себя через «функцию освящения», когда «речь идет о предметах обихода» [Савченко, 2012, с. 129]: «Он освящает кровлю и посуду...» [Бродский, 1998, с. 129].

«Ветхозаветный иудейский Яхве» проступает в упоминании субботы и чечевицы: «Он варит по субботам чечевицу...» [Бродский, 1998, с. 129]. По мнению Т. Савченко и К. Безкоровайной, «эти строки продиктованы автору его иудео-христианскими взглядами. Отсюда святая иудейская суббота (шаббат) и чечевица в чугунах как аллюзия на ветхозаветную легенду об утерянном праве первородства» [Савченко, 2012, с. 129].

Наконец, «древнеязыческий бог Чур» дает о себе знать в упоминании обряда «символического очищения дверей в день Богоявления (Креще-

ния)»: «Он <...> честно двери делит пополам» [Бродский, 1998, с. 129]. «В этот день существовал обычай рисования на двери углем креста в знак об умершем в этой избе человеке. Как кажется, устоявшийся веками обычай не исчез в глухой северной деревушке с приходом советской власти, и скорее всего, именно этот крест в поэтическом восприятии Бродского и олицетворяет деление дверей пополам» [Савченко, 2012, с. 129].

Гипотеза карагандинских исследовательниц внешне выглядит стройной и структурированной. Однако найти объяснение (а тем более доказательство) предложенной многосоставной структуре «религиозного мировоззрения» Бродского в рассматриваемом стихотворении, с нашей точки зрения, сложно. Неслучайно и сами ученые в итоге признаются, что для них в тексте остается «много элементов, труднодоступных для поверхностного понимания, требующих историко-культурологической дешифровки», что «содержание стихотворения противоречив[о]», что в нем много «несоответствий» и что «смыслообразующие составляющие стихотворения находятся в состоянии эклектической заданности», порождающей «нелогичный вывод» [Савченко, 2012, с. 128]. По Т. Савченко и К. Безкоровайной, «неоднородное сочетание в образе Бога черт Православного Всевышнего, иудейского Иеговы и Праславянского Чура дает право говорить об *эклектичности мировосприятия* раннего Бродского» [Савченко, 2012, с. 130] (выделено нами. — О. Б., Т. Б.). Между тем, на наш взгляд, это весьма спорно — стихотворение Бродского отличается удивительной легкостью, одухотворенностью, гармоничностью и ясностью мысли, «темных мест» и тем более «эклектичности мировоззрения» в стихотворении нет, если только не признать факт критического переноса собственных мыслей на текст поэта. С нашей точки зрения, стихотворение «В деревне Бог живет не по углам...» — на фоне многих действительно сложных текстов Бродского — наоборот, обнаруживает простоту и гармонию, отличается ясностью и чистотой мировосприятия.

Для проведения намеченного исследования используются следующие методы: прежде всего метод целостного анализа художественного текста, а также типологический и поэтологический методы — в их единстве и дополнительности. Комплексный подход, осуществленный в статье, открывает новые грани творческого своеобразия стихотворения «В деревне Бог живет не по углам...» и позволяет обнаружить новые грани поэтического текста Бродского.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Чувство общности» и «основы жизни» деревенской жизни Бродского

Размышляя о стихотворении Бродского «В деревне Бог живет не по углам...», следует вспомнить, что оно написано в период ссылки, когда

поэт действительно находился *в деревне*, проживал в одном из заброшенных селений Архангельской области, в деревне Норенской.

«Там стояло 36 или 40 изб, но жили только в 14, главным образом старики и маленькие дети, остальные жители, вся молодежь, обладающая хоть какой-то жизнеспособностью и энергией, покидала это место, поскольку оно было страшно бедным, совершенно безнадежным. Там не было электричества — а это был 1964 год...» [Полухина, 2008, с. 103].

По воспоминаниям Я. Гордина, который навещал друга в ссылке, Бродский жил «в крепкой, на высокий фундамент — как полагается на Севере — поставленной пристройке к основной избе Пестеревых. И изба, и пристройка сложены были из огромных черных бревен. Комната была небольшая <...> Бросались в глаза приемник, пишущая машинка и довольно закопченная керосиновая лампа. Книги, бумаги, спальный мешок <...>» [Полухина, 2008, с. 106].

Об отношении деревенских жителей к нему в беседе с С. Волковым Бродский вспоминал: «Сначала они думали, что я шпион. <...> Но потом они поняли, что нет, совсем не шпион. Тогда они решили, что я за веру пострадал. Ну это была с их стороны ошибка, и я объяснил им, что это не совсем так. А потом они просто привыкли ко мне, довольно быстро привыкли» [Волков, 2000, с. 108].

Жители Норенской вспоминают Бродского (в основном) тепло. Так, Т. И. Пестерева, хозяйка дома, в беседе с журналистом газеты «Правда Севера» рассказывала: «Худой молвы о себе не оставил... Говорили, что тунеядец он. Да поглядели бы вы на него в работе! Иосиф-то вместе с деревенскими мужиками да бабами все делал — жерди для изгороди рубил, навоз на поля возил, камни с пожен таскал, картошку садить да убирать помогал. Уставал, видно, с непривычки. Я как-то глянула, а у него на руках мозоль на мозоли. Обходительный был — верно. Я телятницей работала. Как-то занемогла. Так Иосиф взялся телят за меня пасти. <...> Потом Иосиф Александрович на постой в другой дом перебрался. И перво-наперво посадил перед избой черемуху — из лесу принес. Говаривал: “Каждый человек должен за свою жизнь хоть одно дерево посадить, людям на радость”. <...> А однажды Иосиф чуть не всю деревню на ноги поднял, когда его хозяин чем-то отравился. Быстро врача из Коноши вызвал. <...> Как такого человека добром не помнить?» [Щипунов, 1990, с. 6].

Библиотекарь Коношской районной библиотеки Г. Н. Малыгина вспоминает: «Про Бродского не знала, что он пишет. У нас он числился как читатель — разнорабочий совхоза из числа высланных за тунеядство. Но <...> какой-то пришибленности, связанной с несправедливым судом и

ссылкой, у него не улавливалось. В нем были скромность и внутреннее достоинство, интеллигентность <...>» [Конин, 2011, с. 78].

Другими словами, несмотря на трудности, жизнь Бродского в отдаленной северной деревне складывалась достаточно спокойно и ровно. Бродский писал об этом: «Когда поутру встаешь в деревне... и идешь на работу, шагаешь в сапогах через поле... и знаешь, что почти все население страны в этот час занято тем же самым... то возникает бодрящее чувство общности. <...> В этом смысле опыт ссылки даром для меня не прошел. Мне открылись какие-то основы жизни» [Полухина, 2008, с. 123].

Заметим, Бродский упоминает о «каких-то основах жизни». За долей иронии проступают мысли не о богоискательстве, а о чувстве общности с людьми и о постижении основ жизни. Судя по ряду воспоминаний, именно эти бытийные векторы маркируют мировосприятие поэта тех лет. И, как следствие, именно они в первую очередь и окрашивают стихотворение «В деревне Бог живет не по углам...», они эксплицированы в мировоззренческой позиции лирического героя.

3.2. Реализация метафоры как основная стратегия Бродского

Обратим внимание: Бродский, в норенской ссылке активно постигавший западную литературу, впервые в подлиннике познакомившийся с творчеством ставшего любимым средневекового поэта Джона Донна, читавший Томаса Манна и Роберта Фроста, погруженный в тексты *Anthology of English and American Poetry*, стихотворение «В Деревне Бог живет не по углам...» пишет простым пятистопным ямбом с преобладающей перекрестной рифмовкой. То есть пишет очень-пушкинским размером, с пушкинской открытостью и легкостью. В стихотворении нет знаменитых enjambements, которые могли бы проступить вслед за англо-американскими образцами прошлого и настоящего, — наоборот, весь строй и ритм стихотворения повествовательно прост и нарративно незамысловат. Поэт словно бы описывает сценку пребывания в самом обычном деревенском доме и ведет свой незамысловатый рассказ о присутствии Бога рядом с крестьянином «всюду» и «в избытке»:

В деревне Бог живет не по углам,
как думают насмешники, а всюду.
Он освящает кровлю и посуду
и честно двери делит пополам.
В деревне Он — в избытке. В чугуне
Он варит по субботам чечевицу,
приплясывает сонно на огне,
подмигивает мне, как очевидцу.

Он изгороди ставит. Выдает
девицу за лесничего. И в шутку
устраивает вечный недолет
объездчику, стреляющему в утку [Бродский, 1998, с. 129].

Как уже было сказано выше, исследователи сделали «тайну» почти из каждой строки Бродского.

Т. Савченко и К. Безкоровая спрашивают: «Почему Бог <...> делит, приплясывает, подмигивает — совершает не характерные действия для христианского Творца Мироздания? Этот вопрос остается открытым» [Савченко, 2012, с. 128].

Можем спросить и мы: почему ветхозаветный иудейский Яхве, с их точки зрения, проступил в образах *чугуна*, *чечевицы* и *субботы*, да еще и явил тем самым «аллюзию на ветхозаветную легенду об утерянном праве первородства»?

И еще вопрос: как в строке «Он <...> честно двери делит пополам...» [Бродский, 1998, с. 129] можно увидеть древнеязыческого бога Чура, на двери вообразить угольный крест, «знак об умершем в этой избе человеке», да еще и связать крест с «делением дверей пополам»? Каким образом эта строка «отправляет читателя к [некому] обряду» [Савченко, 2012, с. 129]?

Остается повторить вслед за исследователями: «Этот вопрос остается открытым...» и «Такой анализ не дает ответы на поставленные вопросы, а скорее, порождает новые» [Савченко, 2012, с. 129].

На наш взгляд, стихотворение Бродского «В деревне Бог живет не по углам...» не требует «дешифровки», как полагают исследователи, — важно найти верный ракурс понимания, точку зрения, с которой поэт (и его лирический герой, alter ego) воспринимает окружающую действительность. В стихотворении «В деревне Бог живет не по углам...» это *реализация метафоры*, осознав которую легко прочесть и воспринять чистый и открытый текст Бродского.

Лирический герой стихотворения, явно оказавшийся в атмосфере деревенского быта и жизни, среди простых деревенских жителей, его соседей и знакомых, «в избытке» слышит слова, которыми селяне постоянно сопровождают каждое свое действие, намерение, поступок. Речь затекстовых персонажей, окружающих alter ego Бродского, явно пронизана устойчивым паремическим оборотом «С Богом!», которое у крестьян, как осознает герой стихотворения, выступает не просто «формулой речи», но исполнено смысла и веры.

Действительно, «в деревне Бог живет не по углам», а *«всюду»*.

Если работник начинает крыть кровлю (3-я строка), он обязательно произнесет: «С Богом!»

Если ставит изгородь (9 строка), он скажет: «С Богом!»

Если девушка выходит замуж (10-я строка): «С Богом!»

Если на огне варится чечевица (в субботу, в воскресенье или в другой день), хозяйка непременно (а особенно если семья села за стол) несколько раз перекрестится: «С Богом!»

Куда бы ни отправлялся деревенский житель, за какую бы работу ни брался, по каким бы делам ни уходил в лес, в поля, в дальние страны — его везде сопровождает пожелание-наказ — «С Богом!»

Бродский слышал это всеохватно звучащее в деревне напутствие (вероятно, не раз обращенное и к нему) и понял, что действительно — «в деревне Бог живет не по углам». Деревенский Бог живет не только на иконе, чаще всего расположенной «по углам», он живет «всюду». И «темное место» — «честно двери делит пополам» — в этом смысле прочитывается просто: в крестьянской избе иконы размещаются повсюду, в том числе и над дверью, ровно посередине дверного наличника, действительно зрительно деля «дверь пополам».

Как оказывается, в стихотворении «В деревне Бог живет не по углам...» ни одна строка не требует дешифровки — в нем все просто и ясно, чисто-сердечно и открыто, как в душе деревенского жителя. Бродский понял это и сумел поэтично воплотить наказ «С Богом!» посредством опредмечивания метафоры, наделяя словесно-звуковой, речевой образ антропоморфными чертами. Оттого его «деревенский Бог» оказался похожим на *домовушку* (*домового*), в которого — наряду с христианским Богом — продолжают верить сельские жители.

3.3. Композиционные особенности текста

Как правило, говоря о композиционном строении стихотворения «В деревне Бог живет не по углам...», критики констатируют отсутствие членения на строфы. Именно в таком виде опубликован текст и в «Сочинениях Иосифа Бродского» (СПб.: Пушкинский фонд, 1998). Между тем если взглянуть на автограф стихотворения [Рукопись ..., 1966], то становится очевидным, что последние четыре строки отделены Бродским от основного текста. Такое деление мотивировано содержательно. Если первые три катрена, зрительно не дифференцированные в отношении друг друга, воссоздают картину единого и цельного деревенского мира, наполненного Божественным присутствием, то последний катрен ориентирован на самого лирического героя и его точку зрения. Он — сторонний наблюдатель по отношению к этому особому пространству, и у него есть одна только «возможность... *наблюдать*» [Бродский, 1998, с. 129]. Если для деревенских верующих жителей Бог повсюду, то для случайного лирического персонажа-*атеиста* растворение в этой божеской целостности по сути невозможно, неорганично — однако поэтически на-

строенный субъект Бродского способен испытать «благодать» [Бродский, 1998, с. 129], наблюдая законы и традиции, кажется, далекого от него мира. Неслучайно атеист-наблюдатель сам на какой-то момент становится частью этого особого мирообраза — герой чувствует на себе взгляд Всевышнего: «Он... подмигивает мне, как очевидцу» [Бродский, 1998, с. 129].

В этом плане примечательны слова Бродского-автора о жизни в Норенской: «Для меня это был огромный опыт, который в каком-то смысле спас меня от судьбы городского парня» [Полухина, 2008, с. 126]. Городской парень — лирический субъект Бродского — сумел увидеть, почувствовать и понять «благодать» внешне чужого для него крестьянского мира, породившего в нем «чувство общности» и приоткрывшего ему «какие-то основы жизни».

3.4. Текстологические нюансы стихотворения

На этом можно было бы остановиться, но обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. В автографе, о котором шла речь выше, бросается в глаза текстологическая деталь: если в «Сочинениях Иосифа Бродского» (1998) в последнем катрене временная координата обозначена посредством *осеннего* эпитета («к осеннему прислушиваясь свисту» [Бродский, 1998, с. 129]), то в рукописи значится иное — «к *апрельскому* прислушиваясь свисту» [Рукопись ..., 1966].

Подобному «разночтению» могли послужить различные причины: описка, оплошность, запись «по случаю» (согласно календарю) и др. Однако следует признать, что атмосфера стихотворения, душевный настрой лирического героя, согласно литературной традиции, несомненно, более соответствуют *апрельскому* настроению. Однако и осенняя пора, «очей очарованье», могла для Бродского, как и для Пушкина, стать источником поэтического вдохновения и переживания снизошедшей божеской благодати. Так, в издание «Selected Poems» [Brodsky, 1973], составленное при участии Бродского, стихотворение «В деревне Бог живет не по углам...» вошло с эпитетом «осенний» (autumn's whistling).

P. S. В предстоящей работе над комментарием к будущему академическому «Собранию сочинений» Бродского это текстологическое разночтение должно быть учтено и уточнено. Подобный комментарий позволит объективнее датировать стихотворение, так как в настоящее время в разных изданиях текст сопровождается различными датами: 1964, 1964–1965, 1965 (в «Selected poems» стихотворение датировано 1964-м годом, в «Сочинениях Иосифа Бродского» под текстом стоит дата «6 июня 1965»).

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог анализу стихотворения Иосифа Бродского «В деревне Бог живет не по углам...», можно утверждать, что при правильном взгляде

де на текст столкнуться с «темными местами», нуждающимися в «дешифровке», невозможно. Скорее наоборот, поняв, что Бродский поэтично опредмечивает метафорический контент фразеологизма «С Богом!» (как вариант «Бог в помощь!», «Бог тебе судья», «Даст Бог!», «Бог миловал» и др.), легко прочесть ясный и открытый интонационный рисунок стиха, ощутить его прозрачный строй и элегический потенциал. Обаяние стиха Бродского «В деревне Бог живет не по углам...» не в его интеллектуальной сложности, искусственно приносимой в текст критиками (о подобной тенденции см.: [Богданова, 2023]), а в философском прозрении лирического героя, открывшегося огромному миру, подчиненному Божественному закону, органично разлитому в душах простых людей, деревенских жителей Русского Севера, рядом с которыми ссыльному поэту довелось жить некоторое время (о речевой символике Севера см.: [Кривошапова, 2017, с. 93—105]).

Как понимает лирический субъект Бродского, Бог живет в сердцах простых деревенских людей, участвуя во всех, самых рядовых событиях их земной трудовой жизни (строительство, пахота, приготовление еды, свадьбы и др.), наделяя их житейской мудростью, разделяя с ними радость и утешая, помогая в беде и горе. Бродский создает самобытный поэтический образ — не канонизированного библейского Бога (в духе православного или иудео-христианского богоискательства), а Бога-домового, Бога-хозяина избы, Бога-приятеля и друга, сопутствующего русскому человеку во всех его начинаниях. Поэт (и его герой-атеист, герой-наблюдатель) демонстрирует стихийную веру в чудо божественного присутствия «просто-народного» Бога — «везде» и «в избытке».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Бродский И.* «В деревне Бог живет не по углам...» / И. Бродский // Сочинения Иосифа Бродского. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1998. — Т. 2. — С. 129. — ISBN 5-89803-025-5.
2. *Рукопись* «В деревне Бог живет не по углам...» (1966) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://live.staticflickr.com/8717/28407745225_03475c6bb4_b.jpg (дата обращения 21.05.2023).
3. *Brodsky Jo.* Selected poems / Jo. Brodsky ; Transl. from the Russ. by George L. Kline ; Forew. by W. H. Auden. — New York etc. : Harper & Row, Cop. 1973. — 172 p.

Литература

1. *Богданова О. В.* Потенциальная энергия претекста : структурно-композиционные особенности «Исаака и Авраама» И. Бродского / О. В. Богданова, Т. Н. Баранова // На-

учный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 206—233. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-206-233.

2. *Винокурова И.* Иосиф Бродский и русская поэтическая традиция / И. Винокурова // Иосиф Бродский : творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 1998. — С. 124—129.

3. *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским / С. Волков, И. Бродский. — Москва : Независимая газета, 2000. — 325 с. — ISBN 5-86712-049-X.

4. *Конин С. Н.* Коношане и Бродский. Записки краеведа / С. Н. Конин. — Коноша : Газета «Коношский курьер», 2011. — 288 с. — ISBN 978-5-91853-006-1.

5. *Кривошчапова Ю. А.* Региональные символы Русского Севера : на материале устойчивых словосочетаний с топонимическим компонентом / Ю. А. Кривошчапова // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 93—105. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-93-105.

6. *Полухина В.* Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха / В. Полухина. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2008. — 528 с. — ISBN 978-5-7439-0129-6.

7. *Савченко Т. Т.* Текст и контекст стихотворения И. Бродского «В деревне Бог живет не по углам...» / Т. Т. Савченко, К. В. Безкоровая // Вестник Карагандинского государственного университета. — Серия Филология. — 2012. — № 4 (68). — С. 126—130.

8. *Щипунов В.* Изгнанник. По поводу незаметной даты / В. Щипунов // Правда Севера. — 1990. — 26 августа. — С. 6.

Статья поступила в редакцию 30.05.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 15.01.2024.

Material resources

Brodsky, I. (1998). "In the village, God does not live in corners...". In: *The writings of Joseph Brodsky*, 2. St. Petersburg: Pushkin Foundation. P. 129. ISBN 5-89803-025-5. (In Russ.).

Brodsky, Jo. (1973). *Selected poems*. New York etc.: Harper & Row, Cop. 172 p.

The manuscript "In the village God does not live in corners ..." (1966). Available at: https://live.staticflickr.com/8717/28407745225_03475c6bb4_b.jpg (accessed 21.05.2023). (In Russ.).

References

Bogdanova, O. V., Baranova, T. N. (2023). Potential Energy of Pretext: Structural and Compositional Features of "Isaac and Abraham" by Joseph Brodsky. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 206—233. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-206-233> (In Russ.).

Konin, S. N. (2011). *Konoshane and Brodsky. Notes of a local historian*. Konosha: Newspaper "Konoshsky Courier". 288 p. ISBN 978-5-91853-006-1. (In Russ.).

Krivoschchapova, Y. A. (2017). Regional Symbols of Russian North: on Material of Collocations with Toponymic Component. *Nauchnyi dialog*, 11: 93—105. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-11-93-105> (In Russ.).

Polukhina, V. (2008). *Joseph Brodsky. Life, works, epoch*. St. Petersburg: Zvezda Magazine. 528 p. ISBN 978-5-7439-0129-6. (In Russ.).

- Savchenko, T. T., Bezkorovaynaya, K. V. (2012). Text and context of I. Brodsky's poem "In the village God does not live in corners...". *Bulletin of Karaganda State University. Philology series*, 4 (68): 126—130. (In Russ.).
- Shchipunov, V. (1990). The Exile. About an inconspicuous date. *Pravda Severa*. August 26. P. 6. (In Russ.).
- Vinokurova, I. (1998). Joseph Brodsky and the Russian Poetic Tradition. In: *Joseph Brodsky: creativity, personality, fate. The results of three conferences*. St. Petersburg: Zvezda Magazine. 124—129. (In Russ.).
- Volkov, S., Brodsky, I. (2000). *Dialogues with Joseph Brodsky*. Moscow: Nezavisimaya Gazeta. 325 p. ISBN 5-86712-049-X. (In Russ.).

*The article was submitted 30.05.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 15.01.2024.*

Информация для цитирования:

Жэнь Шуби. 40 лет исследований Бориса Пастернака в Китае / Жэнь Шуби, Ван Юн // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 238—255. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-238-255.

Ren Shubi, Wang Yong. (2024). 40 Years of Boris Pasternak Research in China. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 238-255. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-238-255. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-238-255

40 лет исследований Бориса Пастернака в Китае

Жэнь Шуби

orcid.org/0009-0008-9604-0563

аспирант

Института иностранных языков

472350148@qq.com

Ван Юн *

orcid.org/0009-0000-2612-3293

доктор филологических наук,

профессор Института иностранных

языков

**корреспондирующий автор*

wangyongzju@163.com

Чжэцзянский университет

(Ханчжоу, Китай)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке

правительства КНР,

грант NSSFC, проект № 18ZDA284.

Авторы выражают глубокую

признательность PhD С. Каминской

за помощь в подготовке

русского варианта текста статьи

40 Years of Boris Pasternak Research in China

Ren Shubi

orcid.org/0009-0008-9604-0563

Graduate Student,

Institute of Foreign Languages

472350148@qq.com

Wang Yong *

orcid.org/0009-0000-2612-3293

Doctor of Philology, Professor,

Institute of Foreign Languages

**corresponding author*

wangyongzju@163.com

Zhejiang University

(Hangzhou, China)

Acknowledgments:

The study was financially supported

by the Government of the People's

Republic of China, NSSFC grant,

Project № 18ZDA284.

The authors express deep gratitude
to PhD S. Kaminskaya for assistance
in the preparation of the Russian version
of the text of the article

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Творческий путь Б. Л. Пастернака является популярным объектом исследований в Китае на протяжении многих лет. Все работы по теме условно могут быть разделены на три этапа: 1) первый этап (1980-е годы) — формирование массового интереса литературоведов к творчеству Б. Л. Пастернака; 2) второй этап (1990-е годы) — расширение и углубление исследований; 3) третий этап (после 2000-х годов) — систематизация исследований и появление новых направлений в изучении творчества Б. Л. Пастернака. Данная статья представляет собой обзор основных тенденций пастернаковедения в Китае. Отмечается, что исследования наследия Б. Л. Пастернака, проводимые в Китае, охватывают основные области: биографию, поэзию, прозу (здесь особое внимание китайских ученых приковано к роману «Доктор Живаго»). В качестве предмета исследований китайских ученых выступали также судьба интеллигенции, идеологические стремления, культурная, религиозная и духовная составляющие, искусство слова, литературные техники и приемы. Сообщается о том, что в ноябре 2020 года Чжэцзянский университет провел международную научную конференцию «К 130-летию со дня рождения Б. Л. Пастернака». Авторы статьи заключают, что исследования наследия Б. Л. Пастернака в Китае носят системный и разноплановый характер, а пастернаковедение как дисциплина имеет широкие перспективы развития.

Ключевые слова:

Китай; Борис Пастернак; *Доктор Живаго*; китайская рецепция русской литературы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The creative path of B. L. Pasternak has been a popular subject of research in China for many years. All works on the topic can be roughly divided into three stages: 1) the first stage (1980s) — the formation of mass interest among literary scholars in the works of B. L. Pasternak; 2) the second stage (1990s) — the expansion and deepening of research; 3) the third stage (after the 2000s) — the systematization of research and the emergence of new directions in the study of B. L. Pasternak's works. This article provides an overview of the main trends in Pasternak studies in China. It is noted that research on the legacy of B. L. Pasternak conducted in China covers key areas such as biography, poetry, prose (with special attention from Chinese scholars focused on the novel "Doctor Zhivago"). The research conducted by Chinese scholars also explores topics such as the fate of the intelligentsia, ideological aspirations, cultural, religious, and spiritual components, the art of language, literary techniques, and devices. It is reported that in November 2020, Zhejiang University held an international scientific conference "Celebrating the 130th Anniversary of B. L. Pasternak's Birth." The authors of the article conclude that research on the legacy of B. L. Pasternak in China is systematic and diverse, and Pasternak studies as a discipline have broad prospects for development.

Key words:

China; Boris Pasternak; *Doctor Zhivago*; Chinese reception of Russian literature.

40 лет исследований Бориса Пастернака в Китае

© Жэнь Шуби, Ван Юн, 2024

1. Введение = Introduction

Общеизвестно, что русская литература имеет широкую читательскую аудиторию в Китае — здесь нужно отдать должное ее китайским переводам и исследованиям. Еще в 20—30-х годах прошлого века большое количество русских и советских литературных произведений было переведено на китайский язык, потому что, как заметил тогда Цюй Цюбай, в ту эпоху «русская литература стала целью китайских литературоведов» [Цюй Цюбай, 1954, с. 54]. Известный китайский писатель Лу Синь назвал русскую литературу «нашим другом и наставником» [Лу Синь, 1981, с. 459], его личные переводы русских и советских литературных произведений насчитывают около двух миллионов иероглифов, что лишь немногим меньше объема его собственного творчества. Вот уже более ста лет благодаря переводам китайских писателей и переводчиков и исследованиям ученых у китайского читателя есть возможность близко познакомиться с творчеством Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Чехова, Горького, Шолохова и других русских писателей.

По сравнению с этими писателями и поэтами история исследований творчества Б. Л. Пастернака относительно коротка и насчитывает приблизительно 40 лет. Правда, в 1959 году в первом номере китайского журнала «Мировая литература» были опубликованы две статьи, посвященные Б. Л. Пастернаку, однако из-за сложившейся политической обстановки автор статьи называл Б. Л. Пастернака «гангреной социалистического Советского Союза» [Цзан Кэцзя, 1959, с. 34], «отбросом советского литературного мира» [Мещанин ..., 1959, с. 36], посчитав, что стихи его «неясны и абстрактны» и полны «одинокости, пессимизма и декадентского настроения» [Там же, с. 43], в то время как вышедший из-под его пера доктор Живаго — «крайний индивидуалист» [Там же, с. 38], «мещанин, отрицающий все, кроме собственного счастья и благополучия» [Там же, с. 39]. Очевидно, такого рода комментарии предвзяты и политизированы, а потому эти две статьи почти полностью были забыты в дальнейшем.

Первые серьезные исследования Б. Л. Пастернака в Китае появились в начале 1980-х годов и продолжают по сей день. Творчество писателя вызывало повышенный интерес среди ученых в 80-х годах; в 90-х область исследований существенно расширилась, а с приходом XXI века начали изучаться всевозможные темы с использованием целого ряда теорий и подходов, что способствовало постепенному углублению исследований и привело к взаимопониманию и объективной оценке творчества писателя в китайских научных кругах. Б. Л. Пастернак в глазах китайских ученых заслужил признание как один среди «наиболее выдающихся русских мастеров поэзии» [Фэй Байи и др., 1994, с. 316], «представитель поэтического опыта серебряного века», «в подлинном смысле сын поэзии серебряного века» [Лю Вэньфэй, 2020, с. 72—73]; «неповторимый русский мастер пейзажной лирики» [У Ди, 2004, с. 52], а его творения являются «знаменем русской литературы и культуры второй половины XX века» [Лю Вэньфэй, 2020, с. 73]. Настоящая статья рассматривает общие положения и основные результаты трех вышеуказанных этапов развития исследований Б. Л. Пастернака в Китае.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изучение творчества Б. Л. Пастернака началось в Китае в 1950-х годах и продолжается по настоящее время. В статье анализируется общая ситуация и выделяются основные результаты исследований в данной области. Материалом для исследования послужили научные работы китайских пастернаковедов. Систематизированы и обобщены результаты всесторонних исследований жизни и творчества Б. Л. Пастернака за предшествующий период: переводы, академические статьи, научные монографии, магистерские и докторские диссертации и т. д. Предпринята попытка классификации основных тенденций в изучении наследия Б. Л. Пастернака, а также оценки научного вклада китайских ученых в эти исследования.

Методическим фундаментом статьи послужили следующие виды научного анализа: компаративный, статистический, индуктивный и синхронный.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. 80-е годы XX века — формирование пристального интереса исследователей Китая к творчеству Б. Пастернака

В 1982 году в журнале Исследовательского института иностранной литературы Академии общественных наук КНР «Мировая литература» впервые был опубликован перевод стихотворения Б. Л. Пастернака «Ветер», выполненный Чжан Бинхэном. После этого китайские переводы творчества поэта один за другим стали публиковаться в таких журналах, как «Советская литература и искусство», «Зарубежная литература и искусство»,

«Хуачэн» и т. д. Переводы вошли в такие сборники, как «Антология мировой любовной лирики», «Сборник стихов лауреатов Нобелевской премии» и т. д. С тех пор китайские читатели начали знакомиться с поэтическим творчеством Б. Л. Пастернака.

В июне 1986 года на VIII съезде писателей СССР было выдвинуто предложение об издании полного собрания сочинений Б. Л. Пастернака и принято решение о реконструкции мемориального музея писателя. В феврале 1987 года было восстановлено членство Бориса Пастернака в Союзе писателей СССР. Новости об этих значительных событиях в литературных кругах Советского Союза были переведены и опубликованы в китайской периодике того года и вызвали повышенное внимание ученых Китая к Б. Л. Пастернаку.

Поочередно вышли три перевода «Доктора Живаго» (перевод Ли Гана и Цзи Гана, издательство Лицзян, 1986; перевод Бай Чуньжэня и Гу Ялина, Народное издательство провинции Хунань, 1987; перевод Лань Инняня и Чжан Бинхэна, Издательство зарубежной литературы, 1987), что еще больше взбудоражило китайских исследователей русской литературы и привело к «пастернаковскому буму» [Чжан Цзяньхуа, 2011, с. 40]. Тот факт, что перевод романа на китайский был издан раньше, чем вышел в свет его оригинал в России, с одной стороны, в полной степени подтверждает уровень внимания к Б. Л. Пастернаку в Китае, а с другой — объясняет, почему в китайских исследованиях творчества писателя основной упор изначально делается на «Доктора Живаго».

Нетрудно заметить, что исследования Б. Л. Пастернака в 1980-х годах преимущественно вращались вокруг «Доктора Живаго» и событий, связанных с публикацией романа.

Анализируя роман, исследователи уделяли повышенное внимание теме судьбы русской интеллигенции, исследовали образ Живаго, в то же время переосмысливая историю, и на этой основе выявлялись жанровые особенности произведения. Сюэ Цзюньчжи была одним из ведущих специалистов в этой области. Рассматривая в ряде своих статей судьбу русской интеллигенции до и после Октябрьской революции как центральную тему, она подчеркивает, что на отношение Живаго к революции повлияли мировоззрение и взгляды на жизнь, основанные на христианстве как на историческом фундаменте, а потому герой отрицает насильственную революцию, требует освобождения индивидуальности, переосмысливает историю, призывает к гуманности и т. д. [Сюэ Цзюньчжи, 1989]. Ван Бучэн в своей статье подчеркивает, что «Доктор Живаго» является продуктом переосмысления автором жизни и истории, с помощью образа Живаго Пастернак передает истинный облик русской интеллигенции до и после Октябрьской революции.

Кроме того, научная общественность вела горячие дискуссии о таких событиях, как отказ печатать роман в журнале «Новый мир», выход «Доктора Живаго» на итальянском языке в 1957 году, присуждение автору Нобелевской премии по литературе в 1958 и его последующий отказ от получения премии. Сюэ Цзюньчжи и Ван Бучэн пересмотрели эти события на основе сложившейся ситуации с публикацией романа, отметив, что это пример развернувшегося противостояния между Советским Союзом и Западом, причем носящего вовсе не литературный характер; а такие явно политические действия не отображают действительную ситуацию и препятствуют реалистичному и серьезному анализу литературного произведения.

На этом этапе китайские научные круги не уделяли должного внимания поэзии Б. Л. Пастернака, но уже начали делать первые шаги в этом направлении. В 1988 году Чжэцзянским издательством литературы и искусства был опубликован сборник стихотворений «Вальс со слезой», составленный известными китайскими учеными и переводчиками У Ди и Ли Ганом. Это первый в Китае сборник стихотворений Б. Л. Пастернака. В предисловии У Ди отмечает, что поэт хорошо улавливает естественные звуки и по этой причине может создавать образы стихотворений с высокой музыкальностью. Пастернаковская поэзия на деле — это слияние «художества» и «музыки», в ней заключается «образность» и «музыкальность». Есть и другие ученые, представившие критическое обозрение поэтических произведений Б. Л. Пастернака. Сюэ Цзюньчжи резюмировала, что особенность раннего поэтического творчества Б. Л. Пастернака заключается в освещении изменений в его внутреннем мире, в этот период поэт уделяет большое внимание судьбе человека, а также выражает любовь и чувства к природе. Гу Юньпу утверждает, что лирические произведения Б. Л. Пастернака отличает способность поэта «в одном мгновенье видеть вечность»: находить и отображать философию жизни или свойства человеческой души. Ученый высказывает мнение, что стихи Б. Л. Пастернака носят метафорический характер, что привносит новое в стихотворную форму и способствует приданию еще большей образности.

3.2. 90-е годы XX века — расширение и углубление исследований творчества Б. Пастернака в Китае

1999 год был объявлен ЮНЕСКО Годом Б. Л. Пастернака в честь столетия со дня рождения писателя, что повлекло за собой волну исследовательского энтузиазма по всему миру, и Китай не стал исключением. Все 90-е годы китайские исследования жизни и творчества Б. Л. Пастернака беспрестанно расширялись и углублялись.

Что касается биографических исследований, то китайские ученые в основном опираются на документы, опубликованные в России. Начиная

с 1990 года в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Вопросы литературы», «Спутник» и т. д. один за одним выходят дневники или мемуары, написанные в разные периоды людьми из ближнего окружения Б. Л. Пастернака — родными, знакомыми. Например, во втором номере «Нового мира» за 1990 год была опубликована статья Евгения Пастернака, в журналах «Октябрь» и «Вопросы литературы» напечатаны мемуары советского драматурга А. Гладкова, критика Я. Черняка, литературоведов К. Чуковского, Л. Озерова, Г. Нейгауз и др., а издательство «Советская книга» опубликовало сборник «Письма 1926 года» о переписке Б. Л. Пастернака с Рильке и Цветаевой. Этим публикациям были посвящены статьи в «Мировой литературе» и других китайских журналах. Лю Вэньфэй, Юй Линь, Цзы Минь, Чжу Ши и другие ученые опубликовали статьи «Письма трех поэтов», «Борис Пастернак и Нобелевская премия», «Воспоминания о Б. Л. Пастернаке», «Сквозь перипетии прошлого» и т. д. Лю Вэньфэй и Ли Юйчжэнь также подчеркнули, что в России «Доктор Живаго» был впервые напечатан в крупнейшем литературном ежемесячнике страны «Новый мир»: журнал начал публиковать роман в первом номере 1988 года, Д. С. Лихачев самостоятельно написал предисловие — «Размышления о романе Б. Л. Пастернака “Доктор Живаго”». Все это помогло китайским читателям узнать подробности о судьбе романа в Советском Союзе.

В 1999 году ведущий китайский переводчик Гао Ман издал свой труд «Б. Л. Пастернак — многострадальный поэт» (Издательство «Чанчунь»), эта монография объемом в 250 000 иероглифов стала первой китайской биографией Б. Л. Пастернака. Гао Ман специально отправился в Переделькино, чтобы посетить Мемориальный дом-музей Б. Л. Пастернака и могилу писателя, прочувствовать среду, в которой тот жил и работал, и исследовать процесс его мышления, что позволило собрать большой объем ценной информации. Ему помог и сын писателя — Евгений Пастернак, который, узнав о предстоящей работе Гао Мана, специально прислал написанные им отрывки из своих воспоминаний. В процессе работы над книгой Гао Ман прочел большое количество материалов, включая собрание сочинений Б. Л. Пастернака и мемуары его современников, «Записи разных лет» его отца и материалы, собранные его сыном, мемуары любимой женщины Б. Л. Пастернака О. Ивинской «В плену времени», сборник «Переписка Бориса Пастернака» и т. д. В биографии Гао Ман описывает всю жизнь Б. Л. Пастернака в хронологическом порядке, от отрочества и молодых лет до последних дней писателя, одновременно раскрывая атмосферу того времени, чтобы обрисовать траекторию идеологических поисков писателя и эволюцию его творчества и позволить китайским читателям разносторонне познакомиться с жизнью Б. Л. Пастернака [Гао Ман, 1999].

На данном этапе у исследований «Доктора Живаго» появились новые характерные черты. Ученые в основном рассматривали роман с точки зрения идеологических тенденций, культурных коннотаций, религиозного духа и художественной системы, а приоритетным направлением считалось изучение идеологической и художественной ценности произведения.

Дяо Цзайфэй, взяв в качестве основной темы идеологические тенденции в романе «Доктор Живаго», трактовал взгляды главного героя на жизнь и историю, выдвинув мысль, что его идеологическая позиция очень неустойчива, а истоки его трагедии лежат в его собственной противоречивости. Проанализировав гуманистический дух «Доктора Живаго», ученый предположил, что отражение истории в романе должно не только основываться на реальности, но и быть обращено в будущее. Лю Шоупин, взяв за пример судьбу главного героя в романе, использовал гуманизм в качестве ценностного ориентира, чтобы исследовать революционное движение и процесс исторических изменений, и пояснил своеобразие противоречий, возникших между коллективным сознанием и личным сознанием Живаго. Гун Болу, используя в качестве отправной точки для исследования противоречия, составляющие трагедию Живаго, проанализировал ожесточенный конфликт между нравственными ориентирами в мировоззрении Живаго и революционной бурей. Посредством углубленного изучения роковой судьбы главного героя, Гун Болу вывел заключение, что автор выразил свои суждения относительно человеческой природы и судьбы человека. Дун Сяо писал, что в романе с поэтическим изяществом рассматривается история русской революции. Обладая острым мышлением и художественным талантом, Живаго наблюдал за ходом истории с позиции невозмутимого и объективного зрителя и, наконец, перенес свои серьезные размышления в поэтические строки.

Хэ Юньбо интерпретирует роман «Доктор Живаго» на основе подходов, подразумевающих изучение культурных коннотаций и религиозной составляющей ткани произведения. С одной стороны, ученый отмечает, что Б. Л. Пастернак, основываясь на этике и нравственных идеалах религиозного гуманизма, рассматривал социальные и исторические изменения с точки зрения людей и их ценностей. С другой стороны, анализируя религиозный дух романа, Хэ Юньбо подчеркивает его изоморфные отношения с Библией, называя Живаго мудрецом, бродягой, лишним человеком, утверждая, что он обладает апостольским духом поиска истины; ученый заключает, что формирование этого образа придает произведению характер библейского «Откровения».

Что касается исследований художественного построения произведения, Дун Сяо проанализировал символику цвета в лирической поэзии, содержащейся в романе, основываясь на глубоком историческом подтексте

произведения. Исследователь полагает, что данный роман — настоящая любовная поэзия, а противоречивость любви становится основным мотивом всего произведения. У Вэй, взяв в качестве примера описание пейзажей в романе, интерпретирует художественное построение романа в трех аспектах — с позиций стилистики романтизма, колорита импрессионизма и присутствия в тексте отдельных вкраплений элементов символизма.

Исследования поэзии в данный период в основном разворачивались вокруг стихотворных сюжетов, стилистических фигур и поэтического языка. В первой половине 90-х годов был опубликован ряд переводов стихотворений: «Избранная лирика Б. Л. Пастернака» (Перевод Гу Юньпу, издательство «Хуачэн», 1990), «Сестра моя — жизнь» (Перевод Лю Луньчжэня, Цзэн Чжэнпина, Издательство иностранной литературы, 1991), «Сборник футуристической поэзии Б. Л. Пастернака» (перевод Ян Кайсяня, Сычуаньское издательство литературы и искусства, 1996) и др. А в пятом томе десяти томника «Сокровищница мировой поэзии» (под ред. Фэй Бая <глав. ред.> и У Ди, издательство «Хуачэн», 1994) было опубликовано 12 стихотворений Б. Л. Пастернака. В предисловиях и послесловиях к переводам, а также в некоторых научных работах ученые затрагивали особенности поэтического творчества Б. Л. Пастернака. Так, в предисловии к сборнику «Сестра моя — жизнь» Лю Луньчжэнь и Цзэн Чжэнпин обсуждают воссозданные Б. Пастернаком в его стихотворениях пейзажи, затронутые им сюжеты и темы из повседневной жизни. Они также отмечают, что поэт вводит в текст метафоры, гиперболы и другие стилистические фигуры, прибегает к живому разговорному языку, а также конструирует коллокации с уникальными синтаксическими связями и наделяет их необычным содержанием. Ян Кайсянь дает объяснение пастернаковскому футуризму, исследует особенности художественного раскрытия писателем темы природы, выявляет явные и скрытые образные сравнения, синестезию, стилистические фигуры и прочие средства и приемы, называя поэта певцом природы, то сближающимся с эпохой, то отдаляющимся от нее. По сравнению с 1980-ми годами, количество переводов поэзии значительно выросло, но, если оценивать результаты исследований, посвященных роману «Доктор Живаго», их было по-прежнему мало.

3.3. XXI: новый век — систематизация исследований и появление новых подходов

Новый век стал важным этапом в развитии исследований творчества Б. Л. Пастернака в Китае. Этот период ознаменовался плюрализмом точек зрения, стремительным развитием исследований других художественных произведений автора и комплексным подходом к научным изысканиям.

Статьи, опубликованные китайскими учеными в этот период, в целом продолжили исследовательскую традицию предыдущих двух десятилетий.

Содержание работ в основном затрагивало религиозные мотивы в романе, темы интеллигенции и русского национального духа, художественные особенности произведения и т. д. По сравнению с предыдущим периодом, важным достижением китайского академического сообщества на данном этапе является публикация семи монографических работ, которые в полной мере доказывают, что исследований Б. Л. Пастернака в Китае не становится меньше. В их числе следующие издания: 1) «Взлеты и падения “Живаго”» Бао Гохуна (Юньнаньское народное издательство, 2001), 2) «Жизнь — это случайное путешествие: случайность в “Докторе Живаго” и вопросы поэтики» Чжан Сяодуна (Хэйлунцзянское народное издательство, 2006), 3) «Исследование творчества Б. Л. Пастернака» Фэн Юйчжи (Издательство народной литературы, 2007), 4) «“Неклассический” психологизм в романе Б. Л. Пастернака “Доктор Живаго”» Ди Сяося (Шанхайское издательство переводов, 2015), 5) «Проза поэта: исследование прозы Б. Л. Пастернака» Ван Цзечжи (Издательство Пекинского университета, 2017), 6) «Исследование особенностей повествования и искусства речи в романе “Доктор Живаго”» Ван Лэй и Ван Цзяпина (Издательство Пекинского университета, 2019), 7) «Искусство повествования в романе “Доктор Живаго”» Сунь Лэй (Издательство «Преподавание и исследование иностранных языков», 2019).

Из вышеуказанных книг пять посвящены роману «Доктор Живаго». Монография Бао Гохуна знакомит читателя с жизнью и творчеством Б. Л. Пастернака, повествует о процессе написания и публикации романа, а также анализирует образы главных персонажей, художественные особенности и религиозные мотивы в произведении [Бао Гохун, 2001]. Чжан Сяодун считает концепт СЛУЧАЙНОСТЬ ключевым звеном в расшифровке концепции поэтической составляющей «Доктора Живаго». Сосредоточив внимание на этом концепте, исследователь проводит подробный анализ образа главного героя, композиции текста, сюжета и фабулы, характерных особенностей хронотопа романа, связи концепта случайности и идейного содержания романа и т. д. [Чжан Сяодун, 2006]. Ди Сяося в своей работе уделяет внимание эстетическому и философскому началу творчества Б. Л. Пастернака, проводит анализ разновидностей пейзажей и их роли в создании психологического сюжета романа, трактуя естественные пространственные образы как один из приемов психологизма [Ди Сяося, 2015]. Что касается монографий «Исследование особенностей повествования и искусства речи в романе “Доктор Живаго”» [Ван Лэй и др., 2019] и «Искусство повествования в романе “Доктор Живаго”» [Сунь Лэй, 2019], то сами названия свидетельствуют о подходе, выбранном авторами обеих книг: ученые исследуют роман на теоретической основе нарратологии. Каждая из этих монографий имеет собственную направленность, но выдающимся в обоих исследованиях является углублен-

ное изучение повествовательных характеристик текста произведения. Авторы первой книги опираются на достижения русской литературной теории, стилистики, а также западной нарратологии и, исходя из повествовательных методов, языка и идеи романа, на примере образцового языкового материала раскрывают его художественную ценность. Автор второй монографии фокусируется на структуре, точках зрения повествования и повествовательных формах в романе, осуществляет поиск ответа на ключевой вопрос «Как вести повествование?».

Монография Фэн Юйчжи «Исследование творчества Б. Л. Пастернака» является показательной работой периода [Фэн Юйчжи, 2007]. В пяти главах автор подробно исследует специфику творчества писателя посредством сопоставительного анализа. Сравнивая его с творчеством Маяковского, Цветаевой и Ахматовой, Фэн Юйчжи анализирует влияние на поэта его современников, устанавливает связующие их духовные искания. Помимо этого, в процессе интерпретации романа исследователь подчеркивает, что в фокусе внимания Б. Л. Пастернака находятся исторические события, природа, судьбы людей и литературное творчество, а также сравнивает романы «Доктор Живаго» и «Война и мир» с позиций центральной идеи, формы и композиции, отмечая идею синтеза временного и вечного, собственный взгляд каждого писателя на историю и эпохальность художественного изображения жизни, эпический ракурс в произведениях обоих авторов. В монографии также анализируются сходства и различия художественных миров Б. Л. Пастернака и М. А. Шолохова в отношении их метафорического фонда, идей, речи персонажей, языка и стиля. Ставя интертекстуальность в центральную позицию, Фэн Юйчжи выявляет скрытые связи между произведениями Б. Л. Пастернака и различными литературными традициями; ученый признает высокую ценность литературного творчества автора, отмечая, что оно является важной составной частью мировой литературной традиции.

Важнейшее место среди исследований Б. Л. Пастернака в Китае занимает монография Ван Цзечжи «Проза поэта: исследование прозы Б. Л. Пастернака» [Ван Цзечжи, 2017]. Ещё в 2014 году вышел перевод «Первые опыты: сборник рассказов Б. Л. Пастернака» (издательство «Илинь») [Ван Цзечжи, 2014], включивший в себя все рассказы и повести писателя, которые были переведены впервые в Китае под руководством Ван Цзечжи. Это и послужило прочным фундаментом для появления монографии. В своей книге автор разъясняет и упорядочивает творческие достижения Б. Л. Пастернака в прозе, очерчивает траекторию развития его произведений, дает оценку уникальности и ценности малой прозы, выявляет ее связь с романом «Доктор Живаго», системно исследует общие характерные черты всей

прозы писателя, уделяя особое внимание ранним прозаическим наброскам «Первые опыты» и рассматривая их как начало работы Б. Л. Пастернака в области романного текста. Ван Цзечжи исследует произведения русского писателя с точки зрения сюжетной линии, связи пейзажей и душевного состояния, автобиографической составляющей и лирико-философских размышлений. Изучая прочие рассказы и повести писателя, исследователь приходит к выводу, что «Апеллесова черта», «История одной контроктавы» и «Письма из Тулы» носят экспериментальный характер и являются неотъемлемой частью художественного развития творчества Б. Л. Пастернака, в повести «Вторая картина. Петербург» можно проследить литературное влияние Пушкина, Достоевского, Белого и Блока, а «Детство Люверс» носит переходный характер в прозе Б. Л. Пастернака, и наконец, «Три главы из повести», «Повесть» и «Записки Патрика» формируют предшествующую «Доктору Живаго» ступень в связи с темой судьбы интеллигенции в этих произведениях. Последние четыре главы Ван Цзечжи посвящает «Доктору Живаго», интерпретирует художественное изображение реальности, рассматривает поэтическое выражение взгляда на историю, особенности текстового воплощения религиозного сознания и способы конструирования эпического повествования. Помимо прочего, Ван Цзечжи целостно в динамике рассматривает прозаическое творчество Б. Л. Пастернака с точки зрения поэтики, тем самым демонстрируя процесс постепенного оформления художественного стиля писателя.

Ярким примером достижений в исследовании Б. Л. Пастернака служит перевод и издание «Полного собрания стихотворений Бориса Пастернака» в 3 томах (переводы Гу Юньпу, Ли Хая, Ван Чжиляна, Фэн Юйцзиня и др., Шанхайское издательство переводов, 2014), в которое вошло 499 произведений поэта, что и по сей делает его самым полным сборником переводов поэтического творчества Б. Л. Пастернака в Китае. Исследование стихотворений поэта получило продолжение в XXI веке. В своих статьях ученые обсуждают такие аспекты, как метафоричность и музыкальность творчества поэта, дополняя и уточняя предшествующие выводы, а также выявление ассортимента основных тем стихотворений.

Китайские ученые детально изучали метафоры в стихотворениях поэта. Так, Гу Юньпу предположил, что путем перестановки объекта метафоры и ее произвольного компонента в выражении «Сестра моя — жизнь» автор усиливает стилистический эффект. У Ди, исследуя отношения единства между природой и человеком, а также природой и искусством, раскрыл существующую в пейзажной лирике метафорическую систему обмена ролями. Он полагает, что «я» лирического героя латентно, тогда как природа является главной темой; но благодаря взаимопроникновению природа и че-

людей наделяются двойственным смыслом: с одной стороны, человек через свою сопричастность природе получает собственное место в мире, с другой — природа в контексте сравнений с человеком приобретает чувства, характер и внутренний мир. Лю Вэньфэй исследовал процесс разворачивания метафоры: от частного образа к его дальнейшему преобразованию в тему и далее к расширению до пространственно-временной системы, а также подробно объяснил особенности метафор, используемых в названиях сборников стихов: название его второго сборника «Поверх барьеров» — это не только обобщенный образ того времени, но и метафора, отображающая жизненную позицию Б. Л. Пастернака; в названии третьего сборника «Сестра моя — жизнь» «сестра» формирует общую метафору жизни, к которой поэт испытывает теплую и добрую любовь. В качестве примера исследователь также приводит стихотворение «Когда разгуляется», где не только анализирует значение содержащейся в названии метафоры, но и акцентирует внимание на том, как в данном стихотворении простые и развернутые метафоры служат усилению яркости и выразительности текста. Ван Цзясин приводит в пример «Зимнюю ночь», чтобы продемонстрировать, как через метафору можно выразить душевную близость персонажей и святость любви. Чжан Сяодун проанализировал первое стихотворение из романа «Доктор Живаго» «Гамлет», подчеркивая, что фигура Гамлета носит метафорический характер и выражает философское размышление об отношениях между человеком и историей, и по сути этот персонаж представляет собой триединство Живаго, Иисуса Христа и Гамлета.

Музыкальность пастернаковской поэзии является важной областью исследований. В своей статье «О пейзажной лирике Б. Л. Пастернака» У Ди провел глубокое изучение феномена музыкальности в стихотворениях поэта и выдвинул предположение, что Б. Л. Пастернак часто использует фонетические средства для усиления музыкальности своих стихотворений. Ван Юн полагает, что «присутствие музыки» является основной особенностью лирической поэзии Б. Л. Пастернака. Рассматривая аспекты «любви поэта к музыке», «явных выражений музыки в поэтическом творчестве», «скрытых воплощений музыки в поэтических произведениях» и «философии музыки в стихотворениях» [Ван Юн и др., 2022, с. 29—34], она анализирует влияние семейного музыкального образования и увлечения Б. Л. Пастернака музыкой на его поэтическое творчество. Анализируя отдельные стихотворения, она приходит к заключению, что музыка является составной частью творческой философии поэта и представляет собой своего рода дух, который пронизывает все его поэтическое творчество.

Выявление ключевых тем произведений Б. Пастернака также остается важным предметом исследований в Китае, и темы жизни и природы в его

творчестве по-прежнему больше всего привлекают внимание ученых. Лю Вэньфэй, проанализировав темы близости к природе и понимания жизни, пришел к выводу, что они являются наиболее заметными в лирической поэзии Б. Л. Пастернака: их сочетание составляет суть его стихотворений, превращая лирическую поэзию в философскую. У Ди, рассматривая в качестве примера тему природы в сборнике «Сестра моя — жизнь», изучил особенности совпадений между образами природы и человеческой души и отметил, что поэт использует пейзажную лирику как инструмент для раскрытия внутреннего мира героев. Кроме того, исследователь проанализировал тему любви и религии в поэтическом творчестве Б. Л. Пастернака. Основываясь на материалах сборников «Сестра моя — жизнь» и «Второе рождение», он изучил связь любви с природой и пришел к выводу, что тема любви косвенно выражается природными явлениями. Такие ученые, как Ван Лэй, Ван Цзясин, Сунь Лэй и другие отмечали, что 25 стихотворений романа «Доктор Живаго» охватывают такие темы, как природа, история, любовь, свобода, созидание, творчество, раскаяние, муки и т. д.; в стихотворении «Белая ночь» посредством описания весенней природы превозносится любовь; из 25 стихотворений Живаго восемь — «На Страстной», «Рождественская звезда», «Август», «Чудо», «Дурные дни», « I», «Магдалина II» и «Гефсиманский сад» — имеют прямое отношение к теме религии, причем, христианский подтекст от первого к последнему постепенно углубляется.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог, отметим, что исследования Б. Л. Пастернака в Китае прошли 40-летний путь. В этот период китайские ученые анализировали произведения писателя, принадлежащие различным жанрам. Наибольшего внимания удостоился роман «Доктор Живаго», получивший осмысление в таких направлениях, как жизненный путь писателя, история создания романа, судьба интеллигенции, идеологические стремления, культурная, религиозная и духовная составляющие, а также искусство слова и техники, используемые автором при создании произведений, что делает исследования Б. Л. Пастернака в Китае системными и многообразными.

В ноябре 2020 года Чжэцзянский университет провел международную научную конференцию «К 130-летию со дня рождения Б. Л. Пастернака». Руководитель Дома-музея Б. Л. Пастернака Ирина Ерисанова выступила с речью на церемонии открытия конференции, высоко оценив усилия китайских ученых по увековечению памяти Б. Л. Пастернака. На конференцию были приглашены 17 российских и китайских экспертов для выступления с пленарными докладами, десятки ученых рассказали о своих исследованиях на секционных заседаниях. Активное участие многих экс-

пертов и молодых ученых в полной мере продемонстрировало непрерывающийся процесс изучения Б. Л. Пастернака в Китае и большой потенциал для будущих исследований.

В частности, следует отметить, что в настоящее время в китайском литературоведении уже наметилась тенденция к изучению духовного и художественного влияния произведений Б. Л. Пастернака на современную китайскую поэзию. Художественные приёмы, идеи гуманизма и индивидуальная авторская концепция духовности, характеризующие творчество Б. Л. Пастернака, оказали «духовно-просветительское воздействие» на таких современных китайских поэтов, как Бэй Дао (настоящее имя: Чжао Чжэнькай), Бай Хуа и Ван Цзясинь [Чэнь Цзин, 2014, с. 102]. Среди них выделяется Ван Цзясинь: вдохновившись величием жизни и бремени судьбы в творчестве Пастернака, он написал такие стихи, как «Варькинская баллада», «Пастернак» и др. [Ван Цзясинь, 2007, с. 114—122], тем самым конструируя творческий диалог с великим русским писателем. Можно сказать, что Ван Цзясинь, обладающий душой китайского поэта, нашел в русском поэте Б. Л. Пастернаке единомышленника [Бай Хуа, 2006, с. 12], между ними существует «духовная связь» [Ван Цзечжи, 2007, с. 48]. Эти глубокие духовные узы, несомненно, будут стимулировать исследования Б. Л. Пастернака китайскими учеными.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. *Бай Хуа*. Душа и происхождение. В рамках общих мотивов : Б. Л. Пастернак разбудит Ван Цзясина / Бай Хуа // Вестник Цзяньханского университета. — 2006. — № 3. — С. 12. (на кит. яз.) (柏桦. 心灵与背景: 共同主题下的影响——论帕斯捷尔纳克对王家新的唤醒 // 江汉大学学报. — 2006年. — 第3期. — 第12页.)
2. *Бао Гохун*. Взлеты и падения «Живаго» / Бао Гохун. — Куньмин : Юньнаньское народное издательство, 2001. — 340 с. (на кит. яз.) (包国红. 风风雨雨“日瓦戈”——《日瓦戈医生》. — 昆明: 云南人民出版社, 2001年. — 共340页.)
3. *Ван Лэй*. Исследование особенностей повествования и искусства речи в романе «Доктор Живаго» / Ван Лэй, Ван Цзясин. — Пекин : Издательство Пекинского университета, 2019. — 226 с. (на кит. яз.) (汪磊, 王加兴. 《日瓦戈医生》叙事特色与语言艺术研究. — 北京: 北京大学出版社出版, 2019年. — 共226页.)
4. *Ван Цзечжи*. Век горечи : духовная связь Б. Л. Пастернака с китайской интеллигенцией / Ван Цзечжи // Исследования и дискуссии. — 2007. — № 9. — С. 48. (на кит. яз.) (汪介之. 世纪苦吟: 帕斯捷尔纳克与中国知识者的精神关联 // 探索与争鸣. — 2007年. — 第9期. — 第48页.)

5. Ван Цзечжи. Первые опыты : сборник рассказов Б. Л. Пастернака / Ван Цзечжи. — Пекин : Издательство «Илинь», 2014. — 403 с. (на кит. яз.) (汪介之. 最初的体验帕斯捷尔纳克中短篇小说集. — 北京 : 译林出版社, 2014年. — 共403页.)

6. Ван Цзечжи. Проза поэта: исследование прозы Б. Л. Пастернака / Ван Цзечжи. — Пекин : Издательство Пекинского университета, 2017. — 325 с. (на кит. яз.) (汪介之. 诗人的散文: 帕斯捷尔纳克小说研究. — 北京 : 北京大学出版社. 2017年. — 共325页.)

7. Ван Цзясинь. Поэзия несущего бремя : откровения о русской и советской поэзии / Ван Цзясинь // Зарубежная литература. — 2007. — № 6. — С. 114—122. (на кит. яз.) (王家新. 承担者的诗: 俄苏诗歌的启示 // 外国文学. — 2007年. — 第6期. — 第114—122页.)

8. Ван Юн. Музыкальное присутствие : о музыкальности лирической поэзии Б. Л. Пастернака / Ван Юн, Ли Синь // Русская литература и искусство. — 2022. — № 1. — С. 29—34. (на кит. яз.) (王永, 李心仪. 音乐在场—论帕斯捷尔纳克抒情诗的音乐性 // 俄罗斯文艺. — 2022年. — 第1期. — 第29—34页.)

9. Всемирная библиотека поэзии / под. ред. Фэй Бай, У Ди. — Гуанчжоу : Издательство «Хуачэн», 1994. — Т. 5. — С. 316. (на кит. яз.) (世界诗库. 第5卷. / 飞白, 吴笛编. 广州 : 花城出版社. 1994年. — 第316页.)

10. Гао Ман. Б. Л. Пастернак — многострадальный поэт / Гао Ман. — Чанчунь : Издательство «Чанчунь», 1999. — 356 с. (на кит. яз.) (高莽. 帕斯捷尔纳克—历经沧桑的诗人. — 长春 : 长春出版社. 1999年. — 共356页.)

11. Ди Сюся. «Неклассический» психологизм в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» / Ди Сюся. — Шанхай : Шанхайское издательство переводов, 2015. — 187 с. (на кит. яз.) (邱小霞. 帕斯捷尔纳克小说艺术新探索——《日瓦戈医生》中的非传统心理主义研究. — 上海 : 上海译文出版社. 2015年. — 共187页.)

12. Лу Синь. Полное собрание сочинений Лу Синя / Лу Синь. — Пекин : Издательство народной литературы, 1981. — Т. 4. — С. 459. (на кит. яз.) (鲁迅. 鲁迅全集. 第4卷. — 北京 : 人民文学出版社. 1981年. — 第459页.)

13. Лю Вэньфэй. Б. Л. Пастернак : жизнь и творчество / Лю Вэньфэй // Пограничная литература. — 2020. — № 7. — С. 72—73. (на кит. яз.) (刘文飞. 帕斯捷尔纳克 : 生活和创作 // 边疆文学. — 2020年. — 第7期. — 第72—73页.)

14. Мещанин, предатель доктор Живаго и его «создатель» Б. Л. Пастернак / Лю Нин, Куан Син, Ба Темэй, Ян Миньжу // Мировая литература. — 1959. — № 1. — С. 36. (на кит. яз.) (刘宁, 匡兴, 把铁梅, 杨敏如. 市侩、叛徒日瓦戈医生和他的“创造者”帕斯捷尔纳克 // 世界文学. — 1959年. — 第1期. — 第36页.)

15. Сунь Лэй. Искусство повествования в романе «Доктор Живаго» / Сунь Лэй. — Пекин : Издательство «Преподавание и исследование иностранных языков», 2019. — 373 с. (на кит. яз.) (孙磊. 长篇小说《日瓦戈医生》的叙事艺术. — 北京 : 外语教学与研究出版社. 2019年. — 共373页.)

16. Сюэ Цзюньчжи. Возвращение: пять бесед о писателях, на которых был снят запрет / Сюэ Цзюньчжи. — Пекин : Издательство литературы по общественным наукам, 1989. — 297 с. (на кит. яз.) (薛君智. 回归: 苏联开禁作家五论. — 北京 : 社会科学文献出版社. 1989年. — 共297页.)

17. У Ди. Гуманизм и экологическое сознание : исследование образов природы в китайской и западной поэзии. Докторская диссертация / У Ди. — Ханчжоу : Чжэцзянский университет, 2004. — С. 52. (на кит. яз.) (吴笛. 人文精神与生态意识——中西诗歌自然意象研究. — 博士论文: 浙江大学. 2004年. — 第52页.)

18. *Фэн Юйчжи*. Исследование творчества Б. Л. Пастернака / Фэн Юйчжи. — Пекин : Издательство народной литературы, 2007. — 325 с. (на кит. яз.) (冯玉芝. 帕斯捷尔纳克创作研究. — 北京 : 人民文学出版社. 2007年. — 共325页.)

19. *Цзан Кэцзя*. Гангрена-сокровище — Почему Нобелевская премия была присуждена Б. Л. Пастернаку? / Цзан Кэцзя // Мировая литература. — 1959. — № 1. — С. 34. (на кит. яз.) (臧克家. 痼疽·宝贝—诺贝尔奖为什么要送给帕斯捷尔纳克? // 世界文学. — 1959年. — 第1期. — 第34页.)

20. *Цюй Цюбай*. Полное собрание сочинений Цюй Цюбая / Цюй Цюбай. — Пекин : Издательство народной литературы, 1954. — Т. 3. — С. 54. (на кит. яз.) (瞿秋白. 瞿秋白文集. — 北京 : 人民文学出版社. — 1954年. — 第3卷. — 第54页.)

21. *Чжан Сяодун*. Жизнь — это случайное путешествие : случайность в «Докторе Живаго» и вопросы поэтики / Чжан Сяодун. — Харбин : Хэйлунцзянское народное издательство, 2006. — 277 с. (на кит. яз.) (张晓东. 生命是一次偶然的旅行—日瓦戈医生的偶然性与诗学问题. — 哈尔滨 : 黑龙江人民出版社. 2006年. — 共277页.)

22. *Чжан Цзяньхуа*. Рассмотрение и анализ изучения романов Б. Л. Пастернака в шестидесятые годы нового Китая / Чжан Цзяньхуа // Зарубежная литература. — 2011. — № 6. — С. 40. (на кит. яз.) (张建华. 新中国六十年帕斯捷尔纳克小说研究之考察与分析 // 外国文学. — 2011年. — 第6期. — 第40页.)

23. *Чэнь Цзин*. Анализ поэзии : о влиянии духа Пастернака на современную китайскую лирическую поэзию / Чэнь Цзин // Вестник Синьцзянского университета. — 2014. — № 2. — С. 102. (на кит. яз.) (陈静. 诗意的检验: 论帕斯捷尔纳克精神对中国当代抒情诗之影响 // 新疆大学学报. — 2014年. — 第2期. — 第102页.)

*Статья поступила в редакцию 11.11.2023,
одобрена после рецензирования 19.12.2023,
подготовлена к публикации 23.01.2024.*

References

- Bai Hua. (2006). Soul and origin. Within the framework of common motives: B. L. Pasternak will wake up Wang Jiaxing. *Bulletin of Jianhan University*, 3: P. 12. (In Chinese).
- Bao Guohong. (2001). *The ups and downs of Zhivago*. Kunming: Yunnan People's Publishing House. 340 p. (In Chinese).
- Chen Jing. (2014). Poetry Analysis: on the influence of Pasternak's Spirit on modern Chinese lyrical poetry. *Bulletin of Xinjiang University*, 2: P. 102. (In Chinese).
- Di Xiaoxia. (2015). "Non-classical" psychologism in B. L. Pasternak's novel "Doctor Zhivago". Shanghai: Shanghai Translation Publishing House. 187 p. (In Chinese).
- Fei Bai, Wu Di. (eds.). (1994). *The World Library of Poetry*, 5. Guangzhou: Huacheng Publishing House. P. 316. (In Chinese).
- Feng Yuzhi. (2007). *A study of the work of B. L. Pasternak*. Beijing: Publishing House of Folk Literature. 325 p. (In Chinese).
- Gao Mang. (1999). *B. L. Pasternak — the long-suffering poet*. Changchun: Changchun Publishing House. 356 p. (In Chinese).
- Liu Ning, Kuang Xing, Ba Tiemei, Yang Minru. Philistine, traitor Dr. Zhivago and his "creator" B. L. Pasternak. (1959). *World Literature*, 1. P. 36. (In Chinese).
- Liu Wenfei. (2020). B. L. Pasternak: life and work. *Frontier literature*, 7: 72—73. (In Chinese).
- Lu Xun. (1981). *The Complete Works of Lu Xin*, 4. Beijing: Publishing House of Folk Literature. P. 459. (In Chinese).

- Qu Qiubai. (1954). *The complete works of Qu Qiubai*, 3. Beijing: Publishing House of Folk Literature. P. 54. (In Chinese).
- Sun Lei. (2019). *The art of storytelling in the novel "Doctor Zhivago"*. Beijing: Publishing House "Teaching and Research of foreign Languages". 373 p. (In Chinese).
- Wang Jiaxin. (2007). The Poetry of the Burden Bearer: revelations about Russian and Soviet poetry. *Foreign literature*, 6: 114—122. (In Chinese).
- Wang Jiezhi. (2007). The Age of Bitterness: the spiritual connection of B. L. Pasternak with the Chinese intelligentsia. *Studies and discussions*, 9: P. 48. (In Chinese).
- Wang Jiezhi. (2014). *The first experiments: a collection of short stories by B. L. Pasternak*. Beijing: Yilin Publishing House. 403 p. (In Chinese).
- Wang Jiezhi. (2017). *The poet's Prose: a study of the prose of B. L. Pasternak*. Beijing: Peking University Press. 325 p. (In Chinese).
- Wang Lei, Wang Jiaxing. (2019). *A study of the features of narration and the art of speech in the novel "Doctor Zhivago"*. Beijing: Peking University Press. 226 p. (In Chinese).
- Wang Yong, Li Xinyi. (2022). Musical presence: on the musicality of B. L. Pasternak's lyrical poetry. *Russian Literature and Art*, 1: 29—34. (In Chinese).
- Wu Di. (2004). *The Humanist Spirit and the Ecological Consciousness: Studies in the Natural Imagery of Chinese and Western Poetry. Doctoral dissertation*. Hangzhou: Zhejiang University. P. 52. (In Chinese).
- Xue Junzhi. (1989). *The Return: Five conversations about writers on whom the ban was lifted*. Beijing: Publishing House of Literature on Social Sciences. 297 p. (In Chinese).
- Zang Kejia. (1959). Gangrene treasure — Why was the Nobel Prize awarded to B. L. Pasternak? *World literature*, 1: P. 34. (In Chinese).
- Zhang Jianhua. (2011). Consideration and analysis of the study of the novels of B. L. Pasternak in the sixties of new China. *Foreign literature*, 6: P. 40. (In Chinese).
- Zhang Xiaodong. (2006). *Life is a Random Journey: Chance in Doctor Zhivago and Questions of Poetics*. Harbin: Heilongjiang People's Publishing House. 277 p. (In Chinese).

*The article was submitted 11.11.2023;
approved after reviewing 19.12.2023;
accepted for publication 23.01.2024.*

Информация для цитирования:

Сердечная В. В. Проблемы русской театральной рецепции Шекспира в критике Ю. И. Айхенвальда / В. В. Сердечная, Д. Н. Жаткин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 256—273. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-256-273.

Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. (2024). Problems of Russian Theatrical Reception of Shakespeare in Criticism of Yuli Eichenwald. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 256-273. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-256-273. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-256-273

Проблемы русской театральной рецепции Шекспира в критике Ю. И. Айхенвальда

Сердечная Вера Владимировна¹

orcid.org/0000-0001-8718-3556

доктор филологических наук, доцент,
кафедра зарубежной литературы
и сравнительного культуроведения
rintra@yandex.ru

Жаткин Дмитрий Николаевич²

orcid.org/0000-0003-4768-3518

доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой перевода
и переводоведения,

***корреспондирующий автор**

ivb40@yandex.ru

¹ Кубанский
государственный университет
(Краснодар, Россия)

² Пензенский государственный
технологический университет
(Пенза, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках реализации работ по гранту Российского научного фонда № 22-18-00027 «Шекспир и русская литература начала XX века (традиции, реминисценции, переводы, литературно-критическая рецепция)»

Problems of Russian Theatrical Reception of Shakespeare in Criticism of Yuli Eichenwald

Vera V. Serdechnaya¹

orcid.org/0000-0001-8718-3556

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Literature
and Comparative Cultural Studies
rintra@yandex.ru

Dmitry N. Zhatkin²

orcid.org/0000-0003-4768-3518

Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Translation
and Translation Studies

***Corresponding author**

ivb40@yandex.ru

¹ Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

² Penza State
Technological University
(Penza, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared as part of the work under the grant of the Russian Science Foundation № 22-18-00027 "Shakespeare and Russian literature of the early 20th century (traditions, reminiscences, translations, literary critical reception)"

© Сердечная В. В., Жаткин Д. Н., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проблема исследования состоит в оценке методологического подхода Юлия Айхенвальда (1872—1928) как театрального критика и теоретика театра, в частности, писавшего о шекспировских постановках как в России, так и за ее пределами. Известный как литературный критик, Айхенвальд также писал и о театре, но эти его работы остались малоисследованными. Целью работы является освещение принципов театральной критики Айхенвальда. Материалом выступили малоизвестные статьи Айхенвальда на тему теории театра и шекспировских постановок с 1903 по 1927 годы. В качестве методов исследования использованы герменевтический и сопоставительный. Результаты исследования таковы: Айхенвальд проявляет в статьях о театре свою литературоцентричную позицию, согласно которой театр есть лишь иллюстрация литературного произведения; он использует спектакли все в большей мере как повод поговорить о Шекспире, порой не упоминая ни актеров, ни режиссера. Восприятие театра как посредника, как вспомогательное устройство между пьесой и читателем обуславливает неприятие критиком самого понятия режиссерского театра и отрицание фигуры режиссера как автора спектакля. Авторы приходят к выводу о том, что театральная критика Айхенвальда — закономерный итог литературоцентричного суждения о театре, от Аристотеля до Гегеля рассматриваемого как часть литературы.

Ключевые слова: Юлий Айхенвальд; рецепция Шекспира; театральная критика; литературоведение; драматургия; режиссура; Мейерхольд.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of this study lies in evaluating the methodological approach of Yuli Eichenwald (1872—1928) as a theatrical critic and theorist, specifically his writings on Shakespearean productions both in Russia and abroad. Known primarily as a literary critic, Eichenwald also wrote about theater, but his works in this area have been largely unexplored. The aim of this study is to shed light on Eichenwald's principles of theatrical criticism. The material used consists of little-known articles by Eichenwald on theater theory and Shakespearean productions from 1903 to 1927. The research employs hermeneutic and comparative methods. The findings reveal that Eichenwald demonstrates a literature-centric position in his articles on theater, according to which theater is merely an illustration of literary works. He increasingly uses productions as a pretext to discuss Shakespeare, often without mentioning the actors or directors. Eichenwald's perception of theater as a mediator, as an auxiliary device between the play and the reader, leads to his rejection of the concept of directorial theater and the denial of the director as the author of the production. The authors conclude that Eichenwald's theatrical criticism is a logical outcome of literature-centric judgments about theater, from Aristotle to Hegel, where theater is considered as part of literature.

Key words:

Yuli Eichenwald; reception of Shakespeare; theatrical criticism; literary studies; dramaturgy; directing; Meyerhold.

Проблемы русской театральной рецепции Шекспира в критике Ю. И. Айхенвальда

© Сердечная В. В., Жаткин Д. Н., 2024

1. Введение = Introduction

Юлий Исаевич Айхенвальд (1872—1928), философ, литературный критик и переводчик, в частности, сочинений Шопенгауэра на русский язык, в 1922 году был вынужден эмигрировать из большевистской России, и его наследие оставалось малоизвестным вплоть до 1990-х годов. Да и сегодня, как справедливо отмечает Е. А. Тахо-Годи, его имя остается недооцененным, не входит в антологии русской зарубежной критики [Тахо-Годи, 2020б, с. 172]; вместе с тем Б. Зайцев называл Айхенвальда «художником литературной критики» [Зайцев, 1993, с. 407].

Айхенвальд был влиятельным мыслителем своего времени — не только литературным критиком, но и человеком с философским образованием, автором рецензий на философские труды, ученым секретарем Московского психологического общества. Формулируя основания для понимания истории литературы как науки, А. Ф. Лосев в 1919 году в качестве одного из методических подходов этой науки называет импрессионизм, приводя в пример два главных имени: Оскара Уайльда с его «эстетическим авангардизмом» и Юлия Айхенвальда с его «описательно-психологическим импрессионизмом» [Лосев, 2015, с. 1014].

Сам Айхенвальд в предисловии к третьему изданию своих «Силуэтов русских писателей» писал о том, что методология истории литературы требует обновления; что неточный биографический метод обречен: «Решительно все равно, как звали творца “Гамлета” — Шекспир или Бэкон: это в “Гамлете” ничего не меняет» [Айхенвальд, 1911, с. XVI].

Также Айхенвальд отмечает, что попытка И. Тэна опереться на объективные обстоятельства расы, среды и момента не учитывает индивидуального таланта; «и потому гораздо научнее, гораздо фактичнее, при исследовании художественной словесности обращать главное и особенное внимание на тот неизбежный и самоочевидный, на тот бесспорный фактор литературы, каким является сам писатель, его творческая индивидуальность» [Айхенвальд, 1911, с. VI]. Творец больше своего времени; он слишком часто не выражает свою среду (как утверждает Тэн), а, напротив, пре-

восходит ее и расходится с ней; отсюда тезис о вневременном характере писательского таланта. «Нет направлений: есть писатели. Нет общества: есть личности» [Там же, с. XI].

Айхенвальд делает следующий вывод: «Обычный историко-литературный метод не приближает к цели, т. е. к самому произведению, а уводит от него в совершенно постороннюю даль. Гораздо естественнее *метод имманентный* (курсив автора цитаты. — В. С., Д. Ж.), когда исследователь художественному творению органически сопричащается и всегда держится внутри, а не вне его» [Там же, с. XVI]. В это понятие Айхенвальд включает, так или иначе, и рецептивную открытость произведения, перспективу смысловой разомкнутости и ассоциативного дополнения произведения в дальнейшем читательском восприятии и трактовке.

В начале XX века, как отмечают исследователи, концепция интуитивного восприятия литературы представляла собой явление новаторское [Азаров, 2022, с. 136]. Основой для этого подхода стали у Айхенвальда иррационализм Шопенгауэра и активно развивавшаяся психология (в частности, опора на психолого-лингвистические работы А. А. Потебни и В. Гумбольдта) [Зуев, 2006, с. 15—17]. Интересно, что Айхенвальд не отрицает субъективности критики, осознавая невозможность устранения индивидуального взгляда личности: «Критик-импрессионист выражает... более свою, чем чужую индивидуальность» [Алексеев, 2013б, с. 99].

Исследователи также отмечают появление в методе Айхенвальда-критика новых черт в его эмигрантский период: это критерий «нравственного содержания произведения, соответствия общечеловеческим моральным ценностям, а иногда и христианским» [Кочергина, 2016, с. 28], — очевидно, что проблематика эта обострилась в результате революции и тех сдвигов, которые она принесла и в общество, и в литературу.

Менее прочего исследованы театроведческие и театральнo-критические работы Айхенвальда. Задача рефлексии в области наследия Айхенвальда как театрального критика, в частности, пишущего о постановках по Шекспиру и о шекспировской драматургии, и стоит перед данным исследованием.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В советский период по очевидным причинам работы Айхенвальда, как эмигранта, были практически недоступны. В постсоветский период научному осмыслению и анализу подвергся прежде всего литературно-критический аспект деятельности Айхенвальда.

Методологические основания и трансформация взглядов Айхенвальда как литературного критика были исследованы И. Я. Мурзиной [Мурзина,

1996], А. А. Алексеевым [Алексеев, 2000; Алексеев, 2007; Алексеев, 2013а; Алексеев, 2013б; Алексеев, 2014 и др.], М. Риппинг [Риппинг, 2003], Д. В. Зуевым [Зуев, 2006], И. В. Кочергиной [Кочергина, 2016; Кочергина, 2019], Е. А. Обуховой [Обухова, 2019], А. А. Костригиным [Костригин, 2021], Ю. А. Азаровым [Азаров, 2022]. Рассмотрены также отдельные писатели как объекты критического интереса Айхенвальда [Смирнов, 2019; Тахо-Годи, 2023 и др.]. Философски-эстетическим взглядам Айхенвальда в контексте его литературной критики посвящены многочисленные работы Е. А. Тахо-Годи [Тахо-Годи, 2020а; Тахо-Годи, 2020б; Тахо-Годи, 2020в; Тахо-Годи, 2021а; Тахо-Годи, 2021б; Тахо-Годи, 2022 и др.]. Также затронуты вопросы оценки Октябрьской революции в его творчестве [Кочергина, 2017].

Вместе с тем практически не исследованными остаются взгляды Айхенвальда на театр, и в частности на русскую театральную рецепцию наследия Уильяма Шекспира, хотя Айхенвальд в своих публикациях размышлял и о постановках Шекспира [Айхенвальд, 1903а; Айхенвальд, 1903б; Айхенвальд, 1905; Айхенвальд, 1908а; Айхенвальд, 2022], и о театре как таковом [Айхенвальд, 1912а; Айхенвальд, 1912б; Айхенвальд, 1912в].

Методическим основанием для нашего исследования является сочетание литературоведческой и искусствоведческой рефлексии с целью создания общей картины театральной критики Ю. Айхенвальда в отношении шекспировских постановок.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Осмысление театра как вида искусства в художественной критике Айхенвальда

В 1912 году, будучи уже известным литературным критиком и теоретиком литературно-критической методологии, Айхенвальд публикует в газете «Речь» о наблюдаемом им кризисе театра статью «Отрицание театра» (тот же текст, с небольшими вариациями, появляется в журнале «Студия» под названием «Конец театра» [Айхенвальд, 1912а], а также в сборнике «В спорах о театре» [Айхенвальд, 1912б]).

С самого начала критик пишет: «...театр переживает в наше время не кризис, а конец — не эмпирически, разумеется, а в том смысле, что выяснилась его парадоксальность, его принципиальная неоправданность» [Айхенвальд, 1912в, с. 3]. Айхенвальд аргументирует это заключение тем, что зритель оказывается со временем более искушенным, «иллюзия уже не берет его в свой плен» [Там же], и в театре становятся очевидны его «непобедимая элементарность и ребячливая суетность» [Там же]. Айхенвальд настаивает, что театр не оправдан ни эстетически, ни философски, что это «ложный и незаконный вид искусства» [Там же], вообще не искусство.

Причина такого отношения к театру состоит в том, что Айхенвальд, вполне в традициях европейской эстетики от Аристотеля до Гегеля, видит его вторичным по отношению к драме как литературному роду, к литературе вообще: «Спутник, только спутник драмы, он ничего не прибавляет к ее существу» [Там же]. «Актеру повелевает книга, и все, что он говорит и чувствует, и делает, предопределено» [Там же]. Он доходит до парадокса: «драма без театра мыслима, театр без драмы немыслим» [Там же]; «образы драмы в воплощении нуждаются не больше, чем образы эпоса» [Там же]. Он решительно отказывает театру в самостоятельном значении: «Замислованный, косный, отзвук, а не звук, театр существует не сам по себе, а только в качестве иллюстрации» [Там же]. Доведенная до предела, идея литературоцентричного театра закономерно приходит к иллюстрации, и сам театр становится вторичным, уступая книге по определению.

У Айхенвальда есть претензии и к конечному продукту театрального искусства: «...театр бесследен»; «Его искусство — мнимое; потому и нельзя его удержать, увековечить, обессмертить» [Там же]. Темпоральная природа театра для него — доказательство его вторичности, непринадлежности к искусству.

Далее, Айхенвальд упрекает театр в излишнем реализме, натурализме собственного художественного языка: «Все очень тонкое и духовное, изысканно-психическое, нежные нервы внутреннего мира, — все это не поддается сценическому воплощению» [Там же]. «Театральная техника оскорбительна» [Там же]. Очевидно, что само понятие театра тут ограничено, сведено к грубо-подражательной иллюстрации. Это противостояние критика театру как таковому похоже на заведомое отрицание экранизаций как опoшления литературы: «Истинная драма ведет свое существование в черных строках своего текста» [Там же].

И более того, театр — кощунственен, поскольку заставляет актеров кривляться: «...игра в людей, игра в живых производит кощунственное впечатление» [Там же].

Важно отметить, что Айхенвальд пишет эти строки тогда же, когда создает свои драмы Чехов, когда рождается русский режиссерский театр; однако он принципиально отказывает искусству театра в тонкости и способности меняться: «Как бы театр себя ни утончал и как бы он ни стремился пойти куда-то дальше иллюстративности, — только она останется его смыслом и назначением» [Там же]. Театр не может двигаться в сторону условности, по Айхенвальду: «Отказываясь от конкретности, он отказывается от самого себя» [Там же].

Однако же в конце статьи Айхенвальд выходит на мысль об обновлении театрального языка, о том, что театр пытается стать режиссерским.

Он, с одной стороны, говорит о том, что театр приходит к отрицанию себя: «Утончение игры, аристократизация рампы вернет к вечной аристократке — книге» [Там же, с. 4]. А с другой, он понимает природу режиссерского авторства спектакля — и не принимает ее, как принципиальное нарушение прав драматурга: «...умаление автора режиссером, преступное ограничение писательского самовластия не только не приведет к самостоятельности театра, но и покажет просто его несостоятельность» [Там же]. Режиссер, считает Айхенвальд, нарушает права автора и ограничивает актеров; он пришел, чтобы принести автора в жертву: «Вот и хотят принести человеческую жертву в лице автора» [Там же].

На основании положений этой статьи он затем читает открытую лекцию, впоследствии опубликованную, где несколько развивает высказанные идеи: «Вымысел поэта и телесность актеров образуют какой-то незаконный симбиоз» [Айхенвальд, 1912б, с. 23]. В конце лекции он трактует книгу Евреинова «Театр как таковой», подчеркивая в ней мысль о том, что склонность к театру (переодеванию, перевоплощению, игре) — склонность более ранняя, чем искусство; Айхенвальд эту мысль трактует в смысле отгороженности театра от искусства, а следовательно — обреченности: «Взрослых уже не тешат игры и игрушки, — между нами, дорогая игрушка театра» [Там же, с. 34]. В меняющейся, новой драме (например, драме Метерлинка) Айхенвальд видит не новую ступень театра, а свидетельство его угасания: «...утончились психические миры, и все пристальнее и пристальнее заглядывает человек в сложные сплетения духовных водорослей», а значит, «представления и маскарады все меньше и меньше находят у него принципиального оправдания» [Там же, с. 35]. Эта статья стала центром книги Айхенвальда «В спорах о театре», в которой поднимались вопросы сущности и природы театра [Марков, 1974, с. 328], и окончательно подтвердила его концепцию театра как иллюстративного средства, вторичного по отношению к литературе.

Статья Айхенвальда вызвала бурные споры в прессе. Так. К. и О. Ковальские писали в московском журнале «Студия» об исторических неточностях в тексте: «Не театр родился из писанного текста пьесы, а пьеса родилась из театра» [Ковальские, 1912, с. 6]. Они также уточняли природу театрального искусства: «По отношению к пьесе роль оркестра и дирижера исполняет театр: актеры и режиссеры» [Там же].

Аналитический ответ статье Айхенвальда дал Мейерхольд: «Нет никакого сомнения, Айхенвальд говорит в своей статье о реалистическом театре, так как только этот театр стремится к иллюзии на сцене» [Мейерхольд, 1914, с. 67]. Он замечает ошибки и оговорки Айхенвальда: «По-нашему, например, драма без театра немыслима» [Там же, с. 69]. Он признает мно-

гие утверждения Айхенвальда, но не перестает замечать, что все они адресованы реалистическому, натуралистическому театру — таким не был, например, театр античности; и Мейерхольд даже поддерживает Айхенвальда — как могильщика театра, только не любого, а театра реалистического и литературоцентричного.

Несмотря на это заявленное пренебрежение к театру преданного ценителя литературы, Айхенвальд выступает в прессе и как театральный критик, обращаясь, в частности, к анализу постановок по Шекспиру.

3.2. Рецензия Айхенвальда на постановку «Юлия Цезаря» в Художественном театре (1903) в контексте других критических откликов

Так, Айхенвальд откликнулся довольно пространной рецензией на постановку Московского художественного театра «Юлий Цезарь» в сезон 1903/1904 годов. Этой премьерой открылся сезон театра, и она вызвала в прессе оживленные реплики — свыше шестидесяти статей! [Московский ..., 2005, с. 343]. Причиной тому, в частности, была внезапность репертуарного выбора театра, который к тому времени уже ассоциировался с новой драмой — в частности, с драматургией Чехова.

Важнейшими проблемами, которые поднимали в прессе рецензенты, были вопросы исторической точности (как в постановке относительно Шекспира, так и у самого Шекспира относительно Рима), соответствия стилистики МХТ и Шекспира, а также органичность актерских решений ролей, в частности, В. И. Качалов в роли Цезаря и К. С. Станиславский — в роли Брута [Московский ..., 2005, с. 342—343].

Айхенвальд, опубликовавший свою рецензию в «Русской мысли», начинает ее с оценки литературного материала, от него и идет к постановке. Он высказывает несколько положений, подтверждающих его взгляд на театр как реалистическое искусство, как исследование жизненного материала. У него и Шекспир верен истории: «Шекспир никогда не уходил далеко от того исторического факта или источника, который он клал в основу своих произведений <...> от себя не создал ни одного события, не выдумал ни одного лица» [Айхенвальд, 1903а, с. 275]. Хотя ясно, что такое суждение о Шекспире, напрямую как об историке, несколько прямолинейно.

Далее от образа Брута — «мировая литература не знает образа более трогательного, человека более несчастного, чем этот великий убийца» [Там же, с. 276] — Айхенвальд переходит к решению роли Станиславским, находя его неубедительным: «...перед нами была игра обдуманная, но слабая и не зажигающая» [Там же, с. 277]; артист не выразителен в своем молчании и не горяч в словах. Напротив, игра Качалова снискала у критика горячее одобрение: «Он тонко задумал и талантливо создал пластическую фигуру, которая никогда не сотрется из памяти зрителей» [Там же, с. 278];

воплощенное актером величие Цезаря, даже и в падении, высоко оценено в статье. Также Айхенвальд касается других ролей: так, Вишневский в роли Антония показал «игру не глубокую и не потрясающую»; Леонидов в роли Кассия «цельного лица... вообще не создал» [Там же, с. 279]. В оценке решения ролей Брута и Цезаря с ним совпадает большинство других рецензентов: И. Н. Игнатов, Н. О. Ракшанин, Н. Е. Эфрос; см. [Московский ..., 2005].

Затем Айхенвальд переходит к сценографии, которую оценивает очень высоко, опять же с позиций исторической достоверности: «Много внимания и вкуса, много археологических сведений и труда было истрчено на то, чтобы воскресить оболочку античного Рима — и она воскресла и очаровала наши привычные к современности глаза <...> эти доспехи, ткани, этрусские вазы, эту волчицу, вскормившую Ромула и Рема, и римский форум» [Там же, с. 280]. Из описания становится понятна подробность и бытописательность сценографии, которую отмечали и другие рецензенты.

В целом, при всех замечаниях, постановка завоевала одобрение Айхенвальда, заключившего статью так: «...на сцене Художественного театра... Рим был лучше, нежели мир» [Там же].

Айхенвальд, верный литературоцентричному и историко-описательному пониманию театра, не отметил то, что сформулировали некоторые из рецензентов как осознаваемое характерное отличие постановки: ансамблевость работы. Некто Нежданов (неустановленное лицо) в своей рецензии в «Курьере» отмечает: «Сила Художественного театра — в ансамбле исполнения <...> “Юлий Цезарь” есть трагедия ансамбля» [Московский ..., 2005, с. 349]: герой здесь не героичен. И Нежданов, напротив, упрекает Качалова за излишнее величие, привнесенное в роль. Так же как и Андрей Белый отмечает, что Станиславский был единственным, кто «нигде не оскорбителен» в своей роли [Московский ..., 2005, с. 370].

Таким образом, методологическими основаниями суждений Айхенвальда о спектакле стали его понимание театра, в той или иной мере, как иллюстрации литературного произведения, а также привычка к «героическому» театру главных ролей, бенефисов; сдержанность Станиславского-Брута оказалась для него невыразительной, а наигрывавший, с подведенными глазами Качалов-Цезарь вполне отвечал его пониманию роли и произведения. Вопрос о режиссерской трактовке для Айхенвальда как будто не входит в зону интереса.

3.3. Айхенвальд о постановках Шекспира в Малом театре

Айхенвальд написал также несколько рецензий на постановки по Шекспиру в Малом театре, опубликовав их в своих театральных обзорах в «Русской мысли»: «Король Генрих VIII» (1903), «Буря» (1905), «Отел-

ло» (1908). Неслучайно такое его внимание к этому театру. Как отмечал С. Н. Дурылин, «Московский Малый театр по справедливости может быть назван русским домом Шекспира» [Дурылин, 2022, с. 135]: на его сцене было до революции поставлено большинство шекспировских пьес, чем не мог похвастаться ни один другой русский театр.

Айхенвальд строит рецензию примерно по одной схеме: вначале он достаточно долго анализирует литературный материал, говорит о месте пьесы в творчестве Шекспира, затем, значительно короче, говорит об актерских работах и сценографии, нигде не упоминая о режиссере.

Рецензию на «Генриха VIII» он начинает с признания о том, что эта хроника, «бесспорно, принадлежит... к числу бледных и превзойденных светил» в шекспировском небе [Айхенвальд, 1903б, с. 269]: она случайна по построению, драматичные сами по себе эпизоды ее мало связаны между собой. Далее он анализирует решение характеров у Шекспира, упоминая о его «читателях» [Там же, с. 271], то есть трактуя его драму прежде всего как явление литературное. Далее он стремительно переходит к анализу актерских работ, комментируя их в едином духе: «...это совершенно искажает мысль Шекспира» [Там же, с. 272]. Сравнивая работу артистов с пьесой, Айхенвальд отмечает: «...исполнители “Хроники” были, на сцене Малого театра, гораздо ниже своей задачи. Исключение составляла г-жа Ермолова: в роли несчастной Екатерины <...> она дала несколько вдохновенных штрихов» [Там же, с. 273]. Айхенвальд заключает тем, что, поскольку пьеса плохо сюжетно сложена, ее могли бы спасти отличные исполнители характеров — однако это не сложилось в данной постановке.

«Бурю» Шекспира как литературное произведение критик отмечает как более совершенное: «В этой победе над жестоко потрясенным инстинктом самосохранения, в этой религиозной приверженности к идеалу кроется то специально-человеческое начало, которое придает нашей жизни и нашей борьбе за нее характер нравственного подвига» [Айхенвальд, 1905, с. 214]. Уделив пять страниц вдохновенной критике «Бури», Айхенвальд в течение одного финального абзаца кратко пишет о собственно постановке: «На сцене Малого театра, благодаря искусной технике и декорациям, “Буря” воплощена была в красивое зрелище, и спектакль представлял собою праздник, утеху для глаз. Но слух страдал. Второстепенные исполнители, которым поручили Шекспира, были для него слишком малы, играли слабо (кроме Парамонова-Калибана), так что Шекспир остался в тени» [Там же, с. 218].

Современники Айхенвальда иначе оценивали постановку, отмечая выдающееся режиссерское решение. Так, С. Н. Дурылин писал: «При постановке “Бури” Ленский добивался точнейшего, внутреннего соответствия музыки (ее писал А. С. Аренский) — с действием, впервые ставя компо-

зитуру такие режиссерские задачи, которые обычны стали лишь в наше время. Благоговей пред творчеством Шекспира, Ленский — как ни один режиссер ни до, ни после него — добивался полнейшего воспроизведения на сцене всего, без всяких исключений, текста Шекспира» [Дурылин, 2022, с. 476]. Айхенвальд же как будто принципиально не говорит ни о режиссерском решении, ни о музыкальном оформлении спектакля.

Подобным образом Айхенвальд отзывается и на постановку «Отелло» в Малом театре в 1908 году. Только здесь он пишет о собственно постановке лишь в самом начале заметки; он отмечает близость эстетики Малого театра его вкусу и убеждениям: «На фоне теперешней больной и часто мнимой утонченности ярко и сильно вырисовались простые линии шекспировской трагедии» [Дурылин, 1908, с. 214]. Дальше в течение четырехстраничной заметки он пишет лишь о тексте «Отелло», привлекая пушкинское мнение и комментируя образы и повороты сюжета у Шекспира. Он также не упоминает фамилии режиссера (Н. А. Попов) и практически ничего не говорит собственно о постановке, используя ее только как трамплин для своих рассуждений о пьесе; его Шекспир прежде всего явление литературы.

В то время как Дурылин по поводу той же постановки отмечал: «Никогда еще “Отелло” не был показан так безупречно относительно полноты текста. В постановке было много изящного движения, мягкой красоты, подлинного художественного вкуса <...> До конца сезона “Отелло” прошел четырнадцать раз и перешел в репертуар следующего сезона» [Дурылин, 2022, с. 481].

Таким образом, интересно отметить, что постановки Малого театра служили Айхенвальду как материал для разговора о пьесах Шекспира — закономерностях их построения, образных акцентах и так далее.

3.4. Статья Айхенвальда о постановке «Гамлета» в Берлинском государственном театре

В 1922 году Айхенвальд вынужденно покидает советскую Россию: «Айхенвальду объявили решение о высылке в “административном порядке” за границу» [Азаров, 2022, с. 138]. Он жил в Берлине, литературной и культурной столице русского зарубежья, с его русскоязычными издательствами; преподавал, участвовал в работе различных эмигрантских обществ, писал о литературе и искусстве. Главным занятием его была работа в литературном отделе газеты «Руль» (1920—1931), одной из влиятельных газет эмиграции.

В «Руле» в 1927 году он опубликовал свою рецензию на «Гамлета», поставленного в Берлинском государственном театре режиссером-экспрессионистом Л. Йесснером. Йесснер представил авторскую режиссерскую трактовку шекспировской трагедии: он «превратил “Гамлета” в политиче-

скую пьесу, избавил главного героя от мучительных мыслей и переживаний, сделал борцом, действующим сообразно политическим требованиям, превратил его монологи в манифесты» [Зуев, 2022, с. 1312].

Айхенвальд поддерживает Ю. В. Офросимова, который ранее в той же газете высказал мысль, что постановка «прошла мимо главного — мимо трагедии и, в частности, мимо самого Гамлета» [Айхенвальд, 2022, с. 924]. Айхенвальд видит в постановке Йесснера важнейшую проблему, которая давно занимает его ум: соперничество театра с литературой. В этом соперничестве, в этом противостоянии критик видит угрозу: «И не убил ли таким образом режиссер автора, Есснер — Шекспира? И не погубил ли таким образом театр литературу?» [Там же].

Айхенвальд проговаривает свое давно сформировавшееся понимание театра как посредника между автором и читателем (именно читателем, не зрителем); в такой трактовке режиссерскому видению, конечно, нет места: «...не превышает ли театр своих полномочий, своей посреднической роли между писателем и читателем, когда насилиями, вроде есснеровского над Шекспиром и вроде мейерхольдовского над Гоголем, искажает творческую душу и живой образ драматурга» [Там же]. Здесь Айхенвальд отсылает к парадоксальному «Ревизору» 1926 года, вопреки традиции поставленному Вс. Мейерхольдом как трагикомедия.

Далее Айхенвальд проводит литературный разбор шекспировской трагедии, практически не возвращаясь к постановке. Как и ранее в его критической практике, спектакль становится лишь поводом для анализа литературной основы, постановка поверяется только верностью оригиналу. После нескольких страниц литературного анализа критик заключает свою статью так: «И не следовало бы искажениями этого благородного образа смущать ночи Гамлета, его глубокомысленных видений и вещей снов...» [Там же, с. 927].

4. Заключение = Conclusions

Ю. И. Айхенвальд как театральный критик полностью опирается на понятие о театре как иллюстрации и продолжении литературы; восприятие театра как посредника, как вспомогательного устройства между пьесой и читателем обуславливает неприятие критиком самого понятия режиссерского театра и отрицание фигуры режиссера как автора спектакля. Автору спектакля, по Айхенвальду, — это драматург; театр должен лишь следовать ему. Из этой посылки проистекает и недоверие к театру как самостоятельному виду искусства; Айхенвальд в своей статье «Отрицание театра» по сути отказывает ему в эстетической специфике.

В суждениях о шекспировских постановках Айхенвальд не только последовательно опирается на положение о приоритете текста, но и, в бо-

лее поздних статьях, по сути отказывается от аналитики театра, занимаясь лишь аналитикой драматургического замысла.

Однако, отказывая режиссеру в праве на суждение о Шекспире (а часто и не упоминая имени режиссера, воспринимавшегося в качестве несущественной детали), Айхенвальд предлагает собственное суждение о шекспировских сюжетах и характерах как верное. Его импрессионистская критика, как бы не претендуя на объективность, все же приходит к упреку другого (режиссера) в неверной трактовке. Таким образом, можно говорить о том, что Айхенвальд как критик театра приходит к методологической ловушке, полагая собственное суждение о Шекспире более верным, чем реализация его образов в спектакле, — но не давая критериев для оценки этой верности.

Литературоцентричная театральная критика Айхенвальда — закономерный итог литературоцентричного суждения о театре, от Аристотеля до Гегеля рассматриваемого как часть литературы, — на пороге рождения театроведения как науки, обосновавшей самостоятельность театра как вида искусства.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Айхенвальд Ю. И. Гамлет по-старому / Ю. И. Айхенвальд // Ю. И. Айхенвальд в газете «Речь» (1922—1928). — Москва : Водолей, 2022. — С. 924—927. — ISBN 978-5-91763-586-6.
2. Айхенвальд Ю. И. Конец театра / Ю. И. Айхенвальд // Студия. — 1912а. — № 23. — С. 2—5.
3. Айхенвальд Ю. И. Литературные заметки [«Отелло» в Малом театре] / Ю. И. Айхенвальд // Русская мысль. — 1908а. — № 3. — С. 214—218.
4. Айхенвальд Ю. И. Отрицание театра / Ю. И. Айхенвальд // В спорах о театре. — Москва : Книгоиздательство писателей, 1912б. — С. 11—38.
5. Айхенвальд Ю. И. Отрицание театра / Ю. И. Айхенвальд // Речь. — 1912в. — 9 декабря (№ 338). — С. 3—4.
6. Айхенвальд Ю. И. Предисловие к третьему изданию книги «Силуэты русских писателей» / Ю. И. Айхенвальд. — Москва : Научное слово, 1911. — 50 с.
7. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей / Ю. Айхенвальд. — Москва : Научное слово, 1906. — Выпуск I. — 372 с.
8. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей / Ю. И. Айхенвальд. — Москва : Научное слово, 1908б. — Выпуск II. — 162 с.
9. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей / Ю. И. Айхенвальд. — Берлин : Слово, 1923. — Том III. Новейшая литература. — 304 с.

10. *Доктор Дапертутто [Мейерхольд В.]* Глоссы доктора Дапертутто к «Отрицанию театра» Ю. Айхенвальда / В. Мейерхольд // Любовь к трем апельсинам. Журнал доктора Дапертутто. — 1914. — № 4 (5). — С. 67—81.
11. *Дурылин С. Н.* «Отелло» Шекспира в Малом театре / С. Н. Дурылин // Художественный перевод и сравнительное литературоведение: сборник научных трудов / отв. ред. Д. Н. Жаткин. — Москва : Флинта, 2022. — Том XVII. — С. 433—490.
12. *Зуев Д. В.* Гамлет по-старому : примечания / Д. В. Зуев // Ю. И. Айхенвальд в газете «Руль» (1922—1928). — Москва : Водолей, 2022. — С. 1312—1313.
13. *Ковальский К.* Театр, автор, актер... (ответ Ю. И. Айхенвальду) / К. Ковальский, О. Ковальская // Студия. — 1912. — № 23. — С. 5—7.
14. *Ю. А. [Айхенвальд Ю.]*. «Король Генрих VIII» Шекспира (Малый театр) / Ю. Айхенвальд // Русская мысль. — 1903б. — № 3. — Отд. II. — С. 269—273.
15. *Ю. А. [Айхенвальд Ю.]*. Современное искусство. («Буря» Шекспира. Малый театр) / Ю. Айхенвальд // Русская мысль. — 1905. — № 12. — Отд. II. — С. 214—218.
16. *Ю. А. [Айхенвальд Ю.]*. Современное искусство... «Юлий Цезарь» (Художественный театр) / Ю. Айхенвальд // Русская мысль. — 1903а. — № 10. — Отд. II. — С. 275—280.

Литература

1. *Азаров Ю. А.* Юрий Айхенвальд: трансформация взглядов / Ю. А. Азаров // Вестник Костромского государственного университета. — 2022. — Т. 28, № 2. — С. 135—140.
2. *Алексеев А. А.* Иррационализм как основа метода литературной критики Ю. И. Айхенвальда / А. А. Алексеев // Человеческий капитал. — 2013а. — № 11 (59). — С. 144—147.
3. *Алексеев А. А.* Литературно-критическая эссеистика Ю. И. Айхенвальда «Силуэты русских писателей» : диссертация ... кандидата филологических наук / А. А. Алексеев. — Коломна, 2000. — 168 с.
4. *Алексеев А. А.* Ритм как основа суггестивности стиля Ю. И. Айхенвальда в эссе о Борисе Зайцеве / А. А. Алексеев // Вестник Коломенского государственного педагогического института. — 2007. — № 3 (4). — С. 24—32.
5. *Алексеев А. А.* Художественная образность и ее роль для имманентного метода литературной критики Ю. И. Айхенвальда / А. А. Алексеев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2014. — № 5 (32). — С. 68—72.
6. *Алексеев А. А.* Эмоционально-ценностная ориентация как важнейший фактор литературной критики Ю. И. Айхенвальда / А. А. Алексеев // Человеческий капитал. — 2013б. — № 11 (59). — С. 97—101.
7. *Зайцев Б. К.* Ю. И. Айхенвальд / Б. К. Зайцев // Сочинения : в 3 томах. — Москва : Художественная литература; Терра, 1993. — Том 2. — С. 407—411.
8. *Зуев Д. В.* «Имманентная критика» Ю. И. Айхенвальда доэмигрантского периода: проблема писателя и читателя : автореферат диссертация ... кандидата филологических наук. — Москва, 2006. — 30 с.
9. *Костригин А. А.* Идеи психологии творчества в литературной критике Ю. И. Айхенвальда / А. А. Костригин // Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм : материалы Международной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения выдающегося отечественного психолога Бориса Михайловича Теплова. — Москва, 2021. — С. 130—134.

10. Кочергина И. В. К вопросу об оценке русской революции в критике и публицистике Ю. И. Айхенвальда / И. В. Кочергина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 11 (77). — Часть 3. — С. 25—30.

11. Кочергина И. В. Творчество И. С. Шмелева 1920-х годов в оценке Ю. И. Айхенвальда (по материалам эмигрантской прессы) / И. В. Кочергина // Новые российские гуманитарные исследования. — 2019. — № 14. — С. 70.

12. Кочергина И. В. Эволюция критического метода Ю. И. Айхенвальда в эмигрантский период / И. В. Кочергина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 12 (66). — Часть 2. — С. 27—30.

13. Лосев А. Ф. На рубеже эпох: работы 1910-х — начала 1920-х годов / А. Ф. Лосев. — Москва : Прогресс-Традиция, 2015. — 1078 с. — ISBN 978-5-89826-435-2.

14. Марков П. А. О театре : в 4 томах / П. А. Марков. — Москва : Искусство, 1974. — Том 1. Из истории русского и советского театра. — 542 с.

15. Московский Художественный театр в русской театральной критике: 1898—1905 / составители: Ю. М. Виноградов, О. А. Радищева, Е. А. Шингарева и др. — Москва : Артист. Режиссер. Театр, 2005. — 639 с. — ISBN 5-87334-087-0.

16. Мурзина И. Я. Творчество Ю. И. Айхенвальда в дооктябрьский период: особенности мировоззрения и литературной критики : автореферат кандидата филологических наук / И. Я. Мурзина. — Челябинск, 1996. — 24 с.

17. Обухова Е. А. Натурализм в искусстве в полемике В. В. Набокова с Ю. И. Айхенвальдом / Е. А. Обухова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. — 2019. — № 4 (15). — С. 77—80.

18. Рипинг М. Литературная критика Ю. И. Айхенвальда периода эмиграции: диссертация ... кандидата филологических наук / М. Рипинг. — Иваново, 2003. — 187 с.

19. Смирнов К. В. Ю. И. Айхенвальд и его «Гончаров» (о специфике интерпретации) / К. В. Смирнов // Заметки ученого. — 2019. — № 5 (39). — С. 113—117.

20. Тахо-Годи Е. А. Ю. И. Айхенвальд и П. М. Бицилли: реконструкция философско-эстетического диалога / Е. А. Тахо-Годи // Литературный факт. — 2020 в. — № 2 (16). — С. 322—336. — DOI: 10.22455/2541-8297-2020-16-322-336.

21. Тахо-Годи Е. А. «Естественный символизм» Юлия Айхенвальда (к вопросу об эстетическом методе) / Е. А. Тахо-Годи // Русская литература и журналистика в пред-революционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа. — Москва, 2021а. — С. 188—203. — DOI: 10.22455/978-5-9208-0661-1-188-203.

22. Тахо-Годи Е. А. А. Ф. Лосев и Ю. И. Айхенвальд: к истории биографических и эстетических схождений / Е. А. Тахо-Годи // Вопросы философии. — 2020а. — № 9. — С. 150—165. — DOI: 10.21146/0042-8744-2020-9-150-165.

23. Тахо-Годи Е. А. Критик о критике: Юлий Айхенвальд об Аполлоне Григорьеве / Е. А. Тахо-Годи // Русская словесность. — 2023. — № 1. — С. 32—36. — DOI: 10.47639/0868-9539_2023_1_32.

24. Тахо-Годи Е. А. Пушкин в философско-эстетической системе Ю. И. Айхенвальда / Е. А. Тахо-Годи // Проблемы исторической поэтики. — 2020б. — Т. 18, № 3. — С. 171—189. — DOI: 10.15393/j9.art.2020.8223.

25. Тахо-Годи Е. А. Россия и Европа: Юрий Айхенвальд об историософии Ф. М. Достоевского / Е. А. Тахо-Годи // Философский журнал. — 2022. — Том 15, № 4. — С. 123—135. — DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-4-123-135.

26. Тахо-Годи Е. А. Философский фон литературной критики: случай Ю. И. Айхенвальда / Е. А. Тахо-Годи // Писатели и критики первой половины XX века: предшественники, последователи (незабытые и забытые имена) : коллективная монография к юбилею профессора М. В. Михайловой. — Москва, 2021б. — С. 428—442. — DOI: 10.21146/0042-8744-2020-9-150-165.

Статья поступила в редакцию 02.09.2023,
одобрена после рецензирования 04.01.2024,
подготовлена к публикации 15.01.2024.

Material resources

- Aikhenvald, Yu. I. (1906). *Silhouettes of Russian writers, 1*. Moscow: Scientific Word. 372 p. (In Russ.).
- Aikhenvald, Yu. I. (1908a). Literary notes [“Othello” at the Maly Theater]. *Russian Thought*, 3: 214—218. (In Russ.).
- Aikhenvald, Yu. I. (1908b). *Silhouettes of Russian writers, 2*. Moscow: Scientific Word, 162 p. (In Russ.).
- Aikhenvald, Yu. I. (1911). *Preface to the third edition of the book “Silhouettes of Russian Writers”*. Moscow: Scientific Word. 50 p. (In Russ.).
- Aikhenvald, Yu. I. (1912a). The end of the theater. *Studio*, 23: 2—5. (In Russ.).
- Aikhenvald, Yu. I. (1912b). Denial of the theater. In: *In disputes about the theater*. Moscow: Writers' Publishing House. 11—38. (In Russ.).
- Aikhenvald, Yu. I. (1912c). Denial of theater. *Speech*, 9 (338): 3—4. (In Russ.).
- Aikhenvald, Yu. I. (1923). *Silhouettes of Russian writers, 3 Latest literature*. Berlin: Slovo. 304 p. (In Russ.).
- Aikhenvald, Yu. I. (2022). Hamlet in the old way. In: *Yu. I. Aikhenvald in the newspaper “Rul” (1922—1928)*. Moscow: Aquarius. 924—927. ISBN 978-5-91763-586-6.
- Doctor Dapertutto [Meyerhold, V.] (1914). Glosses of Doctor Dapertutto to “Denial of the Theater” by Yu. Aikhenvald. *Love for Three Oranges. Doctor Dapertutto's Journal*, 4 (5): 67—81. (In Russ.).
- Durylin, S. N. (2022). “Othello” by Shakespeare at the Maly Theater. In: Zhatkin, D. N. (ed.). *Literary translation and comparative literary criticism: collection of scientific works, XVII*. Moscow: Flinta. 433—490. (In Russ.).
- Kovalsky, K., Kovalskaya, O. (1912). Theater, author, actor... (response to Yu. I. Aikhenvald. *Studio*, 23: 5—7. (In Russ.).
- Yu. A. [Aikhenvald, Yu.]. (1903a). Contemporary art... “Julius Caesar” (Art Theatre). *Russian Thought*, 10 (II): 275—280. (In Russ.).
- Yu. A. [Aikhenvald, Yu.]. (1903b). “King Henry VIII” by Shakespeare (Maly Theater). *Russian Thought*, 3 (II): 269—273. (In Russ.).
- Yu. A. [Aikhenvald, Yu.]. (1905). Modern Art. (“The Tempest” by Shakespeare. Maly Theatre). *Russian Thought*, 12(II): 214—218. (In Russ.).
- Zuev, D. V. (2022). Hamlet in the old way: notes. In: *Yu. I. Aikhenvald in the newspaper “Rul” (1922—1928)*. Moscow: Aquarius. 1312—1313. (In Russ.).

References

- Alekseev, A. A. (2007). Rhythm as the basis of the suggestiveness of Yu. I. Aikhenvald's style in an essay about Boris Zaitsev. *Bulletin of the Kolomna State Pedagogical Institute*, 3 (4): 24—32. (In Russ.).

- Alekseev, A. A. (2013a). Irrationalism as the basis of the method of literary criticism by Yu. I. Aikhenvald. *Human capital*, 11 (59): 144—147. (In Russ.).
- Alekseev, A. A. (2013b). Emotional-value orientation as the most important factor in literary criticism by Yu. I. Aikhenvald. *Human capital*, 11 (59): 97—101. (In Russ.).
- Alekseev, A. A. (2014). Artistic imagery and its role for the immanent method of literary criticism by Yu. I. Aikhenvald. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*. 5 (32): 68—72. (In Russ.).
- Alekseev, A. A. *Literary-critical essays by Yu. I. Aikhenvald "Silhouettes of Russian Writers"*: PhD. Diss. Kolonna, 2000. 168 p. (In Russ.).
- Azarov, Yu. A. (2022). Yuri Aikhenvald: transformation of views. *Bulletin of Kostroma State University*, 28 (2): 135—140. (In Russ.).
- Kochergina, I. V. (2016). Evolution of the critical method of Yu. I. Aikhenvald in the emigrant period. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 12 (66)/2: 27—30. (In Russ.).
- Kochergina, I. V. (2017). On the issue of assessing the Russian revolution in the criticism and journalism of Yu. I. Aikhenvald. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 11 (77)/3: 25—30. (In Russ.).
- Kochergina, I. V. (2019). The work of I. S. Shmelev in the 1920s as assessed by Yu. I. Aikhenvald (based on materials from the emigrant press). *New Russian humanitarian studies*, 14: 70. (In Russ.).
- Kostrigin, A. A. (2021). Ideas of the psychology of creativity in the literary criticism of Yu. I. Aikhenvald. In: *Differential psychology and psychophysiology today: abilities, education, professionalism: materials of the International conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of an outstanding domestic psychologist Boris Mikhailovich Teplov*. Moscow. 130—134. (In Russ.).
- Losev, A. F. (2015). *At the turn of eras: works of the 1910s — early 1920s*. Moscow: Progress-Tradition. 1078 p. ISBN 978-5-89826-435-2. (In Russ.).
- Markov, P. A. (1974). *About the theater*, 4 (1). *From the history of Russian and Soviet theater volumes*. Moscow: Art. 542 p. (In Russ.).
- Murzina, I. Ya. *Creativity of Yu. I. Aikhenvald in the pre-October period: features of worldview and literary criticism*: author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk, 1996. 24 p. (In Russ.).
- Obukhova, E. A. (2019). Naturalism in art in the polemic between V. V. Nabokov and Yu. I. Aikhenvald. *Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and philological sciences*, 4 (15): 77—80. (In Russ.).
- Ripping, M. *Literary criticism of Yu. I. Aikhenvald during the period of emigration*: PhD. Diss. Ivanovo, 2003. 187 p. (In Russ.).
- Smirnov, K. V. (2019). Yu. I. Aikhenvald and his "Goncharov" (about the specifics of interpretation). *Notes of a scientist*, 5 (39): 113—117. (In Russ.).
- Taho-Godi, E. A. (2020a). A. F. Losev and Yu. I. Aikhenvald: on the history of biographical and aesthetic convergences. *Questions of Philosophy*, 9: 150—165. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-9-150-165. (In Russ.).
- Taho-Godi, E. A. (2020b). Pushkin in the philosophical and aesthetic system of Yu. I. Aikhenvald. *Problems of historical poetics*, 18 (3): 171—189. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8223. (In Russ.).
- Taho-Godi, E. A. (2020c). *Yu. I. Aikhenvald and P. M. Bicilli: reconstruction of philosophical and aesthetic dialogue*. *Literary fact*, 2 (16): 322—336. DOI: 10.22455/2541-8297-2020-16-322-336. (In Russ.).

- Taho-Godi, E. A. (2021a). “Natural symbolism” by Yuli Aikhenvald (on the issue of the aesthetic method). In: *Russian literature and journalism in the pre-revolutionary era: forms of interaction and methodology of analysis*. Moscow. 188—203. DOI: 10.22455/978-5-9208-0661-1-188-203. (In Russ.).
- Taho-Godi, E. A. (2021b). Philosophical background of literary criticism: the case of Yu. I. Aikhenvald. In: *Writers and critics of the first half of the twentieth century: predecessors, followers (unforgotten and forgotten names): collective monograph for the anniversary Professor M. V. Mikhailova*. Moscow. 428—442. DOI: 10.21146/0042–8744–2020–9-150-165. (In Russ.).
- Taho-Godi, E. A. (2022). Russia and Europe: Yuri Aikhenvald about the historiography of F. M. Dostoevsky. *Philosophical Journal*, 15 (4): 123—135. DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-4-123-135. (In Russ.).
- Taho-Godi, E. A. (2023). Critic about criticism: Julius Aikhenvald about Apollo Grigoriev. *Russian Literature*, 1: 32—36. DOI: 10.47639/0868-9539_2023_1_32. (In Russ.).
- Vinogradov, Yu. M., Radishcheva, O. A., Shingareva, E. A. et. al. (2005). *Moscow, Art Theater in Russian theater criticism: 1898—1905*. Moscow: Artist. Director. Theater. 639 p. ISBN 5-87334-087-0. (In Russ.).
- Zaitsev, B. K. (1993). Yu. I. Aikhenvald. In: *Works*, 3 (2) volumes. Moscow: Fiction; Terra. 407—411. (In Russ.).
- Zuev, D. V. “Immanent criticism” of Yu. I. Aikhenvald of the pre-emigrant period: the problem of the writer and the reader: author’s abstract of PhD. Diss. Moscow, 2006. 30 p. (In Russ.).

*The article was submitted 02.09.2023;
approved after reviewing 04.01.2024;
accepted for publication 15.01.2024.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Александр Анатольевич Сорокин, канд. истор. наук (Нижний Новгород)
Александр Леонидович Посадсков, д-р истор. наук (Новосибирск)
Александр Николаевич Плужников, канд. истор. наук (Тамбов)
Александр Юрьевич Давыдов, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Андрей Александрович Иванов, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Владимир Валерьевич Канищев, канд. истор. наук (Тамбов)
Владимир Павлович Умнов, канд. психол. наук (Петрозаводск)
Дмитрий Александрович Головушкин, д-р филос. наук (Санкт-Петербург)
Дмитрий Николаевич Ермолович, соискатель (Москва)
Евгения Николаевна Немчанинова, канд. истор. наук (Киров)
Елена Александровна Калинина, д-р истор. наук (Петрозаводск)
Елена Николаевна Емельянова, канд. истор. наук (Москва)
Максим Станиславович Мостовенко, канд. истор. наук (Сургут, Тюмень)
Марина Юрьевна Половникова, канд. истор. наук (Киров)
Махач Мустафаевич Вагабов, д-р истор. наук (Москва)
Мустафа Озтюрк, канд. истор. наук (Анталия, Турция)
Таисия Максимовна Демичева, канд. истор. наук (Псков)
Юлия Георгиевна Кокорина, д-р филол. наук (Москва)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(1), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования :

Головушкин Д. А. Русский реформационный процесс начала XX века сквозь призму идейных исканий о. Михаила (Семенова) / Д. А. Головушкин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 275—296. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-275-296.

Golovushkin, D. A. (2024). Russian Religious Reformation Process of Early 20th Century through Prism of Ideological Quests of Fr. Mikhail (Semenov). *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 275-296. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-275-296. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI : 10.24224/2227-1295-2024-13-1-275-296

Русский реформационный процесс начала XX века сквозь призму идейных исканий о. Михаила (Семенова)

Головушкин Дмитрий Александрович
orcid.org/0000-0002-5705-9164
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры истории религий
и теологии
golovushkinda@mail.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Russian Religious Reformation Process of Early 20th Century through Prism of Ideological Quests of Fr. Mikhail (Semenov)

Dmitry A. Golovushkin
orcid.org/0000-0002-5705-9164
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor of the Department
of History of Religions and Theology
golovushkinda@mail.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Головушкин Д. А., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается развитие взглядов на реформу русского православия начала XX века одного из ярких и неординарных религиозных мыслителей этого времени о. Михаила (Павла Васильевича Семёнова, 1873–1916). Показан его путь из официального православия в движение за религиозное обновление, из которого он переходит в старообрядчество Белокриницкой (или Австрийской) иерархии, после чего становится главным идеологом «голгофского христианства» — самобытного религиозно-реформаторского движения, выступающего за возрождение социальных и нравственных идеалов раннехристианской общины. Как отмечали современники, эти «шатания» о. Михаила (Семенова) стали естественным выражением его напряженных поисков керигмы христианства, способной перевернуть социальную онтологию православной церкви — найти православную формулу индивидуализации веры и сделать мир целью спасения. Автор статьи приходит к выводу, что жизненный путь и идейные искания о. Михаила (Семенова) стали отражением важнейшей закономерности русского реформационного процесса. Она заключается в том, что поиск «основ» веры, богословской основы вероучения или религиозных оснований культуры и социума одновременно сопряжен с актуализацией фундаменталистского импульса в религии и в той или иной степени с модернизацией религиозного комплекса (это своего рода религиозные качели: «фундаментализм — модернизм», «старообрядчество — религиозное обновление» и т. п.).

Ключевые слова:

о. Михаил (Семенов); русское православие; старообрядчество; русская реформация; социальное христианство; голгофское христианство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the development of views on the reform of Russian Orthodoxy in the early 20th century by one of the prominent and unconventional religious thinkers of that time, Father Mikhail (Pavel Vasilievich Semenov, 1873-1916). It traces his journey from official Orthodoxy to the movement for religious renewal, and then to the Belokrinitskaya (or Austrian) Old Believer hierarchy, after which he becomes the main ideologist of “Golgotha Christianity” — a unique religious-reformist movement advocating for the revival of social and moral ideals of the early Christian community. As contemporaries noted, these “oscillations” of Father Mikhail (Semenov) became a natural expression of his intense quest for the kerygma of Christianity, capable of overturning the social ontology of the Orthodox Church — finding an Orthodox formula for individualizing faith and making the world the goal of salvation. The author concludes that the life path and ideological quests of Father Mikhail (Semenov) reflect an important regularity of the Russian reformation process. This regularity lies in the fact that the search for “foundations” of faith, theological foundations of doctrine, or religious foundations of culture and society is simultaneously associated with the actualization of a fundamentalist impulse in religion and to some extent with the modernization of the religious complex (this is a kind of religious swing: “fundamentalism — modernism,” “Old Believers — religious renewal,” etc.).

Key words:

Father Mikhail (Semenov); Russian Orthodoxy; Old Believers; Russian Reformation; social Christianity; Golgotha Christianity.

Русский реформационный процесс начала XX века сквозь призму идейных исканий о. Михаила (Семенова)

© Головушкин Д. А., 2024

1. Введение = Introduction

Начало XX века в истории России ознаменовалось так называемым духовным ренессансом, который сопровождался рождением самобытных религиозно-реформаторских движений, оригинальных религиозно-философских идей и смелых социально-религиозных проектов. И это не случайно. Религиозное сознание всегда более чувствительно по отношению к происходящим социокультурным сдвигами и общественным трансформациям. Именно поэтому новая религиозность считается одним из самых достоверных индикаторов того, какие виды «водоразделов» наметились в обществе, а теологические революции / религиозные революции нередко предшествуют революциям социальным.

В России это «чувство чрезвычайности» (А. Белый) назрело давно. Со времен старообрядческого раскола в стране оставался нерешенным главный вопрос русской культуры и русского социума — проблема преодоления всестороннего раскола мира и гармонизации в нем общественного и индивидуального начал. Эпоха модерна как времени структурированности стремительно наступала, но религиозное понимание мира, соотношения в нем общего и частного оставалось на уровне иерархической модели святоотеческого неоплатонизма, что делало модернизационное развитие не столько интегрирующим фактором, сколько фактором, усугубляющим раскол. Не случайно А. С. Ахиезер понимает раскол как универсалию русской культуры, вырастающую из конфликта между традиционными ценностями и социокультурными новациями [Ахиезер, 1995, с. 6]. Ученый приходит к выводу, что в условиях раскола (в расколотом обществе) каждая логика «почвенна» и ни одна из них в действительности не является «чужой», вследствие чего «общество постоянно балансирует на грани необратимой дезорганизации» [Ахиезер, 1995, с. 6]. Отсюда и пессимизм Д.С. Мережковского: «Вся дорога пройдена, исторический путь кончен — дальше идти некуда» [Мережковский, 1914, с. X].

Поэтому в центре статьи стоит извечный вопрос: что может предложить русский человек и православный христианин, чтобы преодолеть раскол и разорванность этого мира, каковым он видит путь сохранения и

возвышения индивидуального — отдельного человека, но не ущерб общему, как сделать общее целью устремлений индивидуального (своеобразная форма соборности)?

Одним из таких людей, попытавшихся разрубить этот «гордиев узел» русской истории и культуры, был о. Михаил (Павел Васильевич Семёнов, 1873—1916), архимандрит Православной Российской церкви, а с 1908 года епископ Канадский Старообрядческой церкви белокриницкого согласия. О. Михаил (Семенов) является одним из ярких и неординарных русских религиозных мыслителей начала XX века. Он внес значительный вклад в развитие идей социального христианства [Сидоров, 1995], был апологетом старообрядчества [Воронцова, 2012] и, наконец, главным идеологом «гогофского христианства» — религиозного учения, кардинально пересматривающего традиционную православную эсхатологию, сотериологию и аксиологию [Воронцова, 2013; Головушкин, 2014]. Его жизнь и творчество без преувеличения можно считать своего рода проекцией этого судьбоносного для России времени — времени трансформационного сдвига и разлома.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Жизнь и творчество о. Михаила (Семенова) по-прежнему остаются «минным полем», на которое предстоит вступить их исследователю. Феномен о. Михаила (Семенова) пытались разгадать еще современники, но либо упирались в рамки «дисциплинарного эталона» того времени и идентифицировали его в качестве сектанта [Раевский, 1911], либо видели в нем, по аналогии с «новым религиозным сознанием», пророка «новой веры» [Мережковский, 1916; Панкратов, 2011]. Лишь с 1990-х годов угол осмысления идейного наследия о. Михаила (Семенова) изменяется [Останина, 1991; Солнцева, 1992; Фирсов, 1999; Эткинд, 2013 и др.]. В частности, В. П. Сидоров считает, что его религиозные искания — это попытка нащупать самобытный путь русской реформации — особую форму индивидуализации веры: «Им в начале XX столетия была предложена конструкция общества, основанная на культуре и глубокой внутренней свободе каждого человека» [Сидоров, 1995, с. 128]. К этому же выводу приходят В. В. Боченков и А. Ю. Михайлов, подчеркивая, что в центре внимания о. Михаила (Семенова) стоят проблемы «свободы христианства» [Боченков, 2018, с. 328] и «переоткрытия человека» [Михайлов, 2005, с. 14]. Для М. А. Дзюбенко, личность о. Михаила (Семенова) является олицетворением наметившегося в начале XX века проекта реформировать синодальную церковь через старообрядчество [Дзюбенко, 1999, с. 200—202]. Идейные искания «неистового архимандрита» также сравниваются с религиозными качелями, символизирующими русское православное реформаторство, которое в по-

исках «основ» веры (чистого православия) попеременно смотрит то в ту, то в другую сторону («старообрядчество — религиозное обновление») [Голушкин, 2010, с. 102—104]. Другими словами, в центре исследования стоит свободная и творческая личность, а значит, исследовательское поле остается открытым для новых оценок и интерпретаций.

Источниковой базой статьи являются религиозные сочинения, а также общественно-церковная и общественно-политическая публицистика о. Михаила (Семенова), посвященная проблемам реформирования русского православия в начале XX века, православной общественности, социального христианства, христианской политики, «нового христианства», «гогольско-го христианства» и др. Эти материалы анализируются сквозь призму методологии истории идей, позволяющей осмыслить развитие и трансформацию взглядов о. Михаила (Семенова) не только на уровне «идеи-единицы», но и в целом контексте реформационного процесса в русском православии в начале XX века. Данная методология помогает увидеть «фундаментальные структуры», действующие в виде явных или скрытых парадигм, но не в ущерб частному. Поскольку история идей показала перспективность методологических стратегий, сочетающих различные исследовательские подходы и программы, то работа также опирается на принципы исторической феноменологии религии, рассматривающей религиозные феномены не «сами по себе», а в историческом контексте, как «выражение» / «специфическое проявление» человеческих устремлений и идеалов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Христианский социалист»

Творческий путь о. Михаила (Семенова) в качестве «радикала-реформатора» начинается с переезда осенью 1902 года из Воронежа в Санкт-Петербург для написания докторской диссертации по богословию. Близкое знакомство с жизнью имперской столицы очень быстро превратило православного традиционалиста и консерватора в критика синодальной церкви и защитника социальной правды христианства [Философов, 1916, с. 2]. Впоследствии он сравнивал свои первые встречи с Санкт-Петербургом с впечатлениями Ф. М. Достоевского от Лондона: «Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тут всех этих бесчисленных людей, пришедших со всего мира, в единое стадо; вы сознаете исполинскую мысль; вы чувствуете, что тут что-то уже достигнуто, что тут победа, торжество.... Ваал царит и даже не требует покорности, потому что в ней убежден» [Достоевский, 1989, с. 415, 421] (здесь и далее сохранена пунктуация источников. — Д. Г.).

В результате осознание жестокости и трагичности окружающей жизни привели о. Михаила (Семенова) к внутреннему перевороту [Михаил,

1907а, с. 5], к осознанию бесплодности догматической и философской правды церкви: «Мы знаем, что церковь не может быть безучастна к болям и язвам земли. Мы верим, что для церкви именно теперь настало время усиленной диаконии... Церковь должна обсуждать экономические и социальные вопросы в своих стенах, если она не желает утратить влияние на внутреннюю жизнь народа» [Михаил, 1906в, с. 19, 23].

Поиски путей практического воплощения в жизнь этой идеи первоначально приводят о. Михаила (Семенова) в «группу 32-х петербургских священников», от лица которой была составлена знаменитая записка «О необходимости перемен в русском церковном управлении» (1905). Осенью 1905 года о. Михаил (Семенов) вступает в «Союз церковного обновления» (с апреля 1906 года «Братство ревнителей церковного обновления»), объединявшего под своим началом либерально мыслящих представителей петербургского духовенства [РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 565, л. 1—4]. Через него он сближается лидерами «Христианского братства борьбы» — С. В. Свенцицким и В. Ф. Эрном, которые представляли леворадикальное крыло в обновленческом движении начала XX века. В это же время он активно сотрудничает с общественно-политическим журналом «Век», являясь членом его редакции, участвует в публичных лекциях, беседах и диспутах в «Религиозно-философском обществе и др.

Постепенно под влиянием идей Ф. Ницше, Ф. М. Достоевского, работ немецких христианских социалистов, в полемике с представителями «нового религиозного сознания» у него формируется собственный взгляд на проблемы взаимоотношения религии и общества, выстраивается собственная концепция социального христианства.

В своих рассуждениях он приходит к заключению, что распятие Христа продолжается и что делается это самими людьми, современной культурой, сложившимися общественными, политическими и экономическими взаимоотношениями: «Я видел одну гравюру. Она называется “Борьба за счастье”. Не знаю ее автора... Равнина... Много, много людей... Сверху Сатана раздает дары счастья. Богатства, чины... И люди рвутся к этим дарам, толкают друг друга, душат и давят... Льется кровь. “По крови и трупам, друг друга давая, — куда стремится людская семья?” Это люди борются за жизнь, за хлеб, как звери, как волки, забывшие, что братья они! А в стороне стоит крест и с него грустно смотрит Распятый. Он точно говорит с креста: “Зачем вы снова распинаете меня. Снова мне больно от гвоздей на руках и ногах. И христиане рвут теперь мое тело”» [Михаил, 1910м, с. 3—4].

Как следствие, о. Михаил (Семенов) пытается доказать, что преступление против человека — это есть не что иное как преступление про-

тив Бога. Капитализм превращает человека в «рабочего скота» [Михаил, 1911а, с. 427—430], которому некогда подумать, что он человек, а значит, стирает человеческую душу, его мысль, разум и талант: «Человек свободен и рабство человека не несчастье, а величайшее из преступлений.... Понятно, что если “свобода” сущность евангелия — то поругание свободы ощущается христианином как преступление против Христа, кощунство, распинание Христа...» [Михаил, 1906г, с. 7].

Соответственно для о. Михаила (Семенова) борьба за человека становится борьбой за Бога: «Сознать себя человеком, значит сознать себя богом.... Одно из двух! Или Христос и работа во имя Царства, в котором и я буду, в котором земля слита с небом — одно с ним — или “антропофагия” — живи для себя и не кобенься» [Михаил, 1906в, с. 11].

Данная цепочка рассуждений неизбежно приводит о. Михаила (Семенова) к убеждению, что Царствие Божие непременно должно строиться на земле: «Истинное православие считает, что Царство Небесное не на небе создается, а на земле, что центр внимания человека, живущего здесь — “земля”, которую нужно сделать небом. Не ненависть к земле, а любовь, святая заповедь освятить землю, окружить ее лаской — суть христианства.... Вот проповедь евангелия. Она потускнела — но ведь тусклое снова может стать ярким» [Михаил, 1907б, с. 158]. В противном случае, по мысли о. Михаила (Семенова), человеку нет смысла надеяться на спасение: «Если невозможно новое откровение о земле, облегчение ее скорби, примирение с земными стремлениями земных людей “устроиться”, срыть Вавилон, если христианство радикально враждебно желанию земли из проклятой, осужденной снова стать благолепной и светлой, хотя бы так, как она пока понимает это благолепие и светлость, то вражда будет вечной» [Михаил, 1907б, с. 158].

Первоначально путь к достижению этого религиозно-социального идеала о. Михаил (Семенов) видит в развитии христианской общественности, которая, по его мнению, способна привести к достижению «святости тела коллективного». «Христос сам по себе, а мы сами по себе — писал он в работе «Христиане ли мы»? — в книжке записано, что мы христиане, паспорт есть, чего же более? у нас даже как будто и не рождается мысли о том, что христианство налагает какие-то обязанности, и кроме обязанности перекреститься за обедом, заглянуть в церковь в праздник, что христианство есть система жизни, с которой еще можно совместить падение, грех — но нельзя совместить то полное игнорирование христианского идеала, какое заключается в нашей жизни» [Михаил, 1906б, с. 6—7]. Отсюда главная задача христианской общественности — это снятие разделения между религиозной и общественной сферами, которое есть не что иное

как «торжествующая ересь наших дней»: «Формула объединения земли и Бога — в Церкви — отсюда сфера будущего возрождения есть Церковь» [Михаил, 1906г, с. 27]. Поэтому она выступает в качестве системы, которая должна возвышать людей до нравственного уровня церкви. Она должна привести к одухотворению всего государственного и общественного строя, к построению общества по образцу христианской апостольской церкви и, наконец, к искомой христианизации современности.

В силу этой сверхзадачи о. Михаил (Семенов) ставит христианской церкви в обязанность быть во главе всех общественных процессов. В противном случае человечество «останется навсегда самодовольным царством земляных блох, сузившись в философию еды» [Михаил, 1909, с. 48—49]. Как следствие, он стремится возглавить авторитетом церкви растущее в стране революционное движение, «вохристианизировать» социализм, марксизм и социал-демократию, чтобы помешать «выродиться ему в новые формы насилия — или плотскую серую картину “вселенской сытости”, где и мысль, и наука, и религия будут убиты не насилием, а внутренней идейной нищетой “будущего”, рожденного борьбой только из-за сытости» [Михаил, 1906г, с. 27]. Тем самым он преодолевает «христианский социализм» Ф. Наумана и А. Штекера, желавших лишь «ввести Христа в царство машин» и «воспользоваться христианством как щитом веры перед лицом всего» [Михаил, 1907а, с. 24—25]. Церковь для о. Михаила (Семенова) — это не что иное, как авангард социально-политических и экономических преобразований.

Однако, выстраивая свой «новый взгляд на мир» и понимание миссии социального христианства, о. Михаил (Семенов), как другие представители данного религиозного учения в России, упирается в проблему практической реализации заявленного проекта. Для этого в 1906 году он вступает в партию народных социалистов («Трудовая народно-социалистическая партия») и формулирует собственную «Программу русских христиан-социалистов» [Михаил, 1907б, с. 46—48]. Априори он пытается апеллировать к соборности, к силе общецерковного сознания, однако в реальности сталкивается с тотальным религиозным индифферентизмом, обрядоверием, утилитаризмом православного духовенства, тотальной бюрократизацией и сервилизмом церкви: «Не Христа вы защищаете, а порядок. Сколь рабской лжи: преследование сектантов и вообще свободы веры церковью, одобрение церковью войны, больше даже — казней, одобрение каждого наличного “факта”, хотя бы крепостного права, потому что это — факт» [Михаил, 1907а, с. 5].

В результате начиная с конца 1906 года в жизни и творчестве о. Михаила наступает новый перелом: «Если церковь не хочет уйти от старого, и если грехи прошлого лежат на совести теперешней церкви свежим пятном — (потому что ничего не изменилось в ее психике) — то, следо-

вательно, вопрос кончен. Подальше от гробов, решил я.... Я пытался даже защищать ее, но именно во время защиты увидел, что защищаю “фантом”, выдуманную церковь, которой нет. А та, которая есть, не поддается никакой защите» [Михаил, 1907г, с. 1]. То есть к моменту завершения Революции 1905—1907 годов и наступления в стране политической реакции о. Михаил (Семенов) созрел до мысли о необходимости личного разрыва с синодальной церковью. Святейший синод в лице митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) также больше не желал терпеть литературную и политическую деятельность «архимандрита-социалиста» [Православная..., 1994, с. 27]. 29 ноября 1906 года о. Михаил (Семенов) был уволен из Санкт-Петербургской духовной академии и отправлен в Задонский монастырь.

Однако это «прозрение» имело и другую сторону. Включенность «в практику жизни» привела к формированию у о. Михаила (Семенова) убежденности в «беспочвенности» и безжизненности русского социального христианства. «Проект еще не распознанной соборности» и обновление православной церкви отныне он считает утопической мечтой [Михаил, 1906а, с. 1]. С этого времени он все больше начинает думать о необходимости замены «религии вида, религии прошлого» новой религией, которая дает «великое хотение, чтобы стали былью все сказки, сказки правды о Боге и человеке» [Михаил, 1910л, с. 12].

3.2. Старообрядческий апологет

23 октября 1907 года в Нижнем Новгороде по распоряжению старообрядческого епископа Иннокентия (Усова) о. Михаил (Семенов) через миропомазание в сущем сане (архимандрита) был присоединен к старообрядческой церкви Белокрыницкой (или Австрийской) иерархии. Данное событие наделало немало шума в печати того времени, которая чуть ли не каждый день высказывала самые разнообразные догадки и соображения по этому поводу. Однако, несмотря столь громкий резонанс, переход о. Михаила (Семенова) в одно из поповских старообрядческих согласий для людей, знакомых с его творчеством, виделся как вполне закономерный шаг, сделанный им не только под давлением санкций со стороны Святейшего синода, но и под влиянием личных религиозно-философских взглядов и общественной позиции.

Официально свой переход к «австрийцам» о. Михаил (Семенов) объяснил в статье «Священник, которому больно. Разрушающаяся церковь», опубликованной в журнале «Старообрядец». По своему содержанию она представляла собой не что иное, как обвинительное заключение в адрес синодальной церкви, в котором о. Михаил (Семенов) определял три главные болезни, разлагающие тело официального православия.

Во-первых, о. Михаил (Семенов) акцентируют внимание на исчезновении так называемой «народной церкви» и превращении её в бюрократический институт во главе с монополизировавшим власть епископатом. По мысли богослова, этот путь может привести и уже практически привел к «растворению» церкви и её превращению в идеологический инструмент государства. Внешнее благополучие церкви, по мнению о. Михаила (Семенова), — это не признак ее силы, как то желает показать духовная власть, а скорее свидетельство её приближающегося забвения, которое может оказаться непреодолимым. Выражая свою крайнюю озабоченность по этому поводу, он отмечал: «Недавно епископ “господствующей церкви” Алексей Таврический заявил в своей речи, что в церкви все благополучно: “Храмы наши полны, усилия газетных прихлебателей внести разлад в церковь безуспешны”. Очевидно, владыка радуется тому, что еще не исполнилось пророчество одного из “прихлебателей” В. В. Розанова. У этого мыслителя есть статья: “Тревожная ночь”. Это сон. Видится писателю храм... Храм пуст... Совсем пуст... И пустота эта окончательная. Навсегда пусто. Этого еще нет. Храмы не пусты, и епископ радуется. Еще нет крика: “Прочь из этой церкви светлой снаружи и нечистой внутри” ... Да, храмы еще не пусты совсем, но так ли они полны как прежде? А главное, не становится ли явной внутренняя “пустота” и мерзость запустения на святом месте...» [Михаил, 1907в, с. 995].

Во-вторых, о. Михаил (Семенов) говорит об отсутствии у официальной церкви необходимого богословского фундамента, с которого можно было бы начать ее возрождение, и о тщетности его поисков, поскольку он (фундамент. — Д. Г.) формировался в угоду либо светской власти, либо власти епископата. Будучи прекрасным знатоком истории церкви и канонического права, он отмечает: «В ученых академических исследованиях убедительно и не раз доказывали, что системы русских послениконовских богословов — вроде системы не веровавшего не в Бога, ни в беса Феофана — были простым переводом с протестантских, а Стефана Яворского с латинских, то есть католических учебников. ... Лучшими выразителями православного церковного сознания считали Хомякова, Самарина, но фактически их гнали, считали еретиками, их сочинения не могли появиться в России. Но самое главное, православная церковь считает православными свои т. н. символические книги (исторические тексты догматического содержания (за исключением составленных и утвержденных на семи Вселенских Соборах), написанные с целью по возможности краткого изложения основ православной веры. Но что это такое? Известно ли, как фабриковались наши символические книги? Протасов, под влиянием католика Сербиновича, ищет какого-нибудь документа в католическом духе,

для того чтобы еще подкрасить и без того католическое “православие”. Находят “Послание восточных патриархов”. Оно и направится Филарету, но его нужно подчистить. И начинается чистка... с документом, представляющим акт всей восточной церкви, расправляются беззастенчиво. И наконец, дело сделано. Филарет сообщает Муравьеву, что акт “стал достаточно не диким”» [Михаил, 1907в, с. 1003—1004].

В-третьих, не меньший вред, по мнению о. Михаила (Семенова), принес господствующей церкви её союз с самодержавной властью, различными радикально-монархическими и националистическими организациями, особенно с «Союзом русского народа»: «Две опоры синодального православия — “Союз русского народа” и синодальная церковь — стали синонимами, — писал он по этому поводу. — Это едино в своем богохульстве и богоборчестве ... Все преступления, которые лежат на совести кошунственного антихристового союза, наполовину должна принять на себя церковь, продавшая Божии за Кесарево. Не ужасно ли это? Церковь ли это? Не сменила ли она крест на лисицу и медведя» [Михаил, 1907в, с. 1012, 1014].

Отталкиваясь от этих обвинений, о. Михаил (Семенов) строит и свою апологию старообрядчества, указывая на то, что оно, в отличие от синодальной церкви, сумело сохранить свой аутентичный фундамент — «народную церковь». В одноименной работе «Апология старообрядчества», он настоятельно повторяет: «Церковь жива тесной связью иерархии и народа. В книге государственной церкви “Послания восточных патриархов” сказано, что православие не знает резкого католического отделения церкви учащей (священства) от народа. “Хранитель правой веры есть весь церковный народ”. Такого взгляда всегда держалась и вселенская Церковь. Церковь — живой организм, объединяющий народ с пастырством в един народ Господень, вместе идущий ко спасению» [Михаил, 1910а, с. 2].

В другой своей работе, посвященной истории и современному состоянию старообрядчества, он также фокусирует внимание на том, что «праведность старообрядчества» главным образом заключается в хранении начала церковного демократизма, в хранении церкви народной... Пока церковь состоит из всего народа, она хранит всю правду Евангелия, она не может впасть ни в грех той косности, ни в грех такой же злой ломки народных верований» [Михаил, 1910б, с. 67].

Другой сильной стороной старообрядчества о. Михаил (Семенов) считает сохранение им культового фундамента православной церкви, в то время как догматический оказался «потерян в истории». Развивая эту мысль, о. Михаил (Семенов) обращает внимание на тот факт, что во всей истории церкви трудно найти время, когда бы в ней торжествовала чистая вера — ортодоксия [Михаил, 1910а, с. 9]. Культ же меньше пострадал от догмати-

ческих споров IV — VIII веков, внутрицерковной борьбы, внешней и внутренней политики римских и византийских императоров, поэтому «есть все основания называть старый обряд “святыми ступенями”, по которым миллионы взойшли к Богу... Это святые останки святого прошлого, дорогие, как могила матери, отца» [Михаил, 1910а, с. 2].

Таким образом, переход о. Михаила (Семенова) в одно из старообрядческих поповских согласий стал отражением его новой идейной позиции, согласной которой реформы в русской церкви должны идти не по пути бессмысленных поиском вероучительного фундамента православия, а через возрождение изначальных форм христианской организации и христианского культа, которые были сохранены в русском православии благодаря старообрядчеству.

В ответ на это заявление Святейший синод лишил о. Михаила (Семенова) сана архимандрита и права проживания в столицах, после чего он был вынужден перебраться в Белоостров. Бывший его наставник архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) обратился к нему с увещаниями, с просьбой покаяться и воссоединиться с официальной церковью, однако о. Михаил (Семёнов), по словам И. Я. Яковлева, «эту новую ловушку с негодованием и горькой насмешкой отверг» [Яковлев, 1997, с. 256].

На соборе старообрядческих епископов 1908 года был поставлен вопрос о возможности назначения о. Михаила (Семенова) в одну из епархий. Собор наметил его в качестве кандидата в епископы и постановил собрать о нем более точные сведения. Однако благоволивший ему епископ Иннокентий (Усов) 20 ноября этого же года, не дождавшись санкции Собора, единолично рукоположил о. Михаила (Семенова) в епископы в Канадскую епархию. Последний поехал туда немедленно, на свои собственные средства, полученные за работу по созданию старообрядческого учебника по Закону Божию. Через Константинополь, Болгарию, Сербию и Австрию он доехал до Гавра, где должен был получить оставшиеся деньги для отъезда океанским пароходом в Америку. Но ожидаемая сумма ему не была прислана, и о. Михаилу (Семенову) пришлось нищенствовать, проводя ночи в бесплатных ночлежках, прежде чем он вернулся в Россию.

В совокупности эти факты, постановление о. Михаила (Семенова) без санкции Собора и его неудачная попытка добраться до Канады, стали поводом для начала длительного процесса, который с подачи священника о. Г. Карабиновича получил известность как «Дело епископа Михаила Канадского». О. Михаила (Семенова) обвиняли в том, что он принял епископский сан с целью восстановить церковь «свободных христиан» [Старков, 1914, с. 641] и «реформировать» и само старообрядчество» [Собрание..., 1911].

Собор старообрядческих епископов, проходивший в Москве в феврале 1909 года, наложил на епископа Михаила (Семенова) временное запрещение в служении. Августовский собор 1909 года обязал его обучаться три месяца под наблюдением архиепископа «старообрядческим обычаям церковным», а потом отправиться в Канаду, с угрозой, что, если он туда не поедет, то будет окончательно запрещен. На этом же соборе старообрядцы признали правильность хиротонии о. Михаила (Семенова). Однако из-за недостатка средств он вновь не добрался до Северной Америки, в связи с чем 31 августа 1910 года на соборе старообрядческих епископов повторно получил запрет на священнослужение.

Эти решения, а также последовавший в 1911 году арест за передачу запрещенной книги не могли не сказаться на здоровье и творчестве о. Михаила (Семенова). Как точно подметил В. П. Сидоров, «мысль его тоже “нервничала”, она не могла сосредоточиться, перескакивала с предмета на предмет» [Сидоров, 1995, с. 104]. Поэтому уже современники о. Михаила (Семенова) не могли не заметить, что в его статьях и публичных речах все чаще замечалась «некоторая раздерганность и разбросанность», порожденная глубоким разочарованием и растущими бунтарскими порывами: «Не хочу быть больше салом для смазки колес. Пустите, Я хочу всего солнца, а не только через круглые дыры колес» [Михаил, 1910д, с. 224].

Как следствие, о чем свидетельствуют публикации о. Михаила (Семенова) за 1910—1912 годы, он начинает делать смелые выпады и критические замечания в адрес старообрядческого епископата. В работе «Прошлое и современные задачи старообрядчества» он приходит к заключению, что «начало всевластования проникает в значительной мере в сознание старообрядческого епископства» [Михаил, 1910в, с. 138—139]. Об этом же Михаил (Семенов) говорит и в «Открытом письме епископам, собравшимся в Москве, и всем старообрядцам» (от 20 августа 1910 года), подчеркивая, что «сегодня впервые старообрядчество отгоняет от дела церковного “Церкви Божии”». С удивлением я услышал странное признание архиепископа: “Народа не нужно, он очень кричит...”» [1910и Михаил, 1910з, с. 482].

Кроме того, о. Михаил (Семенов) начинает настаивать на необходимости смягчения ряда пуританских установок старообрядчества, которые, по его мнению, мешают старообрядческой церкви быть социальной: «Прошлое время по необходимости было временем охранения старого. ... Но теперь, когда свободу охранять не приходится, когда внешне церковь стала свободна, — теперь-то для нее и ставится великое испытание, величайший вопрос: жизненнее ли она, сильнее ли церкви гонящей — внутренне мертвой? Перед нею теперь задача широкого внутреннего устроения и раскры-

тия. Это устройство должно начаться принятием принципа подвижности, постоянного движения церкви» [Михаил, 1910г, с. 633].

В результате, «охранительность» старообрядчества епископ Михаил (Семенов) называет «неверием в Церковь» и «отречением Церкви от самой себя». Отныне он убежден, что такая церковь боится не только что-нибудь изменить, но она боится даже говорить о необходимости изменений.

3.3. Пророк «голгофского христианства»

Начиная с весны 1909 года о. Михаил (Семенов) подключается к разработке учения «голгофских христиан» — религиозного движения, возникшего в рабочих кругах Санкт-Петербурга в 1909—1910 годы, ставившего своей целью возрождение апостольского христианства. У его истоков стояли В. П. Свенцицкий, Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, а наиболее известными апологетами и проповедниками были священник И. П. Брихничев и «поэт голгофского христианства» Н. А. Клюев. Однако главным теоретиком «голгофского христианства», о чем свидетельствует секретарь Религиозно-философского общества в Петербурге (1909—1913 годы) С. П. Каблуков, все они считали о. Михаила (Семенова) [Дневник..., 2012, с. 273—274].

17 октября 1909 года на квартире С. П. Каблукова состоялось совещание по вопросу организации новой церковной общины, на котором присутствовали о. Михаил (Семенов), А. В. Карташев, Д. В. Философов и Д. С. Мережковский. После совещания о. Михаил (Семенов) разослал всем его участникам письма, представляющие собой возражения на доклады выступающих. В частности, письмо А. В. Карташеву содержало призыв отказаться от синодальной церкви, «уйти внешне, и хотя бы к той пролетарской Церкви (если даже она, может быть, и будет такой голо-пролетарской, голой от Оригена)» [Дневник..., 2012, с. 281—282]. Эту встречу можно считать началом нового периода в жизни о. Михаила (Семенова), который без преувеличения можно назвать «голгофским». С этого времени он целенаправленно начинает подводить идейный фундамент под движение «голгофских христиан», который в «редакции» о. Михаила (Семенова) можно свести к следующим основным положениям.

1) Наличное христианство — это «подложная религия». Христианство как религия спасения Земли было подменено религией спасения на Небе.

«Христианство, как религия рабов — подмена. Подложная религия. Христово Христианство — вера и силы свободных. Христианство подлинное, религия подлинная не может и не хочет быть таким прибежищем усталых. Несомненно, за века христианства над ним производилась усиленная работа в данном направлении. Целые века, с одной стороны, искусственно раздували понимание христианства, как отдых для усталых. Как утеше-

ние... И успешно погашали понимание его как религии силы, как движущее способное перевернуть мир» [Михаил, 1910ж, с. 421].

«С течением времени людей сумели уверить, что кровь Христа только для Неба. Что искупить он хотел не землю, которая во зле лежит, только души для вечного блаженства. Люди дошли до того, что зло жизни стали считать необходимым для того, чтобы чище были души! Родился культ страдания. Страдание стали (даже рабство, даже нищету) благословлять, как подлинный путь к небу. Ясно, что с тех пор дело пострадавшего на Голгофе — погибало. Его призыв — боритесь со злом. Убейте зло, которое колет терниями мое чело, которое возвело меня на крест — становиться не слышным. Зачем бороться. Вся жизнь только мгновение, чем темнее здесь, тем светлее там. И эта проповедь победила. Голгофа была опрокинута» [Михаил, 1910е, с. 416—417].

2) Голгофа, искупительная жертва Христа на Голгофе — это главный догмат и кериigma христианства, к которым необходимо вернуться, чтобы спасти мир.

«Христианство начинается с Голгофы, а Голгофа состоит в том, что Страдалец Голгофы видел грех мира и зло, в котором лежит мир, на Себе переживал все зло мира, как общественное зло, общественное насилие, растление самой “структуры” мира, — собственную виновность. Я за всех виновен, я вместе со всеми виновен. Это истина Голгофы, но понимать ее нужно не как нравственную истину, а как реальное ощущение, чувствуя все свое участие в создании зла и позорящее, растлевающее, «паучье» прикосновение внешнего зла, хотя бы в формах чисто материальных (тюрьма, фарс, суд)» [Михаил, 1911б, с. 10].

3) Искупление еще не было совершено Христом на Голгофе — это путь который только предстоит пройти самому человеку, который призван стать соискупителем мира.

«Мир еще не “спасен”. На Голгофе принесена первая великая жертва за мир, величайшая жертва, как образец и призыв, как проповедь и великое действие, слияние воли Христовой с волей человеческой. Христос на Голгофе бросил на мир кровь свою, чтобы напугать всех людей зрелищем распятой жизни и заставить и заставить людей под Его главенством и с его помощью начать искупление мира. ... Из креста — огонь. Да мы можем добывать огонь из креста, если захотим. Если поймем, что искупление мира Христом не прошлое, а еще будущее дело. И совершено будет оно вместе с Ним — нами» [Михаил, 1910к, с. 10, 11].

4) Идея личного спасения в наличном христианстве несостоятельна и лжива — возможно только коллективное спасение как перманентное восхождение всего человечества на Голгофу.

«Личное спасение — возрождение во Христе? Личное усовершенствование? Конечно, только дьявол мог выдумать эту искусную подделку под Евангелие, так похожую на истину и так разрушающую Христово дело и Христовы души» [Михаил, 1910и, с. 424].

«Христово христианство — постоянная Голгофа, — великое распятие каждого. Принятие на себя, в свою совесть, всего зла, в котором лежит мир, ответственность за все, что жизнь разлагает, пятнает проказой. И подменять страстное, мучающееся, способное перевернуть мир тем христианством без крови и жизни, и духа, как все в одном сладком отдыхе около креста, — хула на Духа Святого» [Михаил, 1910к, с. 11].

Таким образом, о. Михаил (Семенов) предстает не только основоположником самобытного религиозного учения, одновременно сочетающего в себе фундаменталистские и модернистские импульсы (поиск «основ» христианства, уход в гетеродоксию и т. д.), но и проводником новой христианской аксиологии. Он понимает индивидуализацию как выход за границы своего «Я» путем сораспятия со Христом. Однако эта индивидуализация обретает свою полноту и исполненность только тогда, когда сораспятие становится коллективным и предстает как перманентное восхождение человечества на Голгофу. По мысли о. Михаила (Семенова), это и есть путь к «Новой земле» / это есть «Новая земля».

4. Заключение = Conclusions

Чем обусловлен столь сложный и на первый взгляд парадоксальный путь о. Михаила (Семенова)? Что заставило видного профессора и публициста с блестящим положением в литературных и ученых кругах перейти из официального православия в лагерь православных реформаторов, разочаровавшись в них, присоединиться к старообрядчеству белокриницкого согласия и, не найдя искомого и там, прийти к идейному оформлению учения «голгофского христианства»?

Ответы на эти вопросы следует искать в области рассуждений о. Михаила (Семенова) о «неисполненности христианства». Мысль о том, что христианство не оправдало надежд человека, не приблизило за 2000 лет к тому, что обещал Иисус Христос, заставила о. Михаила (Семенова) поставить вопрос о его «основах»: что они «в действительности» есть и как их сделать фундаментом новой жизни? Как следствие, в религиозном обновлении он видит путь трансформации «неотмирной церкви» в церковь социальную, чтобы совершить переворот в сфере общественных и экономических отношений. в старообрядчестве он пытается опереться на подлинно христианские формы церковной организации, уклада жизни и культа, способных «восстановить веру в величие и силу церкви», «просветить гражданскую или государ-

ственную совесть и освятить жизнь во всех ее проявлениях». Однако в своих поисках искомой точкой опоры он видит страшный по своим глубинам кризис русского православия и христианства в целом. Россия начала XX века предстает перед его глазами временем «бунта против Иисуса Христа», когда «открылась жесткая и жуткая правда о русской душе». Поэтому традиционное понимание соборности, как общественно-религиозного идеала и метафизического фундамента православия, источника всех его модернистских и фундаменталистских импульсов, становится для о. Михаила (Семенова) неприемлемым. Эта идея опрокинута для него русской беспочвенностью и расколом, тотальным религиозным индифферентизмом, деградацией общественных и религиозных институтов.

Возможный выход из мира, в котором «некуда жить», о. Михаил (Семенов) видит в «повторном открытии Голгофы». Для него Голгофа — это актуальное первоначало, которым заканчивается история и с которого она начинается, в котором стерты границы между динамикой и статикой, общественным и индивидуальным и т. д. Поэтому он видит в Голгофе неиссякаемый для православия и всех христианских исповеданий источник религиозного и социального действия. Поэтому возвращение к Голгофе / на Голгофу для о. Михаила (Семенова) — это своего рода трансцендирование, то есть исход из наличной истории и выход уже в истории новой с новым человеком.

В заключение заметим, что современники вполне справедливо называли о. Михаила (Семенова) «апостолом XX века» и одновременно считали «Фаустом до встречи с дьяволом», поскольку проект перманентной Голгофы мог стать и не христианским («коса инверсии» А. С. Ахиезера и др.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Дневник* Сергея Платоновича Каблукова. Год 1909-й / Вступит. статья, публикация и комментарий Е.М. Криволаповой // Литературоведческий журнал № 31 : Научный журнал. — Москва : ИНИОН РАН, 2012. — С. 178—324.

2. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений : в 15 т. / Ф. М. Достоевский ; Сост. Т. И. Орнаткая, Г. М. Фридендер ; Российская акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). — Т. 4 : Униженные и оскорбленные ; Т. 4 : Повести и рассказы, 1862-1866 ; Игрок. — Ленинград : Наука, Ленинградское отд., 1989. — 781 с. — ISBN 5-02-027965-X.

3. *Мережковский Д. С.* Полное собрание сочинений. Т. 9. Исследования. Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество / Д. С. Мережковский. — Москва : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1914. — 152 с.

4. Михаил, 1906а — *Михаил*. Нового неба и новой земли ждем / Архимандрит Михаил // Церковное обновление. — 1906. — № 1. — С. 1—3.

5. Михаил, 1906б — *Михаил*. Христиане ли мы? / Архимандрит Михаил. — Санкт-Петербург : Типография Монтвида, 1906. — 11 с.
6. Михаил, 1906в — *Михаил*. Проклятые вопросы и христианство / Архимандрит Михаил. — Москва : Типография Монтвида, 1906. — 32 с.
7. Михаил, 1906г — *Михаил*. Пророк христианской свободы и свободного христианства (Ламенэ и его «Слова верующего») / Архимандрит Михаил. — Санкт-Петербург : Типография Монтвида, 1906. — 46 с.
8. Михаил, 1907а — *Михаил*. Как я стал народным социалистом / Архимандрит Михаил. — Москва : Тип. тов. И. Д. Сытина, 1907. — 32 с.
9. Михаил, 1907б — *Михаил*. Христос в век машин (Вопросы религии и общественной жизни) / Архимандрит Михаил. — Санкт-Петербург : Типография Монтвида, 1907. — 484 с.
10. Михаил, 1907в — *Михаил*. Священник, которому больно. Разрушающаяся церковь / Архимандрит Михаил // Старообрядец. — 1907. — № 9. — С. 995—1014.
11. Михаил, 1907г — *Михаил*. Исповедь старообрядческого епископа Михаила / Епископ Михаил // Наш понедельник. — 1908. — № 5. — С. 1.
12. *Михаил*. Двенадцать писем о свободе и христианстве. Письма о Христе подлинном / Епископ Михаил. — Санкт-Петербург : Типография товарищества «Свет», 1909. — 51 с.
13. Михаил, 1910а — *Михаил*. Апология старообрядчества / Епископ Михаил. — Москва : Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1910. — 61 с.
14. Михаил, 1910б — *Михаил*. Прошлое и современные задачи старообрядчества / Епископ Михаил // Старообрядческая мысль. — 1910. — № 2. — С. 65—67.
15. Михаил, 1910в — *Михаил*. Прошлое и современные задачи старообрядчества / Епископ Михаил // Старообрядческая мысль. — 1910. — № 3. — С. 137—140.
16. Михаил, 1910г — *Михаил*. Прошлое и современные задачи старообрядчества / Епископ Михаил // Старообрядческая мысль. — 1910. — № 10. — С. 631—634.
17. Михаил, 1910д — *Михаил*. Красный звон / Епископ Михаил // Старообрядческая мысль. — 1910. — № 4. — С. 219—228.
18. Михаил, 1910е — *Михаил*. Беседы с читателями / Епископ Михаил // Старообрядческая мысль. — 1910. — № 7. — С. 416—419.
19. Михаил, 1910ж — *Михаил*. Не религия калек / Епископ Михаил // Старообрядческая мысль. — 1910. — № 7. — С. 419—423.
20. Михаил, 1910з — *Михаил*. Открытое письмо студенческому христианскому союзу / Епископ Михаил // Старообрядческая мысль. — 1910. — № 7. — С. 422—428.
21. Михаил, 1910е — *Михаил*. Открытое письмо епископам, собравшимся в Москве и всем старообрядцам / Епископ Михаил // Старообрядческая мысль. — 1910. — № 8. — С. 480—488.
21. Михаил, 1910к — *Михаил*. Из креста — огонь / Епископ Михаил // Новая земля. — 1910. — № 10. — С. 8—11.
22. Михаил, 1910л — *Михаил*. Самоубийство и целая религия / Епископ Михаил // Новая земля. — 1910. — № 11. — С. 11—12.
23. Михаил, 1910м — *Михаил*. Счастье / Епископ Михаил // Новая Земля. — 1910. — № 16. — С. 3—4.
24. Михаил, 1911а — *Михаил*. Обиженный и поработанный труд / Епископ Михаил // Старообрядческая мысль. — 1911. — № 6. — С. 427—430.
25. Михаил, 1910б — *Михаил*. Что сказал о. Николай / Епископ Михаил // Новая земля. — 1911. — № 18. — С. 10—11.

26. *Православная Российская Церковь в годы первой русской революции. Вводные статьи, подготовка текста и комментарии* С. Л. Фирсова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. — Ленинград : Свелен, 1994 — Книга 5. — С. 5—39.

27. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 834. Оп. 4. Д. 565. Л. 1—4.

28. *Собрание статей по делу епископа Михаила Канадского*. — Москва : Редакция журнал «Старообрядческий пастырь», 1914. — 123 с.

29. *Яковлев И. Я. Моя жизнь : Воспоминания* / И. Я. Яковлев. — Москва : Республика, 1997. — 694 с. — ISBN 5-85438-024-2.

Литература

1. *Ахиезер А. С. Россия : некоторые проблемы социокультурной динамики* / А. С. Ахиезер // Мир России. — 1995. — № 1. — С. 3—56.

2. *Боченков В. В. Голгофская жертва и ее смысл в публицистике старообрядческого епископа Михаила (Семенова)* / В. В. Боченков // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма, Москва, 21—23 ноября 2017 года. — Москва : Индрик, 2018. — С. 328—343.

3. *Воронцова И. В. «Свободное христианство» епископа Михаила (Семенова) и «социальные» программы 1905—1915 гг.* / И. В. Воронцова // Гуманитарные науки в Сибири. — 2013. — № 2. — С. 52—56.

4. *Воронцова И. В. Старообрядческий епископ Михаил (Семенов) в контексте истории религиозного реформизма в России (1905—1915 гг.)* / И. В. Воронцова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2 : История. История Русской Православной Церкви. — 2012. — № 3 (46). — С. 40—55.

5. *Головушкин Д. А. «Голгофское христианство» старообрядческого епископа Михаила (Семенова)* / Д. А. Головушкин // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2014. — Т. 15. — № 3. — С. 202—210.

6. *Головушкин Д. А. Апостол XX века. Жизнь и творчество о. Михаила (Семенова)* / Д. А. Головушкин. — Санкт-Петербург : Политехника-сервис, 2010. — 127 с. — ISBN 978-5-904031-66-4.

7. *Дзюбенко М. Старообрядчество и церковное обновление* / М. Дзюбенко // Живое предание : материалы Международной богословской конференции, Москва, октябрь 1997 г. / подгот. : ред. Евгения Крестьянинова и др. — Москва : Издательство Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы, 1999. — С. 196—210.

8. *Мережковский Д. Земной Христос* / Д. Мережковский // Русское слово. — 1916. — 14 октября (№ 236). — С. 2.

9. *Михайлов, А.Ю. «Фауст до встречи с дьяволом...»* / А. Ю. Михайлов // Семинарский вестник. — 2005. — № 2 (15). — С. 8—14.

10. *Останина О. В. Обновленчество и реформаторство в русской православной церкви в начале XX века : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.06* / О. В. Останина. — Ленинград, 1991. — 166 с.

11. *Панкратов А. С. Ищущие Бога. Очерки современных религиозных исканий и настроений. Книга 1—2* / А. С. Панкратов. — Санкт-Петербург : Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1911. — Книга 1. — 196 с.

12. *Раевский П. Секта ли «Голгофское христианство»?* / П. Раевский // Новая земля. — 1911. — № 18. — С. 4—5.

13. Сидоров В. П. Христианский социализм в России в конце XIX — начале XX века : историко-религиоведческие очерки / В. П. Сидоров. — Череповец : Издательство ЧГПИ, 1995. — 164 с.

14. Солнцева Н. М. Китежский павлин : филологическая проза. Документы. Факты. Версии / Н. М. Солнцева. — Москва : Скифы, 1992. — 432 с. — ISBN 5-7206-0064-7.

15. Старков А. К вопросу о предоставлении кафедры еп. Михаилу / А. Старков // Старообрядческая мысль. — 1914. — № 7. — С. 641—644.

16. Философов Д. Епископ Михаил / Д. Философов // Современное слово. — 1916. — 29 октября (№ 3159). — С. 2.

17. Фирсов С. Л. К вопросу о церковном реформаторстве начала века : штрихи к портрету старообрядческого епископа Михаила (Семенова) / С. Л. Фирсов // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков : Сборник памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева. — Санкт-Петербург : Алетей, 1999. — С. 322—332.

18. Эткинд А. М. Хлыст : Секты, литература и революция / А. Эткинд. — Москва : Новое литературное обозрение, 2013. — 642 с. — ISBN 978-5-4448-0073-7.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023,
одобрена после рецензирования 06.01.2024,
подготовлена к публикации 23.01.2024.

Material resources

Collection of articles on the case of Bishop Mikhail Kanadsky. (1914). Moscow: Editorial office of the magazine “Old Believer Shepherd”. 123 p. (In Russ.).

Dostoevsky, F. M. (1989). *Collected works: in 15 volumes.* Leningrad: Nauka, Leningrad Publishing House. 781 p. ISBN 5-02-027965-X. (In Russ.).

Merezhkovsky, D. S. (1914). *Complete works, 9. Research. L. Tolstoy and Dostoevsky. Life and work.* Moscow: I.D. Sytin's Type T-va. 152 p. (In Russ.).

Mikhail, 1906 — Mikhail. (1906). *The Prophet of Christian Freedom and Free Christianity (Lamene and his “Words of a Believer”).* St. Petersburg: Montvida Printing House. 46 p. (In Russ.).

Mikhail, 1906a — Mikhail. (1906). We are waiting for a new heaven and a new earth. *Church renewal, 1:* 1—3. (In Russ.).

Mikhail, 1906b — Mikhail. (1906). *Are we Christians?* St. Petersburg: Montvida Printing House. 11 p. (In Russ.).

Mikhail, 1906b — Mikhail. (1906). *Damned Questions and Christianity.* Moscow: Montvida Printing House. 32 p. (In Russ.).

Mikhail, 1907 — Mikhail. (1908). Confession of the Old Believer Bishop Michael. *Our Monday, 5:* P. 1. (In Russ.).

Mikhail, 1907a — Mikhail. (1907). *How I became a People's Socialist.* Moscow: Tip. comrade I. D. Sytina. 32 p. (In Russ.).

Mikhail, 1907b — Mikhail. (1907). A priest who is in pain. The crumbling church. *Old Believer, 9:* 995—1014. (In Russ.).

Mikhail, 1907b — Mikhail. (1907). *Christ in the Age of Machines (Questions of religion and public life).* St. Petersburg: Montvida Printing House. 484 p. (In Russ.).

Mikhail, 1910 — Mikhail. (1910). The past and modern tasks of the Old Believers. *Old Believer thought, 10:* 631—634. (In Russ.).

- Mikhail, 1910a — Mikhail. (1910). *The Apology of the Old Believers*. Moscow: Printing house of G. Lissner and D. Sobko. 61 p. (In Russ.).
- Mikhail, 1910b — Mikhail. (1910). The past and modern tasks of the Old Believers. *Old Believer thought*, 2: 65—67. (In Russ.).
- Mikhail, 1910b — Mikhail. (1910). The past and modern tasks of the Old Believers. *Old Believer thought*, 3: 137—140. (In Russ.).
- Mikhail, 1910b — Mikhail. (1911). What Fr. Nicholas. *Novaya Zemlya said*, 18: 10—11. (In Russ.).
- Mikhail, 1910d — Mikhail. (1910). The Red Bell. *Old Believer thought*, 4: 219—228. (In Russ.).
- Mikhail, 1910e — Mikhail. (1910). An open letter to the bishops gathered in Moscow and to all Old Believers. *Old Believer thought*, 8: 480—488. (In Russ.).
- Mikhail, 1910e — Mikhail. (1910). Conversations with readers. *Old Believer thought*, 7: 416—419. (In Russ.).
- Mikhail, 1910j — Mikhail. (1910). Not the religion of cripples. *Old Believer thought*, 7: 419—423. (In Russ.).
- Mikhail, 1910k — Mikhail. (1910). From the cross — fire. *Novaya Zemlya*, 10: 8—11. (In Russ.).
- Mikhail, 1910l — Mikhail. (1910). Suicide and healing religion. *Novaya Zemlya*, 11: 11—12. (In Russ.).
- Mikhail, 1910m — Mikhail. (1910). Happiness. *Novaya Zemlya*, 16: 3—4. (In Russ.).
- Mikhail, 1910z — Mikhail. (1910). An open letter to the Student Christian Union. *Old Believer thought*, 7: 422—428. (In Russ.).
- Mikhail, 1911a — Mikhail. (1911). Offended and enslaved labor. *Old Believer thought*, 6: 427—430. (In Russ.).
- Mikhail. (1909). *Twelve letters about freedom and Christianity. Letters about the Authentic Christ*. St. Petersburg: Printing house of the Svet Partnership. 51 p. (In Russ.).
- RGIA — Russian State Historical Archive. F. 834. Op. 4. D. 565. L. 1—4. (In Russ.).
- The diary of Sergei Platonovich Kablukov. The year 1909. Literary Journal № 31: Scientific Journal*. (2012). Moscow: INION RAS. 178—324. (In Russ.).
- The Orthodox Russian Church during the first Russian Revolution. Introductory articles, text preparation and comments by S. L. Firsov. (1994). *Russian Past. Historical and documentary almanac*, 5. Leningrad: Svelen. 5—39. (In Russ.).
- Yakovlev, I. Ya. (1997). *My life: Memories*. Moscow: Republic. 694 p. ISBN 5-85438-024-2. (In Russ.).

References

- Akhiezer, A. S. (1995). Russia: some problems of socio-cultural dynamics. *The world of Russia*, 1: 3—56. (In Russ.).
- Bochenkov, V. V. (2018). Golgotha sacrifice and its meaning in the journalism of the Old Believer Bishop Mikhail (Semenov). In: *New Testament images and plots in the culture of Russian modernism*, Moscow, November 21—23, 2017. Moscow: Indrik. 328—343. (In Russ.).
- Dzyubenko, M. (1999). Old Believers and Church renewal. In: *Living Tradition: materials of the International Theological Conference, Moscow, October 1997*. Moscow: Publishing House of St. Filaret's Moscow Higher Orthodox Christian School. 196—210. (In Russ.).

- Etkind, A. M. (2013). *Khlyst: Sects, literature and revolution*. Moscow: New Literary Review. 642 p. ISBN 978-5-4448-0073-7. (In Russ.).
- Firsov, S. L. (1999). On the question of church reformation at the beginning of the century: strokes to the portrait of the Old Believer bishop Mikhail (Semenov). In: *Problems of socio-economic and political history of Russia of the XIX—XX centuries: A collection in memory of V. S. Dyakin and Yu. B. Solovoyov*. St. Petersburg: Aleteya. 322—332. (In Russ.).
- Golovushkin, D. A. (2014). “Golgotha Christianity” of the Old Believer bishop Mikhail (Semenov). *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 15 (3): 202—210. (In Russ.).
- Golovushkin, D. A. (2010). *The Apostle of the XX century. The life and work of O. Mikhail (Semenov)*. St. Petersburg: Polytechnic-service. 127 p. ISBN 978-5-904031-66-4. (In Russ.).
- Merezhkovsky, D. (1916). The Earthly Christ. *Russian word*. October 14 (№ 236). P. 2. (In Russ.).
- Mikhailov, A. Yu. (2005). “Faust before meeting the devil...” *Seminary Bulletin*, 2 (15): 8—14. (In Russ.).
- Ostanina, O. V. (1991). *Renovationism and reformation in the Russian Orthodox Church at the beginning of the XX century*. PhD Diss. Leningrad. 166 p. (In Russ.).
- Pankratov, A. S. (1911). *The Seekers of God. Essays on modern religious pursuits and moods. Book I—2, 1*. St. Petersburg: T-vo skoropech. A. A. Levenson. 196 p. (In Russ.).
- Philosophers, D. (1916). Bishop Mikhail. *Modern word*, 3159. October 29. P. 2. (In Russ.).
- Rayevsky, P. (1911). Is the sect “Golgotha Christianity”? *Novaya Zemlya*, 18: 4—5. (In Russ.).
- Sidorov, V. P. (1995). *Christian socialism in Russia at the end of the XIX — beginning of the XX century: historical and religious studies essays*. Cherepovets: CHSPI Publishing House. 164 p. (In Russ.).
- Solntseva, N. M. (1992). *Kitezhsky peacock: philological prose. Documents. Evidence. Versions*. Moscow: Scythians. 432 p. ISBN 5-7206-0064-7. (In Russ.).
- Starkov, A. (1914). On the issue of granting the EP chair. Mikhail. *Old Believer thought*, 7: 641—644. (In Russ.).
- Vorontsova, I. V. (2013). “Free Christianity” by Bishop Mikhail (Semenov) and “social” programs of 1905—1915. *Humanities in Siberia*, 2: 52—56. (In Russ.).
- Vorontsova, I. V. (2012). Old Believer Bishop Mikhail (Semenov) in the context of the history of religious reformism in Russia (1905—1915). *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Episode 2: The Story. The History of the Russian Orthodox Church*, 3 (46): 40—55. (In Russ.).

*The article was submitted 23.10.2023 ;
approved after reviewing 06.01.2024 ;
accepted for publication 23.01.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(1), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Давыдов А. Ю. Сплошная коллективизации в СССР : практика и идеология, некоторые аспекты воздействия на сельский социум / А. Ю. Давыдов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 297—315. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-297-315.

Davydov, A. Yu. (2024). Collectivization in USSR: Practice and Ideology, Some Aspects of its Impact on Rural Society. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 297-315. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-297-315. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-297-315

Сплошная коллективизации в СССР: практика и идеология, некоторые аспекты воздействия на сельский социум

Давыдов Александр Юрьевич

orcid.org/0000-0001-7232-4926

ResearcherID Y-4039-2018

доктор исторических наук, профессор,

кафедра русской истории

(XIX—XXI вв.)

davydov.au@mail.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Collectivization in USSR: Practice and Ideology, Some Aspects of its Impact on Rural Society

Alexander Yu. Davydov

orcid.org/0000-0001-7232-4926

ResearcherID Y-4039-2018

Doctor of History, Professor,

Department of Russian

History (XIX—XXI centuries)

davydov.au@mail.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Давыдов А. Ю., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье обобщены выработанные в историографии основные подходы к пониманию сплошной коллективизации в СССР, определившей ряд специфических черт перехода отечественного социума от аграрной фазы к индустриальной. Аргументируя тезисы о перспективности нэповского сельского хозяйства и о тупиковости сталинского варианта его обобществления, автор исходит из присущего крестьянству «сим-практического» типа культуры. Исторически сложившееся мироощущение членов деревенского сообщества лежало в основе высокой трудовой мотивации. Разрушение этого мироощущения в ходе сплошной коллективизации стало причиной трагедии. Представлены результаты сопоставительного анализа двух этапов социалистического преобразования села. Рассматриваются вопросы разрушительного воздействия экспроприации крестьян на экономику на первом этапе. Изучаются проблемы выхода из кризиса на втором этапе путем снятия ряда ограничений с частного хозяйства. Проведен анализ факторов социальной деградации отечественной деревни 1930-х годов, обнаружено их проявление в сфере межнациональных отношений. Новизна исследования видится в том, что на основе осмысления материалов рассекреченной в 2000-е годы «особой папки» Ленинградского обкома ВКП(б) автор впервые проследил своеобразные проявления противоречий коллективизации в судьбах финского населения Ленинградской области.

Ключевые слова:

коллективизация; частичная деколлективизация; экспорт зерна; хлебозаготовки; переселенцы; национальные противоречия; Токсово Ленинградской области; Токсовский сельсовет; Токсовский финский национальный район.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article provides a comprehensive overview of the main approaches developed in historiography to understand the process of collectivization in the USSR, which determined several specific features of the transition of the domestic society from an agrarian phase to an industrial one. Arguing for the viability of the New Economic Policy's rural economy and the deadlock of Stalin's version of its collectivization, the author relies on the inherent "sympractical" type of peasant culture. The historically developed worldview of rural community members formed the basis for high labor motivation. The destruction of this worldview during the process of collectivization became the cause of tragedy. The article presents the results of a comparative analysis of two stages of socialist transformation in the village. It examines the destructive impact of the expropriation of peasants on the economy in the first stage and explores the issues of crisis resolution in the second stage through the removal of certain restrictions on private farming. The article analyzes the factors of social degradation in the Soviet countryside in the 1930s and identifies their manifestation in interethnic relations. The novelty of the research lies in the author's examination, based on the materials from the declassified "special file" of the Leningrad Regional Committee of the CPSU(B) in the 2000s, of peculiar manifestations of collectivization contradictions in the fate of the Finnish population in the Leningrad region.

Key words:

collectivization; partial decollectivization; grain export; grain procurement; resettlement; national contradictions; Toksovo, Leningrad region; Toksovo rural council; Toksovo Finnish national district.

Сплошная коллективизации в СССР: практика и идеология, некоторые аспекты воздействия на сельский социум

© Давыдов А. Ю., 2024

1. Введение = Introduction

Актуальной научной проблемой остается определение роли и места сплошной коллективизации в *радикальной социалистической реконструкции* (термин, употреблявшийся современниками событий коллективизации) институтов советского общества, и в первую очередь сельского социума. Следует отчетливо представить соотношение идеологии и практики кардинальной перестройки деревни. Стоит разобраться в том, какие новые противоречия социального и национального характера она породила на селе.

Остановимся на вопросе о целесообразности рассматриваемого преобразовательного проекта для народного хозяйства. Тезис об экономическом провале, к которому привела кампания по реконструкции села, совершенно справедлив, ибо она не стала источником серьезных валютных поступлений, необходимых для индустриального рывка. Кроме того, сельскохозяйственная организация, пришедшая на смену системе НЭПа, сильно пострадала в результате перестроек начала 1930-х годов и плохо справлялась с поставками продовольствия на внутренний рынок. В данной связи требует дальнейшего обсуждения актуальная тема изживания глубокого кризиса, порожденного реконструкцией деревни. Поскольку сплошная коллективизация не достигла экономических целей, то напрасными представляются и ее последствия. Между тем они принадлежат к разряду весьма трагических. К ним относится архаизация деревни, выразившаяся в ее обеднении и в возрастании тяжести крестьянского труда. Фактор деградации села давал себя знать в сфере межнациональных отношений, о чем пойдет речь далее.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Экономическая политика выступала первопричиной социальной деградации, и ее обсуждению в научной литературе стоит уделить внимание. Современный автор, специалист по истории отечественного крестьянства В. В. Кондрашин констатировал: «Материальная выгода от продажи зерна

не могла ничего изменить» [Кондрашин, 2008, с. 167]. Вместе с тем известный историк-аграрник В. П. Данилов писал: «Сталинский вариант накопления капиталов для индустриализации путем катастрофического разорения и беспощадной эксплуатации деревни явился историческим наказанием крестьянству и стране» [Данилов, 2002, с. 29]. Ученые указывают на потерю советским обществом в результате сплошной коллективизации 30 % валового внутреннего продукта в течение 1930-х годов. В данном контексте с паллиативной точкой зрения выступил исследователь Роберт С. Аллен, отвергающий эффективность сталинской политики изъятия хлеба по сниженным ценам, но признающий положительную роль принудительной миграции крестьян в города [Аллен, 2013, с. 215, 218]. В то же время некоторые историки настаивают на решающей роли отнятого у крестьян и проданного за границу хлеба в создании инвестиций для мощной промышленности. Например, с таким императивным суждением выступает Б. А. Филиппов, утверждая: «Коллективизация создала необходимые условия для осуществления индустриального скачка» [Филиппов, 2013, с. 155]. Е. А. Осокина рассматривает эту общественно-политическую кампанию в качестве значимого ресурса промышленного рывка [Осокина, 2009, с. 11, 339].

Автор данной статьи исходит из концепции «симпрактического» типа культуры, присущего российскому крестьянству и не предполагавшего массового обобществления сельских хозяйств. Коллективизация, деформировавшая традиционные упорядоченность трудовых мотивов и систему ценностей, вызвала аберрацию экономического развития и породила социальную деградацию деревни. Наряду с этим сельчанам удалось сохранить подсобные хозяйства, представлявшие собой небольшую часть прежних наделов доколхозного времени. В статье затрагивается важная тема возрождения личных хозяйств крестьян как альтернативы коллективизированной экономике. В то же время учитывается, что выход сельского хозяйства из кризиса во второй половине 1930-х годов отнюдь не означал преодоления архаизации села, ибо крестьяне стали жить много беднее, но при этом им приходилось выдерживать чрезмерные трудовые нагрузки.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Отправная точка и ход кампании

В стране к началу НЭПа осуществилась аграрная революция. Историки обнаруживают в нэповском сельском хозяйстве постепенное изменение соотношения архаики и модерности в пользу последней [Данилов, 2002, с. 29; Великанова, 2013, с. 293, 294, 297, 309, 310; Давыдов, 2021, с. 103—146]. Сельское хозяйство развивалось противоречиво, коллизия проявляла себя в сокращении хлебозаготовок к исходу 1920-х годов по причине де-

формации ценовой политики государства. Современные ученые нередко делают трагедию из кризисов НЭПа [Северьянов, 2018, с. 265—274]; однако в сравнении с коллапсами 1930-х годов они представляли собой угрозы второстепенного характера [Кондрашин, 2008, с. 99—104].

В конечном счете решающую роль играла такая — на первый взгляд — отвлеченная категория, как духовная связанность земледельца с его хозяйством. В цикле очерков «Власть земли» Г. И. Успенский обосновал идею слитности отечественного крестьянина с землей [Успенский, 1949, с. 334, 337]. Развивая его мысли, современный исследователь В. Н. Романов крестьянскую культуру называет «симпрактической» (то есть целиком зависимой от практики, от власти земли) [Романов, 1991, с. 172—173]. В основе ее обнаруживается подчиненность десятков миллионов деревенских работников тяжелому и систематическому крестьянскому труду. «Симпрактичность» — коренное условие крестьянских трудолюбия и неприхотливости, которые и делали сельских жителей бесценным ресурсом для индустриализации страны. Бесспорно, большинство крестьянства было крепко привязано к земле и соглашаться на перемену образа жизни не собиралось. Тем не менее к исходу 1920-х годов избыток сельского населения составлял около 10 млн чел., готовых посвятить себя городским профессиям [Фицпатрик, 2001, с. 96]. Советское централизованное унитарное государство, как никакое другое, располагало возможностями для налаживания механизма добровольного и последовательного вовлечения сельских тружеников в модернизацию страны. Однако особый тип крестьянской культуры большевиками-марксистами воспринимался просто как чуждая модернизации архаика и сознательно искоренялся. Был выбран крайне неудачный способ использования трудового потенциала — обречь людей на внезапный великий исход из деревни.

Первый пятилетний план в варианте 1928—1929 годов не предполагал сплошной коллективизации. Власть, приступая к развертыванию капитального индустриального строительства, смирилась с тем, что на международную продажу зерна как на ключевой источник накоплений рассчитывать не придется. На первых порах ставка делалась на вывоз за границу таких товаров, как нефть, пушнина, лесоматериалы, текстиль, золото, руды, металлы [Как ломали ..., т. 4, с. 327—328; т. 5, с. 88].

Между тем на рубеже 1929—1930 годов И. В. Сталин сделал свой выбор, опубликовав 7 ноября 1929 года в газете «Правда» статью «Год великого перелома». Она содержала принципиальную установку на массовую коллективизацию. Были сфабрикованы проекты ускоренного индустриального скачка, выходившего за пределы первоначального замысла и подразумевавшего в том числе вовлечение подавляющего большинства сельчан

в коллективные хозяйства. Иллюзии относительно возможности легко получить зерно и валюту подпитывали партийные комитеты и советские СМИ. Судя по периодической печати и материалам пленумов ЦК ВКП(б), компартия тогда сильно запаниковала из-за придуманной ею самой «кулацкой» угрозы [Кип, 2009, с. 64].

Не вдаваясь в многочисленные перипетии хода сплошной коллективизации, напомним, что серьезный урон аграрной сфере был нанесен в январе — марте 1930 года. В небывалой спешке осуществлялись неоднократные разделы и переделы общинных земель на колхозные и единоличные части, к тому же началась путаница с разными методами землеобработки; серьезно сократилось поголовье сельскохозяйственных животных. Затем — после марта — власть опаматовалась и с ее вынужденной санкции крестьяне начали из колхозов выходить, требуя возвратить им землю. Инфраструктура сельского хозяйства оказалась полуразрушенной, крестьяне далеко не всегда понимали, где им сеять, можно ли пользоваться выгонами, лесами и водопоем [Фицпатрик, 2001, с. 124—125, 127]. К тому же антиколхозные выступления крестьян приобрели массовый характер, и — как отмечают некоторые историки — «в стране фактически началась гражданская война» [Ивницкий, 2009, с. 91; Доброноженко, 2007, с. 159].

Поскольку посевная кампания 1930 года находилась под угрозой, то власть принялась аккуратнее насаждать колхозы. Ограничились масштабы применения в селах грубого насилия, единоличников стали изматывать регулярным повышением налогов. Были упразднены в июле 1930 года постановлением ЦИК СССР оказывавшие сопротивление коллективизации сельские общины [История ..., 1959, с. 306—307]. При этом с неоправданной жестокостью проводились хлебозаготовки, ставшие одним из факторов подрыва производительных сил и вызвавшие многочисленные жертвы [Зима, 2006, с. 48; Хлевнюк, 2010, с. 119].

Историки начали обращать внимание на синергетический эффект взаимодействия по крайней мере двух детерминант массового голода. Доказано, что причиной миллионов голодных смертей выступало не только принудительное изъятие зерна у сельчан, но и существенное падение урожайности из-за утраты людьми стимулов к эффективному труду. С 2000-х годов ученые начали выявлять глубинные предпосылки трагедии в нежелании крестьян трудиться за нищенскую плату. На колхозы сельчане работали спустя рукава, проще говоря, саботировали [Современное ..., 2015, с. 658]. Обычными стали просевы, сознательное уменьшение норм выработки, хищения семян, незначительное отношение к рабочему скоту и сельхозинвентарю.

Тем не менее к 1937 году, признанному И. В. Сталиным первым годом построенного в СССР социализма, коллективизация, по словам историка

В. Н. Земскова, «практически завершилась с почти полным охватом сельского населения колхозно-совхозной системой» [Земсков, 2012, с. 113].

3.2. Коллективизация и проблема накоплений

Обратимся к толкованию изучаемой общественно-политической кампании как источника накоплений для индустриализации. Вот сопоставимые цифры, основанные в первую очередь на выкладках экономистов 1930-х годов Д. Д. Мишустина и С. Н. Бакулина, а также современного историка Ю. А. Васильева. Наибольшую выручку от продажи зерна в зарубежье удалось получить в 1930 году — 883 млн руб.; тогда же продажа только четырех товаров (нефтепродуктов, пиломатериалов, пушнины и хлопчатобумажных тканей) дала 1 млрд 971 млн руб. В 1931 году цифры эти выглядели так: 558 млн. и 1 млрд 452 млн. В последующие годы сельское хозяйство в СССР стремительно деградировало. В казну в 1932 годовом году поступило от экспорта хлебов 226 млн руб., а от указанных четырех видов продукции — 1 млрд 94 млн (одна пушнина дала в том году 185 млн). В 1933 году лишь вывоз пушнины позволил выручить средств больше, чем вывоз хлеба. В 1935 году было вывезено 0,9 % собранного зерна [Бакулин, 1940, с. 297; Мишустин, 1938, с. 101, 108; Васильев, 2006, с. 332]. Согласимся с мнением современных авторов, аргументирующих тезис о решающей роли неаграрных видов экспорта в создании накоплений [Осокина, 2009, с. 52, 79—80, 96; Соколов, 2005, с. 122—123, 127].

Встает вопрос: можно ли было упадок сельского хозяйства и окончательную утрату им экспортного потенциала компенсировать преимуществами его укрупнения и индустриализации? Прежде всего отметим, что такие преимущества (применение тракторов и проч.) уходят на второй план с учетом масштабов потерь. Историки пришли к выводу о том, что оказались погубленными десятки миллионов тонн зерна. Малокомпетентный, не обладавший достаточной материальной базой государственный аппарат не справился со сложнейшими задачами консолидации, сортировки, хранения, транспортировки увеличившихся в период коллективизации зерновых поступлений. Отсутствовала инфраструктура для единовременного приема огромных продовольственных запасов. Склады, элеваторы, транспорт, хлебозаготовительный аппарат (грузчики, возчики, учетчики, охранники) — ничто не было подготовлено в должной мере [Кондрашин, 2018, с. 96—97]. По свидетельству Е. В. Кодина, потери зерновых в 1931 году выразились огромной цифрой в 60 млн тонн [Кодин, 1998, с. 257]. По утверждению В. В. Кондрашина, в том году погибло 50 млн тонн хлеба, что составляло почти половину выращенного урожая [Кондрашин, 2008, с. 110—111].

Вот впечатляющий документ, обнаруженный нами в фонде петербургского архива и никогда ранее не публиковавшийся. 15 сентября 1933 года

секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Киров сообщал в ЦК партии секретарю Л. М. Кагановичу и в Совнарком председателю В. М. Молотову о том, что в Ленинград почти 40 % зерна (это 3700 вагонов) поступило в сыром виде; отмечалось, что оно превратилось в пути «в дефективное, непригодное на продовольственные цели» [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 1 б, д. 719, л. 31—33]. Кризис сельского хозяйства и деградация деревни никак не могут быть объяснены нуждами индустриализации страны. Примечательно, что даже бывший в 1930-е годы главой правительства В. М. Молотов, на протяжении всей своей жизни остававшийся неколебимым приверженцем И. В. Сталина, через полвека после описываемых событий признал ошибочность проведенного в деревнях социального эксперимента [Чуев, 1999, с. 456].

3.3. Кризис и пути выхода из него

Поскольку сплошная коллективизация не играла ключевой роли в обеспечении индустрии валютой (для закупки оборудования и технологий), то следует констатировать то, что не экономические, а идеологические доминанты в первую очередь определяли ее содержание. Тем более сильным было социальное потрясение, пережитое деревней. Предполагалось, что экспроприация крестьян и превращение их в рабочих с крохотными огородами устранил причины возрождения эксплуатации на селе, а организованное на уравнительных началах сельское хозяйство станет социалистическим. В деревнях муссировались слухи о том, что детей в коммунах-колхозах станут клеймить, а женщины будут общими [ЦГАИПД СПб, ф. Р-4000, оп. 18, д. 219, л. 20]. Материализовывался проект создания общества без религии, на что указывало сокращение на протяжении 1930-х годов почти в пять раз численности церквей в стране [Хоскинг, 2012, с. 160; Эпоха ..., 2017, с. 352]. Жестоко преследовались священнослужители; в частности, в докладной записке Боровичского окружкома ВКП(б) упоминалось о священнике, которого при выселении из села Кончанское под Боровичами на виду у прихожан тащили за волосы по площади [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 1 б, д. 108, л. 2]. Не случайно одним из требований недовольной деревни оказывалось возвращение служителей церкви [ЦГАИПД СПб, ф. Р-4000, оп. 18, д. 51, л. 7].

Изучается вопрос о движущих силах форсированной коллективизации. Она напоминали нашествие революционных городов на феодальную деревню. Наблюдение и контроль за сельскими тружениками осуществляли антикулацки настроенные посланцы индустриальных центров. Многочисленные начальники, прибывшие из городов, позволяли себе по собственному произволу арестовывать земледельцев и конфисковывать их имущество. Поэтому на селе царил правовой хаос [Хлевнюк, 2010, с. 38].

Между тем революционное, ригористическое воодушевление исчерпало себя. К середине 1930-х годов масса горожан-коммунистов, нагрянувших на село в связи с форсированной коллективизацией, возвратилась в города. Начальниками на селе (председателями и членами правлений колхозов, руководителями исполкомов сельсоветов, директорами предприятий районного значения) в большинстве случаев опять становились местные жители [Кондрашин, 2018, с. 283—284]. Многие из них фактически несли обязанности, которые в далеком прошлом исполняли управляющие помещичьими имениями и сельские старосты. Это важно подчеркнуть, ибо открывались возможности для сделки между сельчанами и новым руководством деревни, то есть стал возможен обмен ценностями и услугами между акторами деревенской реальности.

Наряду с этим не до конца ясно, каким образом обескровленное сельское хозяйство смогло выстоять. Думается, механизм преодоления острых кризисных явлений выработался в результате воздействия следующих факторов: во-первых, уступок верховной власти, умерившей свой идеологический ригоризм, во-вторых, активности крестьян в углублении полученных поблажек.

Сначала о первом пункте. Сталин и его окружение разрешили сельчанам сохранить «мелкособственнические» привычки и возродить элементы частного хозяйства. На ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) (1934 года), а потом на Втором съезде колхозников-ударников (февраль 1935 года) было позволено существенно расширить площадь личных приусадебных хозяйств (ЛПХ) колхозников. В зависимости от региона крестьянам разрешалось иметь от 0,25 до 0,5 га, а в отдельных районах до 1 га приусадебной земли, от одной до двух коров, неограниченное количество птицы; единоличникам — в отличие от колхозников — позволили иметь лошадей, и они взяли на себя функции обработки личных земельных участков. Важно, что разрешалась и продажа сельскими тружениками произведенной ими продукции на рынках. Частичное возрождение нэповских принципов трудовой мотивации иногда в литературе называют «неонэпом» [Зеленин, 1994, с. 118; Зеленин, 2006, с. 193—198].

Теперь о второй — более значимой — причине восстановления отдельных фрагментов сельского хозяйства. Колхозники сумели из уступки власти выжать максимум выгоды. О способах их приспособления к реальности узнаем из доклада ленинградского областного прокурора П. П. Пальгова секретарю обкома ВКП(б) А. С. Щербакову (ноябрь 1936 года). Оказывается, массовый характер приняло распределение по решению общих собраний колхозов пустующих общественных земель между земляками. Иногда председатели по своей воле сдавали пастбища в аренду односель-

чанам (чаще не за деньги, а «за вино») или даже продавали их. Прокурор докладывал: «В районах Ленинградской области были вскрыты массовые случаи распределения колхозных покосов среди колхозников для личных нужд» [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2 в, д. 1828, л. 148—149]. Речь шла о частичной деколлективизации. Из «спецзаписки», отправленной в 1936 году Лужским райкомом партии в Ленинградский обком ВКП(б), видно, что в Лужском районе площади отдельных усадеб доходили до полутора гектаров [ЦГАИПД СПб, ф. Р-1652, оп. 1, д. 1209, л. 4]. Фиксировались случаи, когда колхозы нанимали людей со стороны, а сами колхозники целиком посвящали себя труду в личных хозяйствах [Фицпатрик, 2001, с. 168—169].

Исследователь А. К. Соколов писал об изучаемом времени: «Занимая ничтожную часть земледельческих площадей и владея небольшой долей продуктивного скота, личное подсобное хозяйство поставляло почти половину сельскохозяйственной продукции в стране» [Соколов, 2008, с. 28]. Историк Л. Е. Файн приводил данные о том, что деревенские личные подсобные хозяйства давали от 50 до 72 % молока, мяса, шерсти, плодов; он писал о распространении их всего лишь на 2 % земельной площади [Файн, 2008, с. 93]. Здесь приведен официально зарегистрированный размер крестьянских земель, на самом деле — за счет сделки с местным начальством — они охватывали гораздо большую территорию; «подсобными» такие хозяйства можно называть с большой натяжкой, ибо они выступали реальными конкурентами колхозов. Процедуры адаптации крестьянами колхозных практик исследователь В. В. Бабашкин назвал «очень эффективными формами повседневного сопротивления общинной деревни политическим мероприятиям сверху». Более того, в деятельности ряда колхозов он усмотрел «возвращение к общинно-крестьянскому типу хозяйствования на земле» [Бабашкин, 2020, с. 241].

Тут мы встречаемся с проблемой. В. А. Ильиных не согласен с теми крестьяноведами (В. В. Бабашкиным и другими), которые, «не отрицая антикрестьянский характер аграрной политики советского государства в начале 1930-х годов, тем не менее полагают, что ее направленность кардинально изменилась к середине 1930-х», когда, «осознав угрозу существования их власти, деятели сталинского режима пошли на компромисс с крестьянством». Владимир Андреевич Ильиных справедливо возражает против вручения И. Сталину «лавров едва ли не главного сберегателя российского крестьянства» [Ильиных, 2021, С. 72, 73, 89].

В. Ильиных особо подчеркивает свою солидарность с одним из основателей отечественного крестьяноведения В. П. Даниловым в том, что история крестьянства всего рассматриваемого десятилетия представляла собой деревенскую трагедию [Ильиных, 2021, с. 89; Поляков, 1999, с. 13, 17, 34,

50, 52, 61]. Между тем, соглашаясь с этим общим выводом, мы все же не решаем вопрос о том, как действовал механизм преодоления катастрофического кризиса. Выход из историографической коллизии обнаруживается в обосновываемом автором этих строк положении о решающей роли самих сельских тружеников в максимальном расширении тех поблажек, на которые пошла власть. Не вождь, а сами крестьяне спасли себя и страну.

Сельчане возродили единоличную экономику, встречая противодействие начальства. В. А. Ильиных обратил внимание на проведение властями «широкомасштабных кампаний по ограничению размеров ЛПХ», заключавшихся «в изъятии у колхозников и других жителей деревни “излишков” скота и земли» [Ильиных, 2021, с. 84]. Таким образом, расширяя свое хозяйство, деревенские труженики вступали в перманентный конфликт с государственными органами.

Одновременно крестьянство оказалось под прессом изнурительной трудовой нагрузки. Тяжесть труда в сравнении со временем НЭПа решительно возросла, и за счет этого преодолевалось кризисное состояние аграрного производства. Большинству сельчан приходилось работать и на колхозных поле или ферме, и на приусадебных участках, а также выполнять дорожные, извозные и прочие повинности [Безнин, 2001, с. 6, 13, 15; Соколов, 2008, с. 30]. Труженики выматывались, деревня год за годом теряла силы.

3.4. Частичная деколлективизация и национальный конфликт

Автор остановится на частном сюжете, наглядно иллюстрирующем выдвинутый выше тезис о приспособлении сельчанами суровой реальности к своим интересам путем сделки с местным начальством. В нем приведены данные о возрождении выселенными финскими крестьянами свободного единоличного хозяйства на одной из крупных территорий отечественного Северо-Запада в конце 1930-х годов. Факты обнаружены в докладной записке из «особой папки» Ленинградского обкома ВКП(б), которая содержится в фонде ЦГАИПД СПб. Расскажем о них подробнее.

Вторая половина 1930-х годов стала временем, когда советское государство при переселении больших масс людей ставило на первое место не социально-классовый признак (например, принадлежность к кулакам), а этнический принцип. В частности, в указанные годы из Ленинградской области и Карелии переместили в восточные районы 5059 финских семей общей численностью 23217 чел. В том числе происходило постепенное выселение жителей Токсовского финского национального района Ленинградской области, что объяснялось его пограничным положением; при этом оставалась актуальной и антикулацкая направленность данной кампании, ибо финские деревни принадлежали к числу зажиточных [Земсков,

2018, с. 68]. В мае 1939 года административно-территориальную единицу вовсе упразднили с включением в состав Парголовского района. Между тем бывшие обитатели национальной территории чувствовали себя неууютно на новом месте — в Вологодской области. К тому же взаимоотношения местных жителей с ними оказались напряженными.

Отправленный из-под Токсово по железной дороге сельскохозяйственный инвентарь изгнанники получили в поврежденном состоянии; вдобавок уже после его прибытия на станцию многое было разворовано кореными жителями. Коровы, выданные вместо прежних животных, давали по два литра молока; удоиность на старом месте составляла 16 литров. В своих несчастьях финны обвинили не власти, а исключительно вологодских жителей, и — как писал направленный для урегулирования конфликта инструктор обкома партии — «финны перестали отвечать на приветствия русских». В то же время измученные тяготами колхозной жизни вологжане видели в переселенцах конкурентов. По словам партработника, они «проявляли великодержавный шовинизм» и заявляли: «Черт вас принес, и без вас трудно живется» [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2 а, д. 84. л. 9, 10, 15, 16, 23]. Сплошная коллективизация и переселенческая политика привели в действие механизм, обостривший межнациональные противоречия.

Переведенцы любой ценой стремились вернуться назад, и многим это удалось сделать. Получилось так, что освобожденным от населения оказался огромный по площади регион их прежнего обитания. В нем когда-то действовали 100 колхозов и располагалось 3000 крестьянских хозяйств. После передачи домов с надворными постройками Ленинградскому военному округу две трети из них увезли в Токсово для использования под дачи командиры РККА и работники Управления дорожного строительства НКВД. Около 1000 домов остались бесхозными [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2 а, д. 174, л. 18]. В результате возникла своего рода фронтирная зона, хозяйствующими субъектами в которой на первых порах оказались преимущественно лесозаготовительные участки. Тем временем выселенцы, добившись получения в колхозах по новому месту жительства справок о разрешении на отходничество, начали возвращаться на прежнее место жительства. С ведома местных организаций хозяйственного управления Ленинградского военного округа они заняли пустые строения, построили десятки новых изб и принялись возрождать сельское хозяйство. В отделении милиции Токсовского сельсовета их прописывали (сначала временно, а потом постоянно) наравне с рабочими-лесозаготовителями. Колхозов в этом фронтире не имелось, зато к 1940 году появилось 233 единоличных хозяйства, выплачивавших налог районному финансовому отделу исполкома Парголовского совета.

Свободной земли под Токсово было вдоволь, крестьяне трудились на себя, хозяйства процветали; в деревне Сергеевка, например, все 30 домовладений относились к зажиточным. Начальник переселенческого отдела Ленинградского областного совета Борисов 29 ноября 1940 года докладывал секретарю обкома партии Т. Ф. Штыкову: «В зоне спецназначения выращиваются настоящие кулаки». Для примера Борисов указал на жителя деревни Васкелово Е. В. Старцева, который «имеет лошадь, корову, овец и обложен, как единоличник, налогом в 1245 рублей» [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2 а, д. 174, л. 19, 30]. Кстати, Борисова тревожило то, что численность единоличников в «расселенном» районе оказалась в разы больше, чем официально считалось, ибо многие из них регистрировались как лесозаготовители. Он перечислял фамилии «лесных рабочих», обрабатывавших приусадебные участки от 0,5 до 1 га, при этом имевших посевы овса и картофеля. Борисов добавлял: «Сенокосные угодья скашиваются рабочими для личного скота и для продажи» [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2 а, д. 174, л. 20—21]. Чиновник сделал итоговый вывод: «Существовавшая ранее колхозная обработка земли начинает заменяться единоличной с явно спекулятивными тенденциями» [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2 а, д. 174, л. 21].

В январе 1941 года все эти документы попали на стол к секретарю Ленинградского обкома А. А. Жданову. Познакомившись с ними, он на записке Борисова оставил резолюцию: «Надо вздрючить». Бюро обкома постановило «ликвидировать создавшиеся единоличные хозяйства в отселенной зоне». Однако отделить преуспевающих единоличников от лесозаготовителей представлялось делом затруднительным, поэтому проблему отложили до 1942 года, когда предполагалось завершить рубку леса под Токсово. Вместе с рабочими изгнали бы и замаскировавшихся под них крестьян [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2 а, д. 174, л. 26, 27, 35].

4. Заключение = Conclusions

Ключевым социальным последствием социалистической реконструкции аграрного сектора выступила деформация той системы трудовой мотивации, которая сложилась исторически и основывалась на «симпрактическом» типе культуры крестьянства. Большевистским руководителям «мелкобуржуазный» и архаичный крестьянский уклад представлялся на исходе 1920-х годов изжившим себя. После возобладания в верхах левых тенденций и перехода к сплошной коллективизации аграрная экономика оказалась полуразрушенной. Вместе с тем дестабилизированное в начале 1930-х годов сельское хозяйство все же продолжило в следующие годы обеспечивать внутренний рынок минимальным количеством продовольствия.

В статье аргументируется положение о том, что причинами жизнестойкости сельской экономики стали отход власти от ригористических крайностей аграрной политики и — в первую очередь — максимальное расширение крестьянами рамок предоставленных им возможностей самостоятельного хозяйствования. Подсобное хозяйство оставалось той сферой экономики, в которой труженики деревни имели возможность реализовать личный материальный интерес, а также проявить свою органическую связанность с землей. Как было отмечено, даже высшие партийные чины не всегда располагали возможностями пресечения своеволия крестьян, явно нарушавших уставной алгоритм колхозного строительства.

В статье сделан акцент на двух этапах реконструкции аграрного сектора. До 1934 года целиком преобладала идеологическая доминанта радикального социалистического преобразования деревни, предполагавшая тотальную экспроприацию крестьянских хозяйств. Далее, на втором этапе партийная власть вынуждена была смириться с реальностью и пойти на уступки, предоставив сельским жителям льготы в отношении увеличения размеров подсобных хозяйств, а также позволив им торговать излишками продукции на рынках. В свою очередь сельчане, вступая в сделки с местными начальниками, сумели значительно превзойти уставные нормы площадей личных полей. Это и была частичная деколлективизация, существенно расширившаяся в период Великой Отечественной войны. Недаром в принципиально важном постановлении Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 года «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах» изображалась масштабная картина разрастания «приусадебных участков колхозников», осуществлявшегося с благословления правлений и председателей колхозов, руководителей сельсоветов и райсоветов [Решения ..., 1968, с. 336—341]. Вместе с тем соединение обобщественного и частного укладов, отчасти нивелировавшее кризисные крайности сплошной коллективизации, было связано с серьезным возрастанием трудовой нагрузки на крестьян.

В статье сделан акцент на проявлении в сфере межнациональных отношений феномена совмещения курса сплошной коллективизации и направлений переселенческой политики. Полностью сосредоточенные на собственном выживании колхозники нередко проявляли враждебность в отношении изгоев-переселенцев, в которых видели конкурентов. Приходится признать, что особую неприязнь с их стороны вызывали прибывавшие из дальних краев чужаки — представители других национальностей. Власть при этом занимала выгодную для нее позицию примирителя враждовавших сторон.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *История колхозного права* : сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. В 2 т. 1917—1936 гг. — Москва : Госюриздат, 1959. — Т. 1. — 518 с.
2. *Как ломали НЭП*. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928—1929 гг. : в 5 т. / Отв. ред. В. П. Данилов, О. В. Хлевнюк. — Москва : МФД, 2000. — Т. 4. — 767 с. ; Т. 5. — 703 с.
3. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам*. В 5 т. 1941—1952 гг. / Сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. — Москва : Политиздат, 1968. — Т. 3. — 754 с.
4. *Успенский Г. И.* Избранные произведения / Г. И. Успенский. — Москва : «Московский рабочий», 1949. — 599 с.
5. ЦГАИПД СПб — *Центральный* государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. Р-24 (Ленинградский областной комитет КПСС). Оп. 1 б. Д. 108. Л. 2 ; Ф. Р-24. Оп. 1 б. Д. 719. Л. 31—33 ; Ф. Р-24. Оп. 2 а. Д. 84. Л. 9, 10, 15, 16, 23 ; Д. 174. Л. 18—21, 26—27, 30, 35 ; Ф. Р-24. Оп. 2 в. Д. 1828. Л. 148—149 ; Ф. Р-1652 (Лужский районный комитет КПСС). Оп. 1. Д. 1209. Л. 4 ; Ф. Р-4000 (Ленинградский институт историко-политических исследований). Оп. 18. Д. 51. Л. 7 ; Ф. Р-4000. Оп. 18. Д. 219. Л. 20.
6. *Чуев Ф. И.* Молотов : полудержавный властелин / Ф. И. Чуев. — Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 1999. — 736 с. — ISBN 5-224-00482-9.

Литература

1. *Аллен Р. С.* От фермы к фабрике : новая интерпретация советской промышленной революции / Р. С. Аллен. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2013. — 390 с. — ISBN 978-5-8243-1810-4.
2. *Бабашкин В. В.* Социальные аспекты коллективизации крестьянского хозяйства в СССР в 1930-е гг. и «второй коллективизации» в 1950-е гг. / В. В. Бабашкин // *Социальный мир деревни Х—XXI вв. : земельные собственники/землевладельцы и земледельцы*. — Москва : ИРИ РАН, 2020. — С. 240—243. — ISBN 978-5-8055-0384-0.
3. *Бакулин С. Н.* Статистика внешней торговли / С. Н. Бакулин, Д. Д. Мишустин. — Москва : Международная книга, 1940. — 320 с.
4. *Безнин М. А.* Повинности российского крестьянства в 1930—1960-х годах / М. А. Безнин, Т. М. Димони, Л. В. Изюмова. — Вологда : Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 2001. — 141 с. — ISBN 5-93299-025-2.
5. *Васильев Ю. А.* Модернизация под красным флагом / Ю. А. Васильев. — Москва : Современные тетради, 2006. — 343 с. — ISBN 5-88289-301-1.
6. *Великанова О. В.* Крестьянский союз в 1920-е гг. и формирование крестьянской идентичности : модернизационный дискурс / О. В. Великанова // *Человек и личность в истории России, конец XIX—XX век : Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 7—10 июня 2010 года)*. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2013. — С. 293—310.
7. *Давыдов А. Ю.* Новая экономическая политика : власть, народ, хозяйство в послереволюционной России / А. Ю. Давыдов. — Санкт-Петербург : Евразия, 2021. — 320 с. — ISBN 978-5-8071-0517-2.

8. Давыдов А. Ю. «Социалистическая реконструкция» 1930-х годов : СССР идет к большой войне / А. Ю. Давыдов. — Санкт-Петербург : Евразия, 2023. — 384 с. — ISBN 978-5-8071-0591-2.

9. Данилов В. П. Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861—2001) / В. П. Данилов // Россия в XX веке. Реформы и революции. В 2 т. — Москва : Наука, 2002. — Т. 1. — С. 13—67. — ISBN 978-5-8243-0006-2.

10. Данилов В. П. Введение (истоки и начало деревенской трагедии) / В. П. Данилов // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927—1939. — Москва : РОССПЭН, 1999. — Т. 1 : Май 1927 — ноябрь 1929. — С. 13—67.

11. Доброноженко Г. Ф. Коми деревня в 30-е годы XX века : политические репрессии и раскулачивание / Г. Ф. Доброноженко. — Сыктывкар, изд. Сыктывкарского ун-та, 2007. — 324 с. — ISBN 978-5-87337-562-3.

12. Зеленин И. Е. Был ли колхозный «неонэп»? / И. Е. Зеленин // Отечественная история. — 1994. — № 2. — С. 105—121.

13. Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930—1939 : политика, осуществление, результаты / И. Е. Зеленин. — Москва : Наука, 2006. — 315 с. — ISBN 5-02-035087-7.

14. Земсков В. Н. Проблемы изучения и интерпретации коллективизации в сельском хозяйстве и создания колхозно-совхозной системы в СССР / В. Н. Земсков // Власть и общество в истории России. — Москва : АИРО-XXI, 2012. — С. 105—120.

15. Земсков В. Н. Сталинская эпоха. Экономика, репрессии, индустриализация. 1924—1954. / В. Н. Земсков. — Москва : Вече, 2018. — 304 с. — ISBN 978-5-4444-6437-3.

16. Зима В. Ф. Голод 1932—1933 годов в письмах трудящихся России / В. Ф. Зима // Отечественная история. — 2006. — № 2. — С. 47—55.

17. Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 годов в СССР : Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центральная-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал / Н. А. Ивницкий. — Москва : Собрание, 2009. — 288 с. — ISBN 978-5-9606-0076-7.

18. Ильиных В. А. Сибирская деревня в период коллективизации : микроистория (село Плотниково Новосибирского района Новосибирской области) / В. А. Ильиных // Крестьяноведение. — 2021. — Т. 6. — № 1. — С. 71—90.

19. Кип Д. Эпоха Иосифа Сталина в России : современная историография / Д. Кип, А. Литвин. — Москва : РОССПЭН, 2009. — 327 с. — ISBN 978-5-8243-1115-0.

20. Кордин Е. В. «Смоленский архив» и американская советология / Е. В. Кордин. — Смоленск : СГПУ, 1998. — 285 с. — ISBN 5-88018-092-1.

21. Кондрашин В. В. Голод 1932—1933 годов : трагедия российской деревни / В. В. Кондрашин. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 518 с. — ISBN 978-5-8243-0987-4.

22. Кондрашин В. В. Политотделы МТС в 1933—1934 гг. / В. В. Кондрашин, О. Б. Мозохин. — Москва : Алгоритм, 2018. — 304 с. — ISBN 978-5-906914-75-0.

23. Мишустин Д. Д. Внешняя торговля и индустриализация СССР / Д. Д. Мишустин. — Москва : Международная книга, 1938. — 223 с.

24. Осокина Е. А. Золото для индустриализации : Торгсин / Е. А. Осокина. — Москва : РОССПЭН, 2009. — 589 с. — ISBN 978-5-8243-1110-5.

25. Романов В. Н. Историческое развитие культуры : Проблемы типологии / В. Н. Романов. — Москва : Наука, 1991. — 190 с. — ISBN 5-02-017238-3.

26. Северьянов М. Д. Революция как историческое явление / М. Д. Северьянов, Л. Ю. Анисимова. — Красноярск : СФУ, 2018. — 322 с. — ISBN 978-5-7638-3786-5.

27. *Современное* крестьяноведение и аграрная история в XX веке / Сб. ст. под ред. В. В. Бабашкина. — Москва : Политическая энциклопедия, 2015. — 742 с. — ISBN 978-5-8243-1989-7.

28. Соколов А. К. Принуждение к труду в советской экономике : 1930-е — середина 1950-х гг. / А. К. Соколов // ГУЛАГ : экономика принудительного труда. — Москва : РОССПЭН, 2008. — С. 17—66.

29. Соколов А. К. Советский «Нефтесиндикат» на внутреннем и международном рынках в 1920 е гг. / А. К. Соколов // Экономическая история. Обзорение. — Москва : Изд-во МГУ, 2005. — С. 101—131.

30. Файн Л. Е. Проблемы «строительства социализма в СССР» в историографии постсоветского периода (1991—2007 гг.) / Л. Е. Файн. — Москва : Изд-во ГПИИБ, 2008. — 159 с.

31. Филиппов Б. А. Путеводитель по истории России 1917—1991 / Б. А. Филиппов. — Москва : Изд-во ПСТГУ, 2013. — 686 с. — ISBN 978-5-7429-0579-0.

32. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы : деревня / Ш. Фицпатрик. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 422 с. — ISBN 978-5-8243-1012-2.

33. Хоскинг Д. Правители и жертвы : русские в Советском Союзе / Д. Хоскинг. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — 543 с. — ISBN 978-5-86793-978-6.

34. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О. В. Хлевнюк. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 478 с. — ISBN 978-5-8243-1314-7.

35. Эпоха социалистической реконструкции : идеи, мифы и программы социальных преобразований / Сб. научн. тр. под ред. О. В. Горбачева. — Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2017. — 752 с. — ISBN 978-5-7996-2273-2.

*Статья поступила в редакцию 08.10.2023,
одобрена после рецензирования 12.12.2023,
подготовлена к публикации 23.01.2024.*

Material resources

Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg. F. R-24 (Leningrad Regional Committee of the CPSU). (In Russ.).

Chuev, F. I. (1999). *Molotov: the semi-sovereign ruler*. Moscow: OLMA PRESS. 736 p. ISBN 5-224-00482-9. (In Russ.).

Decisions of the party and the government on economic issues. In 5 volumes, 3. 1941—1952. (1968). Moscow: Politizdat. 754 p. (In Russ.).

How the NEP was broken. Transcripts of the plenums of the Central Committee of the CPSU(b) 1928—1929: in 5 volumes, 4, 5. (2000). Moscow: MFD. 767 p.; 703 p. (In Russ.).

The history of collective farm law: a collection of legislative materials of the USSR and the RSFSR. In 2 volumes, 1. 1917—1936. (1959). Moscow: Gosyurizdat. 518 p. (In Russ.).

Uspensky, G. I. (1949). *Selected works*. Moscow: Moskovsky Rabochy. 599 p. (In Russ.).

References

Allen, R. S. (2013). *From farm to factory: a new interpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. 390 p. ISBN 978-5-8243-1810-4. (In Russ.).

Babashkin, V. V. (2020). Social aspects of collectivization of peasant farming in the USSR in the 1930s and the “second collectivization” in the 1950s. In: *The social world*

- of the village of the X—XXI centuries: landowners/landowners and farmers.* Moscow: IRI RAS. 240—243. ISBN 978-5-8055-0384-0. (In Russ.).
- Bakulin, S. N., Mishustin, D. D. (1940). *Statistics of foreign trade.* Moscow: International Book. 320 p. (In Russ.).
- Beznin, M. A., Dimoni, T. M., Izyumova, L. V. (2001). *The duties of the Russian peasantry in the 1930s—1960s.* Vologda: Vologda Scientific Coordination Center of the Central Research Institute of the Russian Academy of sciences. 141 p. ISBN 5-93299-025-2. (In Russ.).
- Danilov, V. P. (2002). Agrarian reforms and agrarian revolutions in Russia (1861—2001). In: *Russia in the XX century. Reforms and revolutions. In 2 volumes, 1.* Moscow: Nauka. 13—67. ISBN 5-8243-0006-2. (In Russ.).
- Danilov, V. P. (1999). Introduction (the origins and the beginning of the village tragedy). In: *The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. Documents and materials in 5 volumes. 1927—1939. Vol. 1: May 1927 — November 1929.* Moscow: ROSSPEN. 13—67. (In Russ.).
- Davydov, A. Y. (2023). *“Socialist reconstruction” of the 1930s: the USSR is heading for a big war.* St. Petersburg: Eurasia. 384 p. ISBN 978-5-8071-0591-2. (In Russ.).
- Davydov, A. Yu. (2021). *New economic policy: power, people, economy in post—revolutionary Russia.* St. Petersburg: Eurasia. 320 p. ISBN 978-5-8071-0517-2. (In Russ.).
- Dobronozhenko, G. F. (2007). *Komi village in the 30s of the XX century: political repression and dispossession.* Syktyvkar: ed. Syktyvkar University. 324 p. ISBN 978-5-87337-562-3. (In Russ.).
- Filippov, B. A. (2013). *A guide to the history of Russia 1917—1991.* Moscow: Publishing House of St. Petersburg State University. 686 p. ISBN 978-5-7429-0579-0. (In Russ.).
- Fine, L. E. (2008). *The problems of “building socialism in the USSR” in the historiography of the post-Soviet period (1991—2007).* Moscow: Publishing House of GPIB. 159 p. (In Russ.).
- Fitzpatrick, Sh. (2001). *Stalin’s peasants. The Social History of Soviet Russia in the 30s: the village.* Moscow: ROSSPEN. 422 p. ISBN 978-5-8243-1012-2. (In Russ.).
- Hosking, D. (2012). *Rulers and victims: Russians in the Soviet Union.* Moscow: New Literary Review. 543 p. ISBN 978-5-86793-978-6. (In Russ.).
- Ilyinykh, V. A. (2021). Siberian village during collectivization: microhistory (Plotnikovo village of the Novosibirsk district of the Novosibirsk region). *Krestyanovedenie*, 6 (1): 71—90. (In Russ.).
- Ivnitsky, N. A. (2009). *The famine of 1932—1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, the North Caucasus, the Volga region, the Central Chernozem region, Western Siberia, the Urals.* Moscow: Sobranie. 288 p. ISBN 978-5-9606-0076-7. (In Russ.).
- Khlevnyuk, O. V. (2010). *Host. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship.* Moscow: ROSSPEN. 478 p. ISBN 978-5-8243-1314-7. (In Russ.).
- Kip, D. (2009). *The Era of Joseph Stalin in Russia: modern historiography.* Moscow: ROSSPAN. 327 p. ISBN 978-5-8243-1115-0. (In Russ.).
- Kodin, E. V. (1998). *“Smolensk Archive” and American Sovietology.* Smolensk: SSPU. 285 p. ISBN 5-88018-092-1. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V., Mozokhin, O. B. (2018). *Political departments of MTS in 1933—1934.* Moscow: Algorithm. 304 p. ISBN 978-5-906914-75-0. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. (2008). *The Famine of 1932—1933: the tragedy of the Russian village.* Moscow: ROSSPEN. 518 p. ISBN 978-5-8243-0987-4. (In Russ.).

- Mishustin, D. D. (1938). *Foreign trade and industrialization of the USSR*. Moscow: International Book. 223 p. (In Russ.).
- Modern peasant studies and agrarian history in the twentieth century*. (2015). Moscow: Political Encyclopedia. 742 p. ISBN 978-5-8243-1989-7. (In Russ.).
- Osokina, E. A. (2009). *Gold for industrialization: Torgsin*. Moscow: ROSSPEN. 589 p. ISBN 978-5-8243-1110-5. (In Russ.).
- Romanov, V. N. (1991). *Historical development of culture: Problems of typology*. Moscow: Nauka. 190 p. ISBN 5-02-017238-3. (In Russ.).
- Severyanov, M. D., Anisimova, L. Yu. (2018). *Revolution as a historical phenomenon*. Krasnoyarsk: SFU. 322 p. ISBN 978-5-7638-3786-5. (In Russ.).
- Sokolov, A. K. (2008). Forced labor in the Soviet economy: 1930s — mid—1950s. In: *GULAG: economics of forced labor*. Moscow: ROSSPEN. 17—66. (In Russ.).
- Sokolov, A. K. (2005). The Soviet “Neftesindicat” on the domestic and international markets in the 1920s. In: *Economic history. Review*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 101—131. (In Russ.).
- The era of socialist reconstruction: ideas, myths and programs of social transformations*. (2017). Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University. 752 p. ISBN 978-5-7996-2273-2. (In Russ.).
- Vasiliev, Yu. A. (2006). *Modernization under the red flag*. Moscow: Modern Notebooks. 343 p. ISBN 5-88289-301-1. (In Russ.).
- Velikanova, O. V. (2013). The Peasant Union in the 1920s and the formation of peasant identity: a modernization discourse. In: *Man and personality in the history of Russia, the end of the XIX—XX century: Proceedings of the International Colloquium (St. Petersburg, June 7—10, 2010)*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 293—310. (In Russ.).
- Winter, V. F. (2006). The famine of 1932—1933 in the letters of the workers of Russia. *Russian history*, 2: 47—55. (In Russ.).
- Zelenin, I. E. (2006). *Stalin’s “revolution from above” after the “great turning point”. 1930—1939: policy, implementation, results*. Moscow: Nauka. 315 p. ISBN 5-02-035087-7. (In Russ.).
- Zelenin, I. E. (1994). Was there a collective farm “neonep”? *Russian history*, 2: 105—121. (In Russ.).
- Zemskov, V. N. (2012). Problems of studying and interpreting collectivization in agriculture and the creation of a collective farm-state farm system in the USSR. In: *Power and society in the history of Russia*. Moscow: AIRO-XXI. 105—120. (In Russ.).
- Zemskov, V. N. (2018). *The Stalin era. Economy, repression, industrialization. 1924—1954*. Moscow: Veche. 304 p. ISBN 978-5-4444-6437-3. (In Russ.).

*The article was submitted 08.10.2023;
approved after reviewing 12.12.2023;
accepted for publication 23.01.2024.*

Информация для цитирования:

Демичева Т. М. Британский колонизатор на страницах газеты «Le Petit Journal» / Т. М. Демичева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 316—331. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-316-331.

Demicheva, T. M. (2024). A British Colonizer in Pages of 'Le Petit Journal' Newspaper. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 316-331. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-316-331. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-316-331

Британский колонизатор на страницах газеты «Le Petit Journal»

Демичева Таисия Максимовна
orcid.org/0000-0002-1463-7489
кандидат исторических наук,
научный сотрудник
научно-исследовательской лаборатории
«Центр комплексного изучения
проблем региональной безопасности»
demicheva_taja@mail.ru

Псковский
государственный университет
(Псков, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
за счет гранта Российского научного
фонда № 23-28-01269,
<https://rscf.ru/project/23-28-01269/>

A British Colonizer in Pages of 'Le Petit Journal' Newspaper

Taisiya M. Demicheva
orcid.org/0000-0002-1463-7489
PhD of History, research scientist,
Research Laboratory
“Center for Complex Studies
of Regional Security Issues”
demicheva_taja@mail.ru

Pskov State University
(Pskov, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-01269
<https://rscf.ru/project/23-28-01269/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению образа «Другого» колонизатора, британца, соперника Франции в колониальной гонке. Используется методология, предложенная Эдвардом Саидом. Впервые в истории изучения колониальных империй исследование построено на конструировании и анализе образа соперника в колониальной экспансии на материалах французской прессы. Материалом для исследования послужила одна из самых популярных газет Третьей республики последней трети XIX века «Le Petit Journal». Рассмотрены заметки, посвященные британскому присутствию в Индии, англо-египетской войне 1882 года, Фашодскому кризису, англо-бурским войнам, «Большой игре», влиянию в Китае и др. Проанализированы концепты, из которых для Франции складывался образ «Другого» колонизатора. В статье описаны понятия «эксплуатация» и «жестокость колонизации», образ «благородного дикаря», оппозиция «цивилизация — варварство», субъектность, а также личные качества «Другого» колонизатора, такие как неприятие прав человека и частной собственности британцами, — составлявшие конструкт «Другого» колонизатора. Сделан вывод, что создание образа «Другого» колонизатора способствовало продвижению идей собственной для Франции колонизации.

Ключевые слова:

британский колонизатор; французская пресса; Третья республика; образ *Другого*; Британская колониальная империя; Французская колониальная империя.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the study of the image of the “Other” colonizer, the British, who were rivals of France in the colonial race. The methodology proposed by Edward Said is used. For the first time in the history of the study of colonial empires, research is based on the construction and analysis of the image of the rival in colonial expansion, based on materials from the French press. One of the most popular newspapers of the Third Republic of the late 19th century, “Le Petit Journal”, served as material for the study. Notes devoted to British presence in India, the Anglo-Egyptian War of 1882, the Fashoda Crisis, the Anglo-Boer Wars, the “Great Game”, influence in China, and others are considered. The concepts that formed the image of the “Other” colonizer for France are analyzed. The article describes the notions of “exploitation” and “cruelty of colonization”, the image of the “noble savage”, opposition “civilization — barbarism”, subjectivity, as well as personal qualities of the “Other” colonizer, such as British rejection of human rights and private property, which formed the construct of the “Other” colonizer. In conclusion, it is concluded that creating this image of the “Other” colonizer contributed to promoting France’s own ideas of colonization.

Key words:

British colonizer; French press; Third Republic; image of the *Other*; British colonial empire; French colonial empire.

Британский колонизатор на страницах газеты «Le Petit Journal»

© Демичева Т. М., 2024

1. Введение = Introduction

Анализ колониальной проблематики часто связан с рассмотрением образа «Другого», который, как правило, представлялся варваром, туземцем, то есть человеком, находившимся на более низкой ступени развития, нежели европеец. Согласно методологии, предложенной Эдвардом Саидом [Said, 1978] и использованной позднее Ларри Вульфом [Wolff, 1994], Дипеш Чакрабартти [Chakrabarty, 2000] и другими исследователями, образ «Другого» путем противопоставления помогал европейцу познать и сконструировать себя. Однако здесь закономерно встает вопрос о применимости данной методологии к равным акторам, существовавшим в едином коммуникативном пространстве, например двум колонизаторам. В связи с этим в данном исследовании мы проанализируем образ «Другого» колонизатора и попытаемся ответить на поставленный вопрос.

Для решения задачи исследования возможно привлечение разного вида источников: документов официальных институций, материалов периодических изданий, произведений художественной литературы, каталогов колониальных выставок и др. Каждый ресурс имеет свои характерные черты и присущие только ему особенности, анализ совокупности которых позволит наиболее полно представить образ «Другого» колонизатора. При этом можно выделить их общую черту, а именно: если исключить из этого списка актовые источники, то остальные перечисленные материалы были призваны формировать общественное мнение о «Другом» колонизаторе и в большей степени являлись инструментом пропаганды.

В связи с последним замечанием можно выделить исследования, посвященные феномену общественного мнения в рамках франко-британского колониального противостояния, а также роли прессы как инструмента пропаганды. Так, Рашель Арье в своей работе [Arié, 1954] касалась проблем обострения англо-французской борьбы в 90-е годы XIX века на примере Фашодского кризиса. Ее статья посвящена изучению реакции французской общественности между 1896 и 1898 годами на феномен англо-фран-

цузского колониального соперничества. Исследование было построено на материалах периодической печати, которая активно развивалась при Третьей республике. Сильной стороной данной статьи была ее объективность, поскольку автор обращался к материалам газет как консервативного, так и республиканского характера федерального значения, а также опирался на публикации ряда провинциальных изданий. Рашель Арье делала акцент на разной трактовке газетами Фашодского кризиса. Однако ее исследование скорее представляло перечисление цитат из прессы, где были упомянуты события данного кризиса, при этом сам анализ нарратива газет практически отсутствовал.

Роль печатных изданий в деятельности колониального лобби Франции в годы Третьей республики рассматривала Жюли Д'Андюрен [D'Andurain, 2017]. Она полагала, что монополия Британии в части передачи информации способствовала реорганизации колониальной прессы во Франции. Проблематика ее исследования заключалась в том, что, несмотря на огромное количество различных обществ, выпускаемая ими литература часто носила научный и научно-популярный характер. В статье сделан акцент на том, что тогда появилась необходимость в создании колониальной неминистерской прессы, чем и стали бюллетени различных колониальных комитетов, которые, как правило, издавались для решения конкретных вопросов англо-французского соперничества. Подобные информационные ресурсы появлялись и существовали лишь короткое время.

В отечественных исследованиях преимущественно можно наблюдать акцент на образе колонизатора, который продолжает рассматриваться как актер, активный субъект на международной арене. Так, отечественных исследователей в данном контексте волнуют такие вопросы, как последствия завоевания Конго бельгийскими колонизаторами [Сидорова, 2012], причины поражения индийских властей в борьбе с колонизаторами в лице Британской Ост-Индской компании [Базылева, 2016]. Кроме того, популярны исследования в духе деколониальной критики [Африка..., 2023].

Пожалуй, чуть иной ракурс можно найти в исследовании Элизабет Бюттнер, опубликованном в российском журнале «Ab Imperio» [Бюттнер, 2008]. В нем фокус сместился на частную жизнь семей колонизаторов в Британской Индии как одно из проявлений колониализма.

Таким образом, мы наблюдаем отсутствие как в отечественной, так и во французской историографии исследований, посвященных непосредственно конструированию в прессе образа «Другого» колонизатора. Единственным известным нам примером анализа образа британца-колонизатора, правда, на материале художественной литературы, можно назвать недавно вышедшее исследование Л. В. Антоновой [Антонова, 2023]. В нем

рассмотрен вопрос конструирования образа британца-колонизатора во французской художественной литературе.

Цель настоящего исследования — изучить особенности репрезентации образа британца-колонизатора на страницах французской прессы федерального значения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данной статье мы сконцентрируем внимание на французской прессе последней трети XIX века, — времени, когда периодические издания становились мощным инструментом влияния на общественное мнение (стоит вспомнить «Дело Дрейфуса»), с одной стороны, а с другой — периода, когда европейские державы находились на пике колониальной экспансии, а конфронтация между Францией и Великобританией носила острый характер.

Прессу использовало как колониальное, так и антиколониальное лобби. Нередко политики становились публицистами, а колониальные комитеты имели свои печатные издания. Ввиду слабости министерства по делам колоний, созданного в 1894 году, которое конкурировало за реализацию полномочий с другими министерствами: иностранных дел, военно-морским, внутренних дел, — его периодические издания очень плохо распространялись и читались [D'andurain, 2017]. Как правило, подобного рода источники содержали только административные или коммерческие сообщения, а также краткие колониальные новости и поэтому незначительно влияли на общественное мнение.

Одной из четырех крупнейших газет Третьей республики до Первой мировой войны наравне с «Le Petit Parisien», «Le Matin», «Le Journal» была «Le Petit journal». Это ежедневная газета, пик популярности которой пришелся на 1890-е годы, — время расцвета Третьей республики и наивысшего развития колониальной экспансии. Так, в 1895 году тираж насчитывал 2 миллиона, при этом 80 % тиража уходило в провинцию [Chupin et al., 2009, p. 43]. В начале XX века начался закат издания. По характеру газета являлась республиканской, умеренно консервативной. Ввиду особенностей данного источника мы считаем целесообразным ограничить изучение его материалов хронологическими рамками последней трети XIX века.

Газета «Le Petit journal» важна для понимания механизмов формирования общественного мнения во Франции в период расцвета ее колониальной экспансии. В издании можно найти как заметки и статьи, посвященные конкретным событиям, в которых сталкивались интересы Франции и Великобритании, так и аналитические материалы, связанные с осмыслением опыта своего колониального соперника и содержащие отсылки к историческим примерам. Так, в 1874 году на страницах газеты мы находим ин-

формацию, что был пойман один из лидеров восстания сипаев, Нана-Сахиб, исчезнувший во время восстания, после осады Канпура в 1857 году [Grimm, 1874, p. 1]. В 1884 году была опубликована история о передаче в 1841 году Гонконга Британии [Grimm, 1884, p. 1].

При просмотре газеты «Le Petit Journal» можно найти упоминание таких тем, связанных с колониальным соперничеством, как британское присутствие в Индии, англо-египетская война 1882 года, Фашодский кризис, англо-бурские войны, «Большая игра», конкуренция за влияние в Китае и др.

При конструировании нарратива вокруг британца-колонизатора французская пресса оперировала такими понятиями, как «эксплуатация» и «жесткость колонизации», «цивилизация — варварство», «субъектность», создавала образ туземного жителя, а также обращалась к личным качествам «Другого» колонизатора-британца, отмечая среди них неприятие прав человека и частной собственности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Нарратив о британце-колонизаторе во французской прессе

Тома Гримм, один из наиболее часто встречаемых авторов статей в «Le Petit Journal», посвященных колониальной тематике, обращался к тезисам о жестокости колонизации в духе нарратива эпохи Просвещения, который, например, имел место в знаменитой «Истории обеих Индий» аббата Рейналя [Демичева, 2022].

В его публикациях популярны были тезисы о том, что британцы эксплуатировали огромные территории, а индусы мужественно оказывали им сопротивление. В «Le Petit journal» отмечалась непонятная ненависть, которую британцы испытывали по отношению к Нана-Сахибу. Британские колонизаторы представляли перед читателем чрезвычайно жестокими ввиду их требования смерти Нана-Сахиба. Для демонстрации жесткости этой колонизации французская пресса оперировала тезисами, согласно которым британцы постоянно ввали всему цивилизованному сообществу, будто индусы являются народом, привычным к голоду, хотя в действительности туземцы из-за него очень страдали. Периодически британские колонизаторы представляли в образе мясников [Grimm, 1874, p. 1], особенно при освещении осады Канпура. Изображение суровости британских колонизаторов не ограничивалось описанием их присутствия в Индии. Сведения, излагаемые на страницах журнала, о жестокости британцев и их жажде крови содержали информацию об убийстве женщин и детей и ужасе, который они сеяли вокруг себя, в том числе во время англо-бурских войн, незаконного захвата Суэца, присутствия в Китае и ряда других событий.

Мы можем наблюдать, как при помощи «Le Petit journal» образ британца-колонизатора превращался в образ варвара-мясника. Наиболее ярко описан феномен британского варварства в контексте сипайского восстания и его исторического осмысления. Подобный тезис призван был заставить читателей думать в духе локковской философии о том, что индусы имели право на восстание из-за жестокости проводимой британцами политики. Таким образом, осмысление сипайского восстания и подобных ему событий служило обоснованием идеи о том, что французам позволительно унижать британцев-колонизаторов.

Для понимания образа колонизатора-соперника, созданного во французской прессе, для нас также было важно сконструировать образ туземца, который появлялся в связке с «Другим» колонизатором как его антагонист. В газете указывалось, что британцы рассматривали коренных жителей в своих индийских владениях исключительно как животных. Французы, в свою очередь, стремились показать жалкое существование индусов под властью британцев. При этом «Le Petit Journal» в сострадательной стилистике показывал читателю индусов в духе «благородных дикарей», как мягких, беззащитных людей, которые были несчастны и умирали от голода [Ibid.]. Именно прием контраста существования двух антиподов — завоевателей-британцев и страдающих индусов — в итоге позволял сконструировать одиозный образ жесткого британца-колонизатора.

Другой характеристикой, которую использовала французская пресса для описания туземных народов, стала неопытность, например, китайцев при передаче Гонконга Великобритании в 1841 году [Grimm, 1884, р. 1] или египтян, благодаря чему стал возможен захват территории во время англо-египетской войны 1882 года. Здесь прослеживается тенденция эпохи Просвещения в изображении туземного населения как детей с присущими им свойствами мягкости и неопытности [Демичева, 2021, с. 193—205].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о конструировании Францией образа британца-варвара, колонизатора-варвара, противопоставленного образу страдающего народа в британских колониях. Кроме того, в европейском дискурсе варварству, как правило, противопоставлялась цивилизация, варварство мыслилось в связке с цивилизационным превосходством. В целом французы на страницах газеты любили апеллировать к цивилизованности: «Однажды весь цивилизованный мир спросит себя, как так получилось, что индусы умирали от голода» [Grimm, 1874, р. 1]. Напомним, что в это же время Французская республика благодаря усилиям Жюлья Ферри переживала всплеск колониальной экспансии. Французы, сами будучи колонизаторами, задавались при этом вопросом, являлась ли

нормой эксплуатация Британией 100 миллионов подданных в XIX веке. В «Le Petit Journal» это было названо «рабовладением».

Интересен тезис, согласно которому Франция, сохрани она власть в Индии, знала, как управлять коренным населением, в отличие от Великобритании. Автор статьи уверял, что Франция не допустила бы огрубления народа и ограбления вождей [Ibid.]. Кроме того, важным условием мира и сосуществования двух цивилизаций виделось уважение религиозных взглядов местных жителей.

При упоминании англо-египетской войны французские авторы подчеркивали, что многие жители Суэца эмигрировали, так как не хотели находиться в подчинении у британцев [En Egypte, 1882, p. 1]. Схожий тезис можно найти и в ситуации занятия британцами Маврикия в 1810 году. Франция в прессе стремилась показать, что британское доминирование в случае с Маврикием не всегда было полным. Жители острова сохраняли свою французскую идентичность (язык, законы, приверженность католицизму и пр.), несмотря на попытки Великобритании ее ликвидировать. Иными словами, в прессе распространялась идея о том, что опыт французской колонизации был более глубоким и действенным, нежели опыт соперников в этой сфере. Отмечалось, что сами островитяне не желали быть связанными с британскими колонизаторами, служить в их ведомствах. Указывалось, что практически все гражданские и военные здания на острове были возведены французами, а не британцами [Grimm, 1897, p. 1]. По сути, это являлось очередной попыткой подчеркнуть преимущества французской колонизации по сравнению с британской.

В целом надо понимать, что захват Суэца Великобританией в 1882 году был одной из самых больших тем французского общества, которую активно обсуждали в прессе. В связи с этим Ф. Т. Коновалова отмечала важность египетской катастрофы для Франции, которая послужила спусковым механизмом для французского колониализма [Коновалова, 1987, с. 81]. Франции необходимо было взять реванш, что привело к завоеванию Туниса, Индокитая и Мадагаскара. Для нас важен тезис «Le Petit Journal», согласно которому если Европа поддержит захват Суэца, то это будет означать, что весь мир в конечном итоге вернется в варварское состояние. Признаком данного варварства являлось признание силы как единственно уважаемого способа достижения цели [L'action décisive, 1882, p. 1].

Между тем варвары-британцы, согласно информации «Le Petit Journal», сами активно оперировали понятием о цивилизованности: каждый раз, когда британцы заполучали кусок земли, они рассказывали о цивилизации и гуманности [Judet, 1896b, p. 1].

В ходе создания на страницах газеты образа «Другого» колонизатора возникал еще один важный вопрос: насколько туземные народы, с которыми вступали в контакт колонизаторы-британцы, были субъектны? По версии французской прессы, ни египтяне, ни индусы, ни маврикийцы, ни китайцы, не обладали данным качеством. Египет — это объект. Египет в 1882 году показан в руинах, без права голоса [*L'heure est solennelle*, 1882, р. 1]. Так, когда британцы оккупировали все средства связи и бюро Суэцкой компании, про египтян в газете не написали ни слова.

Египет воспринимался как собственность, что было характерно и когда шла речь о передаче Гонконга во владение британской короны. Впрочем, персидский шах также не был субъектен в рамках «Большой игры», поскольку не был способен самостоятельно принимать финансовые решения и планировать бюджет [Judet, 1900, р. 1]. Соответственно, отсутствие субъектности у туземных народов позволяло Франции создать яркую картину несанкционированного присутствия британцев на территории других государств. Отсюда следовал вывод, что британцы не уважали законов, в том числе права частной собственности.

3.2. Личные качества британца как «Другого» колонизатора

На страницах исследуемой нами периодики можно проследить репрезентацию личных качеств «Другого» колонизатора, без которых было бы нелепо конструирование данного образа.

В первую очередь подчеркивалось, что британцы позиционировали себя как великий народ. В заметке от 26 августа 1881 года тезис о британском превосходстве подвергался сомнению. По мнению автора газетной заметки, великим народом британцы не являлись, данное положение скорее было применимо к ним в 1860 году [Grimm, 1881, р. 1]. Согласно материалам прессы, британцы из всего стремились извлекать преимущества и жить, как если бы по-прежнему был 1860 год. Более того, «*Le Petit Journal*» иллюстрировала, как британцы всегда лучше французов умели извлекать для себя выгоду. Анализируя англо-французские прения по поводу заключения торгового договора 1860 года, мы видим, что именно жители Туманного Альбиона делали французам одолжение, заключая с ними данный договор [Ibid.]. Таким образом, речь шла о гордыне и чувстве собственного превосходства, которые приписывались в прессе британцу-колонизатору.

Другое важное качество — это вероломство. На страницах газеты оно отмечалось в случаях, когда Великобритания использовала каждую ошибку Франции и французов в своих целях, постоянно толкала Европу действовать против Франции и стремилась держать французов за простаков.

Такой пример описывался в статье «Правда об англичанах», посвященной англо-русскому конфликту в Средней Азии [Grimm, 1885, р. 1]. Автору

статьи Тома Гримму казалось необходимым перейти к характеристике одного из акторов данной игры — Великобритании — и рассмотреть его действия в исторической перспективе. В его изложении в начале правления Людовика XV Франция была колониальной империей, равной британской. Причины крушения данной империи следовало искать в подкупленной золотом британцев мадам Помпадур, из-за которой Франция потеряла свое могущество. Козни соперников продолжались в годы Французской революции. Они заключались в разрушении военно-морского флота Франции и в выпуске фальшивых денег. Позднее, в 1830 году, Великобритания выступала против завоевания Францией Алжира. Интересно утверждение, что люди, которых Франция, будучи союзником Великобритании, потеряла в Крымской войне, а также в опиумных войнах, были потеряны исключительно в угоду интересам Великобритании.

Таким образом, в газете публиковались материалы, которые показывали, как на протяжении всей истории британцам были свойственны подлость и вероломство и как они, по крайней мере, последние сто лет пытались любыми способами навредить Франции и использовать ее в своих интересах [Grimm, 1881, p. 1].

Качество, без которого было бы невозможно создание образа колонизатора-соперника, — это меркантильность и жажда наживы. Особенно ярко они проявились в англо-бурских войнах, когда британцы стремились монополизировать добычу золота на местных рудниках. Газета характеризовала их как циников и людей с неутолимым аппетитом, желавших лишь богатства [Grimm, 1899, p. 1].

Обман и ложь также присутствовали в нарративе о «Другом» колонизаторе. В первую очередь, это касалось того, что британцы оперировали тезисами, как они несут грубым людям дары цивилизации, разумеется, британской, в ответ на обвинения в жажде наживы. С точки зрения дискурса «Le Petit Journal», такое поведение являлось лицемерием.

Пожалуй, одним из самых важных черт поведения, характеризовавших «Другого» колонизатора, было неуважение к правам человека и частной собственности. При анализе во французской прессе событий англо-египетской войны 1882 года особый акцент был поставлен на обвинении британцев в презрении к европейским ценностям и правам человека. Так, наиболее яркое обращение к одному из важнейших прав государства эпохи модерна — праву частной собственности — было представлено в контексте англо-египетской войны 1882 года. Обвинение на страницах газеты строилось на том, что британцы посягнули на это священное право, поскольку Суэцкий канал являлся частной собственностью, которую незаконно захватила Великобритания. Кроме того, имела место апелляция

к цивилизационным ценностям, поскольку когда отсутствовало уважение прав человека, то логичным следствием являлась деградация: цивилизация скатывалась в варварство. Варварство, по мнению французской стороны, состояло в том, что, во-первых, Великобритания не объявляла войну Египту и тем самым нарушила международное право, а во-вторых, основным инструментом решения проблем была сила, а не способность разрешать конфликты в правовом поле. В итоге сам захват Суэца Великобританией воспринимался как настоящий акт пиратства [Rappel à la pudeur, 1882, p. 1].

3.3. Мотивы британских колонизаторов и характеристика британской колониальной политики на страницах французской прессы

При анализе нарратива, складывавшегося в рамках образа «Другого» колонизатора на страницах «Le Petit Journal», закономерно встает вопрос о колониционных мотивах британцев.

В рамках освещения мотивов завоевания британцами Египта, в частности взятия Абукира, «Le Petit journal» выделял поднятие военного престижа, а также символическое значение данного города для истории Британских островов. Британцы описывались как колонизаторы, которые путем завоеваний поддерживали свой авторитет, не останавливаясь перед разрушениями [Aboukir, 1882, p. 1]. Однако в дальнейшем понимание мотивов в газете претерпело изменения. Когда Франции стал ясен изначальный замысел британцев (целью был не Абукир, а Суэц), произошла определенная эволюция представлений, согласно которым пришло понимание, что британские колонизаторы всегда играли за себя и только для себя, а их основная цель состояла в извлечении выгоды. Как видим, снова на страницах газеты появляется лукавый и ненадежный компаньон французов по колониальным вопросам, который использовал их в своих меркантильных целях. Тот же мотив извлечения выгоды мы находим в освещении «Большой игры» и расширения влияния британцев в Персии. Поскольку на Кавказе, в Туркестане и на Каспии активно осуществлялось строительство железных дорог, то целью Великобритании являлось недопущение попадания персидского шаха под влияние русского царя [Judet, 1900, p. 1].

В духе теорий об империи Майкла Дойла [Doyle, 1986, p. 45—46] Британская империя во французской прессе представала как жесткая иерархическая структура, на вершину которой британцы поставили самих себя. Это страна, которая захватывала огромные территории и провинции. Колониальная политика британцев связывалась в газете с большим количеством завоеваний и вторжений без учета какой-либо прочности и надежности самой имперской структуры. Данное положение характеризовалось французами как ситуация, в которой Великобритания не уважала законы, поскольку британцы ставили себя выше их.

Ранее было показано, что французская пресса развенчивала ложь, к которой прибегали британские колонизаторы, говоря о равноправных альянсах с иными акторами. Поэтому на страницах «Le Petit Journal» создавался образ страны, которая угнетала всех и нанесла вред почти всем, как европейским державам, так и покоренным народам. При этом сама британская колониальная ситуация была охарактеризована в газете как катастрофическая: утверждалось, что попрание законов цивилизованного общества неизбежно приведет к гибели британской колониальной империи.

Более того, силы, которыми обладала Британия, не были пропорциональны ее нуждам и потребностям в обеспечении безопасности. Ее войска, разбросанные по земному шару, в большей степени выполняли функцию демонстрации силы, нежели реально обеспечивали безопасность самой страны. Отмечалась реальная слабость ее войск [Judet, 1896a, p. 1], при том что один из признаков империи [Lieven, 2002, p. 330] — способность обеспечить постоянное расширение территории через захват новых земель. Однако, как показывала газета «Le Petit Journal», ресурсов на то, чтобы обеспечить функционирование всей структуры Британской империи, уже не хватало. В итоге, мы видим, газета предвещала падение Британской колониальной империи, как только какой-то из народов решит выйти из ее подчинения.

4. Заключение = Conclusions

Шаблон «Другого» колонизатора на рубеже XIX—XX веков схож с тем, который появился в эпоху Просвещения и активно распространялся аббатом Рейналем и другими деятелями того периода. В то время подобный дискурс был направлен против первых колонизаторов — испанцев и португальцев. Они представляли жестокими, подлыми людьми, способными на убийство и закабаление человека.

Британец-колонизатор на страницах «Le Petit Journal» последней трети XIX века — это лживый, коварный, жестокий человек, практически варвар, который не уважает право частной собственности и законы современного ему общества. Одним из признаков варварства считалось применение силы как единственно уважаемого способа достижения цели. В своих действиях британский колонизатор руководствовался исключительно меркантильными интересами и жадой наживы. Его действия оценивались преимущественно как жестокие. Подчеркнем, что варваром в данном колониальном дискурсе мог выступать не только туземец, но и европеец, то есть представитель того же цивилизационного пространства, что и француз.

Имперская ситуация, в которую был помещен «Другой» британский колонизатор, характеризовалась на страницах французской прессы патовой, поскольку меры, к которым прибегали британцы, — попрание законов

цивилизованного общества, неуважение прав человека — могли привести лишь закату к цивилизации в духе О. Шпенглера.

Вместе с тем британец-колонизатор был изображен уверенным в своем цивилизационном превосходстве не только над колонизируемыми народами, но и над европейцами, что всячески подчеркивала французская пресса. Для усиления этих качеств на страницах газеты возникали образы невинных туземцев, которые голодали и страдали, находясь под колониальным управлением Великобритании. Образ такого народа в прессе напоминал «благородного» дикаря: представители местного населения рисовались мягкими, нежными и неопытными, словно дети. И эти качества в своих корыстных целях использовали британцы. При этом стоит отметить, что сами коренные народы не наделялись во французском нарративе какой-либо субъектностью, это позволяло лишний раз обвинить Великобританию в попрании основополагающих законов человечества.

Таким образом, через оппозицию понятий «варварство» и «цивилизация» на страницах газеты французская колонизация сравнивалась с британской. Французский опыт, разумеется, представал с положительной стороны, в то время как британский обуславливал жалкое существование индусов, египтян, маврикийцев и др.

Мы видим, что, вводя противопоставление «мы — они», французы стремились показать себя более щедрой и милосердной нацией, которая, в отличие от британцев, учитывала потребности коренного населения. В действительности же образ «Другого» колонизатора был необходим для популяризации миссии французского колониализма.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Aboukir* // *Le Petit Journal* [газета]. — 1882. — № 7177. — P. 1.
2. *En Egypte* // *Le Petit Journal* [газета]. — 1882. — № 7163. — P. 1.
3. *Grimm T. L'or et les Anglais* / T. Grimm // *Le Petit Journal* [газета]. — 1899. — № 13515. — P. 1.
4. *Grimm T. La Chine et les Anglais* / T. Grimm // *Le Petit Journal* [газета]. — 1884. — № 7983. — P. 1.
5. *Grimm T. La vérité sur les Anglais* / T. Grimm // *Le Petit Journal* [газета]. — 1885. — № 8182. — P. 1.
6. *Grimm T. Nana-Sahib* / T. Grimm // *Le Petit Journal* [газета]. — 1874. — № 4323. — P. 1.
7. *Grimm T. Ne pas être dupes* / T. Grimm // *Le Petit Journal* [газета]. — 1881. — № 6818. — P. 1.
8. *Grimm T. Un morceau de l'ancienne France* / T. Grimm // *Le Petit Journal* [газета]. — 1897. — № 12696. — P. 1.

9. *Judet E.* Ce que veut la Russie / E. Judet // Le Petit Journal [газета]. — 1900. — № 13560. — P. 1.
10. *Judet E.* L'empire anglais / E. Judet // Le Petit Journal [газета]. — 1896. — № 12063. — P. 1.
11. *Judet E.* La Question d'Egypte / E. Judet // Le Petit Journal [газета]. — 1896. — № 12356. — P. 1.
12. *L'action décisive* // Le Petit Journal [газета]. — 1882. — № 7179. — P. 1—2.
13. *L'heure est solennelle* // Le Petit Journal [газета]. — 1882. — № 7144. — P. 1.
14. *Rappel à la pudeur* // Le Petit Journal [газета]. — 1882. — № 7181. — P. 1.

Литература

1. *Антонова Л. В.* Образ британца-колонизатора в романах Луи Жаколио / Л. В. Антонова // Клио. — 2023. — № 08 (200). — С. 33—40.
2. *Африка* : неоплаченный долг колонизаторов / И. О. Абрамова, С. Н. Волков, В. В. Грибанова и др. — Москва : Институт Африки РАН, 2023. — 122 с. — ISBN: 978-5-91298-296-5.
3. *Базылева В. С.* Причины поражения индийских властей в борьбе с колонизаторами в лице британской Ост-Индской компании / В. С. Базылева // Проблемы современной науки и образования. — 2016. — № 23 (65). — С. 21—22.
4. *Бюттнер Э.* Письма почтальона : дистанционная интимность и семейная жизнь индийских колонизаторов / Э. Бюттнер // Ab Imperio. — 2008. — № 2. — С. 47—79.
5. *Демичева Т. М.* Деспотизм или просвещенный абсолютизм? К образу России в труде аббата Рейналя «История обеих Индий» / Т. М. Демичева // ЭНОВЖ «История». — 2022. — Т. 13. — Выпуск 2 (112). — DOI: 10.18254/S207987840019886-3.
6. *Демичева Т. М.* Язык империи и образ «Благородного дикаря» во французских очерках о кругосветных путешествиях второй половины XVIII века / Т. М. Демичева // Диалог со временем. — 2021. — № 76. — С. 193—205. — DOI: 10.21267/AQUILO.2021.76.76.001.
7. *Коновалова Ф. Т.* Жюль Ферри и формирование идеологии французского колониализма. 80-е годы XIX в. / Ф. Т. Коновалова // Рабочее, фермерское и национально-освободительное движение в Западной Европе и Канаде 60-е гг. XIX — начало XX в. — Красноярск : КГПИ, 1987. — С. 77—101.
8. *Сидорова Г. М.* Завоевание Конго бельгийскими колонизаторами и его последствия / Г. М. Сидорова // Социокультурные аспекты развития африканских обществ : история и современность. — Москва : ФГБУН Институт Африки РАН, 2012. — С. 7—31. — ISBN 978-5-91298-115-9.
9. *Arié R.* L'opinion publique en France et l'affaire de Fachoda / R. Arié // Revue d'histoire des colonies. — 1954. — Т. 41. — № 144—145. — Pp. 329—367.
10. *Chakrabarty D.* Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference / D. Chakrabarty. — Princeton : Princeton University Press. 2000. — 301 p. — ISBN 9780691049090.
11. *Chupin I.* Histoire politique et économique des médias en France / I. Chupin, N. Hube, N. Kaciac. — Paris : La Découverte, 2009. — 126 p. — ISBN 9782707173713.
12. *D'Andurain J.* Le «parti colonial» à travers ses revues. Une culture de propagande ? / J. D'Andurain // Cléo@Themis. — 2017. — № 12. — DOI:10.35562/cliothemis.927.
13. *Doyle M.* Empires / M. Doyle. — Ithaca : Cornell University Press, 1986. — 408 p. — ISBN 9780801417566.

14. Lieven D. Empire : The Russian Empire and Its Rivals / D. Lieven. — New Haven : Yale University Press, 2002. — 486 p. — ISBN 9780300097269.

15. Said E. Orientalism. / E. Said. — New York : Pantheon Books, 1978. — 368 p. — ISBN 978-0394740676.

16. Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment / L. Wolff. — Stanford : Stanford University Press, 1994. — 436 p. — ISBN 9780804727020.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023,
одобрена после рецензирования 12.12.2023,
подготовлена к публикации 23.01.2024.

Material resources

- Aboukir. (1882). *Le Petit Journal [newspaper]*, 7177: P. 1. (In Franc.).
En Egypte. (1882). *Le Petit Journal [newspaper]*, 7163: P. 1. (In Franc.).
Grimm, T. (1899). L'or et les Anglais. *Le Petit Journal [newspaper]*, 13515: P. 1. (In Franc.).
Grimm, T. (1884). La Chine et les Anglais. *Le Petit Journal [newspaper]*, 7983: P. 1. (In Franc.).
Grimm, T. (1885). La vérité sur les Anglais. *Le Petit Journal [newspaper]*, 8182: P. 1. (In Franc.).
Grimm, T. (1874). Nana-Sahib. *Le Petit Journal [newspaper]*, 4323: P. 1. (In Franc.).
Grimm, T. (1881). Ne pas être dupes. *Le Petit Journal [newspaper]*, 6818: P. 1. (In Franc.).
Grimm, T. (1897). Un morceau de l'ancienne France. *Le Petit Journal [newspaper]*, 12696: P. 1. (In Franc.).
Judet, E. (1896). L'empire anglaise. *Le Petit Journal [newspaper]*, 12063: P. 1. (In Franc.).
Judet, E. (1896). La Question d'Egypte. *Le Petit Journal [newspaper]*, 12356: P. 1. (In Franc.).
Judet, E. (1900). Ce que veut la Russie. *Le Petit Journal [newspaper]*, 13560: P. 1. (In Franc.).
L'action decisive. (1882). *Le Petit Journal [newspaper]*, 7179: 1—2. (In Franc.).
L'heure est solennelle. (1882). *Le Petit Journal [newspaper]*, 7144: P. 1. (In Franc.).
Rappel à la pudeur. (1882). *Le Petit Journal [newspaper]*, 7181: P. 1. (In Franc.).

References

- Africa: the unpaid debt of the colonialists. (2023). Moscow: Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 122 p. ISBN 978-5-91298-296-5. (In Russ.).
Antonova, L. V. (2023). The image of the British colonizer in the novels of Louis Jacolliot. *Clio*, 08 (200): 33—40. (In Russ.).
Arié, R. (1954). L'opinion publique en France et l'affaire de Fachoda. *Revue d'histoire des colonies*, 41 (144—145): 329—367. (In Franc.).
Bazyleva, V. S. (2016). The reasons for the defeat of the Indian authorities in the fight against colonialists represented by the British East India Company. *Problems of modern science and education*, 23 (65): 21—22. (In Russ.).
Buettner, E. (2008). Letters of the postman: remote intimacy and family life of Indian colonialists. *Ab Imperio*, 2: 47—79. (In Russ.).
Chakrabarty, D. (2000). *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton University Press. 301 p. ISBN 9780691049090. (In Franc.).

- Chupin, I., Hube, N., Kaciaf, N. (2009). *Histoire politique et économique des médias en France*. Paris: La Découverte. 126 p. ISBN 9782707173713. (In Franc.).
- D'andurain, J. (2017). Le «parti colonial» à travers ses revues. Une culture de propagande? *Clio@Themis*, 12. DOI:10.35562/cliiothemis.927. (In Franc.).
- Demicheva, T. M. (2022). Despotism or enlightened absolutism? Towards the image of Russia in the work of Abbot Reynal "The History of both Indies". *ENOJ "History"*, 13 / 2 (112). DOI: 10.18254/S207987840019886-3. (In Russ.).
- Demicheva, T. M. (2021). The language of the Empire and the image of the "Noble savage" in French essays on world travel in the second half of the XVIII century. *Dialogue with time*, 76: 193—205. DOI: 10.21267/AQUILO.2021.76.76.001. (In Russ.).
- Doyle, M. (1986). *Empires*. Ithaca: Cornell University Press. 408 p. ISBN 9780801417566. (In Franc.).
- Konovalova, F. T. (1987). Jules Ferry and the formation of the ideology of French colonialism. The 80s of the XIX century. In: *The worker's, farmers' and national liberation movement in Western Europe and Canada in the 60s of the XIX — early XX century*. Krasnoyarsk: KSPI. 77—101. (In Russ.).
- Lieven, D. (2002). *Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. New Haven: Yale University Press. 486 p. ISBN 9780300097269. (In Franc.).
- Said, E. (1978). *Orientalism*. New York: Pantheon Books. 368 p. ISBN 978-0394740676. (In Franc.).
- Sidorova, G. M. (2012). The conquest of the Congo by the Belgian colonialists and its consequences. In: *Socio-cultural aspects of the development of African societies: history and modernity*. Moscow: FSBI Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 7—31. ISBN 978-5-91298-115-9. (In Russ.).
- Wolff, L. (1994). *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford: Stanford University Press. 436 p. ISBN 9780804727020. (In Franc.).

*The article was submitted 02.10.2023;
approved after reviewing 12.12.2023;
accepted for publication 23.01.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(1), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Емельянова Е. Н. Отражение политической борьбы в Италии в документах Коммунистического интернационала (1919—1923) / Е. Н. Емельянова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 332—353. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-332-353.

Emelyanova, E. N. (2024). Reflection of Political Struggle in Italy in Documents of Communist International (1919—1923). *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 332-353. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-332-353. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-332-353

Отражение политической борьбы в Италии в документах Коммунистического интернационала (1919—1923)

Емельянова Елена Николаевна
orcid.org/0000-0001-9545-8150
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Отдела истории
e.n.emelyanova@mail.ru

Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)
(Москва, Россия)

Reflection of Political Struggle in Italy in Documents of Communist International (1919—1923)

Elena N. Emelyanova
orcid.org/0000-0001-9545-8150
PhD in History, associate professor,
senior research scientist,
Department of History
e.n.emelyanova@mail.ru

Institute of Scientific Information
for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)
(Moscow, Russia)

© Емельянова Е. Н., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются события, развернувшиеся в Италии в 1919—1923 годах. На основе большого количества документов, архивных источников и литературы исследуется ожесточенная борьба между социалистами, коммунистами, с одной стороны, и фашистами, с другой, закончившаяся в 1922 году победой Б. Муссолини. Проанализированы теоретическое осмысление коммунистами фашизма как явления, а также выработка методов борьбы с ним, нашедшие отражение в работе конгрессов Коминтерна и пленумов Исполнительного комитета Коммунистического интернационала в 1919—1923 годы. Новизна исследования заключается в постановке проблемы противостояния левых и крайне правых партий после Первой мировой войны, в период формирования нового мирового порядка. Автор приходит к выводу, что обострение борьбы между Коммунистической партией Италии, Социалистической партией Италии и фашизмом отражало политический кризис в итальянском обществе и попытку радикальных сил найти выход из него. В Италии к власти пришел фашизм с его идеей третьего пути, представлявшего собой нечто среднее между капитализмом и социализмом. Осознание своих ошибок позволило левым партиям в конечном счете объединиться со всеми антифашистскими силами в движении Сопротивления и победить фашизм в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова:

Коммунистическая партия Италии; Социалистическая партия Италии; Коминтерн; фашизм; Италия; Советская Россия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the events that unfolded in Italy between 1919 and 1923. Based on a large number of documents, archival sources, and literature, it explores the fierce struggle between socialists, communists, on one side, and fascists on the other, which culminated in Benito Mussolini's victory in 1922. The article analyzes the theoretical understanding of fascism as a phenomenon by the communists, as well as the development of methods to combat it, which were reflected in the congresses of the Communist International and the plenums of its Executive Committee from 1919 to 1923. The novelty of the research lies in addressing the issue of confrontation between left and far-right parties after World War I, during the formation of a new world order. The author concludes that the intensification of the struggle between the Communist Party of Italy, the Socialist Party of Italy, and fascism reflected a political crisis in Italian society and an attempt by radical forces to find a way out of it. Fascism, with its idea of a third way representing something between capitalism and socialism, came to power in Italy. The realization of their mistakes ultimately allowed the left parties to unite with all anti-fascist forces in the Resistance movement and defeat Nazism during World War II.

Key words:

Communist Party of Italy; Socialist Party of Italy; Communist International; fascism; Italy; Soviet Russia.

Отражение политической борьбы в Италии в документах Коммунистического интернационала (1919—1923)

© Емельянова Е. Н., 2024

1. Введение = Introduction

Проблема борьбы с фашизмом сегодня вновь приобретает особую актуальность. Каковы причины зарождения этого движения в Италии и методы противодействия ему, выработанные левым международным движением, какие уроки извлекли коммунисты и социалисты из своего поражения сразу после прихода Б. Муссолини к власти? Эти проблемы в центре исследования предлагаемой читателю статьи.

Тема итальянского фашизма хорошо изучена в зарубежной и российской литературе [Белоусов, 2000; Белоусов, 2017, с. 214—217; Михайленко, 2013, с. 6—17; Витале, 2014, с. 15—21, De Felice, 1995; Elnaiem, 2020; Gentile, 2006; Newman, 2017, р. 96—120; Rees, 2017, р. 256—274 и др.]. Большую роль в этом сыграли итальянские исследователи, оказавшие значительное влияние на современных российских авторов. Западные историки рассматривают фашизм как феномен, которому одновременно присущи национализм и революционность, антимарксизм и антилиберализм, тоталитаризм, воинствующая идеология, сакрализованная светская религиозность и корпоративная система государства [Gentile, 2006, р. 6]. Фашизм, считают они, сумел осуществить переход от доиндустриального общества к индустриальному. Б. Муссолини, которому итальянские исследователи отводят особую роль в утверждении фашистского режима, по их мнению, в 1920-е — первой половине 1930-х годов смог создать в обществе консенсус, правда, недолгий и непрочный [De Felice, 1995, р. 37].

Российские историки, соглашаясь со многими утверждениями своих европейских коллег, все же вносят много нового. Например, академик Л. С. Белоусов доказывает, что согласие, достигнутое Б. Муссолини, было неустойчивым. Значительная часть итальянского общества, особенно рабочие, под давлением властей приспособлялась к фашистскому режиму, но не поддерживала его полностью [Белоусов, 2000, с. 350]. А профессор В. И. Михайленко выдвинул концепцию частно-государственного сотрудничества в фашистской Италии.

Он же заметил, что именно Б. Муссолини, благодаря особенностям своей личности, сумел стать своим парнем и для простых людей, и для аристократов. Благодаря этому ему удалось осуществить политический компромисс между фашистскими институтами, королевским двором, военными, финансовой и промышленной олигархией и массами [Михайленко, 2013, с. 9—10, 13].

Однако исследований, посвященных позиции Коминтерна и Коммунистической партии Италии (КПИ) по отношению к партии Б. Муссолини в *российской* историографии почти нет. Можно перечислить всего несколько работ, косвенно касающихся этой темы: монографию В. П. Любина [Любин, 2007], статью Н. П. Комоловой, М. Б. Корчагиной, К. К. Ширини, В. В. Дамье [Коминтерн..., 2002, с. 74—115]; публикации нескольких зарубежных авторов в российском сборнике «Левая альтернатива в XX веке: драма идей и судьбы людей: к 100-летию Коминтерна» (А. Джудичи [Giudici, 2020, p. 72—74], С. Тине [Tinè, 2020, p. 232—243], А. Тонелли [Tonelli, 2020, p. 257—262], А. Хёбель [Höbel, 2020, p. 352—363]) и др.

В данном исследовании использованы многочисленные архивные документы РГАСПИ [РГАСПИ, ф. 495; РГАСПИ, ф. 491 и др.], материалы конгрессов Коминтерна и пленумов Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) [Расширенный пленум..., 1923; XIII пленум..., 1934 и др.], сборники документов [Большевистское руководство, 1996; Коминтерн..., 1998 и др.], мемуары участников тех событий [Бубер-Нейман, 1995 и др.].

Период 1919—1923 годов важен для раскрытия поставленной проблемы. После острого столкновения левых партий и фашистов в борьбе за власть в Италии («красного двухлетия» (1919—1920), «черного двухлетия» (1921—1922)), приведших к установлению диктатуры Б. Муссолини, в мировом коммунистическом движении и большевистском руководстве наступил период осознания ошибок и изменения тактики. После известных революционных событий 1923 года в Германии Коминтерн отказался от идеи форсирования мировой революции. Коммунистическое руководство в это время окончательно осознало, что начался период стабилизации международного положения, и власть фашистов в Италии установилась надолго.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Каковы причины появления фашизма в Италии в начале 20-х годов? Зарубежные и российские историки указывают следующие: недовольство итальянцев итогами Первой мировой войны, после которой Италия не получила по Версальскому миру того, на что претендовала; необходимость завершить процесс объединения и формирования нации, начатый в XIX веке; усиление националистических настроений в обществе; рост

революционного движения в Италии, обострение борьбы между левыми и правыми силами, поставившими страну на грань гражданской войны, и т. д. [Newman, 2017, p. 96—120].

Итальянская социалистическая партия (ИСП) еще во время войны 1914—1918 годов занимала левые позиции и выступала с антиимпериалистическими лозунгами. В 1919 году, когда мировое социалистическое движение разделилось на сторонников возрожденного в феврале II Бернского Интернационала и приверженцев только что созданного в марте в Москве Коминтерна, руководство ИСП приняло решение примкнуть к последнему. Итальянские социалисты во главе с одним из своих лидеров Дж. М. Сerratи участвовали в работе *II конгресса* Коминтерна (19 июля — 7 августа 1920 года). Но в отличие от руководства ИККИ, принявшего «21 условие» вхождения в Коминтерн, отрезавшего путь в эту организацию правым социалистам, Дж. М. Сerratи выступал за единство всего социалистического движения Италии.

1919—1920 годы вошли в историю итальянского государства как «красное двухлетие». В этот период произошло несколько мощных забастовок. В 1919 году в ходе волны рабочих и крестьянских выступлений во многих городах и селах Италии, как и в России, были образованы Советы, которые попытались взять власть на местах. В августе 1919 года началась забастовка металлистов, в которой участвовало 200 тыс. человек. Она продолжалась более двух месяцев и заставила правительство во главе с Ф. С. Нитти пойти на серьезные уступки, касавшиеся повышения заработной платы [Любин, 2007а, с. 205].

В 1920 году во время советско-польской войны, развязанной Польшей, ИСП и итальянские профсоюзы поддержали контрнаступление Красной армии на Варшаву. С Советской Россией солидаризировались также левые социалисты Германии, Франции и других стран. Сторонники революционного наступления в ИККИ планировали развить его «в двух направлениях: 1) через Польшу и Германию на Францию; 2) через Галицию, Чехословакию, Венгрию и Румынию на Италию» [Емельянова, 2002, с. 63].

Одновременно для укрепления позиций Коминтерна и Советского государства в Европе был взят курс на создание самостоятельных компартий. 11 и 25 августа 1920 года итальянский вопрос обсуждался в ИККИ. Было принято решение об исключении из Итальянской социалистической партии реформистов и об объединении ее с Союзом синдикалистов во главе с А. Бордигой. Социалистической партии Италии предлагалось вступить в Коммунистический Интернационал. Вероятно, вопрос о социалистической революции в Италии также обсуждался на заседании ИККИ.

В сентябре 1920 года в Италии развернулись революционные события. Рабочие во время забастовки захватили промышленные предприятия,

ввели самоуправление. По призыву левых социалистов они начали вооружаться и готовились к военному столкновению с властями. Итальянское правительство не решилось применить против восставших войска. Профсоюзные же лидеры, поддержанные реформистами, не стали развивать движение и свернули забастовку, ограничившись требованием права рабочего контроля на предприятиях. Левые считали, что была упущена возможность осуществить революцию [Любин, 20076, с. 19].

Однако в это время Красная Армия, потерпев в августе 1920 года поражение под Варшавой, уже отступала. На IX конференции ЦК РКП(б) в сентябре 1920 года В. И. Ленин настаивал на заключении мира с Польшей. Вместе с тем он заявил: «Нам при международном положении придется ограничиться оборонительной позицией по отношению к Антанте, но, несмотря на полную неудачу первого случая, нашего первого поражения, мы еще раз и еще раз перейдем от оборонительной политики к наступательной, пока мы всех не разобьем до конца». И в другом месте: «А в общем можно сказать, что международная обстановка совершенно независимо от наших шагов в Польше получила полный размах. Если бы была еще Советская Польша или Советская Венгрия, было бы лучше. Отнюдь не замираем, что завтра не рискуем и за Венгрию. Я уверен, что конференция согласится с нами в этом отношении. Но мы скажем, что мы рискуем таким образом, что с каждым удвоенным шагом будем помнить, где остановиться. Будем рисковать, рассчитывая помочь Италии, хотя, к сожалению, сейчас это практически невозможно» [Я прошу..., 1992, с. 27, 28].

В январе 1921 года на съезде Итальянской социалистической партии в Ливорно произошел раскол. Несмотря на попытки центристов сохранить единство, левые вышли из ИСП и создали свою Коммунистическую партию Италии (КПИ) [Любин, 20076, с. 19].

Реакцией на усиление революционной активности левых стал рост фашистского движения в Италии. В марте 1919 года Б. Муссолини объявил о создании боевых отрядов, которые использовались в борьбе против социалистов. Начались фашистские погромы.

В ноябре 1921 года на съезде фашистских союзов в Риме была образована «Национальная фашистская партия». Ее лидер Б. Муссолини приступил к подготовке захвата власти. В идеологическом плане фашисты предлагали итальянскому обществу третий путь, отличный от коммунизма и либерализма.

После неудачной войны с Польшей левые социал-демократы в международном социалистическом движении вновь отошли от коммунистов и создали свой II $\frac{1}{2}$ Интернационал (Венский Интернационал), занимавший промежуточное положение между II-м (Бернским) и III-м (Московским).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Коминтерн, Итальянская коммунистическая партия (ИКП), Социалистическая партия Италии (СПИ) и итальянский фашизм в период равновесия сил в Европе (1921 — осень 1922 годов)

В 1921 году наступило время, когда, с одной стороны, руководство Советской России осознало, что ресурсов на поддержку «мировой революции» у него недостаточно, что необходимо восстанавливать собственную экономику и, следовательно, налаживать отношения с капиталистическим миром; с другой, западные государства на время отказались от военного свержения большевистской власти.

В этот период ярко проявилось противоречие между национальными интересами Советской России, заинтересованной в мире для налаживания экономических отношений с западными странами, и желанием компартий использовать революционную ситуацию для прихода к власти.

Руководство ИККИ на **III конгрессе** Коминтерна, работавшем с 22 июня по 12 июля 1921 года, попыталось убедить мировое коммунистическое движение в необходимости отступления. Но столкнулось с мощным противодействием слева. Конгресс вынужден был признать наличие революционной ситуации в ряде стран (Германии, Чехословакии, Италии).

На конгрессе много внимания было уделено политической ситуации в этих странах. Вся вина за неудачу революционных выступлений в Италии была возложена на правых социалистов, которые в борьбе за демократию отказались от перерастания рабочих стачек в гражданскую войну.

III конгресс принял решение об исключении Итальянской социалистической партии из Коминтерна до того момента, пока она не удалит из своих рядов реформистов. Затем ИСП предлагалось объединиться с КПИ в единую партию. Это решение было принято, несмотря на попытки лидеров ИСП переубедить коммунистический форум. Они утверждали, что раскол соцпартии ослабит революционное движение в Италии и что нужно сохранить единство итальянских социалистов.

В Италии вопрос стоял очень остро: социализм или фашизм.

Конгресс постановил готовиться к революционным выступлениям. Но пройти они должны были без военной поддержки России. Поэтому, по мнению В. И. Ленина, революцию следовало начать одновременно в трех ведущих странах: Италии, Германии и Чехословакии.

В 1921—1922 годах в Италии усилилась реакция, связанная с ростом и агрессивностью фашистского движения. Этот период вошел в историю как «черное двухлетие».

Первый пленум, открывшийся в феврале 1922 года, накануне созыва Генуэзской конференции, в еще большей степени определил поворот Коминтер-

на вправо. Он должен был подготовить коммунистическое движение к союзу с руководством Второго и Второго с половиной Интернационалов. Цель — обеспечить международную поддержку социалистического и рабочего движения Советской России на конференции в Генуе. В случае интеграции большевистского государства в мировую экономическую и политическую систему допускалось слияние трех Интернационалов и, по сути, как опасались левые, ликвидация Коминтерна. Это было одним из главных условий признания Советской России великими державами и предоставления ей кредитов.

Россия вынуждена была формально признать эти требования. Главным аргументом для европейских коммунистов стал лозунг угрозы войны капиталистического мира против Советской России. В связи с этим новая тактика, выработанная Коминтерном, предполагала сотрудничество с пацифистскими кругами правительств европейских стран. Была намечена встреча трех Интернационалов для решения противоречий и выработки совместных действий.

В то же время в ряде стран (Италии, Чехословакии, Германии) обстановка оставалась сложной. Поскольку революционный переворот мог навредить внешнеполитическим интересам Советской России, на I пленуме была выдвинута идея создания рабочего правительства из всех социалистических партий. Как следует из докладов У. Э. Террачини и Дж. М. Серрати, это касалось прежде всего Англии и Италии. Рабочее правительство могло быть создано также в Германии для противостояния фашизму.

Пленум принял решение об участии в Конференции трех Интернационалов для организации поддержки Советского государства во время работы Генуэзской конференции в апреле 1922 года.

В Италии левые партии и профсоюзы в мае 1922 года организовали всеобщую забастовку, которая охватила всю страну и проходила под лозунгами солидарности с Советской Россией. Демонстрации в поддержку большевиков прошли и в других странах. Но они не оказали серьезного воздействия на решения конференции.

Одним из главных вопросов, вставших на *II пленуме ИККИ*, проходившем в Москве с 7 по 11 июля 1922 года, стала проблема революционной ситуации в Чехословакии и Италии.

В Италии необычайно быстрыми темпами назревал кризис власти.

В марте 1922 года левые в ИКП предлагали подготовить в Италии вооруженное восстание и организовать переход власти к диктатуре пролетариата, что неизбежно привело бы к гражданской войне. Такое развитие событий потребовало бы военной поддержки со стороны Советской России. Вместе с тем большевистское правительство не было готово к войне. Пленум предложил другое решение: в союзе с социалистами-центристами, прежде

всего с влиятельной группой Дж. М. Серрати, выдвинуть лозунг рабочего правительства. Левые скептически отнеслись к этой идее, указывая на опыт сентябрьских событий 1920 года, когда попытка совместных действий с правыми социалистами привела к отказу последних от борьбы и переходу их на сторону властей. Однако Дж. М. Серрати, предлагая данную тактику, еще надеялся сохранить единство итальянских социалистов, от коммунистов до правых социал-реформистов, к тому же другого выхода у III Интернационала в тех условиях не было. Принятая пленумом резолюция по итальянскому вопросу предписывала в условиях непрерывных взрывов гражданской войны в Италии взять курс на создание рабочего правительства, при этом воспринимать его не как парламентскую комбинацию, а как революционную мобилизацию всех рабочих для свержения господства буржуазии. Итальянской компартии предлагалось взять в свои руки инициативу организации единого пролетарского фронта, создавать по всей Италии местные рабочие комитеты, с введением в них представителей от всех социалистических партий, а также беспартийных, вооружить членов партии и создать отряды для сражений с фашистами [РГАСПИ, ф. 495, оп. 160, л. 76—77].

22 августа 1922 года А. Бордига направил телеграмму, в которой просил о немедленной посылке из России в Италию эмиссара от ИККИ, вооружения и денег [РГАСПИ, ф. 495, оп. 18, л. 54]. Однако интернациональные задачи вновь были подчинены национальным интересам Советской России. Пока сохранялась надежда на признание России капиталистическими странами де-юре, неудачная революция в Италии могла бы только осложнить положение Советской республики [Емельянова, 2002, с. 171].

Реформисты в Италии также пытались создать коалиционное правительство, но уже с либералами. Однако эта идея натолкнулась на сопротивление либералов во главе с Дж. Джолитти и левых в самой СПИ. Кроме того, часть социалистов (И. Бономи, автор идеи союза с буржуазными партиями, человек, близкий к лидеру реформистов Ф. Турати) и бывший глава правительства либерал Дж. Джолитти были скомпрометированы благожелательным отношением к фашистам. Фашистов также поддерживал правый социалист, генеральный секретарь Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) в 1919—1925 годах Л. Д'Арагона. После прихода Муссолини к власти он вместе с другими лидерами ВКТ распустил эту организацию и в 1927 году подписал декларацию о сотрудничестве с нацистами [Коминтерн..., 1999, с. 100]. Итальянские социалисты еще 3 августа 1921 года заключили пакт примирения с фашистами о взаимном отказе от насильственных действий. И хотя Муссолини спустя три месяца отверг его, понимая непопулярность социалистов-реформистов среди рабочих, в социалистических кругах еще оставалась надежда на возможность сотрудничества с фашистским движением.

В 1922 году партия Муссолини развернула новую волну террора. Тем не менее стачечное движение продолжалось. В первой половине года во многих городах проходили демонстрации, антифашистские забастовки, приводившие к столкновению рабочих с фашистами [Коминтерн..., 1999, с. 68].

Поскольку добиться единства действий социалистам так и не удалось, Итальянская социалистическая партия на своем XIX съезде в Риме (октябрь 1922 года) исключила реформистское крыло. Исключенные во главе с Ф. Турати создали собственную Унитарную социалистическую партию [Коминтерн..., 1999, с. 71—72].

В то же время итальянские коммунисты также не смогли создать коалиционное рабочее правительство с социалистами-центристами для борьбы против фашистов, как предписывал II пленум ИККИ.

К концу сентября фашисты заняли ряд провинций Центральной Италии. Стало ясно, что они готовят захват власти в стране. В октябре 1922 года на фашистском съезде в Неаполе Б. Муссолини выдвинул ультиматум правительству. Он требовал предоставить фашистам ключевые министерские посты. 28 октября фашистские отряды начали «поход на Рим». 30 октября под давлением фашистов, вошедших в город, король Виктор Эммануил III поручил Муссолини сформировать коалиционное правительство во главе с фашистской партией.

В своей монографии «Режим Муссолини и массы» Л. С. Белоусов пишет, что приход Б. Муссолини к власти в Италии связан с сознательным выбором наиболее влиятельной части правящего блока, который увидел в фашистской организации способность достигнуть целей социально-политической стабильности и «порядка» в стране [Белоусов, 2000, с. 345].

Б. Муссолини пришел к власти мирным путем. Он провел минимум социальных реформ (вернул восьмичасовой рабочий день, сократил расходы на госаппарат и т. д.), а также сформировал коалиционное правительство, где фашисты заняли всего четыре места, остальные были распределены между социалистами, католиками и либералами. Сразу же после своей победы Б. Муссолини заявил о готовности признать де-юре Советскую Россию. Он же поддержал большевиков на Лозаннской конференции. Для Советского государства власть Б. Муссолини представляла меньшее зло, чем бывшее либеральное правительство Италии, ориентировавшееся на настроенную против большевиков Францию.

3.2. Коминтерн и левые партии после прихода фашистов к власти в Италии. Осмысление ошибок (конец 1922—1923 годов)

После победы фашизма в Италии руководство Коминтерна уделило большое внимание разбору ошибок компартии Италии и теоретическому осмыслению самого феномена фашизма.

IV конгресс Коминтерна (5 ноября — 5 декабря 1922 года) окончательно определил поворот вправо в политике этой организации. Был провозглашен переход от революционного наступления к обороне.

В ноябре 1922 года открылась Лозаннская международная конференция. На заседания по вопросу о черноморских проливах была приглашена и российская делегация. Таким образом, капиталистический мир признал все же Советскую Россию де-факто. Сохранялась возможность экономического сотрудничества, а это требовало продолжения миролюбивого курса Коминтерна.

Уже в 1922 году намечался возможный приход к власти в ведущих европейских странах левых правительств, благожелательно относящихся к Советскому государству. Об этом в своем докладе сообщил Л. Д. Троцкий. Он говорил об эре пацифизма, которая наступит в ближайшее время. Она, по его словам, будет ознаменована победой лейбористов в Англии и блока радикалов и социалистов во Франции [РГАСПИ, ф. 491, л. 60]. Действительно, уже в январе 1924 года к власти в Англии пришло первое лейбористское правительство. В том же году во Франции на выборах в парламент победил «левый блок» (союз социалистов и радикалов). В Германии 1923 года социалисты ненадолго вошли в состав коалиционного правительства. Таким образом, Коминтерн и советское руководство сделали ставку на поддержку левых пацифистских кругов в Европе, что, в свою очередь, способствовало скорому признанию СССР де-юре.

Вместе с мирным рассматривался и революционный сценарий. Руководство ИККИ считало, что революция может быть результатом новой войны между Францией и Германией из-за Рура. Ситуация могла обостриться и в Восточной Европе. Столкновения между силами реакции и левыми происходили в Чехословакии, Венгрии, на Балканах, в Польше и других странах. Конгресс указал на возможность победы фашизма в этих государствах. При этом консервативные правительства тоже воспринимались как фашистские.

В целом коммунисты еще недопонимали всей опасности и прочности фашистского режима. Более того, Зиновьев уравнил социал-демократию с фашизмом, отметив, что социальную базу обоих составляет мелкая буржуазия. Оба течения стремятся играть роль силы, контролирующей все общество от капиталистов до рабочих, и «установить новую национальную гармонию во имя труда» [Емельянова, 2002, с. 125]. Вообще фашизм рассматривался как *кратковременный этап в развитии европейских стран*. Коммунисты полагали, что террор, применяемый фашистскими властями, лишь обострит классовую борьбу и быстрее поднимет пролетариат на революцию. В. И. Ленин, говоря о перспективах мировой революции, заметил:

«Как это произойдет, этого я не знаю. Может быть, нам окажут большие услуги, например фашисты в Италии, тем, что разъяснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены и, что их страна еще не гарантирована от черной сотни. Может быть, это будет очень полезно» [Ленин, 1978, т. 45, с. 293]. В 1922 году сложно было еще предположить, что именно фашизм станет инициатором войны против СССР. Б. Муссолини в начале 1920-х годов выступал только за мирный пересмотр Версальской системы и заявлял о готовности развивать сотрудничество с Советской Россией. Вероятно, поэтому оценки фашизма как явления на IV конгрессе были не очень жёсткими.

Всю вину за победу режима Б. Муссолини в Италии конгресс возложил на социалистов-реформистов. Критиковались и левые социалисты (максималисты), отказавшиеся в 1921 году от союза с коммунистами. В то же время IV конгресс в «Резолюции по итальянскому вопросу» приветствовал изгнание реформистов из ИСП и высказался за слияние Итальянской социалистической партии и Коммунистической партии Италии. Был создан объединительный комитет из представителей обеих партий и Коминтерна [Коминтерн..., 1999, с. 71—72].

На IV конгрессе был поднят вопрос о создании единого фронта с социалистами, но вопрос о союзе с антифашистски настроенной буржуазией не ставился.

На заседании ИККИ 11 февраля 1923 года было решено создать Центральное бюро Международного фонда борьбы против фашизма во главе с К. Цеткин.

III Пленум ИККИ (12—23 июня 1923 года) собрался в очень напряженное время и для Советской России, и для Коммунистического Интернационала. После подписания Россией Рапалльского договора осложнились отношения СССР с Англией. Нота Керзона (8 мая 1923 года), направленная Советскому руководству от имени правительства Великобритании, содержала угрозу начала войны в случае, если Коминтерн не прекратит активные действия в Индии и странах Востока [Емельянова, 2002, с. 135].

Из-за обострения франко-германского конфликта и внутреннего политического кризиса летом 1923 года Германия, казалось, стоит на пороге новой революции. По признанию очевидца тех событий, немецкой комсомолки Маргарете Бубер-Нейман, коммунисты считали, что легко смогут взять власть [Бубер-Нейман, 1995, с. 30].

Как и в Италии в 1922 году, ставка первоначально делалась на совместный приход к власти коммунистов в союзе с левой социал-демократией. Однако, в отличие от Италии, в отношении Германии, революция в которой считалась главным условием выживания советской власти в России, допускалась и военная поддержка.

В Германии КПП ставила задачу смены правительства и замены его новым, дружественным СССР. Будет ли это мирный путь, предложенный IV конгрессом, или вооруженный — зависело от конкретной ситуации [Емельянова, 2015, с. 66]. Пленум предусмотрел оба варианта.

Еще один теоретический вопрос, обсуждаемый на пленуме — это вопрос о фашизме. Он также был подчинен интересам внешней политики России. Доклад на эту тему делала Клара Цеткин. В нем содержался глубокий анализ этого явления. Указывалось, что фашизм — это результат разочарования рабочих, интеллигенции, мелкой буржуазии, составляющих массовую базу фашистских организаций, в парламентской системе капитализма, в политике социал-демократии и предложенном ею пути мирного перехода к социализму. Это поиск нового пути. К. Цеткин не снимала ответственности и с коммунистов за приход фашистов к власти. «С объективной точки зрения, фашизм послан скорее в *наказание пролетариату за то, что он не развернул шире начатой в России революции*» [Расширенный пленум..., 1923, с. 208], — говорила докладчица.

Лидеры Коминтерна не хотели признавать, что идея диктатуры пролетариата не нашла ощутимой поддержки, чтобы коммунисты могли прийти к власти в Европе. Значительные слои итальянского общества были готовы попробовать новый путь, предложенный фашистами.

Докладчица выделила те стороны фашистской идеологии, которые соответствовали настроениям значительных мелкобуржуазных слоев населения проигравших войну государств. Национализм и проповедь социального мира лежали в основе фашистской идеологии. Поэтому фашизм нашел поддержку в странах, перед которыми стояла задача национального возрождения [Расширенный пленум..., 1923, с. 215].

К. Цеткин отметила *тоталитарный характер фашистского режима*. Фашисты обещали широкую социальную программу, провести которую они собирались с помощью государства жесткими методами, подавляющими всех инакомыслящих. «Орудием осуществления фашистского идеала они считают государство, — говорила К. Цеткин. — Сильное авторитетное государство — сильное их детище и волевое орудие одновременно. Такое государство будет царить высоко над партийными разногласиями и классовыми противоречиями, преобразуя общественный строй согласно их идеологии, их программе» [Расширенный пленум..., 1923, с. 211].

К. Цеткин преувеличивала связь между фашизмом и буржуазией. Она дала следующее определение фашизму: «Фашизм — это самое опасное, сконцентрированное, классическое выражение наступления, которое ведет по всей линии мировая буржуазия» [Расширенный пленум..., 1923, с. 207].

Докладчица придерживалась прежней трактовки фашизма как предтечи революции. Был отмечен двойственный характер движения. Подчеркивалось, что внутри него есть революционные тенденции. Их нужно использовать. Правильно отмечалось, что фашизм выступает и против буржуазной демократии, и против социал-демократической партии. В резолюции «Борьба против фашизма» делался вывод о том, что в силу наличия в фашизме противоположных элементов, он неминуемо придет к внутреннему распаду и разложению [Коминтерн..., 1999, с. 103]. Придя на плечах трудящихся масс к власти, фашистские вожди во многом предали их, не оправдав возложенных на них надежд, — говорила К. Цеткин. В Италии уже начались манифестации протеста против экономической политики фашистов (в Турине, Неаполе, Триесте, Венеции и многих других городах). Причем бастовали сами рядовые члены фашистских организаций. Таким образом, считала К. Цеткин, фашизм ведет к обострению внутренней ситуации в капиталистических странах, а следовательно, к новым гражданским войнам. Поэтому фашизм — явление временное, оно погибнет в силу собственных противоречий, — говорила она [Расширенный пленум..., 1923, с. 226].

На пленуме прозвучала мысль о том, что коммунисты должны перехватить лозунги фашистов, чтобы воспользоваться ими в интересах революции. Это касалось прежде всего национальной идеи. Компартии должны были использовать ее для переманивания рядовых членов фашистских организаций на свою сторону, указывал К. Радек в прениях по докладу К. Цеткин [Расширенный пленум..., 1923, с. 241]. В своем выступлении К. Радек, красочно обрисовав историю жизни и смерти «героя контрреволюции» германского националиста А. Л. Шлагетера, даже заявил, что коммунисты должны вовлекать массы добросовестно заблуждающихся фашистов в свой лагерь [Расширенный пленум..., 1923, с. 240]. Фашисты тоже выступали против Версальского мира, как и коммунисты в начале 20-х годов (пока СССР не начал интеграцию в мировую политическую систему в 30-е годы). Видимо, этот факт стал определяющим при принятии III пленумом ИККИ осторожной резолюции по фашизму.

Переговоры об установлении отношений между СССР и Италией начались в сентябре 1923 года при поддержке Б. Муссолини и закончились подписанием советско-итальянского торгового договора в феврале 1924 года.

Анализ фашизма, данный III пленумом ИККИ, должен был быть противопоставлен анализу, предложенному социал-демократами в Гамбурге. Там социалисты обвинили в укреплении фашизма коммунистов. О. Бауэр возложил ответственность за раскол профсоюзов на Коминтерн, упрекая большевиков в терроре внутри страны и вовне. О. Бауэр предлагал мирные парламентские средства борьбы с фашизмом [Расширенный пленум..., 1923,

с. 208]. Он выступил за создание международного осведомительного бюро, которое координировало бы действия социалистических сил всего мира.

Социал-демократы считали фашизм движением мелкой буржуазии, развившимся в условиях наступления реакции в Европе. Буржуазия, по их утверждению, лишь поддерживала фашистов в борьбе с рабочим классом, считая их меньшим злом. По мнению социалистов, фашизм представлял собой бонапартизм и являлся самостоятельным движением, подчиняющим своей диктатуре все классы [Коминтерн..., 2002, с. 85].

Осуждая пассивность социал-демократии, сам Коминтерн предлагал в основном мирные средства борьбы с фашизмом: проникновение в фашистские организации, вступление в боевые отряды фашистов, перетягивание на свою сторону интеллигенции, мелкой буржуазии, крестьянства, рабочих, разоблачение социальной демагогии фашистов, противопоставление фашистским лозунгам лозунга рабоче-крестьянского правительства, использование национальных идей. Все это, по мнению III пленума, должно было ускорить развал фашизма.

Коммунистическое руководство утверждало, что фашизм — явление интернациональное. Борьба с ним должна носить не столько военный, сколько политический и идеологический характер.

Однако Дж. М. Серрати (Италия) и Б. Шмераль (Чехословакия) выразили сомнение в шаткости фашизма и действенности мирных средств борьбы. Б. Шмераль отметил: «Одними парламентскими средствами невозможно сломить сопротивление фашизма. Ему нужно противопоставить не слово, а дело. Необходимо снизу, из рабочих масс создать боевой фронт и так его вооружить, чтобы он представлял собой реальную силу, которая была бы в состоянии успешно отразить вооруженное нападение буржуазной реакции» [Расширенный пленум..., 1923, с. 236].

Сама К. Цеткин в заключительном слове признала необходимость наряду с политическими, идеологическими и вооруженными средствами борьбы.

1923 год и неудавшаяся революция в Германии показали ошибочность некоторых выводов III пленума. Часть деятелей Коминтерна были склонны использовать наиболее революционную часть фашистского движения в целях мирового коммунизма для разрушения капиталистической системы. Такую позицию в 1923 году в Германии занимал К. Радек [Емельянова, 2015, с. 68]. Г. Е. Зиновьев был резко против подобного подхода. Такая же ситуация ранее наблюдалась и в Италии. Из письма левого лидера Итальянской компартии А. Бордиги (сторонника Г. Е. Зиновьева) Д. Шашу от 22 августа 1922 года следует, что представитель Бюро Варги Дьюла Шаш (псевдоним Аквила), который был послан в Италию в августе 1922 года для составления отчета о положении в стране, был склонен использовать

одного из лидеров крайне правых Г. Д'Аннунцио в интересах коммунистов. В это время Г. Д'Аннунцио перешел в оппозицию к Б. Муссолини, но сохранял существенное влияние среди мелкой буржуазии и бывших солдат. Это создавало иллюзии в отношении возможного использования его против Б. Муссолини [Коминтерн..., 1999, с. 64]. А. Бордига, которого часто обвиняли в левизне, выступил с резкой критикой этой позиции Д. Шаша [Коминтерн..., 1999, с. 65].

Значительная часть руководства ИККИ была против сотрудничества и с социал-демократией, и с левым крылом фашизма (Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин, Е. Варга).

Е. Варга (руководитель Статистико-информационного института ИККИ в Берлине) в 1923 году продолжал изучение фашизма. В главе «Сущность и исторический смысл фашизма» из неопубликованной брошюры «Фашизм» (июнь 1923 года) он писал, что фашизм выполняет задачу восстановления капиталистической экономики методами насилия. Расчет социал-демократов, что в союзе с либеральной буржуазией они сумеют не только восстановить экономику, но и построить социальное общество, не оправдан, считал Е. Варга. Поскольку либеральная демократия обанкротилась, а фашизм в интересах капитала действует более эффективно, буржуазия поддержит его [Коминтерн..., 1999, с. 99—100]. То есть Е. Варга фактически говорил то, что потом уже напишут итальянские исследователи и В. И. Михайленко: фашизм был вариантом модернизации [Михайленко, 2013, с. 8]. Е. Варга был против использования левого крыла фашизма в союзе с социал-демократией для революционной войны с мировым капиталом.

Критикуя социалистов, Коминтерн в 1923 году все же нацелил компартии некоторых стран продолжать совместные действия с ними против фашистов. После прихода Б. Муссолини к власти в Италии КПИ перешла на нелегальную работу. ИККИ в своем письме руководству Нелегального отдела КПИ Италии (май 1923 года) предлагал коммунистам войти в СПИ, чтобы усилить ее левое крыло, выступающее за объединение с Компартией Италии, и использовать легальные методы борьбы [Коминтерн..., 2002, с. 91—92].

Однако объединить Итальянскую социалистическую партию и ИКП опять не удалось. Большинство делегатов съезда ИСП в Милане (апрель 1923 года) выступили против слияния. В мае 1923 года правое руководство ИСП во главе с П. Ненни отвергло предложение ИККИ о блоке двух партий. Оно потребовало привлечь к союзу и реформистскую Унитарную Социалистическую партию (УСП). Фракция «третьеинтернационалистов» (сторонников присоединения к Коминтерну) во главе с Дж. М. Серрати была исключена из рядов ИСП и в августе 1924 года влилась в КПИ [Коминтерн..., 2002, с. 71—72].

В целом, ИККИ в 1923 году не ставил задачи свержения режима Б. Муссолини, а только рекомендовал ИКП, ведя подпольную работу, наращивать свои силы.

После неудачи германской революции 1923 года позиция К. Радека и других сторонников относительно использования левых и рядовых участников фашистского движения в интересах революции была резко осуждена Коминтерном, как и тактика сотрудничества с социал-демократией [Емельянова, 2015, с. 69]. В конце 1923 года лидеры Коминтерна называли социалистов пособниками фашистов в установлении реакционных правительств в ряде стран Европы.

Социал-демократы, в свою очередь, приравнивали коммунистов к фашистам по методам борьбы. Они считали, что оба режима опираются на насилие. В мае 1923 года Учредительный конгресс Рабочего социалистического интернационала (РСИ) в Гамбурге официально призвал своих сторонников бороться против как буржуазной реакции, так и коммунистической революции. Подобного рода положения, приравнивавшие коммунизм и фашизм, позднее вошли в концепцию тоталитаризма [Коминтерн..., 2002, с. 85].

В 1924 году в Коминтерне произошел поворот влево. В Италии же началась длительная борьба коммунистов с диктатурой Б. Муссолини.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, политический кризис 1919—1923 годов, вызвавший противостояние крайне левых и крайне правых сил в Италии в послевоенный период, закончился победой фашизма. В режиме Б. Муссолини правящие круги увидели возможность избежать революции и решить стоящие перед страной задачи модернизации и национального единства.

Коминтерн с самого начала рассматривал фашизм как реакционное движение и предписывал компартиям вести борьбу с ним. Период 1919—1923 годов был временем надежд на мировую революцию и попыток осуществить ее, пока новый международный порядок еще не сформировался. И если вначале Коминтерн настаивал на расколе социалистического движения в Европе, чтобы упрочить собственные позиции на международной арене, то с 1921 года он взял курс на политику установления коалиционных рабочих правительств в союзе с социалистами для борьбы с реакцией. Цель — укрепление международного положения Советской России и коммунизма в целом в уже завершающей свое становление Версальско-Вашингтонской системе.

Вместе с тем опасность фашизма частью социалистов и коммунистов недооценивалась. Некоторые представители этих партий пытались договориться с фашистской оппозицией о совместных действиях в интересах

демократии или революции. Эти иллюзии быстро развеялись. С установлением фашистской диктатуры в Италии другие партии были запрещены. Коминтерн в 1923—1924 годах резко осудил сторонников идеи сотрудничества с фашизмом и единого фронта с социал-демократией. На V конгрессе они были отстранены от руководства в ИККИ и в компартиях.

С приходом Б. Муссолини к власти лидеры Коминтерна стали придавать более серьезное значение изучению фашизма как явления.

В 1920-е годы закладываются основы теории фашизма, получившие развитие сегодня: фашизм как способ модернизации (Е. Варга), как проявление тоталитаризма (К. Цеткин и социал-демократия), реакционной революции (К. Радек) и диктатуры финансовой и промышленной буржуазии (общая позиция Коминтерна). Но со временем классовый подход в научных изысканиях коммунистических теоретиков возобладал. В 1933 году на XIII пленуме ИККИ было дано определение, ставшее классическим в советский период. Фашизм — это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала [XIII пленум..., 1934, с. 589].

Слабые стороны коммунистической концепции фашизма заключались в абсолютизации внутренних противоречий в фашистском движении, в ожидании его быстрого краха в силу внутреннего конфликта между входящими в него политическими силами. Еще одна ошибка — в нежелании понять, что фашизм с его идеей третьего пути психологически был ближе западному индивидуалистическому обществу, чем коммунизм, основанный на приоритете коллективных ценностей. Фашизм, несмотря на создание корпоративных институтов и политику государственно-частного партнерства, по сути, не менял основы западной *экономической* модели, а лишь на время видоизменил ее с целью подготовиться к новой мировой войне, модернизировать страну, добиться консолидации общества и решить задачу расширения территорий своих национальных государств за счет других народов, опираясь при этом на методы насилия и террора.

Первые годы борьбы против фашизма выявили множество проблем: раскол и противоборство в рабочем движении, просчеты в оценке фашизма, колебания в вопросе о задачах и союзниках в антифашистской борьбе [Коминтерн..., 2002, с. 87]. Все это было преодолено только с приходом к власти в Германии в 1933 году А. Гитлера. Создание народного фронта способствовало сплочению всех демократических сил и победе над фашизмом во Второй мировой войне.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Большевицкое руководство*. Переписка, 1912—1927 / Ин-т гос. упр. и соц. исслед. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова и др. ; Редкол. : А. В. Квашонкин и др. (с рос. стороны), A. Berelowitch и др. (с фр. стороны), E. Cinella и др. (с итал. стороны). — Москва : РОССПЭН, 1996. — 423 с.
2. *Бубер-Нейман, Маргарете*. Мировая революция и сталинский режим : записки очевидца о деятельности Коминтерна в 1920—1930-х г. / Маргарете Бубер-Нейман ; ред. и пер. с нем. А. Ю. Ватлина и Л. И. Ватлиной. — Москва : АИРО — XX, 1995. — 261 с.
3. ИККИ — *Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала*.
4. *Коминтерн* и идея мировой революции. Документы / Отв. ред. Я. С. Дабкин. — Москва : Наука, 1998. — 947 с.
5. *Коминтерн* против фашизма : Документы / РАН. Ин-т всеобщ. истории, Федер. архив. служба России. Рос. центр хранения и изучения док. новейшей истории ; Сост., авт. вступ. ст. и коммент. В. В. Дамье и др. — Москва : Наука, 1999. — 505 с.
6. КПГ — *Коммунистическая партия Германии*.
7. *Ленин В. И.* Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Изд. 5. — Москва : Политическая литература, 1978. — Т. 45. — С. 278—294.
8. РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. 495. Оп. 18 (Документы Секретариата ИККИ) Ф. 495. Оп. 18. Д. 116. Л. 54.
9. РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. 495. Оп. 160. (Второй Расширенный Пленум ИККИ) Ф. 495. Оп. 160. Д. 27. Л. 76—77.
10. РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. 491. Оп. 1. (Четвёртый конгресс Коминтерна) Ф. 491. Оп. 1. Д. 111. Л. 60.
11. *Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала* (12—23 июня 1923 г.) : Отчет. — Москва : Государственное издательство, 1923. — 323 с.
12. *XIII пленум ИККИ* : Стенографический отчет. — Москва : Партиздат, 1934. — 597 с.
13. «*Я прошу записывать меньше : это не должно попадать в печать*». Выступления В. И. Ленина на IX конференции РКП(б) // Исторический архив. — 1992. — № 1. — С. 12—30.

Литература

1. *Белоусов Л. С.* Режим Муссолини и массы / Л. С. Белоусов. — Москва : Изд-во МГУ, 2000. — 368 с. — ISBN 5-211-04206-9.
2. *Белоусов Л. С.* Фашизм / Л. С. Белоусов // В сб. : Большая российская энциклопедия. — Москва : Большая Российская Энциклопедия, 2017. — С. 214—217. — ISBN 978-5-85270-370-5.
3. *Витале А.* О фашизме. Размышления о статье В. И. Михайленко / А. Витале // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. — 2014. — № 1 (125). — С. 15—21.
4. *Емельянова Е. Н.* Несостоявшаяся революция 1923 г. в Германии / Е. Н. Емельянова // Клио. — 2015. — № 10 (106). — С. 66—70.
5. *Емельянова Е. Н.* Революционная война или мирное сосуществование? к истории Коминтерна (1919—1923 гг.) / Е. Н. Емельянова. — Коломна : Посад, 2002. — 240 с. — ISBN 5-901448-02-2.

6. *Коминтерн* против фашизма / Н. П. Комолова, М. Б. Корчагина, К. К. Шириня, В. В. Дамье // История Коммунистического Интернационала 1919—1941 : Документальные очерки. — Москва : Наука, 2002. — С. 74—115. — ISBN 5-02-009478-1.

7. Любин В. П. Социалисты в истории Италии : ИСП и ее наследники, 1892—2006 / В. П. Любин. — Москва : Наука, 2007а. — 463 с.

8. Любин В. П. Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники, 1892—2006 гг. : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.03 / В. П. Любин. — Москва : ИВИ РАН, 2007б. — 35 с.

9. Михайленко В. И. Итальянский фашизм 90 лет спустя : актуальность исторического феномена / В. И. Михайленко // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. — 2013. — № 1 (112). — С. 6—17.

10. *De Felice R. Rosso e Nero* / R. De Felice. — Milano : Baldini&Custoldi, 1995. — 167 p.

11. *Elnaiem M. Black Americans in the Popular Front against fascism: the era of anti-fascist struggle was a crucial moment for black radicals of all stripes* / M. Elnaiem // *Daily. Jstor*. — 2020. — November 12.

12. *Gentile E. Il fascismo in tre capitoli* / E. Gentile. — Roma ; Bari : Laterza, 2006. — 139 p.

13. *Giudici A. Memories and internationalist ideas of a revolutionary fighter between USSR and Spain* / A. Giudici // *Левая альтернатива в XX веке : драма идей и судьбы людей. к 100-летию Коминтерна : сб. докладов Международной научной конференции. Москва, 26—28 июня 2019 г.* — Москва : Политическая энциклопедия, 2020. — Рр. 72—74.

14. *Höbel A. Luigi Longo : a «Garibaldi of the twentieth century» at the head of the International Brigades in the Spanish Civil War* / A. Höbel // *Левая альтернатива в XX веке : драма идей и судьбы людей. к 100-летию Коминтерна : сб. докладов Международной научной конференции. Москва, 26—28 июня 2019 г.* / отв. ред. А. К. Сорокин. — Москва : Политическая энциклопедия, 2020. — Рр. 352—363.

15. *Newman G. p. Revolution and Counterrevolution in Europe 1917—1923* / G. p. Newman // *The Cambridge history of Communism*. — Cambridge : Cambridge univ. press, 2017. — Vol. 1 : World revolution and socialism in one country, 1917—1941. — Рр. 96—120.

16. *Rees T. The Popular Fronts and the Civil War in Spain* / T. Rees // *The Cambridge history of Communism*. — Cambridge : Cambridge univ. press, 2017. — Vol. 1 : World revolution and socialism in one country, 1917—1941. — Рр. 256—274.

17. *Tinë S. Togliatti and the VII Congress of the Communist International* / S. Tinë // *Левая альтернатива в XX веке : драма идей и судьбы людей. к 100-летию Коминтерна : сб. докладов Международной научной конференции. Москва, 26—28 июня 2019 г.* / отв. ред. А. К. Сорокин. — Москва : Политическая энциклопедия, 2020. — Рр. 232—243.

18. *Tonelli A. The Italian anti-fascist community in Moscow : The activity of communist women and the example of Teresa Noce* / A. Tonelli // *Левая альтернатива в XX веке : драма идей и судьбы людей. к 100-летию Коминтерна : сб. докладов Международной научной конференции. Москва, 26—28 июня 2019 г.* / отв. ред. А. К. Сорокин. — Москва : Политическая энциклопедия, 2020. — Рр. 257—262. — ISBN 978-5-8243-2410-5.

*Статья поступила в редакцию 15.11.2023,
одобрена после рецензирования 16.01.2024,
подготовлена к публикации 22.01.2024.*

Material resources

- “I ask you to write less: this should not go to print.” V. I. Lenin’s speeches at the IX conference of the Russian Communist Party(b). (1992). *Historical Archive, 1*: 12—30. (In Russ.).
- Buber-Neumann, Margarethe. (1995). *The World Revolution and the Stalinist regime: Eyewitness notes on the activities of the Comintern in the 1920s and 1930s*. Moscow: AIRO — XX. 261 p. (In Russ.).
- Comintern against fascism: Documents / RAS. In-t is universal. stories, Feder. archive. The service of Russia. Russian Center for the storage and study of doc. modern history*. (1999). Moscow: Nauka. 505 p. (In Russ.).
- Expanded Plenum of the Executive Committee of the Communist International (June 12—23, 1923): Report*. (1923). Moscow: State Publishing House. 323 p. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1978). *Five years of the Russian Revolution and prospects of the world revolution. Report at the IV Congress of the Comintern on November 13, 1922*, 45. Moscow: Political Literature. 278—294. (In Russ.).
- RGASPI — *Russian State Archive of Socio-Political History. F. 491. Op. 1. (Fourth Congress of the Comintern) F. 491. Op. 1. D. 111. L. 60*. (In Russ.).
- RGASPI — *Russian State Archive of Socio-Political History. F. 495. Op. 18 (Documents of the Secretariat of the ICCI) F. 495. Op. 18. D. 116. L. 54*. (In Russ.).
- RGASPI — *Russian State Archive of Socio-Political History. F. 495. Op. 160. (Second Extended Plenum of the ICCI) F. 495. Op. 160. D. 27. L. 76—77*. (In Russ.).
- The Bolshevik leadership. Correspondence, 1912—1927 / Institute of State Administration and Social Sciences. research. Moscow State University named after M. V. Lomonosov and others*. (1996). Moscow: ROSSPAN. 423 p. (In Russ.).
- The Comintern and the idea of a world revolution. Documents*. (1998). Moscow: Nauka. 947 p. (In Russ.).
- The ICCI — *Is the Executive Committee of the Communist International*. (In Russ.).
- The KKE — *Is the Communist Party of Germany*. (In Russ.).
- The XIII Plenum of the ICCI: A verbatim report*. (1934). Moscow: Partizdat. 597 p. (In Russ.).

References

- Belousov, L. C. (2000). *The regime of Mussolini and the masses*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 368 p. ISBN 5-211-04206-9. (In Russ.).
- Belousov, L. S. (2017). Fascism. In: *In the collection: The Great Russian Encyclopedia*. Moscow: The Great Russian Encyclopedia. 214—217. ISBN 978-5-85270-370-5. (In Russ.).
- De Felice, R. (1995). *Rosso e Nero*. Milano: Baldini&Custoldi. 167 p. (In Ital.).
- Elnaïem, M. (2020). Black Americans in the Popular Front against fascism: the era of anti-fascist struggle was a crucial moment for black radicals of all stripes. *Daily. Jstor. November 12*.
- Gentile, E. (2006). *Il fascismo in tre capitoli*. Roma; Bari: Laterza. 139 p. (In Ital.).
- Giudici, A. (2020). Memories and internationalist ideas of a revolutionary fighter between USSR and Spain. In: *Left alternative in the twentieth century: the drama of ideas and destinies of people. to the 100th anniversary of the Comintern: sat. reports of the international scientific conference. Moscow, June 26—28, 2019*. Moscow: political encyclopedia. 72—74.
- Höbel, A. (2020). Luigi Longo: a «Garibaldi of the twentieth century» at the head of the International Brigades in the Spanish Civil War. In: *Left alternative in the twentieth century*.

- eth century: the drama of people's ideas and destinies. to the 100th anniversary of the Comintern: sat. reports of the international scientific conference. Moscow, June 26—28, 2019. Moscow: political encyclopedia publ. 352—363.*
- Lyubin, V. P. (2007a). *Socialists in the history of Italy: Spain and its heirs, 1892—2006*. Moscow: Nauka. 463 p. (In Russ.).
- Lyubin, V. P. (2007b). *Socialists in the history of Italy. ISP and its heirs, 1892—2006*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow: IVI RAS. 35 p. (In Russ.).
- Mikhailenko, V. I. (2013). Italian fascism 90 years later: the relevance of a historical phenomenon. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences, 1 (112)*: 6—17. (In Russ.).
- Newman, G. p. (2017). Revolution and Counterrevolution in Europe 1917—1923. In: *The Cambridge history of Communism, 1*. Cambridge: Cambridge univ. press. 96—120.
- Rees, T. (2017). The Popular Fronts and the Civil War in Spain. In: *The Cambridge history of Communism, 1*. Cambridge: Cambridge univ. press. 256—274.
- The Comintern against Fascism. (2002). In: *History of the Communist International 1919—1941: Documentary essays*. Moscow: Nauka. 74—115. ISBN 5-02-009478-1. (In Russ.).
- Tinë, S. (2020). Togliatti and the VII Congress of the Communist International. In: *Left alternative in the twentieth century: the drama of ideas and the fate of people. to the 100th anniversary of the Comintern: sat. reports of the international scientific conference. Moscow, June 26—28, 2019. Moscow: political encyclopedia publ. 232—243.*
- Tonelli, A. (2020). The Italian anti-fascist community in Moscow: The activity of communist women and the example of Teresa Noce. In: *Left alternative in the twentieth century: the drama of people's ideas and destinies. to the 100th anniversary of the Comintern: sat. reports of the international scientific conference. Moscow, June 26—28, 2019. Moscow: political encyclopedia publ. 257—262. ISBN 978-5-8243-2410-5.*
- Vitale, A. (2014). About fascism. Reflections on the article by V. I. Mikhailenko. *Izvestia of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences, 1 (125)*: 15—21. (In Russ.).
- Yemelyanova, E. N. (2002). *Revolutionary war or peaceful coexistence? On the History of the Comintern (1919—1923)*. Kolomna: Posad. 240 p. ISBN 5-901448-02-2. (In Russ.).
- Yemelyanova, E. N. (2015). The failed revolution of 1923 in Germany. *Klio, 10 (106)*: 66—70. (In Russ.).

*The article was submitted 15.11.2023;
approved after reviewing 16.01.2024;
accepted for publication 22.01.2024.*

Информация для цитирования:

Ермолович Д. Н. Влияние внешних факторов на ход революции 25 апреля 1974 года в Португалии / Д. Н. Ермолович // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 354—373. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-354-373.

Ermolovich, D. N. (2024). External Factors' Influence on Course of the April 25, 1974 Revolution in Portugal. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 354-373. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-354-373. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-354-373

**Влияние внешних факторов
на ход революции
25 апреля 1974 года
в Португалии**

Ермолович Дмитрий Николаевич^{1,2}

orcid.org/0009-0002-9142-3545

¹соискатель;

²второй секретарь

Историко-документального
департамента

dm.yermolovich@yandex.ru

¹Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

²Министерство иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

**External Factors'
Influence on Course
of the April 25, 1974
Revolution in Portugal**

Dmitry N. Ermolovich^{1,2}

orcid.org/0009-0002-9142-3545

¹degree seeker;

²Second Secretary of the Historical
and Documentary Department
dm.yermolovich@yandex.ru

¹Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

²The Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается португальская революция 1974 года в период с 1974 по 1976 годы с точки зрения влияния на нее внешних сил. Большое внимание уделено разбору документальных материалов, опубликованных Государственным департаментом США за рассматриваемый период, а также мемуарной литературе португальских и зарубежных авторов. Анализируется процесс формирования нового внешнеполитического курса США в отношении Португалии после революции. Сопоставляются американские и европейские подходы к событиям в Португалии. Выявляется роль СССР и других стран соцлагеря. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Революция оказалась неожиданной для американского руководства. На начальном этапе реакция американцев была сдержанной, однако их отношение изменилось после включения в правительство представителей компартии. США перешли к политике оказания политического и экономического давления на португальское руководство с целью исключения коммунистов из правительства, стали поддерживать все оппозиционные левым партии, а также сделали ставку на раскол в рядах левых сил. Советский Союз оказывал довольно скромную поддержку португальским коммунистам, в то время как страны социалистического блока проявили в этом вопросе существенно большее участие и энтузиазм. Союзники США в Европе занимали более умеренные позиции. Европейская дипломатия предпринимала существенные усилия, чтобы избежать прямого противостояния США и СССР, при этом наибольшие трудности вызывало стремление удержать США от демонстрации своих сил на европейском континенте.

Ключевые слова:

американо-португальские отношения; португальская революция 25 апреля 1974 года; советско-португальские отношения; история Португалии; роль СССР в революции гвоздик; соцстраны и революционная Португалия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the Portuguese Revolution of 1974 from 1974 to 1976, focusing on the influence of external forces. The analysis extensively utilizes documentary materials published by the U.S. State Department during the period under consideration, as well as memoirs by Portuguese and foreign authors. The study explores the process of shaping the United States' new foreign policy towards Portugal after the revolution, comparing American and European approaches to the events in Portugal. The role of the USSR and other socialist countries is also examined. The research findings indicate that the revolution caught the American leadership off guard. Initially, the U.S. response was restrained, but their attitude changed after members of the Communist Party joined the government. The U.S. adopted a policy of exerting political and economic pressure on the Portuguese leadership to exclude communists from the government, supporting all opposition left-wing parties, and exploiting divisions within left-wing forces. The Soviet Union provided relatively modest support to Portuguese communists, while socialist bloc countries showed significantly greater involvement and enthusiasm. U.S. allies in Europe took more moderate positions. European diplomacy made significant efforts to avoid direct confrontation between the U.S. and the USSR, with the greatest challenge being to prevent the U.S. from demonstrating its power on the European continent.

Key words:

US-Portuguese relations; Portuguese Revolution of April 25, 1974; Soviet-Portuguese relations; history of Portugal; role of the USSR in the Carnation Revolution; socialist countries and revolutionary Portugal.

Влияние внешних факторов на ход революции 25 апреля 1974 года в Португалии

© Ермолович Д. Н., 2024

1. Введение = Introduction

В настоящей статье исследуется португальская революция 1974 года с точки зрения влияния на ее ход внешних факторов в период с 1974 по 1976 годы. Большое внимание уделено анализу документальных материалов по американо-португальским отношениям за аналогичный период, опубликованных в сборнике документов «Foreign Relations of United States of America» (далее — FRUS), который издается Государственным департаментом США. Португальская революция 25 апреля 1974 года, которая больше известна под названием Революция гвоздик, предстает ключевым событием в современной португальской истории. Эта была последняя революция в Европе, которая провозглашала своей целью коренную перестройку общества на социалистических началах. Апрельская революция не была одномоментным событием, она представляет собой затянувшийся на годы процесс. Поскольку португальская революция произошла в период холодной войны и жесткого идеологического противостояния между США и СССР [Райнхардт и др., 2023; Немудров и др., 2023], равно как и возглавляемыми ими блоками стран, то она не могла не стать событием мирового масштаба, придав течению революционного процесса широкое международное измерение.

Изучение американских архивных материалов и мемуарной литературы поможет лучше понять столь значительное в свое время явление международной жизни, установить факторы, повлиявшие на выработку американского курса в отношении революционной Португалии, и оценить степень вовлеченности в португальские события других международных акторов, включая СССР, США и ЕЭС.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В Советском Союзе революционные события в Португалии вызвали неподдельный интерес, что легко объяснимо, поскольку новое португальское руководство ставило перед собой задачу проведения широких преобразований с целью построения социалистического общества. В усло-

виях блокового противостояния социалистических и капиталистических стран революция, которая произошла в капиталистическом тылу, однозначно рассматривалась как победа коммунистов. Более того, в 1960-е и 1970-е годы СССР вел последовательную борьбу за устранение любых форм колониальной зависимости и неравенства на международной арене. Крушение последней колониальной империи подтверждало правильность избранного внешнеполитического курса и свидетельствовало о его успешности. Ввиду этого исследование португальской тематики приобрело научную и практическую значимость. На протяжении 1970-х и 1980-х годов появляется целый ряд научных трудов и публикаций, посвященных португальской проблематике: вопросам португальского колониализма и борьбы португальских колоний за независимость [Хазанов, 2014], истории португальского фашизма [Капланов, 1992], португальской революции [Кузнецов, 1976, Писарец, 1986], актуальной португальской истории и советско-португальским отношениям [Ястржембский, 1989], подготавливаются диссертации по внешней и внутренней политике страны 1970-х и 1980-х годов [Иванова, 1988; Жебит, 1985].

Современная российская историческая наука проявляет относительно мало интереса к проблематике португальской революции. Революция 25 апреля 1974 года в большей степени рассматривается с точки зрения концепции демократического транзита и волн демократизации, поэтому современные российские исследования в большей мере акцентируют свое внимание скорее на последствиях революции, то есть на социально-экономических и структурных преобразованиях и индикаторах развития страны до и после присоединения к ЕЭС [Яковлева, 2014, Яковлева 2016, Верник, 2014, Поляков, 2021 и др.].

В самой же Португалии интерес к революции до сих пор не ослабевает и даже, наоборот, усиливается. Если, например, в 1990-е годы португальские ученые ограничивались сбором первичных фактов и обобщений, подготавливая почву для более глубокого анализа будущих историков [Сарайва, 2004], то современные ученые (португальские и зарубежные) предлагают различные трактовки событий тех лет в зависимости от своих личных взглядов и политических предпочтений, от правых [Ramos, 2009, Medeiros Freire, 2004, Brito, 2012] до левых [Birmingham, 2018, Chilcote, 2010]. Более того, к настоящему времени накоплен достаточно солидный объем мемуарной литературы, написанной как национальными политиками, государственными деятелями и дипломатами [Soares, 1974; Cunhal, 2016; Невеш, 1987], так и зарубежными [Брандт, 1991; Черняев, 2008], содержащей богатый материал для сопоставления оценок революционных событий представителями различных политических сил и течений.

Наиболее полезным для написания данной работы было изучение документальных материалов Госдепартамента США и посольства США в Португалии (меморандумы, доклады, записи бесед, аналитические записки и т. д.), опубликованных в серии «Внешняя политика США» в томе E-15, части 2, посвященной отношениям США со странами Западной Европы в период с 1969 по 1976 годы [FRUS, Vol. E-15, part 2, 2014]. В статье также анализируются документы, которые ранее не присутствовали в российском научном дискурсе по португальской тематике. Рассматриваемые документальные материалы дают целостное представление об американских подходах к решению португальского вопроса, об оценках внутривнутриполитического положения в Португалии и международной ситуации в Западной Европе в целом, а также о том, как США оценивали роль и степень влияния Советского Союза на ход португальской революции. Системный анализ данных документов существенно углубляет понимание процессов, происходивших в тот период в Португалии, и дает представление о степени влияния на них тех или иных внешних акторов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Предпосылки апрельской революции 1974 года и ее международный контекст

Революция гвоздик началась с военного переворота, но те перемены, которые последовали за ней, приобрели революционный характер. Она стала результатом сочетания целого ряда факторов как внутреннего развития, так и международной конъюнктуры.

Салазаровский режим на протяжении большей части его существования критиковали за отсутствие политических и демократических свобод, альтернативных выборов, за подавление оппозиции и деятельность политической полиции. Подобная критика исходила в основном со стороны интеллигенции, хотя она и находила отклик у широких слоев общества, но спровоцировать революционные события сама по себе она не могла. Все попытки переворота против А. Салазара провалились. Сменивший его на посту главы государства М. Каэтану в 1970 году не обладал столь большой властью.

Католическая вера и обладание колониями лежали в основе идеологии «Нового государства». Согласно политической доктрине этого режима, Португалия позиционировалась как последний оплот христианства в полулиберальной-полукоммунистической Европе, которая выполняет благородную миссию по распространению христианской веры и европейской культуры в колониях. Создатели нового государства не мыслили сам факт существования Португалии без заморских территорий, чем и объяснялась столь неприемлимая позиция режима в отношении колониального вопроса.

К концу существования режима эти два столпа оказались скомпрометированы в глазах общества. В 1960-е годы произошел разрыв между А. Салазаром и католической церковью в связи с тем, что Папа Римский стал склоняться на сторону национально-освободительных движений в португальских африканских колониях. В частности, в 1970 году папа Павел VI в частном порядке встретился с их лидерами. По мере затягивания войны в колониях она становилась все менее популярной в португальском обществе. Непримируемость и нежелание идти на компромисс в данном вопросе вызывали все больше критики и на международной арене.

После Второй мировой войны стала набирать обороты тенденция на предоставление независимости бывшим колониям, которые становились полноправными членами ООН. Обретя суверенитет, они стремились помочь добиться того же тем, кто еще оставался в зависимости. Следствием этого стало то, что колониальный вопрос становится одним из ключевых на заседаниях Генеральной ассамблеи ООН. Более того, СССР в 1960-е и 1970-е годы взял курс на сотрудничество с государствами «третьего мира», провозгласив в числе приоритетов своей внешней политики устранение любых форм дискриминации в международных отношениях и предоставление независимости всем колониальным странам и народам. СССР вместе со странами «третьего мира» удалось добиться принятия целого ряда резолюций с осуждением португальского колониализма, включая резолюцию Генассамблеи ООН № 2107 от 21 декабря 1965 года с призывом ко всем странам «порвать дипломатические и консульские отношения с правительством Португалии или воздержаться от установления таких отношений», а также «бойкотировать всякую торговлю с Португалией» [ГА ООН, резолюция № 2107, 1965]. Португалию поддерживали крупные западные страны: США, Франция, ФРГ и Великобритания, которые имели коммерческие интересы в португальских колониях, а также ЮАР и Родезия.

В экономическом плане в период с 1961 по 1971 годы Португалия росла довольно неплохими темпами. Однако экономические успехи носили во многом иллюзорный характер. Рост национальной экономики обеспечивался за счет широкого привлечения иностранного капитала, которому принадлежало более половины всех производственных мощностей страны. В частности, благодаря иностранным инвестициям, в Лиссабоне были построены современные судостроительные верфи. Низкому уровню безработицы и относительно благосостоянию населения способствовали военные заказы и высокая эмиграция, ряды которой пополняли молодые португальцы, не желавшие служить по призыву и отправляться на войну. С 1961 по 1972 годы население Португалии сократилось почти на 1 млн человек. Хотя колониальная война была довольно «вялотекущей», она

в большей степени походила на контртеррористическую операцию, чем на полномасштабную войну. Однако к моменту революции она длилась больше 10 лет и стала уже неподъемной ношей для государственного бюджета. Военные расходы поглощали более 40 % всех его затрат, что естественным образом вело к инфляции и падению уровня жизни населения.

В начале 1970-х годов кризисные явления в португальской экономике становились все очевиднее, однако до 1973 года ситуация еще была относительно контролируемой. В этот год рост ВВП сократился до 5 % (с 11 % в 1972 году), и в последующие годы темпы роста национальной экономики продолжили падать, демонстрируя даже отрицательную динамику. Такое падение было обусловлено в том числе двумя внешними «шоками»: девальвацией доллара и энергетическим кризисом 1973 года. Повышение цен на энергоносители в четыре раза сильно ударило по промышленному сектору страны, которая являлась чистым импортером нефти. В то же время удешевление доллара привело к сокращению ее валютных запасов и поступлений.

Падение уровня жизни, массовые сокращения и растущая инфляция окончательно лишили существующий режим народной поддержки. Выразителем общественного недовольства стали офицеры младшего и среднего звена, которым приходилось помимо всего прочего рисковать жизнью в бесперспективной, как казалось, войне. Они объединились в «движение капитанов», или Движение вооруженных сил (далее ДВС), которое и стало инициатором апрельского переворота в стране.

3.2. Первая международная реакция на революцию в Португалии

В ходе переворота к власти в стране при содействии ДВС пришел генерал А. Спинола, обещавший решить колониальный вопрос мирным путем. Первая международная реакция на события в Португалии в целом была весьма позитивной. Новое правительство страны объявило, что будет исполнять все обязательства предыдущего, чем успокоило западноевропейские демократии, а обязательство провести деколонизацию снискало ему симпатии социалистических стран и стран «третьего мира». Одной из первых стран, признавших новый режим, была Бразилия, в то же время франкистская Испания с подозрением отнеслась к смене португальского правительства, приютив у себя большинство опальных чиновников и политических деятелей. Советский Союз занял выжидательную позицию, оценивая то, в каком направлении будет развиваться обстановка в стране. Несмотря на неоднократные предложения португальской стороны восстановить дипломатические отношения, советская сторона пошла на это только в июне 1974 года.

Что касается американской реакции, то из анализа документов Государственного департамента США можно сделать вывод о том, что рево-

люция гвоздик 25 апреля 1974 года стала неожиданностью для США и что им не удалось сразу осознать всю глубину социальных потрясений, происходящих в Португалии. В частности, госсекретарь Г. Киссинджер на основе сведений, предоставленных послом США в Лиссабоне Н. Скоттом, докладывал президенту Р. Никсону, что, «по всей видимости, на текущий момент переворот не несет угрозы американским интересам, а в краткосрочной перспективе может даже принести США определенные выгоды, например, уменьшение давления с португальской стороны в вопросе получения американского оружия для использования на португальских африканских территориях» [FRUS, Vol. E-15, part 2, p. 461—462]. Речь в этом докладе идет о требованиях португальской стороны о продаже ей американского оружия в обмен на предоставление своей территории для поставок оружия Израилю в его войне с арабскими государствами. Дело в том, что после начала войны Судного дня (октябрь 1973 года) Португалия оказалась единственной страной в Европе, предоставившей свою территорию (военно-воздушную базу Лажеш на Азорских островах) для транспортировки американского оружия и боеприпасов в Израиль. Ссылаясь на серьезные экономические издержки для страны в связи с принятием такого решения — эмбарго на продажу нефти Португалии со стороны стран Персидского залива, — а также на мнимую угрозу португальским колониальным владениям в Африке со стороны СССР и Китая, португальское руководство в качестве одной из компенсационных мер добивалось от США разрешения на приобретение определенных видов вооружений, которые, как полагали в Лиссабоне, помогут одержать победу в колониальной войне и защититься от агрессии извне. Проблема для администрации президента США в данном случае состояла в том, что Конгресс США наложил запрет на продажу оружия Португалии опять же в связи с ее колониальной политикой. Под нажимом португальцев администрацией президента США рассматривался компромиссный вариант перепродажи американского оружия Израилем Португалии [FRUS, Vol. E-15, part 2, p. 457—458].

В целом фигура А. Спинолы вполне устраивала США, по крайней мере, она была им понятной. Смущало только то, что в его правительстве были коммунисты. Португальский президент пытался оправдаться, объясняя, что это была вынужденная мера для стабилизации внутривнутриполитической обстановки. Вопрос финансовой помощи Португалии увязывался с необходимостью вывода из правительства коммунистов. Несмотря на то, что режим А. Спинолы был именно таким, какой нужен был США: современный, европо-ориентированный, демократический, «однако, поскольку американцы были в оцепенении или, лучше сказать, в состоянии паники перед лицом участия коммунистов в правительстве Спинолы, они не

предоставили ему какой-либо помощи до тех пор, пока не стало слишком поздно» [Maxwell, 2005, p. 5—37].

В июле 1974 года А. Спинола встретился с президентом США Р. Никсоном на военно-воздушной базе Лажеш на Азорских островах. В ходе этой встречи португальский лидер попытался заручиться поддержкой США, описывая «ужасы» возможного прихода к власти в стране коммунистов и последствий этого для западноевропейских стран: «Помощь подобного рода будет очень важна для сдерживания любых попыток со стороны коммунистов (которые только что получили существенную финансовую помощь от Советов) взять под свой контроль Португалию с целью создания новой Кубы на Иберийском полуострове. Развитие событий по описанному сценарию непременно будет иметь последствия для Испании, поскольку португальская революция уже серьезно пошатнула ее политическую систему. Оно также будет иметь серьезные последствия для Альянса и Западного Мира в связи с последующей за этим потерей Азорских островов и островов Зеленого Мыса» [FRUS, Vol. E-15, part 2, p. 463]. Прекрасно понимая то, что американцы воспринимают события в Португалии через призму своих глобальных интересов и логики блокового противостояния, А. Салазар попытался надавить на обеспокоенность американского руководства тем, что успех коммунистов в Португалии мог привести к «своеобразной цепной реакции», или «эффекту домино», во всей Южной Европе.

Удержаться у власти А. Спиноле не удалось. Причиной этого стало то, что его проект деколонизации предполагал длительный переходный период с последующим проведением референдумов, которые бы определили будущее колоний. Однако португальское общество требовало немедленных решений, да и местные элиты в колониях, почувствовав слабость португальцев, отказывались идти на уступки. Даже полномасштабная помощь со стороны американцев вряд ли позволила бы ему удержаться у власти, а вот промедление с ее выделением, напротив, ускорило процесс падения его правительства.

18 июля к власти пришло второе временное правительство во главе с кандидатом ДВС генералом Вашку Гонсалвешем, которого американцы считали сторонником коммунистов. Резко возросло число военных в правительстве. Такое развитие событий несколько насторожило американцев, однако посол США в Лиссабоне Н. Скотт сообщал в Вашингтон: «Мне совершенно ясно, что Спиноле очень бы хотелось выступить против участия коммунистов в правительстве, и он это подтвердил во время недавнего правительственного кризиса, результатом которого стало то, что министр труда от коммунистической партии лишился своего поста, а его место занял представитель военных» [FRUS, Vol. E-15, part 2, p. 468].

3.3. Изменение американской стратегии в отношении Португалии и позиция стран ЕЭС

Чувствуя шаткость своих позиций и стремясь выйти из политического тупика, в сентябре 1974 года А. Спинола попытался совершить контрпереворот с целью упрочнения своей власти и консолидации правых сил, однако эта попытка провалилась, и ему пришлось бежать в Испанию. Результатом переворота стало усиление влияния на политику страны ДВС и левых сил, о чем Г. Киссинджер проинформировал президента Дж. Форда: «Возможно наиболее важный урок, который стоит извлечь из событий минувших выходных — тесная координация действий между Движением вооруженных сил и коммунистической партией. Их контроль над ситуацией был настолько полным, что практически вся страна была в их руках» [FRUS, Vol. E-15, part 2, p. 474]. Он также пришел к выводу о необходимости заменить посла в Лиссабоне, назвав деятельность Н. Скотта на этом посту «катастрофой» и предложив ему на замену кандидатуру Ф. Карлуччи.

С этого момента ЦРУ начинает разработку планов по противостоянию коммунистической угрозе в Португалии, которые включали как официальные шаги по политической и экономической поддержке Португалии, так и неофициальные. Конечно, доподлинно неизвестно, сколько американских средств было потрачено, равно как и то, на какие конкретные шаги они были израсходованы. Рассекреченные документы Госдепартамента США по внешней политике дают лишь приблизительное представление о том, в чем именно заключалась американская стратегия в Португалии. Однако сам факт того, что практически половина обнародованных документов Госдепартамента по американо-португальским отношениям приходится на обсуждение вопросов, связанных с проведением тайных операций, выделения дополнительных средств и их корректировкой, уже говорит об очень многом. В обобщенном виде американская стратегия в отношении революционной Португалии состояла в том, чтобы оказывать содействие всем силам, противостоящим коммунистам, в первую очередь правым и центристам, не забывая, однако, пытаться вносить раскол в ряды левых сил, вести работу с ДВС в попытках перетянуть на свою сторону его неполитизированных членов, как и всех тех, кто не разделял левые взгляды.

США также инициировали консультации со своими западноевропейскими партнерами по вопросу Португалии. Однако между ними и союзниками обозначились расхождения в подходах. США весьма болезненно отнеслись к факту присутствия коммунистов в португальском правительстве, в то же время европейцы (с точки зрения американцев) заняли весьма пассивную позицию, что раздражало американцев. Возможно, нервозность американцев объяснялась «вьетнамским синдромом» и ощущением того, что Совет-

ский Союз в очередном раунде глобального противостояния берет верх. После поражения во Вьетнаме американцы не хотели допустить явной победы коммунистов где бы то ни было. Европейцы занимали более взвешенную и сдержанную позицию: в частности, В. Брандт говорил Г. Киссинджеру: «Влияние Советского Союза не столь критично, скорее он играет не столь уж значительную роль» [FRUS, Vol. E-15, part 2, p. 510]. На замечание Г. Киссинджера, что в таком случае ситуация может быть еще хуже и в Португалии может установиться леворадикальный режим, В. Брандт предположил иной вариант развития событий: «Сложно сказать, но там может сложиться такая же ситуация, как и в Финляндии. У них был сложный период, но в итоге они избавились от коммунистов в правительстве» [FRUS, Vol. E-15, part 2, p. 510]. Таким образом, европейцы склонялись к тому, что события в Португалии, скорее всего, будут развиваться по финскому сценарию и коммунистов постепенно выдают из правительства. Они полагали, что вмешательство СССР в португальские дела носит ограниченный характер.

Выявились и расхождения по отношению к лидеру социалистов М. Соарешу. Американцы недоверчиво относились к нему, вероятно, как и ко всем, кто заявлял о своей приверженности левой идеологии. Европейцы — главным образом социалисты, которые были в то время у власти в ряде европейских стран — его всячески поддерживали как политически, так и финансово, не жалея средств на его избирательную кампанию. В частности, целый ряд крупных европейских лидеров, включая В. Брандта (ФРГ), Ф. Миттерана (Франция), У. Пальме (Швеция), а также представители еще 55 европейских партий приняли участие в международном социалистическом форуме в г. Порту под названием «Европа с нами!» с целью поддержать партию М. Соареша на парламентских выборах 1976 года. Вместе с тем в беседе с министром иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншером Г. Киссинджер отметил: «Я просто несколько не впечатлен Соарешем. С точки зрения социологии он является классическим примером типа жертвы. Он всегда опаздывает на день или произносит речь не в том месте. Наша помощь ему ничем не поможет» [FRUS, Vol. E-15, part 2, p. 518].

В октябре 1974 года президент Португалии К. Гомеш посетил с визитом США в сопровождении Министра иностранных дел М. Соареша, где встретился с президентом Дж. Фордом и госсекретарем Г. Киссинджером с целью разъяснения происходящих в стране событий. Он пытался убедить американцев в том, что правительство Португалии придерживается центристских взглядов и коммунисты хоть и присутствуют в правительстве, но существенной роли в формировании курса правительства не играют. Судя по всему, убедить своих собеседников ему так и не удалось. Во всяком случае, американцы считали К. Гомеша явным сторонником ком-

мунистов. Президент США заявил: «Мы поддерживаем деколонизацию, говоря от имени США, мы хотим помочь, но мне и Конгрессу необходимы гарантии, что Португалия по-прежнему является частью той же команды, как это было в 1951 году, и не собирается двигаться в другом направлении, в сторону другого союза. Тогда мы проявим готовность помочь, по крайней мере, внести свой вклад.» [FRUS, Vol. E-15, part 2, p. 484].

25 апреля 1975 года состоялись выборы в Учредительное Собрание, задачей которого стала выработка текста новой конституции страны. Комментируя их результаты, посол США в Лиссабоне Ф. Карлуччи направил в Вашингтон меморандум под заглавием «три тоста за демократию». Американский посол полагал, что первым тостом был сам факт проведения выборов, вторым — то, что три четверти мест в собрании досталось представителям некоммунистических партий. Для полного счастья, по его мнению, не хватало только третьего, а именно — реакции ДВС на выборы: «То, какие выводы по итогам выборов сделает ДВС, по-видимому, станет единственно значимым решающим фактором в краткосрочной перспективе. Радикальное крыло ДВС может посчитать их своим поражением со всеми вытекающими последствиями при трех четвертях некоммунистов. Но, с другой стороны, ДВС и правящий Революционный совет могут посчитать их победой, в действительности сокрушительной победой, поскольку все основные партии подписали с ДВС «пакт о взаимопонимании» относительно новой конституции, а все крупные партии за исключением Демократического центра в той или иной мере имеют программы с социалистическим уклоном» [FRUS, Vol. E-15, part 2, p. 515]. Важным Ф. Карлуччи считал и «позицию социалистической партии во главе с М. Соарешем, поскольку» предполагалось, что «на нее будет оказываться сильное давление с целью поддержания во многом фиктивного единства с португальской коммунистической партией во главе с А. Куньялом в вопросе поддержки ДВС» [FRUS, Vol. E-15, part 2, p. 515].

Тем не менее позитивные вести от Ф. Карлуччи не могли переубедить Г. Киссинджера в том, что угроза коммунизма миновала. В беседе с министром иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншером он заявил: «Похоже, европейцы полагают, что угроза прямого захвата власти коммунистами миновала. Они празднуют то, что коммунисты не победили. Но я не согласен с этим. Самым опасным вариантом развития событий в Португалии стало бы преобразование ее политической системы в что-то среднее между Югославией и Алжиром, то есть не коммунистический, а лево-нейтральный режим, который будет оставаться внутри НАТО» [FRUS, Vol. E-15, part 2, p. 517]. На вопрос министра, почему страна с левыми в правительстве не может быть членом Альянса в то время, как его членами являются страны с правыми

режимами, такие как Греция, госсекретарь ответил: «Это правительство заявляет, что членство в НАТО является гарантией защиты от нападения (самого НАТО на Португалию. — *Д. Е.*)» [FRUS, Vol. E-15, part 2, p. 517]; если же коммунисты все же победят, то приход левых к власти в Португалии «будет использоваться в качестве примера слабости США, что подтолкнет сдвиг к нейтралитету в Европе» [Ibid., p. 518].

26 ноября 1975 года произошла очередная попытка переворота, но уже организованная леворадикальными силами, которую португальские коммунисты не поддерживали, и она в конечном счете была подавлена. По итогам этих событий Ф. Карлуччи сообщал в Вашингтон: «Мы ожидаем, что и социалисты, и народники займут жесткую позицию. В этот раз умеренные должны справиться с Коштой Гомешем, если продолжают проявлять твердость и единство... ожидаем, что она (провалившаяся попытка переворота. — *Д. Е.*) нанесет глубокую и незаживающую рану левым силам» [FRUS, Vol. E-15, part 2, p. 566]. В целом он оказался прав, поскольку с этого момента влияние левых, и в частности коммунистов, в политике стало уменьшаться, а общественные предпочтения стали сдвигаться вправо.

3.4. Роль Советского Союза и стран социалистического лагеря

Как ни парадоксально, но СССР играл весьма ограниченную роль в ходе революционного процесса в Португалии. С идеологической точки зрения свержение профашистского салазаровского режима и распад португальской колониальной империи можно было считать позитивными событиями для советской дипломатии. Советский Союз просто не мог не поддержать подобных перемен, однако, несмотря на раздувание советской угрозы американцами и проправыми силами в самой Португалии, советских курс в отношении нее был предельно осторожным.

Сдержанную позицию советского руководства к революции в Португалии бывший в то время сотрудником международного отдела ЦК А. С. Черняев попытался объяснить следующим образом: «Никто всерьез не хотел заниматься Португалией. Думаю, что а) по причине старческого безразличия к тому, что прямо не касается... б) по причине почти не осознаваемого разделения сфер с американцами (Чехословакия — “наше”, Португалия — “ваше”))» [Черняев, 2008, с. 165]. Это довольно резкое суждение, к которому надо подходить очень критически. Дело в том, что для СССР революция произошла в довольно неподходящий момент. В середине 1970-х годов ключевой задачей, стоящей перед советской дипломатией, было подписание итогового документа Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который должен был закрепить новые европейские границы после Второй мировой войны и существенно снизить риск развязывания нового конфликта. Советский Союз не стремился разжечь

очередную войну в Европе, а с учетом столь болезненной реакции США на революцию в Португалии полностью исключить такую возможность в случае прямого вовлечения СССР в португальские дела было нельзя. По некоторым данным, португальские аналитики того времени полагали, что Португалии также не стоит рассчитывать на полномасштабную помощь со стороны Советского Союза, обосновывая это тем, что СССР слишком заинтересован в западных технологиях и в валютных поступлениях от продажи газа в промышленно-развитые западноевропейские страны [Ramos, 2009, p. 741; Буслаев и др., 2022].

Западноевропейские лидеры того времени, напротив, прекрасно понимали главную мотивацию советского руководства и беззастенчиво этим пользовались. Канцлер ФРГ В. Брандт вспоминал: «В начале лета 1975 года я сам побывал в Москве и предупредил Л. И. Брежнева о неверной оценке положения дел на европейском юге. Я передал ему письмо от Мариу Соареша и попытался обрисовать, насколько советское руководство осложнит отношения между Востоком и Западом, если оно посчитает возможным “обосноваться” на Иберийском полуострове. В данном случае было легче побудить к размышлениям русских, чем отговорить авторитетного чиновника в Вашингтоне (Г. Киссинджера. — *Д. Е.*) от его навязчивой идеи» [Брандт, 1991, с. 352].

Судя по всему, увещевания со стороны европейских лидеров возымели определенное действие, и СССР не только ограничивал собственную помощь Португалии, но и сдерживал компартии других членов социалистического содружества. Тем более что по объему помощи они существенно опережали Советский Союз: «Из выступлений Аксена, Телалова, Фрелека, Денеша (представители правящих партий соцстран ГДР, Болгарии, Польши и Венгрии. — *Д. Е.*) выяснилось, что их страны и партии имеют более активные и действенные связи с Португалией и помогают ей не только относительно (своих размеров по сравнению с нашими), но и абсолютно гораздо больше нашего» [Черняев, 2008, с. 152].

В частности, Л. И. Брежневу приходилось одергивать немецких коммунистов с тем, чтобы они не предпринимали ничего, что могло бы поставить под угрозу проведение совещания в Хельсинки [Вагнер, 2006, с. 79—89]. Из всех стран социалистического содружества именно ГДР демонстрировала наибольшую активность и оказывала Португалии наиболее существенную помощь, возможно еще и потому, что действовала там против ФРГ: «Прелюбопытнейшим образом два германских государства, существовавших в то время, вели активную деятельность в революционной Португалии: ГДР на стороне радикального пути развития, помогая коммунистам и проведению аграрной реформы и т. д., а ФРГ — способ-

ствуя установлению плюралистической демократии западного образца» [Medeiros Ferreira, 2004, pp. 143—158].

Взаимное недоверие между США и СССР подогревалось периодическими скандалами или слухами, которые искусственно создавали те или иные заинтересованные политические группы, а также деятельностью других соцстран на территории Португалии. Американцы были склонны трактовать помощь стран соцлагеря Португалии как результат указаний из Москвы, отрицая их самостоятельность и инициативность. Так, в 1975 году в португальской прессе появились публикации, в которых утверждалось, что Советский Союз хочет якобы добиться права размещать военно-морские базы в Португалии. Утверждалось, что он таким образом планирует зайти в тыл НАТО. Ситуация усложнялась тем, что как раз в тот момент шли переговоры о соглашении по ремонту и обслуживанию советских рыболовецких судов в португальских портах, которое носило исключительно экономический характер. Советское руководство опровергло эти домыслы, опроверг их и португальский посол в Москве М. Невеш: «Я и до сих пор считаю, что наша экономика понесла урон в результате... срыва подготовки мероприятий по возможному размещению на наших судовых верфях заказов на регулярный ремонт советских рыбопромысловых судов... Это явилось результатом подрывной деятельности определенных враждебных групп, которые (вот они-то уж точно!), невзирая ни на что, жертвовали национальными интересами ради своих мелких целей...» [Невеш, 1987, с. 80]. В итоге сторонам пришлось отказаться от подписания соглашения.

О том, насколько большое значение придавали в Советском Союзе подобного рода инсинуациям, свидетельствуют слова, которые Л. И. Брежнев просил секретаря польской компартии Э. Герека передать главе шведских социалистов У. Пальме: «Мы не вмешиваемся и не будем вмешиваться, мы сдерживаем коммунистов Португалии в их увлечениях социалистическими преобразованиями и в отношениях с другими партиями. Никакие нам базы в Португалии не нужны, и мы не собираемся этим заниматься» [Черняев, 2008, с. 153].

После подписания Хельсинкского заключительного акта в августе 1975 года СССР занял более решительную позицию, что выразилось, в частности, в выступлении министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в сентябре того же года на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, где он призвал воздержаться от вмешательства во внутренние дела Португалии и предоставить право португальскому народу самому решить свою судьбу. Оказывал Советский Союз и экономическую помощь Португалии в форме бартерной торговли, что было особенно важно португальцам, которые испытывали острую нехватку валюты. СССР предоставил рынок

для сбыта португальской продукции (вина, миндаля, одежды, обуви) и поставлял необходимое сырье для работы национальной промышленности (нефть, хлопок и т. д.).

Однако к концу 1975 года внутривнутриполитическая ситуация изменилась кардинальным образом: в Португалию вернулись полмиллиона португальских колонистов из Африки, которые недолюбливали левых, по вине которых им пришлось покинуть свой дом. Социалисты объединились с католической церковью с целью недопущения левых к власти, в то время как левые не смогли объединиться и выступить единым фронтом для защиты социалистических целей революции. Все эти факторы и предопределили поражение в конечном счете революции и сдвиг в общественном сознании вправо.

4. Заключение = Conclusions

Революция 25 апреля 1974 года произошла в период активизации советской внешней политики и дипломатии при ослаблении международных позиций США. Ощущение того, что «почва уходит из-под ног» американцев, а Советский Союз повсеместно одерживает победы, предопределило их столь резкую реакцию на события в Португалии, особенно после включения в правительство коммунистов. Тогдашнее американское руководство было склонно переоценивать роль и влияние СССР на развитие событий в этой европейской стране, равно как и недооценивать роль других стран социалистического лагеря, предполагая, что действовать «без указки» они просто не способны. Опасаясь того, что португальская революция может стать заразительным примером, которому могут последовать другие страны Средиземноморья, США испытывали соблазн попытаться сделать из нее показательный пример того, что может произойти со страной, избравшей «неправильный» путь.

Анализ документов Государственного департамента США свидетельствует о том, что революция гвоздик застала американцев врасплох, однако затем курс американского правительства в отношении Португалии был скорректирован. Во внешнеполитическом измерении начались регулярные консультации с союзниками по НАТО по португальскому вопросу, а во внутривнутриполитическом измерении ставка была сделана на раскол внутри левых сил, поддержку и консолидацию сил, противостоящих им, в комбинации с мерами политического и экономического давления на межгосударственном уровне. Американское руководство рассматривало самые разные варианты решения «португальской проблемы» вплоть до силового, чем насторожило своих европейских союзников. На фоне череды внешнеполитических неудач они испытывали соблазн дать громогласный отпор коммунистической угрозе, что могло иметь негативные долгосрочные последствия.

В то же время Советский Союз был в большей степени заинтересован в окончательном урегулировании территориальных вопросов по итогам Второй мировой войны, рассматривая процесс СБСЕ (Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе) как надежную гарантию от развязывания очередной войны в Европе. Победа революции в Португалии и ликвидация ее колониальной империи, хотя и были важными идеологическими победами, однако не могли перекрыть всех возможных рисков в случае чрезмерного вмешательства СССР в течение революционного процесса.

Вопрос о вовлеченности стран социалистического лагеря в ход революционных событий в Португалии требует дальнейшего изучения, однако даже при первом приближении видно, что они не были простыми безмолвными наблюдателями или марионетками Москвы, как это преподносили общественности американцы. Наоборот, они активно включились в эти процессы. Некоторые из них, возможно, даже с излишней горячностью, так что советскому руководству приходилось их одергивать.

Вместе с тем союзники США по НАТО, которым было лучше известно реальное положение вещей как в Португалии, так и в СССР, занимали весьма умеренную позицию, полагая, что Советский Союз играл в этих событиях весьма ограниченную роль. Судя по всему, западноевропейские страны в большей мере опасались чрезмерной реакции США на революцию 25 апреля, чем советской угрозы и мнимых попыток советской экспансии в Европу через Португалию. Были опасения, что американцы могут прибегнуть к силовому варианту решения португальского вопроса, что могло бы создать очень неприятный для западноевропейских стран прецедент. Именно поэтому они предприняли столько усилий, чтобы удержать ситуацию в Португалии в рамках законного конституционного процесса и избежать чрезмерного вмешательства американцев в европейские дела.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Брандт В. Воспоминания / В. Брандт — Москва : Новости, 1991. — 528 с.
2. Невеш М. Миссия в Москве. Опыт первого португальского посольства в стране Советов / М. Невеш. — Москва : Прогресс, 1987. — 176 с.
3. Полный текст резолюции ГА ООН № 2107 "Вопрос о территориях, находящихся под португальским управлением" см. на сайте ООН [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/221/20/PDF/NR022120.pdf?OpenElement> (дата обращения 05.11.2022).
4. Черняев А. С. Совместный исход : Дневник двух эпох (1972—1991 годы) / А. С. Черняев. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 1047 с.

5. *Foreign Relations of the United States (FRUS), 1969—1976, Volume E-15, Part 2, Documents on Western Europe, 1973—1976, Second, Revised Edition.* — Washington : United States Government Printing Office, 2014. — 1055 p.

6. *Soares M. Portugal Amordado / M. Soares.* — Lisboa : Arcadia, 1974. — 735 p.

Литература

1. Буслаев Г. Н. Взаимоотношения СССР и ФРГ в 1955—1982 годах : энергетический аспект / Г. Н. Буслаев, Р. О. Райнхардт // Научный диалог. — 2022. — № 6. — С. 351—371. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-351-371>.

2. *Жебит А. А.* Внешняя политика Португалии и развитие советско-португальских отношений : 1974—1982 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.05 / Александр Адамович Жебит. — Москва, 1985. — 278 с.

3. *Иванова Е. В.* Внешнеполитические концепции и внешнеполитическая деятельность португальской социалистической партии : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.05 / Е. В. Иванова. — Москва, 1988. — 219 с.

4. *Капланов Р. М.* Португалия после второй мировой войны 1945—1974 / Р. М. Капланов. — Москва : Наука, 1992. — 195 с.

5. *Кузнецов В. А.* Португалия: штык и розы / В. А. Кузнецов. — Москва : Известия, 1976. — 240 с.

6. *Немудров К. А.* Советско-американское научно-техническое сотрудничество в 1960-х — начале 1970-х годов : научная дипломатия как фактор разрядки международной напряженности / К. А. Немудров, Р. О. Райнхардт // Научный диалог. — 2023. — № 3. — С. 414—429. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-414-429>.

7. *Писарец И. Г.* Португалия в поисках нового пути / И. Г. Писарец. — Москва : Международные отношения, 1986. — 150 с.

8. *Поляков А. К.* Португалия. Полная История Португалии / А. К. Поляков. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 480 с. — ISBN 978-5-17-123410-2.

9. *Португалия : путь от революции...* : под ред. В. Л. Верникова / В. Л. Верников. — Москва : Весь Мир, 2014. — 368 с. — ISBN 978-5-7777-0585-3.

10. *Португалия : эпоха перемен.* [под ред. Яковлевой Н. М.] / Н. М. Яковлева. — Москва : ИЛА РАН, 2014. — 234 с. — ISBN 978-5-201-05499-1.

11. *Райнхардт Р. О.* Соглашение Лэйси — Зарубина 1958 года : у истоков советско-американской научной дипломатии / Р. О. Райнхардт, К. А. Немудров // Научный диалог. — 2023. — № 1. — С. 431—446. — DOI: [10.24224/2227-1295-2023-12-1-431-446](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-431-446).

12. *Сарайва Ж. Э.* История Португалии / Ж. Э. Сарайва. — Москва : Издательство «Весь мир», 2007. — 384 с. — ISBN 5-7777-0360-6.

13. *Хазанов А. М.* Португальская колониальная Империя 1415—1974 / А. М. Хазанов. — Москва : Вече, 2014. — 384 с. — ISBN 978-5-4444-1062-2.

14. *Яковлева Н. М.* Португалия : история политической модернизации / Н. М. Яковлева. — Москва : ИЛА РАН, 2016. — 255 с. — ISBN 978-5-9908156-1-2.

15. *Ястржембский С. В.* Португалия трудные годы национального возрождения / С. В. Ястржембский. — Москва : Знание, 1989. — 67 с.

16. *Birminghем B.* A concise history of Portugal / B. Birmingham. — Cambridge : Cambridge University Press, 2018. — 226 p. — ISBN 9781107280212.

17. *Chilcote R. H.* The Portuguese revolution State and Class in transition to democracy / R. H. Chilcote. — NY : Rowman & Nittelfield Publishers, 2010. — 316 p.

18. Freire M. R. Ensaio bibliográfico estudos sobre política externa portuguesa após 2000 / M. R. Freire, R. R. Brito // *Relações Internacionais*, № 28. — Lisboa : IPRI UNL, 2012. — Pp. 157—179.
19. Maxwell K. Os Estados Unidos e a descolonização portuguesa (1974—1976) / K. Maxwell // *Relações Internacionais*. — Lisboa : IPRI UNL, 2005. — Pp. 5—37.
20. Medeiros Ferreira J. O 25 de Abril no contexto internacional / J. Medeiros Ferreira // *Relações Internacionais*, № 2. — Lisboa : IPRI UNL, 2004. — Pp. 143—158.
21. Ramos R. *Historia de Portugal* / R. Ramos, B. V. Sousa, N. G. Monteiro. — Lisboa : A esfera dos Livros, 2009. — 974 p.

*Статья поступила в редакцию 12.10.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 10.12.2024.*

Material resources

- Brandt, V. (1991). *Memoirs*. Moscow: Novosti. 528 p. (In Russ.).
- Chernyaev, A. S. (2008). *Joint exodus: A diary of two epochs (1972—1991)*. Moscow: ROSS-PAN. 1047 p. (In Russ.).
- For the full text of UNGA Resolution № 2107 “The question of territories under Portuguese administration”, see the UN website. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/221/20/PDF/NR022120.pdf?openElement> (accessed 05.11.2022).* (In Russ.).
- Foreign Relations of the United States (FRUS), 1969—1976, Volume E-15, Part 2, Documents on Western Europe, 1973—1976, Second, Revised Edition.* (2014). Washington: United States Government Printing Office. 1055 p.
- Neves, M. (1987). *Mission in Moscow. The experience of the first Portuguese Embassy in the country of the Soviets*. Moscow: Progress. 176 p. (In Russ.).
- Soares, M. (1974). *Portugal Amordorado*. Lisboa: Arcadia. 735 p.

References

- Birmingham, B. (2018). *A concise history of Portugal*. Cambridge: Cambridge University Press. 226 p. ISBN 9781107280212.
- Buslaev, G. N., Reinhardt, R. O. (2022). Relations between USSR and FRG in 1955—1982: Energy Aspect. *Nauchnyi dialog*, 11 (6): 351—371. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-351-371> (In Russ.).
- Chilcote, R. H. (2010). *The Portuguese revolution State and Class in transition to democracy*. NY: Rowman & Nettlefield Publishers. 316 p.
- Freire, M. R. (2012). Ensaio bibliográfico estudos sobre política externa portuguesa após 2000. In: *Relações Internacionais*, № 28. Lisboa: IPRI UNL. 157—179.
- Ivanova, E. V. (1988). *Foreign policy concepts and foreign policy activities of the Portuguese Socialist Party*. PhD Diss. Moscow. 219 p. (In Russ.).
- Kaplanov, R. M. (1992). *Portugal after the Second World War 1945—1974*. Moscow: Nauka. 195 p. (In Russ.).
- Khazanov, A. M. (2014). *Portuguese colonial Empire 1415—1974*. Moscow: Veche. 384 p. ISBN 978-5-4444-1062-2. (In Russ.).
- Kuznetsov, V. A. (1976). *Portugal: bayonet and roses*. Moscow: Izvestia. 240 p. (In Russ.).

- Maxwell, K. (2005). Os Estados Unidos e a descolonização portuguesa (1974—1976). In: *Relações Internacionais*. Lisboa: IPRI UNL. 5—37. (In Port.).
- Medeiros Ferreira, J. (2004). O 25 de Abril no contexto internacional. In: *Relações Internacionais*, № 2. Lisboa: IPRI UNL. 143—158.
- Nemudrov, K. A., Reinhardt, R. O. (2023). Soviet-American Scientific and Technical Cooperation in 1960s — Early 1970s: Science Diplomacy as a Factor of Détente. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 414—429. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-414-429> (In Russ.).
- Pisarets, I. G. (1986). *Portugal in search of a new path*. Moscow: International Relations. 150 p. (In Russ.).
- Polyakov, A. K. (2021). *Portugal. The Complete History of Portugal*. Moscow: AST Publishing House. 480 p. ISBN 978-5-17-123410-2. (In Russ.).
- Portugal: the era of change*. (2014). Moscow: ILA RAS. 234 p. ISBN 978-5-201-05499-1. (In Russ.).
- Portugal: the path from revolution...* (2014). Moscow: The Whole World. 368 p. ISBN 978-5-7777-0585-3. (In Russ.).
- Ramos, R., Sousa, B. V., N. G. Monteiro. (2009). *Historia de Portugal*. Lisboa: A esfera dos Livros. 974 p. (In Port.).
- Reinhardt, R. O., Nemudrov, K. A. (2023). Lacy-Zarubin Agreement of 1958: Origins of Soviet-American Science Diplomacy. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 431—446. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-431-446> (In Russ.).
- Saraiva, J. E. (2007). *The History of Portugal*. Moscow: Publishing House “The Whole World”. 384 p. ISBN 5-7777-0360-6. (In Russ.).
- Yakovleva, N. M. (2016). *Portugal: the history of political modernization*. Moscow: ILA RAS. 255 p. ISBN 978-5-9908156-1-2. (In Russ.).
- Yastrzhembsky, S. V. (1989). *Portugal the difficult years of national revival*. Moscow: Znanie. 67 p. (In Russ.).
- Zhebit, A. A. (1985). *Portugal's foreign policy and the development of Soviet-Portuguese relations: 1974—1982*. PhD Diss. Moscow. 278 p. (In Russ.).

*The article was submitted 12.10.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 10.12.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(1), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Иванов А. А. Общественная дискуссия в России по вопросам иностранных закупок автомобилей и импортозамещения в годы Первой мировой войны / А. А. Иванов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 374—396. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-374-396.

Ivanov, A. A. (2024). Public Discussion in Russia on Foreign Automobile Purchases and Import Substitution during First World War. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 374-396. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-374-396. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-374-396

Общественная дискуссия в России по вопросам иностраннх закупок автомобилей и импортозамещения в годы Первой мировой войны

Иванов Андрей Александрович
orcid.org/0000-0001-6438-5200
доктор исторических наук, профессор,
кафедра новейшей истории России,
Институт истории
andrey.a.ivanov@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-78-10036

Public Discussion in Russia on Foreign Automobile Purchases and Import Substitution during First World War

Andrey A. Ivanov
orcid.org/0000-0001-6438-5200
Doctor of History, Professor,
Department of Contemporary History
of Russia, Institute of History
andrey.a.ivanov@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-78-10036

© Иванов А. А., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема зависимости российского автомобильного транспорта от иностранных закупок в годы Первой мировой войны и отсутствия развитого отечественного автопрома. Впервые данный вопрос раскрывается через призму дискуссии, которая велась на собраниях общественных организаций, в Государственной думе, страницах периодической печати. Особое внимание уделено значению автомобилей в годы войны, критике сложившегося положения в сфере автомобильного транспорта, недопустимости его полной зависимости от иностранных держав и необходимости импортозамещения путем создания отечественных автомобильных заводов и предприятий, производящих сопутствующую продукцию. В научный оборот вводятся новые источники, позволяющие составить более полное представление как о проблемах, сложившихся в сфере автомобильного транспорта, так и об их восприятии российским обществом. Отмечается, что, несмотря на различие в подходах к делу организации отечественной автомобильной промышленности, участники общественной дискуссии единодушно сходились на необходимости преодоления сложившейся перед войной ситуации, недопустимости тотальной зависимости от иностранных поставок в вопросе, имеющем большое значение в военном деле и важности скорейшего развития в государственном масштабе национального производства автомобильного транспорта.

Ключевые слова:

Российская империя; Первая мировая война; автомобильный транспорт; автомобильная промышленность; иностранные закупки; импортозамещение; общественная дискуссия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the issue of Russian automobile transport's dependence on foreign purchases during the First World War and the absence of a developed domestic automotive industry. For the first time, this question is explored through the prism of discussions held at public organization meetings, in the State Duma, and in the pages of periodicals. Special attention is paid to the importance of automobiles during the war, criticism of the existing situation in the automotive transport sector, the inadmissibility of its complete dependence on foreign states, and the necessity of import substitution through the creation of domestic automobile plants and related enterprises. New sources are introduced into the scholarly discourse, allowing for a more comprehensive understanding of both the problems that have arisen in the field of automobile transport and their perception by Russian society. It is noted that, despite differences in approaches to organizing the domestic automotive industry, participants in the public discussion unanimously agreed on the need to overcome the situation that existed before the war, the inadmissibility of total dependence on foreign supplies in a matter of great importance to military affairs, and the urgency of developing national production of automobile transport on a state scale.

Key words:

Russian Empire; First World War; automobile transport; automotive industry; foreign purchases; import substitution; public discussion.

Общественная дискуссия в России по вопросам иностранных закупок автомобилей и импортозамещения в годы Первой мировой войны

© Иванов А. А., 2024

1. Введение = Introduction

Автомобиль как вид транспорта проник в Россию лишь в самом конце XIX века. Один из первых русских автомобилистов, издатель и редактор журнала «Автомобиль» А. П. Нагель вспоминал, как в 1895 году на улицах Санкт-Петербурга появился первый «экипаж без лошадей» — привезенный из Германии автомобиль с двигателем внутреннего сгорания, что стало настоящей сенсацией [Нагель, 1929, с. 4]. В начале XX века автомобиль все еще оставался предметом роскоши и его применение было весьма ограниченным. До начала промышленного выпуска в 1909 году первых машин отечественного производства на Русско-Балтийском вагонном заводе (знаменитый автомобиль «Руссо-Балт») все автомобили экспортировались в Россию из-за границы. Впоследствии в России появилось несколько частных фирм, но в условиях большого ввоза менее дорогих и более качественных импортных автомобилей с задачей они не справились и достаточно скоро отказались от затратного производства. «Дешёвый и качественный импорт предвоенных лет служил непреодолимым препятствием для возникновения жизнеспособной автомобильной промышленности» [Котельников, 2023, с. 473]. Перед началом Первой мировой войны лишь два отечественных завода — Русско-Балтийский в Риге и Русский автомобильный завод И. П. Пузырева в Санкт-Петербурге, выпустивший свою первую модель в 1911 году, — составляли весь российский автопром. Количество выпускаемой продукции также было крайне мало — Балтийский завод выпустил к началу войны несколько сотен машин, а завод Пузырева — около четырех десятков [Рубец, 2008, с. 68, 79]. Причем последний завод в январе 1914 года постигло несчастье, он полностью сгорел вместе с 8 готовыми автомобилями и 15 комплектами, предназначенными к сборке. Восстановить деятельность завода не удалось, так как его создатель Пузырев скоропостижно скончался в сентябре того же года [Хальфан, 1960, с. 7].

Военное министерство не сразу оценило потенциал автомобиля, изначально рассматривая его как дорогую и капризную в эксплуатации игрушку. Генерал В. А. Сухомлинов вспоминал, что русская армия сильно отстала в деле технического усовершенствования от вооруженных сил ведущих европейских государств, поскольку российскому Военному министерству «не доставало главного — уверенности в несомненной необходимости и применимости новшеств в войсках». «В армии, — отмечал Сухомлинов, описывая ситуацию, сложившуюся к 1908 году, — ... не было ни одного автомобиля. <...> ... Члены [Военного] совета высказались в том смысле, что этот “сложный и хрупкий инструмент” для нашей армии неприемлем: армия нуждается в простых повозках на крепких осях!» [Сухомлинов, 1924, с. 174].

Вопрос о моторизации армии был поднят на заседании Военного совета в марте 1910 года на основе анализа развития автомобильной промышленности в странах Западной Европы и эксплуатации автомобилей в армиях Германии и Франции, однако пожелания военных были скромными [Виноградов, 2016, с. 69]. Вскоре была осуществлена закупка иностранных автомобилей, и появился первый опыт их использования в военном деле. «Новое время» сообщало о состоявшейся в 1912 году поездке специальной военной комиссии из числа офицеров во главе с пионером механизации русской армии П. И. Секретёвым в крупнейшие города Европы с целью «приобретения значительного количества автомобилей для нужд военного времени», поскольку военное ведомство убедилось в необходимости закупки для армии как легковых, так и грузовых машин [Среди военных ..., 1913, с. 4]. Всего тогда было приобретено 554 грузовых и 42 легковых автомобиля [Виноградов, 2016, с. 70]. «Исключительный интерес к военному автомобилизму наблюдается в настоящее время не только у нас, но решительно во всех иностранных армиях, — отмечало издание. — За границей, по заключению комиссии наших военных автомобилистов, следует констатировать общую кипучую деятельность по снабжению армии автомобилями» [Среди военных ..., 1913, с. 4]. В 1914—1917 годах российское военное ведомство, потратив сотни миллионов рублей, заказало за границей 24 978 различных автомобилей [Котельников, 2023, с. 473]. Как отмечают современные исследователи, «до Сухомлинова в вооруженных силах, по сути, отсутствовали автомобили», и лишь по его распоряжению «в Отделе военных сообщений Главного управления Генерального штаба было создано Автомобильное отделение. Появилась учебная автомобильная рота, ставшая играть роль испытательного, исследовательского и учебного центра. Молодой выдвиженец Сухомлинова, П. И. Секретёв, начал энергично развивать автомобильное дело в русской армии» [Селезнев, 2020, с. 81—82].

Осознавая, что количество казенных автомобилей для нужд войны ничтожно мало, Военное министерство стало привлекать активистов автомобильного движения к военным маневрам и создавать добровольные автомобильные дружины для поддержки армии. Незадолго до войны, 17 июля 1914 года было утверждено Положение о Военно-автомобильной повинности, на основании которого за 1914—1917 годы военным ведомством внутри страны было приобретено 7 506 легковых автомобилей. За этот же период было ввезено в Россию 11 522 машины из-за границы [Твердюкова, 2022, с. 1078—1079].

Однако транспортную проблему эти важные, но запоздавшие меры решили лишь отчасти. Транспортный кризис, со всей отчетливостью выявившийся в годы Первой мировой войны, особенно остро проявил себя в молодой и наименее развитой автомобильной отрасли. Неспособность российской промышленности производить нужное для фронта и тыла количество автомобилей, затрудненность, а в ряде случаев и невозможность дальнейших закупок автотранспорта в зарубежных странах, спровоцировали общественную дискуссию. Депутаты Государственной думы, представители общественных организаций, публицисты, инженеры, промышленники, автомобилисты активно включились в полемику по вопросам преодоления дефицита автомобильного транспорта и организации отечественного автопрома, призванного в будущем полностью удовлетворить государственные и частные потребности в «моторах». И эта дискуссия, несмотря на свой частный характер, представляет несомненный исторический интерес, поскольку позволяет лучше понять проблемы, вызвавшие нехватку автомобильного транспорта в тылу и на фронте; составить представление о существовавших проектах выхода из сложившейся кризисной ситуации; дополнить представления о сюжетах, волновавших российское общество в годы Первой мировой войны. Кроме того, данный сюжет в современных условиях антироссийских санкций и проблем развития отечественного автопрома приобретает помимо научной еще и очевидную общественно-политическую актуальность, поскольку затронутые в ходе общественной полемики столетней давности вопросы, к сожалению, не утратили злободневности и сегодня.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Историография технического сотрудничества императорской России с зарубежными странами, включая транспортные закупки за границей в годы Первой мировой войны, довольно обширна. Эту тему исследовали известные советские и российские историки [Сидоров, 1973; Павлов, 2008; Поликарпов, 2015; Виноградов, 2016], она также нашла отражение

в коллективной монографии [Порох ..., 2017]. Что касается иностранных закупок для транспортной сферы, эта тема затрагивалась в исследовательских работах, преимущественно посвященных железнодорожному транспорту [Старостенков, 2002; Нейвуд, 2003; Сенин, 2009; Богомазов, 2023; Пригодич и др., 2023]. Однако, как отмечает современный исследователь, в контексте этих работ «трудно не заметить отсутствие внимания к автомобилям» [Пригодич, 2023, с. 359]. При этом нельзя сказать, что история автомобильного транспорта периода Первой мировой войны вовсе обойдена исследователями [Кирилец и др., 2010; Кирилец, 2018], но они, как правило, акцентируют внимание на военной истории, в то время как другие сюжеты, связанные с историей транспорта в 1914—1917 годах, оказываются освещенными в меньшей степени. История закупок автомобилей за рубежом в указанный период затрагивается в некоторых статьях [Виноградов, 2016]. Что касается проблем развития российского автопрома, то они рассматривались в исследовательских статьях [Воронкова, 1965], брошюрах [Хальфан, 1960], диссертациях [Ершова, 1999], а определенный итог современного изучения данной темы был представлен в энциклопедической статье [Воронкова, 2014].

Но во всех этих работах за исключением недавней публикации, посвященной дискуссии вокруг американских закупок для нужд российских железных дорог [Иванов и др., 2023], специального внимания общественному восприятию и обсуждению проблемы иностранных транспортных поставок не уделялось. В связи с этим целью данной работы является изучение реакции российской общественности на проблемы, связанные с нехваткой автомобилей в годы Первой мировой войны, вынужденными иностранными закупками автотранспорта и необходимостью развития отечественного автопрома. Для достижения поставленной цели были привлечены материалы Государственной думы (стенографические отчеты и приложения к ним), общественных организаций (в первую очередь — Центрального военно-промышленного комитета), Особого совещания по обороне государства, периодической печати (газет «Новое время», «Русский инвалид»); мнения и прогнозы, публично высказывавшиеся в печати по указанной проблеме государственными и общественными деятелями, политиками, военными, промышленниками, инженерами и автолюбителями, мемуары. Особое внимание уделено материалам, опубликованным на страницах ведущих дореволюционных журналов, как специально посвященных автомобилизму («Автомобиль», «Автомобилист», «Автомобильная жизнь и авиация»), так и эпизодически затрагивавших данную тему («Вестник Русско-американской торговой палаты», «Известия Собрания инженеров путей сообщения»).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общественная реакция на зависимость России от иностранных закупок автотранспорта

Потребности российского рынка в автомобилях накануне войны ежегодно росли. Как отмечало специализированное издание, если в 1912 году импорт автомобилей в Россию составлял 3 459 шт. на сумму 10 818 756 руб., то в 1913-м эти цифры заметно возросли: привоз машин составил 5 300 шт., а затраченная на их приобретение сумма — 17 128 470 руб. [Импорт ..., 1914, с. 4]. Предвоенные поставки автомобилей шли из Германии (1 место), Франции, Великобритании, Австро-Венгрии, Италии и некоторых других стран. При этом лидерский отрыв Германии был впечатляющим, так как значительное количество автомобилей из других стран шли в Россию через немецкую таможню [Котельников, 2023, с. 471]. Согласно данным на 1911 год, из завезенных в Россию 2 730 автомашин германские составили 2018 шт. [Там же]: «Наибольшее количество автомобилей ввозится к нам из Германии, количество это увеличивается с каждым годом, идя не только параллельно росту общего ввоза, но и опережая его. Так, например, общий ввоз автомобилей в Россию в 1911 г., в сравнении с 1910 г., повысился на 48 %, в то время как ввоз из Германии на 62 %. Составляя в 1907 г. 50 % общего ввоза в Россию, германский ввоз достигает в 1911 г. 73,9 % его, в то время, когда относительное количество ввозимых из Франции автомобилей в 1907 г. равно 30,8 %, а в 1911 г. — только 10,6 %. Весьма характерно то обстоятельство, что при потреблении автомобилей на такую громадную сумму ... русская автомобильная промышленность находится в стадии самого слабого развития и, поддерживаемая исключительно поощрительными правительственными заказами, ничем не проявила своей жизненной силы», — констатировал журнал «Автомобильная жизнь и авиация» [Там же].

Это обстоятельство, по общему мнению писавших на автомобильные темы авторов, поставило Россию с началом войны с Германией и Австро-Венгрией в крайне трудное положение в деле оснащения фронта и тыла «самодвижущимися экипажами». Поставки из враждебных стран стали невозможны, а союзные Англия, Франция и позже Италия не могли в полной мере удовлетворить потребностей России в автотранспорте, так как нуждались в нем сами. (Хотя поставки из них, включая пожертвования автомобилей от общественных организаций российскому Красному кресту, были, что находило отражение и на страницах российской прессы [Общая ..., 1915, с. 3]). Место основных поставщиков заняли нейтральные страны, из которых на первом месте оказались США [Вывоз ..., 1916, с. 346], имевшие развитую автомобильную промышленность, но высокие цены и проблемы с логистикой не позволяли полностью решить проблему нехватки автомобилей. Так, на-

пример, направленные в Россию из Нью-Йорка автомобили как «обычные» грузы доставлялись длинным путем вокруг Африки [Порох ..., 2017, с. 400]. Проблема усугублялась тем, что «отсутствие запасных частей к основной массе немецких автомобилей не позволяло эффективно их использовать в войсках», и «России в условиях разразившейся мировой войны пришлось полностью менять свой автомобильный парк» [Виноградов, 2016, с. 70].

То, что современная война будет иметь «машинный характер» и «всего лишь» зависеть от количества машинной энергии, вложенной в единицу времени» [Меньшиков, 1915, с. 13], мало кто предполагал. Предвоенные расчеты необходимого для фронта и тыла количества автомобилей пришлось полностью пересматривать. Депутат Государственной думы Д. Н. Чихачев отмечал недостаток грузовых автомобилей и неправильное их распределение по армиям, член Государственного совета князь А. Н. Лобанов-Ростовский указывал, что Англия имеет на фронте до 54 тыс. грузовиков, что в 4,5 раза превосходит их количество в России [Журналы..., т. 2, 2013, с. 373]. Бывший председатель III Государственной думы и лидер партии октябристов А. И. Гучков также говорил о неудовлетворительной постановке в стране автомобильного дела [Журналы..., т. 3, 2013, с. 17]. Как отмечал один из публицистов, отсутствие до войны широкого опыта использования автомобилей не позволило специалистам адекватно оценить степень потребности в них в военное время. «Кто мог до войны предполагать, какую выдающуюся роль сыграет автомобиль в судьбе этого мирового пожара?» — задавался риторическим вопросом Я. Голдберг [Голдберг, 1915b, с. 18]. Сообщая, что многие военные первоначально относились к использованию автомобилей на фронте весьма скептически, публицист отмечал, что война полностью перевернула это представление, подтвердив слова французского теоретика автомобилизма Жоржа Прада, назвавшего в 1913 году двигатель внутреннего сгорания «душой современных армий» [Голдберг, 1915a, с. 9]. Опыт воюющих держав, отмечалось в многочисленных публикациях профильных журналов, показал, что значение автомобилей невозможно переоценить в деле снабжения армии, переброски войск и эвакуации раненных, перевозки военной техники и ее буксировки, выполнения специальных задач (например, в работе беспроволочного телеграфа), доставки почты и донесений, а также в непосредственном участии в боевых действиях (оснащенные пулеметами броневики) [Голдберг, 1915b; Голдберг, 1915c; Грузовые ..., 1915]. «Недостаточность железных дорог в ведении войны вызвала к жизни этот новый способ передвижения в самых широких размерах, — признавали депутаты Государственной думы. — ... При дальнейшем развитии военно-автомобильного дела этому способу передвижения суждено будет сыграть первенствующую роль

в истории текущей войны» [Законодательное ..., 1916, с. 2]. «Трудно перечислить все виды применения автомобиля как в мирной, городской жизни, так, в особенности, военной. Великой войной впишется не одна благодарная страница в историю автомобилизма», — отмечал один из авторов журнала «Автомобилист» [Е. С., 1915, с. 22—23]. Открывшиеся перспективы автомобильного транспорта, как легкого, так и грузового, настолько велики, — прогнозировал автор-инженер, — что в будущем он составит серьезную конкуренцию железным дорогам [Нырков, 1916, с. 449].

Заведующий автомобильно-авиационным отделом Центрального военно-промышленного комитета инженер М. В. Пиолунковский, называя автомобильное дело «молодым и новым», «опирающимся почти всецело на иностранное производство» [В Центральном ..., 1916, с. 6401], признавал, что военное ведомство должно было спешно делать новые заказы автомобилей за границей не только потому, что недоценило их роль в будущей войне, но и по причине практически полного отсутствия отечественного автопрома [Пиолунковский, 1916а, с. 6513]. Однако, — рассуждал далее эксперт, — с точки зрения государственных интересов, такое положение было нетерпимо, так как «невозможно всецело зависеть от заграницы в деле снабжения армии предметами боевого значения, все равно, является ли поставщиком “союзник” или “нейтральный”, ибо международные отношения подвергнуты периодическим изменениям, и если это положение было признано по отношению к ружьям, пушкам, снарядам и т. п., то ... теперешняя война включила в эти предметы также и автомобили. Наконец, соображения финансового порядка настоятельно требуют сокращения заказов за границу» [Там же]. Война привела к закрытию границ, внутреннее производство оказалось неспособным к удовлетворению потребностей в автотранспорте и вскоре, в связи с эвакуацией из Риги завода, вовсе остановилось, а реквизиция частных машин практически не оставила автомобилей у потребителей (за исключением старых и маломощных машин), — констатировал Пиолунковский. Такая ситуация, — прогнозировал публицист, — если не принять оперативных мер, грозила стать затяжной. «... Можно предвидеть, что привоз автомобилей из-за границы не будет слишком значителен. Прежде всего, неизвестно, сколько еще месяцев или лет продолжится война, а до конца ее не может быть и речи о привозе» [Там же, с. 6514]. А так как дефицит автомобилей испытывали все воюющие страны, то в послевоенное время автопром западных стран будет работать на насыщение внутреннего рынка, а не на экспорт, — предсказывал эксперт, также обращая внимание, что на этот же обширный рынок обратит свое внимание и Америка. «Так что ни для европейских, ни для американских фабрик не будет больших побудительных причин не только к форси-

рованию вывоза автомобилей в Россию, но даже к возобновлению продажи их здесь в прежних до войны размерах», — резюмировал Пиолунковский [Там же]. Вывод аналитика был однозначен: послевоенный рынок сможет поглотить автомобилей «на многие десятки и даже сотни миллионов рублей и вполне может обеспечить работу нескольких заводов в России, если, конечно, будут приняты меры к уравниению конкурентных условий их с граничными» [Там же].

3.2. Общественная дискуссия о путях развития отечественного автопрома

Необходимость создания полноценной отечественной автомобильной промышленности создалась всеми, и эта мысль красной нитью проходила во многих серьезных публикациях, посвященных проблемам автотранспорта. Сложившаяся в этой сфере ситуация признавалась «крайне ненормальной» [Г., 1915, с. 19]. «Среди стран, промышленность которых производит автомобили, Россия занимает одно из самых последних мест в мире», — признавал автор журнала «Автомобилист» [Г. И., 1914, с. 41]. «Результаты применения в настоящей войне автомобилей для специальных целей дают полное основание думать, что по окончании войны автомобильное движение получит такое громадное развитие, о котором никто в настоящее время и не предполагает, — отмечал один из авторов журнала “Автомобиль”. — Поэтому вопрос о развитии нашего отечественного машиностроения должен быть признан вопросом особой государственной важности, и надо думать, что при содействии правительства, в самом недалеком будущем, у нас будет не один, а несколько больших автомобильных заводов» [Кузнецов, 1915, с. 6138].

Неудивительно, что за исправление ситуации решил взяться Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК) — орган, созданный в 1915 году для координации действий военно-промышленных комитетов и правительственных учреждений с целью мобилизации промышленности. Во главе его встал А. И. Гучков, а в его состав вошли представители промышленных и торговых кругов, научно-технических предприятий, деятели всероссийских общественных организаций. При ЦВПК был создан особый автомобильно-авиационный отдел, который принялся за разработку положений, призванных организовать в возможно кратчайшие сроки российскую автомобильную промышленность. «Вся торгово-промышленная Россия занята в настоящее время подготовительными работами в деле освобождения нашего рынка от немецкого ига во всех отраслях торговли», — отмечала пресса [К освобождению, 1915, с. 20].

На заседании ЦВПК 27 августа 1915 года отмечалась ненормальность ситуации, при которой санитарные колонны не могли пользоваться теми

же возможностями, что и автопарк военного ведомства, в плане поставок автомобилей, ремонта и снабжения запчастями, хотя по факту они тоже работали на дело государственной обороны. Также поднимался «болезненный вопрос» снабжения автомобилей американскими шинами, которые сильно отличались от тех, что производились в Европе. Обращалось внимание на «желательность приспособления русской резиновой промышленности для изготовления типов шин по американскому образцу с тем, чтобы по возможности избежать необходимости покупать шины за границей» [В Центральном ..., 1915, с. 6255]. Председателем автомобильного подотдела А. П. Нагелем было сделано заявление, что целью созданной общественной структуры является «стремление поддержать всеми силами отечественную промышленность и лишь в крайних случаях прибегать к заграничному рынку» [Там же]. На другом заседании, состоявшемся в начале 1916 года, ставился вопрос о создании сопутствующей промышленности, поскольку производство специальных сортов стали и алюминия, пригодных для изготовления различных деталей автомобиля, не является предметом деятельности автомобильных заводов, равно как и производство аккумуляторов, фонарей, сигнальных устройств [В Центральном ..., 1916, с. 6403; Развитие ..., 1916, с. 4]. Не менее важным было указание Пиолунковского на необходимость отказа от порочной практики переплаты иностранным специалистам, вызванной «гипнозом превосходства всего заграничного», в то время как с русскими специалистами «особо не церемонятся ни в смысле вознаграждения, ни в смысле возможности накопления опыта», хотя без их заинтересованности создание национального автопрома невозможно [Пиолунковский, 1916в, с. 6583—6584].

Решив взять автомобильную отрасль в свои руки, промышленники предъявили государственным структурам немало упреков, главным среди которых был следующий: вместо того, чтобы поддерживать отечественного производителя, государство ничего не делало для развития российского автопрома и передавало все заказы за границу. При таких условиях, говорил крупный промышленник, член IV Государственной думы прогрессист А. И. Коновалов, отечественная автомобильная промышленность «абсолютно не могла развиваться» [В Центральном ..., 1916, с. 6403]. Однако, как отмечала пресса, причина такой политики военного ведомства заключалась отнюдь не в отсутствии желания давать заказы российскому бизнесу, а в том, что последний, во-первых, до войны совершенно не проявлял никакой инициативы в данном вопросе; во-вторых, решив включиться в процесс, заявил более высокие цены, а в-третьих, опыт показывал, что положиться на российского частного в плане своевременного выполнения военных заказов не всегда возможно [Г., 1915, с. 20]. При этом члены ЦВПК отдавали себе от-

чет, что без активного содействия со стороны государства решить такую амбициозную задачу будет невозможно. «...Как всякое новое и молодое дело, оно должно иметь крупную поддержку со стороны нашего правительства и с этой целью все заказы Военного министерства, а также и других правительственных учреждений, нуждающихся в автомобилях, должны быть предоставлены исключительно русским фирмам, изъявившим свое желание открыть в России заводы по изготовлению автомобилей», — доводило позицию ЦВПК издание «Автомобилист» [Там же].

Споры о том, по какому пути следует идти российскому автопрому, велись и в Особом совещании по обороне, в состав которого входили представители государственных ведомств, обеих законодательных палат, общественных организаций и частных предприятий. Одни его участники выступали сторонниками строительства казенных предприятий, другие ратовали за государственную поддержку частному бизнесу [Воронкова, 1965, с. 150]. В частности, депутат Государственной думы и видный член кадетской партии А. И. Шингарев указывал на то, что нецелесообразно расходовать огромные суммы на создание частных автомобильных заводов и одновременно создавать казенный завод, так как после открытия государственного предприятия частные фирмы, лишившись казенных заказов, вынуждены будут закрыться, ибо работать исключительно на потребность частного рынка не смогут вследствие конкуренции иностранных фирм и неблагоприятного таможенного тарифа [Журналы ..., т. 1, 2013, с. 454]. Другой депутат, лидер Союза русского народа Н. Е. Марков настаивал на необходимости именно государственного завода, призванного в будущем оградить казну от владычества синдикатов [Журналы..., т. 2, 2013, с. 59].

3.3. Депутатский законопроект и его критика

Обсуждались проблемы иностранных закупок автомобилей и необходимости преодоления этой зависимости и в Государственной думе. Депутат И. В. Титов от Пермской губернии, выступая с парламентской трибуны в марте 1916 года, бросал власти упрек в том, что она создала «покровительство иностранной промышленности», так как из-за существовавшей системы таможенных пошлин, «выгоднее было готовый автомобиль в собранном виде привезти из-за границы, чем отдельные части автомобиля производить в России» [ГД-4.4, 1916, стб. 3770]. Власть же, в лице военного министра Д. С. Шуваева, признавала перед депутатами, что страна встречает серьезные затруднения с автомобильным транспортом [ГД-4.5, 1916, стб. 205].

4 марта 1916 года по почину депутата П. А. Ярмоловича в Государственную думу был внесен законопроект от имени 66 членов разных фракций о привлечении отечественной промышленности к автомобильному машиностроению [В Таврическом ..., 1916, с. 3]. Отметив в преамбуле, что

«автомобильное дело было развито в России в небольших размерах, а военно-автомобильного дела до войны почти не существовало», народные избранники выражали обеспокоенность необходимостью массовых покупок автомобилей за границей, в результате которых «сотни миллионов рублей ... совершенно бесследно проходят для нашей отечественной промышленности» [Законодательное ..., 1916, с. 2]. Подчеркивалась в законопроекте и опасность зависимости от иностранных держав в деле государственной обороны. Поэтому, заключали законодатели, «вопрос о создании собственной автомобильной промышленности является делом первостепенной государственной важности» [Там же].

Депутатский законопроект содержал следующие положения. За развитие отечественного автопрома должно взяться государство, не упустив при этом такой важный аспект, что «производство, прежде всего, было бы экономически выгодным». Для этого, писали депутаты, нужно вооружиться передовым мировым опытом и выпускать не менее 2 500 машин в год. Ставку предлагалось сделать на заводы, осуществлявшие сборку автомобилей из деталей, которые должны были производить другие предприятия. Далее указывались базовые принципы организации отечественного автопрома:

1) *Установление государством типа выпускаемого автомобиля.* Данная мера предполагала, что следует выбрать наиболее подходящую к российским условиям конструкцию, и для каждой конкретной задачи выпускать лишь одну модель автомобиля. Такой подход должен был дать, по мнению авторов проекта, удешевление производства и простоту в эксплуатации и ремонте.

2) *Введение государственных стандартов и образцов для производства промышленности нужных для автомобилестроения деталей.* Предполагалось, что это решение позволит производить по готовым шаблонам («калибрам») детали на месте добычи угля и металла, что удешевит сырье и даст возможность участвовать в машиностроении не только большим заводам, но и отдельным мастерским, а также будет препятствовать возникновению автомобильного синдиката.

3) *Создание государственного сборного автомобильного завода, не включая работы частных предприятий.* Наличие госпредприятия должно было послужить регулятором цен по сборке и производству автомобилей, а привлечение частной инициативы — развить дело до нужных потребителям и государству размеров.

4) *Установление льготных железнодорожных тарифов по перевозке необходимых для автопрома деталей и повышенных таможенных пошлин на готовые автомобили, ввозимые из-за границы для нужд частного потребления.*

5) *Выработка плана по государственному строительству шоссейных дорог.*

Отмечая, что Россия богата всем необходимым для того, чтобы выпускать «автомобили первоклассного качества, художественного вида и дешевой цены», авторы законопроекта заключали: «Последовательно проводя данный проект в жизнь, страна наша может дать полный расцвет собственной автомобильной промышленности и в наикратчайший срок времени» [Там же, с. 2—5].

Подписались под законопроектом правые (32 чел.), националисты (13 чел.), прогрессивные националисты (8 чел.), представители группы центра (4 чел.), независимые депутаты (5 чел.), один прогрессист, один представитель мусульманской группы, один меньшевик и один неустановленный депутат. Ни октябристы, ни кадеты этой инициативы не поддержали, и вскоре ЦВПК обрушился на нее с критикой.

Законопроект вызвал общественный резонанс. Он обсуждался на заседании авиационно-автомобильного отдела ЦВПК, на котором присутствовали начальник первой в России Военной автомобильной школы генерал П. И. Секретёв, административный деятель и писатель В. П. Литвинов-Фалинский, один из основателей автомобильного дела флигель-адъютант В. В. Свечин и др. [Будущая ..., 1916, с. 21]. Наиболее подробно и аргументированно критика законопроекта была изложена в статье Пиолунковского, опубликованной сразу несколькими изданиями, включая «Известия ЦВПК» (1916, № 7—76). Приветствуя сам факт, что депутаты обратили внимание на значимость развития автомобильного дела и строительства хороших дорог, руководитель автомобильно-авиационного отдела ЦВПК критиковал законопроект по существу. Первый пункт признавался Пиолунковским невыполнимым. «Выбор конструкции еще не представит технических затруднений, но приспособление ее к русским условиям уже ведет к ряду затруднений: всякое “приспособление” потребует опытов и изменений, каковые не могут быть закончены ранее 8—12 месяцев. Установление одного типа невозможно вследствие неоднотипности требований, предъявляемых к автомобилям: с одной стороны, необходимы машины для быстрого передвижения командного и друг[ого] состава, а с другой стороны, необходимы быстроходные легкие грузовики, а равно и менее быстроходные, но с большей подъемной силой, как и машины для передвижения орудий и грузовых транспортов (тракторы). Таким образом, однотипность в лучшем случае может касаться лишь одного из родов пользования автомобилями», — отмечал эксперт [Пиолунковский, 1916б, с. 6492]. Кроме того, — добавлял автор статьи, — нигде в мире еще не сумели создать идеальный автомобиль, который мог бы быть принят за бесспорный образец, так как отрасль эта еще совсем молодая, и

каждая удачная машина имеет свои достоинства и недостатки. Собрать же достоинства разных марок автомобилей в одной новой модели — идея изначально утопическая, — писал он.

Поддерживая идею стандартизации отдельных деталей, автор статьи критиковал предложение по введению «калибра», который бы позволил производить комплектующие одинакового качества многочисленным предприятиям самой разной технической оснащённости. Пиолунковский предупреждал, что небольшие заводы и мастерские не обладают ни достаточным количеством квалифицированных кадров, ни дорогостоящим точным оборудованием для качественного производства технически сложных деталей, ни возможностью использовать специальные сорта стали. Поэтому без строжайшего контроля, который при такой распыленности производства едва ли будет осуществим, невозможно гарантировать качество произведённой продукции. «В суровых условиях практического решения вопроса по проекту 66 депутатов этому заводу нечего будет собирать, так как, кроме брака, он ничего от этих распылённых по лицу страны поставщиков автомобильных частей не получит. Приобретённый за время текущей войны опыт может дать в избытке примеры и доказательства этому утверждению» [Там же, с. 6493].

В связи с этим автор статьи предлагал двигаться иным путём — производить автомобильные детали исключительно на немногих специализированных (казённых или частных) заводах. «Обязанность автомобильных конструкторов — дать определённые задания нашим, так высоко стоящим, металлургическим заводам, а дело последних будет удовлетворить этим заданиям. И в этом направлении уже ведётся и подходит к концу работа, предпринятая по почину ЦВПК в Русском металлургическом обществе...», — отмечалось в публикации [Там же].

Заключая, что «проект 66 депутатов должен быть, за исключением дорожного строительства, решительно отвергнут», Пиолунковский предлагал ряд иных мероприятий, поддерживаемых ЦВПК и Российским автомобильным обществом, которые должны были принести в деле развития отечественного автопрома гораздо больше пользы. Суть их заключалась в следующем:

- 1) Поддержание и развитие частного автомобильного производства в стране.
- 2) Установление мер поощрения за выпуск автомобилей, изготовленных исключительно из отечественных материалов, на российских станках отечественными техническими силами.
- 3) Введение денежной субсидии потребителю на покупку и содержание автомобиля отечественного производства, подлежащего реквизиции в случае войны.

4) Пересмотр таможенных ставок с целью устранения имеющейся несогласованности в отдельных пунктах, но не в ущерб потребителя.

5) Выработка плана дорожного строительства, в котором были бы согласованы общеимперские и местные интересы.

6) Поддержка общественной и частной инициативы в деле дорожного строительства [Там же, с. 6494].

«Вот в чем заключаются **государственные** мероприятия, которые могут обеспечить развитие автомобилестроения. Все остальное приложится само: появится и здоровая конкуренция, и соответствующие русским условиям типы, и разумная стандартизация, и дешевое производство», — заверял Пиолунковский [Там же].

Однако общественная дискуссия на этом не завершилась. Материалы периодической печати наглядно показывают, что, помимо приведенных выше, рецептов преодоления зависимости от иностранных поставок и развития российского автопрома было немало. Как отмечал журнал «Автомобилист», «одни стояли за установление системы протекционных пошлин на автомобили, другие видели единственный выход в предоставлении крупного заказа на несколько лет вперед» [Г., 1915, с. 20]. Пиолунковский на страницах специализированных изданий отстаивал протекционизм, полагая, что без мощной государственной поддержки российский автопром не сможет выжить «в условиях суровой конкуренции с заграницей» [Пиолунковский, 1916в, с. 6583]. Но были и те, кто считал протекционистские меры не лучшим выходом из ситуации, полагая, что отсутствие конкуренции приведет к выпуску продукции, уступающей по качеству иностранной [Митчелл, 1916, с. 6586]. И для таких опасений были причины, ведь, как отмечал журнал «Автомобилист» еще в 1914 году, несмотря на то, что отечественный автомобиль «Руссо-Балт» неплохо показал себя в деле, покупали его лишь «особые патриоты», поскольку по сравнению с лучшими зарубежными моделями он был тяжелым, медленным и дорогим [Г. И., 1914, с. 42]. Но все сходились в одном: чтобы стать жизненной, отечественной, автомобильной промышленностью придется быстро перенять передовой западный опыт, но при этом избежать слепого копирования, поскольку «если выпустить копию, да еще плохую, и назвать ее русским автомобилем, то завод не должен быть в претензии, что не только заграничные, но и русский рынок не признает такого автомобиля» [С. Б., 1914, с. 32].

4. Заключение = Conclusions

Под давлением вызванных войной обстоятельств и общественного мнения правительство к 1916 году выработало программу создания русской автомобильной промышленности. На развитие отечественного авто-

прома были выделены немалые средства, началось строительство заводов [Воронкова, 1965, с. 149—155]. В рамках правительственной программы в 1916 году было заложено «Товарищество на паях автомобильного Московского общества» (ставшее в советское время знаменитым ЗИЛом — Заводом имени Лихачева), приступившее к сборке грузовиков «Фиат». Началось строительство и других заводов. Однако запустить полноценное производство автомобилей помешали многие факторы: проблемы с валютой, задержки с поставками из-за границы необходимого оборудования, логистические трудности, нарастание хозяйственного и экономического кризиса, разразившаяся вскоре революция. И хотя создать национальную автомобильную промышленность императорская Россия так и не смогла, общественная дискуссия по этому вопросу не была бесплодной. Она показала наличие глубоких системных проблем в отрасли, которая в годы войны обрела важное государственное и военное значение. В ходе этой полемики сложился общественный консенсус относительно стратегической необходимости наличия национальной автомобильной промышленности, способной удовлетворять военные и гражданские нужды страны. Резкое прекращение импорта автомобилей из Германии и Австро-Венгрии, вынужденная переориентация на закупки автотранспорта в США, траты на эти нужды огромных государственных средств и, несмотря на принятые меры, острая нехватка «моторов» заставляли общественных и политических деятелей выдвигать проекты, призванные решить эту проблему. Дискуссия также показала, что различные политические и общественные силы предлагали неодинаковые выходы из сложившейся кризисной ситуации. Если для одних, представленных преимущественно правыми, консервативными силами, выход виделся в создании крупных государственных автозаводов (не исключая участия в создании отечественного автопрома частных предприятий), то для других — представителей крупного капитала, промышленников и либеральных политических кругов — в передаче этого дела исключительно в частные руки, но при активной и широкой помощи национальному бизнесу со стороны государства. Развернувшаяся в годы войны полемика также показала, что многим ее участникам удалось достаточно точно определить риски, возможные при организации национальной автомобильной промышленности, и указать на меры, необходимые для того, чтобы отечественный автопром превратился в сильную и конкурентоспособную отрасль. Революция 1917 года и последовавшая за ней гражданская междоусобица не позволили осуществить проекты времен Первой мировой войны, но многое из того, что было предложено участниками той дискуссии, было учтено позже, а что-то не утратило актуальности и сегодня.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Будущая автомобильная промышленность* // *Автомобилист*. — 1916. — № 8. — С. 21.
2. *В Таврическом дворце* // *Новое время* : газета. — 1916. — № 14366. — 6 (19) марта. — С. 3.
3. *В Центральном Военно-промышленном комитете* // *Автомобиль*. — 1915. — № 18. — С. 6255.
4. *В Центральном Военно-промышленном комитете* // *Автомобиль*. — 1916. — № 3. — С. 6401—6403.
5. *Вывоз автомобилей из Соединенных Штатов* // *Вестник Русско-американской торговой палаты*. — 1916. — № 12. — С. 346.
6. *Г. И. Русское автомобильное производство* // *Автомобилист*. — 1914. — № 2. — С. 41—42.
7. *Г. Мобилизация отечественной автомобильно-авиационной промышленности* // *Автомобилист*. — 1915. — № 16. — С. 19—20.
8. *Голдберг Я. Автомобиль на войне* / Я. Голдберг // *Автомобилист*. — 1915a. — № 16. — С. 9—14.
9. *Голдберг Я. Автомобиль на войне* / Я. Голдберг // *Автомобилист*. — 1915b. — № 21—22. — С. 14—18.
10. *Голдберг Я. Автомобиль на войне* / Я. Голдберг // *Автомобилист*. — 1915c. — № 23—24. — С. 9—12.
11. ГД-4.4. — *Государственная дума*. Стенографические отчеты. Сост. IV. Сессия IV. — Петроград : Государственная типография, 1916. — 5812 стб.
12. ГД-4.5. — *Государственная дума*. Стенографические отчеты. Сост. IV. Сессия V. — Петроград : Государственная типография, 1916. — 1754 стб.
13. *Грузовые автомобили* // *Автомобилист*. — 1915. — № 12. — С. 12—13.
14. *Е. С. Несколько слов...* // *Автомобилист*. — 1915. — № 11. — С. 22—23.
15. *Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое Совещание по обороне государства)*. 1915—1918 : в 3 т. / под ред. А. П. Корелина, А. С. Грузинова. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. — Т. 1. — 743 с. ; Т. 2. — 559 с. ; Т. 3. — 846 с.
16. *Законодательное предположение о привлечении отечественной промышленности к автомобильному машиностроению*. (Внесено за подписью 66 членов ГоС. Думы 4 марта 1916 г.) // *Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы*. Сост. IV. Сессия IV. 1915—1916 гг. — Выпуск 3 (№ 88—173). — Петроград : Государственная типография, 1916. — С. 2—5.
17. *Импорт автомобилей в Россию* // *Автомобильная жизнь и авиация*. — 1914. — № 3. — С. 4.
18. *К освобождению от германского и австрийского засилья нашего отечественного автомобильного рынка* // *Автомобилист*. — 1915. — № 21—22. — С. 20.
19. *Кузнецов Н. Автомобиль на войне* // *Автомобиль*. — 1915. — № 11. — С. 6135—6138.
20. *Меньшиков М. О. Накопление и удар* // *Новое время* : газета. — 1915. — № 14254. — 14 (27) ноября. — С. 13.

21. Митчелл Л. Коммерческая сторона дела. (Письмо в редакцию) // Автомобиль. — 1916. — № 11. — С. 6586.
22. Нагель А. П. На заре русского автомобилизма // Возрождение : газета. — 1929. — № 1435. — 7 мая. — С. 4.
23. Нырков. о плане железнодорожного строительства // Известия Собрания инженеров путей сообщения. — 1916. — № 22. — С. 446—451.
24. Общая хроника // Русский инвалид : газета. — 1915. — № 44. — 24 февраля. — С. 3.
25. Пиолунковский М. В. Автомобильное дело и война / М. В. Пиолунковский // Автомобиль. — 1916а. — № 8. — С. 6513—6516.
26. Пиолунковский М. В. О привлечении отечественной промышленности к автомобильному машиностроению / М. В. Пиолунковский // Автомобиль. — 1916б. — № 7. — С. 6491—6494.
27. Пиолунковский М. В. Организация автомобильной промышленности / М. В. Пиолунковский // Автомобиль. — 1916в. — № 11. — С. 6583—6586.
28. Развитие подсобных заводов // Известия Центрального Военно-промышленного комитета : газета. — 1916. — № 72. — 17 марта. — С. 4.
29. С. Б. К статье «Русское автомобильное производство» // Автомобилист. — 1914. — № 9. — С. 32—41.
30. Среди военных автомобилистов // Новое время : газета. — 1913. — № 13288. — 8 (21) января. — С. 4.
31. Сухомлинов В. А. Воспоминания / В. А. Сухомлинов. — Берлин : Русское универсальное издательство, 1924. — 438 с.

Литература

1. Богомазов Н. И. «Рельсовый голод» на российских железных дорогах в годы Первой мировой войны и попытки борьбы с ним / Н. И. Богомазов // Новейшая история России. — 2023. — Т. 13. — № 2. — С. 272—290. — DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.201>.
2. Виноградов П. В. Иностраннные поставки автомобилей как пример военно-технического сотрудничества России с союзниками в годы Первой мировой войны / П. В. Виноградов // Общество : философия, история, культура. — 2016. — № 8. — С. 69—72.
3. Воронкова С. В. Автомобильная промышленность / С. В. Воронкова // Россия в Первой мировой войне. 1914—1918. Энциклопедия : в 3 томах / отв. ред. А. К. Сорокин. — Москва : Политическая энциклопедия, 2014. — Т. 1. — С. 35—38. — ISBN 978-5-8243-1882-1.
4. Воронкова С. В. Строительство автомобильных заводов в России в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.) / С. В. Воронкова // Исторические записки. — 1965. — Т. 75. — С. 147—169.
5. Ершова Т. В. Промышленность Москвы и Московской губернии в годы Первой мировой войны : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Т. В. Ершова. — Москва, 1999. — 390 с.
6. Иванов А. А. Общественная дискуссия вокруг американских закупок для нужд российских железных дорог в годы Первой мировой войны / А. А. Иванов, Н. И. Богомазов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 330—350. — DOI: [10.24224/2227-1295-2023-12-1-330-350](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-330-350).
7. Кирилец С. В. Автомобили Русской Императорской армии : «Автомобильная академия» генерала Секретёва / С. В. Кирилец, Г. Г. Канинский. — Москва : Русские Витязи, 2010. — 263 с. — ISBN 978-5-903389-28-5.

8. *Кирилец С. В.* Автомобили-зенитки Первой мировой войны : на передовой «войны моторов» / С. В. Кирилец. — Москва : Эксмо : Язуз, 2018. — 237 с. — ISBN 978-5-04-089425-3.

9. *Котельников К. Д.* Импорт из Германии как фактор транспортного кризиса Российской империи в годы Первой мировой войны / К. Д. Котельников // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 462—484. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-462-484.

10. *Павлов А. Ю.* Скованные одной целью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.) / А. Ю. Павлов. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. — 186 с. — ISBN 978-5-288-04708-4.

11. *Поликарпов В. В.* Русская военно-промышленная политика. 1914—1917. Государственные задачи и частные интересы / В. В. Поликарпов. — Москва : Центрполиграф, 2015. — 383 с. — ISBN 978-5-227-06136-2.

12. *Порох, золото и сталь : военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны* / научный редактор А. Ю. Павлов. — Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2017. — 528 с. — ISBN 978-5-88812-889-3.

13. *Пригодич Н. Д.* Иностранные закупки автомобилей в годы Первой мировой войны: постановка проблемы / Н. Д. Пригодич // Россия и мир в исторической ретроспективе : материалы XXIX международной научной конференции, к 320-летию основания Санкт-Петербурга. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2023. — Т. 1. — С. 358—362.

14. *Пригодич Н. Д.* Иностранные закупки для нужд российского транспорта в годы Первой мировой войны : постановка проблемы и историографические аспекты / Н. Д. Пригодич, Н. И. Богомазов // Genesis : исторические исследования. — 2023. — № 4. — С. 10—18. — DOI: 10.25136/2409-868X.2023.4.40377.

15. *Рубец А. Д.* История автомобильного транспорта России / А. Д. Рубец. — Москва : Эксмо, 2008. — 304 с. — ISBN 5-7695-1157-5.

16. *Селезнев Ф. А.* Роковая женщина военного министра : генерал Сухомлинов и Екатерина Бутович / Ф. А. Селезнев, А. В. Евдокимов. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. — 254 с. — ISBN 978-5-00-165127-7.

17. *Сенин А. С.* Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914—1922 гг.) / А. С. Сенин. — Москва : Транспортная книга, 2009. — 316 с. — ISBN 978-5-89035-543-0.

18. *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны / А. Л. Сидоров. — Москва : Наука, 1973. — 655 с.

19. *Старостенков Н. В.* Железнодорожный транспорт и обороноспособность Российской империи. (Вторая половина XIX в. — 1914 г.) / Н. В. Старостенков. — Москва : Русь-Стиль-XXI век, 2002. — 493 с. — ISBN 5-348-00017-5.

20. *Твердюкова Е. Д.* «Реквизиция моего автомобиля... должна быть обставлена законным порядком» : письма П. П. Бекеля в Автомобильный отдел исполкома Петросовета (1918 г.) / Е. Д. Твердюкова // Новейшая история России. — 2022. — Т. 12. — № 4. — С. 1078—1088. — DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.417> С. 1079.

21. *Хальфан Ю. А.* Первые русские автомобили и их эксплуатационные качества / Ю. А. Хальфан. — Москва : Научно-техническое издательство Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР, 1960. — 43 с.

22. Heywood A. J. Russia's Foreign Supply Policy in World War I : Imports of Railway Equipment / A. J. Heywood // *Journal of European Economic History*. — 2003. — Vol. 31. — Iss. 3. — Pp. 77—108.

Статья поступила в редакцию 22.11.2023,
одобрена после рецензирования 17.01.2024,
подготовлена к публикации 23.01.2024.

Material resources

- Among military motorists. (1913). *Novoye vremya: gazeta*, 13288. 8 (21) January. P. 4. (In Russ.).
- Development of auxiliary plants. (1916). *Izvestia of the Central Military-Industrial Committee: gazeta*, 72. March 17. P. 4. (In Russ.).
- E. S. (1915). A few words... *The motorist*, 11: 22—23. (In Russ.).
- Export of cars from the United States. (1916). *Bulletin of the Russian-American Chamber of Commerce*, 12: P. 346. (In Russ.).
- G. I. (1914). Russian automobile production. *Avtomobilist*, 2: 41—42. (In Russ.).
- G. (1915). Mobilization of the domestic automotive and aviation industry. *The motorist*, 16: 19—20. (In Russ.).
- GD-4.4 — *The State Duma. Verbatim reports. Convocation IV. Session IV*. (1916). Petrograd: State Printing House. 5812 stb. (In Russ.).
- GD-4.5 — *The State Duma. Verbatim reports. Convocation IV. Session V*. (1916). Petrograd: State Printing House. 1754 stb. (In Russ.).
- General chronicle. (1915). *Russian disabled person: newspaper*, 44. February 24. P. 3. (In Russ.).
- Goldberg, Ya. (195a). *A car at war*. *Avtomobilist*, 16: 9—14. (In Russ.).
- Goldberg, Ya. (1915b). *A car at war*. *Avtomobilist*, 21—22: 14—18. (In Russ.).
- Goldberg, Ya. (1915c). *A car at war*. *Avtomobilist*, 23—24: 9—12. (In Russ.).
- Import of cars to Russia. (1914). *Automotive life and aviation*, 3: P. 4. (In Russ.).
- In the Central Military-Industrial Committee. (1916). *Automobile*, 3: 6401—6403. (In Russ.).
- In the Central Military-Industrial Committee. (1915). *Automobile*, 18: P. 6255. (In Russ.).
- In the Tauride Palace. (1916). *Novoye vremya: gazeta*, 14366. 6 (19) March. P. 3. (In Russ.).
- Journals of a Special Meeting to discuss and combine measures for the defense of the State (Special Meeting on the Defense of the State). 1915—1918: in 3 volumes*. (2013). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). (In Russ.).
- Kuznetsov, N. (1915). The car at war. *Automobile*, 11: 6135—6138. (In Russ.).
- Legislative assumption on the involvement of domestic industry in automotive engineering. (Signed by 66 members of the State Duma on March 4, 1916)*. (1916). *Appendices to the verbatim reports of the State Duma. Convocation IV. Session IV. 1915—1916*, 3 (88—173). Petrograd: State Printing House. 2—5. (In Russ.).
- Menshikov, M. O. (1915). Accumulation and impact. *Novoe vremya: gazeta*, 14254. 14 (27) November. S. 13. (In Russ.).
- Mitchell, L. (1916). The commercial side of the matter. (Letter to the editor). *Car*, 11: P. 6586. (In Russ.).
- Nagel, A. P. (1929). At the dawn of Russian motorism. *Vozrozhdenie: newspaper*, 1435. May 7. P. 4. (In Russ.).
- Nyrkov. (1916). About the railway construction plan. *Proceedings of the Meeting of Railway Engineers*, 22: 446—451. (In Russ.).

- Piolunkovsky, M. V. (1916a). Automotive business and war. *Automobile*, 8: 6513—6516. (In Russ.).
- Piolunkovsky, M. V. (1916b). On attracting domestic industry to automotive engineering. *Automobile*, 7: 6491—6494. (In Russ.).
- Piolunkovsky, M. V. (1916c). Organization of the automotive industry. *Automobile*, 11: 6583—6586. (In Russ.).
- S. B. (1914). To the article “Russian automobile production”. *Avtomobilist*, 9: 32—41. (In Russ.).
- Sukhomlinov, V. A. (1924). *Memoirs*. Berlin: Russian Universal Publishing House. 438 p. (In Russ.).
- The future automotive industry. (1916). *Avtomobilist*, 8: P. 21. (In Russ.).
- Towards liberation from the German and Austrian dominance of our domestic automobile market. (1915). *Avtomobilist*, 21—22: P. 20. (In Russ.).
- Trucks. (1915). *Avtomobilist*, 12: 12—13. (In Russ.).

References

- Bogomazov, N. I. (2023). “Rail famine” on Russian railways during the First World War and attempts to combat it. *The modern history of Russia*, 13 (2): 272—290. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.201>. (In Russ.).
- Ershova, T. V. (1999). *Industry of Moscow and the Moscow province during the First World War*. Doct. Diss. Moscow. 390 p. (In Russ.).
- Gunpowder, gold and steel: military-technical cooperation during the First World War*. (2017). St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences. 528 p. ISBN 978-5-88812-889-3. (In Russ.).
- Heywood, A. J. (2003). Russia’s Foreign Supply Policy in World War I: Imports of Railway Equipment. *Journal of European Economic History*, 31 (3): 77—108.
- Ivanov, A. A., Bogomazov, N. I. (2023). Public Discussion around American Purchases for Needs of Russian Roads during First World War. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 330—350. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-330-350> (In Russ.).
- Khalfan, Yu. A. (1960). *The first Russian cars and their performance*. Moscow: Scientific and Technical Publishing House of the Ministry of Motor Transport and Highways of the RSFSR. 43 p. (In Russ.).
- Kirilets, S. V. (2018). *Anti-aircraft guns of the First World War: at the forefront of the “war of motors”*. Moscow: Eksmo: Yauza. 237 p. ISBN 978-5-04-089425-3. (In Russ.).
- Kirilets, S. V., Kaninsky, G. G. (2010). *Cars of the Russian Imperial Army: “Automobile Academy” of General Sekretev*. Moscow: Russian Knights. 263 p. ISBN 978-5-903389-28-5. (In Russ.).
- Kotelnikov, K. D. (2023). Import from Germany as a Factor of Transport Crisis of Russian Empire during First World War. *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 462—484. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-462-484> (In Russ.).
- Pavlov, A. Yu. (2008). *Bound by one goal. Strategic cooperation between Russia and its allies during the First World War (1914—1917)*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. 186 p. ISBN 978-5-288-04708-4. (In Russ.).
- Polikarpov, V. V. (2015). *Russian military-industrial policy. 1914—1917. State tasks and private interests*. Moscow: Tsentrpoligraf. 383 p. ISBN 978-5-227-06136-2. (In Russ.).
- Prigodich, N. D. (2023). Foreign purchases of cars during the First World War: setting the problem. In: *Russia and the world in historical retrospect*. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. 358—362. (In Russ.).

- Prigodich, N. D., Bogomazov, N. I. (2023). Foreign purchases for the needs of Russian transport during the First World War: problem statement and historiographical aspects. *Genesis: historical research*, 4: 10—18. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.4.40377. (In Russ.).
- Rubets, A. D. (2008). *History of Russian automobile transport*. Moscow: Eksmo. 304 p. ISBN 5-7695-1157-5. (In Russ.).
- Seleznev, F. A. (2020). *The fatal woman of the Minister of War: General Sukhomlinov and Ekaterina Butovich*. St. Petersburg: Alethea. 254 p. ISBN 978-5-00-165127-7. (In Russ.).
- Senin, A. S. (2009). *Russian railway transport in the era of wars and revolutions (1914—1922)*. Moscow: Transport Book. 316 p. ISBN 978-5-89035-543-0. (In Russ.).
- Sidorov, A. L. (1973). *The economic situation of Russia during the First World War*. Moscow: Nauka. 655 p. (In Russ.).
- Starostenkov, N. V. (2002). *Railway transport and defense capability of the Russian Empire. (The second half of the XIX century — 1914)*. Moscow: Rus-Style-XXI Century LLC. 493 p. ISBN 5-348-00017-5. (In Russ.).
- Tverdyukova, E. D. (2022). “The requisition of my car ... must be arranged in a lawful manner”: letters from P. P. Bekel to the Automotive Department of the Executive Committee of the Petrograd Soviet (1918). *Modern history of Russia*, 12 (4): 1078—1088. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.417> P. 1079. (In Russ.).
- Vinogradov, P. V. (2016). Foreign car supplies as an example of military-technical cooperation between Russia and the Allies during the First World War. *Society: philosophy, history, culture*, 8: 69—72. (In Russ.).
- Voronkova, S. V. (2014). Automotive industry. In: *Russia in the First World War. 1914—1918. Encyclopedia: in 3 volumes, 1*. Moscow: Political Encyclopedia. 35—38. ISBN 978-5-8243-1882-1. (In Russ.).
- Voronkova, S. V. (1965). Construction of automobile plants in Russia during the First World War (1914—1917). *Historical notes*, 75: 147—169. (In Russ.).

*The article was submitted 22.11.2023;
approved after reviewing 17.01.2024;
accepted for publication 23.01.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(1), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Калинина Е. А. Гимнастика в контексте спортивной политики СССР в 1918—1941 годах / Е. А. Калинина, В. П. Умнов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — с. 397—414. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-397-414.

Kalinina, E. A., Umnov, V. P. (2024). Gymnastics and USSR Sports Policy in 1918—1941. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 397-414. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-397-414. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-397-414

Гимнастика в контексте спортивной политики СССР в 1918—1941 годах

Калинина Елена Александровна

orcid.org/0000-0002-8837-3674

доктор исторических наук, профессор
кафедры теории и методики
физического воспитания
Института физической культуры,
спорта и туризма
kalinka46@yandex.ru

Умнов Владимир Павлович

orcid.org/0000-0001-9428-5147

кандидат психологических наук, доцент
кафедры теории и методики
физического воспитания
Института физической культуры uvpp@
mail.ru

Петрозаводский
государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

Gymnastics and USSR Sports Policy in 1918—1941

Elena A. Kalinina

orcid.org/0000-0002-8837-3674

Doctor of History, Professor,
Department of Theory and Methods
of Physical Education,
Institute of Physical Culture,
Sports and Tourism
kalinka46@yandex.ru

Vladimir P. Umnov

orcid.org/0000-0001-9428-5147

PhD in Psychology, associate professor,
Department of Theory and Methods
of Physical Education,
Institute of Physical Culture,
Sports and Tourism
uvpp@mail.ru

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

© Калинина Е. А., Умнов В. П., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Целью работы является изложение и обсуждение итогов становления и развития в Советском Союзе в 1920—1930-е годы одного из популярных видов спорта — спортивной гимнастики, включающей в себя соревнования на различных гимнастических снарядах, а также в вольных упражнениях и опорных прыжках. Авторы прослеживают исторический путь этого вида спорта в контексте политики правительства СССР по организации советского физкультурного движения. Рассматриваются особенности деятельности общественных гимнастических организаций и вопросы их закрытия. Особое внимание уделяется проблемам развития спортивной гимнастики в изучаемый период: состояние материально-технической базы, организация систематических, тренировочных занятий, наличие квалифицированных тренерских кадров. Материалы исследования доказывают, что развитие этого вида спорта проходило в трудных условиях: от ограничений в 1920-е годы до массового гимнастического движения в 1930-е годы. На основе документальных источников, центральной периодической печати авторы реконструируют способы и формы становления и развития советской спортивной гимнастики как массового вида спорта. Утверждается, что систематические соревнования на первенство СССР стимулировали рост спортивно-технических достижений гимнастов.

Ключевые слова:

физическая культура; спорт; спортивная гимнастика; соревнования; пролеткульт.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of this study is to present and discuss the formation and development of one of the popular sports in the Soviet Union in the 1920s-1930s, namely, artistic gymnastics, which includes competitions on various gymnastic apparatuses as well as in free exercises and balance jumps. The authors trace the historical path of this sport within the context of the Soviet government's policy on organizing the Soviet physical culture movement. The study examines the activities of public gymnastics organizations and the issues surrounding their closure. Special attention is given to the challenges faced by the development of artistic gymnastics during this period, including the state of the material and technical base, organization of systematic training sessions, and the availability of qualified coaching staff. The research materials demonstrate that the development of this sport took place under difficult conditions, from restrictions in the 1920s to a mass gymnastics movement in the 1930s. Based on documentary sources and central periodicals, the authors reconstruct the methods and forms of the formation and development of Soviet artistic gymnastics as a mass sport. It is argued that systematic competitions for the USSR championship stimulated the growth of gymnasts' sporting and technical achievements.

Key words:

physical culture; sport; artistic gymnastics; competitions; Proletkult; Proletarian cultural and educational organizations.

Гимнастика в контексте спортивной политики СССР в 1918—1941 годах

© Калинина Е. А., Умнов В. П., 2024

1. Введение = Introduction

Без понимания прошлого нельзя уверенно строить будущее. Опыт конца XX века, в частности 1990-х годов, показал, что демонтаж политической и экономической системы привел к серьезным последствиям в разных сферах государства и общества, в том числе и в области физической культуры и спорта. Совершенно правильно замечает И. И. Пичурин, анализируя предпосылки и результаты этих реформ: «...для дальнейшего развития всегда необходимо тщательно разобраться в прошлом и все полезное, что там было, использовать в будущем» [Пичурин, 2009, с. 7].

Физическая культура, как часть культуры в целом, есть продукт созидательной деятельности общества. «На каждом историческом этапе она изменяется в зависимости от возможностей, предоставляемых для ее развития той или иной общественной формацией, и в то же время наследует непреходящие культурные ценности, созданные человечеством на предыдущих этапах» [Теория ..., 1976, с. 13]. В современный период развитие системы физической культуры и спорта во многом обусловлено новым пониманием социально-культурного и правового статуса этой области в современном обществе. Изучение векторов эволюции отдельных видов спорта, обобщение имеющегося опыта организации учебно-тренировочного процесса и соревновательной деятельности и их поддержка на государственном и региональном уровнях имеют кардинальное значение для достижения максимально высоких спортивных результатов и вовлечения в занятия физической культурой и спортом разных слоев населения.

Спортивная гимнастика в отечественной системе физической культуры является самым доступным для широких масс населения средством и методом физического воспитания. Этот вид спорта всегда был гордостью и украшением российского спорта, а также технической основой для многих видов спорта. Отечественные гимнасты неоднократно становились победителями и призерами чемпионатов мира, Олимпийских игр, являясь пионерами в разработке новых элементов спортивных программ [Легенды..., 2016, с. 258]. В связи с этим вопросы, связанные с историей становления

и развития этого вида спорта, не утрачивают актуальности и в настоящее время. Новизна работы видится в том, что до настоящего времени нет системных исследований по истории становления советской спортивной гимнастики как вида спорта. В статье впервые выделены и описаны основные этапы ее эволюции.

История физической культуры и спорта привлекает внимание современных историков. Появляются исследования по истории развития данной сферы как в целом по стране, так и по отдельным регионам. История отдельных видов спортивной деятельности находит свое отражение в контексте изложения общего исторического процесса советского физкультурного движения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма и объективности. Ретроспективный анализ проводится с опорой на историко-типологический подход, который позволяет рассмотреть становление и развитие советской спортивной гимнастики как целостную, детерминированную конкретно-историческими условиями систему и более полно представить ее не как феномен, а как исторический процесс. Авторы, используя историко-системный подход, подвергли детальному анализу документальные источники, посвященные истории становления и развития спортивной гимнастики с 1918 по 1941 год.

Исследование основано на материалах периодической печати 1920—1930-х годов: на страницах журналов «Вестник физической культуры», «Физкультура и спорт» и газеты «Красный спорт» анализировались проблемы развития спортивной гимнастики в стране, успехи и неудачи советских гимнастов, а также предлагались пути дальнейшего совершенствования этого вида спорта.

В последние годы значительно возрос интерес к истории советского физкультурного движения. Исследователи ищут новые подходы к оценке прошлого, стремятся комплексно анализировать правительственную политику в сфере развития физической культуры и спорта [Калинина, 2021; Толстой, 2009; Филиппов, 2012], историю различных видов спорта [Бондаренко, 2013; Давыдов, 2011]. Тем не менее спортивной гимнастике посвящено лишь несколько работ [Легенды..., 2016; Сомкин, 2017]. Для объективной оценки эволюции спортивной гимнастики в стране представляется необходимым рассмотреть основные принципы ее становления и развития в 1918—1941 годы, то есть тот период, когда закладывались основы советской гимнастической системы, формировались традиции отечественной спортивной гимнастики.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Спортивная гимнастика в 1920-е годы

В 1918—1923 годах в Советской России Всевобуч (система обязательной военной подготовки граждан: «всеобщее военное обучение») уделял особое внимание спортивной гимнастике как одному из основных средств физической подготовки и физического развития допризывников и военнослужащих. Это нашло отражение в «Программе подготовки резервов армии», подготовленной Всевобучем, где значительное место отводилось гимнастике. Процесс обучения включал в себя простейшие подготовительные и военно-прикладные упражнения. В 1920 году Всевобуч в Москве на Ходынском поле организовал большое гимнастическое выступление с участием 2000 человек. Демонстрировались массовые вольные упражнения, фигурная маршировка с построением «живых» букв *РСФСР* и гимнастических пирамид. Так, в сочетании с массовыми видами спорта гимнастика становилась основой физического воспитания.

В эти годы продолжили свою деятельность гимнастические общества «Сокол», «Шевардени» (Горный орел), «Маккаби», созданные еще в царской России в конце XIX века. Повсеместно стали появляться новые организации: в северных регионах и в Петрограде, на Украине — «Спартак», в Москве и центральной части Советской России — «Муравей». Члены этих сообществ применяли прежние системы гимнастики, популярные в царской России. Инструкторами являлись представители дореволюционной школы, приверженцы зарубежных систем — французской (Демени), чешской (сокольская), шведской (Линг). В печати появились учебно-методические пособия по преподаванию спортивной гимнастики [Гимнастика ..., 1923; Пантелеев, 1920; Подробный курс ..., 1922].

С 1922 по 1925 годы в СССР была развернута дискуссия о роли физической культуры и спорта. Специфическую форму развития физической культуры предлагали приверженцы Пролеткульта (литературно-художественная и культурно-просветительная организация; сокращение от *Пролетарские культурно-просветительные организации*). Они полностью отрицали «буржуазную систему упражнений» и предлагали создать «советскую физическую культуру». Новаторские идеи Пролеткульта изменили положение спортивной гимнастики в стране. По мнению приверженцев этого направления, «сокольская гимнастика» однобоко развивала физкультурников и не соответствовала задачам советской физкультуры. Гимнасты Советского Союза не должны стремиться к достижению максимальных результатов или устанавливать рекорды на том или ином спортивном снаряде. «Нам нужно посредством умелой спортивной тренировки научить пролетарские массы экономить трату физической энергии, которая без достаточ-

ной тренировки тратится в процессе производства более чем нужно», — писал корреспондент Жагелев в журнале «Вестник физической культуры» в 1922 году [Жагелев, 1922, с. 4]. Следовательно, советская физкультура должна пойти по пути практического сближения гимнастических упражнений с трудовыми движениями рабочего в производственном процессе. Упражнения на гимнастических снарядах (параллельных брусьях, турнике, кольцах, трапециях и т. п.) отвергались, так как с анатомо-физиологической точки зрения они были бесполезны, вредны и не соответствовали движениям, обычно совершаемым в трудовом процессе на производстве.

В 1924 году в журнале «Вестник физической культуры» была опубликована заметка одного из представителей Пролеткульта Смолина, в которой он писал: «Нам сейчас нужны не снаряды, а инициатива, и это и есть успех работы... Если мы будем больше проявлять инициативы..., то у нас значительно сократятся наши расходы на физическую культуру», а преподавание гимнастики можно проводить и без снарядов [Смолин, 1924, с. 1].

Попытки создания новой советской гимнастической системы предпринимали: физкультурная молодежная организация «Спартак», преподаватели Московского ГЦИФК, Народный комиссариат просвещения и Военное ведомство. При этом зарубежные системы (чешская, французская и шведская гимнастики), активно применявшиеся в царской России, запрещались. Под влиянием «пролеткультовских» взглядов основой занятий становилась общая физическая подготовка с использованием различных видов физических упражнений, исключая упражнения на снарядах. Согласно задачам советской физкультуры, гимнастика должна была укреплять и развивать силу занимающихся, необходимую при трудовых процессах. Гимнастические снаряды, сохранившиеся еще с дореволюционного времени, повсеместно просто уничтожались.

Однако предложенные различными ведомствами советские гимнастические системы оказались несовершенными. Следует заметить, все они в своей основе состояли из ранее разработанных зарубежных систем. Новой советской гимнастической системы, отличной от буржуазной, не получилось. К 1925 году гимнастические организации «Сокол», «Шевардени», «Маккаби» были расформированы. Прекратили свое существование и пролетарские организации «Спартак» и «Муравей». Вместо них начали создаваться кружки физической культуры при промышленных и сельскохозяйственных предприятиях и профсоюзах.

В 1925 году Центральный комитет РКП(б) принял постановление «О задачах партии в области физической культуры». В нем были раскрыты идейно-методологическая сущность и общественно-политическое значение советской физической культуры, указаны пути ее развития. Поста-

новление способствовало развитию многих видов спорта, в том числе и гимнастики. Идеи пролеткультовцев на I научно-методической конференции (1925 год) по физической культуре были признаны несостоятельными [История..., 1967, с. 277]. Причем спортивная гимнастика получила право на самостоятельное существование и вновь была названа в числе основных средств физического воспитания. В январе 1927 года Высший совет физической культуры дал официальное разрешение на применение гимнастических снарядов во время занятий физической культурой.

С этого времени преподаватели московского и ленинградского институтов физической культуры стали изучать теоретические и практические основы гимнастики. Следуя устоявшейся идее «вредности» и бесполезности этого вида спорта, многие авторы относились к разработке методики преподавания достаточно осторожно, учитывая предписания правительства страны о внедрении военизации в дело развития физкультуры и спорта, в частности, военно-прикладной гимнастики. Например, директор Московского Государственного центрального института физической культуры (ГЦИФК) А. А. Зикмунд выделил в гимнастике три направления:

1) *педагогическая гимнастика*, преподаваемая в учебных заведениях: должна быть основана на игровом методе; в гимнастический комплекс вольных движений необходимо добавить элементы легкой атлетики (ходьба, бег, прыжки, метание, лазание и др.);

2) *спортивно-атлетическая гимнастика*: не должна включать в себя «социально ненужные» элементы и «нарушать идею всестороннего развития»;

3) *военно-прикладная гимнастика*: «должна подготавливать к военно-походной жизни и закреплять автоматическим порядком соответствующие боевые навыки. Обстановка, в которой проводится военно-прикладная гимнастика, должна быть наиболее близка к боевой обстановке как по форме движений, так и по скорости и точности выполнения» [Зикмунд, 1928, с. 6].

Фактически эти же направления гимнастики с некоторыми вариациями ранее рассматривались в пособии для инструкторов — руководителей по физическому воспитанию в книге «Подробный курс сокольской гимнастики», в которой гимнастика делится «на две главные ветви: 1. Гимнастика воспитательная (педагогическая) занимается здоровым телом и развивает его, стремясь к идеалу здоровья, силы и красоты. 2. Гимнастика лечебная (врачебная)...» [Подробный курс ..., 1922, с. 8].

В 1929 году состоялась научно-методическая конференция, посвященная решению назревших организационно-методических вопросов гимнастики. На этой конференции впервые гимнастика была разделена на *произ-*

водственную, спортивную и военно-прикладную. Так постепенно специалисты в области физической культуры отказались от идей Пролеткульта в отношении спортивной гимнастики и начали разрабатывать основы будущих гимнастических систем.

Характерной чертой в развитии гимнастики в конце 1920-х годов являлось введение с 1930 года в жизнь советских граждан производственной гимнастики — физкультурных минут («физкультминуток») на производстве. По радио велась трансляция утренней гимнастики. Постепенно радиогимнастика вошла в быт и стала повседневной потребностью людей самых разнообразных профессий и занятий. Радио-агитатор способствовал приобщению советских граждан к регулярным физическим упражнениям и являлся пропагандистом внедрения гимнастики в советское физкультурное движение. Руководители предприятий обязаны были обращать «серьезное внимание на организацию физкультуры в виде зарядовой, корректирующей и гигиенической гимнастики на производстве» [Каллистов, 1929, с. 2]. В этот период в учреждениях и на предприятиях, кроме основного обеденного перерыва, вводились кратковременные перерывы в работе (5—10 минут) для выполнения работниками трех-четырёх элементарных упражнений.

3.2. Развитие спортивной гимнастики в 1930-е годы

В сентябре 1929 года ЦК ВКП(б) подвел итоги развития физической культуры и спорта в Советском Союзе за 1919—1929 годы. Работа в области физической культуры была признана неудовлетворительной. В Постановлении ЦК ВКП(б) «О физкультурном движении» отмечались слабый охват массовой работы, рекордсменский уклон, ведомственная неразбериха и др. [О физкультурном движении..., 1957, с. 17—18]. Для устранения недостатков предполагались усиление и централизация государственного руководства этой сферой. Особое внимание в документе уделялось массовому характеру занятий физической культурой.

В 1930-е годы спортивная гимнастика постепенно становится одним из основных средств физкультурного движения в стране и весьма популярной среди молодежи. В то время «в любом городском дворе можно было найти обычный турник, на котором крутили “солнышко” отчаянные мальчишки, а в спортивных залах, где проводились соревнования по гимнастике, яблоку негде было упасть» [Легенды ..., 2016, с. 182].

Переломным этапом в развитии гимнастики явилась международная гимнастическая конференция в апреле 1933 года, на которой впервые было заявлено о роли гимнастики в системе средств советского физического воспитания.

«Гимнастика должна быть массовой», — такой лозунг выдвинул председатель Комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР

И. Харченко на совещании гимнастов в январе 1937 года в Москве. Он, в частности, отметил, что гимнастика недостаточно развита в Советском Союзе и что необходима большая работа, нацеленная на ее пропаганду, а именно — «организация красочных гимнастических выступлений, которые дадут возможность наглядно, на деле показать положительные стороны гимнастики» [Гимнастика ..., 1937]. Постепенно в системные занятия по гимнастике вовлекались школьники, студенты, молодежь и люди старшего возраста. В эти годы происходит активизация проведения гимнастических соревнований в общеобразовательных и высших учебных заведениях (школах, техникумах, вузах), в добровольных спортивных обществах, среди военнослужащих, а также на местах (городские, районные, областные и республиканские). Среди населения распространялись новые формы гимнастики: утренняя зарядка, физкультминутки, массовые гимнастические выступления, радиогимнастика, повседневная индивидуальная гимнастика.

Основными этапами развития гимнастики в этот период можно назвать:

— 1930 год — гимнастика вошла в курс обязательного учебного предмета «Физическая культура» в учебных заведениях; начали действовать первые правила соревнований по спортивной гимнастике;

— 1932 год — состоялось II Всесоюзное первенство по гимнастике; Соревнования высшего ранга стали проводиться ежегодно как итоговые мероприятия наравне с гимнастическими праздниками и выступлениями;

— 1933 год — проведена I Всесоюзная гимнастическая конференция, которая определила место гимнастики в советской системе физического воспитания, ее задачи, содержание и основные методические принципы;

— 1934 год — в институтах физической культуры началась подготовка научно-педагогических кадров, публикация научных трудов, руководств по отдельным вопросам и видам гимнастики, по видам гимнастического многоборья. Проведена I Всесоюзная конференция судей, которая утвердила единые правила и методику судейства;

— 1935 год — созданы правила соревнований по спортивной гимнастике и организации региональных гимнастических соревнований среди взрослых и детей;

— 1936 год — прошел первый всесоюзный сбор мастеров по гимнастике и всесоюзные соревнования среди школьников;

— 1937 год — советские гимнасты впервые участвовали в III Международной олимпиаде рабочего спорта в Антверпене (Бельгия), где они выиграли командное и личное первенство. Н. Серый стал абсолютным чемпионом соревнований. У гимнасток состязания проводились в шестиборье: обязательные и произвольные упражнения на брусьях и на низкой пере-

кладине, вольные упражнения и опорные прыжки. «Все места с первого по шестое в личном первенстве заняли наши гимнастки из СССР, а на вершине пьедестала почета стояла Мария Тышко» [Легенды..., 2016, с. 280];

— 1938—1939 годы — проведение профсоюзных первенств по гимнастике.

В эти годы подверглись изменению теоретические и практические основы спортивной гимнастики. В печати появились переводные книги зарубежных авторов о технике и методике преподавания гимнастики [Бук, 1929; Зурен, 1930]. Были внесены существенные изменения в правила проведения соревнований по гимнастике. Первоначально выступления гимнастов на соревнованиях оценивались по 10-балльной системе. С 1933 года ввели 20-балльную шкалу оценивания. Для получения «классного» места нужно было получить 65 % возможных баллов. В 1935 году стали оценивать подход к снаряду и уход от него, определили погрешности в исполнении комбинаций и количество списываемых за них баллов, приняли нормативы по проведению соревнований, по одежде гимнастов, решили вопросы о судьях. Было принято решение о проведении соревнований по трем группам (I, II, и III разряды). С 1936 года — вернулись к прежней, 10-балльной, системе оценивания, а программа состязаний стала делиться на обязательную и произвольную.

В 1935 году ввели классификационную программу по гимнастике, а в 1936 году на первенстве СССР впервые было присвоено звание мастера спорта 12 участникам соревнований. Одним из известнейших гимнастов страны стал В. Беляков, представитель спортивной школы «Динамо». Он выступал наряду с такими гимнастами, как Н. Серый, Е. Бокова, О. Бормоткин, В. Лаврущенко, П. Романишвили, М. Тышко [Легенды ..., 2016, с. 81].

Большое значение в развитии спортивной гимнастики имели физкультурно-спортивные комплексы «Готов к труду и обороне» (I, II ступени), учрежденные в СССР в 1931 и 1932 годы. В них гимнастические упражнения были введены как обязательные нормативы. Так, в комплексе ГТО I ступени это ежедневное выполнение гимнастических упражнений, лазание по канату; в комплексе II ступени — выполнение комбинаций гимнастического комплекса вольных движений, упражнения на снарядах, а также умение составления и проведения производственной зарядки [Значок..., 1933, с. 23, 258]. В комплекс ГТО 1939 года включили гимнастическое троеборье: упражнения на перекладине, лазание по отвесному шесту или канату, вольные акробатические упражнения.

Во второй половине 1930-х годов советская гимнастика имела военизированный характер как средство подготовки резервов для армии. В программу соревнований гимнастов и гимнасток входили упражнения

на перекладине, параллельных брусьях, канате, упражнения на равновесие (бревне), прыжки через коня в длину, бег на 400 м с шестью препятствиями, бег на 100 м, метание гранаты, легкоатлетический кросс и стрельба из малокалиберной винтовки [Легенды ..., 2016, с. 279]. Гимнастике уделялось особое значение в деле подготовки крепкого выносливого бойца. В 1938 году было издано первое учебное пособие «Наставление для командного и начальствующего состава РККА по индивидуальной гимнастике» [Наставление ..., 1938]. Ежегодно проводились соревнования на первенство Красной армии и Военно-Морского флота, что способствовало совершенствованию системы учебно-прикладной спортивной гимнастики. К началу Великой Отечественной войны гимнастике принадлежало одно из первых мест в физической подготовке Вооруженных Сил Советского Союза [Спортивная ..., 1965, с. 39].

3.3. Всесоюзные соревнования по спортивной гимнастике

Одной из форм массового развития спортивной гимнастики явилась организация гимнастических соревнований по следующей схеме: мероприятия в низовых коллективах (на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях и учреждениях) — районные и городские спартакиады — областные, республиканские краевые — Всесоюзные. На каждой ступени в результате спортивной борьбы выявлялись сильнейшие спортсмены, формировались сборные команды коллективов физической культуры, районов, городов, республик, краев, областей.

В 1928 году впервые в истории Советского Союза в рамках Всесоюзной спартакиады были проведены соревнования по спортивной гимнастике (правда, в числе незачетного вида). Спортсмены состязались в восьмиборье: «вольные движения, равновесие, бег на дистанцию 100 м, прыжки далеко-высокие, прыжки через коня в длину, лазание по вертикальному канату и упражнения на параллельных брусьях и турнике». В прикладной гимнастике проводилось шестиборье: «бег на дистанцию 400 м в гражданском костюме с преодолением шести различных препятствий» [Соколинский, 1928, с. 9].

В состязаниях приняли участие пять команд: из Закавказья, Украины, Северного Кавказа, Ленинграда и Москвы. Всего 60 гимнастов. Командное первенство выиграла Украина, второй стала команда Ленинграда и третьей — команда Москвы. Первым чемпионом СССР стал командир из Среднеазиатского военного округа М. Мурашко (Ташкент) [Сатиров, 1971, с. 62].

Подводя итоги состязаний, первые советские тренеры В. Соколинский и Р. Сеницын в журнале «Физкультура и спорт» указали на многие недостатки в развитии гимнастики в СССР. В качестве основной причины неудовлетворительных итогов они назвали слабую материально-техническую базу: «Мы бедны гимнастическими снарядами, у нас жалкие остатки

прошлого. Гимнасты, занимаясь на плохих снарядах, сплошь и рядом терпят неудачи, разбиваются и мало-помалу у них охладевает интерес к занятиям» [Соколинский, 1928, с. 9]. Многие гимнасты, приехав в Москву, впервые знакомились с гимнастическими снарядами и искусственными препятствиями на дистанции по прикладной гимнастике только перед началом соревнований. Отметим, что в эти годы в Советском Союзе не имелось фабрик по изготовлению гимнастических снарядов.

В 1932 году в Ленинграде провели второе Всесоюзное первенство по гимнастике, в котором приняли участие команды Москвы, Ленинграда, Украины и Грузии. В нем участвовало 70 человек. Команда Москвы одержала победу. Личное первенство завоевал Г. Рцхиладзе. Впервые наряду с мужчинами в этих состязаниях выступали женщины, показавшие весьма высокую подготовку. Как и в предыдущие годы, по традиции программа соревнований включала в себя прикладные виды: бег и прыжки в высоту. С этого времени соревнования по спортивной гимнастике стали проводиться регулярно [Спортивная ..., 1965, с. 37].

В апреле 1933 года состоялось третье первенство СССР по гимнастике, победители которого получали путевку на Мировую рабочую спартакиаду. В первенстве участвовало уже 193 человека, в том числе 105 женщин из Москвы, Ленинграда, Средней Азии, Западной области, Белоруссии, Украины и Закавказья. Это первенство по своему уровню подготовки гимнастов мало чем отличалось от предыдущих соревнований. Класс участников по-прежнему оставался низким. Основное ядро гимнастов составляли учителя физической культуры, учащиеся учебных заведений. Мужчины соревновались в шестиборье: вольные упражнения, упражнения на турнике, кольцах, коне, параллельных брусьях, опорном прыжке, женщины в пятиборье — в тех же видах, что и мужчины, кроме упражнений на кольцах. В программе по прикладной гимнастике отменили легкую атлетику, но включили стрельбу из мелкокалиберной винтовки (на меткость и на скорость). I место заняла Украина, II место — Москва, III место — Ленинград. В ходе соревнований гимнасты также выступали с показательными выступлениями на московских заводах и фабриках [Первенство ..., 1933, с. 10—11]. Следует отметить, что всесоюзное первенство проходило в небольшом по площади помещении ДСО «Динамо», которое не могло вместить большое количество зрителей.

IV первенство по гимнастике в 1935 году проводилось в Тифлисе, в нем участвовало 100 человек от 22 городов СССР.

V Всесоюзное первенство в Москве (декабрь 1936 года) впервые провели по новым правилам. В нем приняли участие 100 человек из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Баку, Ростова на Дону, Смоленска. Программа

состязаний состояла из двух частей. Первая — обязательная программа: семиборье, включающее обязательные упражнения на турнике, параллельных брусьях, кольцах, коне, гимнастический прыжок в высоту, опорный прыжок через коня и вольные движения. Вторая — произвольная (все перечисленные выше виды, кроме гимнастического прыжка) [Первенство ..., 1936]. Однако и на этих состязаниях не было показано высоких результатов.

В 1939 году в Киеве впервые по новым (олимпийским) правилам проводилось личное первенство СССР. С этого времени было введено присвоение званий чемпионов на отдельных снарядах. М. Тышко стала абсолютной чемпионкой страны, а также чемпионкой в упражнениях на коне, серебряным призером в опорных прыжках, на кольцах, на перекладине и бронзовым — на брусьях. В. Беляков стал первым чемпионом СССР в вольных упражнениях. В этом же году М. Тышко была удостоена звания «Заслуженный мастер спорта СССР» [Легенды ..., 2016, с. 280]. Такое же звание получил один из сильнейших советских гимнастов довоенных и первых послевоенных лет Н. Серый [Там же, с. 259].

Тем не менее уровень спортивного мастерства даже сильнейших участников всесоюзных соревнований все еще был невысоким. Так, на первенстве 1928 года норматив по преодолению 7-метрового каната за 8 сек. никто из участников соревнований не выполнил [Соколинский, 1928, с. 9]. Для усиления подготовки гимнастов новой организационной формой работы явилось создание специальных спортивных школ. Первая гимнастическая школа появилась при Ленинградском государственном институте физической культуры имени П. Ф. Лесгафта. В это же время стали создаваться детские спортивные школы при региональных отделах народного образования [Сатиров, 1971, с. 63.].

Здесь следует отметить, что одной из главных проблем в развитии спортивной гимнастики являлось отсутствие материально-технической базы, а также плохое качество спортивных снарядов, что значительно увеличивало травматизм во время тренировочного процесса и проведения соревнований. «Особенно скверно обстоят дела с инвентарем, — писал корреспондент Д. Самойлов в газете «Красный спорт» в 1936 году. — Турники, как выражаются сами гимнасты, “гнутся в баранку”. Кольца невероятных диаметров. Кони, ручки требуют немедленной переделки. Нет снарядов для женщин» [Самойлов, 1936].

Главный судья первенства СССР, заслуженный мастер спорта Г. Егнатовшили, критикуя организацию слета лучших гимнастов в Москве в 1938 году, отметил, что даже «в столице не нашлось стандартных гимнастических снарядов. Судейской коллегии пришлось ездить по всей Москве и искать снаряды, более-менее пригодные для соревнований. В результате

в Институте физической культуры взяли коня, брусья, трамплины и стол, в Медицинском институте — турник, в Архитектурном — коня. Но и этот инвентарь не отвечал требованиям соревнований» [Егнатошвили, 1938].

4. Заключение = Conclusions

Проведенное нами исследование свидетельствует о том, что спортивная гимнастика в Советском Союзе в 1918—1941 годах развивалась по сложному пути: от ограничений и запретов до организации массового гимнастического движения. В 1920-е годы политика Пролеткульта очевидным образом негативно отразилась на ее развитии из-за запрета гимнастических снарядов и отрицания пользы гимнастических упражнений для здоровья человека.

Только в 1930-е годы укрепились позиции и началось интенсивное развитие спортивной гимнастики, которая легла в основу советской системы физического воспитания. По всей стране создаются гимнастические секции, проводятся спортивные соревнования, гимнастика была включена в ряд обязательных нормативов физкультурно-спортивного комплекса ГТО. На ежегодных физкультурных парадах во всех городах Советского Союза гимнасты демонстрировали свое спортивное мастерство. Гимнастика постепенно становится массовым видом спорта.

Государственный интерес к сфере физической культуры и спорта первоначально проявлялся в контексте военно-физической подготовки населения, что привело к усилению военизированной направленности развития физической культуры и спорта в 1920-е годы и особенно во второй половине 1930-х годов.

Следует заметить, что гимнастика стала неотъемлемой частью тренировочного процесса в отдельных видах спорта, так как способствовала не только общему физическому развитию спортсмена, но и специальному развитию основных двигательных качеств. Стали применяться специализированные гимнастические комплексы для представителей различных видов спорта: гимнастика для лыжников, гимнастика для боксеров и т. п.

Занятия спортивной гимнастикой имели и важное политическое значение. Обычно комплексы гимнастических упражнений и гимнастические пирамиды в исполнении нескольких спортсменов одновременно с успехом использовались при проведении праздничных мероприятий, на торжественных заседаниях партийных и комсомольских съездов, собраний, посвященных юбилейным датам Октябрьской революции или дней рождения советских вождей и т. д. В 1939 году СНК СССР установил единый всесоюзный праздник — День физкультурника, во время празднования которого повсеместно устраивались шествия гимнастов.

В развитии спортивной гимнастики большую роль сыграли кафедры гимнастики институтов физической культуры, где наряду с подготовкой квалифицированных специалистов по гимнастике велась научная и научно-методическая работа.

К 1941 году в стране сформировалась система последовательных массовых отборочных соревнований от низовых коллективов (на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях и учреждениях) до первенств отдельных ведомств и СССР, проводимых по ведомственному принципу, которая сыграла важную роль в привлечении физкультурников к занятиям гимнастикой. Тенденции становления советской системы спортивной гимнастики и периоды ее развития тесно соотносятся с общероссийскими процессами, организующими сферу физического воспитания, физической культуры и спорта.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Гимнастика* должна быть массовой // Красный спорт : [газета]. — 1937. — 1 февраля.
2. *Егнатошвили Г.* Слет лучших гимнастов Союза / Г. Егнатошвили // Красный спорт : [газета]. — 1938. — 23 мая.
3. *Жагелев.* Новые пути в деле физразвития и оздоровлении пролетариата / Жагелев // Вестник физической культуры. — 1922. — № 3. — С. 4.
4. *Зикмунд А.* Цели, задачи и содержание гимнастики / А. Зикмунд // Физкультура и спорт. — 1928. — № 16. — С. 6.
5. *Значок физкультурника «Готов к труду и обороне»* : Материалы по комплексу ГТО I и II ступени. — Москва : Физкультура и туризм, 1933. — 359 с.
6. *Каллистов И. П.* Физкультурные минутки на производстве / И. П. Каллистов // Физкультура и спорт. — 1929. — № 1. — С. 2.
7. *Наставление для командного и начальствующего состава РККА по индивидуальной гимнастике.* — Москва : Военное изд-во, 1938. — 72 с.
8. *Первенство СССР по гимнастике* // Красный спорт: [газета]. — 1936. — 19 декабря.
9. *Первенство СССР по гимнастике* // Физкультура и спорт. — 1933. — № 7. — С. 10—11.
10. *Подробный курс сокольской гимнастики: пособие для инструкторов.* — Вятка : Издание Всеовбуча вятского Военного Комиссариата, 1922. — 807 с.
11. *Самойлов Д.* На почетное место / Д. Самойлов // Красный спорт : [газета]. — 1936. — 15 января.
12. *Смолин.* Наши задачи / Смолин // Вестник физической культуры. — 1924. — № 4. — С. 1.

13. Соколинский В. Гимнастика на Спартакиаде / В. Соколинский, Р. Синицын // Физкультура и спорт. — 1928. — № 37. — С. 9.

Литература

1. Бондаренко С. В. Советский футбол в довоенную пятилетку (1936—1941) / С. В. Бондаренко // Логос. — 2013. — № 5 (95). — С. 171—212.
2. Бук Н. Е. Основная гимнастика / Н. Е. Бук. — Ленинград : Время, 1929. — 142 с.
3. Гимнастика. — Москва : Высший военный революционный совет, 1923. — 224 с.
4. Давыдов В. Ю. История спортивного плавания Сталинград-Волгоград / В. Ю. Давыдов, В. Б. Авдиенко. — Волгоград : ФГОУ «ВГАФК», 2011. — 212 с.
5. Зурен Г. Немецкая гимнастика / Г. Зурен. — Ленинград : «Время», 1930. — 150 с.
6. История физической культуры / под редакцией Ф. И. Самоукова. — Москва : Физкультура и спорт, 1967. — 352 с.
7. Калинина Е. А. Проблемы организации системы Всеобщего военного обучения в 1918—1920 гг. : Западная Сибирь и Олонецкая губерния — сравнительный анализ / Е. А. Калинина, Т. В. Сарычева // Журнал Сибирского Федерального университета. — Гуманитарные науки. — 2021. — № 14 (2). — С. 288—299. — DOI: 10.17516/1997-1370-0722.
8. Красильников Т. С. Становление хоккея с мячом, как культурного явления, в первой половине XX века / Т. С. Красильников // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2020. — № 10/2. — С. 24—28.
9. Легенды отечественной спортивной гимнастики. — Москва : Ассоциация «Международный Объединенный Биографический Центр», 2016. — 343 с. — ISBN 978-5-93696-013-1.
10. О физкультурном движении // Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам физической культуры и спорта (1917—1957) / под ред. И. Г. Чудинова. — Москва : Физкультура и спорт, 1959. — С. 17—18.
11. Пантелеев Ф. Шведская гимнастика (система Линга). Сокольская гимнастика / Ф. Пантелеев. — Москва : Главное управление Всевобуча, 1920. — 31 с.
12. Пичурин И. И. Предпосылки и последствия демонтажа социалистической экономики в России / И. И. Пичурин. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2009. — 357 с. — ISBN 978-5-321-01450-9.
13. Петров Б. В. Из истории спортивной гимнастики на земле Верхневолжья / Б. В. Петров, О. А. Кужба // Физическая культура и спорт Верхневолжья. — 2009. — № 2. — С. 37—38.
14. Сатиров Г. Н. История гимнастики / Г. Н. Сатиров // Теория и методика гимнастики / под ред. В. И. Филипповича. — Москва : Просвещение, 1971. — С. 36—67.
15. Сомкин А. А. История развития спортивной гимнастики. Избранные разделы / А. А. Сомкин. — Санкт-Петербург : Арт-Экспресс, 2017. — 152 с. — ISBN 978-5-4391-0336-2.
16. Спортивная гимнастика / под общ. ред. М. Л. Украна. — Москва : Физкультура и спорт, 1965. — 448 с.
17. Теория и методика физического воспитания / под общей ред. Л. П. Матвеева и А. Д. Новикова. — Москва : «Физкультура и спорт», 1976. — Т. 1. — 304 с.
18. Толстой С. С. Власть и массовый спорт в СССР (на примере истории советского футбола в 1930—1950-е годы): диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. С. Толстой. — Москва, 2009. — 238 с.

19. Филиппов А. Н. Государственная политика СССР в области физической культуры и спорта : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. Н. Филиппов. — Ярославль, 2012. — 206 с.

Статья поступила в редакцию 23.11.2023,
одобрена после рецензирования 16.01.2024,
подготовлена к публикации 23.01.2024.

Material resources

- A detailed course of Sokolsky gymnastics: a manual for instructors.* (1922). Vyatka: Edition of Vsevolod Vyatka Military Commissariat. 807 p. (In Russ.).
- Badge of a physical education student "Ready for work and defense": Materials on the GTO complex I and II steps.* (1933). Moscow: Physical culture and tourism. 359 p. (In Russ.).
- Gymnastics should be mass.* (1937). *Krasny sport: [newspaper]. February 1.* (In Russ.).
- Instruction for the command and commanding staff of the Red Army in individual gymnastics.* (1938). Moscow: Military Publishing House. 72 p. (In Russ.).
- Kallistov, I. P. (1929). Physical culture minutes at work. *Physical culture and sport, 1:* P. 2. (In Russ.).
- Samoilov, D. (1936). To the place of honor. *Krasny sport: [newspaper]. January 15th.* (In Russ.).
- Smolin. (1924). Our tasks. *Bulletin of physical culture, 4:* P. 1. (In Russ.).
- Sokolinsky, V. (1928). Gymnastics at the Spartakiad. *Physical culture and sport, 37:* P. 9. (In Russ.).
- USSR Championship in gymnastics. (1936). *Krasny sport: [newspaper]. December 19th.* (In Russ.).
- USSR Championship in gymnastics. (1933). *Physical culture and sport, 7:* 10—11. (In Russ.).
- Yegnatoshvili, G. (1938). Gathering of the best gymnasts of the Union. *Krasny sport: [newspaper]. May 23rd.* (In Russ.).
- Zhagelev. (1922). New ways in the physical development and health improvement of the proletariat. *Bulletin of physical culture, 3:* P. 4. (In Russ.).
- Zikmund, A. (1928). Goals, objectives and content of gymnastics. *Physical culture and sport, 16:* P. 6. (In Russ.).

References

- Bondarenko, S. V. (2013). Soviet football in the pre-war five-year plan (1936—1941). *Logo, 5* (95): 171—212. (In Russ.).
- Buk, N. E. (1929). *Basic gymnastics.* Leningrad: Vremya. 142 p. (In Russ.).
- Davydov, V. Yu. (2011). *The history of sports swimming Stalingrad-Volgograd.* Volgograd: FGOU "VGAFK". 212 p. (In Russ.).
- Filippov, A. N. (2012). *State policy of the USSR in the field of physical culture and sports.* PhD Diss. Yaroslavl. 206 p. (In Russ.).
- Gymnastics.* (1923). Moscow: Supreme Military Revolutionary Council. 224 p. (In Russ.).
- Gymnastics.* (1965). Moscow: Physical culture and Sport. 448 p. (In Russ.).
- Kalinina, E. A., Sarycheva, T. V. (2021). Problems of organizing the system of Universal military training in 1918—1920: Western Siberia and Olonets province — comparative analysis. *Journal of the Siberian Federal University. Humanities, 14* (2): 288—299. DOI: 10.17516/1997-1370-0722. (In Russ.).

- Krasilnikov, T. S. (2020). The formation of bandy as a cultural phenomenon in the first half of the twentieth century. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 10/2: 24—28. (In Russ.).
- Legends of national gymnastics*. (2016). Moscow: Association “International United Biographical Center”. 343 p. ISBN 978-5-93696-013-1. (In Russ.).
- On the physical culture movement. (1959). In: *Basic resolutions, orders and instructions on physical culture and sports (1917—1957)*. Moscow: Physical culture and Sport. 17—18. (In Russ.).
- Pantelev, F. (1920). *Swedish gymnastics (Linga system). Sokolskaya gymnastics*. Moscow: Vsevoluch Main Directorate. 31 p. (In Russ.).
- Petrov, B. V., Kuzhba, O. A. (2009). From the history of gymnastics on the land of the Upper Volga region. *Physical culture and sport of the Upper Volga region*, 2: 37—38. (In Russ.).
- Pichurin, I. I. (2009). *Prerequisites and consequences of dismantling the socialist economy in Russia*. Yekaterinburg: UGTU-UPI. 357 p. ISBN 978-5-321-01450-9. (In Russ.).
- Satyrov, G. N. (1971). The history of gymnastics. In: *Theory and methodology of gymnastics*. Moscow: Prosveshchenie. 36—67. (In Russ.).
- Somkin, A. A. (2017). *The history of the development of gymnastics. Selected sections*. Saint Petersburg: Art-Express. 152 p. ISBN 978-5-4391-0336-2. (In Russ.).
- Suren, G. (1930). *German gymnastics*. Leningrad: Vremya. 150 p. (In Russ.).
- The history of physical culture*. (1967). Moscow: Physical culture and Sport. 352 p. (In Russ.).
- Theory and methodology of physical education, 1*. (1976). Moscow: “Physical culture and sport”. 304 p. (In Russ.).
- Tolstoy, S. S. (2009). *Power and mass sports in the USSR (on the example of the history of Soviet football in the 1930s—1950s)*. PhD Diss. Moscow. 238 p. (In Russ.).

*The article was submitted 23.11.2023;
approved after reviewing 16.01.2024;
accepted for publication 23.01.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(1), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Канищев В. В. Досуговые и праздничные мероприятия в русской армии на фронтах Первой мировой войны / В. В. Канищев, А. Н. Плужников // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 415—430. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-415-430.

Kanischev, V. V., Pluzhnikov, A. N. (2024). Leisure and Festive Activities in Russian Army on Frontlines of World War I. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 415-430. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-415-430. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-415-430

Досуговые и праздничные мероприятия в русской армии на фронтах Первой мировой войны

Канищев Владимир Валерьевич

orcid.org/0000-0001-6271-5245

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии
kan-vladimir-tamb@yandex.ru

Плужников Александр Николаевич *

orcid.org/0009-0005-4974-0987

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и философии,

*** корреспондирующий автор**
budberg77@mail.ru

Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина
(Тамбов, Россия)

Leisure and Festive Activities in Russian Army on Frontlines of World War I

Vladimir V. Kanischev

orcid.org/0000-0001-6271-5245

PhD in History, associate professor,
Department of History and Philosophy
kan-vladimir-tamb@yandex.ru

Alexander N. Pluzhnikov *

orcid.org/0009-0005-4974-0987

PhD in History, associate professor,
Department of History and Philosophy,

*** Corresponding author**
budberg77@mail.ru

Derzhavin Tambov
State University
(Tambov, Russia)

© Канищев В. В., Плужников А. Н., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Необходимость восстановления утраченных данных о последней большой войне Российской империи подразумевает всестороннее освещение событий тех лет, в том числе их небоевой составляющей. На основе исследования «Журналов военных действий» боевых частей, на страницах которых нашли свое отражение малоисследованные сюжеты небоевых реалий фронтовой жизни, авторы предлагают новый взгляд на военные будни Русской императорской армии. В статье делается акцент на «приятных» и неожиданных нюансах повседневной жизни солдат и офицеров в тяжелые годы войны. Исследователи обратились к таким фактам военной действительности указанного периода, как организация процедуры награждения командного состава и нижних чинов, организация молебнов как неотъемлемых составляющих праздничных мероприятий, проведение государственных (царских) и религиозных праздников, а также досуговых мероприятий. Данная работа дает возможность получить объективное представление о многогранности жизни и быта людей в условиях военного времени: когда позволяла обстановка, организовывались и проводились спектакли, игры, спортивные мероприятия. Не обладая теоретическими познаниями в области психологии и методик преодоления стресса, командование русской армии организовывало и поощряло мероприятия, призванные снимать негативные последствия боевого перенапряжения.

Ключевые слова:

Первая мировая война; русская армия; фронтовая жизнь; процедура награждения на фронте; праздники на фронте; молебны; досуговое время в армейские будни.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The need to restore lost data on the last major war of the Russian Empire implies a comprehensive coverage of events during those years, including their non-combat component. Based on the study of the “Journals of Military Actions” of combat units, which reflect little-researched stories of non-combat realities of front-line life, the authors offer a new perspective on the military everyday life of the Russian Imperial Army. The article focuses on the “pleasant” and unexpected nuances of the daily lives of soldiers and officers during the difficult years of war. Researchers have turned to such facts of military reality during the specified period as the organization of the award procedure for the command staff and lower ranks, the organization of prayers as integral components of festive events, the conduct of state (imperial) and religious holidays, as well as recreational activities. This work provides an opportunity to obtain an objective understanding of the multifaceted life and everyday life of people in wartime conditions: when circumstances allowed, performances, games, and sports events were organized and held. Without theoretical knowledge in the field of psychology and stress management techniques, the command of the Russian army organized and encouraged activities aimed at alleviating the negative consequences of combat stress.

Key words:

World War I; Russian army; front-line life; award procedure at the front; holidays at the front; prayers; leisure time in military everyday life.

Досуговые и праздничные мероприятия в русской армии на фронтах Первой мировой войны

© Канищев В. В., Плужников А. Н., 2024

1. Введение = Introduction

Одна из особенных составляющих фронтовой жизни — это досуг и праздники в редкие минуты тишины. Именно в досуговой, небоевой обстановке проявлялись наиболее человеческие черты военных, принимая порой наивный характер. Возвращаясь ненадолго к мирной жизни, солдаты и офицеры пытались этими короткими часами компенсировать все ужасы войны: потери друзей, кровь и боль. Отводя части с боевых позиций на отдых и переформирование, командование и солдаты пытались найти способы снять напряжение. И здесь дело не ограничивалось лишь такими нехитрыми житейскими радостями, как улучшенная пища, баня или сон. Именно этому фрагменту фронтовой жизни посвящена наша работа.

Справедливо, что человек не может постоянно жить в состоянии стресса, непрерывные эмоциональные и физические нагрузки переутомляют организм, приводя к состоянию апатии и депрессии [Грановская, 2000, с. 228—237]. Поэтому, чтобы избежать этого или минимизировать стрессовые последствия, нужна психологическая разгрузка. Стоит отметить, что досуговые мероприятия, проводившиеся в императорской армии, в большинстве были традиционными и соответствовали русскому духу.

Бытовые явления Первой мировой войны остались в тени советской историографии. В современный период публиковались работы, изучающие проведение праздников в русской армии и праздничную культуру военных [Сухарев, 1993; Гефнер, 2009]. Однако эти исследования касались общего характера праздничной культуры в армии второй половины XIX—XX веков, досуговая составляющая фронтовой жизни в этих работах не затрагивалась.

Небоевые реалии войны, связанные с повседневными сюжетами жизни армии, еще только начали освещаться в трудах историков [Сенявская, 1997; Валяев, 2010]. Этим объясняется незначительное количество исследований по данной тематике.

Л. В. Жуковой на основе воспоминаний, дневников и мемуаров рассматриваются праздники, отмечавшиеся в русской армии в конце XIX — начале XX веков, праздновавшиеся на фронте во время Русско-японской и Первой

мировой войн [Жукова, 2015]. И. В. Алферова, привлекая записи воспоминаний, письма с фронта и подготовленные военными цензорами обзоры писем, показывает практику злоупотреблений при награждении военными наградами, предопределившую наряду с прочими факторами пораженческие настроения [Алферова, 2017]. Организация командованием досуга моряков и самодосуг офицеров Балтийского флота в годы Первой Мировой войны исследуются Д. А. Бажановым [Бажанов, 2011; Бажанов, 2012].

В. П. Булдаковым изучена фронтовая обыденность русской армии периода Первой мировой войны, отмечаются отрицательные стороны поведения солдат, плохая организованность снабжения и упадок патриотических чувств в армии уже в первые месяцы войны [Булдаков, 2022].

Существует выражение: «Война была большая, и на ней было все». Можно сказать, что армия была неким отражением русского общества, с присущими ему пороками, в том числе и русской расхлябанностью. Однако в ходе войны ее солдаты и офицеры героически выполняли поставленные перед ними задачи, а также пытались получать те небольшие радости жизни в случавшиеся «минуты тишины».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой исследования послужили «Журналы военных действий» пехотных полков 7-й, 10-й и 44-й пехотных дивизий. «Журналы» выступают официальным источником сведений о боевых действиях полков, тем не менее в них отразились и многие черты русского национального менталитета и особенности бытового поведения.

При более детальном изучении «Журналов военных действий» приоткрываются интересные нюансы, связанные с досугом армии в небоевой обстановке: проведение праздников, спортивных мероприятий, театральных постановок и т. д. Причем степень полноты и детальности этих сведений зависела от литературного дара, эмоциональности и характера полкового адъютанта. Выбор в качестве объекта изучения «Журналов военных действий» 7-й, 10-й и 44-й пехотных дивизий обусловлен их расквартированием (Воронеж, Козлов, Курск, Моршанск, Тамбов) и комплектованием. Это типичные образчики ментальности жителей центрально-черноземных губерний России.

Заметим, что при рутинном описании военных действий в журналах, заметной скупости записей периодов крупных сражений (было не до подробностей), в них часто ярко описываются праздники, смотры и подобные им небоевые мероприятия. Со временем стабилизации фронта и началом позиционной войны досуговые мероприятия начинают чаще упоминаться в «Журналах военных действий», некоторые полковые адъютанты особо тщательно сообщали об их проведении.

Проявлением русского менталитета мы посчитали иронический характер некоторых журнальных записей. Следует признать, что в журналах проявлялись отдельные негативные моменты традиционного поведения русских воинов (грабежи, пьянство, расхлябанность). Но в большей части журнальных записей отразилось нормальное, доброе соблюдение национальных традиций, возможное и необходимое в военных условиях.

Нами были выделены наиболее интересные темы, связанные с небоевой повседневностью, нашедшие отражение на страницах данных журналов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Официальные праздники

Заметное место в полковых журналах заняли описания разнообразных полковых, царских, церковных праздников и связанных с ними традиционных русских обрядов. С наибольшим удовольствием описывались православные праздники, даже официальные праздники повествовались в некотором смысле «по-былинному», что было связано с составом русской императорской армии — преимущественно крестьянской и православной.

Важно отметить не только сакральный смысл православных праздников; в такие дни, как правило, не проводились занятия, солдаты получали улучшенную пищу, а после проведения богослужения устраивались различные мероприятия для нижних чинов. Радовали солдат и подарки, привозимые различными делегациями из тыла.

Как и следовало ожидать, в записях о первых месяцах войны мы не встретили обширного материала по нашей тематике, что объяснялось активностью боевых действий, описание которых было в приоритете полковых адъютантов.

Первая интересующая нас запись, датируемая 22 августа 1914 года (все даты указываются по старому стилю, как в источнике), встретилась на страницах журнала 40-го пехотного Колыванского полка. Упомянулось о проведении молебна по случаю прошедшего полкового праздника, а также о вручении приехавшим командиром корпуса наград в виде разноцветных ленточек (так в тексте) нижним чинам и господам офицерам, что повысило настроение служащих [РГВИА, ф. 2654, оп. 2, д. 144, л. 17 об.—18].

26 ноября 1914 года ко дню георгиевских кавалеров в журнале 40-го Колыванского полка было отмечено, что после панихиды по погибшим был отслужен молебен в честь праздника. У многих на глазах были слезы, а командующий 1-й бригады 10-й пехотной дивизии генерал-майор Ф. В. Бутков провозгласил царскую здравицу и, побеседовав с доблестными остатками полка, «пропустил нижних чинов поротно» [Там же, л. 60 об.].

В 39-м Томском полку 14 мая 1915 года упоминается проведение молебна по случаю царского дня, а уже 18 мая началась подготовка к смотру [РГВИА, ф. 2653, оп. 2, д. 233, л. 13 об; 16 об.—17]. Смотр прошел 22 мая, а после состоялся офицерский завтрак за общим столом в саду [Там же, л. 19].

22 октября 1915 года в том же полку отмечался полковой праздник: «С утра начали поступать поздравительные телеграммы. После построения к 11 часам к полку было принесено знамя из штаба полка. Ровно в 12 часов дня начался молебен. Приехал начальник дивизии со штабом. По окончании молебна начальник дивизии произнес здравицу в честь Государя Императора, Наследника Цесаревича, Государыни императрицы, командира полка, господ офицеров и молодцов нижних чинов» [РГВИА, ф. 2653, оп. 2, д. 233, л. 62 об.—64].

По случаю торжественного вручения георгиевских крестов нижним чинам 8 ноября 1915 года солдатам 26-го Могилевского полка производилась раздача подарков, а после были устроены состязательные игры на призы. Нижние чины выступали на площадках, где пели, декламировали, играли на гармониях и т. д.: «Праздник прошел очень оживленно» [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 137, л. 2].

В ноябрьские дни 1915 года в журналах 26-го Могилевского [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 137, л. 4] и 39-го Томского полков упоминалось об организации молебна по случаю дня георгиевских кавалеров 26 ноября [РГВИА, ф. 2653, оп. 1, д. 236, л. 26].

Празднование дня тезоименитства государя 6 декабря 1915 года нашло отражение на страницах журналов 26-го Могилевского [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 137, л. 4], 27-го Витебского [РГВИА, ф. 2641, оп. 2, д. 151, л. 1 об.] и 40-го Колыванского полков [РГВИА, ф. 2654, оп. 2, д. 152, л. 1 об.], упоминалось проведение церковных служб и парадов. Интересно, что этот же день был отмечен в 173-м Каменецком полку в контексте профессионального праздника без упоминания имени императора [РГВИА, ф. 2787, оп. 1, д. 32, л. 11—1 об.].

На страницах журнала 173-го Каменецкого полка было великолепно описано начало Великого Поста, предшествующего главному христианскому празднику Пасхе. 24 февраля 1916 года началось говение полка: «До этого времени батюшка не мог начать, так как еще не приехал из Курска нижний чин, командированный за вином, просфорами и прочим. Говели по две роты вместе. Для 1-го батальона нашли в дер. Выльцаны просторный сарай; очистили его; украсили вешками елей, устроили для батюшки помост, вроде амвона, окруженный сосновыми и еловыми ветками. Вместо запрестольного образа — крест из еловых веток. Стены сарая, против помоста, закрыли палатками, над помостом сделали тоже из палаток навес,

чтоб не задувало ветром из щелей свечи, не сорилось сверху. Говение рот заключалось в том, что с вечера служилась всенощная, и люди исповедовались, а утром — обедня и причащение. Таким образом, успели отговорить почти всем полком» [РГВИА, ф. 2787, оп. 1, д. 34, л. 48—49 об.].

В мартовские дни 1916 года многие подразделения принимали участие в Нарочской операции, к которой было обращено повышенное внимание, и повседневная сторона жизни оставалась без внимания. Однако с окончанием боев и в ожидании большого праздника адъютанты нескольких полков не упустили случая сделать соответствующие записи об этом.

В 173-м Каменецком полку отмечалось, что 3 апреля 1916 года, в день Вербного воскресенья, прошло богослужение и занятий в ротах не проводилось. Через два дня в большом сарае у штаба полка начали обустроить церковь для богослужений страстной и пасхальной недели [РГВИА, ф. 2787, оп. 1, д. 35, л. 24, 27].

Предпраздничные дни нашли отражение в журнале 40-го Колыванского полка, где упоминалось о проведении всенощной 7 и 8 апреля 1916 года, а также о выносе плащаницы и ее погребении после утрени 9 апреля, наконец, об обедне и причастии для говевших. Сами пасхальные мероприятия, прошедшие 10 апреля, были описаны скромно [РГВИА, ф. 2654, оп. 2, д. 156, л. 2 об.].

Более красочно постарался описать ход праздничных событий с 9 на 10 апреля 1916 года «историограф» 173-го Каменецкого полка: «Пасхальную ночь желающие провели по-христиански. Заутреня была ниже во дворе фольварка Новоселье, сделали полукруглую загородку из елок, увешанных фонариками и в 12 час. ночи отслужили утрению» [РГВИА, ф. 2787, оп. 1, д. 35, л. 31 об.]. Кроме того, по случаю пасхальных праздников в полку раздавались подарки от Курской губернии, которые были привезены членом Государственной думы Г. А. Щечковым [РГВИА, ф. 2787, оп. 1, д. 35, л. 32 об.].

И здесь нельзя не отметить типично русскую черту — довольствоваться малым и приспособлять имеющиеся в распоряжении помещения для проведения главного христианского богослужения. Полковыми адъютантами трогательно описаны места богослужения, украшенные еловыми и сосновыми ветками.

Наименее лиричная, однако самая патетичная запись сделана в апреле 1916 года адъютантом 28-го Полоцкого полка: «Подошел наконец и день большого праздника, день светлых переживаний. Седые герои, честные труженики полочане встретили его скромно, по-позиционному, но так, как и подобает доброму христианину». Сообщалось о проведении пасхальной заутрени, обряда христосования и обмена приветствиями [РГВИА, ф. 2642, оп. 1, д. 158, л. 17—17 об.].

Майские дни 1916 года, которые были насыщены царскими и религиозными праздниками, были интересно описаны в журналах двух полков.

Так, в записях 26-го Могилевского полка упоминалось о прощании с командиром дивизии генерал-лейтенантом С. Д. Михно (по случаю отъезда), молебне по случаю дня рождения государя императора 6 мая, проведении солдатских спектаклей, игр и спортивных мероприятий, а также праздновании Вознесения Господня и Троицы [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 140, л. 2—7].

Подробно описал майские дни и адъютант 27-го Витебского полка, сообщая об играх, цирковых представлениях, парадах в честь дня рождения императора, его коронования и дня рождения его супруги Александры Федоровны. Кроме того, сообщалось о праздновании дня Святой Троицы [РГВИА, ф. 2641, оп. 2, д. 154, л. 1—4 об.].

Активная фаза наступления Юго-Западного фронта в июне-июле 1916 года, известная как «Брусиловский прорыв», вновь «отвлекала» полковых адъютантов от небоевой повседневности. Тем не менее 15 июля в журнале 27-го Витебского полка был упомянут парад 30 июля в честь дня рождения цесаревича Алексея [РГВИА, ф. 2641, оп. 2, д. 155, л. 15 об., 18 об.—19]. Полковой праздник 22 октября 1916 года отметили в 39-м Томском полку [РГВИА, ф. 2653, оп. 2, д. 241, л. 22—22 об.].

Несмотря на произошедшую Февральскую революцию, поколебавшую один из устоев теории официальной народности в лице самодержавия, в войсках еще сохранялась традиционная религиозность. В апреле 1917 года в журнале 26-го Могилевского полка сообщалось о праздновании Пасхи, по случаю праздника полк отдыхал [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 147, л. 14 об.]. Аналогичная запись имеется в журнале 174-го пехотного Роменского полка [РГВИА, ф. 2788, оп. 1, д. 60, л. 2]. В 173-м Каменецком полку в конце мая — начале июня 1917 года ежедневно проводились вечерние богослужения [РГВИА, ф. 2787, оп. 1, д. 42, л. 9 об., 11 об.].

3.2. Поддержание боевого духа солдат начальством

Официальные обращения начальников частей к своим подчиненным и посещения подразделений представителями дома Романовых являлись важными мероприятиями, которые поднимали боевой дух солдат.

День 28 сентября 1914 года был описан в 26-м Могилевском полку в связи со встречей великого князя Николая Михайловича, который от имени государя императора благодарил всех за прошлую лихую боевую службу в пределах австрийской империи и желал новых ратных подвигов [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 131, л. 16 об.].

Достоинное внимания событие имело место в 40-м Колыванском полку. 10 декабря 1914 года, когда полк выходил из расположения в поселении

Блоне, его догнал командующий 1-й армии А. И. Литвинов, приказал остановиться и вызвать наиболее отличившихся в боях, которых наградил георгиевскими крестами, затем раздал по пять медалей на роту, поблагодарил колыванцев за доблестную боевую службу и приказал полку тронуться. По словам полкового адъютанта, на полк такое внимание командующего армией произвело сильное впечатление [РГВИА, ф. 2654, оп. 2, д. 145, л. 5 об.].

В декабре 1914 года 27-й пехотный Витебский полк был удостоен чести подготовить почетный караул для встречи великого князя Андрея Владимировича. Обращаясь к солдатам и офицерам, великий князь произнес слова благодарности от государя императора, сказав: «Это ведь тот самый пятый корпус, который единственный во всей армии дерется с начала войны до сих пор без отдыха», — после чего пропустил караул мимо себя церемониальным маршем [РГВИА, ф. 2641, оп. 2, д. 145, л. 25—25 об.].

В дни «Великого отступления» русской армии, особенно летом 1915 года, было не до празднеств. Тем не менее высший командный состав старался поддерживать боевой дух вверенных частей личным присутствием. В начале августа в записях журнала 27-го Витебского полка было упомянуто, что 6 августа 1915 года в распоряжение полка «приезжал командир корпуса, генерал Балуев, благодарил полк и господ офицеров за боевую службу, а командира полка даже расцеловал» [РГВИА, ф. 2641, оп. 2, д. 149, л. 19]. На следующий день приезжал командир дивизии генерал-лейтенант С. Д. Михно и раздавал кресты и медали, пожалованные полку [РГВИА, ф. 2641, оп. 2, д. 149, л. 20]. В этом примере мы вновь видим традиционную русскую модель поведения между военачальником и подчиненным: обычай целования старшими командирами отличившихся подчиненных.

В феврале 1916 года командир 27-го Витебского полка полковник Челюгов был награжден орденом святого Георгия, после чего офицерам в землянке офицерского собрания был организован чай, а нижним чинам устроены развлечения с подарками и призами [РГВИА, ф. 2641, оп. 2, д. 152, л. 3—3 об.].

Нередко солдаты по-сыновнему относились к «отцам-командирам», умудряясь во фронтовых условиях оказывать знаки внимания своему начальству. День 5 октября 1916 года был ознаменован почти одинаковыми событиями в 39-м Томском и 173-м Каменецком полках. «Томичи» проводжали своего командира полковника Григорьева: «был поднесен от офицеров томцев подарок — полковой альбом» [РГВИА, ф. 2653, оп. 2, д. 241, л. 15—15 об.], а «каменцы» прощались с генералом Кулешиным: «от нижних чинов Адамович, Яров и Антипов преподнесли икону: серебряный складень “Дорогому отцу-командиру”, причем Адамович сказал речь. От офицеров полковник Обольянинов поднес полковой жетон»; после этого

состоялся «оживленный обед в новом собрании, построенном в 5 дней поручиком Шатуновым и “роскошно” декорированный елями и хризантемами» [РГВИА, ф. 2787, оп. 1, д. 38, л. 15.].

В конце августа 1915 года в журналах четырех полков появились записи о посещении их великим князем Георгием Михайловичем. Адьютанты 26-го Могилевского и 39-го Томского полков сообщали, что 29 августа в штабе V-го армейского корпуса был произведен парад великому князю, на котором им лично были розданы георгиевские кресты отличившимся нижним чинам [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 135, л. 33—33 об.; ф. 2653, оп. 2, д. 234, л. 91—91 об.]. Информация такого же толка появилась в тот же день и в журнале 40-го Колыванского полка, где сообщалось о том, что великий князь наградил 25 человек из полка георгиевскими крестами [РГВИА, ф. 2654, оп. 2, д. 148, л. 9 об.].

В конце сентября 1915 года германское наступление выдохлось, русские войска смогли не только остановить продвижение противника, но и местами перехватить инициативу. После чего стороны перешли к позиционной войне, что сразу отобразилось в характере ведения полковых журналов.

22 сентября 1915 года 27-й Витебский полк получал благодарность от командира корпуса, а 25 сентября начальник дивизии вручал личному составу георгиевские кресты. 16 октября 1915 года полк удостоил своим визитом командующий 2-й армией генерал от инфантерии В. В. Смирнов, а на следующий день в полку были устроены развлечения и раздача призов [РГВИА, ф. 2641, оп. 2, д. 150, л. 14—14 об.].

В ноябрьские дни 1916 года в журнальной записи 26-го Могилевского полка сообщалось о собственноручном награждении личного состава полка великим князем Георгием Михайловичем от имени государя императора георгиевскими крестами [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 145, л. 4—5 об.]. Аналогичные упоминания встретились и на страницах журнала 27-го Витебского полка, где содержалась также запись о проведении праздника георгиевских кавалеров 26 ноября [РГВИА, ф. 2641, оп. 2, д. 159, л. 2—3].

Конечно, внимание начальства или представителей семьи Романовых не могло вернуть в строй погибших товарищей, но личное участие вышестоящих чинов в тяжелых буднях рядовых имело большое психологическое значение.

3.3. Новогодние и рождественские празднества

С началом позиционной войны связывалось появление в полковых журналах записей о проведении рождественских и новогодних празднеств с их обязательным атрибутом — новогодней елкой. Мы специально выделили этот сюжет, поскольку, несмотря на традиционное проведение молебнов, эти праздники отличались большей светскостью и неофициальным характером.

Оставаясь верными принципам православия как основы российской государственности, следуя традиционному русскому народному укладу, войска встретили свое первое фронтовое рождество. В журнале 27-го Витебского полка есть запись о проведении утром 25 декабря 1914 года литургии. В расположение полка приезжал командующий 7-й пехотной дивизии генерал-лейтенант С. Д. Михно, который поздравил с праздником нижние чины и офицеров [РГВИА, ф. 2641, оп. 2, д. 145, л. 26—26 об.]. В 39-м Томском полку аналогичные ритуалы выполнить не удалось ввиду плохих погодных условий, что тоже отражено в журнале [РГВИА, ф. 2653, оп. 2, д. 231, л. 131]. В первый день нового 1915 года в 27-м Витебском полку была проведена литургия и отслужен молебен [РГВИА, ф. 2641, оп. 2, д. 145, л. 27].

События праздничных дней уходящего 1915 года были зафиксированы в журналах 26-го Могилевского, 27-го Витебского и 39-го Томского полков. «Витебский» адъютант описал Сочельник и Рождество следующим образом: «Канун праздника Рождества Христова, занятия не производились. Вечером была отслужена вечерня. Утром отслужена была обедня и молебен, после которого состоялся церковный парад. Вечером елка в собрании и товарищеский ужин. Днем состоялись полковые и ротные развлечения нижних чинов с призами и подарками» [РГВИА, ф. 2641, оп. 2, д. 151, л. 2]. В 26-м Могилевском полку утром 25 декабря в полковой церкви были отслужены обедня и молебен, а после обеда были организованы под навесом увеселения для нижних чинов. Вечером для нижних чинов была устроена елка [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 137, л. 13].

26 декабря 1915 года в 26-м Могилевском полку утром был устроен молебен, после которого прибывшими уполномоченными от Воронежского союза Юго-западной железной дороги были розданы подарки. После обеда для нижних чинов был устроен маскарад, за лучшие оригинальные костюмы были выданы призы, под навесом устроено увеселение для солдат. 27 декабря занятий в полку не было по случаю праздника [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 137, л. 13 об.].

Из записей адъютанта 39-го Томского полка мы узнаем, что «25 декабря уполномоченными из города Козлова были привезены для нижних чинов подарки». С 26 по 28 декабря 1915 года для всех батальонов полка была устроена елка, и состоялись спектакли [РГВИА, ф. 2653, оп. 2, д. 236, л. 39—41].

Новогодние и крещенские праздники наступившего 1916 года были подробно описаны в журнале 26-го Могилевского полка. Согласно русской традиции, новогодние праздники отмечались декадой. Так, в период с 1 по 10 января упоминалось о проведении в полку церковных служб, наградных мероприятий, а также череде солдатских спектаклей, которые устраивались ежедневно и поротно [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 138, л. 1—2 об.].

«Могилевским» адъютантом было упомянуто празднование Рождества [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 145, л. 9], а «колыванцы» отметили 28 декабря свою 118-ю годовщину [РГВИА, ф. 2654, оп. 2, д. 162, л. 9 об.]. Встреча Нового года по церковному канону была зафиксирована в журнале Витебского полка [РГВИА, ф. 2641, оп. 2, д. 159, л. 4]. В частности, было упомянуто о встрече Нового года молебном и товарищеским ужином в офицерском собрании, утренним молебном 1 января и парадом, а также развлечениями для нижних чинов с раздачей призов. Крещенское водосвятие 6 января упоминалось в контексте проведения молебна и крестного хода на Иордань на реке Нарочь: «Полк был выстроен шпалерами от места бивака... до места водосвятия. В 12 часов парад окончился» [РГВИА, ф. 2641, оп. 2, д. 152, л. 1—1 об.]. Аналогичные мероприятия по случаю Крещения Господня состоялись в 173-м Каменецком полку на реке Дубна [РГВИА, ф. 2787, оп. 1, д. 34, л. 3] и в 26-м Могилевском полку, где после литургии был совершен крестный ход на реку Узлянка и состоялось водосвятие [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 138, л. 1 об.—2].

В 39-м Томском полку адъютантом была сделана запись о молебне в церкви деревни Дрозды и параде по случаю Нового года 1 января 1916 года [РГВИА, ф. 2653, оп. 2, д. 237, л. 1—3]. Новый 1916 года офицеры встретили за ужином в офицерском собрании на фольварке Вателевице [Там же, д. 236, л. 39—41]. 6 января у «томцев» было совершено водосвятие, окропление землянок батальонов и церковный парад [Там же, д. 237, л. 1—3]. В январские дни 1916 года 173-й Каменецкий полк с подарками посетили члены Государственной Думы [РГВИА, ф. 2787, оп. 1, д. 34, л. 1—1 об.].

Доброй традицией в новогодние праздники было устройство спектаклей для солдат. Чтобы охватить максимальное количество зрителей, они устраивались поротно [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 138, л. 1—2]. В 26-м Могилевском полку в январе 1916 года устраивали катания с горы [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 138, л. 4 об.]. 19 января в том же полку при посещении его командиром корпуса генерал-лейтенантом П. С. Балуевым после раздачи подарков солдатам для них проводились игры и развлечения с ряжеными [Там же, л. 3 об.].

В освещении январских праздничных дней 1917 года в записях 26-го Могилевского полка отмечено проведение церковных обрядов, игр и спортивных развлечений, церемониальных событий, приуроченных к Новому году и празднованию Крещения Господня, сопровождавшегося крестным ходом, молебном, водосвятием и церковным парадом [Там же, д. 145, л. 9; д. 146, л. 1—1 об.].

Характерно, что люди на войне старались не лишать себя мирских радостей, пытаясь во фронтовых условиях отпраздновать Рождество и новогодние праздники.

3.4. Спортивные мероприятия и кинематограф

Еще один немаловажный сюжет, требующий внимания — это занятия спортом. В записях 26-го Могилевского полка конца января — начала февраля 1916 года упоминаются систематические занятия спортом [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 138, л. 4 об.–6]. Мы имеем основание утверждать, что речь велась не об утренней гимнастике согласно уставу, а о спортивных развлечениях, поскольку они описывались в контексте досуга. В журнальных записях это фиксировалось так: «После обеда игры и спорт» [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 138, л. 4 об.–6].

Интересные аспекты пасхальных торжеств обнаружились в журнале 26-го Могилевского полка по случаю пасхальной седмицы в апреле 1916 г. — после раздачи подарков делегацией из тыла: «Игры, спорт» [Там же, д. 139, л. 18 об.].

Любопытный сюжет воскресного времяпрепровождения описан в журнале 173-го Каменецкого полка от 4 сентября 1916 года — с утра богослужение, а затем под руководством офицеров футбол, городки, кошки-мышки: «Сражение мешками с соломой, сидя на параллельных брусьях и пр.» [РГВИА, ф. 2787, оп. 1, д. 38, л. 1].

В январские праздники 1917 года в 26-м Могилевском полку с утра — молебен и литургия, после обеда — игры и спорт [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 146, л. 1].

Полковой режим 173-го Каменецкого полка в мае-июне 1917 года подразумевал для каждой роты согласно графику после ежедневных упражнений и ужина с чаем — футбол и легкую атлетику в спортивных кружках. В отдельные дни проводились матчи между сборными командами, во время которых играл музыкальный оркестр [РГВИА, ф. 2787, оп. 1, д. 42, л. 7, 9, 9 об., 11].

Летом 1917 года по окончании тяжелых боев 26-й Могилевский полк был переведен в резерв, после нескольких дней отдыха и приведения солдат себя в порядок, 6 августа, в полразделении были организованы игры, развлечения и состязания с призами [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 149, л. 14 об.].

С конца лета и осенью 1916 года на страницах полковых журналов 27-го Витебского пехотного полка регулярно упоминаются проводившиеся кинематографические сеансы для офицеров и нижних чинов [РГВИА, ф. 2641, оп. 2, д. 157, л. 3—4; д. 158, л. 7 об., 9, 30].

В конце осени 1916 года кинематографические сеансы стали массовым явлением фронтовой жизни. О них упоминается в ноябре-декабре 1916 года в 26-м Могилевском полку [РГВИА, ф. 2640, оп. 1, д. 145, л. 5 об.], 27-ом Витебском полку [РГВИА, ф. 2641, оп. 2, д. 159, л. 2—2 об.], 40-ом Колы-

ванском полку [РГВИА, ф. 2654, оп. 2, д. 162, л. 9 об.]. Просмотр фильмов был популярным видом досуга и в феврале 1917 года [РГВИА, ф. 2641, оп. 2, д. 160, л. 1—2 об.]. Мы не имеем сведений, какие фильмы смотрели на фронте, но на основе того факта, что кинематографические сеансы проводились все чаще, предполагаем, что кино как вид досуга солдатам нравился.

4. Заключение = Conclusions

Несмотря на все трудности фронтовой жизни, солдаты и офицеры находили возможность поддерживать нормальные человеческие отношения, сохраняя принципы боевого братства. Невзирая на неустроенность фронтовой жизни, они старались привнести элементы мирного времени в окопные будни: устраивали праздники, увеселительные мероприятия, проводили спортивные состязания, с детской непосредственностью обустраивали помещения для молебнов.

Запись от 28 февраля 1917 года в журнале 173-го Каменецкого полка символизировала начало нового исторического периода: «Услыхали из отпуска офицеров о революции в Петрограде» [РГВИА, ф. 2787, оп. 1, д. 40, л. 26 об.]. Русская императорская армия начинала писать последнюю страницу в своей истории. Однако, несмотря на набиравшие силу революционные процессы, в войсках по инерции еще сохранялась традиционная ментальность, выражавшаяся в том числе и в почитании традиций, в проведении различных праздничных и досуговых мероприятий. Журналы пехотных полков фиксируют, что, по крайней мере, еще летом 1917 года в армии сохранялся обычай совместного проведения праздников и досуга офицеров и нижних чинов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. РГВИА — *Российский государственный военно-исторический архив*. Ф. 2640, 26-й пехотный Могилевский полк. Оп. 1. Д. 131, 135, 137, 138, 139, 140, 145, 146, 147, 149 ; Ф. 2641, 27-й пехотный Витебский полк. Оп. 2. Д. 145, 149, 150, 151, 152, 154, 155, 157, 158, 159, 160; Ф. 2642, 28-й пехотный Полоцкий полк. Оп. 1. Д. 158 ; Ф. 2653, 39-й пехотный Томский полк. Оп. 1. Д. 236 ; Оп. 2. Д. 231, 233, 234, 235, 236, 237, 241 ; Ф. 2654, 40-й пехотный Колыванский полк. Оп. 2. Д. 144, 145, 148, 152, 156, 162 ; Ф. 2787, 173-й пехотный Каменецкий полк. Оп. 1. Д. 31, 32, 34, 35, 38, 40, 42 ; Ф. 2788, 174-й пехотный Роменский полк. Оп. 1. Д. 60.

Литература

1. *Алферова И. В.* «Неизреченная красота подвига...» (О наградной системе в Первую мировую войну) / И. В. Алферова // Вестник Брянского государственного университета. — 2017. — № 4 (34). — С. 17—26.
2. *Бажанов Д. А.* Организация командованием досуга экипажей Балтийского флота в годы Первой Мировой войны (на материалах кораблей Гельсингфорсской военно-морской базы) / Д. А. Бажанов. // Вестник Орловского государственного университета. Серия : Новые гуманитарные исследования. — 2011. — № 4 (18). — С. 30—32.
3. *Бажанов Д. А.* Самоорганизация досуга офицеров Балтийского флота годы Первой Мировой войны (на материалах кораблей Гельсингфорсской военно-морской базы) / Д. А. Бажанов // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. — 2012. — № 2 (22). — С. 38—40.
4. *Бажанов Д. А.* Русские моряки на берегу : досуг как фактор маргинализации Гельсингфорса летом 1917 г. / Д. А. Бажанов. // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 11. — С. 220—224.
5. *Булдаков В. П.* Забытые реалии Первой мировой : фронтовая обыденность / В. П. Булдаков // Вестник Тверского государственного университета. Серия : История. — 2022. — № 4 (64). — С. 22—42. — DOI: 10.26456/vthistory/2022.4.022–042.
6. *Валяев Я. В.* Фронтовая жизнь солдат российской императорской армии в годы Первой мировой войны / Я. В. Валяев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : История. Политология. — 2010. — № 19 (90). — С. 159—164.
7. *Гефнер О. В.* Праздничная культура военных русской армии (вторая половина XIX — начало XX вв. / О. В. Гефнер // Вестник Омского университета. — 2009. — № 3. — С. 77—87.
8. *Грановская Р. М.* Элементы практической психологии / Р. М. Грановская. — Санкт-Петербург : Свет. 2000. — 647 с. — ISBN 5-88729-048-X.
9. *Жукова Л. В.* Церковные праздники в русской армии в начале XX в. / Л. В. Жукова // Исторический журнал: научные исследования. — 2015. — № 2. — С. 197—214. — DOI: 10.7256/2454-0609.2015.2.16141.
10. *Сенявская Е. С.* Человек на войне. Историко-психологический очерк / Е. С. Сенявская. — Москва : ИРИ РАН. 1997. — 226 с. — ISBN 5-201-00000-0.
11. *Сухарев Ю. В.* Праздники русской армии / Ю. В. Сухарев // Военно-исторический журнал. — 1993. — № 1. — С. 80—83.

*Статья поступила в редакцию 16.11.2023,
одобрена после рецензирования 15.01.2024,
подготовлена к публикации 23.01.2024.*

Material resources

RGVIA — *Is the Russian State Military Historical Archive.* (In Russ.).

References

- Alferova, I. V. (2017). "The ineffable beauty of the feat ..." (About the award system in the First World War). *Bulletin of the Bryansk State University*, 4 (34): 17—26. (In Russ.).
- Bazhanov, D. A. (2011). Organization by the command of leisure of the crews of the Baltic Fleet during the First World War (based on the materials of the ships of the Helsing-

- fors naval base). *Bulletin of the Orel State University. Series: New Humanitarian Studies*, 4 (18): 30—32. (In Russ.).
- Bazhanov, D. A. (2012). Russian sailors on shore: leisure as a factor of marginalization of Helsingfors in the summer of 1917. *Theory and practice of social development*, 11: 220—224. (In Russ.).
- Bazhanov, D. A. (2012). Self-organization of leisure for officers of the Baltic Fleet during the First World War (based on the materials of the ships of the Helsingfors naval base). *Bulletin of the Oryol State University. Series: New Humanitarian Studies*, 2 (22): 38—40. (In Russ.).
- Buldakov, V. P. (2022). Forgotten realities of the First World War: frontline routine. *Bulletin of Tver State University. Series: History*, 4 (64): 22—42. DOI: 10.26456/vhistory/2022.4.022—042. (In Russ.).
- Gefner, O. V. (2009). Festive culture of the military of the Russian army (the second half of the XIX — early XX centuries). *Bulletin of Omsk University*, 3: 77—87. (In Russ.).
- Granovskaya, R. M. (2000). *Elements of practical psychology*. St. Petersburg: Svet. 647 p. ISBN 5-88729-048-X. (In Russ.).
- Senyavskaya, E. S. (1997). *A man at war. Historical and psychological essay*. Moscow: IRI RAS. 226 p. ISBN 5-201-00000-0. (In Russ.).
- Sukharev, Yu. V. (1993). Holidays of the Russian army. *Military Historical Journal*, 1: 80—83. (In Russ.).
- Valyaev, Ya. V. (2010). The front-line life of soldiers of the Russian Imperial Army during the First World War. *Scientific bulletin of the Belgorod State University. Series: History. Political science*, 19 (90): 159—164. (In Russ.).
- Zhukova, L. V. (2015). Church holidays in the Russian army at the beginning of the XX century. *Historical Journal: scientific research*, 2: 197—214. DOI: 10.7256/2454-0609.2015.2.16141. (In Russ.).

*The article was submitted 16.11.2023;
approved after reviewing 15.01.2024;
accepted for publication 23.01.2024.*

Информация для цитирования:

Мостовенко М. С. Проект Омской ГЭС в экономической истории региона 1930—1980-х годов / М. С. Мостовенко // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 431—447. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-431-447.

Mostovenko, M. S. (2024). Omsk Hydroelectric Power Plant Project in Economic History of Region in 1930s—1980s. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 431-447. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-431-447. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-431-447

Проект Омской ГЭС в экономической истории региона 1930—1980-х годов

Мостовенко Максим Станиславович ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-0887-447X

кандидат исторических наук,

¹ старший научный сотрудник,
лаборатория исторических
исследований;

² старший научный сотрудник,
лаборатория междисциплинарных
исследований пространства
reiseleiter@mail.ru

¹ Сургутский государственный
педагогический университет,
(Сургут, Россия)

² Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке Гранта
Правительства РФ проект
№ 075-15-2021-611 «Человек
в меняющемся пространстве
Урала и Сибири»

Omsk Hydroelectric Power Plant Project in Economic History of Region in 1930s—1980s

Maxim S. Mostovenko ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-0887-447X

PhD in History,

¹ senior research scientist,
Laboratory of Historical Research;

² senior research scientist,
Laboratory of Interdisciplinary
Space Research
reiseleiter@mail.ru

¹ Surgut State
Pedagogical University
(Surgut, Russia)

² University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out
with financial support from the Grant
Government of the Russian Federation
project № 075-15-2021-611
“Man in the Changing Space
of the Urals and Siberia”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена нереализованному проекту Омской гидроэлектростанции, разработанному в 1930-е годы, затем отложенному и впоследствии снова выдвинутому к обсуждению в 1980-е годы. Источниками выступили материалы Исторического архива Омской области и Российского государственного архива экономики. Как в отечественной, так и в зарубежной историографии об экономическом развитии Западной Сибири нет упоминаний об этом проекте, поэтому статья о нереализованном проекте призвана ликвидировать эту историографическую лакуну. Показано, что данный проект рассматривался руководством региона лишь как сельскохозяйственное сооружение, которое позволило бы использовать водохранилище для орошения южных районов области и улучшение судоходной обстановки в районе города Омска. Подчеркивается, что его реализация могла бы позволить поднять уровень промышленного развития Омской области. Отказ от реализации проекта в 1930-е годы в значительной степени определил дальнейшее развитие региона, прежде всего с экологической точки зрения. Для обеспечения энергетических потребностей города и области началось строительство ТЭЦ, топливом для которых был экибастузский уголь, содержащий в себе большое количество золы. Это в свою очередь привело к серьезному загрязнению воздушного бассейна города Омска, которое продолжает сохраняться по сей день.

Ключевые слова:

региональная экономика; гидроэлектростанция; экологическая история Сибири; гидроэнергетика Сибири; Омская ГЭС; сельское хозяйство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the unrealized project of the Omsk Hydroelectric Power Station, developed in the 1930s, then postponed and subsequently reintroduced for discussion in the 1980s. The sources used for this research include materials from the Historical Archive of the Omsk Region and the Russian State Archive of Economy. Both domestic and foreign historiography on the economic development of Western Siberia do not mention this project, hence this article aims to fill this historiographical gap. It is demonstrated that the project was considered by regional authorities solely as an agricultural facility, which would have allowed for the use of the reservoir for irrigation in the southern districts of the region and improvement of navigational conditions around the city of Omsk. Emphasis is placed on the fact that its implementation could have boosted the industrial development of the Omsk Region. The abandonment of the project in the 1930s largely determined the subsequent development of the region, particularly from an ecological perspective. To meet the energy needs of the city and the region, construction of thermal power plants began, fueled by Ekibastuz coal, which contains a large amount of ash. This, in turn, led to serious air pollution in the Omsk region, which continues to persist to this day.

Key words:

regional economy; hydroelectric power plant; environmental history of Siberia; hydropower engineering of Siberia; Omsk Hydroelectric Power Station; Agriculture.

Проект Омской ГЭС в экономической истории региона 1930—1980-х годов

© Мостовенко М. С., 2024

1. Введение = Introduction

С момента вхождения сибирских территорий в состав Российского государства руководством страны последовательно создавался образ этих земель как неисчерпаемой кладовой. Данная риторика особенно усилилась в период Советской власти. Мичуринский лозунг о том, что можно изменить не только государство, но и природу, стал практически руководством к действию для многих поколений советских плановиков и экономистов. В особенности это касалось использования природных ресурсов и поисков пути развития территории.

В течение XX столетия Сибирь, включая ее Западную и Восточную части, стала обширным полигоном для реализации «модернизаторских» устремлений советских лидеров. Несмотря на суровые природно-климатические условия, в этом макрорегионе за сравнительно небольшой промежуток времени были созданы такие промышленные гиганты, как Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, Анагаро-Енисейский каскад ГЭС и многие другие. Помимо решения конкретной экономической задачи, эти комплексы оказали серьезное влияние на местные ландшафты. Однако многие альтернативные проекты развития тех или иных территорий оказывались в тени своих более успешных конкурентов.

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии уделяется большое внимание истории создания крупных технологических объектов, изменивших ландшафт. В первую очередь это касается гидроэлектростанций. Яркими примерами в данном случае могут послужить работы ульяновского историка Е. А. Бурдина [Бурдин, 2010а; Бурдин, 2010б; Бурдин, 2010в; Бурдин, 2011а; Бурдин, 2011б; Бурдин, 2011в; Бурдин, 2011г; Бурдин, 2012а; Бурдин, 2012б], в которых он рассматривает различные аспекты строительства Волжско-Камского каскада ГЭС.

Крупнейший в Сибири Ангара-Енисейский каскад гидроэлектростанций стал предметом изучения в работах Ю. В. Рябова [Рябов и др., 2015; Рябов, 2020; Рябов, 2021], Н. В. Савчук [Савчук, 2006; Савчук, 2007], Н. О. Васильевой и В. И. Царева [Васильева и др., 2018], С. Б. Сутурина [Сутурин, 2011], С. А. Янюшкина [Янюшкин, 2006].

Более скудно представлены исследования посвященные, нереализованным советским гидроэнергетическим проектам. Так, например, наиболее изученным сюжетом в этом контексте являются работы, связанные с Нижне-Обской гидроэлектростанцией [Комгорт, 2007; Комгорт и др., 2008; Михеева, 2016; Некрасов и др., 2010; Некрасов и др., 2012].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Если говорить о нереализованных гидростроительных проектах, то автором данной статьи уже предпринималась попытка проанализировать подобные проекты не только в сибирском регионе, но и на территории нижней Волги [Мостовенко, 2021б]. Частично затрагивалась в этих исследованиях и история Омской гидроэлектростанции [Мостовенко, 2021а]. Однако привлечение дополнительных архивных источников по этой теме позволило существенным образом расширить предмет исследования, его хронологические рамки, а также определить, каким образом руководству региона виделось дальнейшее развитие области. В связи с этим основной целью предлагаемого исследования является анализ проекта Омской гидроэлектростанции как альтернативного пути развития региона в период 1930-х годов и его продолжения в 1980-е годы. Для достижения данной цели необходимо обратиться к первоначальному проекту гидроэлектростанции, предложенному в 1930-е годы, и соотнести с его поздним вариантом, разработанным в 1980-е годы.

Источниковой базой исследования послужили материалы, хранящиеся в Историческом архиве Омской области в фонде Р-1088 (Плановая комиссия Омского облисполкома) и Российском государственном архиве экономики в фонде 4372 (Государственный плановый комитет).

Так, в фонде Р-1088 ИАОО сохранился технико-экономический доклад о целесообразности строительства Омской ГЭС, подготовленный Ленинградским отделением Гидроэнергопроекта СССР. В нем детально разбирается экономическая и технологическая составляющая этого проекта. В фонде 4372 РГАЭ содержится несколько важных документов, позволяющих определить то, каким виделось назначение гидроэлектростанции руководителям различного уровня и экспертам.

Так, например, данный фонд содержит стенограмму заседания в отделе планирования Госплана СССР по вопросам энергетического использования реки Иртыш в районе Омска, а также проект и материалы экспертизы по строительству Южно-Омской оросительной системы. Кроме того, в нем собраны централизованные данные об экономическом и энергетическом состоянии Омской области в выбранный нами для анализа период.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Энергетическое состояние Омской области и появление идеи Омской ГЭС в 1930-е годы

На момент появления проекта в середине 1930-х годов Омская область не могла похвастаться серьезными экономическими показателями относительно других районов страны. Кроме того, согласно архивным материалам, к середине 1930-х годов энергетическая обстановка в регионе была крайне напряженной [РГАЭ, ф. 4372, оп. 31, д. 1718, л. 1]. В городе была одна ТЭЦ мощностью 12 МВт, которая не имела резервных источников, в то время как пиковые нагрузки составляли 12,4 МВт. При этом сама станция периодически останавливалась на ремонт котельных агрегатов. Каждое ведомство было вынуждено самостоятельно решать энергетическую проблему. Так, например, Народный комиссариат путей сообщения строил свою ТЭЦ для коммунальных и хозяйственных нужд. Ее агрегаты примерной мощностью 28 МВт должны были войти в эксплуатацию в 1936 году. Однако слабая организация строительных работ и низкий уровень финансирования затягивали строительство.

Областные же власти планировали построить для города новую ТЭЦ и ввести в строй первый ее агрегат (проектируемая мощность 12 МВт) в 1941 году, а в дальнейшем нарастить возможности станции до 24 МВт [ИАОО, ф. 1088, оп. 4, д. 162]. Таким образом, к концу 1940-х планировалось довести мощность омских ТЭЦ до 36 МВт.

В качестве дополнительных источников энергии рассматривался вариант использования энергии ветра, так как географическое расположение Омской области на границе степной зоны этому способствовало [РГАЭ, ф. 4372, оп. 31, д. 1718, л. 13]. Также в материалах ко II пятилетнему плану развития народного хозяйства по энергетике Омской области отмечалось, «что в течение пятилетки будут производиться изыскания и проектирования Иртышской гидроэлектростанции, строительство и ввод в эксплуатацию которой мыслится за пределами 1942 года» [РГАЭ, ф. 4372, оп. 31, д. 1718, л. 15].

Согласно плану развития Омской области в рамках второй пятилетки предполагалось сделать акцент на развитии сельского хозяйства. В проекте плана подчеркивалось: «Степные безлесные районы юго-восточной части Омской области являются основной базой производства высокоценных пшениц. В благоприятные по метеорологическим условиям годы урожаи здесь бывают самые высокие, достигая 25—30 и выше центнеров с га» [РГАЭ, ф. 4372, оп. 36, д. 669, л. 22]. Однако с этим возникла проблема, так как южные районы Омской области, на территории которых планировалось развивать сельское хозяйство, располагались в пределах 53—59 градусов с. ш., то есть в весьма неблагоприятной климатической зоне. Несмотря на

богатые почвы (значительное количество чернозема), в данном регионе часто бывали засухи со степными суховеями.

Для решения задачи развития сельского хозяйства через гидромелиоративные работы и орошения, а также для повышения уровня промышленного потенциала области ученые Омского сельскохозяйственного института им. С. М. Кирова разработали проект системы орошения с гидроэлектростанцией, и эта идея нашла поддержку у руководства региона.

Первым секретарем Омского обкома ВКП(б) Д. А. Булатовым и председателем Омского облисполкома С. С. Кондратьевым была подготовлена и направлена записка в ЦК ВКП(б) на имя И. В. Сталина и Председателя СНК СССР В. М. Молотова с предложением рассмотреть проект строительства гидроэлектростанции мощностью до 250 МВт.

По замыслу авторов проекта Омской ГЭС, она должна была решить две ключевых проблемы:

— во-первых, покончить с энергодефицитом в области. В рамках комплексного варианта развития хозяйства области предполагалось построить ГЭС (установленной мощностью в 250 МВт), а также теплоцентраль (с мощностью 100 МВт), что позволяло бы обеспечить город электричеством и теплом. Кроме того, это дало бы возможность электрифицировать Омский участок Транссиба и дать возможность завозить каменный уголь и стройматериалы из северных областей Казахстана;

— во-вторых, улучшить показатели сельского хозяйства и за счет системы орошаемого земледелия покончить с засухой в регионе. В тексте записки авторы отмечали: «Несомненно, что для борьбы с засухой необходимо форсировать агротехнические мероприятия (сухое земледелие, снегозадержание и др.). Но, с другой стороны, необходимо выдвинуть и организовать также комплексный метод борьбы с засухой путем применения агротехники, лесомелиорации и орошения. Таким комплексным мероприятием является орошение прилегающих к нему земельных пространств южной части области. Заброшенные на поля орошенных пространств большие количества воды, испаряясь, увлажняют суховеи и сведут к минимуму влияние засух на остальные засушливые районы области» [ИАОО, ф. 1088, оп. 4, д. 1, л. 23]. Это позволило бы охватить орошением свыше 3 млн га сельскохозяйственных земель юга Омской области и Северо-Восточной части Казахской ССР.

3.2. Экспертиза проекта: Госплан и Ленинградское отделение Гидроэнергопроекта СССР

Записка руководителей Омской области не осталась без внимания. Первоначальное планирование, обследование местности и подготовка технико-экономической документации осуществлялись группой ученых под руко-

водством К. М. Голубенцева, к.т.н., доцента Омского сельскохозяйственного института им. С. М. Кирова, являвшегося одним из инициаторов проекта. Уже осенью 1938 года 11 томов документации были готовы и заслушивались в отделе районного планирования Госплана СССР на совещании, основной темой которого было обсуждение энерго-иригационных возможностей использования реки Иртыш в районе города Омска. Согласно проекту, предлагалось при постройке станции создать систему орошения, которая бы охватывала более 500 тыс. га земель на юге Омской области. Примечателен тот факт, что, по замыслу, станция должна была решить в первую очередь сельскохозяйственные проблемы региона. Предполагалось, что оросительная система будет создана на территории следующих районов: Русскополянский, Павлоградский, Таврический, Одесский, Черлакский и Любинский.

Группой К. М. Голубенцева было подготовлено 4 варианта данной оросительной системы. Согласно первому варианту, предусматривалось орошение 1 100 тыс. га земель. В этом случае требовалось 500 МВт электроэнергии [РГАЭ, ф. 4372, оп. 36, д. 482, л. 12]. Чтобы покрыть такие большие объемы, необходима была не только постройка ГЭС, но и введение в строй Бобровского гидроузла на Иртыше.

Второй вариант предполагал орошение 820 тыс. га земель [РГАЭ, ф. 4372, оп. 36, д. 482, л. 12]. Характерной особенностью этого варианта было то, что основной массив поливных земель сосредотачивался на площади в 550 тыс.га, на территории самых больших совхозов области. Для обеспечения работы всех насосов в данном случае требовалось 320 МВт [РГАЭ, ф. 4372, оп. 36, д. 482, л. 13]. Данный вариант был менее энергозатратным, но имел недостаток. Он заключался в том, что в зону затопления попадала лесостепная часть региона.

В рамках третьего варианта предполагалось спустить зону орошения южнее и за счет этого оросить 860 тыс. га, он также требовал создания дополнительного теплового узла для гидроэлектростанции.

Последний, четвертый вариант предполагал «отбрасывание участков выше 180 метров» [РГАЭ, ф. 4372, оп. 36, д. 482, л. 12], при этом требовалась мощность в 200 МВт.

Общая стоимость всех работ составляла около 230 млн рублей, включая 18 млн рублей потерь, вызванных затоплением.

Однако, несмотря на описанные авторами проекта положительные моменты эксплуатации станции и на тот факт, что с точки зрения сельского хозяйства проект был необходим, имелись и возражения.

Так, представителями Гидроэнергопроекта отмечалось, что энергетическая часть проекта была проработана плохо, так как помимо самой ГЭС нужно было строить еще несколько дополнительных ТЭЦ [РГАЭ, ф. 4372,

оп. 36, д. 482, л. 44]. Кроме того, отмечалось, что с учетом общих затрат на его реализацию станция может быть построена, но только за пределами четвертой пятилетки.

На данном совещании было принято заключение, что проект нуждается в дальнейшей экспертизе, в первую очередь со стороны гидроэнергетиков.

Дополнительная оценка проекта проводилась в течение 1938—1939 годов Ленинградским отделением Гидроэнергопроекта СССР. По ее итогам был подготовлен технико-экономический доклад о перспективах строительства Омской ГЭС на реке Иртыш.

Прежде всего, в докладе отмечалось, что основное назначение проектируемой ГЭС — питать электроэнергией насосы оросительной системы на юге области, и только во вторую очередь она будет обеспечивать электроснабжение Омского промышленного узла и железной дороги.

Во-вторых, устроенное водохранилище должно было поддерживать приемлемый уровень судоходных глубин на Иртыше близ Омска, регулировать весеннее половодье ниже города Омска, а также обводнять засушливые земли левого берега Иртыша. Это позволяло увеличить урожайность до 40 центнеров с 1 га, что с учетом площади пахотных земель давало до 53 млн центнеров пшеницы.

В-третьих, в тексте доклада подчеркивалось отсутствие единого варианта проекта станции. Указывалось две величины подпорного горизонта: 86 и 90 метров. Вместе с тем реализация более высокого НПП подразумевала и два варианта дальнейшего использования станции: транспортно-энергетический (о котором уже говорилось выше) и комплексный.

Комплексный вариант включал в себя не только промышленные предприятия и железнодорожную магистраль, но и оросительную систему. Кроме того, он обеспечивал постоянные судоходные глубины на всем протяжении реки от Павлодара до Омска, что способствовало бы развитию судоходства в регионе. Были запроектированы следующие показатели станции (табл. 1) [ИАОО, ф. 1088, оп. 4, д. 162, л. 55, 67, 69].

Таблица

Проектные характеристики Омской ГЭС

НПП	Объем водохранилища в км ³	Мощность станции, МВт	Высота плотины, м	Длина здания, м	Площадь затопления, тыс. га
86	4–6	210	24,35	110	120
89,9	7	160	32,15	150	160

Однако, несмотря на имеющиеся достоинства проекта, в конце 1930-х — начале 1940-х годов от его реализации в конечном счете отказались.

Среди серьезных недостатков, выявленных в ходе экспертизы, указывалось, что даже в случае реализации проекта в регионе все же отсутствует необходимое количество потребителей электроэнергии, а для завоза достаточного количества строительных материалов на стройплощадку требуется прокладывание более 20 км железнодорожных путей, что серьезно увеличивало общие затраты.

В заключительной части экспертизы констатировалось, что Омская ГЭС не является объектом первостепенной важности: «... в ряду других крупных ирригационных проблем СССР задача орошения земель Омской области, требующая для своего осуществления вместе со строительством Омской ГЭС 2—3 миллиардов рублей, не может считаться первоочередной. По решению Правительства уже приступлено к реализации грандиозной оросительной системы Заволжья с постепенным освоением массива в 4 млн га» [ИАОО, ф. 1088, оп. 4, д. 162, л. 98].

3.3. Возрождение проекта Омской ГЭС и проект Южно-Омской оросительной системы в середине 1980-х годов

Экспертное заключение Ленинградского отделения Гидроэнергопроекта, высокая стоимость строительства, а также события Великой Отечественной войны, казалось бы, поставили крест на строительстве большой оросительной системы и вместе с ней гидроэлектростанции на реке Иртыш. Однако к середине 1980-х годов к данному проекту возвращаются вновь в связи с необходимостью решить задачу развития сельского хозяйства регионе.

В июле 1983 года принимается постановление Совета Министров СССР №№ 6464 «О мерах по дальнейшему развитию орошаемого земледелия в Омской области для увеличения производства кормов». Согласно данному документу планировалось строительство «Южно-Омской оросительной системы с гидроузлом и водохранилищем на реке Иртыше для орошения в перспективе 370 тыс. гектаров сельскохозяйственных угодий в Омской области с выделением первой очереди строительства» [РГАЭ, ф. 4372, оп. 67, д. 7672, л. 83]. При этом проектирование и строительство первой очереди оросительной системы и гидроузла намечались на 1986—1990-е годы. В дополнение к этому документу в октябре 1984 года принимается еще одно постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР за № 1082 «О долговременной программе мелиорации, повышения эффективности использования мелиоративных земель в целях устойчивого наращивания продовольственного фонда страны», согласно которому предписывалось: «Обеспечить дальнейшее развитие мелиорации земель в Сибири и на Дальнем Востоке. Завершить строительство Алейской и Бухтарминской систем в Алтайском крае и Южно-Омской оросительной системы

с гидроузлом и водохранилищем на реке Иртыше Омской области» [РГАЭ, ф. 4372, оп. 67, д. 7672, л. 84].

Разработать проект новой оросительной системы было поручено Омскиндропроводхозу. В течение 1984 года институтом велась его разработка. Обосновывающие материалы были переданы в Госплан уже в августе 1985 года.

Однако в Госплане проект застрял в связи с тем, что к моменту его рассмотрения не была утверждена единая комплексная схема использования и охраны вод Оби и Иртыша. Для решения этой проблемы 15 февраля 1986 года на имя председателя Госплана СССР Н. В. Талызина первым секретарем Омского обкома КПСС С. И. Манякиным и председателем Омского облисполкома Е. Д. Похитайло было направлено письмо с просьбой ускорить утверждение обосновывающих материалов по Южно-Омской оросительной системе и рассмотреть проект до принятия комплексной схемы по Оби и Иртышу [РГАЭ, ф. 4372, оп. 67, д. 7672, л. 18]. Подобная позиция руководства области объяснялась не только стремлением быстрее начать строительство, но и конкуренцией с Казахской ССР. Уже через несколько дней после первого письма руководство региона отправляет еще одно письмо, но теперь уже на имя первого зампреда Госплана СССР П. А. Паскаря: «При рассмотрении схемы в экспертной подкомиссии группой водохозяйственных расчетов и гидрологии предложено определить необходимость и сроки строительства Верхне-Омского водохранилища при составлении технико-экономического обоснования второй очереди Шульбинской ГЭС.

С данным предложением нельзя согласиться, так как срок окончания разработки и утверждения ТЭО 2-й очереди Шульбинской ГЭС ожидается не ранее 1990 года и приступить к проектированию Верхне-Омского водохранилища будет возможно только в конце 13-й пятилетки со 2-й очередью Южно-Омской оросительной системы. Перенос начала проектирования на более поздние сроки неприемлем для области, так как, по расчетам Ленгипроводхоза, при отсутствии водохранилища на уровне 1995 года не обеспечиваются водой требуемые площади орошения и не гарантируются необходимые судоводные расходы» [РГАЭ, ф. 4372, оп. 67, д. 7672, л. 15].

Кроме того, против строительства плотинного варианта Омского гидроузла выступает Министерство мелиорации и водного хозяйства Казахской ССР. Так, в письме заместителя министра мелиорации Казахской ССР А. Нигматуллина в ГЭК Госплана СССР сообщалось: «1. Водохозяйственные расчеты и обоснование необходимости строительства Верхне-Омского водохранилища, выполненные Ленгипроводхозом, полностью не соответствуют задачам комплексного использования водных ресурсов р. Иртыша. 2. Минимально необходимый санитарный попуск в створе г. Омска, принятый равным 390—400 куб.м.с значительно завышен, тогда как возмож-

но ограничиться 200 куб.м.с. 3. По мнению Минэнерго СССР, распыление сил, средств и трудовых ресурсов с одновременным началом строительства 2-й очереди Шульбинского и Верхне-Омского водохранилища нецелесообразно. Минводхоз Казахской ССР считает, что, в первую очередь, необходимо построить 2-ю очередь Шульбинского водохранилища с “Правилами эксплуатации”, обеспечивающими требуемые расходы и горизонты при бесплотинном водозаборе в створе Южно-Омской оросительной системы, что вполне возможно при правильной и строго соответствующей “Правилам” эксплуатации этого (Шульбинского) водохранилища» [РГАЭ, ф. 4372, оп. 67, д. 7672, л. 68].

Таким образом, Минводхоз Казахской ССР пытался ускорить прежде всего строительство второй очереди Шульбинской ГЭС, а только после этого, по мнению составителей письма, могла идти речь о начале возведения Омского гидроузла.

Для принятия окончательного решения в марте 1986 года приказом по Госплану СССР № 38 «Об экспертизе обосновывающих материалов строительства Южно-Омской оросительной системы в Омской области» создается эспертная комиссия под руководством д.т.н., ректора Московского гидромелиоративного института (МГМИ) А. И. Голованова, которая включает в себя заместителя председателя — инженера С. К. Черкавского (Госкомгидромет); к.т.н. МГМИ В. В. Шабанова; секретаря — П. А. Гончаренко, экономиста [РГАЭ, ф. 4372, оп. 67, д. 7672, л. 1]. Кроме того, в составе комиссии были выделены следующие группы: группа природных условий, гидрологии и водохозяйственных расчетов, сельского хозяйства, сооружений развития мелиорации, по организации строительства и сметным расчетам, охране окружающей среды, экономической эффективности. Все группы на протяжении трех месяцев должны были провести соответствующие изыскания и подготовить свои заключения по проекту.

В отличие от предшествующего варианта, предложенного в 1930-е годы, проектные данные Южно-Омской оросительной системы были менее масштабными. Предполагалось создать на территории нескольких районов Омской области: Нововаршавского, Русско-Полянского, Одесского, Павлоградского, Таврического, Щербакульского — оросительную систему площадью до 370 тыс. га. против 500 тыс. га в прошлом. При этом в указанных районах уже орошалось 45 тыс.га. Строительство планировалось в несколько очередей.

В первой очереди должна была быть создана оросительная система площадью 51 тыс. га, расположенная отдельными участками в 7 хозяйствах Нововаршавского (20,2 тыс.га) и 7 хозяйствах Русско-Полянского (30,8 тыс. га) районов, что планировалось завершить в 1995 году. Ее значение заклю-

чалось в укреплении кормовой базы животноводства. При этом следовало построить гидроузел на р. Иртыш в районе деревни Пристанское. В рамках второй очереди строительства предполагалось ввести в орошение оставшуюся часть земель и при необходимости построить гидроэлектростанцию, вопрос о строительстве которой, согласно заключению комиссии, также требовал дальнейшей доработки. В материалах, направленных в государственную комиссию, общие показатели станции выглядели следующим образом: установленная мощность — 27 МВт со средней многолетней выработкой электроэнергии 156 млн кВт/ч; колебания напора — от 3 м до 7,5 м; капиталовложения в ГЭС — 20 млн руб (750 руб/кВт). Однако такое решение было признано неэффективным [РГАЭ, ф. 4372, оп. 67, д. 7673, л. 294].

Проектируемый в период первого этапа строительства гидроузел на р. Иртыш обладал следующими характеристиками: «полезный объем водохранилища — 1,35 км³; площадь зеркала при НПУ — 41,4 тыс.га; НПУ — 84,70 метров; плотина — земляного типа, однородная с укрепленным верховым откосом, отсыпаемым из местного суглинистого грунта; ширина по гребню — 10 метров; длина по гребню общая — 2960 метров. Полная стоимость строительства гидроузла — 371,08 млн рублей» [РГАЭ, ф. 4372, оп. 67, д. 7672, л. 129—132].

На основе анализа данных государственная экспертная комиссия вынесла свое заключение. В нем признавалось сельскохозяйственное значение проектируемой Южно-Омской оросительной системы. Подчеркивалось, что планируемое «Верхне-Омское водохранилище при любых условиях повышает водообеспеченность Омской области и поэтому может рассматриваться как перспективное мероприятие по водообеспечению народного хозяйства Омской области» [РГАЭ, ф. 4372, оп. 67, д. 7673, л. 272]. Отмечалось, что строительство оросительной системы было возможно только при условии одновременного возведения второй очереди Шульбинской ГЭС в Казахской ССР, так как имеющихся мощностей не хватало для обеспечения потребностей Омского гидроузла.

Несмотря на ряд серьезных замечаний: необходимость подвоза стройматериалов на расстояние более 100 км, отсутствие четко проработанной системы внутрихозяйственной эксплуатации и ремонтной службы, а также комплексного долгосрочного прогноза изменения климата и почв в случае осуществления намечаемых мелиоративных мероприятий, — комиссия дала положительное заключение на проект.

И все же обстоятельства (начавшаяся в 1985 году «перестройка», а также затянувшееся начало строительства второй очереди Шульбинской ГЭС) сложились так, что проект Южно-Омской оросительной системы остался только на бумаге.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог истории нереализованного проекта строительства Омской гидроэлектростанции, отметим несколько важных моментов.

Во-первых, значимость и необходимость возведения данного технологического объекта не теряла своей актуальности ни в период 1930-х годов, ни в перестроечную эпоху. Стремление руководителей региона дать импульс развитию экономики области через гидроэнергетику и обустройство системы орошения было обусловлено, с одной стороны, необходимостью развития сельского хозяйства, с другой — задачей относительно быстро поднять промышленность региона.

Во-вторых, уникальность проекта Омской ГЭС заключалась в том, что она должна была выполнять в первую очередь сельскохозяйственную функцию, служа большим водохранилищем для ирригационных систем, а лишь во вторую очередь — энергетическую. Если в проекте 1930-х годов группы К. М. Голубенцева станция должна была давать энергию для сельского хозяйства и города, то уже в проекте 1980-х основной акцент был сделан на орошаемом земледелии, так как энергетическая проблема перед городом Омском к тому времени уже не стояла; проектируемый гидроузел должен был обеспечивать водой сельское хозяйство юга области.

В-третьих, отказ от реализации проекта в 1930-е годы в значительной степени определил дальнейшее развитие региона, прежде всего с экологической точки зрения. Для обеспечения энергетических потребностей города и области началось строительство ТЭЦ, топливом для которых был экибастузский уголь, содержащий в себе большое количество золы. Это в свою очередь привело к серьезному загрязнению воздушного бассейна города Омска, которое продолжает сохраняться по сей день.

Первоначально возникшая как проект масштабной ирригации омских земель в 1930-е годы, Омская гидроэлектростанция не потеряла свою актуальность и к середине 1980-х годов как драйвер сельскохозяйственного развития области. Реализующийся на данный момент проект Красногорского гидроузла во многом является продолжателем идеи создания Омской ГЭС.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Исторический* архив Омской области (ИАОО) Ф. 1088 (Экономический комитет Омской области). Оп. 4, Д. 1.

2. *Исторический* архив Омской области Ф. 1088 (Экономический комитет Омской области). Оп. 4, Д. 162.

3. *Российский государственный архив экономики* (РГАЭ) Ф. 4372 (Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР)). Оп. 31, Д. 1718.
4. *Российский государственный архив экономики* Ф. 4372 (Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР)). Оп. 67, Д. 7673.
5. *Российский государственный архив экономики* Ф. 4372 (Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР)). Оп. 36, Д. 669.
6. *Российский государственный архив экономики* Ф. 4372 (Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР)). Оп. 67, Д. 7672.
7. *Российский государственный архив экономики* Ф. 4372 (Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР)). Оп. 36, Д. 482.

Литература

1. *Бурдин Е. А.* Влияние гидротехнического строительства на природную среду волжского бассейна / Е. А. Бурдин // История науки и техники. — 2011. — № 4. — С. 13—28.
2. *Бурдин Е. А.* Волжская ирригация: миф или реальность? / Е. А. Бурдин // Вестник Ульяновского государственного технического университета. — 2012. — № 1. — С. 58—60.
3. *Бурдин Е. А.* Волжский каскад ГЭС : триумф и трагедия России / Е. А. Бурдин. — Москва : РОСПЭН, 2011. — 398 с. — ISBN 978-5-8243-1564-6.
4. *Бурдин Е. А.* Историография проблемы гидростроительства в Поволжье / Е. А. Бурдин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2010. — Т. 12. — № 6. — С. 217—223.
5. *Бурдин Е. А.* Исторические аспекты и динамика развития российской гидроэнергетики в 1900—1980 х гг. (На примере волжского каскада гидроузлов) / Е. А. Бурдин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2010. — Т. 12. — № 2. — С. 107—113.
6. *Бурдин Е. А.* Основные итоги проектно-изыскательских работ по волжскому каскаду гидроузлов в 1930—1980-х гг. / Е. А. Бурдин // Вестник Ульяновского государственного технического университета. — 2011. — № 2 (54). — С. 13—15.
7. *Бурдин Е. А.* Основные факторы сооружения волжского каскада гидроузлов (1930—1950-е годы) / Е. А. Бурдин // Вестник Чувашского университета. — 2010. — № 2. — С. 3—8.
8. *Бурдин Е. А.* Проблема влияния гидростроительства на социально-экономическую сферу Поволжья / Е. А. Бурдин // Вестник Чувашского университета. — 2011. — № 4. — С. 18—27.
9. *Бурдин Е. А.* Проблема эффективности Волжского каскада ГЭС / Е. А. Бурдин // Вестник Ульяновского государственного технического университета. — 2012. — № 2. — С. 18—20.
10. *Васильева Н. О.* К истории исследования энергоресурсов Енисея / Н. О. Васильева, В. И. Царев // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского государственного аграрного университета. — 2018. — № 2. — С. 104—115.
11. *Комгорт М. В.* К истории одного энергетического проекта (Нижнеобская ГЭС и нефтегазовые перспективы Тюменской области) / М. В. Комгорт // Горные ведомости. — 2007. — № 8 (39). — С. 88—95.
12. *Комгорт М. В.* Проблема повышения уровня индустриального развития Западной Сибири и проект строительства Нижнеобской ГЭС / М. В. Комгорт, Г. Ю. Колева // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 308. — С. 85—91.

13. *Михеева Ю. С.* Экологические риски проекта строительства Нижне-Обской ГЭС на Севере Западной Сибири в 1950—1960-е гг. / Ю. С. Михеева // Север России : стратегии и перспективы развития материалы II Всероссийской научно-практической конференции. — Сургут : Сургутский государственный университет, 2016. — С. 244—248. — ISBN 978-5-89545-455-8.

14. *Мостовенко М. С.* История Омской гидроэлектростанции : упущенная альтернатива / М. С. Мостовенко // Познание и деятельность : от прошлого к настоящему. Материалы III Всероссийской научной конференции. — Омск : Омский государственный педагогический университет, 2021а. — С. 242—245. — ISBN 978-5-8268-2319-4.

15. *Мостовенко М. С.* Между экологией и гидроэнергетикой : роль экспертного мнения в советских гидроэнергетических проектах во второй половине 1950-х первой половине 1960-х гг. (на примере Нижне-Обской и Нижне-Волжской ГЭС) / М. С. Мостовенко // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2021б. — № 3 (72). — С. 29—40. — DOI: 10.26105/SSPU.2021.72.3.004.

16. *Некрасов В. Л.* Проекты индустриального обновления регионов Севера Западной Сибири (1950-е — первая половина 1960-х гг.) / В. Л. Некрасов, О. Н. Стафеев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2010. — № 3 (10). — С. 72—83.

17. *Некрасов В. Л.* Проект Нижне-Обской ГЭС (1958—1963 гг.) : лоббирование, создание коалиции интересов, оппортунизм / В. Л. Некрасов, О. Н. Стафеев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2012. — № 4 (19). — С. 175—181.

18. *Рябов Ю. В.* Образы затопления населенных пунктов водохранилищем ГЭС в литературных текстах советского периода как отражение исторической эпохи / Ю. В. Рябов // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2020. — № 3. — С. 116—122.

19. *Рябов Ю. В.* Проблемы переселения населения из зоны затопления водохранилища Красноярской ГЭС / Ю. В. Рябов // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2021. — № 4. — С. 147—156.

20. *Рябов Ю. В.* Энергетическое строительство на Ангаре : ликвидация угрозы биогенного загрязнения при сооружении каскада ГЭС (1956—1975 гг.) / Ю. В. Рябов, Н. Н. Наумова // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2015. — № 2. — С. 92—96.

21. *Савчук Н. В.* Ангаро-Енисейский регион : социально-экологические проблемы хозяйственного освоения (1950—1990 гг.) / Н. В. Савчук. — Ангарск : АГТА, 2006. — 293 с.

22. *Савчук Н. В.* Социальная сфера ангаро-енисейского региона в условиях экологической нестабильности (1950—1990 гг.) / Н. В. Савчук. — Ангарск : АГТА, 2007. — 199 с. — ISBN 5-89864-067-3.

23. *Сутурин С. Б.* Взаимодействие хозяйственного механизма с охраной окружающей среды : исторический опыт и проблемы Ангаро-Енисейского региона (1960—1990 гг.) / С. Б. Сутурин // Омский научный вестник. — 2011. — № 1. — С. 13—16.

24. *Янюшкин С. А.* Природопользование в новом районе освоения 1950—1980 годов (по материалам молодых городов Приангарья) / С. А. Янюшкин // Омский научный вестник. — 2006. — № 10. — С. 111—114.

*Статья поступила в редакцию 10.10.2023,
одобрена после рецензирования 23.12.2023,
подготовлена к публикации 23.01.2024.*

Material resources

- Historical Archive of the Omsk region (IAOO) F. 1088 (Economic Committee of the Omsk region). Op. 4. D. 1. (In Russ.).*
- Historical Archive of the Omsk region F. 1088 (Economic Committee of the Omsk region). Op. 4. D. 162. (In Russ.).*
- Russian State Archive of Economics (RGAE) F. 4372 (State Planning Committee of the Council of Ministers of the USSR (Gosplan of the USSR)). Op. 31. D. 1718. (In Russ.).*
- Russian State Archive of Economics F. 4372 (State Planning Committee of the Council of Ministers of the USSR (Gosplan of the USSR)). Op. 36. D. 482. (In Russ.).*
- Russian State Archive of Economics F. 4372 (State Planning Committee of the Council of Ministers of the USSR (Gosplan of the USSR)). Op. 67. d. 7673. (In Russ.).*
- Russian State Archive of Economics F. 4372 (State Planning Committee of the Council of Ministers of the USSR (Gosplan USSR)). Op. 36. D. 669. (In Russ.).*
- Russian State Archive of Economics F. 4372 (State Planning Committee of the Council of Ministers of the USSR (Gosplan USSR)). Op. 67. D. 7672. (In Russ.).*

References

- Burdin, E. A. (2010). Historical aspects and dynamics of the development of Russian hydro-power in the 1900s — 1980s (On the example of the Volga cascade of hydroelectric power plants). *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 12 (2): 107—113. (In Russ.).
- Burdin, E. A. (2010). Historiography of the problem of hydraulic engineering in the Volga region. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 12 (6): 217—223. (In Russ.).
- Burdin, E. A. (2011). The influence of hydraulic engineering on the natural environment of the Volga basin. *History of science and technology*, 4: 13—28. (In Russ.).
- Burdin, E. A. (2010). The main factors of the construction of the Volga cascade of hydroelectric power plants (1930s—1950s). *Bulletin of the Chuvash University*, 2: 3—8. (In Russ.).
- Burdin, E. A. (2011). The main results of design and survey work on the Volga cascade of hydroelectric power plants in the 1930s—1980s. *Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University*, 2 (54): 13—15. (In Russ.).
- Burdin, E. A. (2012). The problem of efficiency of the Volga cascade of hydroelectric power plants. *Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University*, 2: 18—20. (In Russ.).
- Burdin, E. A. (2011). The problem of the influence of hydraulic engineering on the socio-economic sphere of the Volga region. *Bulletin of the Chuvash University*, 4: 18—27. (In Russ.).
- Burdin, E. A. (2012). Volga irrigation: myth or reality? *Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University*, 1: 58—60. (In Russ.).
- Burdin, E. A. (2011). *Volzhsy cascade of hydroelectric power plants: triumph and tragedy of Russia*. Moscow: ROSPEN. 398 p. ISBN 978-5-8243-1564-6. (In Russ.).
- Komgort, M. V., Koleva, G. Y. (2008). The problem of increasing the level of industrial development in Western Siberia and the construction project of the Nizhneobskaya HPP. *Bulletin of Tomsk State University*, 308: 85—91. (In Russ.).
- Komgort, M. V. (2007). On the history of an energy project (Nizhneobskaya HPP and oil and gas prospects of the Tyumen region). *Gorny Vedomosti*, 8 (39): 88—95. (In Russ.).
- Mikheeva, Yu. S. (2016). Environmental risks of the Nizhne-Ob HPP construction project in the North of Western Siberia in the 1950s and 1960s. In: *The North of Russia:*

- strategies and prospects of development materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference*. Surgut: Surgut State University. 244—248. ISBN 978-5-89545-455-8. (In Russ.).
- Mostovenko, M. S. (2021b). Between ecology and hydropower: the role of expert opinion in Soviet hydropower projects in the second half of the 1950s and the first half of the 1960s (on the example of Nizhne-Ob and Nizhne-Volzhskaya HPPs). *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 3 (72): 29—40. DOI: 10.26105/SSPU.2021.72.3.004. (In Russ.).
- Mostovenko, M. S. (2021a). The history of the Omsk hydroelectric power plant: a missed alternative. In: *Cognition and activity: from the past to the present. Materials of the III All-Russian Scientific Conference*. Omsk: Omsk State Pedagogical University. 242—245. ISBN 978-5-8268-2319-4. (In Russ.).
- Nekrasov, V. L., Stafeyev, O. N. (2010). Projects of industrial renewal of the regions of the North of Western Siberia (1950s — the first half of the 1960s). *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 3 (10): 72—83. (In Russ.).
- Nekrasov, V. L., Stafeyev, O. N. (2012). The Nizhne-Ob HPP project (1958—1963): lobbying, creation of a coalition of interests, opportunism. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 4 (19): 175—181. (In Russ.).
- Ryabov, Yu. V., Naumova, N. N. (2015). Energy construction at the Angara: elimination of the threat of biogenic pollution during the construction of the cascade of hydroelectric power plants (1956—1975). *Problems of socio-economic development of Siberia*, 2: 92—96. (In Russ.).
- Ryabov, Yu. V. (2020). Images of flooding of settlements by a hydroelectric power station reservoir in literary texts of the Soviet period as a reflection of the historical epoch. *Problems of socio-economic development of Siberia*, 3: 116—122. (In Russ.).
- Ryabov, Yu. V. (2021). Problems of population resettlement from the flooding zone of the reservoir of the Krasnoyarsk HPP. *Problems of socio-economic development of Siberia*, 4: 147—156. (In Russ.).
- Savchuk, N. V. (2006). *Angara-Yenisei region: socio-ecological problems of economic development (1950—1990)*. Angarsk: AGTA. 293 p. (In Russ.).
- Savchuk, N. V. (2007). *The social sphere of the Angara-Yenisei region in conditions of environmental instability (1950—1990)*. Angarsk: AGTA. 199 p. ISBN 5-89864-067-3. (In Russ.).
- Suturin, S. B. (2011). Interaction of the economic mechanism with environmental protection: historical experience and problems of the Angara-Yenisei region (1960—1990). *Omsk Scientific Bulletin*, 1: 13—16. (In Russ.).
- Vasilyeva, N. O., Tsarev, V. I. (2018). To the history of the Yenisei energy resources research. *Socio-economic and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University*, 2: 104—115. (In Russ.).
- Yanushkin, S. A. (2006). Nature management in the new development area of 1950—1980 (based on the materials of the young towns of the Angara region). *Omsk Scientific Bulletin*, 10: 111—114. (In Russ.).

*The article was submitted 10.10.2023;
approved after reviewing 23.12.2023;
accepted for publication 23.01.2024.*

Информация для цитирования:

Озтюрк М. Сталинградская битва в зеркале региональной британской прессы (на материале газеты «Western Post», 1942—1943) / М. Озтюрк, Ю. Г. Кокорина, М. М. Вагабов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 448—465. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-448-465.

Öztürk, M., Kokorina, Yu. G., Vagabov, M. M. (2024). Stalingrad Battle in Mirror of Regional British Press (*Western Post* Newspaper, 1942—1943). *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 448-465. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-448-465. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-448-465

Сталинградская битва в зеркале региональной британской прессы (на материале газеты «Western Post», 1942—1943)

Озтюрк Мустафа¹

orcid.org/0000-0002-3974-7924

кандидат исторических наук, доцент
кафедры международных отношений
Факультета экономики и управления
mustafaozturk@akseniz.edu.tr

Кокорина Юлия Георгиевна^{2 *}

orcid.org/0000-0002-2496-3958

доктор филологических наук,
кандидат исторических наук, профессор
кафедры «Гуманитарные дисциплины»

** корреспондирующий автор*

kokorina@inbox.ru

Вагабов Махач Мустафиевич²

orcid.org/0000-0002-6949-9490

доктор исторических наук, профессор
кафедры «Гуманитарные дисциплины»
9162803@mail.ru

¹ Университет Акдениз
(Анталья, Турция)

² Московский политехнический
университет
(Москва, Россия)

Stalingrad Battle in Mirror of Regional British Press (*Western Post* Newspaper, 1942—1943)

Mustafa Öztürk¹

orcid.org/0000-0002-3974-7924

PhD in History, Associate Professor,
Department of International Relations,
Faculty of Economics and Management
mustafaozturk@akseniz.edu.tr

Yulia G. Kokorina^{2 *}

orcid.org/0000-0002-2496-3958

Doctor of Philology,
PhD in History, Professor
of the Department of Humanities

** Corresponding author*

kokorina@inbox.ru

Makhach M. Vagabov²

orcid.org/0000-0002-6949-9490

Doctor of History, Professor
of the Department of Humanities
9162803@mail.ru

¹ Akdeniz University
(Antalya, Turkey)

² Moscow Polytechnic University
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о представлении событий Сталинградской битвы в прессе Великобритании. Уделяется внимание отражению событий битвы на Волге в региональной британской прессе. Поднимается вопрос о специфике отражения событий битвы на Волге газетой «Western Post»). Особое внимание уделяется публикациям газеты на этапе оборонительных боев и в ходе контрнаступления советских войск, получившего название «Операция «Уран»». Выполнен обзор всех номеров газеты 1942—1943 годов, посвященных Сталинградской битве. Новизна исследования видится в том, что в научный оборот вводится новый исторический источник, практически не известный как российскому, так и мировому читателю. Обычно в историографии рассматриваются материалы центральной прессы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью раскрытия нового ракурса в исследовании британской прессы времен войны. Авторы останавливаются на таких ракурсах представления «Western Post» ситуации в Сталинграде, как мужество советских солдат и профессионализм командования, героизм гражданского населения. Доказано, что местная британская пресса времен Второй мировой войны давала в целом объективную картину битвы на Волге, но уделяла событиям на Восточном фронте намного меньше внимания, чем операциям в Северной Африке и Средиземноморье.

Ключевые слова:

британская пресса; Вторая мировая война; Сталинградская битва; газета Western Post.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Representation of the Stalingrad Battle in the British Press is examined in this study, with a focus on the coverage of events on the Volga in the regional British press. The specific portrayal of the Stalingrad Battle in the *Western Post* newspaper is analyzed, particularly during the defensive battles and the Soviet counteroffensive known as “Operation Uranus.” A review of all issues of the newspaper from 1942-1943 dedicated to the Stalingrad Battle is conducted. The novelty of this research lies in the introduction of a new historical source that is virtually unknown to both Russian and global readers. Typically, historiography examines materials from the central press. The relevance of this study is justified by the need to reveal a new perspective in the examination of the British press during wartime. The authors focus on how the *Western Post* portrayed the courage of Soviet soldiers, the professionalism of command, and the heroism of civilians in Stalingrad. It is proven that the local British press during World War II provided an overall objective picture of the battle on the Volga but paid less attention to events on the Eastern Front compared to operations in North Africa and the Mediterranean.

Key words:

British press; World War II; Stalingrad Battle; Western Post newspaper.

Сталинградская битва в зеркале региональной британской прессы (на материале газеты «Western Post», 1942—1943)

© Озтюрк М., Кокорина Ю. Г., Вагабов М. М., 2024

1. Введение = Introduction

Британская пресса является одной из старейших в мире, и позиция ее газет оказывала и оказывает сильнейшее влияние на трактовки событий международной жизни средствами массовой информации различных стран. Анализ информации, которую доносили британские СМИ до своей целевой аудитории с целью формирования мнения о событиях Второй мировой войны, позволяет выявить характер отбора этой информации, уточнить, что оказывалось в центре внимания британских корреспондентов, а что от этого внимания ускользало. Особенно актуальным данный ракурс исследования представляется применительно к событиям Второй мировой войны и такого ее переломного этапа, как битва на Волге, 80-летие которой отмечалось в 2023 году. Трактовка этих событий является объектом ведущейся против России информационной войны, которая имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, западный читатель, особенно молодежь, получает искаженную информацию о событиях тех лет. С другой стороны, у российского читателя складывается негативное отношение к западным СМИ как создателям заведомо ложной информации. Раскрытие реальной ситуации, существовавшей на страницах не только центральной, но и региональной прессы времен Второй мировой войны, является одной из задач данного исследования.

Как будет показано далее, проблемы представления событий Второй мировой войны рассматривались в российской историографии преимущественно на материале центральных британских газет. При этом отношение к союзникам диктовалось имевшей место политической конъюнктурой. В годы войны советская пропаганда получает указания о необходимости «усиления ее “наступательного характера” — в первую очередь в отношении союзников по антигитлеровской коалиции. По свидетельству очевидца, в декабре 1942 года руководитель Совинформбюро С. А. Лозовский “собрал писателей, работающих в Совинформбюро, и ругательски ругал перед ними союзников и, в частности, Англию, называя их и некультурны-

ми, обманщиками и т. д.”. Выступление Лозовского произвело настолько большое впечатление, что среди интеллигенции возникли предположения о серьезном конфликте с Англией» [Враги ..., 2005].

В 1985 году российский читатель получил возможность составить мнение об отдельных сторонах реакции прогрессивных, в том числе британских, центральных СМИ и политиков разного толка на события в СССР во время войны [Величие подвига ..., 1985]. Советский исследователь М. И. Семиряга одним из первых в отечественной историографии провел комплексное исследование отношения как советской, так и английской и американской прессы к событиям Сталинградской битвы и пришел к выводу о том, что в Англии и США в целом объективно оценивали итоги Сталинградской битвы и «осознавали, что Россия в своей героической борьбе оказывает союзным странам по антигитлеровской коалиции ни с чем не сравнимую помощь в борьбе с общим врагом» [Цит по: Семикин и др., 2023, с. 211]. Всесторонний анализ взаимоотношений СССР и Великобритании в гуманитарной, научной, культурной областях проведен в 1990-е годы в работе [Мыцык, 1993] с использованием широкого круга источников, в том числе и архивных материалов.

В последние годы выходят публикации, посвященные особенностям взаимоотношений государственных органов и центральных СМИ Великобритании в годы Второй мировой войны. Политику коалиционного правительства У. Черчилля в отношении центральных радио и прессы рассматривают в своей статье В. В. Малаховская и А. К. Малаховский [Малаховская и др., 2019]. Проблемы отражения событий битвы на Волге в мировой прессе стали предметом обсуждения на 5-й Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Сталинградской битвы, которая проходила в Москве 23 октября 2023 года [Сталинградская битва, 2023].

Мы обращаем внимание на региональную британскую прессу и ее видение событий Сталинградской битвы, в чем заключается принципиальная новизна данного исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования стали публикации в газете «Western Post» («Западная почта») 1942—1943 годов, посвященные Сталинградской битве. В научный оборот вводится новый исторический источник, не переводившийся ранее на русский язык. Мы искренне благодарим Гаррета Джонса (Gareth Jons) за предоставленную возможность ознакомиться с материалами издания. Целью нашей работы стало выявление особенностей освещения событий битвы на Волге в региональной британской газете, относящейся к периоду Второй мировой войны.

«Western Post» — издание, малознакомое российскому читателю, поэтому считаем необходимым привести небольшую историческую справку о нем. Газета была основана в 1869 году в Кардиффе маркизом графства Бьют, впоследствии же она принадлежала угольным и металлургическим корпорациям Уэльса. Газета позиционировала себя как выразительница собственно «уэльского» взгляда на события и была рассчитана на рабочую аудиторию Уэльса. Выходила ежедневно и продавалась по доступной цене (один пенни), статьи печатались не только на английском, но и на валлийском языке. Однако рабочие считали ее выразительницей идеологии крупных корпораций, и в пограничном с Англией Южном Уэльсе она продавалась значительно активнее, чем на севере региона [British Newspapers Online].

Нами рассмотрены все номера газеты за 1942—1943 годы. Газета выходила ежедневно, и мы проанализировали все номера, содержавшие публикации о Сталинградской битве. Таких номеров насчитывается 17.

Обращение к источнику, относящемуся к британским региональным СМИ, не случайно. Захват немецкими войсками Сталинграда мог бы повлечь за собой резкое ухудшение положения на южном фланге советско-германского фронта. Весь мир внимательно следил за событиями на Волге. «Особенно пристально вглядывались в происходящее англичане, которые с трудом противостояли натиску гитлеровских люфтваффе и кингсмарине на Британские острова, что служило прологом для ожидаемого масштабного вторжения вермахта, которое Великобритании самостоятельно вряд ли бы удалось отразить. Вот почему подданные короля Георга VI внимательно следили за эпопеей обороны советскими войсками Сталинграда» [Алексеев, 2023, с. 21]. Не случайно центральный орган британского правительства — газета «Таймс» — в августе 1942 года с озабоченностью отмечает: «Падение Сталинграда впервые за всю войну может расколоть армию и отрезать войска, сражающиеся в Центральной России, от поставок нефти из Баку <...> Его потеря нанесет более серьезный удар по промышленности, чем падение Харькова» [Что стоит на кону ..., 1942]. Поэтому представляется актуальным рассмотрение того, как освещала события Сталинградской битвы британская пресса, причем не только центральная, но и региональная. В качестве такого источника нами избрана «Western Post», которая является новым для российского читателя историческим документом. Изучение издания мы считаем целесообразным проводить в ракурсе современного междисциплинарного направления, которое развивается в Германии и Франции в продолжение школы «Анналов», поставившей проблему «чужого в культуре» — имагологии. «Основные понятия — имагема, или национальный образ, национальные стереотипы. В основе концепции лежит предположение, что любая культура делится на свою и чужую, причем своя воспринима-

ется как “естественная”, сама собой разумеющаяся, а чужая — нет. Сприкосновение с другой культурой, взаимодействие с ней вызывает ощущение и понимание относительности ценностей, культур и самой социальной реальности» [Сенявская, 2006, с. 8]. Объективно корреспонденты «Western Post» военных лет создавали у читателя два «образа чужого»: «образ врага» — фашистской Германии и ее сателлитов — и «образ друга» — СССР, союзником которого во Второй мировой войне являлась Великобритания. Концепция «образа врага» более детально разработана в российской историографии, и итоги этих трудов подведены в процитированной нами работе Е. С. Сенявской [Сенявская, 2006]. Концепция создания «образа друга» на материале источников военной поры в отечественной науке находится на начальном этапе разработки, и ссылки на работы этого круга приведены в указанной монографии Е. С. Сенявской [Сенявская, 2006].

Всестороннее рассмотрение региональной британской прессы эпохи Второй мировой войны в ракурсе имагологии является темой отдельного исследования. Мы изучаем специфику представления «образа чужого» в публикациях «Western Post», специально посвященных событиям Сталинградской битвы.

Анализ публикаций «Western Post» о битве на Волге проводим в хронологическом порядке выхода номеров. В 1942—1943 годах издание обращается к событиям под Сталинградом 17 раз. Для ежедневной газеты это число невелико, но тем показательнее отношение редакции к происходящим событиям. Рассмотрение публикаций в хронологическом порядке позволяет проследить изменение их тональности на протяжении двух этапов: оборонительного периода (июль — ноябрь 1942) и наступательной операции советских войск «Уран» (ноябрь 1942 — февраль 1943).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Western Post» об оборонительном этапе Сталинградской битвы (июль — ноябрь 1942 года)

Выше мы приводили слова центральной правительственной «Таймс» о ситуации под Сталинградом. По мнению корреспондента «Таймс», советский народ «уже сейчас переживает шок из-за того, что захватчик достиг «матери Волги», их гордости и легенды» [Что стоит на кону ..., 1942]. «Western Post», используя материалы других изданий, в частности «Новостей Южного Уэльса» (Southern Wals News), публикует статью под названием «Кризис». В ней отмечается: «Военная ситуация на Южном фронте в России критическая. Противник продвигается быстрыми шагами, и все усилия маршала Тимошенко стабилизировать линию обороны разрушены еще до полного ее завершения» (здесь и далее перевод наш. — М. О., Ю. К.,

М. В.) [Crisis ..., 1942, p. 1]. Издание отмечает, что «шестидесяти дней было достаточно, чтобы Франция была повержена. Гитлер считает, что сейчас пришло время победить Россию» [Ibid]. Далее газета рассуждает о возможных изменениях на карте мира в связи с успехами Германии. При этом решающая роль отводится усилиям союзников на североафриканском фронте [Ibid]. Но настороженное отношение к событиям у Сталинграда сменяется заголовком «Тимошенко разгромил немецкое наступление под Сталинградом». Газета восторженно сообщает: «Маршал Тимошенко, проведя четыре мощнейших контратаки, разгромил немецкое наступление под Сталинградом и укрепил свои позиции. Используя последние резервы, немецкий генеральный штаб направил их против советских пехотных дивизий на подходе к реке Дон, юго-западнее Сталинграда. Советское командование избрало этот момент для умело сконцентрированной и ожесточенной атаки по фронту и с флангов, которая способствовала продвижению вперед» [Timoshenko smashes, 1942, p. 1]. Аналитик «Western Post» с удивлением пишет о «сотнях танков», вышедших из цехов Сталинградского тракторного завода и тут же вступавших в бой, что способствовало отражению немецких ударов.

На первой полосе газета помещает статью «Заводы Сталинграда держатся: нацисты мобилизуют резервы из Крыма» [Stalingrad factories, 1942, p. 1], в которой констатирует: «Неделя прошла со дня заявления Гитлера о том, что Сталинград взят, но его гарнизон продолжает сдерживать наступление армии Гота» [Ibid]. Не скрывая восхищения, корреспондент пишет: «Генерал Родимцев и его великолепные гвардейцы, поддержанные тяжелой артиллерией, сдержали штурм 30 тысяч солдат и 100 танков» [Ibid]. Корреспондент восхищается советскими солдатами, которые «открыли, что доты и погребя под разрушенными домами являются хорошей защитой от атак с воздуха. Не боясь того, что дома упадут на них, они стряхивают пыль со своей одежды и встречают цепи немецких солдат ураганным огнем» [Ibid]. Газета восхищается не только героизмом советских солдат, но и дальновидностью командования Красной Армии, отмечая, что «благодаря воздушной разведке советское командование не дает себя обмануть и предпринимает контратаки, которые являются для врага полной неожиданностью» [Ibid]. Это и заставляет фашистов использовать резервы, расположенные в Крыму.

«Western Post» публикует обзор под названием «Удары немцев по Сталинграду отражены по всему фронту» с подзаголовком «Русские вернули утраченные земли» [German's Stalingrad thrusts, 1942, p. 1], в котором констатирует: «Все попытки штурма Сталинграда, продолжающиеся уже пятую неделю, отражены по всему фронту севернее и южнее города» [Ibid]. Издание отмечает, что, «имея численное превосходство в людях и танках, маршал Тимошенко ввел в бой значительные артиллерийские резервы, создав

настоящий огненный вал против вражеской бронетехники» [Ibid]. «Western Post» внимательно следит за развитием событий, публикуя на первой полосе подборку статей под общим заголовком «Битва под Сталинградом достигла решающей фазы», в которой отмечает, что, «обрушив ураганное наступление 20 тысяч пехотинцев при поддержке 100 танков и нескольких сотен мотострелков, немцы захватили несколько улиц в промышленном поселке на северной части города» [Decisive phase, 1942, p. 1], подчеркивая, что это наступление стоило фашистам значительных потерь: свыше двух тысяч немецких солдат погибли и более 60 танков были подорваны. Несмотря на то, что силы Люфтваффе атаковали набережную Волги, в течение нескольких часов 51 немецкий танк был подбит, а сотни немецких пехотинцев были уничтожены прицельным огнем советских снайперов на территории города. Газета констатирует: «Боевые порядки фашистов разрушены» [Ibid] — и строит прогнозы о возможности победы советских войск.

«Western Post» отмечает в конце октября 1942 года, что «атаки на Сталинград ослабевают» [Attack on Stalingrad, 1942, p. 1], а «силы немецких войск истощились» [Ibid]. Со ссылкой на московское радио газета сообщает, что «в борьбе за фабричный поселок, которая занимает центральное место в Сталинградской битве, немецкие войска атакуют силами более чем четырех пехотных дивизий и одной танковой дивизии, используя поддержку с воздуха» [Ibid], причем, не смотря на значительные потери, «немецкие войска не оставляют своих попыток захватить город любой ценой, истощая резервы и оголяя тылы в ходе новых атак» [Ibid]. Газета приводит высказывание Гитлера о том, что немецкая армия сотрет с лица земли город путем систематического применения тяжелой артиллерии, указывая, что «советское командование отреагировало на это заявление сдержанно и отнеслось как к чистому запугиванию» [Ibid]. Журналист поддерживает мнение советской стороны, отмечая, что дальнобойная советская артиллерия с противоположного берега Волги наносит чувствительные ответные удары по скоплениям немецких войск. Сочувственно отзываясь о мужестве советских войск, газета указывает на причину имеющихся трудностей: «Успешное продвижение войск маршала Тимошенко между Доном и Волгой с целью перерезать немецкие линии коммуникаций следует признать недостаточным. Трудности связаны с тем, что Красная Армия встречает сильное противодействие» [Ibid]. «Western Post» раскрывает перед своими читателями причины неудач и немецких войск: «линия на «активную оборону» немецких войск в степях к северо-западу от Сталинграда может быть правильной только в том случае, если в ход будут брошены резервы, тогда как немецкие пехотинцы и саперы не могут справиться с задачей, поставленной в ходе последних атак, без использования резервов, кото-

рые могут быть взяты в немецком тылу» [Ibid]. Корреспондент отмечает моральное разложение немецкой армии, с возмущением констатируя, что солдаты Германии идут в атаку, прикрываясь живым щитом из захваченных русских женщин и детей. «Немцы используют эту козырную карту в случае своих крайних затруднений. Она была использована в ходе бесплодных попыток взять Москву в прошлом году» [Ibid].

Газета использует публикации Александра Верта, который был корреспондентом радио Би-Би-Си на Сталинградском фронте и вел радиопередачу «Русские комментарии», пользовавшуюся большой популярностью [Александр Верт]. Симпатии публициста — на стороне СССР. Об этом свидетельствуют слова аналитика о том, что «общая ситуация под Сталинградом изменилась к лучшему. Вокруг города, и, в особенности, на его северо-западных окраинах, где немцы заняли несколько районов, оборона города приняла характер позиционной войны» [Werth, 1942, p. 1]. Он сочувственно относится к действиям Красной Армии, отмечая, что «контратаки советских войск были весьма успешны, немцы были выбиты из нескольких улиц в пятницу и вчера подвергнуты преследованию» [Ibid]. Репортер отмечает, что обе стороны превратили каменные дома в настоящие огневые точки, но большего успеха в создании целых укрепленных районов на территории города, в том числе и путем захвата укрепленных пунктов немцев, добилась Красная Армия [Ibid]. Александр Верт, прекрасно владевший русским языком, сочувственно цитирует советскую газету «Красная Звезда», в частности, слова о том, что «задачей защитников города является, несмотря на трудности, очистить окраины от немцев, где фашисты вклинились в советскую оборону. Сильные неприступные оборонные позиции должны быть организованы на улицах Сталинграда, о которые фашисты сломают свои зубы» [Ibid]. При этом «Western Post» отмечает, что это — «не благочестивые намерения, а четко указанные границы практически возможного» [Ibid]. Журналист с прискорбием констатирует, что противников разделяют часто 35 ярдов и «кровавопролитные уличные бои, которые продолжаются много дней, и от современного города, которым был Сталинград, осталось очень мало, только кучи щебня» [Ibid]. Указывая на прибытие сибирских дивизий в Сталинград, обозреватель отмечает, что «это является индикатором того, что сдача Сталинграда не является заранее продуманным решением, а новые резервы могут быть переправлены через Волгу, и запасы продовольствия могут быть отправлены по секретным городским путям снабжения, что дает возможность не только держаться, но и перейти в наступление против немцев» [Ibid]. Британские журналисты пишут в основном об успехах войск. Тем ценнее замечание газеты о героизме гражданского населения; в частности, о том, что «рабо-

чие батальоны строят баррикады в Сталинграде. Эти батальоны состоят из волжских матросов и водителей-испытателей, которые вышли на битву в тренировочных танках и разбили новейшие танки нацистов, прорвавшись в южную часть города» [Ibid].

На первой полосе газета публикует статью Гарольда Кинга «Об изменении течения битвы за Сталинград», в которой обозреватель рассматривает успехи войск маршала Тимошенко, усиленных резервами, не только в обороне города, но и в наступательных действиях, которые привели к освобождению стратегически важных пунктов [King, 1942, p. 1]. Газета публикует на первой полосе статью упоминавшегося выше Александра Верта под красноречивым названием «Как долго может держаться город?» [Werth, 1942, p. 1], в которой рассуждает: «Сейчас истекло четыре месяца, и пришел предел человеческим возможностям. Кто достигнет предела возможностей раньше — русские или немцы, и когда?» [Ibid]. Ответом на этот вопрос является рассказ автора о подвиге женщин Сталинграда, выживавших раненых советских солдат под огнем противника. Обозреватель специально подчеркивает, что они принадлежали к гражданскому населению и, оставаясь в городе, спасали красноармейцев [Ibid].

3.2. «Western Post» о ходе контрнаступления под Сталинградом (ноябрь 1942 — февраль 1943)

Обозреватель Гарольд Кинг в своей статье «Контрудар под Сталинградом повернул фашистов вспять» констатирует, что Красная Армия своими мощными ударами заставила перейти немецкие войска к обороне, а «русские отбили все вражеские атаки и продолжают наступление по нескольким направлениям» [King, 1942a, p. 1]. Журналист отмечает, что положение на Кавказе остается угрожающим, но советские войска «удерживают свою землю против танковых атак на Минеральные воды в предгорьях Кавказа» [Ibid]. Корреспондент акцентирует внимание читателей на мужестве советских пехотинцев, сражающихся против танковых соединений врага и освобождающих стратегически важные населенные пункты под Сталинградом. Британский автор указывает, что «события последних дней знаменуют собой поворотную точку в войне, и события происходят с нарастающей скоростью» [Ibid], а советское командование «замкнуло клещи вокруг немецких сил» [Ibid].

Примечательно, что газета проводит связи между победами советских войск под Сталинградом и битвой за Кавказ, указывая, что «битва в горах является решительным этапом борьбы за Кавказский хребет, который немецкие войска пытаются захватить из последних сил» [Decisive phase, 1942, p. 1], и акцентирует внимание на боях за Новороссийск, которые связаны с захватом стратегически важных доминирующих высот. Газета

констатирует падение морального духа в немецких войсках под угрозой окружения [Ibid].

В номерах «Western Post», датируемых декабрем 1942 года, отмечается, что Сталинград не только выстоял, но Красная Армия развивает наступление. Газета подчеркивает масштаб битвы, в которой «небывалой концентрации достигли танковые, артиллерийские, воздушные и людские силы, сошедшиеся в противостоянии за город, и Степной Фронт в ходе контрнаступления прорвал линию обороны армии “Дон” и отогнал врага на 40 миль от города, продолжая развивать наступление» [Stalingrad holds, 1942, p. 1].

В декабрьских номерах издание с восторгом отмечает: «Русские достигают больших успехов на двух фронтах: приобретения под Сталинградом» [Russian hitting back, 1942, p. 1], констатируя, что «операции Красной Армии на двух основных фронтах на Юге России достигли масштабного успеха и летние планы Гитлера перерезать жизненно важную артерию, которой является Волга, и этим досадить маршалу Жукову полностью провалились» [Ibid]. Корреспондент сочувственно говорит о советских солдатах: «В некоторых районах советские войска (их глаза покраснели от отсутствия сна, их лица спокойны и тверды) отбросили немцев назад. В одном направлении продвижение советских войск достигло полутора миль, и сейчас, как молотом, они громят немецкую оборону в жестокой битве на уничтожение» [Ibid]. Указывая на советское продвижение к Воронежу, газета с иронией отмечает, что «продолжающееся успешное наступление русских в этом регионе является ахиллесовой пятой фон Бока, в ходе наступления Советы отрезают ему дорогу на юг и подвергают опасности его позиции, изобличая их слабость на Волге» [Ibid]. Указывая на продвижение войск маршала Тимошенко к Харькову как на закономерное развитие успеха под Сталинградом, газета подчеркивает, что переход немецких войск к обороне является фактом, несмотря на заявления официальных лиц Германии [Ibid]. Немецким войскам не помогает и сверхтяжелая артиллерия, перемещенная из Крыма, где в атаках на Севастополь применялись 20-дюймовые мортиры. Газета отмечает, что «русские нашли свой собственный ответ в виде ракетной артиллерии, которую немцы называют “сталинским органом”» [King, 1942, p. 1].

3.3. «Western Post» о завершающем этапе Сталинградской битвы

Публикации «Western Post» 1943 года выходят под восторженными заголовками: «Последний раунд битвы за Сталинград: наступления по всем фронтам» [King, 1943, p. 1]. Гарольд Кинг, автор статьи, отмечает, что «тысячи закаленных в боях советских войск сегодня готовятся двинуться из Сталинграда на другие фронты, тогда как гвардия генерала Родимцева смыкает с лица земли, словно шваброй, остатки немецкой армии» [Ibid].

Описывая наступление советских войск по всему фронту от Воронежа до Ростова, корреспондент восхищается мужеством советских артиллеристов, которые «сегодня обстреливают последние два района немецкого сопротивления в черте Сталинграда» [Ibid]. Газета отмечает, что, «согласно последним сведениям, отчаянное сопротивление немцев идет на убыль. Число окруженных растет многократно» [Ibid]. Негативное и ироничное отношение к противнику сквозит в словах издания: «Советские пушки сейчас обстреливают позиции немцев с двух сторон, немцы выглядят растерянными, угрюмыми и испуганными, подобно овцам» [Ibid]. Корреспондент приводит слова генерал-майора Родимцева в ответ на появление советских тяжелых танков в городе: «Это — самый счастливый день в моей жизни. Мы ждали вас и удержали Сталинград. Сейчас вы прибыли. Приветствуем вас от имени защитников Сталинграда» [Ibid].

«Сокрушительные удары русских опрокидывают оборону фашистов» [Russians smashing, 1943, p. 1], — так называется статья, размещенная на первой полосе одного из номеров «Western Post» в феврале 1943 года и рассказывающая об успехах Советской Армии как следствии победы под Сталинградом. Специальную заметку посвящает газета рассказу о символическом даре народа Соединенного Королевства от лица короля Георга VI защитникам Сталинграда «в знак восхищения со стороны его лично и всех подданных Великобритании» [The King's gift, 1943, p. 1]. Издание публикует телеграмму, направленную английским монархом Председателю Верховного Совета СССР М. И. Калинин, в которой, в частности, отмечается, что «именно беспрецедентное сопротивление Сталинграда стало предвестником сокрушительного удара, который был нанесен по врагам цивилизации и свободы» [Ibid]. В телеграмме Георг VI говорит о своем распоряжении изготовить памятный меч — дань восхищения британцев мужеством защитников города, и газета приводит выдержки из благодарственной телеграммы И. В. Сталина. «Western Post» рассказывает о мероприятии к 25-летию Красной Армии, которое состоялось в Алберт-Холле и включало выступление министра иностранных дел Британской Империи Энтони Идена; наряду с официальными лицами в мероприятии участвовали тысячи лондонцев. Газета приводит слова генерала МакАртура: «Товарищи, трудно выразить то восхищение, которое переполняет членов Британского Союза героической борьбой России против нацистской Германии. Народы Америки и Великобритании полны решимости разгромить фашистов» [Ibid].

4. Заключение = Conclusions

Итак, мы привели обзор публикаций газеты «Western Post» на каждом из этапов Сталинградской битвы. Следует отметить, что публикации, посвя-

щенные битве на Волге, занимали первые полосы издания, часто сопровождалась фотографиями. Но, видимо, и это выглядит закономерным, редакция использовала материалы информационных агентств, в частности, много ссылок на «Рейтер». Статьи, как правило, не имеют указания на авторство, что позволяет считать их отражающими точку зрения редакции. В редакционных статьях даны ссылки на Московское радио и газету «Красная Звезда», что говорит о доверии «Western Post» к официальным информационным органам СССР и стремлении донести до своего читателя точку зрения советского правительства. Своих фронтовых корреспондентов местная газета, видимо, не имела, аналитические статьи о битве на Волге готовили обозреватель информационного агентства «Рейтер» Гарольд Кинг (Harold King) и Би-Би-Си Александр Верт (Alexander Werth). Как и правительственная «Таймс», «Western Post» в своих редакционных статьях и аналитических обзорах указывает, что видит истоки успехов советской стороны под Сталинградом в мужестве Красной Армии и полководческом искусстве командования. Неоднократны упоминания о численном превосходстве советских войск, особенно на этапе контрнаступления. Газета представляет советских солдат суровыми воинами, бесстрашно идущими в бой против превосходящих сил фашистов. Как отмечает маршал Г. К. Жуков, в начале обороны города на Волге «соотношение сил составляло: по людям — 1,4 : 1, по орудиям и минометам — 1 : 1, по танкам — 2 : 1, по самолетам 5,5 : 1 в пользу противника» [Жуков, 1969, с. 391—392]. Советская историография подчеркивает героизм не только солдат, но и гражданского населения города. «Western Post» описывает как нечто исключительное возведение «рабочими батальонами», как она их называет, укреплений на территории Сталинграда, победу «учебных танков» над новейшими бронированными машинами гитлеровцев, героизм сталинградских женщин, выхаживавших раненых красноармейцев. С этими восторженными строками контрастируют характеристики немецкой тактики использования «живого щита» из советских пленных женщин и детей, которую газета считает признаком морального разложения армии, сравниваемую со стадом овец.

Газета перепечатывает телеграмму короля Великобритании Георга VI, адресованную советскому руководству, и ответ на нее И. В. Сталина не только как дань необходимости публиковать официальные документы, но и с целью еще раз подчеркнуть величие подвига защитников Сталинграда, дополнительным свидетельством чего является описание торжеств в Альберт-Холле и цитирование слов генерала МакАртура, приведенное нами выше.

Примечательно, что в одних и тех же материалах, посвященных сражениям за Сталинград, газета неоднократно упоминает события на кавказском фронте. Хотя анализ этих элементов публикаций не входит в нашу

задачу, отметим факт осознания британским изданием взаимосвязанности этих событий и стремления информировать своих читателей о них.

Таким образом, региональная британская пресса, примером которой может служить газета «Western Post», стремилась дать объективную картину битвы на Волге. Эта картина создавалась с опорой на официальные источники и имела целью создать у читателя благоприятный образ сражающегося с врагом советского народа. Информация, которая предлагалась аудитории читателей газеты в годы Второй мировой войны, носила правдивый характер. Но не стоит преувеличивать степень внимания, которое уделяли британские СМИ, в том числе и региональные, событиям на фронтах Великой Отечественной войны. «Western Post» была ежедневным изданием, а событиям под Сталинградом уделяла внимание всего в тридцати номерах, подробно — в семнадцати. Хотя публикации выходили на первых полосах газеты, их было не более одной в одном номере из указанных (только один раз нам встретились две статьи о событиях в Сталинграде, опубликованные в одном номере газеты). Куда больше внимания уделялось событиям в Италии и Северной Африке, английским морякам или летчикам [Last minute, 1942, p. 1]. Эта тенденция была свойственна британской прессе в целом [Кайгусуз и др., 2023]. Тем не менее положительное, а иногда и восхищенное отношение к победам советского оружия под Сталинградом является фактом, который вытекает из анализа номеров газеты. Продолжением нашего исследования может быть сравнительный анализ тематики центральной британской прессы и региональных изданий, в том числе и библиометрическими методами, а также рассмотрение сообщений «Western Post» в контексте публикаций английской прессы времен Великой Отечественной войны.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Что стоит на кону.* От нашего дипломатического корреспондента [Электронный ресурс] // «Таймс». — 1942. 7 сентября. — Режим доступа : <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/343323-stalingrad-velichayshiy-proval-gitlera-1942-1943-stalingradskaya-bitva-glazami-amerikanskikh-i-britanskikh-zhurnalistov?view=grid> (accessed 17.08. 2023).
2. *Attack on Stalingrad flagging* // Western Post[newspaper]. — 1942. — October 17. — P. 1.
3. *Crisis* // Western Post : [newspaper]. — 1942. — August 12. — P. 3.
4. *Decisive phase reached in Battle of Stalingrad* // Western Post[newspaper]. — 1942. — October 13. — P. 1.

5. *German's Stalingrad thrusts held on all fronts* // Western Post [newspaper]. — 1942. — August 14. — P. 1.
6. *King H. Heavy artillery duel over Stalingrad* / H. King // Western Post [newspaper]. — 1942. December 25. — P. 1.
7. *King H. Last round of battle of Stalingrad : advances of all fronts* / H. King // Western Post [newspaper]. — 1943. January 28. — P. 1.
8. *King H. Stalingrad counter-blow drive nazis back* / H. King // Western Post [newspaper]. — 1942. November 18. — P. 1.
9. *King H. Turn of the tide in battle of Stalingrad* // Western Post [newspaper]. — 1942. November 24. — P. 1.
10. *Last minute scenes on carrier eagle* // Western Post[newspaper]. — 1942. August 14. — P. 1.
11. *Russian hitting back on two fronts : gains at Stalingrad* // Western Post [newspaper]. — 1942. December 23. — P. 1.
12. *Russians smashing blows cut through nazi lines* // Western Post[newspaper]. — 1943. February 6. — P. 1.
13. *Stalingrad factories hold : nazis call up Crimea reserves* // Western Post [newspaper]. — 1942.— November 15. — P. 1.
14. *Stalingrad holds as relief push grows* // Western Post [newspaper]. — 1942. — December 8. — P. 1.
15. *The King's gift to Stalingrad* // Western Post[newspaper]. — 1943. February 18. — P. 1.
16. *Timoshenko smashes German Stalingrad thrust* // Western Post [newspaper]. — 1942. — August 13. — P. 1.
17. *Werth A. How long can city hold out? / A. Werth* // Western Post [newspaper]. — 1942. — November 24. — P. 1.
18. *Werth A. Stalingrad holds : counter-attack successes / A. Werth* // Western Post[newspaper]. — 1942. — October 14. — P. 1.

Литература

1. «Враги второй очереди» : советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. — 2005. — Выпуск V. — С. 320—359.
2. *Александр Верм* — о писателе [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.livelib.ru/> (дата обращения 08.01.2023).
3. *Алексеев В. В. Эхо Сталинградской битвы в общественном сознании англичан в период Второй мировой войны / В. В. Алексеев* // Сталинградская битва : правда и вымыслы (по материалам мировой печати) : материалы 5-й Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Сталинградской битвы (Россия, Москва, 23 октября 2023 г). — Москва : Московский Политех, 2023. — С. 20—25.
4. *Величие подвига советского народа : Зарубежные отклики и высказывания 1941—1945 годов о Великой Отечественной войне / А. И. Бабин и др.* — Москва : Международные отношения, 1985. — 384 с.
5. *Жуков Г. К. Воспоминания и размышления / Г. К. Жуков.* — Москва : Издательство Агентства печати «Новости», 1969. — 734 с.
6. *Кайгуз Д. «Я разделяю восхищение моего народа славными подвигами Советских вооруженных сил» : газета «Британский союзник» о Сталинградской битве /*

Д. Кайгусуз, Ю. Г. Кокорина, М. М. Вагабов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 330—345. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-330-345.

7. Малаховская В. В. Британские СМИ в период Второй мировой войны : особенности функционирования [Электронный ресурс] / В. В. Малаховская, А. К. Малаховский // Манускрипт. — 2019. — Режим доступа : gramota.net/materials/9/2019/1/14.html (дата обращения 08.05.2023).

8. Мыцык Л. Н. Общественно-политические, научные и культурные связи СССР и Великобритании в годы Великой Отечественной Войны (1941—1945 гг.) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Л. Н. Мыцык. — Москва, 1993. — 21 с.

9. Семикин Д. В. Специфика освещения событий Сталинградской битвы зарубежными журналистами / Д. В. Семикин, Ю. Г. Семикина // Сталинградская битва : правда и вымыслы (по материалам мировой печати) : материалы 5-й Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Сталинградской битвы (Россия, Москва, 23 октября 2023 г). — Москва : Московский Политех, 2023. — С. 211—214.

10. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века : Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е. С. Сенявский. — Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 288 с. — ISBN 5-8243-0782-2.

11. Сталинградская битва : правда и вымыслы (по материалам мировой печати) : материалы 5-й Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Сталинградской битвы (Россия, Москва, 23 октября 2023 г). — Москва : Московский Политех, 2023. — С. 20—25. — ISBN 978-5-276-02819-4.

12. *British Newspapers Online* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.britishpapers.co.uk/wales/western-mail/> (accessed 04.01.2024).

Статья поступила в редакцию 12.10.2023,
одобрена после рецензирования 15.01.2024,
подготовлена к публикации 23.01.2024.

Material resources

Attack on Stalingrad flagging. (1942). *Western Post*[newspaper]. October 17. P. 1.

Crisis. (1942). *Western Post*: [newspaper]. August 12. P. 3.

Decisive phase reached in Battle of Stalingrad. (1942). *Western Post*[newspaper]. October 13. P. 1.

German's Stalingrad thrusts held on all fronts. (1942). *Western Post* [newspaper]. August 14. P. 1.

King, H. (1942). Heavy artillery duel over Stalingrad. *Western Post* [newspaper]. December 25. P. 1.

King, H. (1943). Last round of battle of Stalingrad: advances of all fronts. *Western Post* [newspaper]. January 28. P. 1.

King, H. (1942). Stalingrad counter-blow drive nazis back. *Western Post* [newspaper]. November 18. P. 1.

King, H. (1942). Turn of the tide in battle of Stalingrad. *Western Post* [newspaper]. November 24. P. 1.

Last minute scenes on carrier eagle. (1942). *Western Post*[newspaper]. August 14. P. 1.

Russian hitting back on two fronts: gains at Stalingrad. (1942). *Western Post* [newspaper]. December 23. P. 1.

- Russians smashing blows cut through nazi lines. (1943). *Western Post [newspaper]*. February 6. P. 1.
- Stalingrad factories hold: nazis call up Crimea reserves. (1942). *Western Post [newspaper]*. November 15. P. 1.
- Stalingrad holds as relief push grows. (1942). *Western Post [newspaper]*. December 8. P. 1.
- The King's gift to Stalingrad. (1943). *Western Post [newspaper]*. February 18. P. 1.
- Timoshenko smashes German Stalingrad thrust. (1942). *Western Post [newspaper]*. August 13. P. 1.
- Werth, A. (1942). How long can city hold out? *Western Post [newspaper]*. November 24. P. 1.
- Werth, A. (1942). Stalingrad holds: counter-attack successes. *Western Post [newspaper]*. October 14. P. 1.
- What is at stake. From our diplomatic correspondent. (1942). "Times". September 7. Available at: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/343323-stalingrad-velichayshiy-proval-gitlera-1942-1943-stalingsradskaia-bitva-glazami-amerikanskikh-i-britanskikh-zhurnalistsov?view=grid> (accessed 17.08. 2023). (In Russ.).

References

- "Enemies of the second stage": Soviet society and the image of the Allies during the Great Patriotic War. (2005). *Problems of Russian History*, V: 320—359. (In Russ.).
- Alekseev, V. V. (2023). Echo of the Battle of Stalingrad in the public consciousness of the British during the Second World War. In: *The Battle of Stalingrad: truth and fiction (based on the materials of the world press): materials of the 5th International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the Battle of Stalingrad (Russia, Moscow, October 23, 2023 d)*. Moscow: Moscow Polytechnic University. 20—25. (In Russ.).
- Alexander Vert — about the writer. Available at: <https://www.livelib.ru/> (accessed 08.01.2023). (In Russ.).
- British Newspapers Online*. Available at: <https://www.britishpapers.co.uk/wales/western-mail/> (accessed 04.01.2024).
- Kaygusuz, C., Kokorina, Yu. G., Vagabov, M. M. (2023). "I Share Admiration of My People for Glorious Feats of Soviet Armed Forces": Newspaper 'British Ally' on Battle of Stalingrad. *Nauchnyi dialog*, 12 (7): 330—345. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-330-345> (In Russ.).
- Malakhovskaya, V. V., Malakhovsky, A. K. (2019). British media during the Second World War: features of functioning. *Manuscript*. Available at: gramota.net/materials/9/2019/1/14.html (date of address 05/08/2023). (In Russ.).
- Mytsyk, L. N. (1993). *Socio-political, scientific and cultural relations of the USSR and Great Britain during the Great Patriotic War (1941—1945)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 21 p. (In Russ.).
- Semikin, D. V., Semikina, Yu. G. (2023). The specifics of the coverage of the events of the Battle of Stalingrad by foreign journalists. In: *The Battle of Stalingrad: Truth and Fiction (based on the materials of the world press): materials of the 5th International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the Battle of Stalingrad (Russia, Moscow, October 23, 2023)*. Moscow: Moscow Polytechnic Institute. 211—214. (In Russ.).
- Senyavskaya, E. S. (2006). *Opponents of Russia in the wars of the twentieth century: The evolution of the "image of the enemy" in the minds of the army and society*. Mos-

cow: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN). 288 p. ISBN 5-8243-0782-2. (In Russ.).

The Battle of Stalingrad: truth and Fiction (based on the materials of the world press): materials of the 5th International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the Battle of Stalingrad (Russia, Moscow, October 23, 2023). (2023). Moscow: Moscow Polytechnic Institute. 20—25. ISBN 978-5-276-02819-4. (In Russ.).

The greatness of the feat of the Soviet people: Foreign responses and statements of 1941—1945 about the Great Patriotic War. (1985). Moscow: International Relations. 384 p. (In Russ.).

Zhukov, G. K. (1969). *Memories and reflections.* Moscow: Publishing House of the Novosti Press Agency. 734 p. (In Russ.).

*The article was submitted 12.10.2023;
approved after reviewing 15.01.2024;
accepted for publication 23.01.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(1), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Половникова М. Ю. Паломничество к святым местам в истории Вятской губернии (вторая половина XIX — начало XX веков) / М. Ю. Половникова, Е. Н. Немчанинова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 466—484. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-466-484.

Polovnikova, M. Yu., Nemchaninova, E. N. (2024). Pilgrimage to Holy Places in History of Vyatka Province (Second Half of 19th — Early 20th Centuries). *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 466-484. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-466-484. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-466-484

Паломничество к святым местам в истории Вятской губернии (вторая половина XIX — начало XX веков)

Половникова Марина Юрьевна *

orcid.org/0000-0002-6903-9662

кандидат исторических наук,

доцент кафедры истории

и политических наук

*** корреспондирующий автор**

usr06624@vyatsu.ru

Немчанинова Евгения Николаевна

orcid.org/0000-0001-5705-776X

кандидат исторических наук,

доцент кафедры истории

и политических наук

evgeniya_nem@mail.ru

Вятский государственный университет
(Киров, Россия)

Pilgrimage to Holy Places in History of Vyatka Province (Second Half of 19th — Early 20th Centuries)

Marina Yu. Polovnikova *

orcid.org/0000-0002-6903-9662

PhD in History, Associate Professor,

Department of History

and Political Sciences

*** Corresponding author**

usr06624@vyatsu.ru

Evgenia N. Nemchaninova

orcid.org/0000-0001-5705-776X

PhD in History, Associate Professor,

Department of History

and Political Sciences

evgeniya_nem@mail.ru

Vyatka State University
(Kirov, Russia)

© Половникова М. Ю., Немчанинова Е. Н., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье на основе опубликованных источников анализируются причины роста интереса к святым местам, в первую очередь Палестины, связанные с проводимой государственной политикой России, а также рассматриваются формы и методы просветительской работы. Для распространения сведений о Святой земле и поддержки деятельности России на Ближнем Востоке в 1894 году в Вятской губернии начинает свою деятельность Вятский отдел Императорского Православного Палестинского общества, который занимался сбором средств для работы общества в Святой земле и проводил чтения о Святой земле, ее истории и деятельности общества. В рамках такой просветительской работы были достигнуты значительные результаты: численность членов Вятского отдела увеличилась, особенно на рубеже XIX—XX веков, интерес к Святой земле возрастал. Кроме того, во второй половине XIX века некоторые представители светского и духовного общества Вятской губернии в качестве паломников посетили православные святыни, в первую очередь Святую землю и Афон, о чем оставили мемуары. Так, отдаленная Вятская губерния во второй половине XIX века духовно стала ближе к Святой земле.

Ключевые слова:

Российская империя; Вятская губерния; Русская православная церковь; паломничество; Святая земля; святые места; Афон.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article analyzes the reasons for the growing interest in holy places, primarily Palestine, associated with Russia's state policy, based on published sources. It also examines the forms and methods of educational work. In 1894, the Vyatka department of the Imperial Orthodox Palestinian Society was established in the Vyatka province to disseminate information about the Holy Land and support Russia's activities in the Middle East. The department raised funds for the society's work in the Holy Land and organized lectures on the history and activities of the society. Significant results were achieved through this educational work, including an increase in the number of members in the Vyatka department, particularly at the turn of the 19th and 20th centuries, and a growing interest in the Holy Land. Additionally, in the second half of the 19th century, some representatives of secular and spiritual society in the Vyatka province visited Orthodox holy sites, primarily the Holy Land and Mount Athos, and left memoirs about their pilgrimage experiences. Thus, the remote Vyatka province became spiritually closer to the Holy Land in the second half of the 19th century.

Key words:

Russian Empire; Vyatka province; Russian Orthodox Church; pilgrimage; Holy Land; holy places; Mount Athos.

Паломничество к святым местам в истории Вятской губернии (вторая половина XIX — начало XX веков)

© Половникова М. Ю., Немчанинова Е. Н., 2024

1. Введение = Introduction

В современном мире, как и в прошедшие столетия, несмотря на секуляризацию общественных отношений и уход церковных институтов на второй план, религия продолжает играть важную роль, в том числе в политических вопросах. Интерес к святым местам по всему миру не угасает даже на фоне укрепления светского общества. А святыни, расположенные на Афоне и в Палестине, продолжают привлекать внимание как паломников, так и церковных и государственных деятелей.

Святая земля, географически отождествляемая с Палестиной и включающая Иерусалим и прилегающие территории, имеет богатую историю. Часто Иерусалим называют *городом трех религий* — иудаизма, христианства, мусульманства, поэтому значение данного религиозного центра невозможно переоценить. При этом среди всех ветвей христианства именно православие имеет тесные связи со Святой землей. Католицизм, а тем более протестантизм для Святой земли являются привнесенными религиями.

XIX век стал переломным в истории Османской империи. С ослаблением империи проникновение в Палестину со стороны западных государств усиливается. Кроме того, сыграла свою роль конкуренция с Российской империей. Так, на фоне успешных для России войн и договоров, подписанных с Османской империей, в 1840-е годы возрастает интерес к Святой земле, в частности, и Ближнему Востоку, в целом, со стороны стран Запада. Причем «в этот период все настойчивее обращают свои взоры к Иерусалиму и Ближнему Востоку великие державы Запада, маскируя политические замыслы и интересы религиозными запросами» [Лисовой, 2006, с. 85].

Среди наиболее влиятельных европейских держав в данном регионе была Великобритания, стремившаяся установить английское господство в Восточном Средиземноморье. Правители же Палестины опирались на

поддержку Франции, что не нравилось английским властям. Также влиятельным противником Великобритании, помимо Франции, была Российская империя. В июле 1833 года Россия и Турция подписали Ункяр-Искелесийский договор, заключив тем самым фактически оборонительный союз двух государств. Для Англии русско-турецкое сближение было крайне невыгодно, поэтому в Лондоне развернули антирусскую кампанию, намереваясь превратить Порту в форпост борьбы против России.

В решении восточного вопроса Великобритания заняла ведущее положение, оттеснив с политической, а затем и военной арены своих соперников. В июле 1840 года была подписана Лондонская конвенция, которую приняли Австрия, Великобритания, Пруссия и Россия, позднее Турция. Франция была вообще исключена из этого политического объединения, а Россия теряла ряд преимуществ в отношении черноморских проливов. Тем самым Великобритания устранила главных соперников и оказалась хозяйкой положения. Это привело к обострению в отношениях между европейскими странами на Ближнем Востоке.

В таких условиях европейские страны, оценив сложившуюся ситуацию, сделали ставку не на военное или исключительно политическое преобладание, а на религиозное противостояние. Европейские державы вспомнили об истории библейского региона и собственном христианском настоящем, что и послужило предлогом для проникновения в Палестину. Великобритания под предлогом предупреждения произвола турецких властей предложила разделить территорию святых мест на три независимые области — католическую, православную и протестантскую, причем разделить их предполагалось между 5 державами — Австрией и Францией, Россией, Англией и Пруссией. Россия была против такого деления.

Для изучения и разведки ближневосточных территорий западноевропейские государства — в первую очередь Великобритания и США — занимались созданием различных обществ и учреждений в Сирии и Палестине. Многие организации просуществовали лишь несколько лет, затем сменившись новыми. Так, в 1871—1878 годах изучением Западной Палестины занимался Палестинский исследовательский фонд (The Palestine Exploration Fund) [Frantzman, 2008, p. 119], основанный Великобританией. А в 1870 году в Нью-Йорке было основано Американское палестинское исследовательское общество (The American Palestine Exploration Society), которое должно было сотрудничать с Палестинским исследовательским фондом. «Американское Общество занималось изучением Леванта (европейское наименование Восточного Средиземноморья, в том числе Сирии и Палестины) и составлением картографического описания местности» [Половникова, 2011, с. 127]. В деятельности Американского общества активное участие принимали Эдгар

Стивер, лейтенант армии США, и Джеймс Лейн, полковник, герой Гражданской войны в Америке [Cobbing, 2005, p. 9].

В конце XIX века Германская империя также начинает свое проникновение в ближневосточный регион. Недавно сформировавшаяся империя активно внедряется на турецкую территорию. В результате деятельности Германской империи уже к 1907 году в Сирии и Палестине растет число немецких колоний со своими госпиталями, работают сиротские дома и школы, как католические, так и протестантские.

Что касается России, то Русское государство еще с принятием христианства ориентировалось на Константинополь как центр православной веры. В конце XV — начале XVI веков в ходе оформления новой идеологии Москва была провозглашена «третьим Римом», наследницей Константинополя. Россия постепенно стала новым центром православия, единственным независимым на тот момент. Такая миссия с течением времени наложила на Россию важные и обременительные обязательства — России берет на себя ответственность за оказание помощи православным народам, находящимся под гнетом Османской империи.

С конца XVII века Россия начинает развивать южное направление — против Крымского ханства и Османской империи. С этого момента интерес к Святой земле в России возрастает, а в XIX веке ближневосточный регион стал одним из важнейших во внешнеполитическом курсе Российской империи.

Нужно отметить, что Россия не рассматривала политику в Палестине и Сирии с точки зрения колониального завоевания, поэтому усиление ее позиций в данном регионе было выгодно обеим сторонам. В тот период, после проигранной Крымской войны и последовавших проблем, Россия стремится вернуть себе влияние в Палестине, для чего создается ряд религиозно-политических организаций, облегчается путь до святынь Палестины, а также Афона, налаживаются отношения с местным населением Святой земли. На территории Российской империи активно поддерживается работа Русской Духовной миссии и Императорского Православного Палестинского общества, а также создаются отделы последнего для религиозно-просветительской работы с местным населением.

Вятская земля не осталась в стороне от проводимой в России политики. На протяжении XIX века для поддержания ближневосточной политики России требовалось усилить интерес к Святой земле. Так, вятские епископы, представители духовенства и светского населения в середине — второй половине XIX века начинают устанавливать духовные связи со Святой землей. В конце XIX века с облегчением пути в Палестину и на Афон некоторые представители вятского общества отваживаются совершить паломнические поездки.

Так, в данной работе предпринимается попытка проанализировать причины возросшего интереса к святым местам, а также рассмотреть организации и формы распространения сведений о них, в первую очередь, о Святой земле, на примере Вятской губернии.

Актуальность работы обусловлена постоянным интересом к библейскому региону, в первую очередь как сложному в религиозном и геополитическом отношениях. Новизна исследования связана с отсутствием комплексного обзора религиозно-просветительской работы среди провинциального населения в плане популяризации святых мест, в первую очередь Святой земли, организаций и форм работы с населением, а также налаживания паломнической деятельности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История зарождения и укрепления духовных связей между Вятской губернией, Святой землей и Афоном рассматривается на основе опубликованных материалов, в первую очередь документов делопроизводства, источников личного происхождения и периодической печати.

Святые места христианской религии всегда были в поле зрения как государственных институтов, так и общества в целом. В середине — второй половине XIX века тема паломничества становится популярной в обществе, что влечет за собой появление периодических изданий по данной проблематике. Одним из таких изданий общероссийского уровня стал журнал «Русский паломник», который освещал исторические моменты, актуальную информацию о святых местах в Палестине и в целом за границей, о ключевых храмах и монастырях на территории России. Также журнал претендовал на роль первого иллюстрированного издания. В данном издании при написании статей важная роль отводилась сюжетам из жизни православного населения в Османской империи, а также в целом информации о пребывании паломников в святых местах [По Святой земле ..., 1889, с. 476—478].

Основным источником регионального значения являются материалы и статьи, опубликованные на страницах газеты «Вятские епархиальные ведомости», которая издавалась с 1863 по 1918 годы. На ее страницах опубликованы важные материалы, связанные с описанием истории святых мест, с ростом интереса к паломничеству в Святую землю и в Грецию. Кроме того, как на страницах издания, так и самостоятельными брошюрами опубликованы правила и отчеты Вятского отдела Императорского Православного Палестинского общества, в которых прослеживается развитие религиозно-просветительской работы [Приложение, 1912; Русское паломничество, 1896].

Изучение развития паломничества из Вятской губернии к православным святыням возможно и по источникам личного происхождения. На страницах «Вятских епархиальных ведомостей», причем с разбивкой на несколько частей, опубликованы подробные заметки о паломнических поездках видных деятелей Вятской губернии [Гусев, 1900; Трапицын, 1896].

Если говорить про внешнеполитическую составляющую, то ближневосточное направление в политике Российского государства XIX века рассмотрено широким кругом исследователей, большинство из которых опираются на работы Н. С. Киняпиной [Киняпина, 1974 и др.]. Религиозно-политическое присутствие России на Ближнем Востоке стало основной темой работы выдающегося историка Н. Н. Лисового, его учеников и последователей [Лисовой, 2006; Юзбашян, 2000; Романов, 1995; Пересыпкин, 2017 и др.]. В их работах охарактеризованы политика утверждения России на Ближнем Востоке, в том числе в Святой земле, основные организации, направления и результаты их работы.

Императорское православное палестинское общество стало ведущей и самой эффективной организацией России на Ближнем Востоке. Деятельность местных отделов общества, а также формы их работы рассматриваются в работах М. Ю. Нечаевой, М. Ю. Половниковой и др. [Нечаева, 2014; Половникова, 2020а; Половникова, 2020б].

Данная статья написана на основе применения принципов научной достоверности, историзма и объективности. Для проведения полноценного анализа, помимо общенаучных методов, были использованы историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный методы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Россия и святые места: истоки паломничества

Население Российской империи составляли, в силу исторической специфики, преимущественно представители православной религии. Поэтому интерес с их стороны к святым местам и возможности их посещения был закономерен.

Палестина — особый регион, отличающийся богатой историей и сложным переплетением религиозных направлений. После неудачной экспедиции Наполеона на Восток в конце XVIII века интерес европейцев к святым местам резко возрастает. Монархи и принцы Европы, политические и религиозные деятели захотели увидеть святые места и мировые святыни собственными глазами. Что касается России, то «в XVIII веке паломничества еще немногочисленны, путь в Палестину еще достаточно многотруден. Но с начала XIX века все больше и больше православных людей отправляется в дорогу, занимающую теперь при благоприятных обстоятельствах не более

двух недель» [Романов, 1995, с. 5]. Для российских паломников наиболее доступными такие поездки становятся «со второй половины XIX столетия благодаря некоторым факторам: активной внешней политике Российской империи на Востоке, возникновению и успешной деятельности Русской духовной миссии в Иерусалиме, а также с возникновением Императорского православного палестинского общества» [Валитов, 2020, с. 188].

В Палестине, кроме неблагоприятных экологических и санитарных условий, был силен гнет мусульманских властей. Немусульманское население подвергалось дискриминации и угнетению, «любой мусульманский чиновник — паша, мулла, муселим — мог произвольно оштрафовать иноверца» [Носенко, 2003, с. 255] за драку или другое мнимое или реальное действие и взять уплаченную сумму в свое распоряжение. Кроме того, за построение нового христианского здания или его починку традиционно взымались огромные поборы.

Кстати, на Афоне в конце XIX века также возникают проблемы религиозного характера. «Судьбы православия на Востоке в настоящее время должны возбуждать особенное внимание с нашей стороны... в греческих газетах появились статьи, в которых указывается на прискорбную бездеятельность местного духовенства относительно его пастырских обязанностей», что влечет к ослаблению православной церкви и в целом православной веры в Греции [Вести, 1888, с. 15].

Российская империя в XIX веке всеми силами стремилась укрепиться на Ближнем Востоке. Для этого нужно было не только создать российские организации, закрепить территории и привлечь местное население, но и наладить паломнические поездки русского населения для поддержания в нем интереса к данному направлению государственной политики.

Еще в 1816 году при императоре Александре I было выдвинуто предложение о создании в Иерусалиме Русского подворья, для чего была принята поездка русских дипломатов в Святую землю. Поездка в Иерусалим писателя-паломника Андрея Муравьева стала импульсом к возобновлению отношений России и Палестины, улучшила положение русского населения и паломников в Святой земле.

Для создания полноценной Русской духовной миссии в Иерусалим в 1843 году «с очень большими предосторожностями, “негласно”, в качестве “испытательной меры”, под видом паломника был направлен архимандрит Порфирий Успенский [Дмитриевский, 2006]. Он был снабжен единственной инструкцией: установить на месте, что необходимо предпринять для поддержания православия в Палестине» [Носенко, 2003, с. 266]. Архимандриту Порфирию «во время его пребывания в Иерусалиме в 40—50-х годах XIX века довелось наблюдать католическую агитацию в Палестине»

[Смолич, 1997, с. 304—305]. С этой неофициальной поездки 11 (23) февраля 1847 года начинается деятельность Русской духовной миссии. Укрепление положения России велось за счет оказания помощи местному населению и организации школ: «...в греческую, открытую патриархией богословскую школу, по его (Успенского) настоянию, были определены им 12 молодых туземцев для приготовления из них образованных сельских пастырей;... вне Иерусалима открыты им подобные же школы в Лидде, Рамле и Яффе и школа для девочек-арабов в самом Иерусалиме...» [Дмитриевский, 1907, с. 5].

Все изменилось после проигранной Крымской войны. «Основным направлением внешней политики русского правительства во второй половине XIX века оставался восточный вопрос, содержание которого сводилось к борьбе за отмену ограничительных условий Парижского мира 1856 года и укреплению позиций на Балканах» [Киняпина, 1974, с. 6]. Россия оказалась в невыгодном и ослабленном положении на Ближнем Востоке и стремилась завоевать влияние в Святой земле.

В 1856 году в Петербурге было создано Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ), которое взяло на себя обязанности по доставке паломников в Палестину, их дальнейшее обустройство и возведение специальных зданий. «Для этой цели в 1858 году был создан специальный Палестинский комитет, во главе которого был поставлен великий князь Константин Николаевич, при том, что инициатором и душой предприятия стал чиновник особых поручений Морского министерства Б. П. Мансуров» [Юзбашян, 2000]. Этот комитет просуществовал шесть лет, а в 1864 году его заменила Палестинская комиссия — во главе с Б. П. Мансуровым она просуществовала до 1888 года.

России требовалась сильная религиозно-политическая организация в Святой земле, которая занялась бы не только проблемами паломников и православного местного населения, но и просветительской и исследовательской деятельностью. Такой организацией стало созданное 21 мая 1882 года Православное палестинское общество. Его основателем и многолетним руководителем был Василий Николаевич Хитрово, который «смог больше, чем кто-либо, вместить и больше, чем кто-либо, дать» [Лисовой, 2006, с. 160] этой организации.

Учреждение Православного палестинского общества привело к делению имущества между ним и уже существовавшей Русской духовной миссией. «Главным вопросом обсуждения, бесспорно, представлялся вопрос размежевания наших будущих владений с Духовной Миссией, или, вернее, выделение из них того, что передается в непосредственное заведование Духовной Миссией. Вопрос этот... составлял всегда камень преткновения для всевозможных споров и трений между Консульством как представи-

телем Палестинской Комиссии и Духовной Миссией» [Письмо ..., 2000, с. 266—267]. В 1889 году обязанности закрытого Палестинского комитета были переложены на Православное палестинское общество, что расширило сферу влияния данной организации. Теперь Православное палестинское общество брало на себя исполнение обязанностей, «лежащих на Палестинской Комиссии, по заведыванию нашими странноприимными учреждениями в Святой Земле», а также состоялась передача обществу «капиталов и дел Комиссии» [Донесение, 2000, с. 241].

Создание Православного палестинского общества, с 1889 года ставшего *Императорским*, разрешало религиозно-политические проблемы Российской империи в Святой земле. Общество занималось усилением политического влияния России в Палестине, распространением православия в Святой земле, организацией паломнической деятельности в библейском регионе, строительством школ и подворий.

Таким образом, Российская империя находилась в постоянном соперничестве с европейскими странами в борьбе за влияние в Святой земле. Российское присутствие началось с основания Русской духовной миссии, но только с созданием Императорского православного палестинского общества России достигла поставленных целей и задач. Православное палестинское общество и РОПИТ занялись организацией поездок паломников в Святую землю и на Афон, что способствовало укреплению религиозных связей России с Востоком.

3.2. Интерес населения Вятской губернии к Святой земле

С момента усиления присутствия Российской империи на Ближнем Востоке на территории самой России начинается активное распространение сведений о Святой земле. Представители Вятской губернии не остались в стороне, а с течением времени наладили работу с населением по распространению сведений о святых местах, в частности о Палестине, и оказанию материальной поддержки деятельности России на Ближнем Востоке посредством различных форм и методов.

Так, епископ Агафангел (в миру Алексей Федорович Соловьев), возглавлявший Вятскую епархию с 1860 по 1866 годы, одним из первых начал не только религиозные, но и просветительские преобразования в Вятской губернии в связи с новыми потребностями времени. При нем в Вятской епархии с 1863 года начинает издаваться епархиальная газета — «Вятские епархиальные ведомости», освещающие знаменательные моменты светской и духовной жизни Вятской губернии, создается епархиальная библиотека.

Епископ Агафангел интересовался историей Святой земли и приложил много личных усилий к установлению культурных связей с Палестиной. Эта работа не прекратилась и позднее, с его переходом 17 июня 1866 года на Во-

лынскую кафедру [Очерки ..., 2007, с. 171]. С епископа Агафангела начинается история взаимоотношений Вятской епархии и Святой земли. Пусть такой интерес носил больше личный и просветительский характер, не получая должной реализации, но в скором времени стало ясно, что епископ Агафангел заложил основу для установления духовных связей Вятки и Палестины.

Следующим епископом, который не только интересовался Святой землей, но и поддержал открытие местного отдела Императорского православного палестинского общества, был епископ Вятский и Слободской Сергей (Серафимов). Епископ Сергей управлял Вятской епархией достаточно длительный период (на фоне частой смены местных архиереев): с 1887 по 1896 годы. Следующий епископ Алексей (в миру Алексей Алексеевич Опоцкий) управлял Вятской епархией с 10 августа 1896 года по 10 ноября 1901 года [Половникова, 2020б, с. 141—146]. При нем в Вятской епархии уделялось специальное внимание просветительской деятельности. Именно на его период управления епархией приходится расцвет деятельности Вятского отдела Православного палестинского общества (это выразилось в налаживании работы по сбору средств, а также в проведении на постоянной основе чтений и собеседований о Святой земле). Кроме того, при нем членский состав Вятского отдела общества был наиболее многочисленным.

Именно Вятский отдел Императорского православного палестинского общества, местное отделение общероссийской организации, занимался сбором материальной помощи для работы Православного палестинского общества в Святой земле. Для этого местные члены общества обсудили и разработали формы и способы работы с населением, чтобы заинтересовать людей новыми возможностями и широко осветить направления деятельности общества на Ближнем Востоке.

Так, 16 января 1894 года «по инициативе Августейшего Председателя Императорского Православного Палестинского Общества, Великого князя Сергея Александровича, при просвещенном содействии бывшего Вятского Преосвященного Сергея и живом его сочувствии к задачам названного Общества, открылся Отдел Палестинского Общества» [Почетный член ..., 1897, с. 321]. Вятский отдел должен был «распространять сведения о целях» общества, «привлекать новых членов», «принимать все дозволенные Уставом Общества меры к увеличению материальных средств Общества», «исполнять возлагаемые Обществом на отдел поручения» [Распоряжение ..., 1894, с. 44]. Но, как уже отмечалось ранее, основная задача Вятского отдела была связана со сбором средств для работы общества на Святой земле («*вербный сбор*»).

Основной формой работы с населением было устройство чтений о Святой земле. «Цель и назначение устраиваемых отделами чтений о Св.

[ятой] Земле заключается, исключительно, в ознакомлении православных русских людей с прошедшим и настоящим этой священной для всех христиан земли и ее священно-историческими памятниками» [Руководящие правила ..., 1901, с. 38]. Эту работу епископ Сергей считал самой важной для отдела. «Организация палестинских чтений действительно становилась первейшей задачей вновь создаваемых отделов, и обычно в течение первого года существования им удавалось начать проведение таких мероприятий» [Нечаева, 2014, с. 90]. Знакомство населения Вятской епархии с историей Святой земли, а также с работой общества на Ближнем Востоке способствовало популяризации деятельности общества среди населения епархии. Заинтересованность населения влекла за собой увеличение доходов с повсеместных сборов в пользу общества. Также на чтениях и беседах распространялись платные и бесплатные брошюры и листки, в которых содержались сведения о Святой земле, деятельности общества и его отделов. Члены отдела занимались распространением сведений о паломнической деятельности общества и всячески способствовали паломническим поездкам в Иерусалим, на Афон и в иные святые места.

Расцвет деятельности Вятского отдела при епископе Алексии выразился в налаживании деятельности по сбору средств в пользу общества и расширении круга работы по организации и проведению чтений и собеседований о Святой земле на территории Вятской епархии. Кроме того, при нем членский состав Вятского отдела общества, как уже говорилось, был самым многочисленным за весь период дореволюционного существования отдела — с 1894 по 1917 годы.

Основными организаторами чтений в Вятском отделе общества были Н. Г. Гусев и С. С. Липягов [Половникова, 2020а, с. 197], которые в ходе паломнических поездок сами посетили святыни Святой земли и Афона. Свои рассказы они сопровождали демонстрацией «туманных картинок», а также делились своими личными впечатлениями от паломнических поездок. Чтения о Святой земле «приносят несомненную пользу русскому православному населению, служа действительным средством в деле религиозно-нравственного воспитания его, что особенно важно в настоящее время, когда по лицу Русской земли размножились и рассеялись самозванные учителя и проповедники новых измышленных вер и учений, старающиеся с ревностью, достойною лучшего дела, соблазнять православных христиан» [Приложение ..., 1912, с. 18]. Кроме того, в начале XX века в связи со сложной революционной ситуацией в Российской империи, с ослаблением положений Русской православной церкви, особенно после революции 1905—1907 годов, чтения и собеседования о Святой земле были еще одним средством удержания местного населения под опекой церкви и государства.

Таким образом, Вятский отдел Императорского Православного Палестинского общества, открытый в 1894 году, стал религиозной организацией Вятской епархии, занимающейся исключительно религиозно-просветительской работой. Отдел занимался финансовыми сборами в пользу Православного Палестинского общества и просветительской работой среди местного населения Вятской губернии.

3.3. Паломничество в Святую землю

«Иерусалим издревле, с незапамятных времен, был городом, куда стекались на поклонение тысячи богомольцев» [Русское паломничество ..., 1896, с. 9.]. Представители вятского общества, связанные с религиозно-просветительской деятельностью, в том числе Вятского отдела Православного Палестинского общества, также совершали паломнические поездки. Такими вятскими паломниками, которые к тому же написали заметки о посещении Святой земли, были священник А. Трапицын («Из впечатлений паломника в Св. землю» [Из впечатлений ..., 1896, с. 1204—1211]), а также группа коллег: преподаватель Вятского женского епархиального училища Н. Г. Гусев, преподаватель Вятской духовной семинарии А. И. Одоев и помощник смотрителя Вятского духовного училища С. С. Липягов, которые совершили путешествие в 1898 году во время летних каникул в своих учебных заведениях. «Все путешествие вятчан заняло промежуток времени с 8 июня по 3 августа 1898 года. Однако в Палестине путешественники были всего неделю — с 8 по 14 июля, все остальное время ушло на дорогу» [Балдин, 2015, с. 35].

Н. Г. Гусев не только опубликовал воспоминания и описание путешествия в Святую землю в «Вятских епархиальных ведомостях», оставив свои мемуары «Путешествие в Святую землю» [Гусев, 1900, с. 272—295], но и активно делился своими впечатлениями и информацией о Святой земле с посетителями чтений Вятского отдела Православного Палестинского общества.

С. С. Липягов так же, как и Н. Г. Гусев, был лектором чтений о Святой земле и совершил в 1898 году паломничество в Святую Землю. Будучи увлеченным общественным и религиозным деятелем, С. С. Липягов в ходе подготовки и проведения чтений о Святой земле почувствовал необходимость в совершении поездки в Палестину. После путешествия С. С. Липягов использовал собственные впечатления для создания более целостного образа Святой земли в умах слушателей, а также, по его признанию, он более четко осознал проблемы, стоявшие перед российскими организациями в Святой земле.

В мемуарах и заметках вятских паломников сохранились восторженные отклики о святынях Иерусалима, однако в записях, которые они оставили, есть воспоминания о том, что показалось им удивительным, непри-

вычным в чужих местах, что вызвало отторжение. Так, они выражали свое непонимание и неприятие того, с каким отношением к православному населению они столкнулись во время пребывания на чужой земле, а также того, как относится к святыням местное турецкое население. Отмечали они далеко не идеальное состояние многих христианских храмов, явно нуждавшихся в значительных вложениях в их восстановление. Паломники, увидевшие своими глазами незнакомые места и религиозные святыни, также погрузились в чуждую им культуру Востока, часто вызывавшую недоумение. В своих мемуарах и заметках паломники отмечали, что ожидания не соответствовали действительности. Например, священник А. Трапицын указывал, что при посещении храма Гроба Господня в Иерусалиме «с первого же шага наше религиозное чувство было оскорблено; с левой стороны у дверей внутри храма сидели на возвышении, устроенном наподобие нар, три турка в чалмах и курили...» [Балдин, 2014].

Итак, паломнические поездки в Святую землю совершались из далекой Вятской губернии в конце XIX века, несмотря на сложности пути и религиозно-культурные различия. Поездки дали путешествующим возможность рассказать о Святой земле из первых уст, опираясь на собственное понимание увиденного. Живое слово, нашедшее отклик у местного населения Вятской губернии, способствовало росту интереса к истории и современности священного места, а также расширению деятельности Императорского православного палестинского общества, его научно-исследовательской и просветительской работе.

4. Заключение = Conclusions

XIX век, особенно его вторая половина, для России в политическом плане тесно связан с Ближним Востоком, в частности, с укреплением позиций России в Святой земле. Паломничество в заграничные святыне места, в первую очередь в Святую землю и на Афон, всегда было важным для православного населения России. Но в связи с налаживанием контактов России на Ближнем Востоке и, что важно, созданием РОПИТ во второй половине XIX века паломнические поездки становятся пусть не общедоступными, но реалистичными и уже не связанными с непреодолимыми дорожными трудностями для желающих посетить святыне места.

В рамках государственной политики через созданные организации, в первую очередь Императорское православное палестинское общество, на территории России начинается религиозно-просветительская работа с населением, необходимая для поддержки политического курса на Ближнем Востоке, оказания материальной помощи организациям в Палестине, а также привлечения новых членов и налаживания паломнических поездок.

Вятская губерния, находящаяся в отдалении от центральных городов, во второй половине XIX века, благодаря деятельности епископов и следованию изменившемуся религиозно-политическому курсу Российской империи, активно налаживала духовные связи со Святой землей. Напрямую такая работа велась посредством паломнических поездок, которые изначально были обременительными из-за длительного и сложного пути, но во второй половине XIX века стали более доступными. Кроме того, посредством создания Вятского отдела Императорского православного палестинского общества представители духовенства и инициативные светские деятели стали проводить для местного населения чтения и беседы о Святой земле с показом слайдов и распространением просветительской литературы. Такие встречи давали возможность познакомить людей с далекими святынями, известными им по библейским текстам, и это был тем более важно, что большинство из них, скорее всего, никогда не смогли бы позволить себе совершить поездку в Святую землю. Также на встречах был организован сбор средств в поддержку деятельности Православного палестинского общества на Ближнем Востоке.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX веков интерес к ситуации в Палестине, а также к истории Святой земли и ее христианских святынь возрастает не только в центральных городах Российской империи на фоне актуализации ближневосточного направления во внешней политике, но и в регионах Российского государства. Неуклонное возрастание интереса жителей Вятской губернии к Святой земле, ее истории и современности служило показателем сопереживания православного населения в Российской империи православному населению, проживавшему на территории Османской империи. Через работу членов Вятского отдела Императорского православного палестинского общества население Вятской губернии просвещалось и погружалось в историю Святой земли, укрепляясь одновременно в православной вере и в правильности проводимой государством политики.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX веков население отдаленной Вятской губернии становится сопричастным к проводимой на Ближнем Востоке политике Российской империи.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Вести из-за границы // Русский паломник. — 1888. — № 1. — С. 15—16.

2. Гусев Н. Г. Путешествие во Святую Землю / Н. Г. Гусев // Вятские епархиальные ведомости. — 1900. — № 7. — С. 272—275.

3. *Донесение* министра иностранных дел Н. К. Гирса председателю ИППО великому князю Сергею Александровичу // Россия в Святой Земле : Документы и материалы : в 2 т. — Москва : Международные отношения, 2000. — Т. 1. — С. 241.

4. *Письмо* секретаря ИППО В. Н. Хитрово уполномоченному Обществу в Иерусалиме Д. Д. Смышляеву от 11 июня 1889 г. // Россия в Святой Земле : Документы и материалы : в 2 т. — Москва : Международные отношения, 2000. — Т. 1. — С. 266 — 270.

5. *Почетный член* Императорского Православного Палестинского Общества Преподобный Сергий, Епископ Астраханский и Енотаевский // Вятские епархиальные ведомости. — 1897. — № 7. — С. 321—327.

6. *По Святой земле* // Русский паломник. — 1889. — № 40. — С. 476—478.

7. *Приложение*. Отчет Вятского отдела Императорского Палестинского общества, за 1911—1912 (восемнадцатый) год // Вятские епархиальные ведомости. — 1912. — № 48. — С. 19—28.

8. *Распоряжение* епархиального начальства // Вятские епархиальные ведомости. — 1894. — № 3. — С. 44—47.

9. *Руководящие правила* для действия отделов Императорского Православного Палестинского Общества. — Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1901. — 76 с.

10. *Русское паломничество* и Императорское Православное Палестинское Общество // Вятские епархиальные ведомости. — 1896. — № 1. — С. 9—18.

11. *Трапицын А.* Из впечатлений паломника во св. землю / А. Трапицын // Вятские епархиальные ведомости. — 1896. — № 24. — С. 1204—1212.

Литература

1. Балдин К. Е. Мемуары Н. Г. Гусева о паломничестве в Палестину (конец XIX в.) / К. Е. Балдин // Вестник Ивановского государственного университета. Серия : История. — 2015. — Выпуск 3 (8). — С. 33—43.

2. Балдин К. Е. Источники личного происхождения о русском православном паломничестве конца XIX — начала XX в. [Электронный документ] / К. Е. Балдин // На пути к гражданскому обществу. — 2014. — № 4. — Режим доступа : www.es.rae.ru/government/ru/81-302 (дата обращения 14.11.2023).

3. Валитов А. А. Паломничество на Святую землю в 1920—1930-е годы / А. А. Валитов // Христианство на Ближнем Востоке. — 2020. — № 5. — С. 187—201. — DOI: 10.24411/2587-9316-2020-10012.

4. Дмитриевский А. А. Епископ Порфирий Успенский, как инициатор и организатор первой русской духовной миссии в Иерусалиме / А. А. Дмитриевский. — Москва : О-во сохранения лит. наследия, 2006. — 141 с. — ISBN 5-902484-04-9.

5. Дмитриевский А. А. Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшие четверть века (1882—1907 гг.) / А. А. Дмитриевский. — Санкт-Петербург : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1907. — 223 с.

6. Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. / Н. С. Киняпина. — Москва : Высш. школа, 1974. — 280 с.

7. Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX вв. / Н. Н. Лисовой. — Москва : Индрик, 2006. — 512 с.

8. Нечаева М. Ю. Императорское Православное Палестинское общество в культурной среде российской провинции / М. Ю. Нечаева, В. П. Микитюк. — Москва : Индрик, 2014. — 384 с. — ISBN 978-5-91674-314-2.

9. Носенко Т. В. Иерусалим. Три религии — три мира / Т. В. Носенко. — Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 442 с. — ISBN 5224036364.

10. *Очерки истории Вятской епархии (1657—2007)* : 350-летие Вятской епархии / Под ред. митр. Вятского и Слободского Хрисанфа. — Вятка : Буквица, 2007. — 640 с. — ISBN 978-5-99011011-3-7.

11. Пересыпкин О. Г. Русская Палестина : история и современность / О. Г. Пересыпкин. — Москва : ИНДРИК, 2017. — 168 с. — ISBN 978-5-478-01340-0.

12. Половникова М. Ю. Взаимодействие власти и духовенства Русской православной церкви в организации религиозно-просветительской и миссионерской деятельности во второй половине XIX — начале XX в. (на материалах Вятской губернии) / М. Ю. Половникова, Е. Н. Немчинова. — Киров : Радуга-ПРЕСС, 2020. — 227 с. — ISBN 978-5-6044635-6-7.

13. Половникова М. Ю. Деятельность епископа Вятского и Слободского Алексия (Опоцкого) в конце XIX — начале XX в. / М. Ю. Половникова // Материалы XIX Международной научной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI веков», Иваново, 25—26 марта 2020 г. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2020. — С. 141—146. — ISBN 978-5-7807-1337-1.

14. Половникова М. Ю. Европейские религиозно-политические организации в Палестине во второй половине XIX в. / М. Ю. Половникова // Вопросы истории. — 2011. — № 8. — С. 122—128.

15. Романов Б. Н. Путешествия в Святую Землю / Б. Н. Романов // Путешествия в Святую Землю : Записки русских паломников и путешественников XII — XX вв. — Москва : Журн. "Лепта", 1995. — С. 3—9. — ISBN 5-86522-008-X.

16. Смолич И. К. История русской церкви : 1800—1917 : в 2-х частях / И. К. Смолич. — Москва : Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. — Ч. 2. — 799 с.

17. Юзбашян К. Н. Палестинское Общество. Страницы истории [Электронный документ] / К. Н. Юзбашян // Исторический вестник. — 2000. — № 6. — Режим доступа : <https://www.ippo.ru/old/history/ippo/obz/9/index.html> (дата обращения 14.11.2023).

18. Cobbing F. J. The American Palestine Exploration Society and the Survey of Eastern Palestine / F. J. Cobbing // Palestine Exploration Quarterly. — 2005. — № 137. — P. 9.

19. Frantzman S. J. General Gordon, the Palestine Exploration Fund and the origins of "Gordon's Calvary" in the Holy Land / S. J. Frantzman, R. Kark // Palestine Exploration Quarterly. — 2008. — № 140. — P. 119.

*Статья поступила в редакцию 15.11.2023,
одобрена после рецензирования 18.01.2024,
подготовлена к публикации 23.01.2024.*

Material resources

Guidelines for the operation of departments of the Imperial Orthodox Palestinian Society. (1901). St. Petersburg: V. Kirshbaum's Type. 76 p. (In Russ.).

Gusev, N. G. (1900). Journey to the Holy Land. *Vyatka Diocesan Gazette*, 7: 272—275. (In Russ.).

Honorary member of the Imperial Orthodox Palestinian His Grace Sergius, Bishop of Astrakhan and Enotaevisky. (1897). *Vyatka Diocesan Gazette*, 7: 321—327. (In Russ.).

- Letter from the Secretary of the IPPO V. N. Khitrovo to the authorized representative of the Society in Jerusalem D. D. Smyshlyaev dated June 11, 1889. (2000). In: *Russia in the Holy Land: Documents and materials: in 2 vols., 1*. Moscow: International Relations. 266—270. (In Russ.).
- News from abroad. (1888). *Russian pilgrim, 1*: 15—16. (In Russ.).
- On the Holy Land. (1889). *Russian pilgrim, 40*: 476—478. (In Russ.).
- Order of the diocesan authorities. (1894). *Vyatka Diocesan Gazette, 3*: 44—47. (In Russ.).
- Report of the Minister of Foreign Affairs N. K. Girs to the Chairman of the IPPO Grand Duke Sergei Alexandrovich. (2000). In: *Russia in the Holy Land: Documents and materials: in 2 vols., 1*. Moscow: International Relations. P. 241. (In Russ.).
- Russian pilgrimage and the Imperial Orthodox Palestinian Society. (1896). *Vyatka Diocesan Vedomosti, 1*: 9—18. (In Russ.).
- The application. The report of the Vyatka department of the Imperial Palestinian Society, for 1911—1912 (the eighteenth) year. (1912). *Vyatka Diocesan Gazette, 48*: 19—28. (In Russ.).
- Trapitsyn, A. (1896). From the impressions of a pilgrim to the Holy Land. *Vyatka Diocesan Gazette, 24*: 1204—1212. (In Russ.).

References

- Baldin, K. E. (2015). Memoirs of N. G. Gusev on pilgrimage to Palestine (the end of the XIX century). *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: History, 3 (8)*: 33—43. (In Russ.).
- Baldin, K. E. (2014). Sources of personal origin about the Russian Orthodox pilgrimage of the late XIX — early XX century. *On the way to civil society, 4*. Available at: www.es.rae.ru/government/ru/81-302 (accessed 11/14/2023). (In Russ.).
- Cobbing, F. J. (2005). The American Palestine Exploration Society and the Survey of Eastern Palestine. *Palestine Exploration Quarterly, 137*: P. 9.
- Dmitrievsky, A. A. (2006). *Bishop Porfiry Uspensky, as the initiator and organizer of the first Russian ecclesiastical mission in Jerusalem*. Moscow: About the preservation of lit. Heritage. 141 p. ISBN 5-902484-04-9. (In Russ.).
- Dmitrievsky, A. A. (1907). *The Orthodox Palestinian Society and its activities over the past quarter century (1882—1907)*. St. Petersburg: V. F. Kirshbaum Type. 223 p. (In Russ.).
- Essays on the history of the Vyatka Diocese (1657—2007): the 350th anniversary of the Vyatka Diocese*. (2007). Vyatka: Bukvitsa. 640 p. ISBN 978-5-9901101-3-7. (In Russ.).
- Frantzman, S. J., Kark, R. (2008). General Gordon, the Palestine Exploration Fund and the origins of “Gordon’s Calvary” in the Holy Land. *Palestine Exploration Quarterly, 140*: P. 119.
- Kinyapina, N. S. (1974). *The foreign policy of Russia in the second half of the XIX century*. Moscow: Higher School. 280 p. (In Russ.).
- Lisovoy, N. N. (2006). *Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the XIX — early XX centuries*. Moscow: Indrik. 512 p. (In Russ.).
- Nechaeva, M. Y., Mikityuk, V. P. (2014). *The Imperial Orthodox Palestinian society in the cultural environment of the Russian province*. Moscow: Indrik. 384 p. ISBN 978-5-91674-314-2. (In Russ.).
- Nosenko, T. V. (2003). *Jerusalem. Three religions — three worlds*. Moscow: OLMA-PRESS. 442 p. ISBN 5224036364. (In Russ.).

- Peresyipkin, O. G. (2017). *Russian Palestine: history and modernity*. Moscow: INDRIK. 168 p. ISBN 978-5-478-01340-0. (In Russ.).
- Polovnikova, M. Y. (2011). European religious and political organizations in Palestine in the second half of the XIX century. *Questions of history*, 8: 122—128. (In Russ.).
- Polovnikova, M. Y., Nemchaninova, E. N. (2020). *Interaction of the authorities and clergy of the Russian Orthodox Church in the organization of religious educational and missionary activities in the second half of the XIX — early XX century*. Kirov: Raduga PRESS. 227 p. ISBN 978-5-6044635-6-7. (In Russ.).
- Polovnikova, M. Y. (2020). The activities of Bishop Alexy of Vyatka and Sloboda (Opotsky) at the end of the XIX — beginning of the XX century. In: *Materials of the XIX International Scientific Conference "State, society, Church in the history of Russia of the XX—XXI centuries"*, Ivanovo, March 25—26, 2020. Ivanovo: Ivanovo State University. 141—146. ISBN 978-5-7807-1337-1. (In Russ.).
- Romanov, B. N. (1995). Travels to the Holy Land. In: *Travels to the Holy Land: Notes of Russian pilgrims and travelers of the XII — XX centuries*. Moscow: Journal. "Mite". 3—9. ISBN 5-86522-008-X. (In Russ.).
- Smolich, I. K. (1997). *The history of the Russian Church: 1800—1917: in 2 parts*, 2. Moscow: Publishing House of the Savior Transfiguration. Valaam. Monastery. 799 p. (In Russ.).
- Valitov, A. A. (2020). Pilgrimage to the Holy Land in the 1920s—1930s. *Christianity in the Middle East*, 5: 187—201. DOI: 10.24411/2587-9316-2020-10012. (In Russ.).
- Yuzbashyan, K. N. (2000). The Palestinian Society. Pages of history. *Historical bulletin*, 6. Available at: <https://www.ippo.ru/old/history/ippo/obz/9/index.html> (accessed 11/14/2023). (In Russ.).

*The article was submitted 15.11.2023;
approved after reviewing 18.01.2024;
accepted for publication 23.01.2024.*

Информация для цитирования:

Посадсков А. Л. Политическая деятельность генерал-майора П. Ф. Рябикова в Японии и Китае в 1920—1922 годах / А. Л. Посадсков // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 485—506. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-485-506.

Posadskov, A. L. (2024). Political Activities of Major-General P. F. Ryabikov in Japan and China, 1920—1922. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 485-506. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-485-506. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-485-506

Политическая деятельность генерал-майора П. Ф. Рябикова в Японии и Китае в 1920—1922 годах

Посадсков Александр Леонидович

orcid.org/0000-0002-2341-5415

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
лаборатории книговедения
knigoved@spsl.nsc.ru

Государственная публичная
научно-техническая библиотека
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Новосибирск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
по проекту НИР ГПНТБ СО РАН
«Эго-документы по истории
Великой Отечественной войны
и других военных конфликтов XX века
из архивохранилищ востока России:
проблемы выявления,
атрибуции и публикации»,
ГР НИОКТР № 123011300094-0

Political Activities of Major-General P. F. Ryabikov in Japan and China, 1920—1922

Alexander L. Posadskov

orcid.org/0000-0002-2341-5415

Doctor of History, Professor,
chief research scientist,
Book Studies Laboratory
knigoved@spsl.nsc.ru

The State Public
Scientific Technological Library
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)

Acknowledgments:

The study was conducted
under the SB RAS SPTL research project
“Ego-documents on the history
of the Great Patriotic War and other
military conflicts of the 20th century
from the archives of the East of Russia:
problems of identification,
attribution and publication,”
SR IOTKR № 123011300094-0

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Историко-биографический очерк освещает несколько эпизодов жизни и деятельности крупного российского военачальника, одного из основателей разведывательной службы в дореволюционной русской армии, генерал-майора Генерального штаба П. Ф. Рябикова (1875—1932). Состоя в Белом движении на должности 2-го генерал-квартирмейстера штаба А. В. Колчака, генерал П. Ф. Рябиков приобрел компетенции куратора военной пропаганды и организатора периодической печати, которые он затем с успехом использовал как руководитель данных направлений военно-политической активности белой эмиграции в Японии и Китае. В июле 1920 — сентябре 1921 гг. П. Ф. Рябиков служил в миссии Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины атамана Г. М. Семенова в г. Йокогама, занимаясь созданием сети корреспондентов-информаторов в странах Европы и США, получением от них сводок и сообщений о состоянии данных государств, а также информированием представителей иностранных держав, изданием антибольшевистской литературы и др. В октябре 1921 года П. Ф. Рябиков по просьбе атамана Г. М. Семенова перенес свою деятельность в Шанхай, продолжив порученную ему работу с агентами-информаторами и сотрудничество в русской эмигрантской прессе. Не имея материальной и организационной поддержки от Г. М. Семенова, Рябиков в феврале 1922 года порвал отношения с ним и вступил на путь самостоятельной политической и журналистской деятельности.

Ключевые слова:

Гражданская война; Белое движение; Павел Рябиков; атаман Григорий Семенов; пресса русской эмиграции.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The historical-biographical sketch explores several episodes in the life and activities of a prominent Russian military leader, one of the founders of the intelligence service in the pre-revolutionary Russian army, Major General P. F. Ryabikov (1875-1932). Serving in the White Movement as the 2nd Chief of Staff Quartermaster of A. V. Kolchak's staff, General P. F. Ryabikov acquired competencies as a curator of military propaganda and organizer of periodical publications, which he later successfully utilized as a leader in these areas of military-political activity within the White emigration in Japan and China. From July 1920 to September 1921, P. F. Ryabikov served in the mission of the Commander-in-Chief of all armed forces of the Russian Far Eastern Territory, Ataman G. M. Semenov, in Yokohama, where he was involved in establishing a network of correspondent-informants for this mission in European countries and the United States, receiving reports and messages about the state of these countries, as well as informing representatives of foreign states in line with the ideology of the Semenovites and publishing anti-Bolshevik literature. In October 1921, at the request of Ataman G. M. Semenov, P. F. Ryabikov transferred his activities to Shanghai, where he continued his assigned work with agent-informants and cooperation in the Russian emigrant press. Having no material and organizational support from G. M. Semenov, Ryabikov severed ties with him in February 1922 and embarked on a path of independent political and journalistic activities.

Key words:

Civil War; White Movement; Pavel Ryabikov; Ataman Grigory Semenov; Russian emigration press.

Политическая деятельность генерал-майора П. Ф. Рябикова в Японии и Китае в 1920—1922 годах

© Посадсков А. Л., 2024

1. Введение = Introduction

Имя генерала Павла Федоровича Рябикова (1875—1832) хорошо известно историкам русской военной разведки. Он родился 24 марта (5 апреля) 1975 года в семье подполковника русской армии и по окончании Константиновского артиллерийского училища в 1896 году дослужился в качестве артиллериста до звания капитана. В 1901 году П. Ф. Рябиков окончил Николаевскую академию Генерального штаба, и когда разразилась Русско-японская война, он, в составе группы, включающей почти всех офицеров штаба Виленского военного округа, прибыл в октябре 1904 года на фронт уже в качестве штабного специалиста службы разведки. Здесь в штабе 2-й Маньчжурской армии началась его карьера военного разведчика. В русской армии дело разведки находилось в самом начале пути, молодому капитану приходилось осваивать профессию методом проб и ошибок — и самому участвовать в становлении русской разведывательной службы, разрабатывать ее приемы, закреплять опыт.

После войны с Японией развитие дела военной разведки в России передается в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), где были созданы соответствующие подразделения и должности. П. Ф. Рябиков получил должность помощника делопроизводителя ГУГШ и продолжал пополнять свои знания о разведке, принимая участие также в разработке ее теории и нормативных документов.

Первая мировая война позволила ему широко применить свои навыки разведчика в штабе 2-й армии Северо-Западного фронта (ноябрь 1914 — февраль 1916 гг.), где он служил старшим адъютантом в разведывательном отделении. В сентябре 1915 года подполковник П. Ф. Рябиков становится начальником разведывательного отделения штаба Северного фронта, с февраля 1916 года по январь 1917 года, став полковником, командует 199-м пехотным Кронштадтским полком. В январе 1917 года, незадолго до Февральской революции, он был вызван в Петроград и служил в ГУГШ в должности помощника по разведке 2-го генерал-квартирмейстера. 31 марта 1917 года он получил от Временного правительства звание гене-

рал-майора Генерального штаба (производство в чин было подготовлено еще царским военным министерством). В течение 1917 года, до прихода большевиков, Павел Федорович вел беспрецедентно большую и трудную работу, удерживая русскую разведку от краха, успешно координируя разведывательные действия с союзниками по Антанте. По свидетельству современников, он становится в это время главным лицом русской военной разведки. Уже после Октябрьского переворота, в декабре 1917 года, он получил и формальное утверждение в данной должности, став 2-м генерал-квартирмейстером ГУГШ. Получив номинально статус военнослужащего Красной армии, генерал Рябиков напрягал все силы для поддержания русской разведки в минимально работоспособном состоянии, для сохранения ее аппарата и агентуры в воюющих странах Европы [Колпакиди и др., 2000, с. 385—387; Лурье и др., 2002, с. 102—103].

Свою деятельность П. Ф. Рябиков делил между службой в ГУГШ и преподаванием специальных дисциплин (прежде всего, курса разведывательной службы Генерального штаба) в Николаевской академии Генерального штаба, с которой он был связан начиная с 1911 года. В 1917 году академия перестала быть «Императорской» и «Николаевской», но работа ее продолжалась, и П. Ф. Рябиков исправно преподавал в ней, а затем в марте 1918 года, под угрозой сдачи Петрограда немцам, уйдя со службы в ГУГШ, эвакуировался вместе с академией и всеми ее преподавателями сначала в Екатеринбург, затем в Казань. Здесь в августе 1918 года, после взятия Казани белогвардейцами и белочехами, академия в полном составе перешла на сторону Белого движения. В восстановленном генеральском звании Павел Федорович проехал вместе с Военной академией в Томск (ноябрь 1918 года), где спокойно преподавал военную науку офицерам белых частей до весны 1919 года, защитил в мае 1919 года диссертацию «Разведывательная служба в мирное и военное время», выпустил 2 части книги по материалам своей диссертации, был избран профессором академии.

С мая по ноябрь 1919 года П. Ф. Рябиков находился на службе в штабе Верховного главнокомандующего А. В. Колчака, где занимал должность 2-го генерал-квартирмейстера. Он вновь стал главным начальником службы разведки, которая входила в качестве приоритетного направления в круг обязанностей 2-го генерал-квартирмейстера. Кроме разведывательного отдела и контрразведки, П. Ф. Рябиков руководил в это время военной пропагандой: в состав его генерал-квартирмейстерства входил Осведомительный отдел штаба Верховного главнокомандующего (Осведверх). В задачи отдела входило издание и распространение на фронте, а также в тылу листовок, газет, журналов, брошюр антибольшевистского содержания и другой литературы, призванной мобилизовать жителей Сибири на отпор

Красной армии. Близкое знакомство П. Ф. Рябикова в этот период с работой прессы и информационных служб, снабжающих газеты пропагандистскими материалами, овладение практикой издательского дела очень помогли ему в дальнейшей работе.

В ходе очередной реорганизации военного управления в армиях А. В. Колчака генерал Рябиков был перемещен на должность начальника штаба главнокомандующего Восточным фронтом генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса и пробыл на этом посту ровно месяц (с начала октября по 8 ноября 1919 года) Фронт «посыпался», и П. Ф. Рябиков был вынужден эвакуироваться из Омска вместе с колчаковской армией. После ожесточенных боев у ст. Минино (под Красноярском) белая армия под командованием генерал-лейтенанта В. О. Каппеля сошла с поездов и в течение декабря 1919 — февраля 1920 годов проделала конный и пеший Сибирский Ледяной поход — по замерзшим рекам, тайге, по льду озера Байкал — до Забайкалья, где власть удерживал генерал-лейтенант, атаман Г. М. Семенов [ГАРФ, ф. Р-5793, оп. 1, д. 1г, л. 50—90]. От атамана П. Ф. Рябиков получил назначение на «информационный фронт», о чем рассказывается в основной части настоящей статьи.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Казалось бы, столь увлекательная биография белого генерала должна вызвать интерес многих историков. Однако широкому кругу их (кроме специалистов по разведке) фигура П. Ф. Рябикова предстает в контексте кратких и сухих, повторяющих друг друга биографических справок в различных справочниках, словарях, приложениях к монографиям и т. п. [Волков, 2019, с. 728; Волков и др., 2003, с. 177—178; Колпакиди и др., 2000, с. 285—287; Лурье и др., 2002, с. 102—103 и др.] О деятельности П. Ф. Рябикова как преподавателя академии Генерального штаба подробно рассказывает (с биографической справкой) А. В. Ганин, но опять же в контексте коллективной работы учреждения, а не в плане описания судьбы генерала как исторической личности [Ганин, 2014, упоминание П. Ф. Рябикова в именном указателе; Ганин, 2009, с. 327, 447, 493, 565, 613, 734]. А. В. Ганин написал о Рябикове больше других и фактически является его научным биографом. В той же монографии о Николаевской военной академии исследователь приводит два обширных фрагмента неопубликованных воспоминаний П. Ф. Рябикова об академии [Ганин, 2014, с. 737—762]. Фамилия П. Ф. Рябикова неоднократно упоминается в статье А. В. Ганина о кружке по изучению Первой мировой войны в Русском народном университете в Праге (в 1928—1932 годах) (П. Ф. Рябиков был одним из руководителей этого кружка) [Ганин, 2017, с. 4—21]. Биографическую статью, содержащую ряд неизвестных материа-

лов о генерале, опубликовал В. О. Терентьев [Терентьев 2020, с. 79—92]. Несколько штрихов к биографии П. Ф. Рябикова добавляет статья Н. С. Ларькова [Ларьков, 2018, с. 142—152]. Существуют также две статьи о П. Ф. Рябикове, опубликованные в популярных изданиях, из них первая (И. В. Голоскокова) содержит некоторый объем ценной архивной информации [Голоскоков, 2005, с. 23—28; Былинин и др., 2010, с. 131—134]. Этим список публикаций о генерале П. Ф. Рябикове исчерпывается.

Контекст жизни и политической деятельности П. Ф. Рябикова в Шанхае в 1921—1924 годах можно выявить на основании публикаций известного исследователя судеб русской эмиграции в странах Дальнего Востока А. А. Хисамутдинова. Ученый посвятил раскрытию этой темы несколько монографий и разделов в монографиях [Хисамутдинов, 2013, с. 114—120, 214—238; Хисамутдинов, 2014; Хисамутдинов, 2016 и др.]. Интерес к отмеченной тематике проявляют и наши китайские коллеги. В переводе на русский язык опубликована работа китайского историка Чжао Юнхуа о русской прессе в Китае в XX веке. Периодической печати в Шанхае в 1920-е годы посвящена в монографии глава 4 [Чжао Юнхуа, 2017, с. 95—148].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. В миссии атамана Г. М. Семенова в Японии

Между тем архивные документы П. Ф. Рябикова, проданные самим генералом и его женой в 1926—1936 годах в Русский заграничный исторический архив в Праге и перевезенные после 1945 года в Москву в ГАРФ, содержат большое количество неизвестных сюжетов его биографии, достойных изучения и публикации. Среди них — страницы жизни П. Ф. Рябикова в первые годы эмиграции в Йокогаме и Шанхае (1920—1924), его работа на поприще белогвардейской пропаганды и журналистики, а затем как инициатора русской экономической прессы в Китае.

За пределами России П. Ф. Рябиков оказался по воле атамана Г. М. Семенова. Ступив на землю Забайкалья 11 февраля 1920 года, П. Ф. Рябиков почти сразу, в конце февраля, был направлен Семеновым в составе особой миссии в Пекин для установления связи с военными агентами (атташе) России за границей. В Читу генерал возвращался через Японию, где провел пару месяцев в гостях у служащих Миссии главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины — так официально называлось представительство атамана Г. М. Семенова в Йокогаме. Рябиков познакомился с работой миссии и ее сотрудниками [ГАРФ, ф. Р-5793, оп. 1, д. 1г, л. 89, 92].

Приехав в Читу в июле 1920 года, П. Ф. Рябиков предложил свои услуги Г. М. Семенову, испросив при этом такой вид службы, который соответствовал бы его военной специальности и характеру предыдущей рабо-

ты. Атаман прикомандировал Рябикова к миссии в Йокогаме, возложив на него следующие задачи: наладить и поддерживать информационную связь с российскими военными агентами за рубежом; организовать на территории Японии и соседних стран антибольшевистскую пропаганду; снабжать официальной (семеновской) информацией иностранные правительства, военные и дипломатические круги, прессу, общественные организации; издавать на русском и иностранных языках брошюры, журналы, газеты, листовки [ГАРФ, ф. Р-5793, оп. 1, д. 1д, л. 14—15].

Прибыв в Йокогаму в сентябре 1920 года, П. Ф. Рябиков энергично взялся за дело. В организации семеновской пропаганды в Японии у него имелись предшественники. Еще в конце 1919 года здесь обосновался журналист С. Г. Гортинский (псевдоним Г. Тинский) — бывший сотрудник московских и поволжских газет, а в 1918—1919 годах — ведущий автор и редактор чинтинских газет «Русский Восток» и «Восточный курьер». Как пишет в воспоминаниях П. Ф. Рябиков, Гортинский имел в своем распоряжении штат машинисток и корректора-японца, а также множительный аппарат (ротатор), на котором размножал свои информационные сообщения для рассылки их в японские газеты [Там же, л. 15об]. С. Г. Гортинский издал в Японии брошюру, восхвалявшую атамана Семенова [Гортинский, 1920].

Свою собственную антибольшевистскую газету «Дело России» пытался издавать в Японии колчаковский журналист А. В. Гутман (Ган). Когда деньги для издания газеты закончились, атаман Семенов взял финансирование ее выпуска на себя. Во главе издания был поставлен бывший глава отдела печати Временного Всероссийского правительства (Директории), приват-доцент Московского университета, журналист А. Л. Фовицкий [Там же, л. 20]. Он входил в штат миссии и подчинялся П. Ф. Рябикову.

Рябиков начал с того, что восстановил свои связи с друзьями, знакомыми и сослуживцами, разбросанными теперь по всему свету. Многие из них служили вместе с Павлом Федоровичем в ГУГШ, были военными агентами в Европе, преподавали вместе с ним в Николаевской академии. Большинство было в генеральских чинах. Старые кадры П. Ф. Рябикова составили основу его сети агентов-информаторов, с которыми он завязал регулярную переписку, прося каждого присылать систематизированную информацию о стране их пребывания: состоянии экономики, государственной власти, вооруженных сил, об общественной и политической жизни, революционном движении, прессе, национальных меньшинствах и т. п. Фактически это был стандартный набор сведений, собиравшихся до революции разведывательной службой ГУГШ через военных агентов в зарубежных странах. Добавлен был только один пункт: настроения и идейные течения в среде русских эмигрантов, пребывавших в данной стране.

Особое внимание П. Ф. Рябиков обратил на установление контактов с лично известными ему руководителями военной эмиграции в Европе — генералами Е. К. Миллером и Н. А. Монкевицем. 9 октября 1920 года Е. К. Миллеру в Париж ушла первая подготовленная П. Ф. Рябиковым информация (сводка) о состоянии дел на Дальнем Востоке, написанная с позиций семеновской пропаганды [Там же, д. 97, л. 1—2]. В дальнейшем такие «сводки» и «записки» отправлялись регулярно с просьбой показать их генералу П. Н. Врангелю (Миллер являлся доверенным лицом Врангеля во Франции). Генерал Н. А. Монкевиц, бывший сослуживец П. Ф. Рябикова по ГУГШ в 1917 году и его близкий друг (в письмах они общались на «ты»), также получал от Рябикова аналогичную информацию на парижский адрес. В ответ Монкевиц слал Рябикову свои информационные материалы, в том числе разведывательные данные, нелегально добытые в РСФСР (например, сводки о расположении, численности и состоянии частей Красной армии, которые присылал в Париж белогвардейский агент с конспиративной кличкой «Эрин», служивший в советском Наркомате обороны) [Там же, д. 24, л. 1; д. 93, л. 44].

К лету 1921 года сеть П. Ф. Рябикова включала несколько крупных корреспондентов-информаторов в Европе и США, которые 2—3 раза в месяц получали из йокогамской миссии сводки и аналитические письма с информацией, препарированной в духе атамана Г. М. Семенова. Эти же заочные сотрудники П. Ф. Рябикова стали постоянными поставщиками информационных сообщений из ряда стран. В Париже генерал Е. А. Кельчевский согласился быть распространителем сообщений П. Ф. Рябикова по всей Европе — он рассылал их наиболее известным военным эмигрантам и по военным организациям [Там же, д. 92, л. 27—29]. П. Ф. Рябиков отыскал в Сербии его отца А. К. Кельчевского, своего военного друга, — и тоже включил его в сеть информаторов [Там же, л. 1—4].

Корреспондентом-информатором (правда, малодетальным) стал даже бывший начальник П. Ф. Рябикова по военной разведке генерал В. В. Марушевский, руководивший ГУГШ с 1916—1917 годов. Марушевский жил в это время в Венгрии, являясь представителем генерала П. Н. Врангеля при дворе диктатора Хорти, на будапештский адрес он получал сообщения Рябикова [Там же, л. 5—7]. В число сотрудников П. Ф. Рябиков включил генерала Ю. Д. Романовского — бывшего представителя А. В. Колчака в Японии, который уехал из Йокогамы вскоре после приезда туда П. Ф. Рябикова [Там же, д. 91, л. 52—54; д. 92, л. 43—52].

Большие надежды П. Ф. Рябиков возлагал на информационную миссию своего близкого друга, генерал-майора Е. К. Кронковского. Во времена Осведверха (1919) Кронковский в чине полковника являлся руководителем

осведомительной (пропагандистской) службы в 3-й армии А. В. Колчака, считался одним из лучших издателей белогвардейской литературы. В марте 1921 года Е. К. Кронковский с благословения П. Ф. Рябикова был командирован атаманом Г. М. Семеновым со специальными заданиями в США, а затем — в Европу. Среди его поручений значилась информационная связь, отправка в адрес Рябикова регулярных сообщений из стран пребывания, передача генералам Е. К. Миллеру и Н. А. Монкевицу по восьми пакетов информации каждому. Кронковский, по словам Рябикова, писал из Америки «много и обстоятельно», корреспондировал он и из Англии, а затем Франции. Но по мере того, как финансовая поддержка от атамана Семенова стала иссякать, генерал Е. К. Кронковский начал высказывать недовольство своим положением, связь с ним потерялась [Там же, д. 91, л. 42; д. 92, л. 21—26; д. 93, л. 5—12; д. 97, л. 8—9; оп. 2, д. 1, л. 11].

Следом за людьми, хорошо ему знакомыми, П. Ф. Рябиков начал привлекать к сотрудничеству офицеров, с которыми он когда-то имел служебные связи, либо вообще никогда не встречался. Узнав, что в Берлине находится представитель П. Н. Врангеля полковник А. А. фон Лампе (будущий инициатор и редактор альманаха «Белое дело. Летопись белой борьбы»), П. Ф. Рябиков напомнил ему о годах совместной учебы в Николаевской академии Генерального штаба, вспомнил и «полевые поездки, беседы», стал посылать свою информацию и добился отклика — фон Лампе начал присылать ему свои информационные письма, навеянные атмосферой окружения П. Н. Врангеля [Там же, оп. 1, д. 91, л. 47—50; д. 92, л. 9—12; д. 103, л. 170—172].

Большие трудности доставила П. Ф. Рябикову организация информационной агентуры в США. Поначалу здесь в качестве информатора йогогамской миссии оказался генерал-лейтенант К. В. Сахаров, бывший временный начальник П. Ф. Рябикова. В ноябре 1919 года Рябиков эвакуировался из Омска в одном поезде со штабом главнокомандующего Восточным фронтом генерала К. В. Сахарова, у которого он был генералом для поручений. После краха колчаковской власти К. В. Сахаров на какое-то время уехал в США и за информационную работу в этой стране снабжался средствами лично от атамана Г. М. Семенова. В июне 1921 года внезапно стало известно, что Сахаров получил от Семенова деньги и указание отправиться в командировку из Америки в Берлин, где он и прожил все оставшиеся годы. Никакого отчета о работе и о расходовании средств — как и сумм на продолжение информационной деятельности семеновцев в США — бывший главком Восточного фронта не оставил. Всю работу по организации ячейки информаторов на североамериканском континенте П. Ф. Рябикову пришлось начинать с нуля. На должность руководителя американского бюро П. Ф. Рябиков пригласил русского журналиста и

политика, работавшего в 1920—1921 годах вместе с К. В. Сахаровым, — Б. Л. Бразоля. Деятельность этого представителя миссии, фактически, не имела возможности развернуться: деньги семеновской казны были уже на исходе, вся работа сворачивалась [Там же, д. 92, л. 35, 37—42, 53—57]. Но Б. Л. Бразоль сумел выпустить в Нью-Йорке свою книгу на английском языке под названием «Социализм versus цивилизация» [Brasol, 1920].

Настоящей находкой для П. Ф. Рябикова стало заочное знакомство с Б. Л. Покровским — военным юристом, педагогом и журналистом. Эвакуировавшись в 1920 году с юга России, Б. Л. Покровский через Константинополь оказался в Вене. Замеченный атаманом Г. М. Семеновым, он стал представителем атамана в Центральной Европе и почти сразу попал в орбиту внимания П. Ф. Рябикова. Многостраничные всеобъемлющие аналитические сообщения Б. Л. Покровского вызывали восторг П. Ф. Рябикова: по объему и систематичности изложения (с постоянными тематическими рубриками) они напоминали научные трактаты [ГАРФ, ф. Р-5793, оп. 1, д. 92, л. 30—32, 61—63]. Две внушительные по объему папки с этими докладами сохранились в личном архивном фонде П. Ф. Рябикова [Там же, д. 111, 112]. Кроме того, Б. Л. Покровский на средства, отпущенные миссией, выпустил в Вене (под псевдонимом Б. Борисов) свою книгу «Дальний Восток», в которой использовал сведения, присланные ему П. Ф. Рябиковым [Там же, д. 111, л. 1; д. 92, л. 30; Покровский, 1921].

По мере оскудения денежных запасов атамана Г. М. Семенова затихала и прекращалась деятельность информационного аппарата миссии в Йокогаме. Если в 1920 и первые месяцы 1921 года корреспонденты-информаторы, привлеченные П. Ф. Рябиковым, получали (переводом) известные суммы в оплату своего труда, то с лета 1921 года от них в адрес П. Ф. Рябикова поступали нескончаемые жалобы на отсутствие материальной поддержки. Генерал Рябиков ничем не мог утешить своих сотрудников: от атамана не поступало денег и на само существование миссии, которая также постепенно сворачивала свою активность, сокращая объем работ, штаты и растягивая оставшиеся средства на ближайшие недели и месяцы. В каждом ответном письме П. Ф. Рябиков призывал своих корреспондентов к стойкости, просил не бросать работу в надежде на изменение ситуации, но во всех случаях был вынужден констатировать: «Ничего сделать не можем, так как ощущается manque d'argent (фр.: отсутствие серебра) и во всем идет экономия и урезка» [ГАРФ, ф. Р-5793, оп. 1, д. 91, л. 52].

Внутренняя работа миссии состояла в том, что ее сотрудники составляли различные обзоры и сводки для штаба атамана Г. М. Семенова и для его единомышленников в японских политических кругах и местной прессе. Обзоры создавались на основе обобщения сведений, присланных корреспондентами

П. Ф. Рябикова, а также по материалам японских информационных агентств. Составлялись, кроме того, еженедельные обзоры английской прессы, издававшейся в Японии [Там же, оп. 2, д. 57, л. 1—8; д. 67, л. 1—4, 9—12]. Для осуществления различных задач в миссии имелись переводчики на английский и японский языки. Из миссии в японские и английские газеты рассылались информационные записки, меморандумы и рефераты, часть из них, судя по почерку рукописей, составлял лично П. Ф. Рябиков [Там же, д. 97, л. 12—14; д. 105, л. 17—61, 83—98; д. 107, л. 21—22]. Такие же материалы готовились на английском языке с последующей рассылкой англоязычным адресатам [Там же, оп. 1, д. 105, л. 62—78; оп. 2, д. 60, л. 1—9].

В прессу и влиятельным японским политикам, а также военным агентам иностранных государств (для передачи своим правительствам) рассылались и оригинальные статьи, составленные на основе корреспондентских сообщений. Целый ряд их сохранился в архиве П. Ф. Рябикова, некоторые написаны или отредактированы его рукой. Не исключено, что авторами статей являлись русские эмигранты, сотрудничавшие с миссией. Названия этих сугубо антибольшевистских сочинений говорят сами за себя: «Организация большевистской пропаганды в целом свете», «Новый этап борьбы с большевиками», «Большевистская пропаганда в Польше», «Что такое казаки и могут ли они стать большевиками», «Положение в советской России», «Большевизм и значение его в мировой политике», «Россия и союзники», «Несколько слов “Правды” о положении в советской Сибири», «Социал-демократы против большевизма», «Большевики и меньшевики (Историческая справка)».

Одним из организаторских достижений П. Ф. Рябикова и его сотрудников в Йокогаме стало издание миссией газеты на японском языке. Русскоязычная газета «Дело России», редактировавшаяся А. Л. Фовицким и выходившая на средства атамана Семенова, просуществовала в 1920 году недолго. После ее закрытия А. Л. Фовицкий разработал проект издания при миссии небольшой японоязычной газеты под названием «Будущая Россия». Он же стал редактором газеты, которая выходила несколько раз в месяц, по мере накопления материала [Там же, оп. 1, д. 1д, л. 20об; д. 93, л. 46]. Газета выходила с сентября 1920 года в Токио, где жил А. Л. Фовицкий. В октябре 1920 года П. Ф. Рябиков не без гордости сообщал одному из своих корреспондентов: «Газета наша — японская — расходится сейчас же, и мы уже думаем, если будет «порох в пороховницах», издавать русско-японскую газету (1/2 текста русского и 1/2 текста японского) три раза в неделю» [Там же, д. 91, л. 4]. Все сотрудники и сам П. Ф. Рябиков писали для «Будущей России» короткие статьи и заметки, часть из них сохранилась в архивном фонде генерала («Выборы в Учредительное собрание Дальневосточной республики», «Работа III Интернационала», «Первобыт-

ный коммунизм», «Самим надоело», «Цифры сильнее всего», «Восстания в Амурской области», «Голод в Дальневосточной республике»). Газета просуществовала до сентября 1921 года и была закрыта из-за отсутствия у миссии средств. А. Л. Фовицкий уехал в США. Тогда же была расформирована канцелярия С. Г. Гортинского [Там же, д. 1д, л. 30].

По-видимому, миссия Г. М. Семенова в Йокогаме осуществляла и некоторые функции книгоиздания. В письмах и воспоминаниях П. Ф. Рябикова об этом не говорится ровно ничего, и, вероятно, не случайно. Брошюры данного цикла (1920 год), сохранившиеся в архиве генерала — «Пауки и мухи» (название позаимствовано у известной социал-демократической брошюры В. Либкнехта), «Новая Иудея» и ее английский перевод, два «Письма» якобы от крестьян Забайкалья и Амурской области трудящимся Дальнего Востока, «Религия и большевизм», — сработаны по всем канонам подрывной пропаганды, созданным в недрах спецслужб [Византиец 1920; Владимиров 1920; Письмо к крестьянам ..., 1920; Письмо от крестьян ..., 1920; Странник ..., 1920; New Judea..., 1920]. Они анонимны или подписаны псевдонимами, не содержат выходных данных (кроме публикации, выпущенной в типографии харбинской газеты «Свет», которая издавалась на деньги того же Г. М. Семенова под редакторством Г. Г. Сатовского-Ржевского старшего). Главной чертой обозначенных брошюр является их густой антисемитизм, игра на низменных чувствах толпы. Скорее всего, пасквили были отпечатаны в Харбине по заказу йокогамской миссии. О причастности миссии к выпуску юдофобских сочинений говорит письмо полковника Б. Бекетова, отправленного с заданием П. Ф. Рябикова из Японии в Европу к Н. А. Монкевицу. С дороги Бекетов написал Рябикову послание, в котором жаловался, что его недостаточно снабдили в миссии английским изданием памфлета «Новая Иудея» и другими брошюрами, в то время как на пароходе находилось много иностранцев, которых он, Бекетов, мог бы по ходу плавания «подзарядить в желательном направлении, тем более что они все, как англичане, так и японцы, очень всем интересуются». Бекетов просил П. Ф. Рябикова прислать ему всю эту литературу в Плимут для распространения [ГАРФ, ф. Р-5793, оп. 2, д. 4, л. 1—1 об]. Возможно, спустя годы генерал не хотел вспоминать о своем участии в этом «черном пиаре» русских шовинистов.

3.2. Работа в шанхайской прессе. Разрыв с Г. М. Семеновым

Лето 1921 года прошло у атамана Г. М. Семенова в бесплодных попытках отобрать власть у Временного Приамурского правительства, утвердившегося во Владивостоке в результате переворота братьев С. Д. и Н. Д. Меркуловых 26 мая. Прибыв в Приморье 3 июня 1921 года, Семенов вел с Меркуловыми длинные переговоры, настаивая на своем праве возглавить все контрреволюционные силы Дальнего Востока, поскольку он, атаман, фи-

нансировал переворот и имел статус главнокомандующего вооруженными силами белых. Роль П. Ф. Рябикова и его команды в этой тяжбе состояла в информационной поддержке позиции атамана. Все письма Рябикова его заграничным корреспондентам, все «записки», «сводки» и «меморандумы» миссии заполнены в это время обоснованием претензий Г. М. Семенова на власть, обвинениями меркуловцев и верхушки каппелевского генералитета, помогавшего осуществить переворот, в измене делу «национальной России», в разрушении единого антибольшевистского фронта и т. п. Г. М. Семенов перебрался в расположение своих войск в пос. Гродеково, откуда три месяца пытался давить на меркуловцев и угрожать им, но безуспешно. Признав безысходность ситуации, Г. М. Семенов передал управление войсками генералу Глебову, а сами остатки Дальневосточной армии — в подчинение Приамурскому правительству с условием их снабжения и прокорма. В середине сентября 1921 года Г. М. Семенов отбыл в Японию.

Здесь атаман устроил совещание в г. Кобе, на котором сотрудники японской миссии главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины узнали, что миссия закрывается, а они уволены. Атаман заявил, что он переносит свою деятельность в г. Шанхай, на французскую концессию. П. Ф. Рябикова он пригласил переехать к нему в Шанхай и продолжить ту же работу информации и пропаганды, которой генерал занимался в Японии. Описывая эти события, П. Ф. Рябиков добавляет: Г. М. Семенов обещал ему, что «он поддержит материальную работу и мою личную жизнь... Мы составили смету» [Там же, д. 1д, л. 54—54 об, д. 98, л. 27об].

14 октября 1921 года П. Ф. Рябиков с семьей (женой и дочерью) прибыли в Шанхай. На первое время они поселились в квартире своих друзей: подполковника Б. А. Вуича и его супруги (Вуич заведовал верховой ездой в Николаевской академии Генштаба) [Там же, д. 95, л. 13, 51; д. 93, л. 18]. Через месяц Рябиковы арендовали на французской концессии собственное жилье — половину дома с меблированными комнатами [Там же, д. 95, л. 14]. Бытовая сторона жизни была обустроена. Почти сразу Рябиковы стали сдавать две комнаты в доме русским эмигрантам. Это давало некоторые средства к существованию, а в отдельные особо трудные периоды безденежья служило генеральскому семейству источником выживания. Соседство с беженцами-интеллигентами позволяло Рябиковым ощущать атмосферу русской культуры и духовности. «Дом у нас славный, — сообщал генерал в одном из писем, — и живут симпатичные русские люди. Собираемся вместе на завтрак и обедаем — и много дружно беседуем, вспоминая лучшие времена и надеясь на лучшее будущее» [Там же, д. 96, л. 46].

П. Ф. Рябиков быстро оценил преимущества работы в Шанхае как, по его словам, в «наиболее независимой от влияния каких-либо держав

точке». «Тут каждый делает что хочет (лишь бы не занимался уголовщиной!), — рассказывал генерал, — Никакой цензуры нет, и есть все главные иностранные почты (французская, английская и американская), что облегчает сношения» [Там же, д. 93, л. 17]. «Здесь по загранице работать очень спокойно, удобно и независимо» [Там же, д. 95, л. 47]. «А с другой стороны, — подмечает Рябиков, — плюсом является прекращение опеки и любопытства японцев» [Там же, д. 94, л. 30]. Шанхай впечатлил П. Ф. Рябикова и своей деловой атмосферой. «Шанхай мне нравится своей деятельной энергией, — записал он, — Меньше ноют, меньше слышно сплетен и перемываний» [Там же, л. 16]. Свои планы и некоторые итоги Павел Федорович охарактеризовал так: «Посильной работы по национальному делу не оставляю и не оставлю, свою обширную корреспонденцию и сбор антибольшевистских материалов продолжаю. Начал и работу в газетах, ввиду их бедности — конечно, бесплатную» [Там же, л. 15].

Г. М. Семенов, приехавший в Шанхай раньше П. Ф. Рябикова, жил на одной с ним улице. На встрече, состоявшейся сразу после прибытия Рябикова, атаман вновь просил его продолжать пропагандистскую работу и держать связи с заграничными партнерами по информации. Рябикову было назначено жалованье в 300 мексиканских долларов, которые он получил тогда первый и единственный раз [Там же, д. 1д, л. 55—57].

Через несколько дней Г. М. Семенов неожиданно уехал из Шанхая (власти французской концессии не желали видеть на своей территории одиозную фигуру атамана). Семенов отбыл внезапно, оставив П. Ф. Рябикову краткую записку. С тех пор общение между ними продолжалось лишь в форме редкого обмена письмами, если не считать краткого визита атамана на квартиру Рябикова в феврале 1922 года [Там же, л. 56 об, 59 об]. Г. М. Семенов письменно поручил П. Ф. Рябикову вести работу в контакте с начальником его штаба генерал-лейтенантом П. П. Ивановым-Риновым, жившим в Циндао (где, по предположениям, наездами проживал и сам Г. М. Семенов). Рябиков начал посылать Иванову-Ринову свои отчеты, информационные сводки и газетные вырезки, но начальник семеновского штаба никаких компетентных указаний дать не мог, казной не распоряжался и встречной официальной информации не слал. Переписка была вялой и вскоре совсем заглохла. В марте 1922 года Г. М. Семенов уехал через Японию в США и связь с ним окончательно оборвалась.

За пять месяцев с октября 1921 по март 1922 года отношение П. Ф. Рябикова к атаману Г. М. Семенову и к работе на него претерпело значительную эволюцию. Первое время П. Ф. Рябиков выступал в роли убежденного семеновца, бескорыстного помощника атамана на «идеологическом фронте». Жалования он ни от кого не получал, медленно расходуя то выходное

пособие в размере четырех окладов, которое ему выдали перед увольнением из миссии в Йокогаме. Когда деньги закончились, генерал был вынужден жить на скромные средства от сдачи в аренду комнат в своей квартире. Но он по-прежнему пытался выглядеть идейным сторонником Г. М. Семенова, в письмах убеждал своих информаторов-корреспондентов в правоте атамана, рисовал картину его энергичной работы во благо России, просил оставаться на службе «национальному делу» и присылать новые сводки и материалы для пропаганды. Во всех письмах к Г. М. Семенову, П. П. Иванову-Ринову, генералу М. П. Подтягину, державшему часть семеновских средств, генералу Е. К. Миллеру в Париж, имевшему деньги от П. Н. Врангеля, Павел Федорович просит, напоминает, взывает о материальной помощи и хотя бы минимальном денежном «подкреплении» себя и своих корреспондентов в Европе и США. Он убеждал руководителей военной эмиграции в необходимости именно сейчас, в критический момент истории Азии, не допустить «коммунизации» массового сознания на Дальнем Востоке. «Повторяю то, что писал неоднократно, — декларирует он, — Восток играет сейчас в национальном движении громадную роль. Надо на него обратить серьезное внимание, надо его поддержать и не дать погибнуть последней небольшевистской русской территории (имеется в виду «белое» Приморье. — *А. П.*) Большевизация всего Востока нанесет русскому делу непоправимый удар» [Там же, д. 96, л. 5].

П. Ф. Рябикова не устраивала не только материальная сторона поставки пропаганды. В меньшей мере он обращал внимание на слабую организацию работы, аморфность руководства ею, отсутствие точных указаний, недостаточную заинтересованность руководителей Белого движения в результатах информационной войны с большевизмом. Г. М. Семенову, с которым П. Ф. Рябиков искал, но не мог найти постоянного (хотя бы заочного) контакта, он сообщает из письма в письмо: «С нетерпением жду связи с Вами, которая так необходима для планомерной и систематической работы» [Там же, д. 98, л. 7]; «Жду развития подготовительных работ и времени, когда уже будет можно сообщить за границу более определенные данные о работе на Востоке» [Там же, л. 10]; «Посильную работу веду, но без связи, ориентировки и средств она состоит в посылке писем за границу, в разработке антибольшевистских материалов и в писании в газетах» [Там же, д. 95, л. 25—26]. После настойчивых писем Рябикова о необходимости налаживания регулярной связи с ним Семенов пообещал генералу, что вызовет его в Циндао на специальное совещание. В ожидании обещанного совещания (которое в итоге так и не состоялось) Рябиков напоминал атаману: «Для начала уже вполне систематической работы крайне важно совещание в Циндао, которое даст возможность вполне выяснить

всю обстановку Дальнего Востока, точно распределить работу и дать соответственные информации за границу» [Там же, д. 95. л. 42а].

Павла Федоровича, как военного, служившего в ГУГШ и в штабе А. В. Колчака, раздражали неопределенность положения, отрывочность контактов, бессистемность работы, отсутствие ясных указаний и в целом — недостаточно ответственный подход к делу Г. М. Семенова и его окружения. Раздражение и насмешливый тон в отношении «дяди» (так Рябиков называл с иронией своего шефа Г. М. Семенова) сквозят во многих письмах генерала к своим знакомым. «От дяди ничего не имею и о нем ничего не знаю, кроме слухов, что он уже куда-то уехал. Что все это означает — не понимаю»; «О дяде ни слуху, ни духу — и если что узнаваю, то по слухам», — пишет он своему бывшему подчиненному из Осведверха, писателю и журналисту А. М. Оссеновскому [Там же, д. 96, л. 17, 19].

В феврале 1922 года П. Ф. Рябиков окончательно отбросил почтительность в отношении к атаману. В письме Г. М. Семенову от 9 февраля он перечисляет причины, по которым намерен оставить службу. «Работу по связи с заграничными корреспондентами, налаженную в Японии, — пишет он, — считаю непродуктивной и непроизводительной по следующим причинам: <...> 2) С момента отъезда атамана Семенова из Шанхая вся работа свелась лишь к получению писем, рисующих положение на Западе. Отвечать же по существу я ничего не мог, так как не имею никакой ориентировки, сообщая лишь известия из газет; 3) Получая ряд запросов корреспондентов личного характера (о материальном положении и др.), также ничего ответить не мог, так как опять-таки за весь период не получал никаких указаний; 4) Для сообщения сведений необходимо знать общую обстановку, планы и намерения, которых я абсолютно не знаю. <...> При настоящих условиях считаю роль получателя донесений с Запада — без возможности руководить — непроизводительной и прошу передать ее другому лицу» [Там же, д. 98, л. 43—44]. В письме к генералу Ю. Д. Романовскому Павел Федорович изъяснялся еще резче: «Я работать с закрытыми глазами не могу. Я должен знать обстановку и могу только работать, если общие направления соответствуют моим убеждениям и взглядам» [Там же, л. 28]. В апреле 1922 года, с отъездом Г. М. Семенова в США, П. Ф. Рябиков прекратил работу в качестве его сотрудника [Там же, д. 1д, л. 63].

Вынужденная малоэффективность работы тяготила генерала. В свои 46 лет он хотел действовать, сообщал своим друзьям заветное желание: «Больше бы всего хотел продолжить свою маленькую осведомительную работу <...>. Тяжело было бы совсем “ликвидироваться” в своей работе и, сложив совсем оружие, превратиться окончательно в обывателя» [Там

же, д. 96, л. 4а]. В другом послании европейскому адресату Рябиков пишет: «Работать люблю, силы есть, есть вера в будущее России и желание поработать <...> для воссоздания Русской армии и России [Там же, л. 1]. К самостоятельной работе его подвигала и общая креативная обстановка международного мегаполиса с ее культом личного успеха, экономической свободы, творческой раскованности. «Стремлюсь создать себе хоть крошечное личное дело, — признавался генерал, — чтобы не быть в полной зависимости от политической работы, которая пока давала возможность существовать» [Там же, д. 95, л. 13].

Естественным шагом для П. Ф. Рябикова стало сотрудничество в шанхайской русскоязычной прессе. Уже через три недели после приезда в город он сообщал Н. А. Монкевицу: «Начал работу здесь в газетах (конечно, ни на какой гонорар рассчитывать не приходится)». Намечая перспективы (оказавшиеся иллюзиями), П. Ф. Рябиков делится замыслами: «Если, по прояснении обстановки, получу на работу лишь какие-нибудь средства, то работу разовью, начал работу и в английской печати, и в издании брошюр, в более широком распространении (ротапринт привез с собой из Токио) <...>. Статью, прилагаемую Японским генеральным штабом, перевел на японский язык и издал для широкого распространения брошюрой за свой счет» [Там же, д. 95, л. 8, 9]. Одну из первых крупных статей под названием «Советская Россия как она есть» Рябиков опубликовал в двух номерах (за 10 и 11 ноября 1921 года) в шанхайской газете «Русское эхо» (редактор И. Н. Шендриков).

Но газета «Русское эхо» генералу не нравилась, в частной переписке он называл этот орган прессы «провинциальной обывательской газетой», «упивающейся перемыванием всякого белья» [Там же, д. 96, л. 14, 43].

В начале декабря 1921 года П. Ф. Рябикова пригласили работать в начавшую выходить незадолго до этого в Шанхае русскую еженедельную газету на английском языке «The Russian Free Thought» («Русская свободная мысль»). Это была первая и единственная тогда англоязычная газета, издававшаяся русскими в странах Дальнего Востока. Издатель газеты А. М. Котенёв предложил П. Ф. Рябикову должность редактора, и генерал, по собственным словам, с увлечением взялся за новое дело [Там же, д. 96, л. 42; д. 98, л. 29]. Газета была рассчитана на иностранную общественность Шанхая, ее рассылали иностранным консульствам, видным государственным и общественным деятелям в Китае, Японии и США. Воодушевленный, П. Ф. Рябиков считал, что такая газета «будет заставлять их читать правду о “советчине”», а иллюстрированное приложение к еженедельнику сможет «показать иностранцам нашу культуру, как и искусство, существовавшее до коммунистов». Газета, полагал он, «имеет целью и

поднимать русское имя в глазах иностранцев, и устанавливать сближение с ними» [Там же, д. 96, л. 43]. Рябиков просил своих корреспондентов присылать фотографические снимки предметов и объектов русской культуры для иллюстрированного приложения. «Я много пишу в газете, веду обзор иностранной печати и др.», — сообщал генерал. Он просил своих корреспондентов-информаторов присылать ему как можно больше сведений и их (корреспондентов) собственные статьи «о Западе, Турции, Балканах, о жизни русских колоний <...> и жизни в Австрии, Венгрии и Болгарии». «Все это нас интересует, — добавлял он. — Если газета окрепнет, то будут и гонорары». Пока же он просил своих партнеров (в первую очередь наиболее аккуратных и продуктивных — Н. А. Монкевица и Б. Л. Покровского) отмечать в их материалах, что из присланного можно помещать в открытой прессе, а о чем лучше умолчать. Просил Рябиков сообщить ему и псевдонимы корреспондентов [Там же, д. 98, л. 26]. Е. К. Кронковского Павел Федорович просил присылать в газету еженедельные «Письма из Парижа» [Там же, д. 95, л. 51]. Из Владивостока ему поставлял сводки местной информации его ученик по Николаевской академии полковник Генерального штаба, журналист Б. Н. Русский [Там же, д. 98, л. 33].

Но в середине февраля 1922 года «Русская свободная мысль» прекратила выход за отсутствием средств. Поехавший за финансированием в Харбин и Владивосток издатель А. М. Котенёв вернулся с пустыми руками. П. Ф. Рябиков записывал в эти дни: «Масса материалов и писем с Запада, которые я получаю, лежит втуне»; «Смотря на гору материалов, грущу, что не могу их использовать, имея свою газету» [Там же, д. 96, л. 11, 14, 17; д. 98, л. 29].

Кроме политических газет, П. Ф. Рябиков участвовал в 1921—1922 годах в выпуске при местном православном храме Шанхая издания «Вестник Воскресения». Как человек глубоко верующий, он вошел в церковный комитет, редактировавший «Вестник», и стал членом его редколлегии [Там же, д. 1д, л. 312—312об; д. 96, л. 6, 9].

После краха «Русской свободной мысли» П. Ф. Рябиков начал в марте 1922 года сотрудничать в другой местной газете «Шанхайское новое время», редактором и издателем которой была журналистка М. Звездич (Гедройц) [Там же, д. 96, л. 34]. Но сотрудничество шло вяло: газета была пропитана духом старого монархизма, который не вполне соответствовал политическому кредо Рябикова.

4. Заключение = Conclusions

Пройдя через службу русскому Императору, адмиралу А. В. Колчаку, атаману Г. М. Семенову, генерал-майор П. Ф. Рябиков стал в 1922 году на

путь самостоятельного определения своего будущего. Перед ним открылись возможности частного литературного и научного творчества, перспективы организаторской работы по упрочению, как он считал, русского национального дела на Дальнем Востоке, а затем в Чехословакии, куда он переселился несколько позднее. Впереди у П. Ф. Рябикова была организация в Шанхае первой крупной русскоязычной общественно-политической и литературно-художественной газеты «Россия» и редактирование двуязычного (русская и английская версии) журнала «Экономическое обозрение» / «Russian Economic Review». Однако эта тема заслуживает специального изучения и отдельной публикации.

Общенаучное же значение данной статьи состоит, прежде всего, в утверждении ценности для исторической науки детального историко-биографического исследования не самых важных, но заметных персон прошлого. На примере изучения судьбы П. Ф. Рябикова можно понять многое в русской истории XX века — от подробностей политики до особенностей общественной психологии кризисной эпохи. Огромную роль сыграли систематизированный подбор и бережное сохранение архивистами Русского заграничного исторического архива личного архивного фонда П. Ф. Рябикова, который явился основным источником статьи.

Перспективность освоения историками темы политической пропаганды как составной части Гражданской войны в России не требует доказательств. Тема приобретает все бóльшую актуальность в свете аналитики критических общественно-политических ситуаций, «гибридных войн», повседневной жизни в условиях нестабильности государства и др. Исследование русского прошлого через биографии его обитателей, безусловно, должно быть продолжено.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5793 (Личный архивный фонд П. Ф. Рябикова), Оп. 1. ; Оп. 2.
2. *New Judea* (Who ruined Great Russia) / Translated from Vladimiroff's report. — Харбин : [б. и.], 1920. — 42 р. (Место хранения : ГАРФ, Ф. Р-5793, Оп. 1, Д. 132, Л. 79—100).
3. *Византиец*. Пауки и мухи (Излагается по Либкнехту) / Византиец. — Харбин : [б. и.], 1920. — 16 с. (Место хранения : ГАРФ, Ф. Р-5793, Оп. 1, Д. 132, Л. 27—34).
4. *Владимиров В.* Новая Иудея (Доклад интеллигента, прибывшего из Совдепии) / В. Владимиров. — Харбин : [б. и.], 1920]. — 22 с. (Место хранения : ГАРФ, Ф. Р-5793, Оп. 1, Д. 132, Л. 51—61 об).
5. *Гортинский С. Г.* Атаман Семенов, его жизнь и деятельность / С. Г. Гортинский. — Токио : [б. и.], 1920. — 30 с.

6. *Письмо к крестьянам, казакам и ко всем другим трудовым русским людям от крестьян Верхнеудинского уезда.* — Харбин : [б. и.], 1920. — 16 с. (Место хранения: ГАРФ, Ф. Р-5793, Оп. 1, Д. 132, Л. 43—50).

7. *Письмо от крестьян Гальчинской и Тамбовской волостей Амурской области.* — Харбин : [б. и.], 1920. — 16 с. (Место хранения: ГАРФ, Ф. Р-5793, Оп. 1, Д. 132, Л. 35—43 об).

8. *Странник В.* Религия и большевизм (Из газеты «Свет») / В. Странник. — Харбин : Типография газеты «Свет», 1920. — 16 с. (Место хранения: ГАРФ, Ф. Р-5793, Оп. 1, Д. 132, Л. 67—74 об).

9. *Борисов Б. А.* Дальний Восток / Б. А. Борисов. — Вена : Новая Россия, 1921. — 62 с.

10. *Brisol B.* Socialism vs Civilization / B. Brisol. — New York : Charles Scribner's Sons, 1920. — 24 p.

Литература

1. *Былинин В.* Одиссея генерала Рябикова : он служил четырем режимам, стоял у истоков двух спецслужб... / В. Былинин, Н. Кирмель // Родина. — 2010. — № 7. — С. 131—134.

2. *Волков Е. В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны : Биографический справочник / Е. В. Волков, Н. Д. Егоров, И. В. Купцов. — Москва : Русский путь, 2003. — 240 с. — ISBN 5-85887-169-0.

3. *Волков С. В.* Штаб-офицеры и генералы белых армий : Энциклопедический словарь участников Гражданской войны / С. В. Волков. — Москва : Центрполиграф, 2019. — 991 с. — ISBN 978-5-227-07168-2.

4. *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии. 1914—1922 / А. В. Ганин. — Москва : Книжница, 2014. — 768 с. — ISBN 978-5-903081-24-0.

5. *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917—1922 г. : Справочные материалы / А. В. Ганин. — Москва : Русский путь, 2009. — 894 с. — ISBN 978-5-85887-301-3.

6. *Ганин А. В.* Пражский кружок по изучению Первой мировой войны / А. В. Ганин // Военно-исторические исследования в Поволжье. — 2017. — Выпуск 11. — С. 4—21.

7. *Голоскоков И. В.* Под оперативным псевдонимом «Павлов» / И. В. Голоскоков // Оперативник (Сыщик). — 2005. — № 3. — С. 23—28.

8. *Колпакиди А. И.* Империя ГРУ : Очерки истории российской военной разведки / А. Колпакиди, Д. Прохоров. — Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. — Книга 2. — 448 с. — ISBN 5-224-00600-7.

9. *Ларьков Н. С.* Вся генеральская рать : (Высшее военное руководство г. Томска в годы Гражданской войны) / Н. С. Ларьков // Вестник Томского государственного университета. Серия : История. — 2018. — № 53. — С. 142—152. — DOI: 10.17223/19988613/53/27.

10. *Лурье В. М.* ГРУ : дела и люди / В. М. Лурье, В. Я. Кочик. — Санкт-Петербург : Изд. дом «Нева» ; Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 704 с. — ISBN 5-7654-1499-0.

11. *Терентьев В. О.* Судьба генерал-майора Павла Федоровича Рябикова и его вклад в осмысление Первой мировой войны / В. О. Терентьев // Русское Зарубежье. XX век. Мировые войны: Слепухинские чтения—2018 : Труды Междунар. науч. конф. — Санкт-Петербург : Фонд Слепухина : Ладога, 2020. — С. 79—92.

12. *Хисамутдинов А. А.* Русская словесность в Шанхае / А. А. Хисамутдинов ; науч. ред. Т. В. Прудкогляд. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. — 132 с.

13. Хисамутдинов А. А. Русские волны на Пасифике. Из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет / А. А. Хисамутдинов. — Пекин ; Владивосток : Изд-во «Рубеж», 2013. — 640 с. — ISBN 978-5-85538-094-1.

14. Хисамутдинов А. А. Русские страницы Шанхая / А. А. Хисамутдинов. — Владивосток : Из-во Дальневост. ун-та, 2016. — 89 с. — ISBN 5-7444-0036-2.

15. Чжао Юнхуа. Русская пресса в Китае (1898—1956) / Чжао Юнхуа ; пер. с кит. А. А. Зеленовой. — Москва : ООО «Международная издат. компания "Шанс"», 2017. — 399 с. — ISBN 978-5-906892-22-5.

Статья поступила в редакцию 15.11.2023,
одобрена после рецензирования 23.12.2023,
подготовлена к публикации 23.01.2024.

Material resources

A letter from the peasants of Galchinsk and Tambov volosts of the Amur region. (1920). Harbin: [b. i.]. 16 p. (Storage location: GARF. F. R-5793. Op. 1. d. 132. L. 35—43 vol.). (In Russ.).

A letter to peasants, Cossacks and all other working Russian people from the peasants of Verkhneudinsky district. (1920). Harbin: [b. i.]. 16 p. (Storage location: GARF. F. R-5793. Op. 1. D. 132. L. 43—50). (In Russ.).

Borisov, B. A. (1921). *Far East*. Vienna: New Russia. 62 p. (In Russ.).

Brisol, B. (1920). *Socialism vs Civilization*. New York: Charles Scribner's Sons. 24 p.

Gortinsky, S. G. (1920). *Ataman Semenov, his life and work*. Tokyo: [b. i.]. 30 p. (In Russ.).

New Judea (Who ruined Great Russia). (1920). Harbin: [b. i.]. 42 p. (Storage location: GARF. F. R-5793. Op. 1. D. 132. L. 79—100). (In Russ.).

The Byzantine. (1920). *Spiders and Flies (Described by Liebknecht)*. Harbin: [b. i.]. 16 p. (Storage location: GARF. F. R-5793. Op. 1. D. 132. L. 27—34). (In Russ.).

The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. R-5793 (P. F. Ryabikov's Personal Archive Fund). Op. 1.; Op. 2. (In Russ.).

Vladimirov, V. (1920). *New Judea (Report of an intellectual who arrived from the Soviet Department)*. Harbin: [b. i.]. 22 p. (Storage location: GARF. F. R-5793. Op. 1. d. 132. L. 51—61 vol.). (In Russ.).

Wanderer, V. (1920). *Religion and Bolshevism (From the newspaper "Svet")*. Harbin: Printing house of the newspaper "Svet". 16 p. (Storage location: GARF. F. R-5793. Op. 1. d. 132. l. 67—74 vol.). (In Russ.).

References

Bylinin, V., Kirmel, N. (2010). The Odyssey of General Ryabikov: he served four regimes, stood at the origins of two special services ... *Rodina*, 7: 131—134. (In Russ.).

Ganin, A. V. (2017). Prague Circle for the study of the First World War. *Military historical research in the Volga region*, 11: 4—21. (In Russ.).

Ganin, A. V. (2014). *Sunset of the Nikolaev Military Academy. 1914—1922*. Moscow: Knizhnitsa. 768 p. ISBN 978-5-903081-24-0. (In Russ.).

Ganin, A. V. (2009). *The corps of officers of the General Staff during the Civil War of 1917—1922: Reference materials*. Moscow: Russian Way. 894 p. ISBN 978-5-85887-301-3. (In Russ.).

Goloskokov, I. V. (2005). Under the operational pseudonym "Pavlov". *Operative (Detective)*, 3: 23—28. (In Russ.).

- Khisamutdinov, A. A. (2014). *Russian literature in Shanghai*. Vladivostok: Publishing House of the Far East. Una. 132 p. (In Russ.).
- Khisamutdinov, A. A. (2016). *Russian pages of Shanghai*. Vladivostok: From the Far East. Unita. 89 p. ISBN 5-7444-0036-2. (In Russ.).
- Khisamutdinov, A. A. (2013). *Russian waves on the Pacific. From Russia through China, Korea and Japan to the New World*. Beijing; Vladivostok: Publishing house “Rubezh”. 640 p. ISBN 978-5-85538-094-1. (In Russ.).
- Kolpakidi, A. I., Prokhorov, D. (2000). *Empire of the GRU: Essays on the history of Russian military intelligence, 2*. Moscow: OLMA PRESS. 448 p. ISBN 5-224-00600-7. (In Russ.).
- Larkov, N. S. (2018). The whole General’s army: (The highest military leadership of Tomsk during the Civil War). *Bulletin of Tomsk State University. Series: History*, 53: 142—152. DOI: 10.17223/19988613/53/27. (In Russ.).
- Lurie, V. M. (2002). *GRU: affairs and people*. St. Petersburg: Publishing house “Neva”; Moscow: OLMA-PRESS. 704 p. ISBN 5-7654-1499-0. (In Russ.).
- Terentyev, V. O. (2020). The fate of Major General Pavel Fedorovich Ryabikov and his contribution to the understanding of the First World War. In: *Russian Abroad. The twentieth century. World Wars: Slepukhin Readings–2018: Proceedings of the International Scientific Conference*. St. Petersburg: Slepukhin Foundation: Ladoga. 79—92. (In Russ.).
- Volkov, E. V., Egorov, N. D., Kuptsov, I. V. (2003). *White generals of the Eastern Front of the Civil War: A biographical reference*. Moscow: Russian Way. 240 p. ISBN 5-85887-169-0. (In Russ.).
- Volkov, S. V. (2019). *Staff officers and generals of the White armies: An encyclopedic dictionary of participants in the Civil War*. Moscow: Tsentrpoligraf. 991 p. ISBN 978-5-227-07168-2. (In Russ.).
- Zhao Yunhua. (2017). *The Russian Press in China (1898—1956)*. Moscow: OOO “International Publishing House”. Chance Company. 399 p. ISBN 978-5-906892-22-5. (In Russ.).

*The article was submitted 15.11.2023;
approved after reviewing 23.12.2023;
accepted for publication 23.01.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(1), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Сорокин А. А. Система городских выборов в России в конце XIX века : критика в провинциальной периодической печати / А. А. Сорокин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 507—525. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-507-525.

Sorokin, A. A. (2024). Urban Election System in Russia at End of 19th Century: Criticism in Provincial Periodicals. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 507-525. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-507-525. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-507-525

Система городских выборов в России в конце XIX века: критика в провинциальной периодической печати

Сорокин Александр Анатольевич
orcid.org/0000-0003-1710-0801
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
кафедры зарубежного регионоведения
и локальной истории
skaliger1989@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-78-00035,
<https://rscf.ru/project/22-78-00035/>

Urban Election System in Russia at End of 19th Century: Criticism in Provincial Periodicals

Alexander A Sorokin
orcid.org/0000-0003-1710-0801
PhD in History,
Leading Researcher,
Department of Foreign Regional
Studies and Local History
skaliger1989@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-78-00035,
<https://rscf.ru/project/22-78-00035/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье впервые рассматриваются оценки системы городских выборов в Российской империи в период 1890—1892 годов, когда осуществлялись подготовка и введение нового Городового положения. Исследование выполнено на материалах частной провинциальной периодической печати. Автор выделяет сущность и содержание критики провинциальной прессы по отношению к институту городских выборов. Представлено выявленное по материалам периодической печати отношение к проблеме социального состава органов городского самоуправления. Выделяются позиции по проблеме избирательного права и предложения по его расширению за счет налогового и образовательного цензов. Анализируются оценки национального состава городских дум и городских управ на окраинах и в черте еврейской оседлости. Показано, как освещалось в периодике формирование партий на национальной основе в органах городского самоуправления. Рассматриваются дискуссии о соединении полномочий руководителя распорядительного и исполнительного органов городского самоуправления. Вводятся в научный оборот сатирические стихотворения, которые характеризуют зафиксированное в провинциальных газетах отношение к гласным, которые недобросовестно выполняют свои обязанности и срывают заседания городских дум, а также сатира, объектом которой стали коррупционные намерения гласных.

Ключевые слова:

Городовое положение 1870 года; городская дума; городская контрреформа; городские выборы; городские гласные; избирательное право; провинциальная периодическая печать.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article provides a first-time examination of the evaluations of the urban election system in the Russian Empire during the period of 1890-1892, when the preparation and implementation of the new City Regulations were taking place. The study is based on materials from private provincial periodicals. The author highlights the essence and content of the criticism of the provincial press towards the institution of urban elections. The article presents the attitudes towards the issue of social composition of urban self-government bodies as revealed in the periodical press. Positions on the issue of suffrage and proposals for its expansion through tax and educational qualifications are identified. The analysis includes assessments of the national composition of city councils and urban administrations on the outskirts and within Jewish settlements. It demonstrates how the formation of parties based on national identity in urban self-government bodies was covered in the periodicals. Discussions on the merger of powers between the heads of administrative and executive bodies of urban self-government are examined. Satirical poems, which characterize the recorded attitude towards council members and provincial assemblies in pre-revolutionary Russia, who dishonestly perform their duties and disrupt city council meetings, are introduced into scholarly circulation. Satire targeting corrupt intentions of council members is also discussed.

Key words:

City Regulations of 1870; city council; urban counter-reform; urban elections; council members; suffrage; provincial periodicals.

Система городских выборов в России в конце XIX века: критика в провинциальной периодической печати

© Сорокин А. А., 2024

1. Введение = Introduction

Городские выборы к моменту пересмотра Городового положения, последовавшего в 1892 году, являлись значимым общественно-политическим событием и в столицах, и в провинции. Периодическая печать активно освещала выборы в городские думы и выборы городских голов, а также скандалы, казусы и курьезы, с ними связанные. Сама избирательная практика за двадцать лет действия Городового положения позволила сформировать в общественном мнении устойчивые образы городского самоуправления и института городских выборов. Анализ этих образов является важной задачей в изучении как городского самоуправления, так и института выборов.

Собственно проблема организации новой системы городских выборов и подготовки городской контрреформы освещена в советской [Зайончковский, 1970; Нардова, 1984], современной российской [Асанов и др., 2004; Блудов, 2006; Городское самоуправление ..., 2014; Сорокин, 2022] и зарубежной историографии [Brower, 1990; Pearson, 1989; Pintner, 1989; Rogger, 1983]. Однако акцент на оценках общественного мнения по проблемам городских выборов и городского самоуправления в целом был сделан лишь в единичных работах, причем в основном они посвящены оценкам, которые хронологически относятся либо к периоду до начала подготовки пересмотра Городового положения, либо к периоду функционирования городского самоуправления уже на основе нового положения [Нардова, 1986; Плотникова и др., 2022; Шевченко, 2019; Ядрышникова и др., 2013]. Специальные исследования, посвященные изучению общественного мнения об институте городских выборов к моменту его реформы, отсутствуют.

Между тем органы печати активно обсуждали институт городских выборов, особенно в провинции. В данной статье мы сосредоточимся на оценке городской избирательной системы в провинциальной периодической печати и рассмотрим критические замечания, высказанные относительно выборного городского самоуправления, в том числе в адрес городского головы, суждения об ответственности гласных, о месте национального вопроса на городских выборах, а также выдвигавшиеся предложения, касающиеся реформы избирательной системы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой для данного исследования выступил комплекс публикаций в частных провинциальных периодических изданиях Российской империи 1880—1890-х годов. В целях наибольшей репрезентативности использованы материалы газет, издававшихся в различных частях России (издания великорусских и прибалтийских губерний, Сибири, Кавказа). Эти публикации представляют собой ценный источник для изучения общественного мнения в отношении института городских выборов к моменту подготовки Городового положения 1892 года.

Отметим, что к настоящему времени изучение материалов провинциальной периодической печати в указанном аспекте практически не проводится. В 2023 году вышла специальная работа автора, посвященная характеристике данной группы источников как материала для изучения городской избирательной системы конца XIX века [Сорокин, 2023]. При этом имеются также работы, носящие характер исследования собственно провинциальных периодических изданий и содержащие в своей структуре отдельные параграфы или главы, в которых рассматриваются в числе прочих вопросы освещения на страницах газет различных аспектов деятельности органов местного самоуправления [Шевцов, 2016, с. 338—340, 520—522].

Надо сказать, что целый ряд газет в провинции редактировался и / или издавался лицами, имевшими непосредственное отношение к городскому общественному управлению (как правило, в качестве городских гласных), и в силу этого обстоятельства на их страницах публиковалась как информация справочно-статистического характера (сведения о количестве и явке избирателей на выборы, о явке гласных на думские заседания, о размерах жалованья городских голов и членов городских управ), так и критические заметки и статьи. Подавляющее большинство из них содержали важные для осмысления отношения провинциального общества к институту городских выборов суждения и оценки о преимуществах и недостатках выборного самоуправления (в том числе характеристики городских голов и городских гласных), о роли национального вопроса на выборах, а также предложения по совершенствованию городской избирательной системы. В рамках настоящего исследования упор делается на структурный подход, позволяющий определить зафиксированное в провинциальной прессе отношение граждан к институту городских выборов через совокупность характеристик вышеуказанных элементов данного института.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Оценки выборного городского самоуправления

Отметим, что в провинции хорошо осознавалось отношение столичных изданий к реформам 1860-х годов; на страницах печати закономерно

делался вывод о том, что на Положении 1870 года отразилась борьба диаметрально противоположных политических течений при его составлении, но в итоге оно не устроило ни одну из сторон [Саратовский листок, 1892, 5 августа]. Провинциальная печать не отрицала достоинств выборов по Городовому положению 1870 года. Например, редакция газеты «Одесский вестник» находила, что сами основы Положения 1870 года были призваны уменьшить разрыв между сословиями путем призыва их к равномерному участию во всеобщем самоуправлении. Добавлялось, что в многонациональной Одессе эти основы заодно стали и «объединительным цементом», сблизив горожан [Одесский вестник, 1892, 2 августа].

Вместе с тем на страницах воронежской газеты «Дон» накануне избирательной кампании 1891 года отмечалось, что за двадцать лет действия Городового положения 1870 года местное городское самоуправление фактически перестало своевременно реагировать на возникающие городские нужды и только «сидит у своего городского кошелька и собирает в него с обывателей деньги» [Дон, 1890, 25 ноября]. Схожее разочарование было выражено и томской газетой «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни», которую редактировал гласный местной думы В. П. Картамышев: заявлялось, что деятельность городских дум вообще редко удовлетворяла население, в то время как количество вскрытых злоупотреблений руководства городских самоуправлений за последние годы стало только расти [Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни, 1887, 1 января].

Обозреватель «Северного Кавказа» Я. Абрамов заявлял, что основным недостатком Городового положения 1870 года заключался именно в «неправильной постановке представительства» и что лишь с радикальным изменением системы выборов новая реформа будет иметь значение. По его мнению, акт 1870 года создал олигархию, положив в основу избирательного права имущественный ценз и одновременно отказавшись от устранения из системы самоуправления сходов и собраний всех правоспособных горожан. Мнимость справедливости этого принципа обосновывалась тем, что владельцы больших домов, сдаваемых внаем, скорее являются посредниками между городской кассой и квартирантами, поскольку доход обеспечивается именно последними, не имеющими при этом никаких избирательных прав [Северный Кавказ, 1892, 2 августа].

Кроме того, критиковался и принцип деления избирателей на разряды, в результате которого фактически центром принятия решений являлись избиратели первых двух разрядов. В качестве примера приводилась Казань, в которой к первому разряду избирателей относилось 88 человек, ко второму — 477 и к третьему — 5481. При равном представительстве гласных

в думе от каждого из разрядов получалось, что по разрядам один гласный приходился на 3 ½, 20 и 228 избирателей соответственно. При этом данный принцип не обеспечивал всесословного представительства. Подтверждением этого тезиса служил пример Киева, в котором, по мнению Абрамова, имелось абсолютно несправедливое по отношению к численности сословий соотношение гласных: на долю дворян (составлявших чуть более 1/5 от числа киевлян) приходилась половина мест в городской думе; почти половина мест приходилась и на почетных граждан и купцов, в совокупности составлявших лишь около 6 % жителей города, в то время как крестьяне и мещане, к которым относилось более 2/3 горожан, не имели никакого представительства [Северный Кавказ, 1892, 2 августа].

Приведя эти данные, автор статьи заключал, что «наши города не самоуправляются, а управляются крупными домовладельцами и торговцами, то есть небольшою кучкою городской буржуазии, состоящей из купцов и отчасти личных и потомственных дворян», в то время как основная масса населения устранена от участия в городских делах. Этим обстоятельством он объяснял нежелание крупных сел и местечек переходить в статус городов и даже приводил в качестве примера казус Илимска (Иркутская губерния), в котором губернатор в 1884 году обнаружил, что город по-прежнему управляется сходом 600 местных жителей, а дума и управа фактически отсутствуют. Заканчивая публикацию, Я. Абрамов делал вывод, что необходимо не только устранение системы разрядов избирателей, но и предоставление избирательного права всему населению «как принимающему одинаковое участие в доставлении городу доходов» [Северный Кавказ, 1892, 2 августа].

В «Новом обозрении», комментируя факт, что в ходе выборов по 1 и 2 разрядам в думу Тифлиса было выбрано всего лишь 8 новых гласных (с пометкой, что половина из тех, кто оказался переизбран на новый срок, пропускает большую часть думских заседаний), авторы приходили к выводам, что круг лиц, возможных к избранию, крайне ограничен, а потому выбор новых гласных «вообще крайне затруднителен» [Новое обозрение, 1890, 16 ноября]. В Семенове (Нижегородская губерния) в начале 1892 года количество лиц, имеющих избирательные права по первому разряду, было столь невелико, что местная дума получила разрешение проводить выборы не по трем разрядам, а по двум (первый и второй были объединены) [Волгарь, 1892, 17 мая].

В результате этих обстоятельств на январских выборах 1892 года в Кунгуре (Пермской губернии), по оценкам «Екатеринбургской недели», сложилась такая ситуация, что в числе избранных гласных оказались совершенно случайные люди, «не только ничем не заявившие себя в деле общественного управления, но даже не пользующиеся общественным ува-

жением» [Екатеринбургская неделя, 1892, 16 февраля]. В Воронеже положение было не лучше: хотя на выборах по третьему разряду в 1887 году участвовало всего лишь порядка 100 избирателей, кандидатуры предлагались, согласно оценкам местной газеты «Дон», столь бестолково, что нельзя было и надеяться, что выборы смогут пройти за три положенных дня, поскольку избиратели были «настолько неосновательны», что к баллотировке предлагались даже умершие [Дон, 1887, 29 марта].

На страницах «Новороссийского телеграфа» констатировалось, что самоуправление «попало в руки ничтожного меньшинства богатых торговцев и домовладельцев, которые ведут его исключительно в своих личных видах, ревниво отстраняя от участия в нем интеллигентных горожан» [Новороссийский телеграф, 1890, 26 января]. «Курский листок» добавлял, что общему делу также мешали дух партийности, кумовство и стремление удовлетворить прежде всего личные интересы, причем на практике выяснялось, что состоятельные гласные нередко оказывались неумелыми и поддающимися постороннему влиянию, что в результате привело к росту городского долга и залогоу всего городского имущества [Курский листок, 1892, 22 декабря]. По оценкам «Саратовского дневника», практически все городское самоуправление было в руках купечества, в результате чего оно по своему составу стало противопоставляться всесловному земству, поскольку «торгово-промышленная кружковщина» угнетает и узурпирует городское управление, делая его «узко-сословным» [Саратовский дневник, 1892, 17 июня].

Схожие оценки дал и «Бессарабский вестник». В статье «Накануне городской реформы» система городского представительства была подвергнута резкой критике за «полное господство» торговцев и домовладельцев. Подчеркивалось, что самоуправление было фактически отдано на откуп состоятельной городской верхушке, а должности в городской управе даже в небольших городах стали «синекурами влиятельных местных обывателей». Вместе с тем даже среди этих групп гласных, по оценкам газеты, не было единства, что обуславливало появление различных партий, организованных по сходству интересов (трактирщиков, купцов и т. д.), участники которых «радели только о своих личных или партийных интересах, но отнюдь не об общем благополучии всего городского населения». При этом «бесправные и безгласные классы» только увеличивались численно, что позволяло редакции газеты делать вывод о фактическом разделении города на его хозяев и «бесправных гостей» (преимущественно из представителей интеллигентных профессий) [Бессарабский вестник, 1892, 14 февраля].

В качестве истинного отношения представителей городского самоуправления к городу и его нуждам нижегородский «Волгарь» приводил следующий пример: нижегородская городская управа настаивала на вве-

дении отдельной должности секретаря управы и даже предлагала для нее конкретную кандидатуру, причем в ответ на замечания отдельных гласных, что это потребует дополнительных расходов на жалование, члены управы заявляли, что эта должность будет заниматься на безвозмездной основе. Редакция газеты в связи с этим ехидно отмечала, что человек, ищущий большой объем бесплатной работы, подобен идеалисту, пытающемуся найти «правду в отчете прогоревшего банка» [Волгарь, 1892, 19 января].

Партийные распри и противостояния различных групп влияния приводили к скандалам. «Новороссийский телеграф» констатировал, что в Одессе значительная часть городских вопросов решалась в интересах различных партий, причем «личные интересы гласных уж очень ярко обрисовываются в решениях многих вопросов» [Новороссийский телеграф, 1890, 3 мая]. «Рижским вестником» в связи с этим отмечалось, что подобные истории были типичны для провинции, а сами думы стали «послушным орудием в руках дельцов, захвативших власть в свои руки». Это объяснялось как неподготовленностью большинства гласных к участию в управлении общественными делами, так и доминированием партийных стремлений [Рижский вестник, 1892, 13 мая].

Отмечалась и нередко деструктивная деятельность оппозиционных групп в думах. Так, в воронежской газете «Дон» констатировалось, что она сводилась к бесцельной полемике, основанной на личной неприязни, что не способствовало решению реальных проблем: «Где много шума, там мало дела» [Дон, 1887, 3 мая]. В схожей ситуации, комментируя ситуацию в Тобольске, «Екатеринбургская неделя» отмечала, что большинство обывателей недовольно существующим «управским режимом» [Екатеринбургская неделя, 1892, 2 февраля].

3.2. Институт городского головы

Критике подвергался также порядок, при котором городской голова являлся одновременно руководителем как распорядительного органа (думы), так и подотчетного ему исполнительного органа (управы). Это трактовалось как попытка узурпации общественного управления и превращения его в управление единоличное и даже диктаторское: «Когда председательство в управе и думе соединяется в одном лице, для городского головы, не стесняющегося в выборе средств, нет ничего легче пустить на баллотировку вопрос в благоприятный момент или же отложить его до более удобного времени» [Смоленский вестник, 1892, 31 мая].

Отмечалась эта проблема и на страницах «Бессарабского вестника», редакция которого выступала за разделение исполнительной и распорядительной власти городского головы. Для газеты это был принципиальный вопрос сохранения возможности порядка взаимодействия, при котором

управа действительно подчинялась думе. Существовавший же порядок, при котором усилиями головы это подчинение легко нивелировалось, признавался недопустимым: «Юридически это есть абсурд, предоставление роли судьи самому подсудимому» [Бессарабский вестник, 1892, 28 июня].

Вместе с тем, по мнению «Одесского вестника», разделение полномочий вряд ли было целесообразно для небольших городов, поскольку это повлекло бы новые проблемы во взаимоотношениях гласных и управы, так как фактически появилось бы два руководителя, каждый из которых стремился бы к первенствующей роли [Одесский вестник, 1892, 31 октября].

Кроме того, отдельные городские головы обвинялись в манкировании своими обязанностями. Характерным примером является публикация в «Крымском вестнике» о городском голове Бахчисарая, купце С. У. Чубуки. В газете указывалось, что все семь лет своего руководства городом он был занят исключительно своими торговыми делами, а вопросы городской жизни «хватал правой рукой, перекидывал через левое плечо и затем уезжал вновь из Бахчисарая», тратя на их решение столько времени, сколько необходимо, «чтобы выпить рюмку водки и закусить огурцом» [Крымский вестник, 1890, 15 июля].

Бесцеремонность действий некоторых голов становилась информационным поводом, активно освещавшимся в периодической печати. Так, заступающий на должность городского головы Шадринска (Пермская губерния) в декабре 1891 года непосредственно на самих выборах запретил отдельным мещанам, которые относились к противостоящей с ним партии, участвовать в работе избирательного собрания под предлогом того, что у них были недоимки, причем за 1885 год [Екатеринбургская неделя, 1892, 5 января].

В Златоусте (Пермская губерния) заступивший на место городского головы один из членов управы тут же перестал платить сборы с принадлежавшего ему недвижимого имущества, накопив с 1886 года к 1891 году недоимку в размере свыше 230 руб. «Екатеринбургская неделя» в связи с этим писала про «уродливость существования» самого крупного недоимщика во главе города, находя, что это создает опасный прецедент, в результате чего горожане получают возможность руководствоваться этим примером и не платить государственные и иные сборы [Екатеринбургская неделя, 1892, 19 апреля].

В Гжатске (Смоленская губерния) городской голова, купец П. А. Чернов был должен городскому банку 17 тыс. руб. (в числе крупных должников оказались также и некоторые члены городской управы), однако в начале 1892 года при обсуждении отчета он заявил, что не намерен в ближайшее время выплачивать свой кредит. Это вызвало вопросы со стороны присут-

ствовавших гласных (а часть из них, по сообщениям прессы, заранее отказалась явиться на заседание во избежание сложностей), однако бухгалтер банка, который также являлся гласным думы, заявил, что кредитная линия для головы по-прежнему открыта [Волгарь, 1892, 1 февраля]. Бывший голова Старобельска (Харьковская губерния) А. М. Попов по итогам расследования махинаций в местном городском банке оказался вместе с членами правления банка под судом [Дон, 1887, 14 мая].

О том, что городских гласных с головой связывали порой клиент-патронские отношения, свидетельствовал и описанный в сибирской периодической печати случай: когда избранный головой Красноярска Н. К. Переплетчиков заявил, что он отказывается от должности, ряд гласных составили депутацию для переговоров, причем выразили готовность избрать в управу тех кандидатов, на которых укажет сам Переплетчиков, если он недоволен уже избранными [Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни, 1887, 6 февраля].

3.3. Ответственность гласных

Не обходила вниманием печать и случаи, когда гласные пренебрегали своими обязанностями. «Новороссийским телеграфом» они открыто упрекались в расточительстве, нерациональном обращении с городскими средствами и игнорировании интересов избирателей, в результате чего «народ стал жертвой алчности бесчисленного множества эксплуататоров, кулаков и всевозможных паразитов» [Новороссийский телеграф, 1890, 2 июля].

В газете «Волгарь» отдельные гласные обвинялись в стремлении на выборах руководствоваться не благомверяемых им городов, а попыткой прежде всего образовать удобные для их деятельности партии. Так, по мнению редакции, гласные Бузулука (Самарская губерния) «воображают, что городское положение представляет собой устав какого-то скандального общества», в результате чего практически все выборы опротестовываются, чтобы «подобрать в думе “своих” человечков» [Волгарь, 1892, 18 февраля].

Заседания нередко срывались из-за отсутствия необходимого кворума. Один из таких случаев был описан в «Псковском городском листке» следующим образом: «Прождав напрасно около часа, собравшиеся в думе гласные разошлись по домам, потеряв напрасно время, которое думали посвятить общественным делам» [Псковский городской листок, 1892, 20 сентября].

По оценкам харьковского «Южного края», большинство гласных местной думы в конце 1880-х годов не участвовали даже в трети думских заседаний, причем были и те, кто являлся на заседания считанное количество раз [Южный край, 1892, 10 января]. «Екатеринбургская неделя» накануне очередных выборов в Ирбите (Пермская губерния) с возмущением отмечала, что многие гласные являются «случайными посетителями думы», по-

сколько средняя явка гласных на заседания думы с каждым годом только падала: из 48 гласных в 1887 году в среднем в каждом заседании участвовало 23,6, в 1888 году — 22,8, в 1889 году — 19,8, а в 1890 году — 19,7 (то есть лишь 41 % гласных) [Екатеринбургская неделя, 1890, 18 ноября].

В целом отношение гласных к своим обязанностям довольно емко было охарактеризовано «Одесским вестником»: «Принимая на себя звание гласного или даже особенно настойчиво добиваясь его, многие из наших quasi-деятелей считают свою миссию исполненной; являются в думу, когда у них есть охота или когда существо дела представляет для них известный интерес» [Одесский вестник, 1892, 19 марта]. По оценкам уральской периодической печати, такая практика «въелась в плоть и кровь наших общественных заправил», когда многие гласные входили в состав различных комитетов и обществ, учреждаемых городским самоуправлением, но в результате в них бездействовали, поскольку основное время отнимали собственные коммерческие дела, а отказаться от членства в том или ином комитете не позволяли амбиции [Екатеринбургская неделя, 1891, 20 января].

В схожей тональности оценивалась и деятельность городских гласных Аккермана (Бессарабская губерния), среди решений которых на протяжении нескольких лет, по оценкам прессы, не было ни одного направленного на удовлетворение исключительно общественных интересов [Новороссийский телеграф, 1890, 30 июля]. Массовые неявки на заседания думы в Таганроге были обыграны и фельетонистами:

«Три в июне заседанья
Там собраться не могли,
Потому что на собрание
Вовсе думцы не пришли...
Богатырский сон, как видно,
Сбил тех деятелей с ног,
И заснул весь Таганрог...

Господа! А спать ведь стыдно!» [Южный край, 1892, 5 июля].

В связи с критикой организации городского самоуправления его репутация еще больше подрывалась становившимися достоянием гласности курьезами типа екатеринославского: один из гласных местной думы, золотых и серебряных дел мастер, принимал заведомо известные как краденые драгоценности, уничтожал на них отличительные знаки (гравировки и т. д.) и перепродавал [Саратовский листок, 1890, 6 марта].

В «Южном крае» были даже опубликованы сатирические стихи, в которых раскрывались истинные намерения городских гласных:

«Ах, и у нас есть банк кредитный,
Для многих гласных аппетитный,

Но, чтобы им попасть туда,
Они его бранят всегда...
Ведь это — способ самый верный
Местечко теплое занять —
С какой-то страстью непомерной
Лиц, там сидящих, обвинять» [Южный край, 1892, 15 марта].

Типичный пример описывался на страницах периодической печати на примере Васильурска (Нижегородская губерния): накануне очередных выборов местные гласные и управа сняли с банковских счетов все принадлежащие городу средства в размере 14 тыс. руб. под предлогом расходов на благоустройство. Однако, по оценкам «Волгаря», коренных улучшений в городе так и не было видно, а сами расходы велись «просто, по-семейному». В результате город, считавшийся одним из самых богатых в губернии, оказался с «одним только грустным воспоминанием» о прежних временах [Волгарь, 1892, 25 января].

Схожая ситуация сложилась и в Орле, где гласные думы, являвшиеся представителями преимущественно купеческого сословия, через городской банк фактически контролировали весь местный бюджет, что в итоге привело к банкротству банка и началу судебного процесса над членами его правления [Дон, 1887, 23 апреля].

3.4. Городские выборы и национальный вопрос

В городах со сложным этническим составом провинциальной печатью отмечалась и борьба представителей различных национальностей как на выборах, так и в самих думах. Например, в Ревеле из-за так называемой партии балтов тормозилось рассмотрение вопроса об установлении содержания местного реального училища (поскольку преподавание должно было осуществляться на русском языке). При этом сам механизм формирования таких групп или партий был сложным и далеко не всегда зависел только от национальной принадлежности (так, в круг балтов входил и старшина русского купечества Ревеля). Местная печать в связи с этим возлагала надежды на реформу: «Надо надеяться, что ожидаемая реформа городского положения значительно изменит существующие в наших думах порядки». При этом констатировалось, что «потребно много времени и работы, чтобы окончательно выкурить из них настоящий балтийский дух» [Рижский вестник, 1892, 10 марта].

С точки зрения «Рижского вестника», упорствующие в своих стремлениях балты, составляющие оппозицию русским в городском самоуправлении, вредили только себе самим [Рижский вестник, 1891, 8 января]. Особая роль, по мнению редакции газеты, в искоренении этой оппозиции должна была принадлежать русскому языку, закрепление статуса которого в дея-

тельности и делопроизводстве городского самоуправления должно было благотворно сказаться на составе гласных (издание открыто призывало избирателей голосовать на выборах именно за тех лиц, которые знают государственный язык) [Рижский вестник, 1891, 9 января].

В Симферополе к введению нового Городового положения местная управа состояла из армян и немцев (после ухода из ее состава городского головы В. П. Меркулова, бывшего единственным русским), что, по мнению прессы, «едва ли составляет желательное явление для интересов русского населения г. Симферополя, и без того находящегося в армяно-караимской экономической кабале» [Южный край, 1892, 10 августа].

Немало критики было высказано в адрес евреев. В «Новороссийском телеграфе» в качестве иллюстрации приводилось городское самоуправление Бобринца (Херсонская губерния), в котором решения принимались исключительно в интересах «ищущих рыбы в мутной воде» евреев, упрекавшихся в безответственном расходовании городских средств (поводом для возмущения корреспондента газеты послужило решение думы прекратить выплаты полицейскому приставу на канцелярию и сократить ему квартирное содержание) [Новороссийский телеграф, 1890, 12 марта].

Кроме того, негативные оценки получило городское самоуправление Овидиополя (Херсонская губерния), в котором один из членов управы совместно с местными евреями пользовался городской землей на льготных условиях. Те же из гласных, которые не желали участвовать в различных махинациях, под разными предлогами лишались находящейся в их пользовании земли, в результате чего «гласные потеряли все свое значение и не имели ни малейшего представления о своих правах» [Новороссийский телеграф, 1890, 29 марта]. В Одессе гласные обвинялись в следовании интересам еврейской партии, добавлялось также, что в думе евреи бесцеремонно оказывали все возможное влияние на решение городских дел [Новороссийский телеграф, 1890, 14 апреля].

В вину евреям ставилось и преобладание в местной думе «невежественного мелкого торгово-промышленного и ростовщического сословия», почти полностью отстранившего, по мнению прессы, интеллигенцию от дел городского управления, а также обнищание русского населения, представители которого «попались в руки евреев-ростовщиков и кабатчиков», а также лишение хлебопашцев земли за счет перевода ее в городскую собственность (которая затем сдавалась в аренду немецким колонистам) [Новороссийский телеграф, 1892, 13 февраля; Новороссийский телеграф, 1892, 16 июля].

3.5. Предложения по реформе избирательной системы

Выход, который позволил бы отказаться от одностороннего представительства, о котором писали многие издания, виделся в изменении са-

мой системы выборов. «Волгарь» критиковал односторонний характер городского самоуправления и в статье «Что нужно от городской реформы?» подчеркивал, что достижение улучшений в ведении городского хозяйства возможно лишь с увеличением числа лиц, имеющих избирательные права. При этом признавалась недопустимой практика, когда основанием для участия в выборах становились лишь принадлежность к торговым кругам или владение недвижимым имуществом [Волгарь, 1892, 13 февраля].

По мнению «Бессарабского вестника», следовало расширить круг избирателей за счет привлечения в него местной интеллигенции и вообще всех плательщиков городских налогов. Это объяснялось тем, что в городском бюджете доля косвенных налогов, которые платились преимущественно не имевшими избирательного ценза горожанами, являлась довольно значительной [Бессарабский вестник, 1892, 14 февраля].

Логичным продолжением выдвижения и обсуждения этой точки зрения была поддержка идеи городского квартирного налога, за счет которого предполагалось как увеличить доходную часть городского бюджета, так и увеличить число избирателей. В статье «Городское самоуправление и квартирный налог» подчеркивалось, что самоуправление фактически всеобщим не является, а в думах заседает преимущественно «крупная и мелкая буржуазия», которая при этом не составляет большинство городского населения. Предполагалось, что в случае введения квартирного налога и предоставления избирательных прав его плательщикам состав дум будет больше отвечать своему назначению в плане представительства всех сословий, а интеллигенция получит большее влияние на дела городского хозяйства [Бессарабский вестник, 1892, 27 июня].

«Таганрогский вестник» прямо призывал при пересмотре Положения ввести образовательный ценз для гласных. В газете отмечалось, что за недостатком образования горожане не умеют пользоваться своими правами, в то время как лица образованные в большинстве своем не участвуют в выборах за отсутствием надлежащего имущественного ценза. Результатом такого положения вещей становился порядок, при котором выборы «почти всюду находятся в руках небольшого количества дельцов, которые пользуются ими для своих выгод» [Таганрогский вестник, 1892, 23 февраля].

Однако в отдельных изданиях к интеллигенции относились без особого пиетета и давали ей весьма нелестные характеристики. Например, с точки зрения фельетонистов «Одесских новостей», многие интеллигенты ничем не отличались от прочих «дельцов» в жажде наживы и не чурались подкупа на выборах: «Кого-кого, а вот именно эту интеллигенцию следует выводить на позорище, на публичную казнь» [Одесские новости, 1892, 15 марта]. Вместе с тем редакция газеты сочувствовала идее увеличения числа избирателей

за счет плательщиков квартирного налога, находя, что в небольших городах имущественный ценз составляет серьезное препятствие для участия интеллигенции в городском самоуправлении [Одесские новости, 1892, 12 июня].

Газета «Дон» поддерживала инициативу харьковского городского головы И. О. Фесенко по уточнению методики определения старшинства кандидатов в гласные. Она была связана со следующим моментом: в случае, если число лиц, получивших больше избирательных шаров, чем неизбирательных, превышало то количество гласных, которое следовало избрать от данного избирательного собрания, по Городовому положению следовало провести их ранжирование (то есть определить старшинство), на основании которого и следовало зачисление в гласные. Это старшинство определялось путем вычисления разницы между числом избирательных и неизбирательных шаров. Однако выборы нередко могли длиться несколько дней (и даже в ходе однодневных выборов некоторые избиратели не оставались до самого их конца), и число голосовавших по отдельным кандидатам могло отличаться, поэтому такая методика становилась несовершенной. Фесенко в связи с этим предлагал для определения старшинства вычислять для каждого из кандидатов отношение числа участвовавших в его баллотировке избирателей к числу полученных им избирательных шаров [Дон, 1887, 3 марта].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в провинциальной периодической печати сформировалось в целом критическое отношение к действовавшей по Городовому положению 1870 года избирательной системе. Выделялся ряд недостатков, которые, по мнению редакций провинциальных газет, отрицательно сказывались на функционировании городского самоуправления.

Во-первых, это фактическое отсутствие всесословного характера самоуправления. Подчеркивалось, что оно всецело находится в руках торговцев и купцов, которые и принимают основные решения, а также составляют большинство в думах. Принятие думских решений, по оценкам периодической печати, преимущественно было направлено не на удовлетворение общественного интереса и решение проблем городского хозяйства, а на решение насущных для конкретных групп населения вопросов, в том числе и в откровенно корыстных целях.

Во-вторых, из этой проблемы вытекало и отсутствие представительства интеллигенции в связи с особенностями цензовой системы, которая не предусматривала избирательных прав для квартиранимателей. Логичным следствием широкого обсуждения этой проблемы стали предложения по введению избирательного права на основе образовательного ценза или же по факту уплаты квартирного налога.

В-третьих, для газет южной части России, где была значима доля евреев в составе избирателей и органов городского самоуправления, актуальным являлся еврейский вопрос. Редакции газет обвиняли евреев в следовании исключительно своим национальным интересам в рамках как выборов, так и деятельности в институтах городского самоуправления, а также в нарушении избирательного законодательства. Сюда же относится проблема партийности, смыкавшаяся в прибалтийских губерниях с национальным вопросом.

В-четвертых, критиковался характер взаимоотношений между исполнительными и распорядительными институтами городского самоуправления. Редакции ряда газет призывали наделить каждый из них отдельным руководящим лицом, особенно в крупных городах.

В-пятых, провинциальная пресса в целом негативно оценивала случаи, когда гласные городских дум пренебрегали своими обязанностями (в том числе допускали систематический пропуск заседаний думы), а также подчеркивала корыстные намерения многих из них (стремление получить доступ к средствам городского бюджета). Критические заметки, размещавшиеся в периодической печати, являлись маркерами отношения граждан к избирательной системе и городскому самоуправлению в целом.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Бессарабский вестник*. — 1892. — 14 февраля, 27 июня, 28 июня.
2. *Волгарь*. — 1892. — 19 января, 25 января, 1 февраля, 13 февраля, 18 февраля, 17 мая.
3. *Дон*. — 1887. — 3 марта, 29 марта, 23 апреля, 3 мая, 14 мая; 1890. — 25 ноября.
4. *Екатеринбургская неделя*. — 1890. — 18 ноября; 1891. — 20 января; 1892, 5 января, 2 февраля, 16 февраля, 19 апреля.
5. *Крымский вестник*. — 1890. — 15 июля.
6. *Курский листок*. — 1892. — 22 декабря.
7. *Новое обозрение*. — 1890. — 16 ноября.
8. *Новороссийский телеграф*. — 1890. — 26 января, 12 марта, 29 марта, 14 апреля, 3 мая, 2 июля, 30 июля; 1892. — 13 февраля, 16 июля.
9. *Одесские новости*. — 1892. — 15 марта, 12 июня, 19 марта, 2 августа, 31 октября.
10. *Псковский городской листок*. — 1892. — 20 сентября.
11. *Рижский вестник*. — 1891. — 8 января, 9 января; 1892. — 10 марта, 13 мая.
12. *Саратовский дневник*. — 1892. — 17 июня.
13. *Саратовский листок*. — 1890. — 6 марта; 1892. — 5 августа.
14. *Северный Кавказ*. — 1892. — 2 августа.
15. *Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни*. — 1887. — 1 января, 6 февраля.

16. *Смоленский вестник*. — 1892. — 31 мая.
17. *Таганрогский вестник*. — 1892. — 23 февраля.
18. *Южный край*. — 1892. — 10 января, 15 марта, 5 июля, 10 августа.

Литература

1. *Асанов Р. Ф.* Городское самоуправление России во второй половине XIX века / Р. Ф. Асанов, Е. В. Иванютина. — Нефтекамск : РИЦ БашГУ, 2007. — 107 с. ISBN 978-5-7477-1752-7
2. *Блудов А. М.* Городское самоуправление в России на рубеже XIX — XX вв. / А. М. Блудов. — Тамбов : Изд-во Першина Р. В., 2006. — 249 с. ISBN 5-91253-023-X.
3. *Городское самоуправление в России во второй половине XIX — начале XX в.* / сост. В. А. Нардова, М. Н. Румынская. — Санкт-Петербург : Лики России, 2014. — 568 с. ISBN 978-5-87417-495-2.
4. *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия / П. А. Зайончковский. — Москва : Мысль, 1970. — 442 с.
5. *Нардова В. А.* Городское самоуправление в журналистике 70—80-х гг. XIX в. (по страницам «Вестника Европы» и «Отечественных записок») / В. А. Нардова // *Общественная мысль в России XIX в. : Труды ЛОИИ СССР* / отв. ред. А. Н. Цамутали. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. — С. 159—180.
6. *Нардова В. А.* Городское самоуправление в России в 60-х начале 90-х годов XIX в. / В. А. Нардова. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. — 260 с.
7. *Плотникова Г. Н.* Деятельность органов городского самоуправления Пермской губернии в последней четверти XIX в. (по материалам газеты «Екатеринбургская неделя») / Г. Н. Плотникова, С. Н. Плотников // *Культурный код*. — 2022. — № 2. — С. 127—144.
8. *Сорокин А. А.* Избирательные технологии на городских выборах в Российской империи накануне пересмотра Городового Положения 1870 г. (по материалам провинциальной периодической печати) / А. А. Сорокин // *Вопросы истории*. — 2022. — № 12 (1). — С. 70—75. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi50.
9. *Сорокин А. А.* Частная провинциальная периодическая печать как источник по изучению городской избирательной системы России конца XIX в. / А. А. Сорокин // *Регионы мира : проблемы истории, культуры и политики*. Вып. 7 / сост. и науч. ред. А. А. Корнилов. — Нижний Новгород, 2023. — С. 221—225.
10. *Шевцов В. В.* Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX — начало XX века) / В. В. Шевцов. — Томск : Издательство Томского университета, 2016. — 622 с. ISBN 978-5-7511-2394-9
11. *Шевченко О. В.* Деятельность органов местного самоуправления г. Белгорода в оценках либерального публициста П. И. Барышникова / О. В. Шевченко // *Манускрипт*. — 2019. — № 3, т. 12. — С. 48—52.
12. *Ядрышников Ю. А., Анкушева К. А.* Образ власти по материалам местной прессы и графическим источникам (на примере Тюменского городского самоуправления конца XIX — начала XX века) / Ю. А. Ядрышников, К. А. Анкушева // *Тюменский исторический сборник*. — Тюмень, 2013. — С. 290—303.
13. *Brower D. R.* The Russian City between Tradition and Modernity. 1850—1900 / D. R. Brower. — Berkeley : University of California Press, 1990. — XIV, 253 p.
14. *Pearson T.* Russian officialdom in crisis : Autocracy and local self-government, 1861—1900 / T. Pearson. — Cambridge : Cambridge univ. press, 1989. — 284 p. ISBN 0-521-36127-3

15. *Pintner W.* Reformability in the age of reform and counterreform, 1855—1894 / W. Pintner // *Reform in Russia and the USSR : Past and prospects.* — Urbana, Chicago, 1989. — Pp. 83—106.

16. *Rogger H.* Russia in the age of modernization and revolution 1881—1917 / H. Rogger. — Longman, 1983. — 323 p.

Статья поступила в редакцию 29.09.2023,
одобрена после рецензирования 23.12.2023,
подготовлена к публикации 23.01.2024.

Material resources

Bessarabian Bulletin (1892). (In Russ.).
Crimean Bulletin. (1890). (In Russ.).
Don. (1887, 1890.). (In Russ.).
Kursk leaflet. (1892). (In Russ.).
New review. (1890). (In Russ.).
Novorossiysk Telegraph. (1890, 1892). (In Russ.).
Odessa news. (1892). (In Russ.).
Pskov city leaflet. (1892). (In Russ.).
Riga Bulletin. (1891, 1892). (In Russ.).
Saratov diary. (1892). (In Russ.).
Saratov leaflet. (1890, 1892). (In Russ.).
Siberian Bulletin of Politics, Literature and Public Life. (1887). (In Russ.).
Smolensky Bulletin. (1892). (In Russ.).
Taganrog Bulletin. (1892). (In Russ.).
The North Caucasus. (1892). (In Russ.).
The Southern region. (1892). (In Russ.).
Volgar. (1892). (In Russ.).
Yekaterinburg Week. (1890, 1892). (In Russ.).

References

Asanov, R. F., Ivanyutina, E. V. (2007). *Urban self-government of Russia in the second half of the XIX century*. Neftekamsk: RIC Bashgu. 107 p. ISBN 978-5-7477-1752-7. (In Russ.).

Bludov, A. M. (2006). *Urban self-government in Russia at the turn of the XIX — XX centuries*. Tambov: Publishing house Pershina R. V. 249 p. ISBN 5-91253-023-X. (In Russ.).

Brower, D. R. (1990). *The Russian City between Tradition and Modernity. 1850—1900*. Berkeley: University of California Press. XIV, 253 p.

Nardova, V. A. (1984). *Urban self-government in Russia in the 60s and early 90s of the XIX century*. Leningrad: Nauka, Leningrad Publishing House. 260 p. (In Russ.).

Nardova, V. A. (1986). Urban self-government in journalism of the 70—80's of the XIX century. (according to the pages of the "Bulletin of Europe" and "Domestic notes"). In: *Public thought in Russia of the XIX century: Proceedings of the USSR Academy of Sciences*. Leningrad: Nauka, Leningrad Publishing House. Pp. 159—180. (In Russ.).

Pearson, T. (1989). *Russian officialdom in crisis: Autocracy and local self-government, 1861—1900*. Cambridge: Cambridge univ. press. 284 p. ISBN 0-521-36127-3

- Pintner, W. (1989). Reformability in the age of reform and counterreform, 1855—1894. In: *Reform in Russia and the USSR: Past and prospects*. Urbana, Chicago. Pp. 83—106.
- Plotnikova, G. N., Plotnikov, S. N. (2022). Activity of the city self-government bodies of the Perm province in the last quarter of the XIX century (based on the materials of the newspaper “Yekaterinburg Week”). *Cultural code*, 2: 127—144. (In Russ.).
- Rogger, H. (1983). *Russia in the age of modernization and revolution 1881—1917*. Longman. 323 p.
- Shevtsov, V. V. (2016). *Government Periodical press of Siberia (the second half of the XIX — early XX century)*. Tomsk: Tomsk University Press. 622 p. ISBN 978-5-7511-2394-9. (In Russ.).
- Shevchenko, O. V. (2019). The activities of local self-government bodies of Belgorod in the assessments of the liberal publicist P. I. Baryshnikov. *Manuscript*, 3 (12): 48—52. (In Russ.).
- Sorokin, A. A. (2022). Electoral technologies on city elections in the Russian Empire on the eve of the revision of the City Regulations of 1870 (based on the materials of the provincial periodical press). *Questions of History*, 12 (1): 70—75. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi50. (In Russ.).
- Sorokin, A. A. (2023). Private provincial periodical press as a source for the study of the urban electoral system of Russia at the end of the XIX century. In: *Regions of the world: problems of history, culture and politics*, 7. Nizhny Novgorod. Pp. 221—225. (In Russ.).
- Urban self-government in Russia in the second half of the XIX — early XX century*. (2014). St. Petersburg: Faces of Russia. 568 p. ISBN 978-5-87417-495-2. (In Russ.).
- Yadryshnikova, Yu. A., Ankusheva, K. A. The image of power based on the materials of the local press and graphic sources (in Russian the example of the Tyumen city government of the late XIX — early XX century). In: *Tyumen historical collection*. Tyumen, 2013. Pp. 290—303. (In Russ.).
- Zaionchkovsky, P. A. (1970). *The Russian autocracy at the end of the XIX century*. Moscow: Mysl. 442 p. (In Russ.).

*The article was submitted 29.09.2023;
approved after reviewing 23.12.2023;
accepted for publication 23.01.2024.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года. Язык публикации — русский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web.
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ

Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.
Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).
Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.
Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.
Количество авторов не более трех.
Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.
Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, л. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел рукописей* Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;
следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
<https://www.sciencedirect.com/>
<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>
<https://doaj.org/>
<https://mjl.clarivate.com/home>
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G. Hedges* : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Vikulova, L. G., Korolenko, O. I., Tkachenko, Yu. G.</i> Genre of Discours de réception: Marguerite Yourcenar's Speech upon her Election to French Academy and Gender Turn	9
<i>Keler, A. I.</i> Category of Addressee in New Apostolic Prayer: Categorical-Textual and Axiological Aspects.....	26
<i>Pavlović-Šajtinac, M., Tyapkov, I. S.</i> Linguocultural Elements in Text of Novel “On Eve” and Analysis of Their Translated Equivalents in Serbian.....	45
<i>Pryanikov, A. V.</i> Bisubstantive Sentences with Semantics of External Characteristics and Object State in Russian	63
<i>Seagal, K. Ya.</i> Stable Comparisons, Punctuation, and Usage	82
<i>Shubina, E. L., Averina, A. V.</i> Preposition à la in Public Discourse of German Language .	100

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

<i>Bochkarev, A. I.</i> Comic Objectification of Concept of UGLINESS: Axiological Approach.....	125
<i>Gukosyants, O. Yu.</i> Conflict Prevention in Internet during Spread of Coronavirus Infection (Survey Results).	141
<i>Nikonova, E. A.</i> Types of Argumentation in Editorials	159
<i>Petkova, D.</i> Rumors and Conspiracy Theories in Bulgarian Social Media During COVID-19 Pandemic.....	177

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Aleksandrova-Osokina, O. N.</i> Frontier Space of Kyakhta and Amur Region in D. I. Stakheev's Essays ‘Beyond Baikal and on Amur’ (1869).	205
<i>Bogdanova, O. V., Baranova, T. N.</i> God as a House Spirit in Joseph Brodsky's Poem “God Does Not Live in Village Corners...”.....	225
<i>Ren Shubi, Wang Yong.</i> 40 Years of Boris Pasternak Research in China	238
<i>Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N.</i> Problems of Russian Theatrical Reception of Shakespeare in Criticism of Yuli Eichenwald	256

HISTORY

<i>Golovushkin, D. A.</i> Russian Religious Reformation Process of Early 20th Century through Prism of Ideological Quests of Fr. Mikhail (Semenov).	275

Davydov, A. Yu. Collectivization in USSR: Practice and Ideology, Some Aspects of its Impact on Rural Society	297
Demicheva, T. M. A British Colonizer in Pages of ‘Le Petit Journal’ Newspaper	316
Emelyanova, E. N. Reflection of Political Struggle in Italy in Documents of Communist International (1919—1923).	332
Ermolovich, D. N. External Factors’ Influence on Course of the April 25, 1974 Revolution in Portugal	354
Ivanov, A. A. Public Discussion in Russia on Foreign Automobile Purchases and Import Substitution during First World War	374
Kalinina, E. A., Umnov, V. P. Gymnastics and USSR Sports Policy in 1918—1941.	397
Kanischev, V. V., Pluzhnikov, A. N. Leisure and Festive Activities in Russian Army on Frontlines of World War I.	415
Mostovenko, M. S. Omsk Hydroelectric Power Plant Project in Economic History of Region in 1930s—1980s	431
Öztürk, M., Kokorina, Yu. G., Vagabov, M. M. Stalingrad Battle in Mirror of Regional British Press (<i>Western Post</i> Newspaper, 1942—1943).	448
Polovnikova, M. Yu., Nemchaninova, E. N. Pilgrimage to Holy Places in History of Vyatka Province (Second Half of 19 th — Early 20th Centuries).	466
Posadskov, A. L. Political Activities of Major-General P. F. Ryabikov in Japan and China, 1920—1922	485
Sorokin, A. A. Urban Election System in Russia at End of 19th Century: Criticism in Provincial Periodicals	507
TO AUTHORS	526

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**

в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 26.01.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 31,13. Тираж 500 экз. Заказ 26/01-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2023
Свободная цена

